Теодор Драйзер

Американская трагедия

(Часть 1)

Книга 1

Глава 1

Летний вечер, сумерки.

Торговый центр американского города, где не менее четырехсот тысяч жителей, высокие здания, стены… Когда-нибудь, пожалуй, станет казаться невероятным, что существовали такие города.

И на широкой улице, теперь почти затихшей, группа в шесть человек: мужчина лет пятидесяти, коротенький, толстый, с густой гривой волос, выбивающихся из-под круглой черной фетровой шляпы, – весьма невзрачная личность; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, какими обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, лет на пять моложе его, не такая полная, крепко сбитая, одетая очень просто, с некрасивым, но не уродливым лицом; она ведет за руку мальчика лет семи и несет Библию и книжечки псалмов. Вслед за ними, немного поодаль, идут девочка лет пятнадцати, мальчик двенадцати и еще девочка лет девяти; все они послушно, но, по-видимому, без особой охоты следуют за старшими.

Жарко, но в воздухе чувствуется приятная истома.

Большую улицу, по которой они шли, под прямым углом пересекала другая, похожая на ущелье; по ней сновали толпы людей, машины и трамваи, которые непрерывно звонили, прокладывая себе путь в стремительном потоке общего движения. Маленькая группа казалась, однако, равнодушной ко всему и только старалась пробраться между захлестывавшими ее встречными потоками машин и пешеходов…

Дойдя до угла, где путь им пересекала следующая улица, – вернее, просто узкая щель между двумя рядами высоких зданий, лишенная сейчас всяких признаков жизни, – мужчина поставил органчик на землю, а женщина немедленно открыла его, подняла пюпитр и раскрыла широкую тонкую книгу псалмов. Затем, передав Библию мужчине, стала рядом с ним, а старший мальчик поставил перед органчиком небольшой складной стул. Мужчина – это был отец семейства – огляделся с напускной уверенностью и провозгласил, как будто вовсе не заботясь о том, есть ли у него слушатели:

– Сначала мы пропоем хвалебный гимн, и всякий, кто желает восславить господа, может присоединиться к нам. Сыграй нам, пожалуйста, Эстер.

Старшая девочка, стройная, хотя еще и не вполне сложившаяся, до сих пор старалась держаться возможно более безразлично и отчужденно; теперь она села на складной стул и, вертя ручку органчика, стала перелистывать книгу псалмов, пока мать не сказала:

– Я думаю, мы начнем с двадцать седьмого псалма: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив группу с органчиком, нерешительно замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. Этой нерешительностью, истолкованной как внимание, человек у органчика немедленно воспользовался и провозгласил, словно публика специально собралась здесь послушать его:

– Споем же все вместе: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Девочка начала наигрывать на органчике мелодию, извлекая слабые, но верные звуки, и запела; ее высокое сопрано слилось с сопрано матери и весьма сомнительным баритоном отца. Другие детишки – девочка и мальчик, взяв по книжке из стопки, лежавшей на органе, слабо попискивали вслед за старшими. Они пели, а безликая и безучастная уличная толпа с недоумением глазела на это невзрачное семейство, возвысившее голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. В некоторых возбуждала интерес и сочувствие застенчивая девочка у органа, в других – непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешевый костюм, выдавали неудачника. Из всей семьи одна лишь мать обладала той силой и решительностью, которые – как бы ни были они слепы и ложно направлены – способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Если бы вы видели, как она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство, вы сказали бы: «Да, вот кто при всех своих недостатках, несомненно, стремится делать только то, во что верит». Упрямая, стойкая вера в мудрость и милосердие той всевидящей, могущественной силы, к которой она сейчас взывала, читалась в каждой ее черте, в каждом жесте.

Любовь Христа, ты мне опорой будь, Любовь Иисуса – праведный мой путь, -

звучно и немного гнусаво пела она – едва заметная среди громадных зданий.

Мальчик, опустив глаза, беспокойно переминался с ноги на ногу и подпевал не очень усердно. Высокий, но еще не окрепший, с выразительным лицом, белой кожей и темными волосами, он казался самым наблюдательным и, несомненно, самым чувствительным в этой семье; ясно было, что он недоволен своим положением и даже страдает от него. Его больше привлекало в жизни языческое, чем религиозное, хотя он пока еще не вполне это сознавал. Только в одном не приходилось сомневаться: у него не было призвания к тому, что его заставляли делать. Он был слишком юн, душа его – слишком отзывчива ко всякому проявлению красоты и радости, столь чуждых отвлеченной и туманной романтике, владевшей душами его отца и матери.

И в самом деле, материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала его в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец. Напротив, их постоянно тревожили всякие заботы, и прежде всего материальные. Отец всегда читал Библию и выступал с проповедями в различных местах, а главным образом в «миссии», расположенной неподалеку отсюда, – он руководил ею вместе с матерью. В то же время, насколько понимал мальчик, они собирали деньги от разных деловых людей, интересующихся миссионерской работой или склонных к благотворительности и, видимо, сочувствовавших деятельности отца. И все же семье приходилось туго: всегда они были неважно одеты, лишены многих удобств и удовольствий, доступных другим людям. А отец и мать постоянно прославляли любовь, милосердие и заботу бога о них и обо всех на свете. Тут явно что-то не так. Мальчик не умел разобраться в этом, но все же относился к матери с невольным уважением; он ощущал внутреннюю силу и серьезность этой женщины так же, как и ее нежность. Несмотря на тяжелую работу в миссии и на заботы о семье, она умела оставаться веселой или, по крайней мере, не

теряла бодрости; она часто восклицала с глубоким убеждением: «Господь позаботится о нас!» или: «Господь укажет нам путь!» – особенно в такие времена, когда семья уж слишком нуждалась. И, однако, – это понимали и он и другие дети, – бог не указывал им никакого выхода даже тогда, когда его благодетельное вмешательство в дела семьи было крайне необходимо.

В этот вечер, бродя по большой улице вместе с сестрами и братишкой, мальчик горячо желал, чтобы все это кончилось раз и навсегда или, по крайней мере, чтобы ему самому не приходилось больше в этом участвовать. Ведь другие мальчики не занимаются такими вещами, тут есть что-то жалкое и даже унизительное. Не раз, еще прежде чем его стали вот так водить по улицам, другие ребята дразнили его и смеялись над его отцом за то, что тот всегда во всеуслышание распространялся о своей вере и убеждениях. Отец всякий разговор начинал словами: «Хвала господу», – и все ребята по соседству с домом, где они жили, когда мальчику было семь лет, выкрикивали, завидев отца:

– Грифитс, Грифитс! «Хвала господу» Грифитс!

Или кричали вслед мальчику:

– Вон у этого сестра играет на органчике! А еще на чем она играет?

И зачем только отец твердит повсюду свое «хвала господу»! Другие так не делают.

В нем, как и в дразнивших его мальчишках, говорило извечное людское стремление к полному сходству, к стандарту. Но его отец и мать были не такие, как все; они всегда слишком много занимались религией, а теперь наконец сделали ее своим ремеслом.

В этот вечер, на большой улице с высокими домами, – шумной, оживленной, полной движения, – мальчик со стыдом чувствовал себя вырванным из нормальной жизни и выставленным на посмешище. Великолепные автомобили проносились мимо, праздные пешеходы спешили к занятиям и развлечениям, о которых он мог лишь смутно догадываться, веселые молодые пары проходили со смехом и шутками, малыши глазели на него, – и все волновало ощущением чего-то иного, лучшего, более красивого, чем его жизнь, или, вернее, жизнь его семьи.

В праздной и зыбкой уличной толпе, которая непрестанно переливалась вокруг, иные, казалось, чувствовали, что в отношении этих детей допускается психологическая ошибка: некоторые подталкивали друг друга локтем, более искушенные и равнодушные поднимали бровь и презрительно улыбались, а более отзывчивые или опытные говорили, что присутствие детей здесь излишне.

– Я вижу здесь этих людей почти каждый вечер – два-три раза в неделю, уж во всяком случае. – Это говорит молодой клерк. Он только что встретился со своей подругой и ведет ее в ресторан. – Наверно, какое-нибудь шарлатанство под видом религии, – прибавляет он.

– Старшему мальчишке это не по душе. Видать, он чувствует себя не в своей тарелке. Не годится такого мальчонку выставлять напоказ, коли ему неохота. Он же ничего не смыслит в этих делах, – говорит праздный бродяга лет сорока, один из своеобразных завсегдатаев торгового центра города, обращаясь к остановившемуся рядом добродушному на вид прохожему.

– Да, я тоже так думаю, – соглашается тот, заинтересованный оригинальным лицом мальчика. Смущение и неловкость видны были на лице мальчика, когда он поднимал голову; нетрудно было понять, что бесполезно и бессердечно принуждать существо с еще не установившимся характером, неспособное постичь психологический и религиозный смысл происходящего, к участию в подобных публичных выступлениях, более подходящих для людей зрелых и вдумчивых.

И все же ему приходилось подчиняться.

Двое младших детей – девочка и мальчик – были слишком малы, чтобы по-настоящему понимать, чем они тут занимаются, и им было все равно. Старшей же девочке у органчика, видимо, даже нравилось внимание зрителей и их замечания о ее наружности и пении, так как не только посторонние люди, но даже отец и мать не раз уверяли, будто у нее прелестный, милый голосок, хотя это было не совсем верно. Голос был не так уж хорош, но все они плохо разбирались в музыке. Девочка – слабенькая, худенькая – ничем особенно не выделялась; в ней не заметно было и признаков духовной силы или глубины. Не удивительно, что пение оказалось для нее единственной возможностью хоть немного выделиться и обратить на себя внимание.

А родители твердо решили способствовать, насколько возможно, духовному очищению общества, и, когда первый псалом был окончен, отец начал разглагольствовать о той радости, которая нисходит на грешников, освобождающихся от тяжких мук совести по воле господа, благодаря его милосердию и любви Христовой.

– Все люди – грешники пред лицом господа, – провозгласил он. – Доколе они не покаялись, доколе не приняли Спасителя, его любовь и всепрощение, не ведать им счастья, душевной чистоты и непорочности. Друзья мои! Если б вы знали, какой мир и покой нисходит на того, кто всем сердцем постигает, что Христос жил и умер ради всех нас, что он сопровождает нас ежедневно и ежечасно, при свете и во мраке, на рассвете и на закате дня, дабы поддержать и укрепить нас для трудов и забот, вечно стоящих перед нами. Да, всех нас на каждом шагу подстерегают западни и ловушки! Но как утешительно сознание, что Христос всегда с нами, дабы советовать нам и помогать, ободрять нас, исцелять наши раны и облегчать наши муки! Какой покой и довольство дарит нам благая мысль!

– Аминь! – торжественно заключила жена.

И старшая дочь Эстер – домашние звали ее Эста, – чувствуя, как важно им привлечь внимание публики, эхом повторила за матерью:

– Аминь!

Клайд, старший мальчик, и двое младших детей смотрели в землю и лишь изредка взглядывали на отца; может быть, думалось им, все, о чем он говорит, и верно и важно, но все же не столь значительно и привлекательно, как многое другое в жизни. Они уже наслушались всего этого, и их юный и пылкий ум жаждал от жизни большего, чем вот эти проповеди на улице и в миссии.

В конце концов после второго псалма и после небольшой речи, в которой миссис Грифитс упомянула о руководимой ими миссии, помещавшейся на ближайшей улице, и об их служении заветам Христа вообще, публика была осчастливлена третьим псалмом и одарена брошюрками о спасительных трудах миссии, а Эйса Грифитс, глава семьи, собрал кое-какие доброхотные даяния. Органчик закрыли, складной стул сложили и вручили Клайду, Библию и книжечки псалмов собрала миссис Грифитс, и, когда органчик был перекинут на ремне через плечо Грифитса-старшего, семейство направилось к миссии.

Все это время Клайд говорил себе, что больше он не желает заниматься этим, что он и его родные смешны и не похожи на других людей; «уличные паяцы» – сказал бы Он, если бы мог полностью выразить свою досаду на вынужденное участие в этих выступлениях. Он постарается никогда больше в них не участвовать. Чего ради они таскают его за собой? Такая жизнь не по нем. Другим мальчикам не приходится заниматься подобными вещами. Решительнее, чем когда-либо, он помышлял о бунте, который помог бы ему отделаться от всего этого. Пусть старшая сестра ходит по улицам с органом,

– ей это нравится. Младшие сестренка и братишка слишком малы, им все равно. Но он…

– Кажется, сегодня вечером публика была несколько внимательнее, чем обычно, – заметил Грифитс, шагая рядом с женой. Очарование летнего вечера подействовало на него умиротворяюще и заставило благоприятно истолковать обычное безразличие прохожих.

– Да, в четверг только восемнадцать человек взяли брошюры, а сегодня двадцать семь.

– Любовь Христа совершит свое дело, – сказал отец, столько же стараясь подбодрить себя, как и жену. – Мирские утехи и заботы владеют великим множеством людей, но, когда скорбь посетит их, иные из посеянных ныне семян дадут всходы.

– Я уверена в этом. Мысль эта всегда поддерживает меня. Скорбь и тяжесть греха в конце концов заставят некоторых понять, что путь их ложен.

Они повернули в узкую боковую улицу, из которой ранее вышли, и, миновав несколько домов, вошли в желтое одноэтажное деревянное здание, широкие окна которого и два стекла входной двери были покрыты светло-серой краской. Поперек обоих окон и филенок двойной двери было написано: «Врата упования. Миссия диссидентов. Молитвенные собрания по средам и субботам от 8 до 10 часов вечера. По воскресеньям – в 11, 3 и 8 часов. Двери открыты для всех». Под этой надписью на каждом окне были начертаны слова: «Бог есть любовь», а еще ниже помельче: «Сколько времени ты не писал своей матери?»

Маленькая группа вошла в желтую невзрачную дверь и скрылась.

Глава 2

Вполне можно предположить, что у семьи, которая так бегло представлена читателю, должна быть своя, отличная от других, история; так в действительности и было. Семья эта представляла собой одну из психических и социальных аномалий, – в ее побуждениях и поступках мог бы разобраться только самый искусный психолог, да и то лишь при помощи химика и физиолога. Начнем с Эйсы Грифитса – главы семьи. Это был человек неуравновешенный и не слишком одаренный – типичный продукт своей среды и религиозных идей, неспособный мыслить самостоятельно, но восприимчивый, а потому и весьма чувствительный, к тому же лишенный всякой проницательности и практического чутья. В сущности, трудно было уяснить, каковы его желания и что, собственно, привлекает его в жизни. Жена его, как уже говорилось, была тверже характером и энергичнее, но едва ли обладала более верным или более практичным представлением о жизни.

История этого человека и его жены интересна для нас лишь постольку, поскольку она касается их сына, двенадцатилетнего Клайда Грифитса. Скорее от отца, чем от матери, этот подросток унаследовал некоторую чувствительность и романтичность; при этом он отличался пылким воображением и стремлением разобраться в жизни и постоянно мечтал о том, как он выбился бы в люди, если бы ему повезло, о том, куда бы поехал, что повидал бы и как по-иному мог бы жить, если бы все было не так, а эдак. До пятнадцати лет Клайда особенно мучило (и потом еще долго ему было тяжело об этом вспоминать), что призвание или, если угодно, профессия его родителей была в глазах других людей чем-то жалким и недостойным. Родители проповедовали на улицах и руководили диссидентской миссией в разных городах – в Грэнд-Рэпидсе, Детройте, Милуоки, Чикаго, а в последнее время в Канзас-Сити; и повсюду окружающие, – по крайней мере мальчики и девочки, которых он встречал, – с явным презрением смотрели и на него и на его брата и сестер – детей таких родителей! Не раз – к неудовольствию отца и матери, которые никогда не одобряли подобных проявлений характера, – он вступал в драку с кем-нибудь из мальчишек. Но всегда, побежденному или победившему, ему ясно давали понять, что другие не уважают труд его родителей, считают их занятие жалким и никчемным. И он непрерывно думал о том, что станет делать, когда получит возможность жить самостоятельно.

Родители Клайда оказались совершенно неспособными позаботиться о будущности своих детей. Они не понимали, что каждому из детей необходимо дать какие-то практические или профессиональные знания; наоборот, поглощенные одной идеей – нести людям свет евангельской истины, они даже не подумали устроить детей учиться в каком-нибудь одном городе. Они переезжали с места на место, часто в разгар учебного года, в поисках более широкого поля для своей религиозной деятельности. Порою эта деятельность вовсе не приносила дохода, а поскольку Эйса был не в состоянии заработать много, работая садовником или агентом по продаже новинок, – только в этих двух занятиях он кое-что смыслил, – в такие времена семья жила впроголодь, одевалась в лохмотья, и дети не могли ходить в школу. Но что бы ни думали о таком положении сами дети, Эйса и его жена и тут сохраняли неизменный оптимизм; по крайней мере, они уверяли себя в том, что сохраняют его, и продолжали непоколебимо верить в бога и его покровительство.

Семья Грифитсов жила там же, где помещалась миссия. И квартира и миссия были достаточно мрачны, чтобы вызвать уныние у любого юного существа. Они занимали весь нижний этаж старого и неприглядного деревянного дома в той части Канзас-Сити, что лежит к северу от Бульвара Независимости и к западу от Труст-авеню; дом стоял в коротком проезде под названием Бикел, ведущем к Миссури-авеню, – улице подлиннее, но такой же невзрачной. И все по соседству очень слабо, но все же мало приятно отдавало духом деловой коммерческой жизни, центр которой давно передвинулся к юго-западу от этих мест. Миссия Грифитсов находилась кварталов за пять от того перекрестка, где дважды в неделю эти энтузиасты выступали под открытым небом со своими проповедями.

Другой стороной дом выходил на мрачные задние дворы таких же мрачных домов. С улицы дверь вела в обширный зал размером сорок на двадцать пять футов: здесь были расставлены рядами штук шестьдесят складных деревянных стульев и перед ними кафедра; стены украшали карта Святой земли – Палестины и десятка два отпечатанных на картоне изречений и текстов в таком примерно роде:

«Вино – обманщик; пить – значит впасть в безумие; кто поддается обману

– тот не мудр».

«Возьми щит и латы и восстань на помощь мне». Псалом 34, 2.

«И что вы – овцы мои, овцы паствы моей; вы – человеки, а я бог ваш, говорит господь бог». Книга пророка Иезекииля, 34, 31.

«Боже* Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от тебя». Псалом 68, 6.

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „Перейди отсюда туда“, – и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». От Матфея, 17, 20.

«Ибо близок день господень…» Книга пророка Авдия, 1, 15.

«Злой не имеет будущности». Притчи, 24, 20.

«Не смотри на вино, как оно краснеет… как змей, оно укусит и ужалит, как аспид». Притчи, 23, 31-32.

Эти всесильные заклинания были развешаны на грязных стенах, точно серебряные и золотые скрижали.

Остальная часть квартиры представляла собою сложную и хитроумную комбинацию комнат и комнатушек; тут были три маленькие спальни, гостиная, выходящая окнами на задний двор и деревянные заборы других таких же дворов, затем кухня, она же и столовая, размером ровно в десять квадратных футов, и маленькая кладовая, где было сложено имущество миссии: брошюры, книжечки псалмов, сундуки, ящики и всякие другие вещи, которые могли понадобиться не каждый день, но представляли в глазах семьи известную ценность. Эта комнатка-кладовая примыкала непосредственно к залу, где происходили молитвенные собрания, и сюда удалялись мистер и миссис Грифитс для размышления и для молитвы перед проповедью, или после нее, или в тех случаях, когда им надо было о чем-либо посовещаться.

Часто Клайд, его сестры и младший брат видели, как мать, или отец, или оба вместе увещевали здесь какую-нибудь заблудшую или полураскаявшуюся душу, пришедшую просить совета или помощи (чаще помощи). И здесь же во время наибольших финансовых затруднений отец и мать сидели и размышляли или, как иногда беспомощно говорил Эйса Грифитс, молили бога указать им выход из положения. Как позже стал думать Клайд, это плохо помогало им найти выход.

И все вокруг было так мрачно и уныло, что Клайду стала ненавистна самая мысль о том, чтобы жить здесь и впредь, а еще ненавистнее – заниматься делом, служителям которого приходилось постоянно прибегать к кому-то за помощью, вечно молиться и выпрашивать подачки.

Эльвира Грифитс, прежде чем выйти замуж за Эйсу, была просто полуграмотной девушкой с фермы и очень мало задумывалась над вопросами религии. Но, влюбившись в Эйсу, она заразилась от него ядом евангелизма и прозелитизма и восторженно и радостно последовала за ним, разделяя все его рискованные затеи и причуды. Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою «слова божия». Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем.

Изредка иные слушатели шли за проповедниками до их миссии, либо прослышав о ней, приходили туда позже – странные, морально неуравновешенные и неустойчивые люди, каких можно найти повсюду. Все годы, пока Клайд не мог еще сам распоряжаться собою, он был обязан помогать родителям во время этих собраний. И всегда его больше раздражали, нежели умиляли, все эти приходившие в миссию мужчины и женщины; чаще это были мужчины: отбившиеся от дела рабочие, бродяги, пропойцы, неудачники, беспомощные и уродливые, которые, казалось, сходились сюда потому, что им больше некуда было идти. И всегда они возвещали о том, как бог, или Христос, или божественное милосердие спасли их от того или иного несчастья, и никогда не говорили о том, как сами спасли хоть кого-нибудь. И всегда отец и мать говорили «аминь» и «слава господу» и пели псалмы, а после собирали у присутствующих деньги на расходы по содержанию помещения; сборы, как догадывался Клайд, были скудные; их едва хватало на то, чтобы поддерживать жалкое существование миссии.

Лишь одно обстоятельство, связанное с его родителями, по-настоящему интересовало Клайда: насколько он понимал, где-то на Востоке – в маленьком городке под названием Ликург, близ Утики – обретался его дядя, брат отца, живший совсем по-иному. Этот дядя – его звали Сэмюэл Грифитс – был богат. Из случайных замечаний, оброненных родителями, Клайд понял, что дядя многое мог бы для него сделать, если б только захотел, что он прижимистый, оборотистый делец, что у него в Ликурге великолепный дом и большая фабрика воротничков и рубашек, на которой работает не менее трехсот рабочих. У дяди есть сын, примерно одного возраста с Клайдом, и дочери – кажется, две. Все они жили в роскоши в этом далеком Ликурге, – воображал Клайд. Эти сведения, по-видимому, так или иначе доходили на Запад через людей, знавших Эйсу, и его брата, и их отца. Клайд представлял себе дядю каким-то Крезом, живущим в довольстве и роскоши там, на Востоке. А здесь, на Западе, в Канзас-Сити, он, его родители, его брат и сестры кое-как перебивались со дня на день: их вечным уделом была жалкая, безысходная нужда.

Ни ничто ему не поможет, если только он сам не сумеет помочь себе, – Клайд рано понял это. Лет в пятнадцать, даже немного раньше, Клайд начал понимать, что к его воспитанию, как и к воспитанию его сестер и брата, родители отнеслись, к сожалению, очень небрежно. Теперь ему трудно будет наверстать упущенное, поскольку даже в более состоятельных семьях мальчиков и девочек специально учат, готовя к той или иной профессии. С чего он мог начать при таких условиях? С тринадцати лет он стал просматривать газеты (в дом Грифитсов они не допускались, так как чтение их считалось уж слишком «мирским» занятием) и из объявлений узнал, что всюду требуются либо уже квалифицированные работники, либо мальчики для обучения таким профессиям, которые ничуть его не интересовали. Как всякий средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь, он считал, что простой физический труд ниже его достоинства. Вот еще! Стоять у станка, укладывать кирпичи, стать плотником, штукатуром или водопроводчиком, когда такие же, как он, мальчики становятся клерками или помощниками фармацевтов, или бухгалтерами и счетоводами в банках и различных конторах! Что за жалкая, унизительная жизнь, ничуть не лучше той, какую он вел до сих пор: ходить в старом платье, спозаранку подыматься по утрам и выполнять всю ту нудную работу, которой приходится заниматься людям физического труда!

Да, Клайд был столь же тщеславен и горд, сколь беден. Он был из тех людей, которые считают себя особенными, не похожими на других. Он никогда не чувствовал себя неотделимой частицей своей семьи и не сознавал по-настоящему, что чем-то обязан тем, благодаря кому появился на свет. Наоборот, он был склонен осуждать своих родителей, – правда, не слишком резко и сурово, с полным пониманием их качеств и способностей. Но, умея столь здраво судить о других, он, однако, до шестнадцати лет не был способен составить какой-то план действий для самого себя и хватался то за одно, то за другое.

К этому времени в нем заговорил голос пола: его влекла и волновала красота девушек, и ему хотелось знать, может ли он тоже нравиться им. И теперь он, естественно, был немало озабочен собственной внешностью и костюмом: какой у него вид и какой вид у других юношей? Он мучился, сознавая, что плохо одет, не так красив и интересен, как мог бы быть. Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе!

Стараясь изучить себя во всех зеркалах, какие только ему попадались, Клайд убеждался, что он вовсе не урод: прямой, точеный нос, высокий белый лоб, волнистые блестящие черные волосы и глаза черные, порою печальные. Однако сознание, что его семья так жалка и что из-за профессии и окружения его родителей у него никогда не было и не будет настоящих друзей, все больше и больше угнетало его и порождало меланхолию, которая не обещала для него в будущем ничего хорошего. Порою он пробовал взбунтоваться, а затем впадал в оцепенение. Поглощенный мыслью о родителях, он забывал о своей внешности – он был в самом деле очень недурен, даже привлекателен – и истолковывал не в свою пользу заинтересованные, пренебрежительные и в то же время манящие взгляды, которые бросали на него девушки совсем другого круга, стараясь узнать, нравятся они ему или нет, смелый он или трусишка.

Однако еще прежде чем он стал хоть что-то зарабатывать, он вечно мечтал: ах, если бы у него были, как у некоторых юношей, хороший воротничок, тонкая рубашка, изящная обувь, хорошо сшитый костюм, щегольское пальто! О, красивая одежда, комфортабельная квартира, часы, кольца, булавки… столько юношей щеголяют всем этим! Многие мальчики в его возрасте – уже настоящие денди! Некоторые родители дарили своим сыновьям – его ровесникам – автомобили в полную собственность. Клайд видел, как они, словно мухи, летали взад и вперед по главным улицам Канзас-Сити. И с ними были хорошенькие девушки. А у него ничего нет. И никогда не было.

А мир так богат возможностями, и столько вокруг счастливых, преуспевающих людей. За что же ему взяться? Какой путь избрать? Какое изучить дело, которое дало бы ему возможность выдвинуться? Он не мог ответить. Он не знал. А эти странные люди – его родители – сами не были достаточно сведущими и ничего не могли ему посоветовать.

Глава 3

Одно событие, удручающе подействовав на всю семью Грифитсов, усилило и мрачное настроение Клайда как раз в то время, когда он пытался прийти к какому-то практическому решению: его сестра Эста (он был к ней очень привязан, хотя и имел с нею мало общего) убежала из дому с актером, который приезжал на гастроли в местный театр и мимоходом увлекся ею.

Нужно сказать, что Эста, хоть и получила строгое нравственное воспитание и бывала порой преисполнена религиозного пыла, была все же просто чувственной и безвольной девушкой: она еще не понимала себя и сама не знала, чего хочет. Обстановка, в которой жила Эста, была ей глубоко чужда. Подобно огромному большинству, исповедующему религию только на словах, она затвердила все догматы веры в раннем детстве, сама того не замечая, а смысл этих ежедневно повторяемых слов и поныне оставался ей непонятен. От необходимости думать самостоятельно она была избавлена родительскими наставлениями, законом или «откровением», и до тех пор, пока со всем этим не столкнулись другие теории, другие положения, внешние или даже внутренние побуждения, она была достаточно защищена. Но можно было заранее сказать, что едва лишь такое столкновение произойдет, религиозные верования, не основанные на ее собственном убеждении и не вытекавшие из особенностей ее характера, не выдержат и первого толчка. Мысли и чувства Эсты, как и ее брата Клайда, постоянно вертелись вокруг любви, приятной и легкой жизни – вещей, вряд ли совместимых с религиозными идеями самоотречения и самопожертвования. Весь ее внутренний мир и все ее мечты противоречили этим требованиям религии.

Но у нее не было ни силы Клайда, ни его сопротивляемости, Она была пассивной натурой, со смутным влечением к красивым платьям, шляпкам, туфелькам, лентам и к прочей мишуре, а религия запрещала ей мечтать об этом. По утрам и днем после школы, а иной раз и вечером она проходила по длинным оживленным улицам. Ей нравились девушки, гуляющие под руку и шепотом поверяющие друг другу какие-то секреты; нравились юноши, – под их дурачествами и забавной неугомонностью, свойственной молодому животному, чувствовались сила и значение того настойчивого, инстинктивного стремления найти себе пару, которое таится за всеми мыслями и поступками молодого существа. И когда Эста порою замечала где-нибудь на углу или в подъезде влюбленную пару или встречала томный, испытующий взгляд какого-нибудь искателя приключений, в ней самой поднималось смутное волнение, нервный трепет, громко говоривший в пользу всех зримых и осязаемых радостей земной жизни, а не в пользу бесплотных радостей неба.

И взгляды юношей пронизывали ее, как невидимые лучи, потому что она была хороша собою и с каждым часом становилась все привлекательнее. И влечение молодых людей пробуждало в ней отклик, вызывало те преобразующие химические реакции, которые лежат в основе всей нравственности и безнравственности мира.

Однажды, когда она возвращалась домой из школы, какой-то фатоватый молодой человек заговорил с нею, потому что она, казалось, всем своим видом вызывала на это. И мало что могло бы остановить ее, так как она была хоть и не страстной, но податливой натурой. Однако дома ее так муштровали, внушая, сколь необходимо блюсти скромность, сдержанность, чистоту и тому подобное, что, по крайней мере в данном случае, не было опасности немедленного падения. Но за этой первой атакой последовали другие, она стала принимать ухаживания или не так быстро убегала, и постепенно была разрушена та стена сдержанности, которую воздвигло данное ей воспитание. Она стала скрытной и утаивала от родителей свои похождения.

Случалось, молодые люди, не слушая ее протестов, провожали ее, заговаривали с ней. Они победили ту чрезмерную робость, которая вначале помогла ей отстранять их. Она стала желать новых встреч, мечтать о какой-то радостной, чудесной, беззаботной любви.

Так медленно, но неудержимо росли в ней эти настроения и желания, – и тут наконец появился этот актер, один: из тех тщеславных, красивых и грубых мужчин, у которых только и есть, что уменье одеваться да внешний лоск, но нет ни на грош нравственности, вкуса, учтивости или хотя бы подлинной нежности; зато в нем было много мужского обаяния, и он сумел за одну неделю, после нескольких встреч, так вскружить голову Эсте, что она оказалась всецело в его власти. А он, в сущности, был почти равнодушен к ней. Для этого пошляка она была просто одной из многих девчонок – довольно хорошенькая, явно чувственная и неопытная дурочка, которую можно взять несколькими нежными словами, – надо лишь притвориться влюбленным и пообещать ей в будущем, когда она станет его женой, счастливую, привольную жизнь да поездки по новым местам.

Но ведь те же слова твердил бы и настоящий влюбленный, который остался бы верен навсегда. Она должна сделать только одно, уверял он: уехать с ним и стать его женой сейчас же, немедля. К чему промедления, когда встречаются люди, созданные друг для друга. Здесь, в этом городе, есть препятствия к их браку, – он не может объяснить, какие именно, это касается его друзей; но в Сент-Луисе у него есть друг пастор, который их обвенчает. У нее будут новые красивые платья, каких она еще никогда и не видела, восхитительные приключения, любовь. Она будет путешествовать с ним и увидит огромный мир. У нее не будет никаких забот и тревог, ей придется заботиться только о нем… Для нее все это было правдой – словесным выражением искренней страсти; для него же это был старый и удобный способ обольщения, которым он часто пользовался и раньше, и небезуспешно.

И за одну неделю, в течение которой они встречались урывками – то утром, то днем, то вечером, это нехитрое колдовство увенчалось успехом.

Как-то в апреле в субботу Клайд довольно поздно вернулся домой после дальней прогулки (он предпринял ее, чтобы избежать обычных своих обязанностей во время субботнего молитвенного собрания) и нашел отца и мать в тревоге: Эста исчезла. Она по обыкновению играла на органе и пела во время этого собрания и казалась такой же, как всегда. Потом ушла в свою комнату, сказав, что чувствует себя не совсем хорошо и рано ляжет в постель. Но в одиннадцать часов, как раз перед возвращением Клайда, мать случайно заглянула к ней в комнату и обнаружила, что ее нет ни там, ни где-либо поблизости. Какая-то перемена в комнате – не видно было платьев и некоторых мелочей, исчез старый чемодан – привлекла внимание матери. Обыскали весь дом и убедились, что Эсты нигде нет; тогда Эйса вышел на улицу и прошел по ней из конца в конец. Эста иногда гуляла одна или просто выходила в свободное время посидеть под окнами миссии.

Но и эти поиски были тщетны. Тогда Клайд и отец прошли до угла и дальше по Миссури-авеню. Эсты нигде не было. В полночь они вернулись, и волнение в доме, разумеется, усилилось.

Сперва предположили, что Эста, ничего не сказав, отправилась куда-то на прогулку; но когда часы пробили половину первого, потом час, потом половину второго, а Эсты все не было, они уже хотели дать знать в полицию. Но тут Клайд, войдя в комнату сестры, увидел на ее узенькой деревянной кровати приколотую к подушке записку – послание, ускользнувшее от глаз матери. Он кинулся к ней, охваченный предчувствием; он ведь часто спрашивал себя, каким способом известит родителей, если решится тайно уехать от них: он знал, что они по доброй воле никогда его не отпустят, если только сами не предусмотрят все до мелочей. А теперь исчезла Эста, и вот записка от нее, – конечно, такая же, какую мог бы оставить и он. Клайд нетерпеливо схватил ее, спеша прочитать, но в это мгновение в комнату вошла мать и, увидев у него в руках листок бумаги, воскликнула:

– Что это? Записка? От нее?

Он протянул ей записку, мать развернула ее и быстро прочла. Клайд заметил, как широкое строгое лицо матери, всегда красновато-смуглое, побелело, когда она повернулась к дверям. Крупный рот сжался в резкую прямую линию. Большая сильная рука, державшая на весу маленькую записку, чуть-чуть дрожала.

– Эйса! – позвала она, входя в соседнюю комнату, где ждал муж; курчавые седеющие волосы на его круглой голове растрепались. – Прочти это!

Клайд, последовавший за матерью, увидел, как отец нервно схватил записку пухлой рукой, и его старческие, вялые, обмякшие губы странно задвигались. Всякий, кто хорошо знал его, сказал бы, что именно с таким видом Эйса и прежде принимал суровые удары судьбы.

– Тц! Тц! Тц! – только это он сначала и произнес – звук, показавшийся Клайду весьма мало выразительным. Новое: «Тц! Тц! Тц!» – и Эйса стал покачивать головой из стороны в сторону. Затем со словами: «Как ты думаешь, почему она это сделала?» – он повернулся и уставился на жену, а та в ответ беспомощно смотрела на него. Затем он принялся расхаживать взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, делая короткими ногами неестественно большие шаги и покачивая головой, и снова издал бессмысленное: «Тц! Тц! Тц!»

Миссис Грифитс всегда сильнее чувствовала, живее на все отзывалась, чем ее муж, – и теперь, в этом тяжелом испытании, она вела себя иначе, естественнее. Какое-то возмущение, недовольство судьбой вместе с видимым физическим страданием, казалось, тенью прошло по ее лицу. Как только муж встал, она протянула руку и, взяв у него записку, впилась в нее глазами; на лице ее появилось жесткое, но в то же время страдальческое выражение. У нее был вид крайне взволнованного и раздосадованного человека, который силится и не может распутать какой-то узел, старается сохранить самообладание и не жаловаться и все-таки жалуется горько и гневно. Позади были долгие годы слепой веры и служения религии, и потому ее ограниченному уму представлялось, что она по справедливости должна быть избавлена от такого горя. Где же был ее бог, ее Христос, в час, когда совершалось столь очевидное зло? Почему он ей не помог? Как он это объяснит? Где его библейские обеты? Его вечное руководство? Его прославленное милосердие?

Клайд видел, что перед лицом такого огромного несчастья ей трудно найти ответ, – по крайней мере, сразу. Но в конце концов – Клайд был уверен – ей, несомненно, это удастся. Ибо и она и Эйса, как и все фанатики, в каком-то ослеплении упорно отделяли бога от зла, ошибок и несчастий, хотя и признавали за ним, несмотря ни на что, высшее могущество. Они будут искать корень зла в чем-то другом – в какой-то коварной, предательской, лживой силе, которая наперекор божественному всеведению и всемогуществу соблазняет и обманывает людей, и в конце концов найдут объяснение в греховности и испорченности человеческого сердца – сердца, которое создал бог, но которым он не управляет, ибо не хочет управлять.

Но сейчас только боль и гнев бушевали в сердце матери; и все же ее губы не кривились судорожно, как у Эйсы, и в глазах не было такого глубокого отчаяния, как у него. Она отступила на шаг, снова почти сердито перечитала письмо и сказала Эйсе:

– Она сбежала с кем-то, но не сообщает…

И вдруг остановилась, вспомнив о присутствии детей: Клайд, Джулия и Фрэнк – все были здесь, и все напряженно, с любопытством и недоверием смотрели на мать.

– Поди сюда, – сказала она мужу, – мне нужно поговорить с тобой. А вы все шли бы спать, – прибавила она, обращаясь к детям, – мы сейчас вернемся.

Вместе с Эйсой она быстро прошла в маленькую комнатку, примыкавшую к залу миссии. Дети услышали, как щелкнул выключатель, как родители заговорили вполголоса, и все трое многозначительно переглянулись, хотя Фрэнк был слишком мал (ему было всего десять лет), чтобы понять толком, что произошло. Даже Джулия вряд ли вполне понимала значение случившегося. Но Клайд, больше знакомый с жизнью, услышав фразу матери: «Она сбежала с кем-то», – прекрасно все понял. Эсте опостылело все это так же, как и ему. Может быть, она убежала с одним из тех франтов, которых он видел на улицах с красивыми девушками? Но куда! И что это за человек? В записке что-то сказано, но мать не позволила прочитать ее. Слишком быстро отняла. Жаль, что не удалось втихомолку первому в нее заглянуть.

– Как ты думаешь, она совсем убежала? – с сомнением спросил он Джулию, когда родители ушли. Джулия казалась бледной и растерянной.

– Откуда я знаю! – ответила она с досадой: горе родителей и вся эта таинственность взволновали ее не меньше, чем поступок Эсты. – Она мне ничего не говорила. Я думаю, ей было совестно.

Джулия, более сдержанная и спокойная, чем Эста и Клайд, всегда была ближе к родителям и потому теперь огорчилась больше других детей. Правда, она не вполне понимала, что произошло, но кое-что подозревала, потому что и она иногда разговаривала с другими девочками, но только сдержанно и осторожно. Больше всего ее сердило, что Эста выбрала такой способ оставить семью: убежала из дому тайком от родителей, от братьев, от нее, причинила родителям такое страшное горе! Это ужасно! Воздух был насыщен несчастьем.

Родители совещались в маленькой комнатке, а Клайд сидел, глубоко задумавшись: напряженно и пытливо он размышлял о жизни. Что же сделала Эста? Неужели это, как он со страхом предполагал, один из тех ужасных побегов, одна из тех не слишком красивых любовных историй, о которых постоянно шептались мальчишки на улицах и в школе? Какой позор, если так! Она, пожалуй, никогда не вернется. Сбежала с каким-то мужчиной. В этом, конечно, кроется что-то позорное и дурное для девушки, так как он постоянно слышал, что все приличные отношения между юношей и девушкой, между мужчиной и женщиной всегда приводят к одному – к браку. И вот, вдобавок ко всем прочим несчастьям их семьи, Эста пошла на такое! Конечно, их жизнь, и без того достаточно мрачная, станет теперь еще мрачнее.

Вскоре вернулись родители. В лице миссис Грифитс, все еще напряженном и расстроенном, что-то изменилось: быть может, в нем было теперь меньше отчаяния, больше безнадежной покорности.

– Эста решила уехать от нас, во всяком случае, на время, – сказала она, видя, что дети с любопытством ждут объяснений. – Вы не должны о ней тревожиться и много думать об этом. Я уверена, что она через некоторое время вернется. Пока, по некоторым причинам, она пошла своим путем. Да будет воля господня! («Благословенно имя господа», – вставил Эйса.) Я думала, что она была счастлива среди нас, но, по-видимому, я ошибалась. Как видно, она должна сама узнать жизнь. (Здесь Эйса опять издал свое: «Тц! Тц! Тц!») Но мы не должны думать о ней плохо. Это ни к чему. Да руководит нами лишь любовь и доброта.

Однако она сказала это с некоторой суровостью, противоречившей смыслу ее слов; голос ее звенел.

– Мы можем только надеяться, что она скоро поймет, как безумен и легкомыслен ее поступок, и вернется домой. Она не может быть счастлива на том пути, на который вступила. Это не путь господа и не его воля. Она слишком молода и впала в заблуждение. Но мы ее прощаем. Мы должны простить. Наши сердца всегда будут открыты для нее, будут преисполнены любви и нежности.

Она говорила, словно обращаясь к большой аудитории, но голос ее звучал сурово и печально, лицо было холодное, застывшее.

– Теперь идите спать. Нам остается лишь уповать на милость божию и молиться утром, в полдень и вечером, чтобы никакое зло не постигло ее. Да, хотела бы я, чтобы она этого не делала, – прибавила она без всякой связи со всей предыдущей речью, очевидно, думая не о стоящих перед нею детях, а только об Эсте.

Но Эйса!

«Что это за отец?» – часто думал впоследствии Клайд.

Кроме собственного горя, он, казалось, еще способен был заметить более глубокое горе жены, – но ничего больше! Все это время он бессмысленно стоял, склонив голову набок, – коротенький, седой, курчавый, ничтожный.

– Да будет благословенно имя господне, – вставлял он время от времени.

– Мы не должны закрывать перед Эстой наши сердца. Да, да, мы не должны осуждать. Мы должны лишь уповать на лучшее. Да, да! Хвала господу! Восхвалим господа! Аминь! О да! Тц! Тц! Тц!

– Если кто-нибудь спросит, где Эста, – после паузы продолжала миссис Грифитс, даже не взглянув в сторону своего супруга и обращаясь к обступившим ее детям, – мы должны будем сказать, что она уехала к моим родным в Тонаванду. Это не совсем так, но мы ведь и сами не знаем правды, не знаем точно, где она… к тому же она может скоро вернуться. Значит, мы не должны говорить о ней ничего плохого, пока не узнаем всего.

– Да, хвала господу, – слабо откликнулся Эйса.

– Если кто-нибудь спросит о ней, пока нам самим ничего не известно, надо отвечать так, как я сказала.

– Конечно, – сказал Клайд услужливо, а Джулия прибавила:

– Хорошо.

Миссис Грифитс замолчала и строго, но в то же время как бы виновато, посмотрела на детей. Эйса снова издал: «Тц! Тц! Тц!» – и детей отправили спать.

Клайду очень хотелось узнать, что же было в письме Эсты, но он на долгом опыте убедился, что мать ничего не скажет ему, если не сочтет нужным; и он ушел в свою комнату, чувствуя, что устал. Почему родители больше не ищут Эсту, если есть надежда ее найти? Где она теперь, вот в эту минуту? Где-нибудь в пути, в поезде? Очевидно, она не желает, чтобы ее нашли. Наверно, ей было здесь так же невыносимо, как и ему. Еще так недавно он сам думал уйти куда-нибудь из дому, представлял себе, как отнеслась бы к этому семья, и вот сестра опередила его. Как это повлияет на его решение и на его поступки в будущем? По правде говоря, несмотря на горе отца и матери, Клайд не мог считать уход сестры таким уж несчастьем,

– во всяком случае, не самый уход. Это просто лишнее доказательство, что в доме не все благополучно. Вся деятельность миссии ничего не значит. Во всех этих религиозных чувствах и разговорах тоже мало толку. Они не спасли Эсту. Очевидно, она, так же как и он, не особенно верила во все это.

Глава 4

Придя к такому заключению, Клайд стал упорнее, чем когда-либо, думать о своем будущем. Он решил, что должен сам предпринять что-то, и притом поскорее. До сих пор ему удавалось найти только такую работу, какая обычно достается мальчикам двенадцати – пятнадцати лет: как-то летом он помогал газетчику разносить газеты; другое лето (а по субботам и зимой) работал на складе магазина стандартных цен: открывал ящики и распаковывал товары, за что получал щедрое вознаграждение – пять долларов в неделю, – сумму, казавшуюся ему тогда целым состоянием. Он чувствовал себя богачом и, наперекор родителям, которые считали и театр и кино делом не только мирским, но и греховным, изредка бывал в этих запретных местах, где-нибудь на галерке. Такие развлечения приходилось скрывать от родителей. Но это не удерживало Клайда. Он полагал, что имеет право распоряжаться своими деньгами и даже брать с собой младшего брата Фрэнка, который рад был пойти с ним и ни разу не проговорился.

Несколько позже, в тот же год, Клайд решил оставить школу, так как уже сам чувствовал, что слишком отстал; он устроился помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине средней руки; магазин находился рядом с театром и был как бы под его покровительством. Проходя мимо по дороге в школу Клайд случайно увидел объявление: «Требуется мальчик». Затем он поговорил с молодым человеком, помощником которого ему предстояло сделаться и который готов был обучить Клайда новой профессии, если тот будет понятлив и услужлив; из их беседы Клайд понял, что, усвоив это искусство, сможет зарабатывать пятнадцать и даже восемнадцать долларов в неделю. По слухам, столько получают двое служащих в магазине Струда на углу Четырнадцатой и Балтимор-стрит. Магазин, куда хотел поступить Клайд, платил, однако, только двенадцать долларов – обычную ставку в таких заведениях.

Но, чтобы постичь это искусство, как сообщили ему, нужно время и дружеская помощь опытного человека. Если он желает поступить сюда и работать для начала за пять долларов (лицо Клайда вытянулось), – ну, скажем, за шесть, – он скоро овладеет искусством составлять сладкие напитки и сдабривать сиропами всевозможные сорта мороженого. Но сперва Клайд будет учеником, а значит, он должен мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке и само собой в половине восьмого открывать магазин, подметать его, стирать пыль, а также исполнять всякие поручения, которые может дать ему хозяин. В те минуты, когда его непосредственное начальство мистер Зиберлинг – самоуверенный и болтливый двадцатилетний франт – будет перегружен заказами, он передоверит Клайду приготовление несложных коктейлей, состоящих из лимонада, кока-колы и тому подобного.

И вот Клайд, посовещавшись с матерью, решил принять это выгодное предложение. Во-первых, рассчитывал он, здесь можно будет бесплатно полакомиться мороженым – немалое преимущество. Во-вторых, как он думал в то время, это откроет ему путь к какой-то профессии, чего ему очень не хватало. Затем – и это тоже большое преимущество – ему придется задерживаться на работе поздно, до двенадцати ночи, а взамен у него будут свободные часы днем. И, значит, по вечерам он не будет дома и не будет посещать вечерних классов в десять часов. От него уже не смогут требовать помощи на молитвенных собраниях, разве только в воскресенье, да и по воскресеньям тоже он будет занят после обеда и вечером.

Кроме того, продавец содовой воды регулярно может получать контрамарки от администратора соседнего театра, боковая дверь ведет из магазина прямо в фойе. Клайд пришел в восторг: так интересно работать в магазине, который составляет как бы часть театра.

Но самое главное, – к удовольствию, а порой и к отчаянию Клайда, – перед каждым спектаклем, а в дни утренних представлений и после спектакля здесь собирались статистки; они приходили в одиночку или группами, усаживались у прилавка, болтали, смеялись, поправляли перед зеркалом прическу, подкрашивались и пудрились. И Клайд, неопытный птенец, незнакомый с обычаями света, с привычками и манерами женщин, не уставал любоваться красотой этих посетительниц, их смелостью, самоуверенностью и грацией.

Перемывая стаканы, накладывая мороженое, наливая сиропы, укладывая на подносах лимоны и апельсины, он впервые в жизни мог вблизи наблюдать этих девушек. Они – просто чудо! Почти все так хорошо, нарядно одеты – кольца, брошки, меха, восхитительные шляпки, красивые туфли! И как часто он слышал разговоры об интереснейших вещах: о пикниках, танцах, обедах, виденных ими спектаклях, о прогулках по окрестностям Канзас-Сити, о том, чем отличается нынешняя мода от

прошлогодней и как очаровательны некоторые актеры и актрисы, – главное, конечно, актеры! – которые играют сейчас в городе или скоро приедут на гастроли. Дома Клайд ни о чем таком не слыхивал.

И очень часто то одну, то другую из этих юных красавиц сопровождал какой-нибудь молодой человек во фраке, в крахмальной манишке, в цилиндре, галстуке бабочкой, белых лайковых перчатках, лакированных ботинках, в костюме, который в то время казался Клайду последним словом хорошего тона, красоты, изящества и благополучия. Носить бы такой костюм и с таким же непринужденным видом! Разговаривать с девушкой так же свободно и хладнокровно, как эти франты! Вот верх совершенства! Ни одна красивая девушка, казалось тогда Клайду, и смотреть на него не станет, если у него не будет такого костюма. Это просто необходимо, это главное! И если только Клайд достигнет этого, – сумеет вот так одеться, – разве это не будет означать, что он твердо стал на путь, ведущий к блаженству? Все радости жизни, конечно, раскроются перед ним. Ласковые улыбки! Тайные пожатия рук, и может быть, его рука вокруг девичьей талии… поцелуй… обещание жениться… и потом, потом…

И все это – как внезапный луч света после долгих лет, когда надо было без конца ходить с отцом и матерью по улицам, сидеть на молитвенных собраниях, выслушивать неописуемых, нелепых чудаков, опустившихся и сбившихся с пути, – вечно они рассказывают, как Христос их спас и что бог сделал для них. Будьте уверены, теперь он от всего этого избавится. Он будет работать, копить деньги – и станет человеком… Поистине, этот несложный, но образцовый набор банальностей сиял, как чудо духовного перерождения! Это был мираж, возникший перед жаждущим путником – жертвой пустыни.

Однако Клайд быстро убедился, что одно плохо в его новом положении: хотя здесь и можно было научиться составлять различные фруктовые напитки и зарабатывать двенадцать долларов в неделю, – это отнюдь не приближало часа, когда сбудутся снедавшие его честолюбивые надежды и стремления. Альберт Зиберлинг, его непосредственное начальство, твердо решил сохранить для себя одного как секреты ремесла, так и наиболее приятную часть работы. И притом он, заодно с их хозяином-аптекарем, полагал, что Клайд должен не только помогать ему, Зиберлингу, в приготовлении напитков, но еще и бегать по всяким поручениям хозяина, а это отнимало у Клайда чуть ли не весь его рабочий день.

Словом, Клайду было мало толку от этой работы: он никак не мог одеться лучше, чем прежде. Хуже того – Клайда угнетало, что у него очень мало денег, почти нет знакомых и связей. В сущности, вне своей семьи он был совсем одинок и едва ли менее одинок в семье.

Бегство Эсты неблагоприятно отразилось на миссионерской деятельности в Канзасе. И так как Эста не вернулась, родители Клайда стали подумывать о переезде (за неимением лучшего) в Денвер, штат Колорадо. Но Клайд решительно не хотел с ними ехать. «Что пользы в этом? – спрашивал он себя.

– Там просто будет еще одна миссия, точно такая же, как и здесь».

Он всегда жил с родителями – в квартире при миссии на улице Бикел, и терпеть не мог эту жизнь. С одиннадцати лет, с тех пор как семья приехала в Канзас-Сити, он стыдился приводить знакомых мальчиков к себе домой. Поэтому он никогда не имел друзей, а гулял и играл почти всегда один или с братом и сестрами.

Но теперь ему уже шестнадцать лет, он достаточно взрослый, чтобы жить по-своему, и должен избавиться от такой жизни! Однако он слишком мало зарабатывал – недостаточно, чтобы прожить одному, и ему не хватало еще уменья и смелости для того, чтобы устроиться лучше.

Тем не менее, когда родители заговорили о переезде в Денвер и, не допуская и мысли, что Клайд не захочет поехать с ними, упомянули о возможности для него получить там работу, Клайд стал исподволь намекать, что ему лучше остаться здесь. Он любит Канзас-Сити. Что толку от перемен? У него здесь есть работа, а может быть, он найдет и что-нибудь получше. Но родители, помня о судьбе Эсты, были в большом сомнении. Что может выйти из его попытки так рано начать самостоятельную жизнь? Где он будет жить после их отъезда? С кем? С какими влияниями столкнется в жизни и кто будет рядом, чтобы помочь ему, дать добрый совет, направлять его по стезе добродетели, стезе, которой следовали они сами? Обо всем этом надо подумать.

Клайд был сильно напуган, переезд в Денвер казался неизбежным и приближался с каждым днем; вдобавок как раз в это время мистер Зиберлинг из-за своей чрезмерной любезности по отношению к прекрасному полу потерял место; в аптекарском магазине появился новый старший продавец, костлявый и мрачный; он, видимо, не желал иметь Клайда своим помощником. И Клайд решил уйти оттуда, но не сразу: сначала, бегая по городу со всякими поручениями, он попробует подыскать себе другое место. И вот во время этих поисков ему однажды пришла в голову мысль обратиться к продавцу прохладительных напитков в большом аптекарском магазине при главном отеле города; отель этот, великолепное двенадцатиэтажное здание, казался Клайду квинтэссенцией роскоши и комфорта. Его окна всегда были плотно завешены, главный вход (Клайд не решался заглянуть дальше) был вычурным сочетанием стекла и металла; за дверями виднелся мраморный коридор, уставленный пальмами. Клайд часто проходил мимо, с мальчишеским любопытством размышляя о том, что за жизнь там, внутри? У подъезда всегда ожидало столько такси и частных автомобилей!

В этот день, подгоняемый необходимостью что-то предпринять, Клайд вошел в аптекарский магазин, занимавший в здании отеля угловое помещение, выходившее на Четырнадцатую и Балтимор-стрит. Увидев кассиршу в маленькой стеклянной будке у входа, Клайд спросил, кто у них здесь ведает продажей содовой воды.

Кассирше понравились его робкие, неуверенные манеры и глубокие, словно умоляющие глаза; она сразу угадала, что мальчик ищет работу.

– Да вот мистер Сикор, управляющий магазином, – сказала она.

И кивнула в сторону невысокого, строго одетого человека лет тридцати пяти, который устраивал на стеклянном прилавке выставку туалетных новинок. Клайд подошел к нему и, еще не вполне понимая, как надо действовать, когда хочешь чего-то добиться в жизни, но видя, однако, что этот человек поглощен своим занятием, остановился, переминаясь с ноги на ногу, и стоял до тех пор, пока управляющий не почувствовал наконец, что кто-то находится сзади, и не обернулся.

– В чем дело? – спросил он Клайда.

– Скажите, пожалуйста, вам не нужен помощник для продажи содовой воды?

Взгляд Клайда говорил яснее всяких слов: «Если у вас есть место, я так хотел бы, чтобы вы взяли меня! Мне так нужна работа!»

– Нет, нет, нет, – ответил тот.

Этот коренастый блондин был по натуре несколько раздражителен и сварлив. Он уже собирался отвернуться от просителя, но, увидев по лицу Клайда, как глубоко тот разочарован и огорчен, спросил еще:

– А вы когда-нибудь работали в таком месте?

– Не в таком прекрасном магазине, сэр, – ответил Клайд, пораженный окружающим великолепием. – Я работаю теперь в магазине мистера Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но это совсем не то, что у вас, и мне хотелось бы найти что-нибудь получше.

– Мгм, – пробормотал его собеседник, слегка польщенный этой невинной данью превосходству его магазина. – Что ж, это вполне разумно. Но как раз сейчас я ничего не могу предложить вам. Мы нечасто меняем служащих. А вот если вы хотите поступить рассыльным, я скажу вам, где можно устроиться. Здесь, в отеле, как раз хотят взять мальчика. Начальник рассыльных говорил мне, что ему нужен еще один. Я думаю, это ничуть не хуже, чем помогать продавцу воды.

Затем, увидев, как просияло лицо Клайда, он прибавил:

– Но не говорите, что это я послал вас, ведь я вас не знаю. Просто разыщите там, под лестницей, мистера Скуайрса и поговорите с ним.

При одной мысли, что он может получить работу в столь внушительном учреждении, как отель «Грин-Дэвидсон», Клайд широко раскрыл глаза и задрожал от волнения; потом поблагодарил советчика за его доброту и направился к выкрашенному под мрамор проходу в глубине магазина, который вел в вестибюль отеля. Выйдя из этого коридора, Клайд оказался в вестибюле. Ничего подобного он никогда еще не видел: до сих пор бедность и робость мешали ему хотя бы украдкой заглянуть в этот мир. Какая всюду расточительная роскошь! Под ногами пол, как шахматная доска с квадратами черного и белого мрамора; над головой потолок с росписью и позолотой. Его подпирает целый лес черных мраморных колонн, – таких же зеркально гладких и отполированных, как и пол. Ряды колонн ведут к трем отдельным входам – правому, левому и центральному, на Дальримпл-авеню, а между колоннами – лампы, кресла, диваны и диванчики, статуи, пальмы, ковры – масса всякой всячины. Словом, вестибюль этот был воплощением той пошлой роскоши, назначение которой, как язвительно заметил кто-то, «внедрять изысканность в массы».

Действительно, для солидного отеля в большом и процветающем американском торговом городе здесь была почти чрезмерная роскошь. Номера, и холлы, и вестибюли, и рестораны были обставлены слишком богато – не было ни облагораживающей простоты, ни изящества, ни целесообразности.

Клайд остановился, растерянно осматривая вестибюль и собравшееся здесь большое общество, – тут были и женщины и дети, но больше всего мужчин; они прогуливались взад и вперед, или стояли и беседовали, или отдыхали в креслах, группами и в

одиночку. За тяжелыми драпировками, в роскошно обставленных глубоких нишах стояли письменные столы с комплектами газет, в одном углу вестибюля – почтовое отделение, в другом – галантерейный киоск и киоск цветочницы, и здесь тоже было людно. В это время в городе происходил съезд дантистов, и многие из них со своими женами и детьми собрались сегодня в отеле «Грин-Дэвидсон». Но Клайду, который ничего не знал об этом и вообще не представлял себе, что такое «съезд», казалось, что это и есть обычная повседневная картина жизни отеля.

В почтительном, пугливом изумлении Клайд смотрел на все вокруг; потом, вспомнив о Скуайрсе, отправился искать его в контору «под лестницей». Лестница оказалась справа от Клайда – огромная, черно-белая, мраморная, с двумя разветвлениями, которые широкими плавными изгибами вели во второй этаж. Между этими двумя большими крыльями лестницы и находилась, должно быть, контора отеля, поскольку там толпилось много служащих. За ближайшим крылом, у стены, в которой был проход из аптекарского магазина, помещалась высокая конторка, и за вей стоял юноша примерно одних лет с Клайдом, одетый в коричневый форменный костюм со множеством блестящих пуговиц. На голове у него была маленькая круглая шапочка, точно коробочка от пилюль, лихо сдвинутая на одно ухо. Он карандашом делал записи в лежавшей перед ним книге. Тут были и еще мальчики того же возраста и в такой же форме: одни сидели на длинной скамье, рядом с конторкой, другие стрелой проносились во всех направлениях; порою они возвращались к стоящему за конторкой, передавали ему то какую-нибудь квитанцию, то ключ, то счет, а потом снова садились на скамью, ожидая, очевидно, другого поручения, и им как будто не приходилось долго ждать. Почти беспрерывно трещал телефон, и юноша за конторкой, выслушав поручение, звонил в стоявший перед ним маленький колокольчик или произносил: «Очередной» – на что отзывался первый сидевший с краю мальчик. Вызванные тотчас бежали к одной из лестниц, или к одной из входных дверей, или к лифтам и после этого почти всегда появлялись, неся вслед за входящими саквояжи, чемоданы, пальто, палки для гольфа. Другие мальчики исчезали в глубине вестибюля и возвращались с бутылками на подносах или с какими-нибудь пакетами, которые они несли в один из номеров наверх. Очевидно, такую работу пришлось бы выполнять и Клайду, если бы ему посчастливилось и его приняли на службу в этом отеле.

И все делалось так бойко, кругом царило такое оживление, что ему очень захотелось оказаться счастливцем и попасть сюда. Но удастся ли это? И где этот мистер Скуайрс? Он подошел к юноше за конторкой и спросил:

– Вы не можете сказать, где мне найти мистера Скуайрса?

– А вот он идет, – ответил юноша, испытующе взглянув на Клайда живыми серыми глазами.

Клайд посмотрел в указанном направлении и увидел, что к ним стремительно приближается щеголеватый и, несомненно, видавший виды человек лет тридцати. Он был так строен, энергичен и превосходно одет, и у него было такое жесткое, колючее лицо, что Клайд почувствовал не только смущение, но даже благоговейный страх: видно, это очень хитрый, коварный человек, – у него такой длинный тонкий нос, тонкие губы, такой пронзительный взгляд и острый подбородок…

– Только что вышел высокий седой человек с шотландским пледом, видели?

– спросил он своего помощника, остановившись у конторки.

Тот кивнул.

– Так вот, мне сказали, что это лорд Ландрэйл. Он приехал сегодня утром с четырнадцатью сундуками и четырьмя слугами. Подумать только! Важная персона в Шотландии. Впрочем, он путешествует под вымышленным именем. Записан здесь как мистер Блант. Вот они, англичане, – видали? Умеют показать класс, а?

– Совершенно верно, мистер Скуайрс, – почтительно ответил юноша за конторкой.

Только теперь Скуайрс обернулся и бросил беглый взгляд на Клайда. Юноша за конторкой пришел Клайду на помощь.

– Этот паренек хочет с вами поговорить, – объяснил он.

– У вас ко мне дело? – спросил Скуайрс, оборачиваясь к Клайду и окидывая его зорким, изучающим взглядом; не остался незамеченным и дешевый костюм мальчика.

Клайду не очень понравился этот человек, но он решил произвести на него возможно лучшее впечатление.

– Джентльмен из аптекарского магазина сказал мне… – начал Клайд, – то есть он посоветовал обратиться к вам… может быть, на мое счастье, вам нужен рассыльный. Я работаю помощником в аптекарском магазине Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-

стрит, но хочу уйти оттуда, и тот джентльмен сказал, что вы можете… то есть он думал… может быть… у вас есть свободное место…

Клайд был так смущен и сбит с толку холодным, испытующим взглядом мистера Скуайрса, что едва мог перевести дыхание и судорожно проглотил слюну.

В первый раз в жизни он подумал, что если хочешь добиться успеха, надо расположить к себе людей, сделать или сказать что-то такое, что понравилось бы им. Итак, собравшись с духом, Клайд заискивающе улыбнулся Скуайрсу и прибавил:

– Если только вы разрешите мне попробовать, я буду стараться изо всех сил.

Человек, стоявший перед Клайдом, в ответ только холодно посмотрел на него; но так как он был сам хитер и умел достигать своей цели разными окольными путями, то ему нравился всякий, кто обладал ловкостью, изворотливостью, умением разговаривать с людьми. И вместо того, чтобы отрицательно покачать головой, он заметил:

– Но ведь у вас нет никакого опыта в этом деле?

– Нет, сэр, но я быстро научусь, я буду очень стараться.

– Ну хорошо, я подумаю, – сказал начальник рассыльных, с сомнением почесывая висок. – Сейчас мне некогда. Приходите в понедельник. Тогда поговорим.

Он повернулся на каблуках и пошел прочь.

Клайд, оставшись один и не вполне понимая, что все это значит, растерянно озирался. Неужели ему и вправду назначили прийти в понедельник? Неужели возможно, что он… Клайд повернулся и выбежал на улицу, от волнения его била дрожь. Вот это удача! Он попросил, чтобы его взяли на работу в самый лучший отель Канзас-Сити, и ему назначили прийти в понедельник! Вот как?! Что бы это значило? Неужели его могут впустить в этот великолепный мир – и так быстро! Неужели и вправду так будет?

Глава 5

Как разыгралась теперь фантазия Клайда, какие мечты о будущем связаны были у него с работой в столь замечательном учреждении, об этом можно лишь догадываться: его представления о роскоши были в целом сильно преувеличены, ошибочны и нелепы, – просто смутные бредни, плод постоянно подавляемого неудовлетворенного воображения, которое доныне питалось одними выдумками.

Клайд вернулся к своим обязанностям в аптекарском магазине; после работы он шел домой, ел и спал; но в сущности все эти дни – пятницу, субботу, воскресенье и понедельник до вечера – он витал где-то в облаках. Он не сознавал, что делает, и не раз его начальник в магазине предлагал ему «проснуться». А после работы он шел не прямо домой, а снова туда, на угол Четырнадцатой и Балтимор-стрит, и смотрел на великолепный отель. Там даже в полночь перед каждым из трех главных подъездов, выходивших на три улицы, стоял швейцар в длинной коричневой ливрее со множеством пуговиц и в высокой коричневой фуражке с большим козырьком. А внутри, за тонкими шелковыми шторами, все еще сияли огни в большом зале ресторана и в баре, помещавшемся в нижнем этаже. У подъездов – множество такси и частных машин. И оттуда-то всегда доносится музыка.

Клайд разглядывал это здание в пятницу вечером, и в субботу, и утром в воскресенье, а в понедельник, во второй половине дня, снова явился в отель, как велел мистер Скуайрс; этот субъект встретил Клайда довольно неприветливо, так как успел уже о нем забыть. Но ему действительно нужен был еще один рассыльный, и Клайд как будто годился на эту должность; поэтому Скуайрс провел Клайда в свою маленькую контору под лестницей, где величественно и с полнейшим равнодушием стал расспрашивать его о родителях, о том, где он живет, где и чем раньше занимался, чем зарабатывает на жизнь отец. Последний вопрос особенно смутил Клайда. Он был горд, и ему было стыдно признаться, что его родители руководят миссией и проповедуют на улицах. И он ответил (ведь так иногда бывало), что отец его работает в одной фирме агентом по распространению стиральных машин, а по воскресеньям проповедует религиозное обновление; это понравилось начальнику мальчишек, которые меньше всего были склонны к чинному и благочестивому образу жизни. Может ли Клайд представить рекомендацию с места его теперешней службы? Да, может.

Мистер Скуайрс принялся объяснять, что порядки в отеле очень строгие. Многие мальчики, наблюдая жизнь отеля и соприкасаясь с чрезмерной, непривычной для них роскошью (Скуайрс, впрочем, говорил другими словами), теряют голову и сбиваются с пути. Ему постоянно приходится увольнять мальчиков, которые, заработав немного лишних денег, начинают

дурно себя вести. Ему нужны мальчики услужливые, воспитанные, расторопные, учтивые. Они должны быть опрятными, одеваться чисто и аккуратно; на работу каждый день должны являться без опозданий, минута в минуту, и в надлежащем виде. А тот, кто вообразит, что, заработав немного денег, уже можно позволить себе дерзко отвечать или заводить интрижки и участвовать в ночных кутежах, а потом опаздывать на службу или являться утомленным, вялым и неповоротливым, – тот пусть не рассчитывает остаться здесь надолго. Такого выставят в два счета. Он, Скуайрс, не потерпит никаких глупостей. Это надо усвоить теперь же, раз и навсегда.

Клайд кивал в знак согласия и время от времени вставлял с готовностью: «Да, сэр» или «Нет, сэр»; под конец он заверил мистера Скуайрса, что и подумать не может о том, чтобы столь неприлично себя вести, да и по своему характеру просто не способен на такие проступки, о которых говорит мистер Скуайрс.

Затем Скуайрс объяснил, что мальчики получают в отеле только пятнадцать долларов в месяц, а также стол (в подвальном этаже находится специальная столовая для служащих). Но – и это сообщение было самым удивительным открытием для Клайда – каждый гость за любую услугу, – если мальчик принесет чемодан, или кувшин воды, или выполнит еще какое-нибудь поручение, – дает на чай, и порой довольно щедро: десять, пятнадцать, двадцать пять центов, иногда больше. И эти чаевые составляют в среднем от четырех до шести долларов в день, не меньше, а иногда и больше, – огромные деньги, подумал Клайд. Сердце его подпрыгнуло, он чуть не ахнул, услыхав о такой громадной сумме. От четырех до шести долларов в день! Да ведь это значит двадцать восемь или даже сорок два доллара в неделю! От с трудом верил своим ушам. И это сверх пятнадцати долларов в месяц и питания. И, кроме того, сказал мистер Скуайрс, из жалованья ничего не удерживают за красивую форму, которую носят рассыльные в отеле. Но ее можно носить только на работе. Затем мистер Скуайрс объяснил, что по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям Клайд должен работать от шести утра до полудня и затем, после шестичасового перерыва, с шести вечера до полуночи; по вторникам, четвергам и субботам он будет занят только от полудня до шести; таким образом, у него будут свободными то вторая половина дня, то вечер; но завтракать и обедать он должен в свои свободные часы. Наконец, вместе с другими мальчиками, он обязан пунктуально, в форменной одежде являться на поверку, Скуайрс производит ее ровно за десять минут до начала каждой смены.

Мистер Скуайрс думал еще и о других вещах, но умолчал о них: он знал, найдутся люди, которые скажут за него. А пока он продолжал что-то объяснять и вдруг, совершенно неожиданно для Клайда, слушавшего все это, как во сне, спросил:

– Полагаю, вы можете приступить к работе сейчас же?

– Да, сэр! Конечно, сэр! – ответил Клайд.

– Отлично!

Скуайрс поднялся и распахнул дверь.

– Оскар! – позвал он ближайшего из сидевших на скамье рассыльных, и к нему поспешно подошел рослый, плечистый юноша, затянутый в чистенькую форменную курточку. – Отведите этого молодого человека – Клайд Грифитс, не так ли? – на двенадцатый, в гардеробную, чтобы Джекобс подобрал ему форменный костюм. Если не найдется подходящего, пусть подгонит какой-нибудь к завтрашнему дню. Но, я думаю, ему будет впору тот, что носил Силсби.

Затем, обращаясь к своему помощнику, глядевшему из-за конторки на Клайда, мистер Скуайрс пояснил:

– Беру его на пробу. Пусть кто-нибудь из мальчиков натаскает его сегодня вечером или когда он там начнет. Ступайте, Оскар, – сказал он юноше, которому поручил Клайда. – Он новичок в этом деле, но, я думаю, справится, – прибавил мистер Скуайрс, снова обращаясь к помощнику, когда Клайд и Оскар направились к одному из лифтов.

И он пошел сказать, чтобы имя Клайда внесли в платежную ведомость.

Тем временем Клайд, идя на буксире за своим новым ментором, выслушивал ряд таких сведений, какие еще никогда не достигали его ушей.

– Тут нечего трусить, даже коли никогда и не работал в таком месте, – начал» этот юнец.

Как позже узнал Клайд, его звали Хегленд, он был родом из Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, откуда и привез свой экзотический жаргон и размашистые жесты. Он был высокий, крепкий, рыжеволосый, весь в веснушках, добродушный и болтливый.

Они вошли в лифт с надписью «для служащих».

– Это штуковина нетрудная, – продолжал спутник Клайда. – Вот когда я впервой стал работать в Буффало, три года назад, – так ни бум-бум не смыслил. Ты только гляди, что да как другие делают, понял?

Клайд, гораздо более образованный, чем его спутник, мысленно с неодобрением отмечал неправильности его произношения и жаргонные словечки, но был в эту минуту так благодарен за малейший знак внимания, что охотно простил бы своему благодушно настроенному наставнику все что угодно за его дружелюбие.

– Сперва гляди, кто что делает да как, тогда и сам навостришься. Вот зазвонил звонок, а ты сидишь крайним на скамейке, стало быть, твой черед,

– вскакивай и беги. Они тут любят, чтоб поживей, понял? Коли кто войдет в подъезд или вылезет из лифта с чемоданом, а ты тут крайний на скамейке – беги и хватай чемодан, все равно – звал старшой или нет. Не жди, пока он позовет, – он иногда занят, не видит. Тут надо и самому не зевать. Не ухватишь чемоданы – не получишь на чай, понял? У кого в руках чемодан или что другое, тому, ясно, надо помочь, разве что он сам захочет тащить свой багаж. Всегда надо быть поближе к конторке, потому что, кто входит, все первым делом записываются и спрашивают номер, – трещал он дальше, пока они подымались в лифте. – Потом клерк даст тебе ключ, – тогда волоки весь багаж прямо в номер. Потом, если номер с ванной и с уборной, зажги всюду свет, чтоб они видели, где что, понял? Потом подними занавески, коли день, а коли вечер, – опусти и погляди, есть ли в номере полотенца, а коли нет,

– скажи горничной, а потом, коли не дадут на чай, уходи. Только сперва покрутись там еще, повозись с ключом у двери, проверь форточку, в общем, застрянь, малость, понял? Тогда, коли они чего смыслят, так дадут монетку, а уж коли не дадут, значит – крышка, надо уходить. И нельзя подавать виду, что недоволен, ничего такого, понял? А потом, коли не попросят воды со льдом или еще чего, значит – крышка. Иди вниз и живо на скамейку. Штука несложная. Только поворачивайся поживей, да не зевай, когда кто входит или выходит. В этом вся соль. А как получишь форму да начнешь работать, не забывай отдавать начальнику доллар после каждой смены, когда уходишь, понял? А когда две смены в день – так два доллара. Такой уж порядок. Все мы так делаем, и тебе придется, коли хочешь тут зацепиться. Но уж это все. Остальное – твое.

Клайд понял.

Очевидно, из его двадцати четырех или тридцати двух долларов часть ускользает, – примерно долларов одиннадцать или двенадцать. Ну, не беда! Ведь у него останется еще двенадцать или пятнадцать, а может, и больше. И сверх того еда и форма. Господи боже! Да это же сущий рай! Предел всех желаний!

Мистер Хегленд из Джерси-Сити проводил его на двенадцатый этаж, в комнату, где они застали сморщенного седого человечка неопределенного возраста и нрава; он тотчас подобрал Клайду костюм, оказавшийся настолько впору, что никаких переделок не потребовалось. Примерив несколько шапочек, Клайд нашел такую, которая тоже оказалась впору, и лихо сдвинул ее набекрень; оставалось только постричься: «Волосы у тебя длинноваты, надо бы сзади подрезать», – заметил Хегленд. Клайд и сам подумал об этом, еще раньше чем Хегленд заговорил. Его волосы действительно были длинноваты для такой шапочки, и Клайд сразу их возненавидел.

Когда они вернулись вниз, к мистеру Уиплу, помощнику мистера Скуайрса, тот сказал:

– Отлично. Костюм в самый раз, правда? Ладно, приступай в шесть часов. Придешь к половине шестого и явишься в форме на поверку без четверти шесть.

После этого, выслушав соответствующие наставления Хегленда, Клайд отправился в гардеробную, запер свою форменную одежду в шкафчик, указанный гардеробщиком, и, взволнованный, выбежал из отеля – сперва подстричься, а потом домой, сообщить родным о своем счастье.

Он будет рассыльным в великолепном отеле «Грин-Дэвидсон»! Он будет носить форму, да еще такую красивую. Он будет получать… но он не сказал матери точно, сколько будет получать. Для начала, вероятно, около одиннадцати или двенадцати долларов, он еще не знает наверно. В перспективе он вдруг увидел некоторое материальное благополучие если не для всей семьи, то хотя бы для себя одного, и ему не хотелось осложнять дело, назвав действительную сумму своего будущего заработка: конечно, родители предъявят ему тогда большие требования. Он сказал, однако, что будет бесплатно столоваться в отеле, – значит, ему незачем приходить домой к обеду, а как раз этого он и хотел. И вдобавок он будет жить и дышать в атмосфере этого великолепного отеля… Он сможет, при желании, возвращаться домой не раньше полуночи… сможет хорошо одеться… и завести интересные знакомства… И, пожалуй, немного развлечься… Ого!

И пока он бегал по всяким делам, ему пришла на ум еще одна лукавая и восхитительная мысль: он может не приходить домой в те вечера, когда захочет пойти в театр или еще куда-нибудь. Он просто останется в городе, а после скажет дома, что ему пришлось работать. И к тому же даровой стол и форменная одежда! Подумать только!

Все это было так поразительно, так увлекательно, что он даже боялся слишком много об этом думать. Лучше подождать и посмотреть. Просто – подождать и посмотреть, чего он может достигнуть здесь, в этом чудесном, чудесном царстве!

Глава 6

Крайняя неопытность Грифитсов – Эйсы и Эльвиры – во всех житейских, практических вопросах помогла Клайду осуществить свои мечты. Ибо ни Эйса, ни Эльвира не имели представления об истинном характере работы, на которую поступал Клайд, – едва ли они знали об этом больше, чем он сам; они не представляли себе, как эта работа может повлиять на его воображение и нравственность, на его материальное положение и на многое другое. Никогда в жизни ни Эйса, ни его жена не останавливались в отеле выше четвертого разряда; никогда не бывали в ресторанах, где обедают люди более состоятельные, чем они сами. Им совершенно не приходило в голову, что для мальчика в возрасте Клайда и с его характером возможна какая-то другая работа и иные формы общения с людьми, помимо переноски чемоданов от дверей отеля к конторке и обратно. И оба они наивно полагали, что плата за такую работу должна быть очень невысокой, скажем, пять или шесть долларов в неделю, в сущности меньше, чем заслуживал Клайд по своим годам и способностям.

Поэтому миссис Грифитс, которая была все же практичнее, чем муж, и больше заботилась о материальном благополучии Клайда и других детей, недоумевала: почему вдруг Клайд так радуется новой службе, которая, по его же словам, будет отнимать больше времени и даст едва ли больше денег, чем прежняя. Правда, Клайд уже намекнул, что в отеле можно и повышение получить, например стать клерком, – но он и сам не знал, когда это будет, а на прежнем месте он скорее мог бы добиться чего-то лучшего, по крайней мере в смысле заработка.

Но когда в понедельник он примчался домой и объявил, что получил место и что ему надо поскорее сменить галстук и воротничок, подстричься и бежать назад, на поверку, она, глядя на него, успокоилась. Никогда прежде она не замечала, чтобы он так увлекался чем-либо; ему же будет лучше, если он почувствует себя увереннее в жизни и станет повеселее.

Он отдавал этой работе все свое время с шести часов утра до полуночи; лишь изредка он возвращался раньше, в какой-нибудь не занятый работой вечер, когда ему вдруг приходило в голову пойти домой, – и тогда он спешил объяснить, что его отпустили немножко раньше времени. В манерах его появилось что-то резкое, беспокойное; если только он не спал и не переодевался, он тотчас старался убежать из дому… Все это вместе взятое сильно озадачивало и мать и отца. Отель! Отель! Вечно он торопится в этот отель, но из его слов можно лишь понять, что ему там очень нравится и что с делом своим он как будто справляется. Работа эта куда приятнее, чем возня с содовой водой, и он надеется, что сможет зарабатывать здесь больше, и очень скоро, но когда – точно не знает… Однако сверх этого он ничего не хотел или не мог рассказать.

Отец и мать Клайда все время чувствовали, что из-за истории с Эстой им следует уехать из Канзас-Сити и поселиться в Денвере. А Клайд упорнее чем когда-либо хотел остаться в Канзас-Сити. Они могут ехать, но у него здесь хорошая работа, и он намерен держаться за нее. Если они уедут, он найдет себе комнату, и все будет хорошо. Но этот план совсем не нравился родителям.

А какая огромная перемена произошла в жизни Клайда! В тот первый вечер, ровно в пять сорок пять, он явился к мистеру Уиплу, своему ближайшему начальнику, и был им одобрен, – не только за то, что на нем хорошо сидел форменный костюм, но за свой вид в целом, – и с этой минуты весь мир для него преобразился. Клайд и еще семеро юношей выстроились перед мистером Уиплом в служебном помещении, которое примыкало к бюро по обслуживанию, и начальник осмотрел их; после этого, как только часы пробили шесть, весь отряд промаршировал по вестибюлю мимо главного бюро и большой лестницы к конторке Уипла и дальше, к длинной скамье. Здесь все восемь мальчиков уселись (Клайд – последним в ряду) в ожидании вызова, готовые броситься выполнять любое поручение; сменившаяся команда мистера Уипла была отведена в помещение для служащих и там отпущена. Пост Уипла за конторкой занял сменивший его мистер Барнс.

Дзинь!

Зазвонил звонок у конторки номерного клерка, и первый мальчик убежал.

Дзинь! – прозвенело снова, и вскочил второй мальчик.

– Очередной! К центральному входу! – крикнул мистер Барнс, и третий мальчик заскользил по мраморному полу к двери и подхватил чемоданы входящего гостя, чьи белые бакенбарды и не по возрасту светлый шерстяной костюм даже неопытный глаз Клайда различил за сто шагов. Таинственное и священное видение – чаевые!

– Очередной! – снова позвал мистер Барнс. – Узнай, чего желает девятьсот тринадцатый. Воды со льдом, наверно.

И четвертый мальчик исчез.

Клайд, все время передвигавшийся по скамейке вслед за Хеглендом, которому было поручено подучить его немного, весь обратился в зрение и слух. Нервы его были так натянуты, что он с трудом дышал, то и дело вздрагивал и никак не мог усидеть спокойно; Хегленд наконец сказал ему:

– Брось ты трусить. Держи крепче вожжи, понял? Все будет в порядке. Меня сперва тоже трясло, с новичками всегда так. Но это не дело. Полегче надо, вот что: И нечего таращиться по сторонам – смотри прямо перед собой, будто тебе и дела нет ни до кого.

– Очередной! – опять крикнул мистер Барнс.

Клайд едва соображал, о чем говорит Хегленд.

– Сто пятнадцатый требует бумаги и перьев.

Пятый мальчик скрылся.

– Где вы берете бумагу и перья, когда надо? – умоляюще, тоном приговоренного к смертной казни, спросил Клайд своего наставника.

– Я же говорил тебе – у клерка, где ключи выдают. Вон, налево. Он даст и бумаги и перьев. А воду со льдом берешь в том зале, где мы сейчас строились на поверку. Вон там, в углу, маленькая дверь, видишь? Парню, который наливает воду, иной раз дашь десять центов, – его тоже надо задобрить.

Дзинь! – звонок номерного клерка.

Шестой мальчик, не говоря ни слова, отправился выполнять какое-то поручение.

– И еще запомни, – продолжал Хегленд, видя, что подходит его очередь и спеша дать Клайду последние наставления, – коли захотят чего выпить, напитки получишь вон там, за столовой. Да не путай названий, а то гости разозлятся. А коли вечером будешь показывать номер, спусти шторы да открой свет, а коли надо что в столовой, разыщи там старшого да сунь ему в руку – понял?

– Очередной!

Хегленд вскочил и исчез.

Теперь Клайд был первым номером. Четвертый номер уже снова сел около него, зорко поглядывая – не понадобятся ли где-нибудь его услуги.

– Очередной! – возглас Барнса.

Клайд вскочил и стал перед ним, радуясь, что никто не входит с чемоданами, но терзаясь страхом, что не поймет поручения или выполнит его недостаточно быстро.

– Узнай, чего хочет восемьсот восемьдесят второй.

Клайд помчался к лифтам с надписью «для служащих», помня, что именно этим путем он поднимался с Оскаром на двенадцатый этаж; но другой мальчик, выходивший из лифта для гостей, указал ему на его ошибку.

– Вызвали в номер? – окликнул он. – Тогда иди к лифту «для гостей». А эти два для служащих и для тех, кто с вещами.

Клайд поспешил исправить свой промах.

– На восьмой, – сказал он.

В лифте больше никого не было, и маленький негр-лифтер заговорил с Клайдом:

– Новенький, да? Не видал вас раньше.

– Да, я только что поступил, – ответил Клайд.

– Ну, вам тут понравится, – дружелюбно сказал мальчик. – Тут, знаете, всем нравится. Вам какой этаж, восьмой?

Он остановил кабину лифта, и Клайд вышел. От волнения он забыл спросить, в какую сторону ему идти, и теперь, начав искать нужный номер, быстро убедился, что попал не в тот коридор. Пушистый коричневый ковер под ногами, светлые, окрашенные в кремовый цвет стены, мягкий свет, льющийся сквозь белоснежные шары, вделанные в потолок, – все это казалось ему атрибутами наивысшего социального благополучия, почти неправдоподобного совершенства, – так далеко это было от всего, что он знал.

Наконец, отыскав номер 882, он робко постучал и через мгновение в приоткрывшуюся дверь увидел кусок синей в белую полоску пижамы и выше – соответствующую часть круглого румяного лица и один глаз, окруженный морщинками.

– Вот тебе доллар, сынок. – Казалось, что это говорил глаз, и сейчас же появилась рука, державшая бумажку в один доллар. Рука была толстая и красная. – Сбегай к галантерейщику и купи мне пару подвязок. Бостонские подвязки, шелковые. Да поскорее!

– Слушаю, сэр, – ответил Клайд и взял доллар.

Дверь захлопнулась, а Клайд уже мчался по коридору к лифту, гадая про себя, что такое «галантерейщик». Хотя Клайду было уже семнадцать лет, он не знал этого слова, – никогда прежде не слышал его или, может быть, слышал, но не обращал внимания. Если б ему сказали «магазин мужского белья», он бы сразу понял. Но ему велели пойти к «галантерейщику», а он не знал, что это такое. Холодный пот выступил у него на лбу. Колени подгибались. Черт! Как теперь быть? Что, если он спросит у кого-нибудь, даже у Хегленда, и его сочтут…

Он вошел в лифт, и кабина пошла вниз. Галантерейщик… Галантерейщик… И вдруг его осенило. Допустим, он не знает, что это такое. Но в конце концов нужна пара шелковых бостонских подвязок. Где же достать шелковые бретонские подвязки? Ясно, там, где вообще покупают принадлежности мужского туалета. Ну, конечно! Магазин мужского белья. Надо сбегать в магазин. И по дороге вниз, заметив, что и этот негр-лифтер смотрит приветливо, он спросил:

– Не знаете, где тут поблизости магазин мужского белья?

– В этом же здании, как раз около южного входа, – ответил негр, и Клайд, испытывая величайшее облегчение, поспешил туда.

Он все еще чувствовал себя неловко и странно в туго затянутой форменной куртке и в этой забавной круглой шапочке. Ему все казалось, что она вот-вот слетит с головы, и он исподтишка то и дело старался поплотнее надвинуть ее. Вбежав в ярко освещенный магазин, он торопливо сказал:

– Мне надо пару шелковых бостонских подвязок!

– Отлично, сынок, пожалуйста! – елейным тоном сказал галантерейщик, невысокий, румяный человек с блестящей лысиной и в золотых очках. – Наверно, для кого-нибудь в отеле? Ну вот, это стоит семьдесят пять центов, а вот десять центов для тебя, – сказал он, завертывая покупку и опуская доллар в кассу. – Я всегда рад услужить мальчикам из отеля: знаю, что вы и в другой раз ко мне придете.

Клайд взял десять центов и пакет. Он не знал, что и думать. Подвязки стоят семьдесят пять центов – так сказал галантерейщик. Значит, вернуть нужно только двадцать пять центов сдачи. Выходит, десять центов остаются ему. А теперь… может быть, и гость тоже даст ему на чай.

Он побежал назад в отель, к лифту.

Где-то играл струнный оркестр, и чудесные звуки наполняли вестибюль. Неторопливо проходили люди – такие нарядные, самоуверенные, так непохожие на тех, кого он встречал на улицах и вообще вне стен отеля.

Дверца лифта распахнулась. Несколько человек вошли в кабину, после всех

– Клайд и другой рассыльный, поглядевший на него с любопытством. На шестом этаже этот мальчик вышел. На восьмом вышли Клайд и пожилая дама. Он поспешил к двери номера 882 и постучал. Дверь приоткрылась; обитатель номера успел уже сменить пижаму на брюки и побриться.

– А, уже! – воскликнул он.

– Да, сэр, – ответил Клайд, протягивая пакет и сдачу. – Он сказал, подвязки стоят семьдесят пять центов.

– Он просто грабитель! А сдачу все равно возьми себе, – ответил тот, протянул Клайду двадцать пять центов и закрыл дверь.

Мгновение Клайд стоял, как завороженный. «Тридцать пять центов, – думал он, – тридцать пять центов! За одно пустячное поручение! Неужели тут всегда так? Не может быть! Это невозможно!» Ноги его тонули в мягком ковре, а рука сжимала в кармане деньги; в эту минуту он готов был завизжать или громко расхохотаться. Шутка – тридцать пять центов за такой пустяк! Один дал ему двадцать пять центов, другой – десять, а ведь он ничего не сделал!

Внизу он поспешно выскочил из кабины. В вестибюле его снова пленили звуки оркестра, а нарядная толпа, сквозь которую он пробирался обратно к скамье рассыльных, привела его в трепет.

Затем его послали отнести три чемодана и два зонтика пожилой супружеской чете, – видимо, фермерам, снявшим номер с гостиной, спальней и ванной на пятом этаже. По дороге, как заметил Клайд, супруги внимательно разглядывали его, хотя ни слова не сказали. Как только они вошли в номер, Клайд быстро повернул выключатель около двери, опустил шторы и разместил чемоданы; и тут пожилой и неуклюжий супруг, все время наблюдавший за Клайдом, – весьма солидная личность в бакенбардах, – изрек наконец:

– А вы как будто юноша исполнительный и проворный. Нам попадались и похуже, скажу я вам.

– Я вообще считаю, что отель – не место для мальчика, – прощебетала его любезная супруга, пышная, круглая, как шар, особа, занятая в эту минуту осмотром смежной комнаты. – Не хотела бы я, чтобы который-нибудь из моих сыновей работал в отеле… Как тут люди ведут себя!

– Вот что, молодой человек, – продолжал фермер, снимая пальто и роясь в кармане брюк. – Сбегайте-ка вниз и купите мне три или четыре вечерние газеты – сколько найдется – и захватите кувшин со льдом, а когда вернетесь, получите пятнадцать центов на чай.

– Этот отель лучше, чем в Омахе, папочка, – объявила его супруга. – Здесь ковры и занавеси лучше.

Как ни был наивен Клайд, он не мог не улыбнуться про себя. Однако лицо его сохраняло торжественную неподвижность, словно маска, лишенная всяких признаков мысли. Он взял мелочь и вышел. А через несколько минут принес воду и вечерние газеты и удалился, улыбаясь, с пятнадцатью центами в кармане.

Но то было лишь начало этого необыкновенного вечера. Едва Клайд снова сел на скамью, как его позвали в 529-й номер. Надо было сбегать в бар за двумя бутылками фруктовой воды и двумя сифонами содовой. Когда дверь приоткрыли, чтобы передать Клайду заказ, он успел увидеть в зеркале над камином компанию франтоватых молодых людей и девиц; они весело болтали и смеялись; миловидная девушка в белом сидела на ручке кресла, в котором развалился молодой человек, обнимавший ее за талию.

Клайд загляделся на эту сценку, хотя и старался делать вид, что не смотрит. Для него сейчас это было все равно, что заглянуть во врата рая. В номере собрались девушки и молодые люди ненамного старше его самого; они смеялись, болтали и даже пили – не какую-нибудь содовую воду с мороженым, но, конечно, такие напитки, которые, по словам его родителей, неминуемо ведут к гибели, а молодые люди, как видно, ничуть об этом не беспокоились.

Клайд сбежал вниз, в бар, взял напитки и счет и, вернувшись в номер, получил плату – полтора доллара за напитки и двадцать пять центов для себя. И еще раз бросил взгляд на заманчивую картину. Теперь одна пара танцевала, а остальные напевали или насвистывали мотив.

Было так интересно забегать в номера и украдкой, торопливо разглядывать их обитателей. Не меньше занимала Клайда изменчивая панорама центрального вестибюля: он наблюдал клерков за главной конторкой – один клерк ведал номерами, другой багажом приезжих, третий выдавал корреспонденцию; были тут и кассир и помощник кассира. И различные киоски вокруг: с цветами, газетами, сигарами, отделение телеграфа, бюро по вызову такси. И на всех, кто здесь работал, казалось Клайду, самая атмосфера отеля наложила какой-то особый отпечаток. А вокруг разгуливали и сидели такие важные мужчины и женщины, юноши и молодые девушки, все так богато и модно одетые, такие довольные, с таким прекрасным цветом лица. А в каких автомобилях и экипажах многие приезжали сюда в обеденное время и вечером! Он мог хорошо рассмотреть их при ярком свете фонарей у подъезда. А какие накидки, меха и прочие вещи были на этих людях! Какие чемоданы несли за ними мальчики, а иногда и сам Клайд, к машинам или к лифтам! И все на них сшито из превосходного материала. Такое великолепие! Так вот что значит быть богатым, быть влиятельным человеком в обществе! Вот что значит иметь деньги! Это значит – можешь делать все, что душе угодно, а другие люди, такие, как он, Клайд, будут тебе прислуживать. И вся эта роскошь – твоя. И можешь в любую минуту пойти и поехать куда заблагорассудится.

Глава 7

Итак, из всех благотворных или вредных для его развития влияний, каким в то время мог подвергнуться Клайд, быть может, самым опасным при его характере было как раз влияние отеля «Грин-Дэвидсон»: на всем пространстве между двумя великими цепями американских гор вряд ли можно было найти место, где полновластнее царило бы все материальное и безвкусно-показное. Здешнее кафе, уставленное мягкой мебелью и слабо освещенное, как будто даже сумрачное, однако все в веселых огнях цветных фонариков, было идеальным местом свиданий и встреч – и не только для неопытных и восторженных девчонок, которых можно подкупить показной роскошью, но также и для более опытных и, может быть, слегка поблекших красавиц, которым надо помнить о своем цвете лица и о преимуществах мягкого, не яркого освещения. «Грин-Дэвидсон», как и все отели такого рода, посещался людьми известного сорта: тут бывали главным образом тщеславные мужчины неопределенного возраста и неопределенных занятий, жаждавшие легкого успеха и рассчитывавшие своим появлением здесь раз, а то и два в день, в часы наибольшего оживления, укрепить за собой репутацию светского человека, или прожигателя жизни, или богача, или человека со вкусом, или покорителя сердец, или всего сразу.

И едва Клайд поступил сюда, как эти удивительные юноши, его новые товарищи, бок о бок с которыми он проводил немало времени на скамье в вестибюле, поспешили просветить его относительно многого, что происходит в отеле: рассказали, что здесь бывают извращенные, безнравственные, отверженные обществом мужчины определенного склада (Клайду указали на нескольких), которые ищут сближения с такими вот мальчиками, чтобы вступить с ними в некие недозволенные отношения. Клайд сперва не понимал, что это значит; его тошнило при одной мысли об этом. И все же некоторых мальчиков в отеле (особенно одного, работавшего не с Клайдом, а в другой смене) подозревали в том, что они «попались на эту удочку», как выразился один из юнцов.

Одних только разговоров в вестибюле, не говоря уже о сценах в баре, в ресторанах и номерах, было достаточно, чтобы внушить каждому неопытному и не очень разборчивому существу, будто главное занятие в жизни для всякого, у кого есть кой-какие деньги и положение в обществе, – это ходить в театры, летом посещать стадион, танцевать, кататься в автомобиле, угощать друзей обедами и ездить для развлечения в Нью-Йорк, Европу, Чикаго или Калифорнию. А существование почти всех этих мальчиков настолько лишено было всякого подобия комфорта и вкуса, не говоря уже о роскоши, что они, как и Клайд, не только преувеличивали значение увиденного в отеле, но и считали, будто эта внезапная перемена судьбы дает им счастливую возможность самим приобщиться к такой жизни. Кто они, эти люди с деньгами, и что сделали они для того, чтобы наслаждаться всей этой роскошью, тогда как у других, по-видимому, точно таких же людей, нет ничего? И чем именно обойденные так сильно отличаются от преуспевающих? Клайд не мог этого понять. И такие мысли приходили в голову всем мальчикам.

А вдобавок – комплименты и даже прямое заигрывание со стороны дам и девиц определенного типа, которые, вероятно, были очень сдержанны в своем кругу, но благодаря своему богатству имели доступ в отель и здесь кокетством, улыбками и деньгами добивались расположения наиболее красивых юношей. Об этом часто говорили сослуживцы Клайда.

Так, на второй же день службы Клайда в отеле паренек по фамилии Ретерер, сидевший рядом на скамье, подтолкнул его локтем и едва заметным кивком головы указал на закутанную в меха, нарядную, хорошо сложенную блондинку лет тридцати, входившую в вестибюль с маленькой собачкой на руках.

– Видал? – шепнул он. – Лихая бабенка! Я тебе про нее потом расскажу. Ну и штучки выкидывает!

– А что такое? – с жадным любопытством спросил Клайд, так как женщина показалась ему необыкновенно красивой, очаровательной.

– Да ничего, просто за то время, что я тут работаю, она приходила сюда с восемью разными мужчинами. Она было спуталась с Дойлом (один из рассыльных, очень красивый и изящный мальчик, с приятными манерами, которого Клайд уже отметил как образец, достойный подражания), а теперь нашла другого.

– Неужели правда? – воскликнул Клайд, очень удивленный, мысленно спрашивая себя, не выпадет ли когда-нибудь и на его долю такое счастье.

– Верней верного, – ответил Ретерер. – Это уж такая птица – ей все мало. У ее мужа, говорят, большое лесное дело где-то в Канзасе, но теперь она с ним не живет. У нее здесь лучшие комнаты на шестом, но она половину времени не бывает дома. Мне горничная говорила.

Этот Ретерер, маленький, коренастый, но миловидный и улыбающийся, был так приветлив, мягок и приятен в обращении, что Клайд сразу почувствовал симпатию к нему и захотел познакомиться с ним поближе. И Ретерер платил Клайду тем же, так как заметил, что Клайд наивен и неопытен и охотно окажет ему любую дружескую услугу.

Разговор о белокурой женщине был прерван вызовом на работу и больше не возобновлялся, но на Клайда он произвел сильное впечатление. Женщина была хороша собой, выхолена, с прекрасной кожей и сияющими глазами. Неужели правда то, что сказал Ретерер? Она такая хорошенькая! Клайд смотрел в пространство, и перед ним возникало смутное, щекочущее нервы видение, в значении которого он даже сам себе не хотел признаться.

А нравы и философия всех этих юнцов!.. Кинселла, низенький, толстый, добродушный и глуповатый, как казалось Клайду, но довольно красивый и мужественный, по рассказам – отчаянный картежник, первые три дня отдавал все свободное время обучению новичка, начатому Хеглендом. Он был вежливее и говорил правильнее, чем Хегленд, но показался Клайду, не таким привлекательным и симпатичным, как Ретерер.

И этот Эдди Дойл, который с самого начала очень заинтересовал Клайда и которому Клайд немало завидовал, так он был хорош собой – с изящной фигурой, красивыми, грациозными движениями и мягким, приятным голосом. Необычайно обаятельный, он мгновенно пленял всякого, с кем сталкивался, – как служащих отеля, так и посторонних, которым случалось обратиться к нему с вопросом. Ботинки его и воротничок ослепительно блестели, волосы были подстрижены, причесаны и напомажены по последней моде, точно у киноактера. Клайда сразу же покорили его вкус и уменье одеваться – его изящнейшие коричневые костюмы, кепи, его галстуки и носки, подобранные в тон. Он будет носить коричневое пальто такого же покроя, с поясом, думал Клайд. И точно такую же коричневую кепку. И так же хорошо сшитый, изящный костюм.

Примерно такое же впечатление произвел на Клайда и тот паренек, который первым знакомил его с работой, – Хегленд. Один из самых старших по возрасту и наиболее опытных рассыльных в отеле, Хегленд оказывал большое влияние на других своим веселым, беззаботным отношением ко всему, что выходило за пределы его прямых служебных обязанностей. Он не был так образован или миловиден, как некоторые другие, но он очень заинтересовал Клайда, очаровал его своим пылким, энергичным характером, своей щедростью, когда дело касалось денег и развлечений, наконец, храбростью, силой, смелостью, – тут с ним не могли сравняться ни Дойл, ни Ретерер, ни Кинселла, – он был силен и смел подчас до безрассудства.

Как он сам позднее рассказал Клайду, он был сыном шведа, подмастерья пекаря, который несколько лет назад бросил его мать в Джерси-Сити на произвол судьбы. Поэтому ни Оскар, ни его сестра Марта не могли получить сносного воспитания или завести сколько-нибудь приличные знакомства. Четырнадцати лет Оскар бежал из Джерси-Сити в товарном вагоне и с тех пор сам пробивал себе дорогу в жизни. Он, как и Клайд, безрассудно стремился броситься в водоворот наслаждений, которым казалась ему окружающая жизнь, и готов был на любые приключения, но при этом не знал свойственного Клайду нервного страха перед последствиями. У него был друг по фамилии Спарсер, немного постарше его, который служил шофером у одного богача в Канзас-Сити; иногда он тайком брал машину и предоставлял ее Хегленду для коротких загородных прогулок. Эта любезность приятеля, хотя и не вполне честная и законная, придавала Хегленду в глазах других юнцов особый, хотя и далеко не оправданный блеск и возвышала его в собственном мнении.

Хегленд был не так красив, как Дойл, и ему было куда труднее завоевать внимание девиц, а те, у которых он добивался успеха, были далеко не так очаровательны. Все же он чрезвычайно гордился приключениями подобного рода и немало хвастал ими, причем Клайд по своей неопытности больше других верил этим рассказам. Быть может, поэтому, чувствуя в Клайде благожелательного слушателя, Хегленд чуть не с первого дня привязался к нему.

Когда им случалось сидеть на скамье рядом, Хегленд продолжал поучать Клайда. Канзас-Сити – прекрасное место, если только умеешь жить. Он работал прежде в других городах: в Буффало, Кливленде, Детройте, Сент-Луисе, но нигде ему так не нравилось, как в Канзас-Сити… главным образом потому, – но об этом он тогда не счел нужным сообщить, – что дела его всюду шли не столь блестяще, как здесь. Он был «судомойкой», уборщиком вагонов, помощником водопроводчика… брался за всякую работу, пока наконец в Буффало не поступил на службу в отель. А потом один малый, который теперь не служит здесь, уговорил его переехать в Канзас-Сити. Зато здесь…

– Понимаешь, – говорил он, – чаевые в этом отеле – таких нигде не получишь, уж я знаю, а главное – народ тут хороший. Ты будь с ними по-хорошему, и тебя не обидят. Я тут уже год, и жаловаться не на что. Этот парень Скуайрс – ничего, сойдет, коли не причинять ему беспокойства. Строг, но ведь надо ж ему о себе позаботиться. А зря никого не выставит. Это я знаю.

Остальное все просто. Кончил работу – и сам себе хозяин. Ребята у нас хорошие и повеселиться умеют. Не подведут и не наябедничают. Коли что где затевается – вечеринка или что другое, – все тут как тут. И не ворчат и не распускают нюни, коли что не ладится. Уж я знаю, ведь у нас тут всякое бывало!

Из его болтовни Клайд понял, что все мальчики в отеле живут очень дружно – все, кроме Дойла, который держится несколько обособленно, хоть и не высокомерно. («Слишком много женщин бегает за ним, вот и все».) Всей компанией ходят в гости, в дансинг, на обеды, в одно место, где можно сыграть в карты, и еще в некое местечко под названием «Кэт Суини», где есть премиленькие девочки, и так далее, и так далее – много всякого, о чем никогда раньше и не слыхивал Клайд. Эти рассказы заставляли его задумываться, мечтать, сомневаться, тревожиться и спрашивать себя – умно ли это и действительно ли в этом столько прелести, да и позволительны ли для него эти удовольствия? Ведь его всю жизнь учили как раз обратному. Во всем, к чему он теперь так внимательно прислушивался, таилось что-то глубоко волнующее, но и неясное, нерешенное.

А Томас Ретерер! С первого же взгляда видно было, что вряд ли он может повредить кому-нибудь, стать чьим-то врагом. Ростом он был не выше пяти футов четырех дюймов, толстый, черноволосый, оливково-смуглый, с веселыми ясными глазами. Он тоже, как впоследствии узнал Клайд, был из совсем бедной семьи и не имел в жизни никаких материальных или социальных благ. Но он был самостоятельный, и все товарищи любили его и всегда с ним обо всем советовались. Он был родом из Уичиты и только недавно переселился в Канзас-Сити. Он и его сестра были главной поддержкой для матери-вдовы, которую оба очень любили. В детстве они видели, как унижал, оскорблял и обманывал их добрую, доверчивую мать ее вероломный супруг. Бывали дни, когда семья оставалась без куска хлеба. Не раз их выгоняли из квартиры, когда им не удавалось вовремя за нее заплатить. Ни в одной школе Томми и его сестра не могли оставаться долго. Наконец четырнадцати лет от роду Ретерер переселился в Канзас-Сити, где брался за всякую случайную работу, пока ему не удалось попасть в «Грин-Дэвидсон»; позже к нему переехали из Уичиты мать и сестра.

Но даже больше, чем роскошью отеля или этими юнцами, – их-то он довольно быстро раскусил, – Клайд восхищался потоком мелких подачек, который изливался на него, все увеличивая приятную тяжесть в правом кармане его брюк: монетки в пять, десять, двадцать пять центов и даже полу доллары – их становилось все больше и больше, и уже в первый день к девяти часам накопилось свыше четырех долларов, а к двенадцати, когда кончилось дежурство Клайда, у него было больше шести с половиной долларов – столько, сколько он раньше зарабатывал в неделю.

И из всей этой суммы нужно только отдать доллар Скуайрсу – один доллар, не больше, так сказал Хегленд, а остальное – пять с половиной долларов за один вечер интересной, восхитительной, изумительной работы – принадлежит ему! Он едва мог этому поверить. Право же, как в сказке! «Тысяча и одна ночь»! И, однако, ровно в двенадцать часов этого первого вечера где-то прозвучал гонг, послышалось шарканье ног, и появились три мальчика: один занял место Барнса за конторкой, двое других должны были исполнять поручения. И по команде Барнса восемь мальчиков его смены поднялись, выстроились в ряд и направились к двери. В служебном помещении, как только его отпустили. Клайд подошел к мистеру Скуайрсу и вручил ему доллар серебром.

– Правильно, – сказал мистер Скуайрс.

Только и всего. Затем Клайд вместе с другими спустился в гардеробную к своему шкафчику, переоделся и вышел на темную улицу. Он счастлив, и в будущем счастье зависит только от него самого! Это ощущение было таким волнующим, что он весь дрожал и даже голова у него кружилась.

Подумать только, что он добился такого места! Каждый день получать столько денег! Он направился было домой, решив хорошенько выспаться перед завтрашней работой. Но, вспомнив, что на следующий день ему нужно явиться в отель только в половине двенадцатого, зашел в ночное кафе и спросил чашку кофе и кусок пирога. И теперь он думал только о том, что завтра надо работать всего лишь с двенадцати дня до шести вечера, а потом он будет свободен до шести часов следующего утра. И заработает еще денег. И немалую часть истратит на себя.

Глава 8

Больше всего занимала Клайда мысль, как сохранить для себя львиную долю денег, которые он зарабатывал. С тех пор как он впервые начал работать, установился такой порядок, что большую часть своего заработка – по крайней мере три четверти – Клайду приходилось вкладывать в общее хозяйство. Но если он теперь сообщит, что получает по меньшей мере двадцать пять долларов в неделю – и это не считая пятнадцати долларов жалованья в месяц и дарового стола, – родители, конечно, захотят, чтобы он давал им в неделю долларов десять – двенадцать.

Однако его слишком долго томило желание выглядеть не хуже любого изящного и хорошо одетого юноши, и теперь, когда представлялся счастливый случай, он не мог устоять перед искушением прежде всего хорошо одеться – и поскорее. Поэтому он решил сказать матери, что все его чаевые не превышают доллара в день. А чтобы иметь возможность распоряжаться своим свободным временем по собственному усмотрению, он заявил, что нередко ему приходится, вдобавок к обычным рабочим

часам, заменять других мальчиков, когда кто-либо из них болен или занят другой работой. Он сообщил также, что администрация отеля требует, чтобы у служащих был приличный вид не только в отеле, но и вне его. Ему нельзя будет долго ходить в отель в том платье, которое он носит теперь, сказал он. Мистер Скуайрс уже намекал на это. Но, прибавил Клайд, чтобы смягчить удар, один из мальчиков указал ему место, где можно купить все необходимые вещи в рассрочку.

И мать была так наивна во всех этих делах, что поверила ему.

Но это было еще не все. Клайд постоянно находился теперь в обществе юнцов, которые, работая в отеле, приобрели немалый жизненный опыт, познакомились здесь и с излишествами и с пороками и были уже посвящены в некоторые формы разврата, до сего времени совершенно неведомые Клайду. Он только рот раскрывал от удивления, а вначале также и от пугливого отвращения. Хегленд, например, сказал ему, что определенный процент заработка компании, к которой принадлежал теперь Клайд, шел на кутежи, которые устраивались в складчину раз в месяц – обычно в вечер после получки. Эти кутежи, в зависимости от настроения компании и от наличных денег, начинались иногда «шикарным» ужином с выпивкой в одном из двух довольно известных, но не слишком респектабельных ночных ресторанов. Потом все гурьбой отправлялись в танцевальный зал попроще, чтобы подцепить там какую-нибудь девчонку, или, если этого казалось мало, шли в какой-нибудь известный, по их мнению, публичный дом (обычно замаскированный под «комнаты с пансионом»), где за небольшие деньги можно было, как они часто хвастали, получить «любую девочку на выбор». И так как они были очень юны и, в сущности, наивны, щедры, веселы и недурны собой, они встречали в этих домах самый радушный прием у «мадам» и у девиц, старавшихся – из коммерческих соображений, конечно, – понравиться им и заставить прийти снова.

И настолько скудна была до сих пор жизнь Клайда, что теперь его неодолимо потянуло ко всяким развлечениям, и он жадно ловил каждый намек на приключения и удовольствия. Не то чтобы он одобрял похождения такого рода. Правду говоря, вначале эти рассказы оскорбляли и угнетали его: они слишком противоречили всему, что он слышал с детства и во что его заставляли верить много лет. И, однако, эта жизнь была таким резким контрастом, таким облегчением после безрадостных, гнетущих занятий, к которым Клайда приучали дома, что его неудержимо влекло к этим соблазнительным похождениям, казалось, обещавшим столько разнообразия и блеска. Он слушал внимательно и жадно даже тогда, когда внутренне не одобрял слышанного. Видя, что он всегда приветлив и весел, товарищи один за другим стали приглашать его то в театр, то в ресторан, то к себе домой

– сыграть в карты, – а то в один из тех непристойных домов, куда Клайд вначале наотрез отказывался идти. Но постепенно он все больше сближался с Хеглендом и Ретерером – оба они ему очень нравились, – и, когда, собираясь устроить кутеж в ресторане Фриссела, они позвали его, Клайд согласился.

– Завтра вечером мы устраиваем у Фриссела очередной кутеж, – сказал ему Ретерер. – Хочешь пойти, Клайд? Ты еще ни разу с нами не пировал.

К этому времени Клайд уже освоился с атмосферой отеля и почти избавился от своей прежней нерешительности. Старательно и не без пользы для себя подражая Дойлу, он обзавелся новым коричневым костюмом, кепкой, пальто, носками, булавкой для галстука и ботинками, по возможности такими же, как у его ментора. И костюм очень шел ему, чрезвычайно шел, – он казался теперь привлекательнее, чем когда-либо: не только его родители, но и младший брат и сестра были удивлены и даже потрясены происшедшей с ним переменой.

Как сумел Клайд так великолепно одеться и так быстро? Сколько все это стоило? Не наделал ли он ради этого преходящего великолепия слишком больших долгов в надежде на будущий заработок и благоразумно ли это? Ему могут потом понадобиться деньги. И другие дети тоже во многом нуждаются. Да и подходящая ли моральная и духовная атмосфера в этом отеле, где его заставляют работать так много и задерживают каждый вечер так поздно, а платят так мало?

На все это Клайд отвечал (довольно умело), что все идет хорошо, что работа не слишком тяжелая. Его костюм вовсе не так уж хорош, – посмотрела бы мать на других мальчиков. Он тратит не слишком много. И, во всяком случае, все это куплено в рассрочку, и он может расплачиваться постепенно.

Но ужин! Это уже совсем другое дело. Пирушка, вероятно, затянется допоздна, и как он тогда объяснит матери и отцу свое долгое отсутствие? Ретерер говорил, что веселье кончится не раньше трех-четырех часов ночи; впрочем, Клайд, конечно, может уйти в любое время. Но хорошо ли расстраивать компанию? Да, но, черт возьми, большинство из них не живет в семье, как Клайд, а если и живут, то родителей – например, мать Ретерера – мало беспокоит, что делают дети. Но все же благоразумное ли это дело – такая поздняя пирушка? Все его новые друзья – и Хегленд, и Ретерер, и Кинселла, и Шил – выпивают и не видят в этом ничего дурного. Глупо с его стороны думать, что это так опасно – выпить немножко, как все они делают в таких случаях. И потом ведь он может не пить, если не захочет. Он пойдет, а если дома спросят, он скажет, что пришлось задержаться на работе. Почему бы ему когда-нибудь и не прийти поздно домой? Разве он теперь не взрослый человек? Разве он не зарабатывает больше всех в семье? Пора бы ему вести себя так, как хочется.

Он уже начал ощущать всю прелесть личной свободы, уже предвкушал восхитительные приключения, и теперь никакие материнские предостережения не могли его удержать.

Глава 9

И вот настало время веселой пирушки с участием Клайда. Как и говорил Ретерер, она должна была состояться у Фриссела. И Клайд, уже успевший подружиться с товарищами по работе, был ужасно доволен и весел. Ведь для него настала новая жизнь. Всего несколько недель назад он был совсем одинок: ни одного друга, почти никаких знакомых среди сверстников! И вот – так быстро – он собирается на шикарный ужин в такой интересной компании!

Клайду, верному иллюзиям юности, ресторан показался гораздо более привлекательным, чем он был на самом деле. Этот ресторан был по сути чем-то вроде хорошей американской закусочной доброго старого времени. Стены были густо увешаны старыми афишами и портретами актеров и актрис с их автографами. Здесь прекрасно кормили, притом хозяин отличался радушием, и потому ресторан стали охотно посещать заезжие актеры, политические деятели, местные дельцы, а за ними и все, кого тянет ко всему новому, хоть немного не похожему на то, что уже приелось.

И мальчишки-рассыльные, которые не раз слышали от возчиков и шоферов такси, что ресторан Фриссела – один из лучших в городе, выбрали его для своих ежемесячных пирушек. Отдельные блюда стоили здесь от шестидесяти центов до одного доллара. Кофе и чай подавались только целыми кофейниками и чайниками. Здесь можно было получить любые напитки. Налево от главной залы находилась полуосвещенная комната с низким потолком и большим камином, куда обычно удалялись мужчины: после обеда они садились здесь у огня, курили и читали газеты; эта комната больше всего восхищала мальчишек из «Грин-Дэвидсон». Здесь они чувствовали себя как-то старше, более опытными, более значительными – настоящими светскими людьми. Ретерер и Хегленд, к которым Клайд очень привязался, равно как и большинство остальных, считали, что во всем Канзас-Сити и впрямь не найти лучшего места.

И вот в назначенный день Хегленд, Ретерер, Пол Шил, Дэвис Хигби (тоже мальчик из отеля), Артур Кинселла и Клайд, получив свой месячный заработок и освободившись в шесть часов вечера, собрались на углу подле аптекарского магазина, где Клайд вначале искал работу, и веселой, шумной компанией отправились к Фрисселу.

– Слыхали, какую штуку сыграл вчера с нашей конторой один парень из Сент-Луиса? – спросил Хегленд, обращаясь ко всем сразу, когда они двинулись в путь. – В субботу заказывает по телефону из Сент-Луиса номер для себя и для жены – гостиную, спальню и ванную и велит поставить в комнаты цветы. Мне сейчас рассказал Джимми, номерной клерк. Потом он приезжает сюда со своей девочкой, и они записываются как муж и жена, – понятно? А девчонка премиленькая, я видел. Нет, вы слушайте! Прожил он в отеле три дня, наши уж стали коситься на него – понимаете, обеды в номер и все такое. Потом в среду приходит он в контору и говорит, что его жена едет назад в Сент-Луис и что ему теперь не нужен такой номер – хватит и одной комнаты и чтоб перенесли его сундук и ее вещи в новую комнату, пока жене не пора будет на поезд. А сундук-то вовсе не его, а тоже ее, – понятно? И никуда она не едет и знать ничего не знает. А едет-то он. Натянул всем нос, понятно? И бросил ее с сундуком и без единой монетки. Понятно? А теперь они ее не выпускают с ее сундуком, а она плачет да друзьям шлет телеграммы. А платить-то уйму надо. Видали вы этакое? Цветы в комнату! Розы! И по шесть раз еду в номер носили, ну и пил он тоже, ясное дело!

– Я знаю, кто это! – воскликнул Шил. – Я носил ему вино. Так я и знал, что тут что-то неладно. Уж очень он был вежливый и говорил чересчур громко. А на чай только и дал, что десять центов.

– И я его помню, – сказал Ретерер. – Он велел мне принести все чикагские газеты за понедельник и тоже дал только десять центов. Он мне сразу показался пройдохой.

– Да, сели они с ним в калошу, – сказал Хегленд. – А теперь стараются вытянуть деньги из нее. Ловко?

– Мне она показалась лет восемнадцати-двадцати, не больше, – вставил молчавший до сих пор Артур Кинселла.

– А ты их видел, Клайд? – спросил Ретерер; он вообще покровительствовал Клайду и теперь старался ободрить его и втянуть в общий разговор.

– Нет, не помню, – ответил Клайд. – Наверно, меня к ним не посылали.

– Ну, значит, ты упустил случай поглядеть на редкую птицу. Он такой высокий, в длинном черном английском пальто, котелок надвинут на глаза, и светло-серые гетры. Видали бы вы, как он разгуливает, да еще с тросточкой! Я сперва думал, что это какой-нибудь английский герцог. Нужно только вырядиться во все английское, да говорить погромче, да всеми вокруг командовать, – и клюнет: кто угодно поверит.

– Это верно, – заметил Дэвис Хигби. – Хорошая штука английский стиль. Я бы и сам не прочь так приодеться.

Они дважды завернули за угол, пересекли одну за другой две улицы и наконец всей компанией вошли к Фрисселу. Клайда ослепил яркий свет, отражавшийся на фарфоре, на серебре, на лицах обедающих, он был оглушен жужжанием голосов и звоном посуды. Никогда еще, если не считать отеля «Грин-Дэвидсон», не был он в таком месте. Да еще с такими сведущими, опытными ребятами!

Они прошли к столикам, которые были расставлены перед длинным кожаным диваном, тянувшимся вдоль стены. Метрдотель, узнав завсегдатаев – Ретерера, Хегленда и Кинселлу, распорядился сдвинуть вместе два столика и подать стаканы, хлеб и масло. Компания расселась: Клайд с Ретерером и Хигби – на диване у стены, Хегленд, Кинселла и Шил – напротив них.

– Я начну с доброго старого манхэттенского, – объявил с жадностью Хегленд, оглядывая публику за столиками и чувствуя себя поистине важной персоной. Красновато-смуглый, с живыми голубыми глазами, с темно-рыжими волосами ежиком, он походил на большого задорного петуха.

И Артур Кинселла тоже, как и Хегленд, разом оживился, попав сюда, и, казалось, наслаждался собственным величием. Он демонстративно поддернул рукава, взял в руки меню и, просматривая прейскурант вин, напечатанный на обороте, воскликнул:

– Ну, на мой вкус, для начала недурно сухое мартини.

– А я предпочитаю шотландское виски с содовой, – торжественно произнес Пол Шил, изучая тем временем перечень мясных блюд.

– Увольте меня сегодня от ваших коктейлей, – весело, но решительно заявил Ретерер. – Я сказал, что не буду сегодня много пить, – и не буду. С меня довольно стакана рейнвейна с сельтерской.

– Нет, вы только послушайте! – негодующе воскликнул Хегленд. – Он начнет с рейнвейна! И это он, старый любитель манхэттенского! Что с тобой стряслось, Томми? Ты ведь, по-моему, хотел повеселиться?

– Я и хочу, – возразил Ретерер. – Но разве нельзя веселиться, пока не вылакаешь все, что только тут найдется выпить? Сегодня я хоту быть трезвым, не хочу больше получать выговоры по утрам и не получу, если буду понимать, что делаю. В прошлый раз я насилу выполз на работу.

– Верно! – поддержал Артур Кинселла. – Я тоже не хочу напиваться так, чтоб терять голову. Но пока еще рано об этом беспокоиться.

– А ты, Хигби? – обратился Хегленд к глазастому пареньку.

– Мне тоже манхэттенского, – сказал тот, и, взглянув на официанта, стоявшего рядом, спросил: – Как делишки, Дэннис?

– Не могу пожаловаться, – ответил официант. – Последние дни совсем хорошо. А как дела в отеле?

– Прекрасно, прекрасно, – весело ответил Хигби, изучая меню.

– А ты, Грифитс? Что ты будешь пить? – спросил Хегленд.

Он был избран церемониймейстером, чтобы следить за выполнением заказов, заплатить по счету, дать чаевые, и теперь исполнял свою роль.

– Кто? Я? О, я… – воскликнул Клайд, немало смущенный этим вопросом.

Ведь он еще никогда до этой минуты не прикасался к чему-либо крепче кофе или мороженого с содовой водой и теперь был немного испуган веселой развязностью, с какою остальные заказывали коктейли и виски. Конечно, он не может зайти так далеко… однако он давно знал из их разговоров, что в такие вечера они все пьют, и не представлял себе, как можно отстать от остальных. Что они подумают о нем, если он откажется выпить? Попав в эту компанию, он с самого начала старался казаться таким же искушенным светским человеком, как и они. И все же он ясно чувствовал за плечами те годы, когда ему непрерывно твердили об ужасах пьянства и дурной компании. В глубине души Клайд давно уже восставал против всех этих текстов и изречений, на которые всегда ссылались его родители, и глубоко презирал за тупость и никчемность оборванную толпу

бездельников и неудачников, которых в миссии Грифитсов пытались спасать, – и все же теперь он заколебался. Пить или не пить?

Он колебался лишь какую-то долю секунды, когда в нем заговорило прошлое, потом сказал:

– Что ж, я… я тоже выпью рейнвейна с сельтерской.

Он понимал, что такой ответ – самый легкий и безопасный. Невинный характер этой смеси – рейнвейна с сельтерской – уже был подчеркнут Хеглендом и остальными. И все же Ретерер заказал себе именно рейнвейн, – это обстоятельство, как чувствовал Клайд, делало и его собственный выбор не столь заметным и смешным.

– Что делается! – в притворном отчаянии воскликнул Хегленд. – Он тоже хочет пить рейнвейн с сельтерской! Давайте что-нибудь предпримем, а то, видать, наша вечеринка кончится к полдесятому.

Дэвис Хигби, гораздо более резкий и шумный, чем можно было предполагать по его приятной внешности, повернулся к Ретереру:

– Чего ты спозаранку завел эту муру насчет рейнвейна с сельтерской. Том? Не хочешь повеселиться сегодня?

– Я же сказал почему, – ответил Ретерер. – И потом, когда мы в прошлый раз зашли в тот притончик, у меня было сорок долларов, а вышел я оттуда без единого цента. На этот раз я хочу знать, что со мной творится.

«Тот притончик», – подумал Клайд, слушая разговор. Значит, после ужина, когда все порядком выпьют и поедят, они отправятся в одно из тех мест, которые называются притонами, в такой дом. Тут не могло быть никаких сомнений. Он понимал, что это значит. Там будут женщины… дурные женщины… развратные женщины… Но как же он? Неужели он тоже…

Впервые в жизни Клайду представлялась возможность, которой он давно жаждал: узнать наконец великую, соблазнительную тайну, что так давно влекла его и сбивала с толку, манила, но и пугала. Хотя он много думал обо всем этом и о женщинах вообще, он никогда еще не был близок ни с одной. А теперь… теперь…

Он вдруг почувствовал, что его бросает то в жар, то в холод. Лицо и руки стали горячими и влажными, он ощущал, как пылают его щеки и лоб. Странные, быстрые, заманчивые и тревожные мысли проносились в его мозгу. Мороз пробегал по коже. Он невольно рисовал себе соблазнительные вакхические сцены – и тотчас пытался выбросить их из головы, но напрасно: они возвращались снова. И ему хотелось, чтобы они возвращались, – и не хотелось… И за всем этим скрывался испуг. Но неужели же он такой трус? Остальных все предстоящее ничуть не тревожило. Они были очень веселы. Они смеялись и подшучивали друг над другом, вспоминая кое-какие забавные истории, которые произошли с ними во время последнего кутежа.

Но что подумала бы его мать, если б узнала? Мать! Он не смел думать ни о ней, ни об отце и поспешил прогнать мысль о них.

– А помнишь, Кинселла, ту маленькую, рыженькую, в доме на Пасифик-стрит? – воскликнул Хигби. – Она еще упрашивала тебя бежать с ней в Чикаго?

– Конечно, помню, – усмехнулся Кинселла, наливая себе мартини: ему как раз подали вино. – Она даже хотела, чтобы я бросил отель. Обещала, что поможет мне взяться за какое-нибудь дело. Говорила, что мне вовсе не придется работать, если я останусь с ней.

– Да, тогда у тебя была бы только одна работа! – заметил Ретерер.

Официант поставил перед Клайдом бокал рейнвейна с сельтерской. Глубоко взволнованный, заинтересованный, восхищенный всем слышанным, Клайд поднял бокал, пригубил вино, нашел, что оно нежно и приятно, и залпом выпил. Он был так занят своими мыслями, что сам не заметил, как это получилось.

– Молодчина, – сказал Кинселла самым дружеским тоном. – Эта штука тебе понравится.

– Да, это совсем неплохо, – ответил Клайд.

А Хегленд, видя, как быстро идет дело, и понимая, что Клайд – совсем еще новичок в этой компании и нуждается в поддержке и одобрении, подозвал официанта:

– Послушай, Джерри! – И прибавил так, чтобы не слышал Клайд: – Того же самого, да побольше…

Ужин продолжался. Было уже около одиннадцати часов, когда они наконец исчерпали все интересные темы – рассказы о прежних приключениях, о прежней работе, о разных ловких и дерзких проделках. У Клайда было достаточно времени поразмыслить над всем этим, и теперь он склонен был думать, что сам он вовсе не такой уж желторотый, как кажется его приятелям. А если даже и так… Зато он хитрее большинства из них, умнее… Кто они такие и к чему стремятся? Хегленд, как стало ясно Клайду, тщеславен, глуповат, криклив, и его легко подкупить пустячной лестью. Хигби и Кинселла – незаурядные и славные юноши – чванились тем, чем Клайд не стал бы очень гордиться: Хигби хвастал, что понимает кое-что в автомобилях (его дядя имел какое-то отношение к этому делу), а Кинселла – умением играть в карты и даже в кости. А Ретерер и Шил – он еще раньше заметил это – были вполне довольны своей работой в отеле, готовы были заниматься ею и впредь и ни о чем другом не мечтали. А Клайд уже теперь не мог себе представить, чтобы должность рассыльного осталась пределом всех его желаний.

В то же время он с некоторой тревогой думал о той минуте, когда все отправятся туда, где он никогда еще не бывал, чтобы делать то, чем он никогда не предполагал заниматься в таких условиях. Не лучше ли ему извиниться, когда все выйдут из ресторана? Или, может быть, выйти вместе с ними, а там тихонько скользнуть за первый же угол и вернуться домой? Он слышал, что в таких вот местах можно схватить самую страшную болезнь и что люди умирают потом жалкой смертью от низменных пороков, которые там приобретают. Его мать произносила немало речей на эту тему, хотя вряд ли толком что-нибудь об этом знала. И, однако, вот перед ним довод, опровергающий все эти страхи: его новые товарищи, ничуть не обеспокоенные тем, что они собирались делать. Наоборот, для них это очень веселое и забавное приключение – только и всего.

И действительно, Ретерер, искренне привязавшийся к Клайду – больше за его манеру смотреть, спрашивать и слушать, а не за то, что Клайд делал или говорил, – то и дело подталкивал его локтем и, смеясь, спрашивал:

– Ну, как, Клайд? Сегодня посвящение? – и широко улыбался. Или, видя, что Клайд совсем притих и задумался, он говорил: – Не бойся, тебя не съедят, самое большее – укусят.

А Хегленд время от времени прерывал свои самовосхваления и, подхватывая намеки Ретерера, прибавлял:

– Нельзя всю жизнь таким оставаться. Так не бывает. Но в случае чего – мы за тебя постоим.

Клайд, нервничая, наконец оборвал с досадой:

– Да отстаньте вы! Хватит насмехаться! Для чего это вам нужно хвалиться, что вы знаете больше меня?

Ретерер подмигнул Хегленду, чтобы тот оставил Клайда в покое, а сам шепнул:

– Не сердись, старина, все в порядке. Мы просто пошутили малость, ты ж понимаешь!

И Клайд, которому очень нравился Ретерер, быстро смягчился и пожалел, что так глупо себя выдал.

Наконец около одиннадцати часов, когда уже вдоволь наговорились, наелись и напились, вся компания под предводительством Хегленда вышла из ресторана. Бесстыдные и темные намерения не заставили их призадуматься, не вызвали в них стремления к умственному и нравственному самоисследованию и самобичеванию, – напротив, они так весело смеялись и болтали, словно их ожидала просто милая забава. С изумлением и отвращением слушал Клайд, как они вспоминали свои прежние похождения. По-видимому, всех особенно забавлял случай в притоне под названием «Дом Беттины», где они однажды побывали. Их привел туда один бесшабашный малый по прозвищу Малыш Джонс, служащий из другого отеля. Этот Малыш и еще один паренек, по имени Бирмингэм, вместе с Хеглендом, который отчаянно напился, позволили себе такие выходки, что их чуть не арестовали. Клайд слушал и с трудом верил, что эти мальчики, внешне такие порядочные и опрятные, могли проделывать подобные вещи: выходки были так грубы и отвратительны, что Клайда даже немного затошнило.

– А помните, как девчонка со второго этажа окатила меня водой из кувшина, когда я выходил! – громко хохотал Хегленд.

– А тот толстяк во втором этаже! Как он подошел к двери посмотреть, помните? – смеялся Кинселла. – Он наверняка решил, что тут пожар или бунт!

– А ты с той маленькой толстушкой Пигги! Помнишь, Ретерер? – визжал Шил, захлебываясь от хохота и еле выговаривая слова.

– У него даже ноги подкашивались, так было тяжело! – вопил Хегленд. – А как они оба под конец скатились с лестницы!

– Это все ты был виноват, Хегленд! – крикнул Хигби. – Если бы ты не затеял эту историю с поркой, нас бы не выставили.

– Говорю вам, я был пьян, – возражал Ретерер. – У них там дьявольски крепкое виски.

– А тот длинный тощий техасец с большими усами? Помните, как он хохотал? – прибавил Кинселла. – Он не хотел никому помогать, кто был против нас. Помните?

– Еще чудо, что нас всех не выкинули на улицу и не арестовали. Ну и ночка была! – вспоминал Ретерер.

Все эти разоблачения ошеломили Клайда. «Порка»! Это могло значить только одно!

И они воображают, что он примет участие в чем-либо подобном? Этого не будет. Он не такой. Что подумали бы его мать и отец, если б услышали все эти ужасные истории… И все-таки…

Болтая, они подошли к какому-то дому на темной широкой улице; у тротуаров, вдоль всего квартала и даже дальше, стояла вереница кэбов и автомобилей. Неподалеку на углу остановились, разговаривая, несколько молодых людей. На другой стороне – еще мужчины. А через полквартала компания Клайда прошла мимо двух мирно беседовавших полисменов. И хотя нигде, ни в одном окне не было света, но, как ни странно, всюду чувствовалась яркая, кипучая жизнь. Она ощущалась даже в темноте улицы. То и дело раздавались гудки мчащихся мимо такси, прокатили две старомодные закрытые кареты со спущенными занавесками. И двери то хлопали, то тихо открывались и закрывались. И тогда из домов вырывался яркий свет, прорезывал мглу улицы и снова исчезал. А над головой сияли звезды.

Наконец, не говоря ни слова, Хегленд в сопровождении Хигби и Шила, поднялся по лестнице и позвонил. Почти мгновенно дверь открыла молодая негритянка в красном платье.

– Добрый вечер! Заходите, пожалуйста, – приветливо пригласила она, и все шестеро прошли за тяжелые бархатные драпри, отделявшие маленькую переднюю от остальных комнат.

Клайд очутился в ярко освещенной и довольно безвкусно обставленной гостиной; на стенах висели картины в золоченых рамах, изображавшие обнаженных и полуобнаженных женщин, и огромные зеркала. На полу лежал толстый ярко-красный ковер; по всей комнате было расставлено множество золоченых стульев, в глубине на фоне ярко-красных портьер – пианино, тоже золоченое. Но ни гостей, ни обитательниц дома здесь не было, – никого, кроме негритянки.

– Присядьте, пожалуйста, – сказала она. – Будьте как дома. Сейчас позову мадам.

И она побежала по лестнице налево, крича:

– Мэри! Сэди! Каролина! В гостиной молодые джентльмены.

В эту минуту из двери в глубине комнаты вышла высокая, стройная и бледная женщина лет тридцати восьми или сорока – очень прямая, изящная и, видимо, очень властная и умная, в полупрозрачном и все же скромном платье.

– А, здравствуйте, Оскар! – заговорила она со слабой, ободряющей улыбкой. – И Пол тут? И вы, Дэвис? Пожалуйста, располагайтесь все как дома. Фанни сейчас придет. Она принесет вам чего-нибудь выпить. У меня теперь новый тапер – негр из Сент-Джо. Хотите послушать? Прекрасно играет!

И она позвала:

– Сэм!

В это время по боковой лестнице в глубине зала сбежали девять девушек, разных по возрасту и по внешности, но, по-видимому, не старше двадцати четырех – двадцати пяти лет, – все в таких нарядах, каких Клайд еще никогда ни на одной женщине не видал. Они смеялись и болтали, как видно, очень довольные собой, и ничуть не стыдились своей внешности, так поразившей Клайда; между тем их одеяния были необычны: от легчайшего неглиже, пригодного разве что для будуара, до несколько более пристойного как будто, но не менее откровенного бального туалета. И какие разные были эти девушки: худые и толстые, среднего роста, высокие и маленькие, брюнетки, блондинки и рыжие. И все они казались очень юными, и все ласково и восторженно улыбались гостям.

– Здравствуй, милый! Как дела? Потанцуем?

Или:

– Хочешь чего-нибудь выпить?

Глава 10

Клайду, которого воспитывали в большой строгости, прививая ему понятия, не допускавшие посещения подобных мест, то, что он увидел, должно было бы показаться отвратительным. Однако от природы он был таким чувственным и романтичным и в нем так настойчиво звучал давно подавляемый голос пола, что теперь он был не возмущен, а, наоборот, очарован. Его занимала сейчас телесная пышность почти всех этих фигур, хотя бы ими и управлял тупой и лишенный романтики ум. В конце концов здесь все же была красота: бесстыдная, чисто плотская, обнаженная и доступная. И не нужно было преодолевать какие-то настроения, нарушать какие-то запреты, чтобы сблизиться с любой из этих девушек… Одна из них, очень миленькая брюнетка, одетая в черное с красным и с красной лентой на лбу, держалась запросто с Хигби и уже танцевала с ним в глубине комнаты под джазовый мотив, который кто-то бестолково барабанил на пианино.

И Ретерер, к удивлению Клайда, уже сидел в позолоченном кресле, а на коленях у него полулежала высокая девица с очень светлыми волосами и голубыми глазами. Она курила папиросу и притопывала золочеными туфельками в такт мотиву. Поразительное, сказочное зрелище – казалось Клайду! А перед Хеглендом стояла, подбоченясь и расставив ноги, пухлая, миловидная девица немецкого или скандинавского типа. И Клайд слышал, как она спрашивала высоким пискливым голосом: «Поухаживаешь за мной сегодня?» Но на Хегленда, по-видимому, не очень действовали эти заигрывания: он равнодушно покачал головой, и девушка отошла к Кинселле.

Пока Клайд глядел и размышлял, хорошенькая блондинка лет двадцати четырех – ему она показалась моложе – придвинула стул и села рядом с ним.

– Вы не танцуете? – спросила она.

Клайд нервно покачал головой.

– Хотите, научу?

– У меня все равно не получится.

– Да это же совсем нетрудно! Пошли!

Но Клайд решительно отказался, хотя ее любезность была ему приятна.

– Ну, может, выпьете? – предложила она тогда.

– Непременно, – любезно согласился он.

Девица сделала знак негритянке, и через минуту перед ними оказался столик, а на нем бутылка виски и содовая. Клайд едва не онемел от испуга. У него в кармане всего сорок долларов, а он слышал от других, что здесь каждый бокал стоит не меньше двух долларов. Подумать только, что он тратит такие деньги! И угощает такую женщину! А дома у него мать, сестра, братишка, и они едва сводят концы с концами… И все же он заказывал и платил, чувствуя, что он ужасно, невозможно расточителен, прямо устроил какую-то оргию… Но раз уж он здесь, надо держаться до конца.

Притом Клайд заметил, что девушка и в самом деле хорошенькая. На ней было вечернее платье из голубого бархата, туфли и чулки того же цвета, в ушах голубые серьги. Открытые плечи, шея и руки были полные и нежные. Особенно смущали Клайда глубокий вырез ее платья – он едва осмеливался смотреть в ту сторону – и ее накрашенные щеки и губы – вернейшие приметы продажной женщины. Однако она не казалась слишком навязчивой, наоборот, – держалась очень просто и с интересом смотрела в его глубокие, темные глаза, полные тревоги.

– Вы тоже работаете в «Грин-Дэвидсон»? – спросила она.

– Да, – ответил Клайд, всячески стараясь показать, что все это для него не ново и что он уже не раз бывал в таких местах, в такой же обстановке. – А откуда вы знаете?

– Я знаю Оскара Хегленда. Он здесь бывает. Он ваш Друг?

– Да. То есть мы вместе работаем в отеле.

– Но вы раньше здесь не бывали?

– Нет, – быстро ответил Клайд и тут же мысленно спросил себя, откуда она знает, что он не был здесь раньше.

– Я так и думала. Я уже видела почти всех остальных, а вас ни разу не видала. Вы недавно в отеле, правда?

– Да, – сказал Клайд не без досады. Он поминутно то морщил лоб, то супил брови в непроизвольной гримасе: это бывало с ним всегда, когда он нервничал или глубоко задумывался. – Ну и что же?

– Да ничего. Просто я сразу догадалась. Вы не похожи на них, совсем другой.

Она улыбнулась странно и ласково. Клайд не понял ни этой улыбки, ни настроения девушки.

– Чем же я другой? – хмуро и сердито спросил он, отпивая из бокала.

– Одно я знаю наверняка, – продолжала она, не обратив внимания на его вопрос, – вы не очень-то любите таких девушек, как я. Правда?

– Нет, почему же… – сказал он уклончиво.

– Нет, не любите. Я вижу. Но вы мне все равно нравитесь. Мне нравятся ваши глаза. Вы не такой, как все эти ребята, – благороднее, добрее. Я уж вижу, что вы другой.

– Ну, не знаю, – ответил Клайд, очень довольный и польщенный.

Он все продолжал морщить лоб. Возможно, эта девушка не такая уж плохая, как он думал. Она умнее других, как-то утонченнее. И костюм у нее не такой бесстыдный. И она не набросилась на него, как другие на Хегленда, Хигби, Кинселлу и Ретерера. Теперь почти все его товарищи сидели на стульях или диванах, держа на коленях девиц. Перед каждой парой стоял столик с бутылкой виски.

– Смотрите-ка, кто пьет виски! – крикнул Кинселла тем, кто еще мог обратить внимание на его слова, и указал глазами на Клайда.

– Не надо меня бояться, – говорила девушка, в то время как Клайд, испуганный и очарованный, смотрел на ее руки, шею, на слишком открытую грудь. – Я не очень давно этим занимаюсь, и не была бы я здесь, да вот не везло мне в жизни. Мне бы хотелось жить дома с родными, но теперь они меня не возьмут.

Она с серьезным видом опустила глаза, думая главным образом о том, какой неопытный и глупый этот Клайд – совсем желторотый птенец. И еще она думала о деньгах, которые он у нее на глазах вынимал из кармана, – изрядная пачка… И еще о том, что он и правда миленький: не то чтобы очень красивый или сильный, но славный.

А Клайд в эту минуту думал об Эсте, о том, куда она уехала и где она теперь? Кто знает, что с ней? Что могло с ней произойти? Может быть, и с этой девушкой случилось такое же несчастье, как с его сестрой? В нем росло искреннее, хотя и немного презрительное сочувствие, и он смотрел на сидящую рядом девушку, словно желая сказать: «Бедняжка». Но сейчас он не решался вымолвить ни слова, не решался ни о чем спросить.

– Вот вы, молодые люди, приходите в такие дома, как наш, и всегда думаете о нас очень плохо, я ведь знаю. А мы вовсе не такие скверные.

Клайд все морщил лоб. Может быть, и в самом деле она не такая уж скверная? Она падшая женщина, конечно… испорченная, но хорошенькая. Время от времени он посматривал на остальных девиц, и ни одна ему не нравилась так, как эта. И она находит, что он лучше других, благороднее, – так она сказала. Комплимент попал в цель.

Она наполнила бокал Клайда и заставила его выпить вместе с ней.

Тем временем явились новые гости, и новые девушки вышли из загадочных глубин дома им навстречу.

Клайд заметил, что Хегленд, Ретерер, Кинселла и Хигби таинственно скрылись куда-то по задней лестнице, отделенной от зала тяжелыми портьерами. И когда появились новые гости, девушка предложила Клайду перейти на диван в глубине комнаты, где было меньше света.

Здесь она придвинулась к нему вплотную, погладила по руке и, наконец, взяв его под руку и тесно прижимаясь, спросила, не хочет ли он посмотреть, как мило обставлены комнаты во втором этаже.

И Клайд, видя, что он остался здесь один из всей компании и никто за ним не наблюдает, позволил льнувшей к нему девушке увлечь его по занавешенной лестнице наверх, в маленькую розово-голубую комнату. И все время он твердил себе, что делает преступный и опасный шаг и что это может кончиться для него большой бедой. Вдруг он схватит какую-нибудь ужасную болезнь. Или девушка потребует с него больше, чем он может заплатить. Он боялся девушки, себя, всего на свете… безмерно волновался и чуть не потерял дар речи, одолеваемый страхами и сомнениями. И все же он шел, и, как только дверь закрылась за ним, эта прекрасная, грациозная Венера с округлыми формами обернулась и обняла его; потом спокойно стала перед большим зеркалом, в котором он мог видеть ее всю, и начала раздеваться…

Глава 11

Приключение это подействовало на Клайда так, как оно только и могло подействовать на новичка, глубоко чуждого всему этому миру. Правда, острое любопытство и непреодолимое желание привели его сюда и заставили поддаться соблазну, но строгие моральные правила, которые ему издавна внушали, и характерное для него отвращение ко всему грубому, не эстетичному, заставляли его смотреть на все, что произошло, как на нечто, несомненно, унизительное и греховное. Наверно, родители были правы, когда утверждали в своих проповедях, что это низменно и постыдно.

Все же это приключение и мир, в котором оно произошло, теперь, когда все было уже позади, приобретали в глазах Клайда какую-то грубую языческую красоту, своеобразное вульгарное очарование. И пока другие, более яркие впечатления не заставили побледнеть это воспоминание, Клайд против воли возвращался к нему с большим интересом и даже удовольствием.

К тому же он повторял себе, что теперь, зарабатывая так много денег, он может ходить, куда угодно, и делать, что угодно. Ему незачем идти снова в тот дом, если не хочется, – он может найти другие места, возможно не такие бесстыдные, более утонченные. Ему не хотелось бы идти опять вместе со всей компанией. Лучше бы просто найти себе какую-нибудь девушку, вроде тех, с которыми он видел Зиберлинга и Дойла. Таким образом, несмотря на все тревожные мысли, мучившие Клайда в ту ночь, он быстро освоился с новым источником удовольствия, если и не с обстановкой, в которой его познал. Он должен, как Дойл, найти себе девушку нестрогих правил и тратить на нее деньги. И Клайд с нетерпением ждал удобного случая, чтобы осуществить свои планы.

Интересам и желаниям Клайда в это время вполне отвечало то обстоятельство, что и Хегленд и Ретерер, хотя втайне и чувствовали его превосходство, а может быть, именно поэтому, стали относиться к нему с особенным вниманием: ухаживали за ним, вовлекали его во все свои дела и развлечения. Так, вскоре после того первого приключения Ретерер пригласил Клайда к себе, и Клайд с первого же взгляда понял, что семья Ретерера жила совсем иначе, чем его собственная.

У Грифитсов все было строго и степенно: всегда чувствовалась сосредоточенность людей, живущих под давлением религиозных догм и убеждений. В доме у Ретерера было как раз наоборот. Мать и сестра его не чужды были известных если не религиозных, то моральных убеждений, однако смотрели на жизнь довольно свободно, – а моралист, пожалуй, сказал бы «беспринципно». Тут никогда и речи не было о каких-либо строгих нравственных устоях, о твердой линии поведения. И потому Ретерер и его сестра Луиза (она была на два года моложе его) поступали так, как им нравилось, и не слишком задумывались на этот счет. Но Луиза обладала достаточным умом и характером, чтобы не броситься на шею первому встречному.

Любопытней всего, что Клайд, несмотря на некоторую утонченность, заставлявшую его смотреть косо на большую часть того, что его окружало, был пленен безыскусственностью и свободой открывавшейся перед ним жизни. По крайней мере среди этих людей он волен был поступать так, как ему доныне никогда еще не приходилось, и мог держаться непринужденнее, чем когда-либо. Особенно приятно было ему, всегда нервному и неуверенному в обращении с девушками, что теперь он почти освободился от сомнений в своей привлекательности. До сих пор, несмотря на свой недавний первый визит в храм любви, куда

Хегленд и остальные показали ему дорогу, Клайд был убежден, что у него нет ни ловкости, ни обаяния, необходимых, чтобы нравиться девушкам. Стоило какой-нибудь девушке оказаться рядом или хотя бы направиться в его сторону, как он уже чувствовал себя совсем подавленным: его бросало в холод, в нервную дрожь, он глупел и окончательно терял способность разговаривать или шутить, как другие молодые люди. Но теперь, бывая у Ретереров, он получил полную возможность испытать, сумеет ли он побороть свою застенчивость и нерешительность.

В этом доме постоянно собирались друзья самого Ретерера и его сестры Луизы, более или менее одинаково смотревшие на жизнь. Здесь танцевали, играли в карты, беззастенчиво флиртовали. До сих пор Клайд не представлял себе, что родители могут быть такими снисходительными или равнодушными в вопросах поведения и нравственности, как миссис Ретерер. Он не представлял себе, чтобы какая-либо мать могла одобрять такие свободные товарищеские отношения между юношами и девушками, какие существовали в доме Ретереров.

Но очень скоро, благодаря дружеским приглашениям Ретерера, он почувствовал себя частью этой компании; на членов ее он смотрел несколько свысока за их распущенность, за не слишком правильную речь, но, с другой стороны, его привлекала их непринужденность, общительность, уменье веселиться. В этой компании он наконец-то может выбрать себе подругу, лишь бы хватило смелости! И Клайд вскоре попытался осуществить это при поддержке Ретерера, его сестры и всех их знакомых; случай представился в первое же его посещение Ретереров.

Луиза Ретерер служила в мануфактурном магазине и часто опаздывала домой к обеду. В этот день она не могла прийти раньше семи часов, и обед поэтому отложили. Тем временем к Луизе зачем-то зашли две ее подруги и, застав вместо нее Ретерера и Клайда, расположились как дома, заинтересованные Клайдом и его новым костюмом. Но Клайд, одновременно и жаждавший общества девушек, и робевший перед ними, держался нервно и отчужденно, а подругам Луизы показалось, что он высокомерен и заносчив. Обиженные, они решили показать себя во всем блеске и вскружить ему голову – никак не меньше. Клайду очень понравилась их грубоватая веселость, и его быстро очаровала одна из них – Гортензия Бригс, хорошенькая и крайне самоуверенная брюнетка, которая, подобно Луизе, была всего лишь простой продавщицей в большом магазине. И все же Клайд сразу увидел, что она довольно вульгарна и грубовата и совсем не похожа на девушку, о какой он мечтал.

– Как, она еще не пришла? – воскликнула Гортензия, поздоровавшись с Ретерером и взглянув на Клайда, который стоял у окна и смотрел на улицу. – Какая досада! Ну, мы чуточку подождем, если вы не возражаете.

Эти слова сопровождались кокетливыми ужимками, ясно говорившими: «Кто же будет возражать против нашего присутствия!»

Она подошла к зеркалу, любуясь собой, и стала перед ним охорашиваться. А ее подруга, Грета Миллер, прибавила:

– Конечно, подождем. Надеюсь, вас не выгонят до ее прихода. Мы не обедать пришли. Мы думали, вы уже покончили с едой.

– С чего это вы взяли, что вас отсюда выгонят? – развязно ответил Ретерер. – Кто же вас отсюда выгонит, раз вам тут нравится? Садитесь, заведите граммофон, вообще делайте, что хотите. Скоро будем обедать, и Луиза вот-вот явится.

Познакомив девушек с Клайдом, он вернулся в столовую дочитывать газету. А Клайд под их взглядами сразу почувствовал себя брошенным в утлой шлюпке на произвол судьбы среди неведомого моря.

– Не говорите мне про еду! – воскликнула Грета Миллер, спокойно разглядывая Клайда, как будто решая про себя, стоит ли он внимания, и, решив, что стоит, пояснила: – Сколько нам сегодня придется съесть: и мороженое, и пирог, и пирожные, и сандвичи. Мы как раз пришли предупредить Луизу, чтобы она не очень наедалась. Знаешь, Том, Китти Кин справляет день рожденья. У нее будет огромный пирог и много всякой всячины. Ты ведь придешь туда потом, правда? – закончила она, подумав, что, может быть, с Ретерером придет и Клайд.

– Вряд ли, – спокойно ответил Ретерер. – Мы с Клайдом надумали после обеда пойти в театр.

– Ну и глупо, – вставила Гортензия Бригс главным образом для того, чтобы привлечь к себе внимание, центром которого до сих пор была Грета. Гортензия все еще стояла у зеркала и теперь обернулась, чтобы послать обольстительную улыбку всем и особенно Клайду, в чью сторону, как ей казалось, уже закинула удочку ее подруга. – По-моему, глупость – идти в театр, когда можно пойти с нами к Китти и потанцевать.

– Конечно, вы только о танцах и думаете – и вы обе, и Луиза, – заметил Ретерер (он умел иногда быть весьма здравомыслящим человеком). – Прямо удивительно, как вам только не хочется иной раз отдохнуть. Вот я целый день на ногах и подчас не прочь посидеть.

– Не говорите мне про отдых! – заявила Грета Миллер с надменной улыбкой и сделала па влево, словно готовясь заскользить в танце. – У нас эта неделя сплошь занята. Жуть! – Она закатила глаза и трагически сжала руки.

– Просто ужас, сколько нам придется танцевать этой зимой, – правда. Гортензия? По четвергам, по пятницам, по субботам и воскресеньям. Ну и ну! Вот ужас, правда?

Она кокетливо отсчитывала дни по пальцам и улыбалась Клайду, точно ища у него сочувствия.

– Угадай, Том, где мы на днях были, – Луиза с Ральфом Торпом, Гортензия с Бертом Гетлером и я с Вилли Бэсиком! У Пэгрена на Уэстер-авеню. Видел бы ты, сколько там было народу! Мы танцевали до четырех утра. Я думала, у меня ноги отвалятся. Даже не помню, когда я так уставала.

– Да уж! – вмешалась Гортензия, трагически воздев руки к небесам. – Я думала, что не смогу работать на следующее утро. У меня до того слипались глаза, я насилу различала покупателей. А мама как волновалась! Просто ужас! Она до сих пор не может прийти в себя. По субботам и по воскресеньям еще ничего, но теперь мы танцуем и на неделе, а мне наутро в семь часов вставать, и уж тут мне от мамы так достается – ну и ну!

– Я ее хорошо понимаю, – сказала миссис Ретерер, которая как раз вошла с блюдом картофеля и хлебом. – Вы захвораете, если не дадите себе передышки, и Луиза тоже. Я все говорю ей, что она не сможет работать и потеряет место, если будет так мало спать. Но она все равно как Том: сколько я ни говорю – ни капельки не слушается.

– Ну, мама, ты же знаешь, какая у меня работа, не могу я рано приходить домой, – только и ответил Ретерер.

– Да я умерла бы с тоски, если б мне пришлось просидеть вечер дома! – воскликнула Гортензия Бригс. – Целый день работаешь, надо же и повеселиться немножко.

«Как у них приятно в доме, – думал Клайд. – Как легко, свободно! И как задорно и весело держатся эти девушки. Очевидно, их родители не находят в этом ничего дурного». Вот если бы у него была такая хорошенькая подруга, как эта Гортензия Бригс, с маленьким чувственным ротиком и блестящими дерзкими глазами…

– Хватит с меня, если я два раза в неделю отосплюсь, – заявила Грета Миллер. – Отец думает, я сумасшедшая, а мне просто вредно много спать.

Она весело рассмеялась. А Клайд слушал ее с восхищением, хоть она и пересыпала свою речь неправильными и вульгарными оборотами. Вот воплощение юности, веселья, свободы и любви к жизни!..

В эту минуту входная дверь распахнулась, и быстро вошла Луиза Ретерер, стройная, крепкая девушка среднего роста, в накидке на красной подкладке и в мягкой голубой фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Луиза была подвижнее и энергичнее своего брата, мягче обеих своих подруг, и притом не менее хорошенькая.

– Вот у нас кто! – воскликнула она. – Эти две девчонки и домой прилетели раньше меня! А я сегодня застряла из-за путаницы в отчетной книжке. Пришлось объясняться в конторе. И совсем я не виновата, можете поверить. Просто они не разбирают мой почерк. – И тут только заметив Клайда, она воскликнула: – Держу пари, что я знаю, кто это! Вы – мистер Грифитс! Том много про вас говорил. Я все удивлялась, почему он вас раньше не привел.

И Клайд, крайне польщенный, пробормотал, что он рад был бы познакомиться раньше.

Обе гостьи вместе с Луизой удалились в маленькую спальню, чтобы о чем-то посовещаться, но вскоре снова появились и после настойчивых уговоров, в которых, в сущности, не было надобности, решили остаться. Клайд благодаря их присутствию очень оживился, повеселел и всячески старался произвести приятное впечатление и завязать дружбу с девушками. А все три девушки, находя его симпатичным, так усиленно старались понравиться ему, что он первый раз в жизни почувствовал себя свободно в женском обществе, и к нему вернулся дар речи.

– Мы пришли предупредить тебя, чтобы ты не слишком много ела, а сами уселись обедать, – со смехом говорила Грета Миллер Луизе. – А у Китти будут и пироги, и пирожные, и всякие вкусные вещи.

– Да, и после всего этого надо будет танцевать! – прибавила Гортензия.

– Помоги нам боже, одно могу сказать!

Ее рот и особенно улыбка казались Клайду прелестными; он был вне себя от восторга. Удивительная, очаровательная девушка! Она так поразила его, что он чуть не захлебнулся кофе. Он рассмеялся в приступе неудержимого веселья.

В этот миг она обернулась к нему и воскликнула:

– Смотрите, что я с ним сделала!

– Вы еще гораздо больше сделали! – сказал Клайд, ощущая внезапный прилив вдохновения и храбрости. В обществе Гортензии он вдруг почувствовал себя дерзким и смелым, хотя и немного поглупевшим, и прибавил: – Знаете, тут столько красивых девушек, что у меня голова кружится!

– Ну, не сдавайся так быстро, – добродушно предостерег Ретерер. – Они зацапают тебя и заставят водить их, куда им вздумается. Лучше не связывайся.

И в самом деле, Луиза Ретерер, нисколько не смущаясь тем, что сказал брат, обратилась к Клайду:

– Вы, конечно, танцуете, мистер Грифитс?

– Нет, я не умею, – ответил Клайд, мгновенно отрезвленный этим вопросом; в эту минуту он от души пожалел, что не обладает столь необходимым качеством. – Но сейчас мне ужасно хотелось бы уметь, – галантно прибавил он и почти умоляюще взглянул сначала на Гортензию, а затем на Грету Миллер и Луизу.

Все сделали вид, что не заметили этого предпочтения, хотя оно приятно пощекотало самолюбие Гортензии. Она еще не была уверена, так ли уж ее интересует Клайд, но столь легко и с таким блеском восторжествовать над подругами – это уже кое-что! И подруги это почувствовали.

– Да, плохо дело. – Теперь, уверенная, что Клайд предпочитает ее остальным, она говорила с ним равнодушно и несколько свысока. – Если бы вы танцевали, вы и Том могли бы пойти с нами. У Китти почти все время будут танцевать.

Клайд был уничтожен. Подумать только: эта девушка, к которой его влечет сильнее, чем ко всем остальным, так легко отталкивает его со всеми его мечтами и желаниями только потому, что он не умеет танцевать. И во всем виновато его проклятое воспитание. Он чувствовал себя разбитым, обманутым. Каким простофилей они его считают! Вот и Луиза смотрит удивленно и равнодушно.

Но тут Грета Миллер, которая нравилась ему меньше, чем Гортензия, пришла к нему на помощь:

– Можно и научиться, – это не так уж трудно. Если хотите, я после обеда в пять минут вас обучу. Надо только запомнить несколько па. И тогда вы сможете пойти с нами, если хотите.

Клайд обрадовался и стал благодарить. Он непременно научится танцевать

– здесь или в другом месте, при первом же удобном случае. Почему он раньше не пошел в школу танцев, спрашивал он себя. Но особенно огорчало его видимое равнодушие Гортензии – и это после того, как он ясно показал, что она ему нравится. Может быть, он потому и не интересует ее, что существует этот Берт Гетлер, которого тут поминали и с которым она ходила танцевать. Ну до чего ему всегда не везет в этих делах!

Но когда обед кончился и все еще разговаривали, сидя за столом, именно Гортензия завела граммофон и первая предложила дать ему урок танцев: она и тут не хотела позволить сопернице одержать над нею верх. Клайд ей вовсе не нравился, во всяком случае не так, как Грете. Но если подруга намерена добиться успеха таким способом, то почему бы ее не опередить? И вот, пока Клайд удивлялся перемене в поведении Гортензии и вообразил уже, будто она относится к нему лучше, чем ему казалось, она взяла его за руки, думая при этом, что он чересчур застенчив. Она обвила его руку вокруг своей талии, другую руку вложила в свою, держа ее на уровне плеча, и, приказав ему внимательно следить за каждым движением ног; начала показывать основные па танца. Но как ни был он усерден и благодарен, почти смешон в своем напряженном усердии, Гортензии он не очень нравился: она находила, что он простоват и слишком юн. И все же было в нем что-то милое, что вызывало у нее желание помочь ему. Скоро он уже танцевал с ней совсем легко, а потом танцевал и с Гретой и с Луизой, но все время думал только о Гортензии. В конце концов все признали, что он достаточно наловчился и может идти с ними, если хочет.

Клайду непременно хотелось оставаться возле Гортензии и еще потанцевать с нею. И хотя в это время появились три молодых человека, в том числе пресловутый Берт Гетлер, готовые сопровождать девиц к Китти, и хотя он еще раньше уговорился с Ретерером пойти в театр, – Клайд не мог скрыть желания отправиться с остальными, так что Ретерер в конце концов согласился оставить мысль о театре. Вскоре вся компания вышла из дома, и Клайд, огорченный тем, что он не может идти с Гортензией, которую сопровождал Гетлер, немедленно возненавидел соперника; все же он старался быть любезным с Луизой и Гретой, которые оказывали ему достаточно внимания, чтобы он мог чувствовать себя свободно. Ретерер заметил его увлечение Гортензией и, улучив удобную минуту, когда они остались вдвоем, шепнул ему:

– Ты не очень бегай за этой Гортензией Бригс. По-моему, она просто кокетка. Вертит и Гетлером и другими. Ты только будешь плясать под ее дудку и ничего от нее не добьешься.

Но это честное дружеское предупреждение уже не могло образумить Клайда. Колдовство улыбки, магическая прелесть и сила юности, чувствовавшаяся в каждом ее движении, – все это окончательно вскружило ему голову, и он готов был отдать и сделать все что угодно еще за одну улыбку, за один взгляд, за пожатие руки. А ведь перед ним была девушка, которая не больше мотылька знала, к чему она стремится, и лишь недавно поняла, как удобно и выгодно использовать юношей ее возраста или немного старше для того, чтобы получать любые развлечения и наряды, какие она только пожелает.

Вечеринка оказалась обычным сборищем молодежи, где бурно проявляется стремление девушек и юношей подыскать себе пару. Китти Кин жила в простеньком домишке на бедной улице, где стояли голые декабрьские деревья. Но Клайду, внезапно охваченному страстью к хорошенькому личику, все вокруг казалось ярким, веселым и романтичным. Девушки и юноши, которых он встретил там, – девушки и юноши типа Ретерера, Хегленда, Гортензии, – все еще были для него истинным воплощением силы, непринужденности и самоуверенности, а он готов был душу отдать, лишь бы самому обладать этими качествами. Любопытно, что Клайд хотя и нервничал немного, но благодаря новым друзьям быстро освоился и принял участие в общем веселье.

Для него это был случай наблюдать, как ведут себя и как развлекаются известного типа девушки и юноши, – зрелище, какого он не видел раньше, к своему счастью или несчастью, как вам угодно. Здесь, например, были в ходу особенно чувственные танцы, и Луиза, Грета и Гортензия предавались им с величайшей беспечностью. Многие молодые люди принесли с собой виски в карманных флягах и не только потягивали сами, но и угощали других – и юношей и даже девушек.

Общая веселость от этого немало усилилась, отношения между юношами и девушками стали интимнее, флирт смелее. Гортензия, Луиза и Грета тоже принимали в этом участие. Иногда вспыхивали ссоры. И, очевидно, здесь считалось самым обычным делом, если молодой человек обнимал девушку где-нибудь за дверью, или держал ее у себя на коленях, сидя на стуле в каком-нибудь укромном уголке, или полулежал с ней на диване, нашептывая интимные и, несомненно, приятные ей признания. Правда, Клайд ни разу не заметил, чтобы Гортензия лежала в подобной позе на диване, но и она, как он видел, преспокойно усаживалась на колени к разным юношам и шепталась с ними за дверьми. И это так обескураживало и злило его, что он решил больше не иметь с ней дела: слишком она доступна, вульгарна и безрассудна! Чтобы не показаться менее светским и опытным человеком, чем другие, Клайд пробовал все напитки, которые ему предлагали, пока наконец не набрался необычайной для него храбрости и дерзости, – тут он осмелился, не то умоляя, не то упрекая, заговорить с Гортензией о ее слишком вольном поведении.

– Вы кокетка, вот что. Вам все равно, кому кружить голову, да?

Он сказал это, танцуя с ней после часу ночи. Юнец по фамилии Уилкинс играл на изрядно расстроенном пианино, а Гортензия с добродушным и кокетливым видом показывала Клайду новые па и смотрела на него томно и весело.

– Что вы хотите сказать? Не понимаю.

– Ах, не понимаете? – сказал Клайд сердито, но все же с натянутой улыбкой, за которой он пытался скрыть свое подлинное настроение. – Я уже слышал о вас. Вы всем кружите головы.

– Вот как? – воскликнула она с досадой. – Ну, вам-то я, кажется, не очень старалась вскружить голову?

– Да ну, не сердитесь, – сказал он просительно и вместе с тем ворчливо, опасаясь, что, пожалуй, зашел слишком далеко и может совсем потерять ее. – Я не хотел сказать ничего обидного. Ведь вы же позволяете многим парням за вами ухаживать. Во всяком случае, вы им нравитесь.

– Ну да, конечно, нравлюсь. Но что же я могу поделать?

– Так вот что я вам скажу, – хвастливо, с азартом выпалил он, – я могу тратить на вас куда больше, чем любой из них. У меня денег хватит.

Только за минуту перед тем он подумал о пятидесяти пяти долларах, которые уютно лежали у него в кармане.

– О, не знаю, – возразила она, очень заинтересованная этим, так сказать, денежным предложением и в то же время очень гордая своей способностью так воспламенять чуть ли не всех молодых людей.

Гортензия была не слишком умная девушка, очень легкомысленная и самовлюбленная; она не могла спокойно пройти мимо зеркала: каждый раз восхищалась своими глазами, волосами, шеей, руками и практиковалась в особенно пленительных улыбках.

Притом Гортензия не осталась равнодушна к тому, что Клайд был красив, хотя и очень юн. Она любила поддразнивать таких желторотых. С ее точки зрения, он был глуповат. Но он служил в «Грин-Дэвидсон», хорошо одевался, и, наверно, как он сказал, у него достаточно денег, и он охотно будет тратить их на нее. Иные юнцы, которые особенно нравились ей, имели в своем распоряжении не слишком много денег.

– Найдется сколько угодно таких, кто с удовольствием потратит на меня свои деньги!

Она тряхнула головой, взмахнула ресницами и снова улыбнулась своей самой пленительной улыбкой.

Лицо Клайда сразу омрачилось. Он был слишком слаб перед ее чарами. Лоб его покрылся морщинами, затем снова разгладился. Глаза горели, в них было страстное желание и горечь, давняя досада на жизнь и раздражение обойденного и обиженного. Конечно, Гортензия сказала правду. Найдутся люди, у которых денег больше, чем у него, и которые могут больше на нее тратить. Он смешон со своим хвастовством, и она насмехается над ним. Помолчав, он прибавил уныло:

– Наверно, вы правы. Но никто не любит вас так, как я!

Бескорыстная искренность этих слов польстила Гортензии. В конце концов он не так уж плох. Они грациозно скользили под звуки неумолкавшей музыки.

– О, я не всегда так флиртую, – сказала она. – Ведь тут мы все свои, все хорошо знаем друг друга, всюду бываем вместе. Вы не должны осуждать нас.

Это была только искусная ложь, но все-таки она успокоительно подействовала на Клайда.

– Я бы отдал все на свете, только бы вы лучше относились ко мне, – молил он в отчаянии и восторге. – Я никогда не видел девушки лучше вас! Вы замечательная! Я от вас без ума! Давайте как-нибудь пообедаем вместе, а потом сходим в театр. Хорошо? Хотите завтра вечером или в воскресенье? Эти вечера у меня свободные, а в остальные я работаю.

Она сначала колебалась, потому что даже теперь не была уверена, что захочет продолжать это знакомство. Ведь есть еще Гетлер, не говоря уже о многих других, и все они ревнивы и внимательны. Хотя Клайд и готов тратить на нее деньги, но, может быть, лучше с ним не связываться. Он и сейчас уже слишком пылок, и, пожалуй, с ним будет много хлопот. Но в то же время кокетство – вторая натура Гортензии – не позволяло ей оттолкнуть Клайда. Вдруг он попадет в руки Греты или Луизы! И поэтому в конце концов она согласилась встретиться с ним в следующий вторник. Но он не должен приходить к ней домой и не должен провожать ее сегодня, у нее есть провожатый – мистер Гетлер. А во вторник в половине седьмого она будет около отеля «Грин-Дэвидсон».

Он обещал ей обед у Фриссела, а затем они посмотрят «Корсара», музыкальную комедию в театре Либби, всего в двух кварталах от ресторана.

Глава 12

Каким бы пошлым и заурядным ни показалось многим это знакомство, для Клайда оно было преисполнено значительности. До сих пор никогда ни одна девушка, да еще такая очаровательная, не удостаивала его даже взглядом, – так он, по крайней мере, воображал. А теперь он встретил красивую девушку, и она настолько им заинтересовалась, что согласилась пообедать с ним и пойти вместе в театр. Пожалуй, она и вправду кокетка и ни с кем не бывает искренней, и маловероятно, что она так быстро подарит ему свое расположение, но – кто знает, кто может сказать?..

Верная своему обещанию, Гортензия действительно пришла во вторник на угол Четырнадцатой и Вайандот-стрит, неподалеку от «Грин-Дэвидсона». Клайд был так взволнован, польщен, обрадован, что с трудом мог привести в порядок свои мысли и чувства.

Стараясь показать, что достоин Гортензии, он особенно тщательно позаботился о своей внешности: напомадил волосы, надел галстук бабочкой, новое шелковое кашне, шелковые носки, чтобы заметней были ярко-коричневые ботинки, купленные специально для этого случая. Но когда они встретились, он так и не понял, обратила ли она на все это хоть малейшее внимание. В конце концов она интересовалась только своей собственной внешностью. К тому же – это была ее обычная уловка – она заставила Клайда прождать почти до семи часов, и за это время он успел впасть в глубочайшее уныние. А что, если она за эти дни потеряла всякий интерес к нему и не хочет больше с ним встречаться? Что ж, тогда придется обойтись без нее. Но это доказало бы, что он не интересен такой красивой девушке, как она, несмотря на свой нарядный костюм и на все свои деньги. Он решил, что его подруга – если это не будет Гортензия – непременно должна быть красивой. Некрасивая ему не нужна. Ретереру и Хегленду как будто все равно, хороши ли собой их знакомые девушки, но для него это страшно важно! От одной мысли о том, чтобы удовольствоваться менее привлекательной девушкой, чем Гортензия, Клайду становилось тошно.

И вот он стоит на улице, в тени подъезда, а вокруг сияние огней, вывесок и реклам, сотни пешеходов спешат во всех направлениях, и почти на всех лицах – мысль о предстоящих развлечениях и встречах, а он – он один, и, возможно, сейчас ему придется вернуться и пойти куда-то: обедать – одному, в театр – одному, и домой он вернется один, а завтра утром опять на работу. Клайд уже почти решил, что его постигла неудача, как вдруг неподалеку в толпе увидел Гортензию. Она была изящно одета: в черном бархатном жакете с красновато-коричневым воротником и обшлагами и в большой круглой бархатной шляпе с красной кожаной пряжкой сбоку. Щеки и губы были слегка подкрашены. Глаза блестели. И, как всегда, она была, видимо, очень довольна собой.

– Хэлло, я опоздала, да? Но я никак не могла поспеть вовремя. Понимаете, я забыла, что обещала увидеться с одним парнишкой – это мой друг, тоже чудный мальчик, – и только в шесть часов вспомнила, что у меня назначено два свидания. Вышло так неприятно. Мне надо было предупредить кого-нибудь из вас. Я совсем уже собралась позвонить вам и уговориться на другой вечер, да вспомнила, что вас нет на службе после шести. Том никогда не задерживается после шести. А Чарли всегда на работе до половины седьмого и даже позже иногда, и он очень милый мальчик – никогда не дуется и не ворчит. Он тоже хотел сегодня повести меня в ресторан и потом в театр. Он работает в табачном киоске в «Орфии». Ну вот, я ему позвонила. Он был не очень-то доволен. Но я сказала, что мы встретимся в другой вечер. Ну, что же, вы рады? Вы понимаете, что ради вас я огорчила Чарли, такого красивого мальчика?

Она уловила тревожное, ревнивое и в то же время робкое выражение, мелькнувшее в глазах Клайда, пока она говорила о другом своем поклоннике. Мысль, что можно заставить его ревновать, привела Гортензию в восторг. Итак, она окончательно покорила его! И она тряхнула головой и улыбнулась, идя с ним в ногу.

– Еще бы, так мило с вашей стороны, что вы пришли.

Клайд заставил себя сказать это, хотя от ее слов о Чарли, «чудном мальчике», у него перехватило горло и сердце сжалось. Ну разве сможет он удержать такую красивую и такую своевольную девушку!

– А у вас сегодня шикарный вид, – продолжал он, заставляя себя поддерживать разговор и сам немного удивляясь, что ему это удается. – Вам идет эта шляпка, и жакет тоже.

Он не отрываясь смотрел на нее, и в глазах его светилось восхищение и жадная, голодная страсть. Он хотел бы поцеловать ее прямо в губы, но не смел здесь, на улице, да и нигде пока не осмелился бы.

– Не удивительно, что все вас приглашают. Вы такая красивая!.. Хотите приколоть к жакету розы?

Они проходили в эту минуту мимо цветочного магазина, и у Клайда явилась мысль поднести ей цветы. Он слышал от Хегленда, что женщины любят мужчин, которые делают им подарки.

– Да, конечно, от роз я не откажусь, – ответила Гортензия, входя в магазин. – Или, пожалуй, лучше букетик фиалок. Они такие милые. И они, кажется, больше подойдут к моему жакету.

Ей понравилось, что Клайд подумал о цветах. И он говорил ей такие приятные вещи. В то же время она была убеждена, что он очень мало знает девушек, а может быть, и вовсе не знает. А она предпочитала мужчин и юношей более опытных, которые не так легко покорялись бы ей, которых было бы не так легко удержать. Однако она не могла не думать, что Клайд чем-то лучше мужчин, к которым она привыкла, тоньше, благороднее. И потому, несмотря на всю его неуклюжесть (с ее точки зрения), она готова была оставить его около себя и посмотреть, как он будет вести себя дальше.

– Вот эти шикарные! – воскликнула она, выбрав довольно большой букет фиалок и прикладывая их к жакету. – Эти мне нравятся!

И пока Клайд расплачивался, она вертелась перед зеркалом, пристраивая фиалки по своему вкусу. Наконец, довольная эффектом, она обернулась к Клайду с возгласом:

– Ну вот, я готова! – и взяла его под руку.

Клайд, немало напуганный ее развязными манерами, не знал, что сказать. Но напрасно он тревожился – Гортензия всецело была поглощена собственной персоной.

– Ну, скажу я вам, и неделька же у меня выдалась! Каждый вечер танцы. Возвращалась домой в три часа. А в воскресенье танцевали почти до утра. Да, скажу я вам, последний вечер был самый трудный. Вы были когда-нибудь у Бэркета? Это у перевоза Гиффорда, знаете? Очень модное место, замечательное, немного дальше «Биг-блю» на Тридцать девятой улице. Летом дансинг, а зимой тут же каток и можно танцевать на льду. И очень милый маленький оркестр.

Клайд любовался игрой ее губ, блеском глаз и живостью жестов, очень мало задумываясь над тем, что именно она говорит.

– С нами был Уоллес Трон… Ну и мальчишка! Когда мы стали есть мороженое, он пошел в кухню, вымазал лицо сажей, взял у официанта куртку и передник и стал нам прислуживать. Смешной мальчишка! А какие фокусы он проделывал с тарелками и ложками!

Клайд вздохнул: он отнюдь не отличался такими талантами, как этот Трон.

– А потом, в понедельник утром, мы все вернулись домой около четырех часов, а в семь мне уже нужно вставать. Я была как вареная рыба. Меня бы уволили, если б не славный народ в магазине и не мистер Бек. Это, знаете, заведующий в моем отделе. По правде говоря, я его так мучаю, беднягу. В магазине я делаю, что хочу. Раз я очень опоздала после завтрака; одна подруга взяла мою карточку и отбила за меня время на контрольных часах, понимаете? А тут вошел мистер Бек и увидел ее. А после, уже часа в два, он мне говорит: «Послушайте, мисс Бригс (он всегда называет меня мисс Бригс; я не позволяю называть себя по-другому. Он еще стал бы вольничать, если бы я позволила), этот номер не пройдет – передавать карточку. Надо бросить эти штучки». А я только расхохоталась. Он иногда так брюзжит на нас! Но я все равно поставила его на место. Он, понимаете ли, немножко неравнодушен ко мне – кто-кто, а он меня ни за что на свете не уволит. Я и говорю ему: «Послушайте, мистер Бек, вы со мной не разговаривайте таким тоном. Я не часто опаздываю, у меня нет такой привычки. И потом, я могу найти себе и другую службу в Канзас-Сити. Если уж так повелось, что стоит мне в кои-то веки опоздать, как сразу начинаются разговоры, – так, пожалуйста, увольняйте меня, и все». Не могла же я позволить, чтобы он говорил со мной таким тоном. Как я думала, так и вышло, – он сразу сдался. Он только сказал: «Ну, все равно, я вас предупредил. В другой раз вас может увидеть мистер Тирни, и тогда вы попробуете, каково служить в другом месте». Конечно, он сказал это все ради смеха и знал, что я тоже дурачусь. Я расхохоталась. А через две минуты он смеялся с мистером Скоттом, я видела. Но, черт возьми, я иногда выкидываю там штучки!

Наконец они подошли к ресторану Фриссела, и Клайд, не сказавший за всю дорогу и двух слов, вздохнул с облегчением. В первый раз в жизни он мог гордиться тем, что угощает девушку в таком шикарном месте. Теперь он и в самом деле кое-чего добился. У него – настоящий роман! Гортензия так высоко ценила себя, так настойчиво подчеркивала свои приятельские отношения с множеством девушек и молодых людей, весело проводящих время, что Клайду казалось, будто до сих пор он вовсе и не жил. Он быстро вспоминал, о чем она рассказывала: Бэркет, катание на коньках и танцы на льду… Уоллес Трон… молодой продавец из табачного киоска, с которым она должна была встретиться сегодня… мистер Бек, ее начальник в магазине, настолько влюбленный, что не в силах ее уволить… И, глядя, как она, совсем не думая о состоянии его кошелька, заказывает обед по своему вкусу, Клайд любовался ее лицом, фигурой, формой кисти, по которой можно судить об изяществе и красоте всей руки, высокой, вполне сформировавшейся грудью, изгибом бровей, нежной округлостью щек и подбородка. Притом Клайда волновал ее мягкий, вкрадчивый голос. Он был восхищен. Вот если бы такая девушка принадлежала ему!

А она и здесь, как на улице, продолжала болтать о себе, и на нее, видимо, не производило никакого впечатления, что она обедает в таком месте, которое Клайду казалось совершенно замечательным. В те минуты, когда Гортензия не смотрелась в зеркало, она изучала меню и выбирала, что ей нравится: барашек в мятном желе… нет, омлет она не любит и ростбиф тоже… Ах, вот что: филе-миньон с грибами… В конце концов она прибавила к этому сельдерей и цветную капусту. И ей хотелось бы коктейль. Да, да, Клайд слышал от Хегленда, что обед ничего не стоит без маленькой выпивки, и потому нерешительно предложил коктейль. А Гортензия, выпив коктейль, потом другой, стала еще оживленнее, веселее и болтливее, чем прежде.

Но Клайд заметил, что она продолжает держаться с ним несколько отчужденно, безразлично. Когда он робко пытался перевести разговор на их отношения, на свое чувство к ней, выяснить, не влюблена ли она в кого-нибудь другого, она обрывала его, заявляя, что ей нравятся все молодые люди: все одинаково. Они все так милы, так внимательны к ней. Да так и должно

быть! Иначе она не станет вести с ними знакомство. Тогда они ей ни к чему! Ее живые глаза сверкали, и она вызывающе встряхивала головой.

И Клайд был пленен всем этим. Ее жесты, позы, гримаски, все ее движения были чувственными и многообещающими. Казалось, ей нравилось дразнить, обещать, делать вид, что она готова сдаться, а затем отказываться от всех обещаний, притворяясь целомудренно-сдержанной, словно у нее и в мыслях не было того, что ей приписывали.

Клайда возбуждало и приводило в трепет уже одно то, что она была здесь, рядом. Это была пытка, но сладкая пытка. Он был полон мучительных мыслей о том, как было бы чудесно, если бы Гортензия позволила ему обнять ее, поцеловать, даже укусить. Прижаться губами к ее губам! Задушить ее поцелуями и ласками! По временам она бросала на него умышленно томный взгляд, и он ощущал болезненную слабость, до головокружения. Он мечтал только об одном: что когда-нибудь упорным ухаживанием или деньгами он заставит ее полюбить себя.

Но и после того, как они побывали в театре, а затем он доставил ее домой, Клайд не достиг сколько-нибудь заметного успеха. Так как Гортензия мало интересовалась Клайдом, она во время представления «Корсара» в театре Либби с искренним интересом следила за спектаклем, говорила только о пьесах, которые видела раньше, высказывала свое мнение об актерах и актрисах, вспоминала, кто именно из поклонников водил ее на ту или иную пьесу. И Клайд, вместо того чтобы соперничать с ней в остроумии и высказывать собственные суждения, был вынужден только поддакивать ей.

А она все время думала об одержанной ею новой победе. И так как она давно уже перестала быть добродетельной и поняла, что у него есть кое-какие деньги и он готов тратить их на нее, она решила, что будет в меру мила с ним – ровно настолько, чтобы удержать его, не больше. В то же время она, по своему обыкновению, будет как можно больше развлекаться с другими, а Клайда заставит покупать ей разные вещи и занимать ее в те дни, когда у нее не будет других достаточно интересных приглашений.

Глава 13

Так продолжалось по меньшей мере четыре месяца. После того первого вечера Клайд значительную часть своего свободного времени посвящал Гортензии, пытаясь заинтересовать ее в такой же мере, в какой она, видимо, интересовалась другими молодыми людьми. А между тем он не мог бы сказать, способна ли она по-настоящему привязаться к кому-нибудь одному, но и не мог поверить, чтобы у нее были со всеми только невинные товарищеские отношения. Однако она была так соблазнительна, что он с ума сходил: если его худшие подозрения справедливы, быть может, в конце концов она окажется благосклонной и к нему. Он был так одурманен чувственной атмосферой, окутывавшей Гортензию, ее изменчивостью, желанием, явственно сквозившим в ее жестах, настроениях, голосе, манере одеваться, что и подумать не мог отказаться от нее.

Словом, он глупо бегал за ней. А она, видя это, не подпускала его близко, порой избегала, заставляла его довольствоваться жалкими крохами своего внимания и вместе с тем милостиво посвящала в подробности своих увеселений в обществе других молодых людей. Он чувствовал, что не в силах больше вот так бегать за нею, и в ярости давал себе слово прекратить эти встречи. Право, ничего хорошего у него с нею не выйдет. Но при новом свидании, видя то же холодное равнодушие в каждом ее слове и каждом поступке, он терял мужество и не в силах был порвать свои оковы.

И при этом Гортензия не стеснялась говорить ему, что из вещей ей нужно и что хотелось бы иметь; сперва это были мелочи: новая пуховка для пудры, губная помада, коробка пудры или флакон духов. Потом она осмелела и в разное время, под разными предлогами говорила Клайду о сумках, блузках, туфельках, чулках, шляпе, которые она с удовольствием купила бы, будь у нее деньги; меж тем она не шла на уступки, отделываясь уклончивыми, мимолетными ласками, изредка с томным видом разрешая обнять себя; эта томность много обещала, но обещанное никогда не сбывалось. И Клайд, чтобы снискать ее расположение и доверие, покупал все эти вещи, хотя подчас из-за того, что происходило у него в семье, эти траты были ему не под силу. Однако к концу четвертого месяца он стал понимать, что очень мало продвинулся вперед: благосклонность Гортензии так же далека от него сейчас, как и в начале их знакомства. Словом, он жил в лихорадочной, мучительной погоне за нею без сколько-нибудь определенной надежды на награду.

А тем временем в доме Грифитсов по-прежнему царили органически присущие всем членам этой семьи беспокойство и подавленность. С исчезновением Эсты начался период уныния, и ему не видно было конца. Для Клайда положение осложнялось мучительно дразнящей, больше того – раздражающей таинственностью, ибо ни одни родители не могли бы проявить большую щепетильность, чем Грифитсы, в тех случаях, когда в семье происходило что-либо, связанное с вопросами пола. И особенно это относилось к тайне, с некоторых пор окружавшей Эсту. Она сбежала. И не вернулась. И, насколько знали Клайд и остальные дети, от нее не было никаких вестей. Однако Клайд заметил, что после первых недель ее отсутствия, когда мать и отец чрезвычайно тревожились, мучаясь вопросами – где она и почему не пишет, они вдруг перестали волноваться и как будто примирились с тем, что произошло: по крайней мере они уже не так терзались положением, которое прежде казалось совершенно безнадежным. Он не мог этого понять. Перемена была очень заметна, и, однако, никто не сказал ни слова в объяснение. Немного позже Клайд заметил, что мать с кем-то переписывается, а это бывало не часто: у нее почти не было знакомств и деловых связей, и письма она получала или писала очень редко.

Однажды, вскоре после того, как Клайд стал работать в отеле «Грин-Дэвидсон», он пришел домой раньше обычного и застал мать, склонившуюся над письмом, очевидно только что полученным и очень важным для нее. И, вероятно, в нем было что-то секретное, так как при виде Клайда мать тотчас прекратила чтение, торопливо и нервно встала и отложила письмо, ничего не объясняя. Но Клайд почему-то – может быть, чутьем – понял, что это письмо от Эсты. Он не был уверен. Он стоял далеко и не мог узнать почерка. Но как бы то ни было, мать ничего потом не сказала ему об этом письме. Выражение ее лица говорило, что она не желает расспросов, и столько сдержанности было в их отношениях, что Клайду и в голову не пришло расспрашивать. Он просто удивился, а потом почти забыл об этом случае.

Через месяц или немного больше, когда он уже неплохо освоился с работой в отеле и увлекся Гортензией Бригс, мать вдруг обратилась к нему с очень странным вопросом. Однажды, когда он только что вернулся с работы, она позвала его в зал миссии. Не объясняя для чего ей это нужно, и не говоря прямо, что теперь Клайд, по ее мнению, более или менее в состоянии помочь ей, мать сказала, пристально и с волнением глядя на него:

– Клайд, ты не знаешь, как бы мне достать сейчас сто долларов?

Клайд был так удивлен, что едва мог поверить своим ушам: всего несколько недель назад заговорить с ним о сумме большей, чем четыре-пять долларов, было бы совершенной нелепостью. Мать это знала. А теперь она обращалась к нему, словно подозревая, что он может достать для нее такие большие деньги. И правильно, ведь его одежда и весь его вид говорили, что для него наступили лучшие дни.

Прежде всего он подумал об одном: конечно, мать заметила, как он одет и какой образ жизни ведет, и пришла к убеждению, что он обманывает ее относительно размеров своего заработка. И отчасти это было верно; но поведение Клайда в последнее время так изменилось, что матери тоже пришлось совсем изменить свое с ним обращение: она теперь сомневалась, удастся ли ей в дальнейшем сохранить свою власть над ним. В последнее время – с тех пор как он поступил на новое место – ей почему-то казалось, что он стал благоразумнее, увереннее в себе, меньше поддается сомнениям и намерен жить по-своему и сам за себя отвечать. Это ее немало тревожило, но, с другой стороны, нравилось ей. Чувствительная и беспокойная натура Клайда всегда была загадкой для матери, и видеть его наконец самостоятельным – это уже кое-что; правда, замечая, каким он становится франтом, она порою тревожилась и с недоумением спрашивала себя: в какую компанию он попал? Но, поскольку работа в отеле отнимала у него так много времени, а весь свой заработок он, очевидно, тратил на одежду, она считала, что у нее нет оснований жаловаться. Еще одно опасение мелькало у нее: не ведет ли он себя слишком эгоистично, не чересчур ли заботится о собственном благополучии. Но, зная, как долго он был лишен всяких удовольствий, она не могла слишком сурово порицать его теперь за желание развлечься.

Клайд смотрел на мать, не вполне понимая, что у нее на уме.

– Но где же я достану сто долларов, мама?! – воскликнул он. Он уже видел мысленно, как в результате таких вот неслыханных и необъяснимых требований иссякает только что обретенный им источник богатства, и на его лице отразилось огорчение и недоверие.

– Я и не думала, что ты можешь достать для меня всю эту сумму, – деликатно ответила миссис Грифитс. – У меня есть план, я надеюсь сама достать большую часть денег. Я только хочу, чтобы ты посоветовал мне, как добыть остальное. Я не хотела бы обращаться к твоему отцу, если этого можно избежать, а ты становишься уже достаточно взрослым, чтобы немного помочь мне. – Она с интересом и одобрением смотрела на Клайда. – Отец не силен в деловых вопросах, – продолжала она, – и у него без того много забот.

Она устало провела широкой ладонью по лбу; Клайд видел, что она попала в очень затруднительное положение, и ему стало жаль ее, хоть он и не знал, в чем дело. Притом, помимо нежелания расстаться с деньгами, в нем заговорило любопытство: для чего все это? Сто долларов! Вот так номер!

– Я тебе скажу, какой у меня план, – после паузы прибавила мать. – Мне необходимы сто долларов, но я не могу сейчас сказать тебе, да и никому другому, для чего, и ты меня не спрашивай. Вот здесь, в столе, старые золотые часы отца и мое золотое кольцо и булавка. Если их продать или заложить, за все должны дать двадцать пять долларов, не меньше. Потом есть еще мои серебряные ножи и вилки, и серебряное блюдо, и кувшин. (Клайд хорошо знал эти реликвии.) Одно это блюдо стоит двадцать пять долларов. Я думаю, за них тоже дадут долларов двадцать или двадцать пять. Если бы ты нашел где-нибудь по соседству с твоим отелем хороший ломбард и заложил бы все это и если бы потом ты некоторое время давал мне лишних пять долларов в неделю… (Лицо Клайда вытянулось.) Я могла бы попросить одного моего друга – мистера Мерча, ты его знаешь, он бывает у нас в миссии, – одолжить мне столько, сколько не хватит до сотни, а потом я смогу возвращать ему из тех денег, которые ты будешь мне давать. И у меня самой есть еще долларов десять.

Она посмотрела на Клайда так, словно хотела сказать: «Надеюсь, ты не оставишь меня в беде», – и Клайд смягчился, хотя все это и значило, что теперь он не сможет, как рассчитывал, тратить на себя весь свой заработок. Он согласился отнести вещи в ломбард и давать матери на пять долларов в неделю больше до тех пор, пока не будет выплачен долг. И все же он не мог подавить невольную досаду. Так недавно он стал прилично зарабатывать – и вот мать требует все больше и больше. Уже десять долларов в неделю! Вечно у них что-нибудь не ладится, думал Клайд, вечно им что-нибудь нужно, и нет никакой уверенности, что потом не будет еще новых требований.

Он взял вещи, снес их в самый солидный ломбард, какой только нашел, и взял предложенные ему за все сорок пять долларов. Стало быть, с десятью долларами матери получается пятьдесят пять, еще сорок пять она займет у мистера Мерча – и будет сотня. Это значит, что в течение девяти недель ему придется отдавать ей по десять долларов вместо пяти. Теперь, когда ему так хотелось жить совсем иначе, чем прежде, хорошо одеваться и не отказывать себе в удовольствиях, это открытие очень мало радовало его. Тем не менее он решил выполнить просьбу матери. В конце концов, он кое-чем ей обязан. Она принесла в прошлом немало жертв ради него и остальных детей, и он не решался быть слишком большим эгоистом. Это было бы непорядочно.

И еще одна мысль упорно приходила ему на ум: если мать и отец будут рассчитывать на его денежную помощь, они станут больше с ним считаться. Прежде всего ему должны позволить поздно возвращаться домой по вечерам. Притом он одевался за свой счет и столовался в отеле, – а это, как он понимал, значительно сокращало расходы родителей.

Однако вскоре перед Клайдом возникла новая задача. Вот как это произошло.

Как-то после истории со ста долларами он случайно встретил мать на Монтроз-стрит, одной из беднейших улиц в городе; Монтроз-стрит тянулась к северу от улицы Бикел, где жили Грифитсы, и представляла собой два ряда деревянных двухэтажных домишек: тут сдавались внаем квартиры без мебели. Даже Грифитсы, при всей своей бедности, сочли бы унижением поселиться на такой улице. Мать спустилась с крыльца одного из домишек, несколько менее ветхого, чем другие; в окне нижнего этажа была выставлена бросавшаяся в глаза табличка: «Меблированные комнаты». Потом, не оборачиваясь и не замечая Клайда, шедшего по другой стороне улицы, она направилась к другому такому же дому, в нескольких шагах от первого: тут тоже было вывешено объявление о сдаче меблированных комнат. Мать внимательно оглядела дом, потом поднялась на крыльцо и позвонила.

Клайду сперва показалось, что мать разыскивает кого-то, не зная точно адреса. Но, перейдя улицу как раз в ту минуту, когда хозяйка приоткрыла дверь, он услышал, как мать спросила:

– У вас есть свободная комната?

– Да, – был ответ.

– С ванной?

– Нет, но ванна есть во втором этаже.

– Какая цена?

– Четыре доллара в неделю.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста, войдите.

Миссис Грифитс как будто колебалась. А Клайд в это время стоял внизу, в нескольких шагах от нее, и смотрел вверх, ожидая, когда она обернется и узнает его. Но она вошла в дом, не обернувшись. Клайд с любопытством смотрел ей вслед. Конечно, тут нет ничего необычайного, – вероятно, мать ищет комнату для какой-нибудь девушки… но почему здесь, на этой улице? Обычно она в таких случаях обращалась в Армию спасения или в «Союз молодых христианок». Первым его побуждением было подождать ее и расспросить, что она здесь делает, но ему предстояло еще несколько собственных дел, и он ушел.

Вечером, зайдя домой переодеться, он застал мать в кухне.

– А я видел тебя сегодня утром на Монтроз-стрит, мама, – сказал он.

– Да? – чуть помедлив, отозвалась миссис Грифитс.

Клайд заметил, что она вздрогнула, словно его сообщение застигло ее врасплох. Продолжая чистить картошку, она испытующе посмотрела на сына.

– Ну и что же? – прибавила она спокойно, но при этом покраснела, чего с нею никогда не случалось в разговорах с сыном. И, конечно, ее волнение и испуг сильно заинтересовали Клайда.

– Ты заходила в один дом, – наверно, искала комнату для кого-нибудь, – сказал он, внимательно глядя на мать.

– Да, – ответила миссис Грифитс теперь уже довольно просто. – Мне нужна комната для одного человека, – он болен, и у него не очень много денег. Но подходящую комнату не так-то легко найти.

Она отвернулась, словно не желая больше говорить на эту тему, и хотя Клайд почувствовал это, он, однако, не удержался и прибавил:

– Ну, не такая это улица, чтобы снимать там комнату.

Служба в «Грин-Дэвидсон» быстро научила его совсем по-иному рассуждать о том, где и как следует жить. Мать ничего не ответила, и он ушел в свою комнату переодеваться.

Примерно через месяц, проходя поздно вечером по Миссури-авеню, Клайд снова невдалеке заметил мать, шедшую ему навстречу. При свете, падавшем из окна какой-то лавчонки, – такие маленькие лавочки тянулись вдоль всей этой улицы – Клайд увидел в руках матери довольно тяжелый старомодный саквояж, который давным-давно лежал в доме без употребления. Неожиданно она остановилась (потому что заметила его, как решил потом Клайд) и быстро вошла в подъезд трехэтажного кирпичного дома. Когда же Клайд подошел к этому дому, дверь его оказалась плотно прикрытой. Открыв ее, он увидел плохо освещенную лестницу; вероятно, мать поднялась по ней. Однако он не стал производить дальнейших расследований, он не был вполне уверен в своих догадках, – быть может, она зашла сюда просто навестить кого-нибудь, – все произошло слишком быстро. Но, подождав на ближайшем углу, он наконец увидел, что она вышла. С возрастающим любопытством Клайд следил, как она осторожно осматривалась, прежде чем пойти дальше. Это навело его на мысль, что она, видимо, прячется от него. Но почему?

Клайда так поразило странное поведение матери, что он готов был пойти за ней следом. Но потом решил: раз она не хочет, чтобы он знал о ее делах, пожалуй, лучше не вмешиваться. В то же время ее настороженные движения возбудили в нем острое любопытство. Почему мать не хотела, чтобы он видел, как она идет куда-то с саквояжем? Уклончивость и скрытность были не в ее характере (в противоположность его собственному). Почти тотчас же он мысленно связал эту встречу с другой, возле меблированных комнат на Монтроз-стрит, и с тем случаем, когда он застал ее за чтением письма, и с ее усилиями достать вдруг понадобившиеся ей сто долларов. Куда же она ходила? Что скрывала?

Размышляя об этом, Клайд никак не мог решить, имеет ли все это какое-то отношение к нему или к кому-либо из родных. Но примерно через неделю, проходя по Одиннадцатой улице, он вдруг увидел Эсту или по крайней мере девушку, чрезвычайно похожую на нее: тот же рост, та же походка; Клайду показалось только, что она старше сестры. Но она так быстро прошла и исчезла в толпе, что он не мог проверить, действительно ли то была Эста. Это было лишь мимолетное видение – такое яркое, что он повернулся и бросился вслед, но она уже скрылась. Все же он был убежден, что не ошибся, и потому тотчас пошел домой. Найдя мать в миссии, он объявил ей, что видел Эсту. Она вернулась в Канзас-Сити, никаких сомнений. Он видел ее на Одиннадцатой, недалеко от Балтимор-стрит. Мать ничего не знает?

И тут Клайд с удивлением заметил, что мать приняла это известие не так, как он ожидал. В нем самом внезапное исчезновение, а теперь внезапное появление Эсты вызывало смесь удивления и радости, любопытства и сочувствия. Может быть, сто долларов нужны были матери для того, чтобы вернуть Эсту? Клайд не мог бы объяснить, откуда у него взялась эта мысль. Он терялся в догадках. Но если так, почему же Эста не явилась домой, хотя бы затем, чтобы известить семью о своем приезде?

Он ожидал, что мать будет так же удивлена и озадачена, как и он сам, и поспешит расспросить его о подробностях. Вместо этого она казалась явно смущенной, застигнутой врасплох, словно услышала нечто ей уже известное и теперь не знала толком, как ей держаться.

– Ты видел ее? Где? На Одиннадцатой улице? Только что? Вот странно! Нужно сказать об этом Эйсе. Почему же она не приходит сюда, если вернулась…

В глазах матери Клайд увидел не удивление, а замешательство и тревогу. Ее рот, как всегда, когда она была смущена и расстроена, странно двигался,

– вздрагивали не только губы, но и подбородок.

– Вот так так! – прибавила она, помолчав. – Странно. Может быть, это была просто какая-нибудь девушка, похожая на Эсту?

Но Клайд, искоса наблюдавший за матерью, не мог поверить ее притворному удивлению. Вскоре пришел Эйса, и Клайд, собираясь в отель, слышал, что они обсуждали новость как-то равнодушно, без всякого интереса, словно это событие вовсе не было столь поразительным, как казалось Клайду. Его так и не позвали рассказать о подробностях.

Потом, как будто нарочно для того, чтобы он мог разгадать эту тайну, мать встретилась ему однажды на Спрус-стрит: она несла небольшую корзинку. С недавних пор он заметил, что она ежедневно по утрам и перед вечером стала уходить из дому. На этот раз, задолго до того, как мать могла увидеть его, он заметил ее характерную массивную фигуру в неизменном старом коричневом пальто и свернул за угол; спрятавшись за газетным киоском, он подождал, пока она пройдет, а затем пошел следом, держась поодаль, на расстоянии полуквартала. Она шла все дальше, вдоль ряда очень старых домов – бывших особняков, где теперь сдавались дешевые меблированные комнаты, и Клайд увидел, как она подошла к одному из этих домов и исчезла за дверью, но перед тем испытующе посмотрела по сторонам.

Когда мать скрылась в подъезде, Клайд подошел ближе и с интересом осмотрел дом. Что ей здесь делать? К кому она ходит? Он с трудом мог бы объяснить себе свое неугомонное любопытство. Но с тех пор, как ему показалось, будто он видел Эсту, у него появилось смутное ощущение, что все это должно быть связано с ней: письма, сто долларов, меблированные комнаты на Монтроз-стрит.

На углу, наискось от дома, стояло большое дерево, с которого зимний ветер давно сорвал все листья, и рядом, почти вплотную к широкому стволу,

– телеграфный столб. Клайд спрятался за ними и с этого наблюдательного пункта, сам оставаясь незамеченным, следил за окнами дома. И вот в одном из окон второго этажа он увидел мать, которая расхаживала по комнате, словно у себя дома, а минутой позже с удивлением увидел Эсту: она подошла к одному из двух окон комнаты и положила на подоконник какой-то пакет. На ней было светлое домашнее платье или светлый платок на плечах. На этот раз нельзя было ошибиться. Клайд вздрогнул, поняв, что это в самом деле Эста и с ней мать. Но что она такое сделала? Из-за чего ей пришлось вернуться и почему она теперь прячется? Быть может, ее муж, человек, с которым она бежала, бросил ее?

Его так мучило любопытство, что он решил подождать, пока не уйдет мать, а потом повидаться с Эстой. Ему так хотелось снова увидеть ее и узнать, что тут за тайна… Он ждал и думал о том, как он всегда любил Эсту и как странно, что она так таинственно прячется здесь.

Час спустя мать вышла из дому; ее корзинка, по-видимому, была пуста, – она совсем легко держала ее в руке. И точно так же, как раньше, она осторожно оглянулась, и на лице ее застыло прежнее упрямое и все же озабоченное выражение: смесь упорной веры и тревожного сомнения.

Клайд видел, как она пошла по направлению к миссии, и провожал ее глазами, пока она не скрылась из виду. Тогда он повернулся и вошел в дом. Как он и думал, это были меблированные комнаты: на многих дверях виднелись таблички с фамилиями жильцов. Клайд заранее рассчитал, где находится комната Эсты, и теперь прямо прошел к ее двери и постучал. Изнутри послышались легкие шаги, и после минутной задержки, – очевидно, были необходимы какие-то поспешные приготовления, – дверь приоткрылась и выглянула Эста. В первую секунду она недоверчиво смотрела на Клайда, потом вскрикнула от удивления и немного смутилась; настороженность исчезла: Эста поняла, что перед нею в самом деле Клайд, и распахнула дверь.

– Клайд, ты? Как ты отыскал меня? А я только что о тебе думала!

Клайд обнял ее и поцеловал. Он тут же с неудовольствием и огорчением заметил, что она сильно изменилась: похудела, побледнела, глаза ввалились, а одета ничуть не лучше, чем перед бегством. Она явно была чем-то взволнована и удручена. Клайд спрашивал себя, где же ее муж? Почему его здесь нет? Куда он девался? Клайд видел, что Эста рада свиданию с ним, но вместе с тем уловил в ее взгляде смущение и неуверенность. Губы ее приоткрылись, готовые улыбнуться ему и вымолвить слова привета, но по глазам было видно, что она старается решить какую-то нелегкую задачу.

– Я не ожидала, что ты придешь, – прибавила она быстро, когда он выпустил ее из объятий. – Ты не видел… – Она остановилась на полуслове, явно боясь проговориться.

– Да, конечно, я видел маму, – сказал он. – Поэтому я и узнал, что ты здесь. Я видел, как она вышла только что, и потом увидел тебя в окне (он не признался, что проследил, как мать пришла сюда, и подстерегал ее около часу). Но когда же ты вернулась? – продолжал он. – Почему ты никому из нас не давала о себе знать? Смотри, это просто значит задирать нос: исчезла на столько времени и никому ни звука! Все-таки ты могла бы написать мне два слова. Мы ведь всегда отлично ладили, правда?

Он смотрел весело, пытливо и настойчиво. Сестра старалась уклониться от ответа и не знала, что ей думать и что говорить. Наконец она сказала:

– А я не могла понять, кто это стучит. У меня здесь никто не бывает. Но как ты мило выглядишь, Клайд! У тебя прекрасный костюм. И ты очень вырос. Мама сказала мне, что ты работаешь в отеле «Грин-Дэвидсон».

Она с восхищением смотрела на него, и Клайд был очень тронут. Но в то же время он продолжал думать о ее состоянии. Он упорно разглядывал ее лицо, глаза, похудевшую фигуру и, взглянув еще раз на ее талию и осунувшееся лицо, понял, что с нею неладно. Она ожидает ребенка. И вновь подумал: где же ее муж, тот человек, с которым она сбежала? В своей первой записке она сообщала, по словам матери, что выходит замуж. Однако теперь он ясно понимал, что замуж она не вышла. Она покинута, брошена в этой жалкой комнате, одинока. Он видел это, чувствовал, понимал.

И тут же он подумал: в их злосчастной семье всегда так! Вот он только начинает жить самостоятельно, старается чего-то добиться, выйти в люди и приятно проводить время. И Эста тоже сделала такую попытку: она тоже старалась добиться чего-то лучшего – и вот чем все это кончилось! Он почувствовал тоску и обиду.

– Давно ты вернулась, Эста? – повторил он нерешительно, не зная, что говорить.

Он начал понимать, что раз Эста оказалась в таком положении, встреча с нею грозит ему новыми расходами, волнениями и несчастиями, – и почти раскаивался в своем любопытстве. Зачем ему понадобилось прийти сюда? Теперь, конечно, придется помочь.

– Не так давно, Клайд, кажется, около месяца, не больше.

– Я так и думал: я видел тебя с месяц назад на углу Одиннадцатой и Балтимор-стрит. Верно? Конечно, это была ты, – прибавил он уже не так весело; эту перемену в его тоне сразу заметила Эста. Она кивнула в подтверждение. – Я был уверен, что это ты. Я сразу сказал маме, но она тогда не согласилась со мной. Впрочем, она вовсе не так удивилась, как я думал. Теперь я понимаю почему. Она вела себя так, словно не хотела, чтобы я говорил с ней об этом. Но я знал, что не ошибся.

Он посмотрел на сестру, гордый своей проницательностью, и замолчал, не зная, о чем еще говорить, и не совсем уверенный, был ли какой-нибудь смысл и значение в том, что он уже сказал. Вряд ли это могло помочь Эсте.

И она тоже не знала, как быть: промолчать о своем положении или признаться во всем. Надо что-то сказать ведь. Клайд и сам может понять, как ужасно ее состояние. Ей трудно было выносить его испытующий взгляд. И, думая не столько о матери, сколько о том, чтобы самой как-то выйти из затруднения, она наконец сказала:

– Бедная мама! Ты должен понять ее, Клайд. Она просто не знает, что делать. Конечно, это я виновата. Если б я не убежала, я бы не доставила ей столько хлопот. Она не привыкла иметь дело с такими вещами, и ей так трудно живется…

Эста вдруг отвернулась, плечи ее вздрагивали. Она низко опустила голову, закрыла лицо руками, и Клайд понял, что она беззвучно плачет.

– Ну, что ты, сестренка! – воскликнул Клайд, подходя ближе; в эту минуту ему было бесконечно жаль Эсту. – Что с тобой? Почему ты плачешь? Разве тот человек, с которым ты уехала, не женился на тебе?

Она покачала головой и зарыдала еще сильнее. И тут Клайд понял все психологическое, общественное и биологическое значение того, что произошло с сестрой. С ней случилась беда: она беременна, без денег и без мужа. Вот почему мать искала комнату, вот почему пыталась занять у него сто долларов! Она стыдилась Эсты и ее положения, стыдилась не только того, что подумают посторонние, но и того, что подумают Клайд, Джулия и Фрэнк, как может повлиять на них положение сестры, – ведь в глазах людей оно безнравственно, противозаконно. И потому она от всех старалась скрыть историю с Эстой, рассказывала всякие небылицы, – это для нее, конечно, самое необычное и самое трудное. И все-таки она не достигла своей цели, ей явно не повезло.

Клайд был снова смущен и озадачен – не только положением сестры и тем, как оно может отразиться на нем и на других членах семьи в таком городе, как Канзас-Сити, но еще и поведением матери, не вполне безупречным и даже отчасти безнравственным, ибо она решилась пойти на обман. Она уклонилась от прямого ответа, если не просто солгала: ведь она все время знала, что Эста здесь. И, однако, он не был склонен осуждать ее за это, вовсе нет. Ложь в этом случае, конечно, была необходимостью даже для такого набожного и правдивого человека, как его мать. Просто нельзя было допустить, чтобы это стало всем известно. Он, конечно, не хотел бы, чтобы посторонние узнали, что случилось с Эстой, и если бы мог – помешал бы этому. Что могут подумать люди? Что станут говорить о ней, да и о нем? Положение семьи и без того достаточно унизительно. И вот Клайд стоял растерянный и озабоченный и смотрел, как плачет Эста. А она, понимая, что это из-за нее он так озабочен и пристыжен, плакала еще сильнее.

– Скверно, – помолчав, с беспокойством, но и не без сочувствия сказал Клайд. – Ты не убежала бы с ним, если бы не любила, правда? (Он думал о себе и Гортензии Бригс.) Мне очень жаль тебя, Эсс! Право, жаль. Но ведь слезами ничему не поможешь. Свет на нем клином не сошелся. Подожди, все будет хорошо.

– Ах, не знаю, – всхлипывала Эста. – Но я была так глупа. И мне было так трудно… А теперь у мамы и у всех вас столько забот из-за меня… – Она всхлипнула. Потом, помолчав, прибавила: – Он уехал и оставил меня одну в Питсбурге, в отеле, совсем без денег. Если б не мама, не знаю, что бы я стала делать. Она прислала мне сто долларов, когда я ей написала. Одно время я работала в ресторане, пока могла. Я не хотела писать домой про то, что он меня бросил. Мне было стыдно. Но под конец мне ничего другого не оставалось, – я так скверно стала себя чувствовать…

Она опять заплакала, и Клайд, поняв, сколько мать делала для Эсты и как старалась помочь ей, жалел теперь мать почти так же, как и сестру, и даже больше: ведь об Эсте заботится мать, а у матери, в сущности, нет никого, кто мог бы ей помочь.

– Я еще некоторое время не смогу работать, – продолжала Эста, – а мама не хочет, чтобы я теперь вернулась домой. Она не хочет, чтоб вы узнали – Джулия, или Фрэнк, или ты… Она права, я знаю, конечно, права… но у нее ничего нет и у меня тоже… А мне здесь так одиноко иногда! – Ее глаза наполнились слезами, и она опять начала всхлипывать. – Я была такая глупая…

Клайд на мгновение почувствовал, что и сам готов заплакать. Жизнь порою бывает такая странная, такая тяжелая. Подумать только, как он мучился все эти годы? До самого последнего времени не видел ничего хорошего и всегда мечтал сбежать. А Эста сбежала – и вот что с ней случилось. Почему-то он вспомнил: на улице в Центре города, среди огромных, высоких зданий, перед отцовским органчиком сидит Эста и поет, лицо у нее такое хорошее и невинное. Да, трудная штука жизнь! Как все-таки жестоко устроен мир! Как странно все складывается!

Клайд посмотрел на Эсту, обвел взглядом комнату, сказал сестре, что теперь она не будет одинока, – он будет приходить к ней, только пусть она не говорит матери, что он был здесь, и если ей что-нибудь понадобится, пусть позовет его, хотя он зарабатывает не так уж много… и наконец ушел. И по пути в отель, на работу, он продолжал думать о том, как все это печально и как жаль, что он пошел за матерью, – лучше бы ему ничего не знать. А впрочем, это все равно открылось бы. Мать не могла скрывать без конца. Наверно, ей опять пришлось бы просить у него денег. Но что за негодяй этот тип – удрал и оставил Эсту в чужом городе без единого цента! И он вдруг вспомнил о девушке, которую ее спутник бросил в отеле «Грин-Дэвидсон» несколько месяцев назад с неоплаченным счетом за комнаты и за пансион. Тогда и ему и его товарищам все это казалось таким смешным, будило особый, чувственный интерес.

Но теперь это касается его сестры. С нею поступили так же, как и с той девушкой. И, однако, все это уже не кажется ему таким ужасным, как немного раньше, у Эсты, когда он слышал ее плач. Вокруг оживленный, сияющий город, полный людей, насыщенный энергией, а впереди – веселый отель, где он работает. Жизнь не так уж плоха. Кроме того, у него роман с Гортензией и всякие развлечения. Эста как-нибудь устроится. Она опять будет здорова, и все пойдет хорошо. Но подумать только, что у него такая семья! Вечно нужда, и ни малейшей предусмотрительности, – а потом получаются вот такие вещи – не одно, так другое… Проповедуют на улицах, и никогда не платят вовремя за квартиру, и отец продает коврики и часы, чтобы как-нибудь просуществовать… И Эста убегает из дому и потом возвращается в таком виде… Ну и ну!

Глава 14

Вся эта история заставила Клайда серьезнее, чем когда-либо, задуматься над проблемой пола, и притом решать ее отнюдь не в общепринятом плане. Хотя он и осуждал возлюбленного Эсты, так безжалостно ее бросившего, но и сестру вовсе не считал безупречной. Она сбежала с ним. Как он теперь от нее узнал, этот человек за год до ее бегства провел неделю в Канзас-Сити и тогда-то с нею и познакомился. А через год, когда он снова приехал сюда на две недели, она сама его отыскала, – так по крайней мере подозревал Клайд. И не ему с его увлечением Гортензией Бригс и с его планами было думать, что отношения между полами сами по себе являются чем-то преступным и недозволенным.

Как он видел теперь, осложнения были вызваны не самим поступком, а последствиями легкомыслия или незнания. Ведь если бы Эста больше знала о человеке, которым увлеклась, и о том, что означает такая связь, она не очутилась бы теперь в таком

жалком положении. Конечно, Гортензия Бригс, Грета и Луиза никогда не могли бы попасть в такую беду, как Эста. Или могли бы? Нет, они слишком предусмотрительны. И по сравнению с ними она проигрывала в его глазах. Она должна была бы устроиться умнее. И постепенно он начинал строже судить сестру, хотя и сочувствовал ей.

Но только одно теперь по-настоящему волновало, мучило, преображало Клайда – его безумное увлечение Гортензией; ничто не могло бы сильнее захватить юношу его возраста и его темперамента. После нескольких встреч Гортензия стала казаться Клайду воплощением всего, что он всегда мечтал найти в девушке. Она была такая живая, гордая, обаятельная и такая хорошенькая. В ее глазах, казалось ему, плясали огоньки. У нее была необыкновенно соблазнительная манера сжимать и вновь раскрывать губы, равнодушно глядя прямо перед собой, словно вовсе и не думая о Клайде, а его от этого бросало в жар и дрожь. В такие минуты он испытывал слабость и головокружение; по жилам, жестоко обжигая, пробегали огненные струйки, – это было осознанное желание, мучительное и безысходное. Ибо в отношениях с Гортензией Клайд не мог пойти дальше объятий и поцелуев, – ему мешали сдержанность и уважение – как раз то, что Гортензия, в сущности, презирала в своих поклонниках, которым старалась внушить эти чувства. По-настоящему нравились ей молодые люди другого типа: способные, невзирая» на ее напускную скромность и неприступность, принудить ее уступить, хотя бы даже против воли.

Гортензия все время колебалась в своем отношении к Клайду: он то нравился ей, то не нравился. Поэтому Клайд все время испытывал неуверенность, – и это доставляло Гортензии истинное наслаждение; она не давала Клайду возможности убедиться в ее равнодушии, чтобы он не мог окончательно от нее отказаться. Во время какой-нибудь вечеринки, обеда или спектакля, куда она позволяла ему повести себя, Клайд, как правило, держался особенно тактично, почти ничего не требуя, – и Гортензия вдруг становилась такой уступчивой и обольстительной, что это порадовало бы даже самого требовательного влюбленного. Так продолжалось до конца вечера. И вдруг у двери своего дома или дома какой-нибудь своей подруги, где она должна была ночевать, она поворачивалась и без всяких поводов и объяснений отсылала его после простого рукопожатия или небрежного поцелуя. И если в такие минуты Клайд бывал настолько сумасброден, что старался силой добиться от нее ласки, которой он так жаждал, она оборачивалась к нему с бешенством разъяренной кошки и вырывалась от него, испытывая в этот миг острую враждебность, происхождение которой сама едва ли понимала. Ей, видимо, была ненавистна мысль, что Клайд может ее к чему-то принудить. А он, без памяти влюбленный, не решался действовать энергичнее, так как слишком боялся потерять ее, и потому покорялся и уходил обычно мрачный и подавленный.

Но его так сильно влекло к ней, что он не мог долго оставаться вдали от нее и снова шел туда, где скорей всего можно было ее встретить. В самом деле, почти все эти дни, несмотря на странное напряжение, которое породила в нем встреча с Эстой, он жил острыми, сладкими и чувственными мечтами о Гортензии. Если бы только она и вправду полюбила его… Ночью, в постели, он думал о ней: ее лицо… складка ее губ, выражение глаз… линии ее тела, все ее движения, когда она идет или танцует… она мелькала пред ним, как на экране. В своих снах он ощущал ее восхитительную близость, она прижималась к нему, все ее дивное тело принадлежало ему, а затем, в последнее мгновение, когда она, казалось, готова была уступить, он просыпался, и она исчезала… только призрак!

И, однако, некоторые обстоятельства, казалось бы, предвещали ему успех. Прежде всего, как и он сам, Гортензия была из бедной семьи – дочь машиниста, который едва-едва зарабатывал на жизнь. С детства у нее ничего не было, если не считать мишурных пустяков и безделушек, которые она сама себе добывала. Она принадлежала к такому низкому общественному слою, что до последнего времени не могла завести знакомства ни с кем, кроме мальчишек – подручных мясника или булочника, самых обыкновенных сорванцов из окрестных кварталов. Но даже и тут она быстро поняла, что может и должна извлекать выгоды из своей внешности и очарования, – и это ей вполне удавалось. Многие юнцы не останавливались даже перед воровством, лишь бы добыть денег для ее развлечений.

Когда она стала достаточно взрослой, чтобы поступить на службу, она завела знакомство с юношами и мужчинами того типа, который нравился ей, и скоро поняла, что, не идя на слишком большие уступки и действуя осторожно, может одеться куда лучше, чем прежде. Однако она была слишком чувственна и слишком любила наслаждения, и потому ей не всегда хотелось отделять выгоду от удовольствия. Напротив, часто ее по-настоящему влекло к тем, кого она просто собиралась выгодно использовать, и наоборот: она не могла заставить себя кокетничать с теми, кто ей не нравился.

Клайд почти не нравился ей, но она не могла противиться желанию его использовать. Ей было приятно, что он с такой готовностью покупал ей каждую мелочь, к которой она обнаруживала интерес: какую-нибудь сумочку, шарф, кошелек, перчатки – все, что она могла спокойно попросить или принять, не давая взамен никаких особых прав на себя. И, однако, с самого начала чутье подсказывало ей, что, если она рано или поздно не уступит, не даст ему той последней награды, которой он жаждет, она не сможет бесконечно его удерживать.

Одна мысль особенно не давала ей покоя: Клайд с такой готовностью тратит на нее деньги, что, пожалуй, можно получить от него и действительно ценные вещи, – скажем, красивое дорогое платье, или шляпу, или даже меховой жакет, вроде тех, какие стали теперь носить в городе, не говоря уже о золотых серьгах или ручных часиках, – она всегда с такой жадностью заглядывалась на все это, останавливаясь перед витринами магазинов.

Однажды, вскоре после того как Клайд нашел сестру, Гортензия проходила в обеденный час по Балтимор-стрит, недалеко от того места, где ее пересекает Пятнадцатая улица и где находятся лучшие в Канзас-Сити магазины. С ней была Дорис Трайн, продавщица из того же универсального магазина, где служила и она. В окне небольшого и не первоклассного магазина меховых вещей Гортензия увидела жакет из недорогого бобра. Она сразу решила, что эта вещь, идеально подходящая к ее фигуре и цвету лица, совершенно необходима для обогащения ее весьма скромного гардероба. Это был не такой уж дорогой жакет – возможно, около ста долларов, но зато именно такого фасона, который давал ей основание полагать, что он наилучшим образом подчеркнет все достоинства ее наружности. Взволнованная этой мыслью, она остановилась и воскликнула:

– Ну что за прелестный жакетик! Я никогда не видела ничего прелестнее! Нет, ты только посмотри на рукава, Дорис! – Она стиснула руку подруги. – Смотри, какой воротник! А подкладка! А карманы! Ах, боже мой! – Она даже слегка дрожала От волнения и восторга. – Он такой прелестный, что я и сказать не могу. Ну точно о таком жакете я мечтаю уж не знаю сколько времени. Ах ты, моя прелесть! – воскликнула она с нежностью, думая При этом столько же о том, как она выглядит в этой позе перед витриной и какое впечатление производит на прохожих, сколько и о самом жакете. – Вот бы мне такой жакет!

Она в восхищении всплеснула руками. Немолодой сын владельца магазина, Айсидор Рубинстайн, стоявший в эту минуту так, что она не могла его видеть, все это заметил и решил, что, если восторженная девица справится о цене жакета, можно будет набавить двадцать пять – пятьдесят долларов лишних. В магазине жакет был оценен в сто долларов. «Так, так», – бормотал он. Но это был человек чувственный, склонный к романтике, а потому он стал размышлять о том, какой же может быть, мягко выражаясь, практическая стоимость этого жакета. На что способна пойти понуждаемая бедностью и тщеславием эта хорошенькая девушка, лишь бы получить такую обновку?

А тем временем Гортензия пожирала глазами жакет и потратила на это весь обеденный перерыв; потом пошла дальше, упиваясь честолюбивыми мечтами о том, как неотразима была бы она в таком наряде. Но она не зашла в магазин спросить о цене.

Поэтому на следующий день, чувствуя, что должна еще раз взглянуть на жакет, она снова пришла сюда, на этот раз одна; у нее и в мыслях не было, что она сама его купит. Она только спрашивала себя, как бы добыть эту вещь, если цена окажется не очень высокой, и пока не могла ничего придумать. Но снова увидев в окне жакет, а также и мистера Рубинстайна-младшего, который смотрел на нее с самым любезным и добродушным видом, она рискнула войти.

– Вам понравился этот жакет, правда? – любезно спросил Рубинстайн, как только она открыла дверь. – Ну, значит, у вас хороший вкус. Это одна из самых благородных вещей, какие только бывали в нашем магазине. Что за красота! А как он будет выглядеть на такой хорошенькой девушке! – Он снял жакет с выставки и высоко поднял его. – Я видел вас вчера, когда вы стояли у витрины.

Глаза его блеснули жадным восхищением.

Заметив это. Гортензия почувствовала, что сдержанностью, но не суровостью она добьется большего уважения и любезности, чем непринужденностью.

– Да? – только и ответила она.

– Да, конечно. Я сразу сказал себе: «Вот девушка, которая знает толк в вещах».

От этой лести Гортензия невольно смягчилась.

– Посмотрите-ка, посмотрите! – продолжал коммерсант, вертя перед нею шубку. – Где в Канзас-Сити вы найдете сейчас что-нибудь подобное? Взгляните на эту подкладку! Настоящий меллинсоновский шелк! А косые карманы! А пуговицы! Вы думаете, все эти мелочи не имеют значения? Другого такого жакета нет в Канзас-Сити. И не будет. Мы сами придумали этот фасон, и мы никогда не копируем наших моделей. Мы охраняем интересы наших покупательниц. Но пройдите сюда, прошу вас! – Он подвел ее к тройному зеркалу в глубине магазина. – Такой жакет должна носить красивая женщина,

– вот тогда он будет выглядеть всего эффектнее. Позвольте примерить!

И при ярком искусственном освещении Гортензия убедилась, что она действительно очаровательна в этой шубке. Она вскидывала голову, изгибалась, поворачивалась во все стороны, прятала маленькое ухо в мех, а мистер Рубинстайн стоял рядом, глядя на нее с восхищением и чуть ли не потирая руки.

– Ну вот! – продолжал он. – Посмотрите! Ну, что вы теперь скажете? Я же говорил, что это как будто специально для вас сшито! Прямо находка! Настоящая удача. Второго такого жакета не найти во всем городе. Если найдете – я подарю вам этот.

Он подошел к ней совсем близко, протягивая толстые руки ладонями вверх.

– Да, признаюсь, он шикарно выглядит на мне, – сказала Гортензия. Ее тщеславная душа изнывала от желания получить эту вещь. – Впрочем, мне любая шубка пойдет. – Она снова и снова поворачивалась перед зеркалом, совсем позабыв о Рубинстайне и о том, что ее откровенное восхищение жакетом может повлиять на цену. Потом прибавила: – А сколько он стоит?

– Ну, видите ли, настоящая цена этому жакету двести долларов, – хитро начал мистер Рубинстайн, но, заметив тень безнадежности, промелькнувшую на лице Гортензии, поспешно прибавил: – Это кажется огромной суммой, но мы и не запросим так дорого. Наша цена – полтораста. Вот если бы вы нашли такой жакет у Джерика, там вы заплатили бы все двести. Тут у нас маленькое помещение, не приходится платить большой аренды… А жакет стоит все двести, до последнего цента.

– Нет, это ужасная цена, просто жуткая! – печально воскликнула Гортензия и начала снимать жакет. Ей казалось, что у нее отнимают чуть ли не все самое дорогое в жизни. – У Бигса и Бека за эту цену сколько угодно жакетов – и бобровые и из норки, и тоже шикарные.

– Может быть, может быть. Но это все не то, – упрямо повторял мистер Рубинстайн. – Только взгляните на него еще раз. Взгляните на воротник! Неужели вы думаете, что найдете там такой жакет? Если найдете, я сам куплю его и отдам вам за сто долларов. Это совершенно исключительная вещь: копия одного из шикарнейших жакетов, которые продавались в Нью-Йорке перед началом сезона. Первоклассная вещь. Вам нигде не найти такого.

– Все равно, сто пятьдесят долларов я не могу заплатить, – грустно протянула Гортензия, надевая свой старый суконный жакет с меховым воротником и манжетами и направляясь к двери.

– Подождите! Вам нравится этот жакет? – рассудительно сказал Рубинстайн, решив, что и сто долларов непосильная цена для ее кошелька, если только его не пополнит какой-нибудь поклонник. – По-настоящему он стоит двести долларов. Я вам это прямо говорю. Наша цена – полтораста. Но раз уж вам так хочется получить эту вещь – ладно, я вам уступлю ее за сто двадцать пять. Это все равно что даром. Такая замечательная девушка, конечно, без труда может найти дюжину молодых людей, которые с радостью купят эту шубку ей в подарок. Я бы сам ее вам подарил, если бы знал, что вы будете милы со мной.

Он весь расплылся в приятнейшей улыбке, и Гортензия, поняв смысл предложения и вознегодовав (потому что оно исходило от этого человека), слегка попятилась. В то же время ей вовсе не был неприятен так ловко ввернутый комплимент. Но все же она не так вульгарна, чтобы позволять каждому встречному делать ей подарки. Ни в коем случае. Это можно позволить только тому, кто ей нравится, или, по крайней мере, тому, кто в нее влюблен.

Но с той самой минуты, как Рубинстайн заговорил об этом, она стала мысленно перебирать всех знакомых молодых людей, стараясь определить, кто из них под влиянием ее чар скорее всего мог бы купить для нее этот жакет. Чарли Уилкинс, например, из табачного киоска в «Орфии», по-своему, конечно, очень предан ей, но нипочем не сделает ценного подарка, не получив взамен дорогой награды.

Есть еще Роберт Кейн, очень высокий, очень веселый и очень внимательный молодой человек, служащий в местном отделении одной электрокомпании; но у него не слишком доходная должность: он простой клерк. И к тому же он чересчур бережливый и вечно думает о будущем.

Потом Берт Гетлер – тот самый, что сопровождал ее на танцы в вечер ее первой встречи с Клайдом; этот просто ветреный малый: он хорош для танцев, но на него нельзя положиться в таком трудном случае. Он только приказчик в магазине обуви, получает, вероятно, не больше двадцати долларов в неделю и рассчитывает каждый пенни.

Однако есть еще Клайд Грифитс, у которого как будто в самом деле водятся деньги и который, кажется, готов, не раздумывая, тратить их на нее. Мысль Гортензии работала быстро. Как же ей сразу, без подготовки, выманить у Клайда такой дорогой подарок? – спрашивала она себя. Она была не слишком благосклонна к нему, чаще всего обращалась с ним холодно. Поэтому теперь она вовсе не была в нем уверена. И все же, пока она стояла здесь, в магазине, и размышляла о цене и красоте жакета, мысль о Клайде не покидала ее. А мистер Рубинстайн все смотрел на нее, смутно догадываясь о том, какого рода задача стоит перед ней.

– Вот что, крошка, – сказал он наконец. – Я вижу, вам хочется иметь этот жакет, – прекрасно… Я тоже хочу, чтобы он был у вас. И я вам сейчас скажу, что я могу для вас сделать. Этого я не сделал бы ни для одного человека во всем Канзас-Сити. Принесите мне сто пятнадцать долларов в ближайшие дни – в понедельник, среду или пятницу, и если жакет еще не будет продан, я отдам его вам. Даже больше того: я приберегу его для вас. Что вы на это скажете? До следующей среды или пятницы. Никто другой не сделал бы для вас этого.

Он самодовольно улыбался, пожимая плечами, и показывал всем своим видом, что делает ей огромное одолжение. И Гортензия, уходя из магазина, была убеждена, что если… если только ей удастся получить этот жакет за сто пятнадцать долларов – это будет замечательно выгодная сделка! И вне всякого сомнения, она будет одета шикарней всех девушек в Канзас-Сити. Только бы ей как-нибудь достать сто пятнадцать долларов не позже ближайшей пятницы.

Глава 15

Гортензия хорошо знала, что Клайд все сильнее и сильнее жаждет добиться от нее той высшей благосклонности, которая, – в чем она никогда бы ему не созналась, – была привилегией двух других ее знакомых. Теперь при каждой встрече Клайд требовал, чтобы Гортензия сказала, как же она на самом деле к нему относится. Почему, если он хоть немножко нравится ей, она отказывает ему то в том, то в другом: не позволяет целовать себя, сколько он хочет, вырывается из его объятий. Она всегда держала слово, когда назначала свидания другим, и не являлась на свидания или вовсе отказывалась точно назначить день встречи, когда это касалось Клайда. В сущности, что у нее за отношения с другими? Может быть, кто-нибудь из них в самом деле нравится ей больше, чем Клайд? При каждом свидании возникал все тот же, лишь едва завуалированный, но самый важный вопрос об их сближении.

И Гортензии нравилось, что она заставляет Клайда непрестанно страдать от неудовлетворенных желаний, что она мучает его и что всецело в ее власти облегчить его страдания: некоторый садизм, основой для которого послужил мазохистский характер любви Клайда.

Однако теперь, когда ей непременно хотелось приобрести жакет, значение Клайда в ее глазах и ее интерес к нему стали возрастать. Лишь накануне утром Гортензия сообщила ему самым решительным тоном, что не может встретиться с ним раньше следующего понедельника, так как все вечера у нее заняты. Но теперь, когда перед ней встала проблема жакета, она начала старательно обдумывать, как бы ей немедленно устроить свидание с Клайдом и при этом не обнаружить своего нетерпения: она уже окончательно решила, что постарается, если будет возможно, уговорить его купить ей этот жакет. Конечно, ей для этого придется в корне изменить свое обращение с ним: придется быть поласковее, пособлазнительнее. Хотя она еще и не призналась себе в том, что теперь, пожалуй, готова даже уступить его мольбам, именно такая мысль сверлила ее мозг.

Сперва она никак не могла придумать, что ей делать. Как повидаться с ним сегодня же или, самое позднее, завтра? Как внушить ему, что он должен сделать ей этот подарок или «дать взаймы», как она в конце концов назвала это про себя? Она намекнет ему, чтобы он дал ей взаймы сумму, нужную для покупки жакета, и пообещает постепенно выплатить долг. (Она прекрасно знала, что «если только жакет будет у нее в руках, ей никогда не придется возвращать этот долг). Или, если у Клайда не окажется сразу таких денег, она постарается убедить владельца магазина согласиться на рассрочку платежа, с тем чтобы Клайд уплатил эту сумму по частям. И ее мозг тотчас начал работать в новом направлении: как кокетством и лестью заставить мистера Рубинстайна согласиться на рассрочку на выгодных для нее условиях. Он ведь сказал, что с радостью купил бы для нее жакет, если б знал, что она будет к нему благосклонна.

Сначала Гортензии пришел в голову такой план: она предложит Луизе Ретерер позвать сегодня вечером брата, Клайда и еще юношу по имени Скал, который ухаживал за Луизой, в один дансинг, куда она обещала пойти с самым приятным своим поклонником – продавцом сигар. Теперь она не взяла бы его, а пошла бы одна с Луизой и Гретой, заявив, что ее кавалер заболел. Она могла бы уйти пораньше вместе с Клайдом и пройти с ним мимо магазина Рубинстайна.

Но у Гортензии был хитрый нрав паука, расставляющего для мух свои сети, и она сообразила, что Луиза может сказать Клайду или Ретереру, чья была затея позвать их сегодня в дансинг. И может случиться, что Клайд когда-нибудь упомянет при Луизе о жакете, а этого, конечно, никак нельзя допустить. Гортензия совсем не желала, чтобы ее друзьям стало известно, как она устраивает свои дела. Вот почему она решила не обращаться ни к Луизе, ни к Грете.

Она уже начала по-настоящему тревожиться, не зная, как устроить свидание с Клайдом, и вдруг увидела его самого. Возвращаясь домой с работы, он случайно проходил мимо магазина, где она служила, и зашел, чтобы условиться с нею о встрече в ближайшее воскресенье. К его величайшей радости. Гортензия приветствовала его самой очаровательной улыбкой и помахала рукой. В эту минуту она была занята с покупательницей. Но скоро она освободилась и, подойдя поближе и косясь на контролера своего отдела, не одобрявшего таких визитов, воскликнула:

– Я только что думала о вас. А вы? Вы не думали обо мне? О покупке потом. – И прибавила тихо: – Не подавайте виду, что говорите со мной, вон там наш контролер.

Пораженный необычной нежностью в ее голосе и ласковой улыбкой, которой она его встретила, Клайд сразу ожил и воспрянул духом.

– Думал ли я о вас? – весело сказал он в ответ. – Как будто я могу думать о ком-нибудь другом! Знаете, Ретерер говорит, что я на вас помешался…

– А, этот… – сказала Гортензия, сердито и презрительно надув губы, так как – странное дело! – Ретерер был одним из тех, кто ею не слишком интересовался, и она это знала. – Он воображает, что неотразим, – прибавила она. – А я знаю сколько угодно девушек, которым он не нравится.

– Нет, Том славный, – вступился Клайд, как и подобало верному другу. – Просто у него такая манера разговаривать. И вы ему нравитесь.

– Ну, уж нет, – возразила Гортензия. – Но я не желаю о нем говорить. Что вы делаете сегодня в шесть часов?

– Вот так раз! – с огорчением воскликнул Клайд. – Неужели вы сегодня свободны? Какая обида! Я думал, у вас заняты все вечера. Я сегодня работаю.

Он вздохнул, очень расстроенный мыслью, что Гортензия, как видно, хотела провести с ним вечер, а он не может воспользоваться этим счастливым случаем. Гортензия с удовольствием заметила, как он огорчен.

– Да, я обещала встретиться с одним человеком, но мне не хочется, – сказала она с презрительной гримаской. – Я должна встретиться с ним, но не пошла бы, если б вы были свободны.

Сердце Клайда учащенно забилось от восторга.

– Эх, если бы мне сегодня не работать! – сказал он, глядя на нее. – А вы не можете освободиться завтра вечером? Завтра я свободен. А сейчас я зашел вас спросить – хотите в воскресенье поехать с нами за город на автомобиле? Один друг Хегленда может достать «пакард», и в воскресенье днем мы все свободны. Хегленд хочет, чтобы я подобрал компанию, и мы съездим в Экселсиор-Спрингс. Он славный парень (это было сказано потому, что Гортензия как будто не слишком заинтересовалась этой идеей). Вы его мало знаете, но он в самом деле славный. Ну ладно, я расскажу вам о нем как-нибудь после. А вот как насчет завтрашнего вечера? Я буду свободен.

Делая вид, будто показывает Клайду носовые платки (контролер снова проходил по отделу), Гортензия думала о том, как досадно, что нужно ждать еще двадцать четыре часа, прежде чем она сможет показать ему жакет и приняться за исполнение своего хитрого замысла. В то же время она дала понять, что ей очень трудно будет освободиться завтра, труднее, чем он может себе представить. Она даже притворилась, что не совсем уверена, захочет ли освободиться.

– Делайте вид, что выбираете платки, – тихо сказала она Клайду, опасаясь, как бы контролер не прервал их. – У меня на завтра уже есть приглашение. Не знаю, удобно ли отказаться, – продолжала она озабоченно. – Дайте сообразить.

Она сделала вид, что глубоко задумалась.

– Ну, ладно, кажется, я это устрою, – сказала она наконец. – Во всяком случае, постараюсь, так и быть, один раз можно. Приходите на угол Пятнадцатой и Главной в четверть седьмого, – нет, лучше в половине, хорошо? Я тоже постараюсь прийти. Не обещаю, но постараюсь; думаю, что мне удастся это устроить. Вы довольны?

Она подарила Клайду одну из самых обольстительных своих улыбок, и он был вне себя от счастья. Подумать только: наконец-то она ради него нарушает обещание, данное кому-то другому! Ее глаза ласково сияли, на губах играла улыбка.

– Верней верного! – воскликнул он, пуская в ход жаргон рассыльных из «Грин-Дэвидсон». – Конечно, приду, можете не сомневаться. А теперь попрошу вас об одном одолжении.

– О чем это? – спросила она, настораживаясь.

– Наденьте ту маленькую черную шляпку, знаете, с красными лентами… вы еще завязываете их под подбородком. Ладно? Вы просто восхитительны в ней!

– Ах вы, подлиза! – засмеялась Гортензия. До чего легко провести Клайда! – Хорошо, надену, – прибавила она. – А теперь уходите. Вот идет эта старая рыба. Я уж знаю, он будет ворчать. Только меня это мало трогает. Значит, в половине седьмого? Ну, пока!

Она повернулась к пожилой покупательнице, которая терпеливо ждала, чтобы спросить, где продают кисею. А Клайд, дрожа от счастья, что его неожиданно удостоили такой милости, не чуя под собой ног двинулся к ближайшему выходу. Он не проявил излишнего любопытства, не стал дознаваться, чем вызвана эта Внезапная благосклонность.

А на следующий вечер, ровно в половине седьмого, освещенная дуговыми фонарями, дождем льющими свой яркий свет, на условленном месте появилась Гортензия. Клайд сразу же заметил, что на ней шляпка, которая ему так нравилась. И никогда еще он не видел ее такой обольстительной, оживленной, приветливой. Он хотел сказать ей, как она прелестна и как он счастлив, что она надела эту шляпку, но она уже начала:

– Ну, скажу я вам, похоже, что я намерена влюбиться в вас по уши! Нарушаю свои обещания, да еще надеваю для вашего удовольствия старую нелюбимую шляпу. И чем только это кончится?

Клайд просиял, точно одержав великую победу. Неужели она и впрямь наконец полюбит его?

– Если б вы только знали, Гортензия, до чего вы хороши в этой шляпке, вы бы никогда ее не снимали, – сказал он с восхищением. – Вы и не представляете себе, как вы в ней прелестны.

– Ну да? В этом старье? Вас нетрудно очаровать, – усмехнулась она.

– А ваши глаза – совсем как мягкий черный бархат, – с жаром продолжал он. – Удивительные глаза! – Он подумал о черных бархатных занавесях в одном уютном уголке в «Грин-Дэвидсон».

– Как у вас сегодня ловко выходит, – смеялась она, поддразнивая Клайда.

– Придется что-то с вами сделать.

И прежде чем он успел ответить хоть слово, она стала рассказывать совершенно фантастическую историю о том, что она еще раньше обещала провести сегодняшний вечер с одним молодым человеком из общества по имени Том Кири, который давно ходит за ней по пятам, упрашивая пообедать и потанцевать с ним, и лишь сейчас вечером решила «отставить» его ради Клайда (на сей раз, по крайней мере). Она позвонила Кири по телефону и сказала, что не может встретиться с ним сегодня: просто отменила свидание

– и конец. И все-таки, когда она уходила после работы, кто, по-вашему, ждал ее у служебного входа? Том Кири, собственной персоной, великолепно одетый, в светло-сером пальто реглан и в гетрах, и тут же стоял его лимузин. И он повез бы ее обедать в «Грин-Дэвидсон», если бы она только захотела. Вот это мужчина! Но она не захотела. Во всяком случае, не сегодня. Однако, если бы ей не удалось пройти мимо незамеченной, он, конечно, задержал бы ее… Но она первая увидела его и убежала другой дорогой.

– Видели бы вы, как я бежала! Мои ножки так и мелькали! – самовлюбленно описывала она свое бегство.

И Клайд был так ослеплен этой картиной и великолепием мистера Кири, что принял эту жалкую выдумку за чистую монету.

А затем они пошли по направлению к ресторану Гаспи, который, как совсем недавно узнал Клайд, считался лучше Фриссела. Гортензия то и дело останавливалась и заглядывала в витрины магазинов: ей необходимо подыскать себе зимний жакет, сказала она. Тот, что на ней, уже совсем износился, ей нужен новый. Это рассуждение заставило Клайда призадуматься: не намекает ли она, что именно он должен купить ей жакет? И не станет ли она уступчивей, если он купит для нее вещь, которая ей так необходима?

Вот и магазин Рубинстайна, и ярко освещенная витрина, и шубка во всей ее красе. В соответствии с заранее обдуманным планом Гортензия остановилась.

– Ах, посмотрите, что за прелесть этот жакетик! – воскликнула она, разыгрывая такое восторженное изумление, словно впервые увидела эту вещь и была внезапно поражена ею. – Видали вы когда-нибудь такую миленькую, прелестную, изящную шубку? – продолжала она, причем ее актерские таланты возрастали вместе с желанием получить жакет. – Вы только взгляните, какой воротник, рукава! А какие карманы! Просто поразительно! Мне ужасно хочется погреть в них руки!

Она исподтишка покосилась на Клайда, стараясь подметить, производит ли это на него должное впечатление.

А Клайд, возбужденный ее восторгом, с любопытством разглядывал жакет. Бесспорно, хорошенькая шубка, даже очень. Да, но сколько может стоить такая вещь? Может быть. Гортензия так расхваливает этот жакет для того, чтобы Клайд его купил? Но ведь это же, наверно, долларов двести, не меньше. Клайд понятия не имел, сколько стоят такие вещи. Ему это, конечно, не по карману. Особенно теперь, когда мать берет значительную часть его доходов для Эсты. Но что-то в тоне Гортензии убеждало его, что именно этого она от него и ждет. Сначала он похолодел и чуть не лишился дара речи. И в то же время с грустью говорил себе, что, если Гортензия захочет, она, конечно, найдет кого-нибудь, кто купит ей жакет, – хотя бы этот Том Кири, о котором она только что рассказывала. К несчастью, она именно из таких девушек. Если он не купит ей эту вещь, так купит кто-нибудь другой, и тогда она станет презирать Клайда за то, что он не смог сделать это для нее.

К его великому смущению и ужасу, она воскликнула:

– Чего бы я только не дала за такой жакет!

Она не собиралась в эту минуту прямо ставить вопрос: ей хотелось возможно тактичнее внушить Клайду мысль, которая глубоко засела в ее мозгу.

И как ни был Клайд неопытен и неискушен, он все же прекрасно понял значение ее слов. Значит… значит… в ту минуту он даже в мыслях не хотел точно и ясно назвать, что это значит. Теперь… Теперь… если б только узнать цену этой вещи! Он понимал, что Гортензия обдумывает способ добыть жакет. Но как ему все устроить? Как? Если б только он мог купить этот жакет или хотя бы пообещать, что купит его, скажем, к определенному сроку (лишь бы он стоил не слишком дорого!). Но что тогда? Хватит ли у него храбрости намекнуть ей сегодня или, скажем, завтра, после того как он узнает цену жакета, что, если она согласится… тогда… ну тогда он купит ей этот жакет или что-нибудь еще, что ей только захочется. Но он должен быть уверен, что она не оставит его в дураках, как бывало в менее важных случаях. Нет, он не желает потратить деньги на жакет и ничего не получить взамен! Ни за что!

Эти мысли так волновали его, что он холодел и дрожал, стоя рядом с Гортензией. А она, глядя на жакет, думала, что если у Клайда не хватит ума так или иначе сделать ей этот подарок и догадаться, как именно она намерена расплатиться за него, – ну, тогда с ним будет покончено. Пусть не воображает, будто она станет тратить зря время с человеком, который не может или не хочет сделать это для нее. Ни за что!

Они пошли дальше, к Гаспи. И во время обеда Гортензия почти ни о чем больше не говорила, только о шубке: какая она миленькая и как великолепно она будет выглядеть на Гортензии.

– Можете мне поверить, – сказала она вызывающе, чувствуя, что Клайда одолевают сомнения, – уж я найду способ его приобрести, этот жакет. Они, верно, согласятся на рассрочку, если я поговорю с самим Рубинстайном и если первый взнос будет достаточно большой. Одна продавщица из нашего магазина именно так и купила пальто, – быстро сочинила она, надеясь, что это убедит Клайда ей помочь.

Но Клайд, в страхе перед непомерным расходом, не решался сказать ей, что же он намерен делать. Он совершенно не представлял себе, сколько стоит жакет: пожалуй, двести, даже триста долларов, – и боялся взять на себя обязательства, которых потом не сумеет выполнить.

– А вы не знаете, сколько может стоить такая вещь? – спросил он нервно, думая при этом, что если он даст ей деньги, не получив одновременно никакой гарантии с ее стороны, – какие у него будут основания ожидать взамен чего-то большего, чем все, что он получал до сих пор? Ведь она так умеет подъехать к нему, когда хочет получить какую-нибудь вещицу, а потом не позволяет даже поцеловать себя! Он краснел и внутренне негодовал, думая о том, как она уверена, что может играть им. И, однако, вспоминал он, ведь она сейчас сказала, что готова сделать все для того, кто поможет ей получить этот жакет, – кажется, так и было сказано.

– Н-не знаю. – Она сперва поколебалась, спрашивая себя, назвать ли настоящую цену жакета или немножко прибавить.

Если она попросит о рассрочке, мистер Рубинстайн может поднять цену. А если назвать слишком большую сумму, не откажется ли Клайд помочь?

– Но, конечно, не больше, чем сто двадцать пять долларов, – прибавила она. – Больше я бы не заплатила.

Клайд вздохнул с облегчением. Все-таки это не двести и не триста. Он подумал, что если она сумеет добиться посильных условий рассрочки, – скажем, первый взнос в пятьдесят или шестьдесят долларов, – то он как-нибудь соберет такую сумму в две-три недели. Но если надо уплатить сразу все сто двадцать пять долларов. Гортензии придется подождать, а кроме того, нужно точно и определенно знать, получит ли он настоящую награду.

– Прекрасная мысль! – воскликнул он, не объясняя, однако, чем она ему так нравится. – Почему бы и нет? Почему бы вам не узнать сперва, сколько они хотят за жакет и на каких условиях дадут рассрочку? Пожалуй, я мог бы вам помочь!

– Ох, это было бы просто чудесно! – Гортензия захлопала в ладоши. – Правда, поможете? Вот шикарно! Ну, теперь я знаю, что у меня будет жакет. Я знаю, мне дадут рассрочку, я уж сумею уговорить кого надо.

Как предвидел и опасался Клайд, она уже совершенно забыла, что сможет купить жакет только благодаря ему. Теперь все пойдет так, как он и думал. Он заплатит за жакет, а она примет это как должное.

Но через минуту, заметив, что он помрачнел. Гортензия прибавила:

– Вы ужасно милый, вы – душенька, что хотите помочь мне! Будьте уверены, я этого не забуду. Вот подождите и увидите. Вы не пожалеете! Только подождите!

Ее глаза искрились весельем и благосклонностью. Хоть он и слишком юн и мягок, зато не скряга, и она вознаградит его; это решено. Как только она получит жакет, через неделю, самое позднее через две – она будет очень мила с ним… кое-что для него сделает. И чтобы Клайд лучше понял, о чем она думает, она остановила на нем многообещающий взгляд, придав глазам самое нежное и томное выражение. От этой ее игры в романтику Клайд растерялся и стал нервничать. Он даже испугался немного, вообразив, что этот взгляд выдает бурную страстность, на которую он, возможно, не сумеет ответить. Теперь он чувствовал себя слабым перед Гортензией и немного трусил, представляя себе, что же такое ее настоящая любовь.

Тем не менее он заявил, что если жакет стоит не дороже ста двадцати пяти долларов и можно будет уплатить их в три срока (первый взнос двадцать пять долларов и затем два взноса по пятидесяти), то он возьмет это на себя. А Гортензия, со своей стороны, ответила, что завтра же все это выяснит. Может быть, мистер Рубинстайн согласится отдать ей жакет, как только она внесет первые двадцать пять долларов; или хотя бы в конце второй недели, когда будет уплачено почти все.

И когда они выходили из ресторана. Гортензия, по-настоящему благодарная Клайду, с кошачьим мурлыканьем шепнула ему, что она этого никогда не забудет, – он сам увидит… а жакет она наденет в первый раз для встречи с ним. Если он будет свободен, они пойдут куда-нибудь пообедать. И уж наверно жакет будет у нее ко дню прогулки в автомобиле; Клайд, или, вернее, Хегленд, как будто назначил эту прогулку на следующее воскресенье, но, может быть, ее еще отложат?

Гортензия предложила отправиться в дансинг и, танцуя, так недвусмысленно льнула к нему, что Клайд, чувствуя ее настроение, начал слегка дрожать и путаться в танце.

Наконец он пошел домой, в душе заново переживая весь этот день и радуясь, что сможет без труда уплатить первый взнос за жакет, даже если потребуется и пятьдесят долларов: подстрекаемый обещанием Гортензии, он решил занять двадцать пять долларов у Ретерера или Хегленда и вернуть этот долг после того, как за жакет будет уплачено сполна.

Но, ах, как хороша Гортензия! Что за прелесть, какое безграничное, неотразимое, покоряющее очарование от нее исходит! И подумать только, что наконец – и уже скоро – она будет принадлежать ему. Поистине осуществление грез – невероятное становится реальным.

Глава 16

Верная своему обещанию, Гортензия на следующий день снова заглянула в магазин Рубинстайна и с присущей ей хитростью, со многими оговорками объяснила, что за трудная задача стоит перед нею. Нельзя ли ей как-нибудь получить жакет за сто пятнадцать долларов в рассрочку, на не слишком тяжелых условиях? Мистер Рубинстайн торжественно покачал головой. Здесь не продают в рассрочку. Если б он хотел вести дело таким образом, он оценил бы жакет в двести долларов и без труда получил бы их.

– Но я могу сразу же заплатить пятьдесят долларов, если вы дадите мне жакет.

– Очень хорошо. Но где гарантия, что я получу остальные шестьдесят пять, и когда я их получу?

– Через неделю вы получите двадцать пять, еще через неделю следующие двадцать пять и на третью неделю пятнадцать.

– Прекрасно. Но, предположим, вы возьмете у меня жакет, а на другой день вас задавит автомобиль. Что тогда? Как я получу мои деньги?

На это трудно было возразить. В самом деле, как она докажет, что кто-нибудь заплатит за ее жакет? И потом надо еще возиться с письменным обязательством и найти солидного человека, – скажем, банкира, – который за нее поручится. Нет, нет, в магазине Рубинстайна не торгуют в кредит. Здесь надо платить наличными. Вот почему ей уступают жакет за сто пятнадцать долларов, – но – ни на доллар меньше. Ни на доллар!

Мистер Рубинстайн вздыхал и говорил, говорил. В конце концов Гортензия спросила: что, если она принесет ему семьдесят пять долларов наличными, а остальные сорок обязуется уплатить через неделю? Отдаст ли он ей тогда жакет, позволит ли забрать его?

– Но неделя… неделя… Ну что такое одна неделя? – убеждал мистер Рубинстайн. – Раз вы можете принести мне семьдесят пять долларов на следующей неделе или завтра, а следующие сорок через неделю или через десять дней, так почему бы вам не подождать неделю и не принести сразу все сто пятнадцать? Тогда жакет ваш – и никакого беспокойства. Оставьте жакет за собой. Заплатите мне завтра двадцать пять – тридцать долларов в счет суммы, и я сниму жакет с выставки и отложу его для вас. Никто даже не увидит его. Через неделю или две принесите мне остальное – тогда он ваш.

Мистер Рубинстайн объяснил все это как некий сложный процесс, едва доступный понимаю. Но его доводы были довольно основательны. Гортензии нечего было возразить. И она совсем приуныла. Подумать только, что она не может получить жакет сразу. Но, едва выйдя из магазина, она приободрилась. В конце концов, это время пройдет быстро, и, если Клайд сдержит свое обещание, жакет будет у нее. Главное теперь получить от Клайда эти двадцать пять – тридцать долларов и тем самым скрепить замечательную сделку с Рубинстайном. Только теперь ей к новому жакету нужна и новая шляпа, поэтому она скажет Клайду, что жакет стоит не сто пятнадцать долларов, а сто двадцать пять.

Результат разговора был сообщен Клайду, и он, обдумав эту сделку в целом, нашел ее вполне благоразумной. Он сразу вздохнул с облегчением: после предыдущего разговора с Гортензией он был серьезно озабочен, так как не видел никакой возможности достать на первую неделю больше тридцати пяти долларов. Следующая неделя будет несколько легче, уверял он себя, так как он постарается занять двадцать или двадцать пять долларов у Ретерера, еще двадцать или двадцать пять дадут ему чаевые, и в целом, этого будет достаточно для второго платежа. А на третьей неделе он попробует занять хотя бы десять или пятнадцать долларов у Хегленда, может быть, и больше, а если этих денег не хватит, – заложит за пятнадцать долларов свои часы, купленные несколько месяцев назад. За них, конечно, дадут не меньше пятнадцати: они стоили пятьдесят.

Да, но ведь есть еще Эста, которая сидит в этой жалкой комнатенке и ожидает несчастного исхода своего единственного романа. Как она справится со всеми расходами, невольно спрашивал он себя, хоть и боялся, что его втянут в денежные затруднения Эсты и всей семьи. Отец не способен помочь матери в денежных делах, да и никогда не помогал. Что, если эту нелегкую задачу попробуют взвалить на него, Клайда? Как он выпутается? И почему отец вечно канителится с торговлей часами и ковриками и проповедует на улицах? Почему родители не откажутся, по крайней мере, от затеи с миссией?

Но он знал, что семья не выпутается без его помощи. Подтверждение явилось в конце второй недели его соглашения с Гортензией. Он как раз одевался у себя в комнате, и в кармане у него лежали пятьдесят долларов, которые он хотел передать Гортензии в воскресенье; в это время к нему заглянула мать.

– Мне нужно поговорить с тобой, Клайд, прежде чем ты уйдешь, – сказала она.

Он заметил, что она очень озабочена. Правда, последние дни он чувствовал, что у нее какие-то серьезные огорчения. Однако в то же время он говорил себе, что у него сейчас слишком много обязательств и ему нечем помочь матери. Помочь ей – значит потерять Гортензию. Он не может на это пойти!

Но какие разумные оправдания можно привести, отказывая матери в небольшой помощи, тем более, что он так хорошо одет и так упорно исчезает по вечерам из дому? Он постоянно ссылается на неотложную работу в отеле, но, вероятно, мать не очень обманывается на этот счет. Правда, всего два месяца назад он обязался платить в течение девяти недель по десять долларов в неделю вместо пяти, и платит. Но это, наверно, только доказало матери, что у него есть лишние деньги, хотя он и пытался объяснить ей тогда, насколько этот расход для него стеснителен. А теперь он и хотел бы пойти навстречу матери, но не может, – препятствует неодолимое влечение к Гортензии.

Немного спустя Клайд вышел в гостиную, и мать, как обычно в таких случаях, повела его в помещение миссии, холодное и мрачное в те дни, и они сели на одну из скамей.

– Я не думала, что мне придется говорить с тобой об этом, Клайд, но у меня нет другого выхода. Мне не на кого больше положиться, а ты теперь взрослый мужчина. Только ты должен обещать, что никому ничего не скажешь,

– ни Фрэнку, ни Джулии, ни отцу. Я не хочу, чтобы они знали. Эста вернулась в Канзас-Сити, она в очень печальном положении, и я просто не знаю, как с ней быть. У меня так мало денег, а отец мне уже почти не помощник.

Она устало и озабоченно провела рукой по лбу, и Клайд уже знал, что за этим последует.

Сперва он хотел сделать вид, что не знает о возвращении Эсты, раз уж он так долго притворялся. Но теперь, выслушав признание матери и зная, что, если он хочет лгать и дальше, надо притвориться удивленным, он вдруг сказал:

– Да, я знаю.

– Знаешь? – с удивлением переспросила мать.

– Да, знаю, – повторил Клайд. – Я видел, как ты раз утром зашла в дом на Бодри-стрит, я случайно проходил там, – объяснил он довольно спокойно.

– А потом я увидел Эсту; она выглянула из окна. И когда ты ушла, я зашел к ней.

– Когда же это было? – спросила миссис Грифитс просто для того, чтобы выиграть время.

– Месяца полтора назад, если не ошибаюсь. Я потом еще раза два к ней заходил. Но Эста не хотела, чтобы я об этом рассказывал.

Миссис Грифитс сокрушенно вздохнула.

– Значит, ты знаешь, в чем ее несчастье? – спросила она.

– Да, – ответил Клайд.

– Что ж, чему быть, того не миновать, – сказала она покорно. – Ты ничего не говорил Фрэнку и Джулии?

– Нет, – успокоил ее Клайд, думая о том, как неудачно окончилась попытка матери скрыть случившееся.

Она, как и отец, совсем не умела лгать. Клайд полагал, что сам он куда хитрее их обоих.

– Ты и не говори им, – строго предупредила мать. – Им, по-моему, не следует знать об этом. И без того плохо, – прибавила она, и рот ее искривила горькая гримаса.

А Клайд слушал ее и думал о себе и о Гортензии.

– Прямо не верится, что Эста навлекла на себя и на всех нас такое горе,

– прибавила мать, помолчав, и глаза ее затуманились печалью. – Разве есть тут наша вина? Разве не дано ей было совсем иное воспитание? «Путь грешника…»

Она покачала головой и крепко стиснула руки, а Клайд смотрел прямо перед собой, думая о тяжелом положении семьи и о том, как все это может отразиться на нем самом.

Мать сидела, угнетенная и смущенная своей странной ролью в этой истории. Да, она лгала, как лгут многие. И вот Клайду известны все ее хитрости и обманы, и она чувствует себя такой фальшивой и глупой. Но разве она не старалась оберечь Клайда от всего этого – и его и остальных? Клайд уже достаточно взрослый, чтобы ее понять. Однако она продолжала объяснять, почему она так поступила, как ужасно все это для нее. И к тому же, пояснила она, эти прискорбные события вынуждают ее теперь обратиться к нему за помощью.

– Эста скоро будет очень больна, – сказала мать отрывисто, с чувством неловкости: она, видимо, не могла или не хотела смотреть в лицо Клайду, но в то же время решила быть по возможности откровенной. – Ей понадобится доктор и кто-нибудь, кто сможет побыть с ней в часы, когда меня не будет. Мне необходимы деньги, по крайней мере, пятьдесят долларов. Ты не достанешь где-нибудь? Попроси у кого-нибудь из твоих новых друзей в долг, на несколько недель. Ты ведь мог бы скоро вернуть этот долг. Пока не расплатишься, можешь ничего не давать мне за комнату.

Она таким неотступным, таким требовательным взглядом смотрела на Клайда, что он был потрясен силой и убедительностью этой просьбы. И, прежде чем он успел усугубить тревожную печаль, омрачавшую ее лицо, она прибавила:

– Те, другие деньги, были тоже для нее, понимаешь, чтобы она могла приехать сюда, после того как ее… ее… – Она колебалась в выборе слова, но потом докончила: – муж оставил ее в Питсбурге. Должно быть, она рассказала тебе об этом?

– Да, рассказала, – медленно и печально ответил Клайд. Конечно, положение Эсты совершенно критическое, раньше он просто не хотел об этом думать. – Но как же быть, мама! – воскликнул он. Его мучила мысль о лежавших в кармане пятидесяти долларах (как раз та сумма, которая нужна матери) и о том, для чего они предназначены. – Не знаю, смогу ли я что-нибудь сделать. На работе я всех еще так мало знаю, мне не у кого просить взаймы. Да они и зарабатывают не больше моего. Я мог бы занять немного, только это не очень удобно.

Он запнулся, в горле у него пересохло. Нелегко ему было солгать матери. Ему никогда еще не случалось лгать в таком серьезном деле – и лгать так низко. Ведь пятьдесят долларов в эту минуту здесь, у него в кармане. С одной стороны Гортензия, с другой – мать и сестра, и деньги эти могут выручить мать, точно так же как Гортензию, но насколько было бы достойнее помочь матери! Как ужасно – не помочь! И как он мог отказать ей? Клайд нервно облизнул губы и провел рукой по лбу: от волнения лицо его покрылось потом. Он чувствовал себя измученным, низким, беспомощным перед тем, что произошло.

– А у тебя самого сейчас не найдется немного денег для меня? – Мать почти умоляла. – Эсте в ее положении необходимы разные вещи, а купить не на что.

– Нет, мама, у меня ничего нет, – сказал он, взглянув на мать, сгорая от стыда, и тотчас отвел глаза; и если бы мать не была так рассеянна в эту минуту, она увидела бы по его лицу, что он лжет.

Клайд ощутил острую боль: он и жалел себя, и вместе с тем презирал, потому что мучился за мать. О том, чтобы отказаться от Гортензии, нечего и думать. Она должна принадлежать ему. Но мать так одинока и беспомощна. Это постыдно. Он в самом деле низок, подл. Не будет ли он впоследствии за это наказан?

Он пытался придумать что-то, какой-нибудь способ достать еще немного денег сверх этих пятидесяти долларов. Если бы только у него было чуть больше времени, еще недели две-три! Если бы Гортензия не затеяла покупку этого жакета как раз теперь!

– Вот что я могу сделать, – сказал он, бессмысленно и тупо глядя на мать, которая только горестно вздыхала. – Пять долларов тебе хоть немного помогут?

– Что ж, и это пригодится, – ответила она. – Все-таки лучше, чем ничего.

– Ладно, пять долларов я могу дать, – сказал Клайд, думая возместить эти деньги из новых чаевых и надеясь, что неделя будет удачной. – На той неделе я, может быть, достану еще десять. Сейчас не могу обещать наверняка. Мне пришлось занять часть тех денег, которые я дал тебе в тот раз, и я еще не все вернул. Если я начну опять просить взаймы, могут подумать… ты же знаешь, как смотрят на такие вещи.

Мать вздохнула. Какое несчастье, что приходится взваливать на сына такую обузу! И как раз тогда, когда он старается выбиться в люди. Как он будет вспоминать об этом впоследствии? Что подумает о ней, об Эсте, о всей семье? Несмотря на все свое честолюбие, смелость и упорное стремление к самостоятельности, Клайд всегда казался ей недостаточно крепким физически, недостаточно устойчивым морально и умственно. И он так нервен и чувствителен, что порою кажется, будто пошел скорее в отца, чем в нее. Обычно он так легко возбуждается, так быстро устает… все это не слишком полезно и хорошо. И вот она сама – из-за Эсты, из-за мужа, из-за всей их неудачной жизни – заставляет его напрягать силы и нервы.

– Ну, что же… на нет и суда нет, – сказала она. – Постараюсь найти какой-то другой выход.

Но в эту минуту она не видела выхода.

Глава 17

В планах относительно поездки на автомобиле, которую Хегленд при помощи своего друга шофера думал устроить в воскресенье, произошли перемены. Машину – великолепный дорогой «пакард», не что-нибудь – нельзя было взять в условленный день. Ею можно будет воспользоваться только в ближайший четверг или пятницу, или уж придется совсем отказаться от поездки.

Всем еще раньше объяснили, – это была только часть истины, – что машина принадлежит некоему мистеру Кимбарку, старому и очень богатому джентльмену (он в это время путешествовал по Азии). Но истина заключалась в том, что приятель Хегленда, Спарсер, был Вовсе не шофером, а просто бездельником, беспутным сыном управляющего одной из молочных ферм мистера Кимбарка. Этому молодцу очень хотелось изобразить из себя нечто большее, чем сына простого управляющего фермой; временно заменяя сторожа и потому имея доступ в гараж, он решил взять самую лучшую машину и покататься на ней.

Хегленд подал мысль устроить вместе с друзьями по отелю какую-нибудь веселую прогулку. Но когда все уже были приглашены, пришло известие о скором приезде мистера Кимбарка; и Уиллард Спарсер, опасаясь, как бы хозяин не застал его врасплох, решил, что, пожалуй, больше не стоит пользоваться машиной. Когда же он рассказал о неожиданном препятствии Хегленду, нетерпеливо мечтавшему об этой поездке, тот отверг все доводы Спарсера. Почему бы не воспользоваться автомобилем еще разок? Он уже взбудоражил всех своих друзей, и ему не хотелось бы их разочаровывать. И поездку назначили на пятницу, когда Хегленд и его друзья будут свободны от полудня до шести вечера. А так как у Гортензии были теперь свои расчеты, она согласилась сопровождать Клайда, который, разумеется, тоже был в числе приглашенных.

Но, как пояснил Хегленд Ретереру и Хигби, машину берут без согласия владельца, поэтому лучше встретить ее где-нибудь подальше, на одной из тихих улиц вблизи Семнадцатой и Западного проспекта; оттуда они направятся к месту, где удобнее встретить девушек, а именно на угол Двадцатой и Вашингтон-стрит. Дальше поедут по Западной парковой дороге через мост Ганнибала в направлении на северо-восток к Гарлему, Северному Канзас-Сити, Майнавилу и через Либерти и Мосби к Экселсиор-Спрингс. Главной целью их поездки была маленькая, открытая круглый год гостиница «Вигвам», что в миле или двух от Экселсиора; «Вигвам» был одновременно и рестораном, и дансингом, и отелем. Тут можно было танцевать под граммофон и пианолу. Сюда нередко приезжали компании молодежи. Хегленд и Хигби уже не раз бывали в «Вигваме» и уверяли, что это превосходное местечко. Кормят хорошо, дорога прекрасная. Около дома протекает маленькая речка: летом там можно кататься на лодке и удить рыбу, а зимой, когда речка замерзает, – бегать на коньках. Правда, сейчас – в январе – дорога засыпана снегом, но проехать не трудно, и кругом очень красиво. Неподалеку от Экселсиора есть маленькое озеро, замерзающее в это время года, и, по мнению неуемного фантазера Хегленда, там можно покататься.

– Послушайте только, что он предлагает: тратить драгоценное время на какие-то коньки! – цинично заметил Ретерер: с его точки зрения, смысл прогулки заключался отнюдь не в спортивных развлечениях, а только в ухаживании за спутницами.

– А ну, к черту! Никакой хорошей идеи нельзя предложить, сразу зубы скалят, – возмутился автор идеи.

Единственный из всей компании, кто, кроме Спарсера, терзался опасениями, как бы поездка не кончилась плохо, был Клайд. С самого начала, узнав, что машина принадлежит не Спарсеру, а его хозяину, Клайд расстроился и даже возмутился. Он против того, чтобы брать чужую вещь, хотя бы даже только на время! Мало ли что может случиться. Их могут изобличить.

– А ты не думаешь, что нам опасно ехать на этой машине за город? – спросил Клайд Ретерера за несколько дней до прогулки, когда окончательно понял, каким путем они получают автомобиль.

– А что тут такого? – ответил Ретерер; он уже привык к таким проделкам, и они его мало беспокоили. – Ведь не я беру машину и не ты. Если Спарсер хочет взять ее, так это его дело, – верно? Раз он пригласил меня прокатиться, я поеду. Почему бы нет? Мне нужно только одно – вернуться вовремя. Остальное меня мало трогает.

И Хигби, подошедший к ним в эту минуту, высказался в том же духе. Но Клайд все-таки беспокоился. Вдруг из этой затеи выйдет что-нибудь неладное, тогда его еще, пожалуй, уволят. Но прокатиться вместе с Гортензией и другими девушками и приятелями в такой прекрасной машине было слишком соблазнительно: он не мог устоять перед искушением.

В пятницу, тотчас после полудня, все приглашенные собрались в условленных местах: Хегленд, Ретерер, Хигби и Клайд – на углу Семнадцатой и Западного проспекта; Майда Акселрод – подружка Хегленда, Люсиль Николас

– подружка Ретерера и Тина Когел – подружка Хигби, которая привела с собой Лору Сайп (Лора предназначалась в дамы Спарсеру) – на углу Двенадцатой и Вашингтон-стрит. А Гортензия в последнюю минуту известила Клайда, что ей нужно зайти домой, и просила заехать за ней на угол Сорок девятой и Дженеси-стрит; компания согласилась на это не без воркотни.

Стоял конец января; день был серый, низкие облака грозили снегопадом, а так приятно и интересно смотреть на падающий снег, когда сидишь в закрытой машине, и потому всем очень хотелось полюбоваться этим зрелищем.

– Вот бы хорошо! – воскликнула Тина Когел, когда кто-то сказал, что может пойти снег.

– О, я обожаю смотреть, как падает снег! – подхватила Люсиль Николас.

Машина понеслась по Уэст-Блаф-Роуд, Вашингтон-стрит и Второй, переехала через мост Ганнибала, миновала Гарлем и помчалась дальше берегом реки, – извилистой дорогой, вдоль которой, точно на страже, стояли холмы, – к Рэндолфским высотам, а затем мимо Мосби и Либерти. Здесь дорога стала лучше. Мелькали живописные домики и покрытые январским снегом холмы.

Клайд, который за всю свою жизнь в Канзас-Сити ни разу не ездил дальше Канзаса, расположенного к западу от Канзас-Сити, или дальше девственных лесов Суоп-парка на востоке, равно как и не ездил вдоль рек Канзас или Миссури дальше местечка Аргентина или дальше Рэндолфских высот, – был в восторге; эта поездка казалась ему настоящим путешествием. Это было так не похоже на привычные будни. И Гортензия была весела, благодушно настроена. Она уютно устроилась рядом с ним и не запротестовала, когда Клайд, видя, что остальные обняли своих спутниц, тоже обвил ее стан рукой и привлек поближе к себе. Наоборот, взглянув на Клайда, она сказала:

– Кажется, мне придется снять шляпу.

Все засмеялись. В Гортензии была какая-то пикантная живость, порою очень забавная. Кроме того, она причесалась по-новому, это ей очень шло, и ей не терпелось показать всем свою новую прическу.

– А потанцевать там где-нибудь можно? – спросила она, не обращаясь ни к кому в отдельности.

– Верней верного! – сказал Хигби, который уже убедил Тину Когел тоже снять шляпку и крепко прижал девушку к себе. – Там есть пианола и граммофон. Жаль, я не сообразил взять свой кларнет. Я умею играть «Дикси».

Машина с головокружительной скоростью неслась по заснеженной дороге, среди белых полей. Спарсер, воображая себя опытным шофером, а в эту минуту еще и подлинным владельцем машины, хотел испытать, с какой скоростью он может вести ее по такой дороге.

Темные виньетки лесов мелькали справа и слева. Проносились мимо поля, стражи дороги – холмы вздымались и спадали, как волны. Мелькнуло пугало, стоявшее у самого края дороги: широкие рукава его трепал ветер, истлевший цилиндр съехал набок. С поля поднялась стая ворон и полетела к дальнему лесу – его темные неровные очертания едва виднелись на фоне снежных просторов.

Спарсер сидел за рулем с таким видом, словно вести эту великолепную машину для него самое обычное дело; рядом с ним сидела Лора Сайп. Ему, в сущности, больше нравилась Гортензия, но пока что он считал своим долгом оказывать некоторое внимание Лоре. Чтобы не уступить остальным в галантности, он одной рукою обнял ее, а другой продолжал править – фокус, немало испугавший Клайда, который все еще сомневался, благоразумно ли было вообще брать чужую машину. При такой быстрой езде все они рискуют погибнуть. Гортензию занимало лишь одно: что Спарсеру она явно нравится, хотя он пока и должен волей-неволей ухаживать за Лорой. И когда он обнял Лору и свысока спросил ее, часто ли она каталась на автомобиле по окрестностям Канзас-Сити, Гортензия только улыбнулась про себя.

Но Ретерер, заметив жест Спарсера, подтолкнул локтем Люсиль Николас, а та, в свою очередь, толкнула Хигби, чтобы привлечь его внимание к лирической сценке на переднем сиденье.

– Ну, что, Уиллард, вы там недурно устроились? – дружелюбно окликнул Ретерер Спарсера.

– Очень даже, – весело ответил Спарсер, не оборачиваясь. – Тебе хорошо, детка?

– Великолепно, – ответила Лора.

А Клайд подумал, что Гортензия красивее всех этих девушек, – ни одна не может сравниться с нею. В этот день на ней было красное платье с черной отделкой и темно-красная, в тон платью, шляпа с большими полями. А на левой щеке, как раз под маленьким накрашенным ртом она прилепила крошечную черную мушку в подражание какой-то кинокрасавице. Собираясь на эту прогулку, она решила затмить всех девушек и теперь чувствовала, что ей это удалось. И Клайд был совершенно согласен с нею.

– Вы здесь лучше всех, – прошептал он, нежно обнимая ее.

– А вы, милый мальчик, тоже умеете подмазываться, когда захотите, – сказала она громко, и все засмеялись.

Клайд слегка покраснел.

За Майнавилом через шесть миль дорога свернула в лощину; тут была деревенская лавка, и Хегленд, Хигби и Ретерер вышли из машины, чтобы купить конфет, папирос, мороженого и фруктовой воды. Затем проехали Либерти и в нескольких милях от Экселсиор-Спрингс увидели «Вигвам», оказавшийся просто старым двухэтажным коттеджем, прижавшимся к небольшому холму. Правда, к старому дому примыкала новая, более вместительная одноэтажная пристройка; тут помещались столовая, зал для танцев и в конце его за перегородкой – бар. В большом камине весело пылал огонь. Внизу, в лощине по ту сторону дороги, виднелась речка Бентон, попросту ручей, теперь покрытый прочным льдом.

– Вот вам и речка! – весело крикнул Хигби, помогая Тине Когел выйти из машины. По дороге он несколько раз прикладывался к своей фляжке и заметно повеселел.

Компания приостановилась, чтобы полюбоваться ручьем, застывшим в извилистых, поросших деревьями берегах.

– Говорил я, что надо захватить коньки и покататься, – вздохнул Хегленд. – Не послушали меня. Ну, да уж ладно…

В это время Люсиль Николас увидела отблеск огня в маленьком окошке «Вигвама» и закричала:

– Смотрите, там у них камин!

Машину отвели в гараж и затем всей гурьбой вошли в гостиницу; Хигби тотчас пустил в ход большой, грохочущий и дребезжащий граммофон-автомат, бросив в него пятицентовую монету. Соперничая с ним, Хегленд подбежал к другому граммофону, стоявшему в углу, и поставил первую попавшуюся пластинку – «Серый мишка».

При первых звуках хорошо знакомой мелодии Тина Когел крикнула:

– Давайте скорее танцевать! Только пусть замолчит вторая шарманка!

– Замолчит, когда кончится завод, – смеясь ответил Ретерер. – Эту штуку можно остановить только одним способом: не кормить ее пятицентовиками.

Вошел официант, и Хигби стал спрашивать, кто что будет есть. Тем временем Гортензия, желая покрасоваться перед всеми, вышла на середину комнаты и прошлась подражая походке медведя, поднявшегося на задние лапы, как того требовал танец. Она проделала это очень забавно и грациозно. Спарсеру давно уже хотелось привлечь ее внимание, и теперь, видя ее одну посреди комнаты, он пошел за нею, повторяя ее движения. Гортензия оценила его ловкость, притом ей не терпелось потанцевать; она быстро оставила свою забаву, обернулась к Спарсеру – и они заскользили в уанстепе.

Клайд, которого никак нельзя было назвать хорошим танцором, мгновенно ощутил жгучую ревность. Он так страстно стремился к Гортензии, а она покинула его в самом начале веселья, – это просто нечестно! Но Гортензия уже заинтересовалась Спарсером, – он-то, по-видимому, не такой неискушенный новичок, – и, не обращая внимания на Клайда, продолжала танцевать с новым поклонником, чьи движения так приятно гармонировали с ее собственными. Остальные не пожелали отстать. Хегленд тотчас пригласил Майду, Ретерер танцевал с Люсиль, Хигби – с Тиной Когел. Клайду осталась Лора Сайп, которая ему не особенно нравилась. Она была далеко не красавица: толстая, с широким невыразительным лицом и маленькими слащавыми голубыми глазками. Клайд не был искусным танцором, и они с Лорой танцевали простой уанстеп, тогда как другие выделывали сложные фигуры.

Клайд с тоскливым бешенством заметил, что Спарсер, продолжая танцевать с Гортензией, крепко прижал ее к себе и смотрит ей прямо в глаза. И она это позволяет. Клайд почувствовал вдруг свинцовую тяжесть под ложечкой. Неужели она флиртует с этим мальчишкой-выскочкой, который только тем и хорош, что достал автомобиль! А ведь она обещала быть ласковой с ним. Клайд начал догадываться, что она ветрена и совершенно к нему равнодушна. Ему хотелось что-то предпринять: оставить Лору, увести Гортензию от Спарсера… но ничего нельзя было сделать, пока не кончится пластинка.

В это время появился официант с подносом и расставил на трех сдвинутых вместе столиках коктейли, фруктовую воду и сандвичи. Все перестали танцевать и направились к столам, – все, кроме Спарсера и Гортензии. Клайд мгновенно отметил это. Бессердечная кокетка! Она вовсе и не думает о нем! А ведь совсем недавно она старалась уверить его в противном и заставила помочь ей с этим жакетом. Пусть отправляется к дьяволу. Он ей покажет! А он-то старался услужить ей… Но всему есть границы.

Наконец, видя, что все уже собрались вокруг столов, придвинутых к камину, Спарсер и Гортензия тоже перестали танцевать и присоединились к остальным. Клайд, бледный и угрюмый, стоял в сторонке, притворяясь равнодушным. Лора, которая давно уже заметила его ярость и догадалась, в чем дело, оставила его, подошла к Тине Когел и рассказала, почему Клайд так зол. Тогда и Гортензия заметила наконец мрачный вид Клайда и подошла к нему все той же танцующей «медвежьей» походкой.

– Вот весело, правда? – начала она. – Ужасно люблю танцевать под такую музыку.

– Вам-то, конечно, весело, – ответил Клайд, терзаясь завистью и досадой.

– А в чем дело? – спросила она негромко и почти обиженно, притворяясь, будто не понимает, хотя прекрасно знала, почему он злится. – Неужели вы сходите с ума потому, что я танцевала со Спарсером? Как глупо! Почему вы не подошли раньше и не пригласили меня? Не могла же я отказать ему, когда он уже был рядом!

– Ну конечно, не могли, – ответил Клайд язвительно, но тоже понизив голос: он, как и Гортензия, не хотел, чтобы остальные слышали их разговор.

– А зачем вы прижимались к нему и смотрели ему в глаза? – Он был взбешен.

– Не спорьте, я все видел.

Гортензия удивленно взглянула на него: ее поразила резкость его тона, он впервые заговорил с ней так. Видно, стал слишком уверен в себе. Она была чересчур мила с ним. Но сейчас не время показывать ему, что ей вовсе не так с ним приятно, как она уверяла, – ведь ей хочется получить жакет, и они уже обо всем условились.

– Ну, знаете, это невыносимо, – сказала она сердито. Больше всего ее злило, что он прав. – Вы еще и ворчите. Чем я виновата, что вы вздумали ревновать! Я только потанцевала с ним немножко. Я не знала, что вы станете беситься.

Она уже собиралась отойти, но снова подумала об их уговоре; нужно как-то задобрить Клайда, иначе дело не выгорит. Она потянула его за лацкан пиджака, чтобы отвести подальше, так как остальные уже наблюдали за ними и прислушивались.

– Ну, поймите же. Не надо так ворчать и дуться. Я ничего плохого не сделала. Честное слово. Теперь все так танцуют, и это ничего не значит. Разве вы не хотите, чтобы я была мила с вами? Помните, что я вам говорила?

И она посмотрела ему прямо в глаза рассчитанно-нежно и многообещающе, точно он был здесь единственным, кто ей по-настоящему нравился. И обдуманно, с совершенно определенным намерением, сделала свою обычную гримаску, приоткрыв рот и чуть выпятив губы, как будто хотела его поцеловать. Эта гримаска доводила Клайда до безумия.

– Ну, ладно, – сказал он, глядя на нее покорно и просительно. – Наверно, я глуп. Но я ведь все видел. Вы же знаете. Гортензия, я с ума схожу, я просто вне себя! И ничего не могу поделать. Иной раз мне хочется от этого избавиться. Не быть таким дураком.

Он Печально смотрел на нее. А она, ясно представляя себе, как велика ее власть над Клайдом и как легко им вертеть, сказала:

– Ну… не надо, не надо так, будьте паинькой, – я вас поцелую, когда на нас не будут смотреть.

А в то же время она чувствовала на себе взгляд Спарсера и сознавала, что его влечет к ней и что он нравится ей больше всех, с кем она встречалась за последнее время.

Глава 18

Веселье достигло высшей точки, когда Хегленд опять напомнил о речке и о связанных с нею возможностях. К этому времени все уже вдоволь натанцевались и немало выпили. Выглянув в окно, он вдруг воскликнул:

– Что же это такое? Почему лед остается без внимания? Смотрите, какой шикарный лед! Пошли кататься!

И они всей гурьбой вышли на улицу. Ретерер схватил за руку Тину Когел, и они пустились бежать; за ними Спарсер с Люсиль Николас (они только что танцевали вместе), Хигби с Лорой Сайп, которой он решил пока заняться для разнообразия, и Клайд с Гортензией. Едва компания очутилась на льду, на узкой, вьющейся среди безлистных рощиц полоске, с которой ветер кое-где дочиста сдул снег, как все они стали похожи на юных сатиров и нимф древности. Они бегали взад и вперед, спотыкались и скользили; Хигби, Люсиль и Майда сразу упали, но тут же с хохотом вскочили на ноги.

Гортензия сначала осторожно семенила, опираясь на руку Клайда, но скоро начала бегать и скользить по льду, точно на коньках, взвизгивая в притворном страхе. И теперь не только Спарсер, но и Хигби, не считаясь с Клайдом, начали ухаживать за

ней. Они скользили по льду рядом с ней, догоняли ее, притворялись, что подставляют ей ногу, и подхватывали ее, когда она падала. Потом Спарсер схватил Гортензию за руку и, не обращая внимания на остальных, будто против ее воли, потащил за собой вверх по ручью, к повороту, за которым они и скрылись. Решив не проявлять больше подозрительности и ревности, Клайд остался позади. Но в глубине души он опасался, что Спарсер может воспользоваться случаем и назначить Гортензии свидание, даже поцеловать ее. Она вполне способна позволить ему это, хотя бы и притворяясь, что все это против ее желания. Мучительно!

Клайд невольно поддался неотступной тревоге. Он ощущал свое бессилие, ему хотелось бы видеть их. Но тут Хегленд, держа за руку Люсиль Николас, стал сзывать всех в цепь; Клайд тоже взял Люсиль за руку и протянул другую руку Майде Акселрод, а та, в свою очередь, протянула свободную руку Ретереру. Хигби и Лора Сайп уже готовы были стать в конце цепи, когда появились Спарсер и Гортензия, скользя по льду и держась за руки. Они стали последними в цепи. Тогда Хегленд быстро побежал, увлекая за собой остальных; он поворачивал, бросался то туда, то сюда, пока все, кто был позади Майды, не попадали на лед. И Клайд заметил, что Гортензия и Спарсер, падая, скользили и катились вместе, толкая друг друга к берегу, пока не наткнулись на кучу снега, сухих листьев и веток. Юбки Гортензии сбились, открывая колени. Но вместо того чтобы смутиться, как того ждал и хотел Клайд, она сидела так несколько мгновений, ничуть не стыдясь, и даже весело смеялась, а Спарсер был рядом и все еще держал ее за руку. Лора Сайп упала так, что сбила с ног Хигби, и он повалился на нее, и они тоже продолжали лежать, заливаясь хохотом, в весьма двусмысленной позе, как подумалось Клайду. Он заметил, что у Лоры платье тоже задралось выше колен. Спарсер, который успел уже подняться и сесть, показывал на ее красивые ноги и громко хохотал, скаля зубы. Кругом раздавались визг и взрывы смеха.

«Черт знает что! – думал Клайд. – И какого дьявола он все время вертится около Гортензии? Должен был сам привезти для себя девушку, если хотел повеселиться. Какое они имеют право уходить туда, где их никто не видит! И она думает, я поверю, будто это ничего не значит. Она никогда не смеялась со мной так весело, как с ним. За кого она меня принимает? Воображает, что меня можно водить за нос?» Он сердито нахмурился; но тут цепь восстановили. Люсиль Николас все еще держала его за руку. Спарсер и Гортензия снова оказались в хвосте. Но Хегленд, не подозревая о настроении Клайда и поглощенный веселой игрой, закричал: «Пускай теперь кто другой идет в конец!» Ретерер и Майда Акселрод, Клайд и Люсиль Николас послушно передвинулись в конец цепи, а Хигби с Лорой Сайп и Гортензия со Спарсером оказались впереди. Гортензия не выпускала руки Спарсера. Но теперь она стояла рядом с Клайдом (он был справа от нее) и взяла его за руку, а Спарсер, который стоял слева от нее, крепко сжимал другую ее руку, и это приводило Клайда в бешенство. Почему он не занимается Лорой Сайп? Ведь ее пригласили ради него! А Гортензия его поощряет!

Клайд теперь совсем приуныл и был так обижен и раздосадован, что с трудом участвовал в игре. Ему хотелось бросить все и затеять ссору со Спарсером. Но Хегленд, стремительный и нетерпеливый, увлек за собой всю цепь, раньше чем Клайд успел на что-либо решиться.

И как он ни старался сохранить равновесие, все-таки он, Люсиль, Ретерер и Майда оторвались от цепи и волчком завертелись на льду. В критическую минуту Гортензия выпустила руку Клайда, явно предпочитая держаться за Спарсера. Все упавшие одним клубком катились футов сорок по гладкому зеленоватому льду, пока не докатились до засыпанного снегом берега. Люсиль Николас лежала у Клайда на коленях, лицом вниз, в такой удобной для порки позе, что он не мог не рассмеяться. А Майда упала на спину рядом с Ретерером, высоко подняв ноги. «Нарочно», – подумал Клайд. Он считал, что она слишком груба и нахальна. И тут, конечно, начался восторженный визг, крик, хохот – такой громкий, что, наверно, было слышно за полмили.

Хегленд, вообще очень смешливый, теперь согнулся чуть ли не вдвое, хлопал себя по бедрам и уже не хохотал, а ревел. Спарсер, разинув огромный рот, фыркал и гримасничал. Веселье было так заразительно, что на время Клайд забыл о ревности. Он тоже смотрел и смеялся. Но настроение его, в сущности, не изменилось. Он все-таки чувствовал, что Гортензия ведет себя нечестно.

Под конец Люсиль Николас и Тина Когел устали и вышли из игры. Гортензия тоже. Клайд немедленно подошел к ней. Ретерер последовал за Люсиль. Разошлись в разные стороны и все остальные. Хегленд скользил по льду, толкая Майду Акселрод перед собой, и вскоре они скрылись за поворотом. Хигби подхватил идею Хегленда и таким же способом повез Тину Когел вверх по реке, а Ретерер и Люсиль, словно заметив что-то интересное в ближней рощице, направились к ней, смеясь и болтая. Даже Спарсер и Лора, предоставленные самим себе, отправились куда-то, и Клайд остался наедине с Гортензией.

Они подошли к бревну, лежавшему на берегу, и Гортензия села. Но Клайд, страдая от воображаемых ран, молча стоял подле; почувствовав его настроение, Гортензия схватила его за пояс пальто и потянула к себе.

– Но-но-о, лошадка! – весело воскликнула она. – Но-но-о! Вперед! Лошадка, прокати меня по льду!

Клайд хмуро посмотрел на нее; внутренне взбешенный, он не собирался так легко забыть свои обиды.

– Зачем вы позволяете этому Спарсеру все время липнуть к вам? – спросил он. – Я видел, как вы уходили с ним туда, за поворот. Что он вам говорил?

– Ничего не говорил.

– Ну ясно, ничего, – сказал он громко и насмешливо. – Может быть, он и не целовал вас?

– Конечно, нет, – сказала Гортензия решительно и зло. – Хотела бы я знать, за кого вы меня принимаете? Я не позволяю целовать себя людям, которых вижу в первый раз, имейте это в виду, мой милый. Вам-то я не позволила.

– Да, конечно… Но вы к нему лучше относитесь, чем ко мне.

– Вот как? Ну что ж, может быть! Но все равно, какое вы имеете право говорить, что я к нему хорошо отношусь? Что же, мне и повеселиться нельзя, так я и буду у вас под надзором? Надоели вы мне, вот что я вам скажу!

Гортензия не на шутку рассердилась: ей показалось, что Клайд говорит с ней слишком по-хозяйски.

А Клайд, получив так внезапно суровый отпор, был несколько ошеломлен и тотчас решил, что, пожалуй, ему лучше изменить тон. В конце концов, она никогда не говорила, что любит его, даже тогда, когда давала свое неопределенное обещание.

– Ладно, – заметил он, помолчав, угрюмо и не без грусти. – Я знаю только одно: вы иногда говорите, что я вам не безразличен, так вот, если б мне кто был не безразличен, я не стал бы флиртовать с другими.

– Ах, вы не стали бы?

– Да, не стал бы.

– А кто же здесь флиртует, хотела бы я знать?

– Вы.

– Я не флиртую и, пожалуйста, уходите отсюда и оставьте меня в покое. Вы только и умеете придираться. Если я танцевала с ним в ресторане, это еще не значит, что я флиртую. Вы мне надоели, вот и все.

– Надоел?

– Да, надоели.

– Ну что же, может быть, мне лучше уйти и больше вас вообще не беспокоить, – сказал Клайд.

В нем пробудилось нечто, напоминавшее мужество его матери.

– Да, так будет лучше, раз вы не можете вести себя иначе, – заметила Гортензия, досадливо постукивая ногой по льду.

Но Клайд уже чувствовал, что не в силах вот так от нее уйти… он слишком пылко стремился к ней, был слишком ею порабощен. Воля его слабела; он с тревогой смотрел на Гортензию. А она вновь подумала о жакете и решила, что надо стать любезнее.

– А вы разве не смотрели ему в глаза? – спросил он неуверенно, опять вспомнив, как она танцевала со Спарсером в ресторане.

– Когда?

– Когда танцевали с ним.

– Не смотрела, во всяком случае, не помню. Ну а если бы и смотрела, что за беда? Это ничего не значит. Подумаешь! Неужели нельзя посмотреть в глаза человеку?

– Так, как вы смотрели, нельзя, если вам на самом деле нравится кто-то другой.

Лицо у Клайда стало и недовольное и растерянное.

Гортензия нетерпеливо и негодующе прищелкнула языком.

– Вы просто несносный.

– А там, на льду, когда вы вернулись с ним, – продолжал Клайд решительно, но все же волнуясь. – Вы не подошли ко мне, вы пошли с ним в конец цепи. Я видел. И всю дорогу держали его за руку. А когда вы упали, а потом сидели там с ним, он опять держал вашу руку. Хотел бы я знать, что это такое, по-вашему, – не флирт, нет? А что еще? Будьте уверены, Спарсер думает то же самое.

– Ну и пусть, а я все равно не флиртовала с ним, и можете говорить, что вам угодно. Хотите, чтобы все шло так, как сейчас, – хорошо, пожалуйста. Я не могу вас остановить. Это все ваша проклятая ревность; по-вашему, и того нельзя, и этого нельзя. Как же играть на льду, если не держаться за руки, хотела бы я знать? Вот еще, подумаешь! А вы сами с этой Люсиль Николас? Я видела, как она лежала у вас на коленях, а вы сидели и хохотали, но я ничего такого не подумала. Что же мне надо было делать, по-вашему? Приехать сюда и сидеть, как приклеенной, вот тут, на бревне? Или бегать за вами хвостом? Или чтоб вы бегали за мной? За кого вы меня принимаете? Что я – дура?

Она считала, что Клайд оскорбил ее, и вышла из себя. Она подумала о Спарсере, – он действительно привлекал ее сейчас больше, чем Клайд. Спарсер не романтик – он проще, практичнее.

Клайд отвернулся, снял кепи и мрачно потер голову, а Гортензия смотрела на него и думала о нем и снова о Спарсере. Спарсер мужественнее, не такая плакса. Он не стоял бы вот так и не жаловался, будьте уверены. Он, вероятно, сразу распростился бы с нею, увидев, что тут не будет толку. А все-таки Клайд на свой лад приятен и полезен. Кто еще сделает для нее то, что делает он? И, во всяком случае, он сейчас не принуждает ее уйти с ним куда-нибудь подальше, как ушли остальные. А она боялась, что он тоже решится на такую попытку, опережая ее планы и желания. Их ссора предотвратила это.

– Ну, подумайте, – снова заговорила она, решив, что лучше умаслить Клайда и что, в конце концов, справиться с ним не так уж трудно. – Так мы и будем ссориться? Стоит ли? Для чего вы меня сюда привезли? Неужели, чтобы ворчать на меня все время? Я бы не поехала, если б знала.

Она отвернулась, постукивая по льду узким носком ботинка, а Клайд, снова поддавшись очарованию этой девушки, схватил ее в объятия, прижимаясь губами к ее губам, стараясь удержать ее и подчинить своим ласкам. Но Гортензия, – отчасти потому, что ее теперь влекло к Спарсеру, отчасти потому, что Клайд раздражал ее, – оттолкнула его, злясь и на него и на себя. С какой стати подчиняться ему, делать то, чего ей не хочется, – сейчас, по крайней мере? Она не обещала, что именно сегодня будет с ним так мила, как ему хочется. Такого уговора не было. Во всяком случае, сейчас она не желает, чтобы он так обращался с нею, она этого не позволит

– и все тут! Клайд, понимая теперь, как она на самом деле к нему относится, отступил и только смотрел на нее мрачными и жадными глазами. И она ответила пристальным взглядом.

– Вы, кажется, говорили, что хорошо относитесь ко мне, – сказал Клайд почти злобно, видя, что все его мечты об этом дне, о счастливой прогулке развеялись как дым.

– Да, хорошо отношусь, когда вы бываете милым, – ответила она лукаво и уклончиво, думая о своих прежних обещаниях и стараясь как-нибудь уладить дело.

– Ну да, хорошо, – сказал он ворчливо. – Вижу я ваше хорошее отношение. Вы даже не позволяете мне до вас дотронуться. Хотел бы я знать, что вы имели в виду, когда говорили со мной в тот раз.

– А что я такое говорила? – возразила Гортензия только для того, чтобы выиграть время.

– Как будто вы не знаете!

– Ах да! Но ведь все это не сейчас, правда? Кажется, мы говорили… – Она замолчала в нерешительности.

– Я помню, что вы говорили, – продолжал Клайд. – Но теперь я вижу, что вы совсем не любите меня, в этом все дело. Если б вы в самом деле меня любили, какая вам была бы разница – теперь, или через неделю, или через две? Как видно, это зависит от того, что я для вас делаю, а не от вашей любви ко мне. Вот так ловко!

Страдание сделало его дерзким и смелым.

– Ничего подобного! – огрызнулась она, разозленная тем, что он угадал правду. – И я не желаю, чтобы вы так со мной разговаривали. Мне совсем не нужен этот несчастный жакет, если хотите знать. И можете получить назад ваши несчастные деньги, не нужны они мне. И оставьте меня в покое раз и навсегда. У меня и без вашей помощи будут жакеты, сколько угодно!

Сказав это, она повернулась и пошла прочь. Но Клайд, уже думая, как всегда, только о том, чтобы ее умилостивить, бросился за ей.

– Не уходите, Гортензия, – просил он. – Подождите минутку. Я ничего такого не думал, честное слово. Я без ума от вас, честное слово. Разве вы не видите? Ну, пожалуйста, не уходите. Я совсем не для того даю вам деньги, Чтобы получить что-то взамен. Возьмите их просто так; если хотите… Я никого на свете так не люблю, никогда не любил. Возьмите все деньги, не надо мне их. Но только я думал, что и вы немножко любите меня. Неужели я совсем, совсем вам безразличен, Гортензия?

Он казался покорным и испуганным, и она, почувствовав свою власть над ним, немного смягчилась.

– Нет, конечно, – заявила она. – Но все равно, это не значит, что вы можете обращаться со мной так, как сейчас. Вы, кажется, не понимаете, что девушка не всегда может сделать все, чего вы от нее хотите, как раз тогда, когда вам хочется.

– О чем это вы? – спросил Клайд, не вполне уловив смысл ее слов. – Я не совсем понял.

– Ну, уж, наверно, поняли.

Она не могла поверить, что он не знает.

– Ах, вот что! Мне кажется, я знаю, что вы хотите сказать. Теперь понятно, – продолжал он разочарованно. – Это старая история, все так говорят, я знаю.

Клайд, в сущности, повторял теперь слова и интонации других юнцов из отеля – Хигби, Ретерера, Эдди Дойла, – которые объяснили ему, в чем тут дело, и рассказали, что девушки, ссылаясь на это, выкручиваются иной раз из трудного положения. И Гортензия поняла, что он разгадал ее уловку.

– Как не стыдно! – воскликнула она, притворяясь обиженной. – Вам ничего нельзя сказать, вы все равно никогда ничему не верите. Но хотите – верьте, хотите – нет, а это правда.

– Я теперь знаю, какая вы, – сказал он печально, но и чуточку высокомерно, как будто все это было ему давно знакомо. – Вы меня совсем не любите, вот и все. Теперь я понял.

– Как не стыдно! – повторяла Гортензия с видом оскорбленной добродетели. – Уверяю вас, это правда. Хотите – верьте, хотите – нет, но я клянусь вам, честное слово.

Клайд стоял смущенный. Он просто не знал, что сказать в ответ на эту жалкую хитрость. Он не может ее ни к чему принудить. Если она хочет лгать и притворяться, он тоже притворится, что верит ей. И все же он был глубоко опечален. Никогда ему не добиться ее любви, это ясно. Он повернулся, чтобы уйти, и Гортензия, не сомневаясь, что ее ложь разгадана, сочла своим долгом что-то сделать, снова как-то забрать его в руки.

– Ну, Клайд, пожалуйста, – начала она, пуская в ход всю свою хитрость.

– Ведь это же правда. Уверяю вас. Вы не верите? Право, на будущей неделе. Честное слово! Не верите? Я сделаю все, что обещала. Я знаю, что говорю. Честное слово! И вы мне нравитесь… очень! Неужели вы и этому не верите?

Это была артистическая игра, – и Клайд, дрожа с головы до ног, ответил, что верит. Он снова повеселел и улыбался. И пока они шли к автомобилю (Хегленд уже сзывал всех – пора было ехать), он держал Гортензию за руку и несколько раз поцеловал ее. Он был совершенно уверен, что мечта его исполнится. О, какое это будет блаженство!

Глава 19

На обратном пути в Канзас-Сити вначале ничто не нарушало приятного заблуждения, в котором пребывал Клайд. Он сидел рядом с Гортензией, и она склонила голову к нему на плечо. Спарсер, ожидавший, пока все усядутся, чтобы самому сесть за руль, сжал руку Гортензии выше локтя и получил в ответ многообещающий взгляд, но Клайд этого не заметил.

Час был уже поздний, Хегленд, Ретерер и Хигби подгоняли Спарсера, и тот, повеселев от взгляда Гортензии и от выпитого вина, так погнал машину, что впереди скоро блеснули огни предместий. Машина неслась с головокружительной скоростью. И вдруг пришлось остановиться: здесь, вблизи города, проходила восточная линия железной дороги, и они долго, волнуясь, ждали на переезде, пока пройдут два длинных товарных поезда. Когда подъехали к северной окраине Канзас-Сити, повалил мокрый снег; большие хлопья сразу таяли, дорога покрылась слоем скользкой грязи, и теперь ехать нужно было очень осторожно. Часы показывали уже половину шестого. В обычных условиях при большой скорости хватило бы восьми минут, чтобы добраться до ближайших к отелю кварталов, где они могли бы остановить машину. Но произошла новая задержка у моста Ганнибала, – и, когда они переехали мост и добрались до Вайандот-стрит, было без двадцати шесть. Четверо молодых людей уже потеряли всякий вкус к поездке и больше не радовались близости своих спутниц. Теперь они могли думать только о том, удастся ли им попасть вовремя в отель. Перед ними неотступно маячила строгая, педантичная фигура мистера Скуайрса.

– Ну, если мы не поедем скорее, нам не добраться в срок, – сказал Ретерер Дэвису Хигби, беспокойно вертевшему в руках часы. – Едва ли мы успеем переодеться.

Клайд, услышав его слова, воскликнул:

– Ну, это не годится! Нельзя ли двигаться побыстрее? Напрасно мы сегодня поехали. Беда, если не попадем к поверке.

А Гортензия, заметив его волнение и тревогу, спросила:

– Вы думаете, мы не доедем вовремя?

– При такой скорости не доедем, – сказал он.

Хегленд, который внимательно всматривался в то, что делалось за окном,

– в глазах рябило, словно весь мир был заполнен клочками непрерывно падавшей ваты, – крикнул Спарсеру:

– Эй, Уиллард, нельзя ли побыстрей? Нам зарез, коли опоздаем.

А Хигби, разом выведенный из своего наглого спокойствия – спокойствия азартного игрока, прибавил:

– Нас наверняка выгонят, если мы не соврем чего-нибудь в оправдание. Кто придумает, что бы нам сказать?

Клайд только прерывисто вздохнул.

И, как нарочно, почти на каждом перекрестке они наталкивались на скопление экипажей и должны были мучиться ожиданием. На пересечении Девятой и Вайандот-стрит раздосадованный Спарсер, увидев новое препятствие

– предостерегающе поднятую руку полисмена, – нетерпеливо воскликнул:

– Опять задержка! Ну что тут будешь делать! Я могу свернуть на Вашингтон-стрит. Только не знаю, выйдет ли быстрее.

Прошла целая минута прежде чем был дан сигнал ехать дальше. Тогда Спарсер быстро повернул вправо, и через три квартала машина вышла на Вашингтон-стрит.

Но и тут было не лучше. Два сплошных потока машин двигались в противоположных направлениях, и на каждом перекрестке несколько драгоценных мгновений терялось на то, чтобы пропустить поперечный поток. Затем автомобиль устремлялся дальше, до следующего перекрестка, пробираясь среди других экипажей, стараясь их обогнать. На углу Пятнадцатой и Вашингтон-стрит Клайд сказал Ретереру:

– Может, сойдем у Семнадцатой и пойдем пешком?

– Никакого смысла, – отозвался Спарсер. – Если я сумею свернуть там, выйдет гораздо быстрее.

Они теснили другие машины, стараясь выиграть лишний дюйм пространства. На углу Шестнадцатой и Вашингтон-стрит Спарсер увидел слева, как ему показалось, довольно свободный квартал и свернул туда, чтобы этим проездом снова выехать на Вайандот-стрит. Как раз в то мгновение, когда он, ведя машину вплотную вдоль тротуара, приближался к углу и готовился свернуть, не уменьшая скорости, девочка лет девяти, бежавшая к перекрестку, очутилась прямо перед автомобилем. Спарсер не мог ни остановиться, ни объехать ее, девочку сбило с ног и протащило несколько шагов, прежде чем машину удалось остановить. И тотчас раздался крик десятка голосов: пронзительные вопли женщин и возгласы мужчин – свидетелей несчастья.

Все они мгновенно бросились к упавшей девочке; колеса переехали через нее. Спарсер, выглянув, увидел кучку людей вокруг неподвижного тела, и его охватила непередаваемая паника: он представил себе полицию, тюрьму, отца, владельца автомобиля, суровую кару… И хотя все, кто был в автомобиле, вскочили с криками: «О, боже! Он сбил девочку! Он убил ребенка! Какой ужас! Господи! Что же теперь делать?» – Спарсер обернулся и крикнул:

– Полиция! Надо удирать!

И, не ожидая согласия остальных (они привстали в машине, но ни слова не могли вымолвить от страха), он рванул рычаг, и «пакард» на предельной скорости понесся к следующему перекрестку.

Но там, как и на каждом углу, стоял полисмен, который, увидев, что за квартал от него возникло какое-то смятение, уже приготовился покинуть свой пост, чтобы узнать, в чем дело. В эту минуту крики: «Задержите эту машину! Задержите эту машину!» – достигли его ушей. А мужчина, бежавший вслед за автомобилем с места несчастья, кричал: «Держите их, держите! Они убили ребенка!»

Полисмен сейчас же повернулся к автомобилю и поднес к губам свисток. Но Спарсер, услышав крики и увидев идущего навстречу полисмена, метнулся мимо него на Семнадцатую улицу и помчался по ней со скоростью почти сорока миль в час. На ходу он задел колесо какого-то грузовика, поцарапал крыло другой машины; он проскакивал мимо экипажей и пешеходов на расстоянии дюйма, а то и какой-нибудь четверти дюйма. Позади него в «пакарде» почти все сидели с застывшими лицами, напряженно вытянувшись, стиснув руки, широко раскрыв глаза и плотно сжав губы; только Гортензия, Люсиль Николас и Тина Когел непрерывно повторяли: «Господи, господи! Что теперь будет!»

Но удрать от полиции и от всех тех, кто начал преследовать машину, было не так-то просто. Полисмен, не успев рассмотреть номер автомобиля, но убедившись, что водитель не намерен остановиться, дал резкий и продолжительный свисток. Полисмен на следующем углу, увидев быстро мчавшуюся машину и поняв, что это может значить, тоже дал свисток, вскочил на подножку проезжавшего мимо открытого автомобиля и приказал шоферу догнать беглецов. Еще три автомобилиста – охотники до происшествий, видя, что случилось что-то неладное, пустились в погоню, то и дело давая громкие гудки.

Но «пакард» был быстроходнее всех своих преследователей; на протяжении нескольких кварталов крики: «Задержите эту машину! Задержите эту машину!»

– еще были слышны, но он мчался слишком быстро, и они постепенно замерли где-то позади; оттуда доносились теперь только долгие, отчаянные вопли далеких автомобильных рожков.

Спарсер выиграл довольно большое расстояние; понимая, что прямой путь наиболее удобен для преследователей, он быстро свернул в сравнительно спокойную улицу Мак-Джи и промчался по ней несколько кварталов до поворота на широкую извилистую аллею Гилхэм. Но, проехав небольшой кусок ее с ужасающей быстротой, он решил у Тридцать первой улицы снова повернуть: ему казалось, что в северных предместьях будет легче скрыться от преследователей. Поэтому он повернул налево по Тридцать первой, надеясь в этих тихих кварталах замести следы и оторваться от погони, чтобы можно было высадить где-нибудь пассажиров и вернуться в гараж.

И Спарсеру удалось бы это, если бы, свернув в одну из отдаленных улиц предместья, где дома были редки и совсем не было видно пешеходов, он не вздумал потушить фары, чтобы машина была менее заметна. Он ехал дальше, ежеминутно сворачивая то вправо, то влево, – и вот, когда он проехал несколько сот футов по какой-то тихой улице, мостовая вдруг окончилась. Но впереди, в каких-нибудь ста футах, виднелся перекресток. Спарсер вообразил, что за поворотом снова попадет на мощеную улицу, направился туда и, круто свернув налево, наскочил на груду булыжника, который заготовили здесь, собираясь мостить улицу. Двигаясь с незажженными фарами, он не разглядел препятствия. А наискось от этой груды, вдоль будущего тротуара, были сложены бревна для постройки дома.

Автомобиль на полном ходу налетел на кучу камней – его отбросило, и, едва не опрокинувшись, он наскочил правым боком на бревна; бревна слегка подались, правые колеса, наехав на них, высоко поднялись, машина опрокинулась влево и рухнула боком на обочину дороги, на засыпанную снегом землю. Раздался звон разбитых стекол, и всех, кто сидел в автомобиле, швырнуло вперед и влево, и они кучей повалились друг на друга.

Дальнейшее осталось загадочным и неясным не только для Клайда, но и для всех остальных. Спарсер и Лора Сайп, сидевшие впереди, с силой ударились о ветровое стекло и о крышу и потеряли сознание; у Спарсера были вывихнуты плечо, бедро и левое колено, пришлось оставить его в автомобиле: вытащить его через дверцу, находившуюся теперь над ним, так как автомобиль лежал на боку, было невозможно до приезда Скорой помощи. На втором сиденье ближе всех к левой двери был Клайд, рядом с ним сидели Гортензия, Люсиль Николас и Ретерер, – и Клайд, оказавшийся под ними, был придавлен и не мог шевельнуться. Его не раздавило потому, что Гортензия при падении перелетела через него и ударилась о крышу «пакарда», которая оказалась теперь левой стенкой. Ее соседка Люсиль упала так, что вся ее тяжесть пришлась только на плечи Клайда. Ретерер – верхний в этой груде тел, – падая, перелетел через переднее сиденье. Он схватился за баранку руля, которую выпустил из рук Спарсер, и, повиснув на ней, несколько задержал свое падение. Но все же у него были изрезаны руки и лицо, а плечо и бедро слегка вывихнуты, но не настолько, чтобы он не в силах был помочь другим. И как только Ретерер осознал положение и услышал крики и стоны спутников, он тотчас попытался выбраться наружу через дверцу, которая была теперь над его головой; цепляясь за других, он с трудом дотянулся до дверцы, и наконец ему удалось ее открыть.

Выбравшись наружу, Ретерер вскарабкался на раму опрокинутой машины, нагнулся над дверцей и схватил за руку Люсиль. Она беспомощно барахталась и стонала и, как и остальные, тщетно пыталась выбраться наружу. Напрягая все свои силы и уговаривая: «Спокойно, дорогая, я держу тебя. Все в порядке, сейчас вытащу», – он поднял девушку, усадил на край дверцы, а затем спустил на снег. Она ощупывала голову и руки и плакала. Потом Ретерер помог выбраться Гортензии; ее левая щека, лоб и руки были сильно разбиты и залиты кровью: серьезных повреждений не было, но в ту минуту Гортензия еще не знала этого. Она всхлипывала, вздрагивая; ее трясло в нервном Ознобе, которым сменилось первоначальное полуобморочное оцепенение.

В эту минуту из машины высунулась голова Клайда. Он сильно ушиб плечо, руку и левую щеку, мысли его еще путались, но он уже думал о том, как бы поскорее отсюда выбраться. Убит ребенок; украдена и разбита машина место в отеле наверняка потеряно; полиция преследует их и может в любую минуту захватить здесь. А под ним в автомобиле распростерт Спарсер, к которому уже склонился Ретерер. А рядом Лора, тоже без сознания. Клайд чувствовал, что должен что-то сделать, помочь Ретереру, который теперь старался поднять Лору, не причинив ей вреда. Однако он был так ошеломлен, что еще долго стоял бы без движения, но тут Ретерер в сердцах прикрикнул:

– Да помоги же, Клайд! Попробуем ее вытащить. Она в обмороке.

И Клайд, вместо того чтобы самому выбираться из автомобиля, обернулся к Лоре; стоя на разбитом стекле бокового окна, он попытался высвободить ее из-под неподвижного тела Спарсера и затем вытащить наверх, но не смог. Она была слишком безвольна и тяжела. Клайд сумел только оттащить ее назад, подальше от Спарсера, и оставил лежать в автомобиле между передним и вторым сиденьем.

Тем временем на заднем сиденье очнулся оказавшийся наверху Хегленд, который был лишь слегка оглушен падением; он добрался до ближайшей дверцы и открыл ее. Затем благодаря своей атлетической силе без особого труда подтянулся на руках и вылез наружу, восклицая:

– Ух, бог ты мой! Вот так приехали! Вот это попались! Надо поскорей удирать отсюда, пока не явились фараоны!

Но, увидев тех, кто лежал внизу в машине, и услышав их стоны, Хегленд забыл и думать о бегстве. Ближе всех к нему была Майда, и он крикнул ей:

– Ради всего святого, давай руку. Нам нужно в два счета удрать отсюда.

Он помог Майде вылезть и тотчас оставил ее. Она опустилась на землю, ощупывая сильно разбитую голову, а Хегленд снова взобрался на раму шасси, наклонился над дверцей и схватил за плечи Тину Когел, упавшую на Хигби. Она была оглушена и теперь с трудом пыталась сесть. А Хигби, освободившись от тяжести чужих тел, сразу поднялся на колени и начал ощупывать голову и лицо.

– Давай руку, Дэв! – крикнул ему Хегленд. – Живее, ради бога! Нельзя терять время. Ты ранен? Черт возьми, говорю, надо удирать отсюда. Вон уже кто-то идет – не фараон ли!

Он схватил Хигби за левую руку, но тот оттолкнул его.

– Оставь, не тяни меня! Я цел, сам выберусь. Помогай другим.

Хигби встал, и голова его оказалась над дверцей. Он поискал глазами – не найдется ли внутри автомобиля чего-нибудь, на что можно поставить ногу, и заметил под ногами кожаную подушку, слетевшую с заднего сиденья. Он встал на подушку, подтянулся на руках до уровня дверцы, сел на нее и перекинул ноги наружу. Потом огляделся и, увидев, что Хегленд, Ретерер и Клайд пытаются вытащить Спарсера, пошел им помогать.

А тем временем Гортензия, которая выбралась из автомобиля раньше Клайда, стала ощупывать свое лицо и обнаружила, что ее левая щека и лоб не только исцарапаны, но и кровоточат. Она подумала, что случившееся могло навсегда обезобразить ее, и разом ее охватил эгоистический страх; у нее все вылетело из головы – и страдания и раны других, и даже опасность, что их всех поймает полиция, и убитый ребенок, и разбитая дорогая машина, – словом, она помнила только о себе и о том, что, быть может, ее красота потеряна безвозвратно.

Она заплакала, ломая руки.

– О, господи, господи! – воскликнула она в отчаянии. – Какой ужас, какая жуть! Лицо у меня все изранено! О, какой ужас!

И, чувствуя, что нужно сейчас же что-то предпринять, она, не сказав никому ни слова (в это время Клайд помогал Ретереру в автомобиле), вдруг бросилась бежать вдоль Тридцать шестой улицы по направлению на юг – к центру города, к ярко освещенным людным улицам, подгоняемая единственной мыслью: как можно скорее добраться домой и позаботиться о себе.

О Клайде, о Спарсере, Ретерере и о своих подругах она не думала ни секунды. Что они ей? Лишь изредка среди мыслей о своей погибшей красоте она мельком вспоминала об убитом ребенке… Ужас всего случившегося, преследование полиции, то, что разбитый «пакард» не принадлежал Спарсеру и что всех их теперь могут арестовать, – все это мало ее трогало. О Клайде она вспомнила лишь потому, что это он пригласил ее на злополучную прогулку, значит, он и виноват во всем. Безмозглые мальчишки… втянули ее в историю… не могли справиться получше…

Другие девушки, кроме Лоры Сайп, серьезно не пострадали, а только перепугались сначала. Теперь же их охватила настоящая паника: что, если полиция схватит их, арестует, их разоблачат, будут судить… И они стояли подле машины, восклицая:

– Ох, поскорее, ради бога!

– Ах, какой ужас! Давайте скорее уйдем отсюда!

Наконец Хегленд не выдержал.

– Да замолчите вы, черт возьми! – крикнул он. – Вы ж видите, мы делаем все, что можем. Из-за вашего крика сюда сбежится вся полиция.

И, словно в ответ на это, к ним подошел один из обитателей предместья, живший квартала за четыре отсюда: он услышал грохот, крики и приплелся посмотреть, что случилось. С любопытством разглядывая разбитую машину и людей вокруг нее, он подошел поближе.

– Что случилось? Авария, а? – спросил он довольно добродушно. – Может, кто ранен? Вот беда! А машина-то какая шикарная! Может, вам помочь?

Услышав это, Клайд выглянул из машины: Гортензии нигде не было видно; Спарсера он уложил на дно и больше ничем не мог ему помочь. Он тоскливо озирался по сторонам – его мучила мысль, что полиция неизбежно будет их преследовать. Надо спасаться! Его не должны захватить здесь. Подумать только, что будет с ним, если его захватят! Его опозорят и, вероятно, накажут… отнимут у него его прекрасный мир, прежде чем он слово вымолвит… Узнает мать… мистер Скуайрс… Все узнают! Его наверняка посадят в тюрьму… Ужасная мысль! Она терзала его, точно самая страшная пытка… Они больше ничего не могут сделать для Спарсера; оставаться здесь дольше – значит рисковать, что их схватят. Поэтому, спросив: «А где же мисс Бригс?» – он выбрался из автомобиля и стал всматриваться в темноту, надеясь увидеть Гортензию. Он подумал, что прежде всего надо помочь ей и проводить ее.

Но в эту самую минуту он услыхал сигнальные рожки и треск двух мотоциклов, мчавшихся к месту катастрофы; жена того человека, который подошел к ним, услышав в отдалении треск разбившейся машины и стоны, по телефону сообщила в полицию о несчастье с автомобилем, и теперь этот человек объяснил:

– Вот они. Я сказал жене, чтоб она вызвала Скорую помощь.

При этих словах, поняв, чем грозит им появление полиции, все участники поездки вскочили, готовые бежать. В темноте уже показались огни приближавшихся мотоциклов: машины вместе дошли до угла Тридцать первой и Кливленд-авеню, потом одна повернула по Кливленд-авеню к месту катастрофы, а другая продолжала свой путь по Тридцать первой, обследуя окрестности.

– Бегите скорей, ради бога, – возбужденно прошептал Хегленд, – все врассыпную!

И, схватив за руку Майду Акселрод, он бросился бежать по направлению к дальним восточным предместьям; но тут же сообразил, что едва ли удастся ускользнуть от преследования по Тридцать пятой, той самой, где лежал разбитый автомобиль, и, повернув на северо-восток, кинулся прямо в поле, прочь от города.

Теперь и Клайд, словно впервые поняв, к чему приведет арест, – все его мечты о приятной жизни окончатся позором и, вероятно, тюрьмой! – тоже пустился бежать. Но вместо того чтобы последовать за Хеглендом или за кем-нибудь из остальных, он повернул к югу, по Кливленд-авеню, к южной окраине города. Однако он, как и Хегленд, сообразил, что на улице преследователям легко будет догнать его, и тоже решил свернуть в поле. Только вместо того чтобы бежать прочь от города, он повернул на юго-запад, к тем улицам, что лежат южнее Сороковой. Ему предстояло пересечь открытое пространство, но позади уже шарил свет от фонарей мчавшегося мотоцикла, и Клайд поспешно бросился в придорожные кусты и притаился за ними.

Одни лишь Спарсер и Лора остались в автомобиле; к Лоре начало возвращаться сознание. Местный житель в полнейшем изумлении стоял подле.

– Вот так штука! – вдруг догадался он. – Они, верно, украли машину. Похоже, что это вовсе не их автомобиль!

Тут подъехал первый мотоциклист. Сидя в своем не слишком далеком убежище, Клайд услышал слова:

– Ну что, не удалось вам удрать после всего, что натворили? Думали ловко вывернуться, да не вышло. Вас-то нам и нужно. А где же остальная шайка, а? Где они?

Житель предместья сейчас же заявил, что он тут ни при чем и что все, кто ехал в автомобиле, разбежались, но полиция еще может захватить их, если угодно. Услышав это, Клайд торопливо, на четвереньках, стал отползать по снегу, направляясь к далеким юго-западным улицам; он все время видел перед собой слабый отблеск их фонарей; там он надеялся скрыться от преследователей, если его прежде не схватят; он затеряется там и, если только судьба будет милостива к нему, избегнет несчастья и наказания, бесконечного разочарования и отчаяния – всего, что теперь ждет его впереди.

Книга 2

Глава 1

Дом Сэмюэла Грифитса в Ликурге (город с двадцатью пятью тысячами жителей, расположенный в штате Нью-Йорк, на полпути между Утикой и Олбани). Недалек обеденный час, и постепенно семья собирается к трапезе. В этот день обед приготовляется тщательнее обычного, потому что глава семьи, мистер Грифитс, только что возвратился после четырехдневного отсутствия: он был в Чикаго, на съезде фабрикантов воротничков и рубашек. Внезапное понижение цен, объявленное выскочками-конкурентами на Западе, заставило фабрикантов восточных штатов в свою очередь прийти к какому-то соглашению насчет цен. Сегодня после полудня Сэмюэл Грифитс сообщил по телефону, что вернулся и отправляется прямо в свою контору на фабрике, где пробудет до обеда.

Миссис Грифитс давно привыкла к поведению своего энергичного супруга, который всегда непоколебимо верил в себя и, за редкими исключениями, считал каждое свое суждение и решение непогрешимым, почти безапелляционным; не удивилась она и на этот раз. В надлежащее время он явится домой и поздоровается с ней.

Миссис Грифитс посовещалась со своей экономкой, миссис Трюсдейл, безобразной, но очень дельной, и, зная, что муж многим иным блюдам предпочитает баранью ногу, заказала барашка. А когда был закончен выбор соответствующих овощей и десерта, миссис Грифитс снова предалась своим мыслям: она думала о старшей дочери Майре, которая уже несколько лет назад окончила колледж Смита, но до сих пор не вышла замуж. Причину этого мать хорошо понимала, хотя никогда не признавалась себе в этом: Майра была некрасива. Нос у нее был слишком длинный, глаза поставлены слишком близко друг к другу, подбородок не настолько округлый, как того требует приятная девичья внешность. Обычно Майра казалась чересчур задумчивой и серьезной и почти не интересовалась жизнью местного общества. Она не обладала также и уменьем держать себя, не говоря уже о способности привлекать к себе мужчин, которой отличаются некоторые даже некрасивые девушки. Мать

понимала, что Майра обладает слишком острым, слишком критическим умом и в интеллектуальном отношении стоит выше своей среды.

Майра выросла среди роскоши, ей не приходилось заботиться о средствах к существованию, но перед нею стояла другая трудная задача: завоевать себе положение в обществе и любящего мужа – две цели, достигнуть которых без красоты и очарования почти так же трудно, как нищему стать миллионером. Вот уже двенадцать лет (с тех пор как ей исполнилось четырнадцать) наблюдала она, как весело и беззаботно живут юноши и девушки ее круга, а сама только читала, занималась музыкой, вечно была озабочена тем, как бы одеться возможно более к лицу, да навещала знакомых в надежде где-нибудь, как-нибудь встретить кого-то, кто заинтересовался бы ею: это и сделало ее печальной, почти ожесточило, хотя в материальном отношении жизнь ее и ее семьи была на редкость благополучной.

Только что Майра прошла к себе через комнату матери с видом полнейшего равнодушия ко всему на свете, и мать раздумывала о том, как бы вывести ее из этого состояния, как вдруг в комнату влетела младшая дочь Белла: она вернулась от Финчли – богатых соседей, к которым заходила по дороге из школы.

Белла была совсем не похожа на свою сестру – высокую, болезненно бледную брюнетку. Она была ниже ростом, но грациознее и в то же время крепче. У нее были густые, темные, почти черные волосы, смуглый оливковый цвет лица с горячим румянцем, веселые карие глаза, сверкавшие жадным интересом ко всему на свете, гибкое тело и красивые ловкие руки и ноги. Жизнь била в ней ключом. Она попросту любила все вокруг, наслаждалась жизнью такой, как она есть, и поэтому, в отличие от сестры, неудержимо привлекала к себе всех – мужчин, и юношей, и женщин, старых и молодых, – что, конечно, прекрасно замечали ее родители. Тут не приходилось опасаться: в свое время не будет недостатка в женихах. Мать считала, что вокруг Беллы уже теперь увивается слишком много юношей и взрослых мужчин, и потому вставал вопрос о выборе подходящего для нее мужа. Белла быстро завязывала дружбу не только с отпрысками старинных и добропорядочных семейств, представлявших собою сливки местного общества, но также, к великому неудовольствию своей матери, с сыновьями и дочерьми семей, лишь недавно выдвинувшихся и потому значительно менее почтенных, – с детьми фабрикантов бекона или консервных банок, пылесосов, деревянных и плетеных Изделий, пишущих машинок; все это были очень богатые люди, но в Ликурге их считали выскочками. По мнению миссис Грифитс, Белла со всей этой компанией слишком много танцевала, слишком часто посещала кабаре и носилась на автомобиле из города в город без должного присмотра. Но какой контраст с Майрой, насколько легче с младшей дочерью! И только потому, что надо же было наблюдать за Беллой, пока она солидно и с благословения церкви не выйдет замуж, миссис Грифитс тревожилась и даже протестовала против многих ее знакомств, увлечений и развлечений: она оберегала дочь.

– Где же ты была? – спросила миссис Грифитс, когда дочь вбежала в комнату, бросила книги и подошла к пылавшему камину.

– Подумай только, мама, – весело начала Белла, не обращая внимания на вопрос матери. – Финчли хотят отказаться от своей дачи на Лесном озере. Они собираются летом на Двенадцатое озеро, около Соснового мыса, и будут строить там новую дачу. Сондра говорит, что теперь дача будет у самой воды, не так далеко, как старая. И там будет огромная веранда с паркетным полом. И огромный лодочный сарай, – знаешь, мистер Финчли собирается купить Стюарту моторную лодку в тридцать футов длиной. Чудесно, правда? И Сондра говорит, что, если ты позволишь, я могу приехать к ней на сколько захочу, даже на все лето. И Гил тоже, если захочет. Это как раз напротив Эмери Лодж и отеля «Ист-Гейт», на другой стороне озера. А дача Фэнтов – знаешь, Фэнты из Утики? – немного подальше, около Шейрона. Вот чудесно, правда? Просто великолепно! Хорошо бы, вы с папой тоже надумали построить там дачу. По-моему, сейчас все стоящие люди туда едут.

Она говорила без умолку и вертелась то у камина, где пылал огонь, то возле окон, выходивших на лужайку перед домом; за лужайкой тянулась Уикиги-авеню – там в зимних сумерках уже зажигались фонари. Мать не могла вставить ни слова, пока Белла не исчерпала потока своего красноречия; тогда она сказала:

– Да? Вот как! Ну, а как же Энтони, и Николсоны, и Тэйлоры? Я что-то не слыхала, чтобы они собирались покинуть Лесное озеро.

– Ну конечно, ни Энтони, ни Тэйлоры не переезжают. Разве они могут сдвинуться с места? Они слишком старо» модны. Не такие это люди, чтобы переехать куда-нибудь. Никто от них этого и не ждал. Но все равно Лесное озеро не Двенадцатое, ты сама знаешь. И все, кто хоть что-нибудь значит в обществе, наверно, переселятся на Двенадцатое. Сондра говорит, что Крэнстоны переезжают в будущем году. А тогда, конечно, Гарриэты тоже переедут.

– И Крэнстоны, и Финчли, и Гарриэты, и Сондра! – воскликнула мать Беллы, полусмеясь, полусердито. – Я только и слышу все эти дни о Крэнстонах, о тебе, о Бертине и о Сондре.

Крэнстоны и Финчли, недавно разбогатевшие выскочки, хоть и пользовались некоторым успехом в ликургском обществе, но в то же время, более чем кто-либо другой, постоянно служили предметом самых недоброжелательных пересудов. Это они перевели сюда из Олбани «Крэнстоновскую компанию плетеных изделий», а из Буффало – «Электрические пылесосы Финчли»

и выстроили огромные фабрики на южном берегу реки Могаук, грандиозные особняки на Уикиги-авеню и летние коттеджи на Лесном озере, милях в двадцати к северо-западу от Ликурга. Они жили на широкую ногу, слишком напоказ, и это не нравилось богатым старожилам Ликурга. Эти выскочки одевались по последней моде, вводили всякие новшества в автомобильный спорт и в развлечения, и с ними было нелегко тягаться тем, кто доныне, обладая меньшими средствами, считал свое положение и свой уклад жизни достаточно прочными и приятными и не желал лучшего. Словом, Крэнстоны и Финчли чересчур задавали тон и были слишком напористы, а потому стали бельмом на глазу для остальной части ликургского «света».

– Сколько раз я тебе говорила, Белла, что мне не нравится твоя дружба с Бертиной и с этой Леттой Гарриэт и ее братом. Они слишком дерзкие, вечно суетятся, слишком много говорят и слишком любят выставляться напоказ. И твой отец относится к ним так же, как я. А Сондра Финчли напрасно думает, что можно дружить сразу со всеми. Если она не перестанет дружить с Бертиной, тебе придется с ней расстаться. И потом, я не уверена, что отец позволит тебе поехать куда-нибудь без старших. Ты еще недостаточно взрослая, а что касается дачи Финчли на Двенадцатом озере, то либо мы поедем туда все вместе, либо никто из нас не поедет.

Миссис Грифитс были больше по душе образ жизни и манеры семейств, издавна живущих в Ликурге, хотя и не таких богатых, как все эти недавние пришельцы, и теперь она укоризненно смотрела на дочь.

Однако Белла нисколько не была смущена или раздосадована этими замечаниями. Она знала мать, знала, что та безумно любит ее, гордится ее красотой и очень довольна ее успехами в обществе, так же как и отец: он считал Беллу совершенством и никогда не мог устоять перед ее улыбкой, чем она часто пользовалась.

– Недостаточно взрослая, недостаточно взрослая, – с упреком повторила Белла. – Не угодно ли! В июле мне будет восемнадцать. Хотела бы я знать, когда вы с папой сочтете наконец, что я достаточно взрослая и не нуждаюсь в няньках? До каких пор вы меня не будете никуда пускать одну? Неужели, если вы едете куда-нибудь, мне непременно надо ехать с вами, а если я захочу поехать куда-нибудь, так и вы должны ехать со мной!

– Белла! – предостерегающе воскликнула мать. Наступило короткое молчание; Белла нетерпеливо ждала; затем миссис Грифитс прибавила: – Ну, а что же нам, по-твоему, делать? Вот когда тебе исполнится двадцать один или двадцать два года, – если ты к тому времени еще не выйдешь замуж, – тогда мы подумаем, как отпускать тебя одну. А пока об этом и говорить нечего.

В эту минуту Белла приподняла свою хорошенькую головку и прислушалась; внизу хлопнула дверь, и на лестнице послышались шаги Гилберта Грифитса, единственного сына в семье ликургских Грифитсов, – лицом и сложением (но не манерами и не характером) он очень походил на Клайда, своего двоюродного брата, живущего на Западе.

Это был крепкий двадцатитрехлетний юноша, тщеславный и себялюбивый. Он казался более жестким, чем сестры, и куда более практичным. Вероятно, он был сообразителен и энергичен в делах – область, к которой его сестры не питали ни малейшего интереса. Он был резок и нетерпелив. Свое положение в обществе считал незыблемым и относился с полнейшим презрением ко всему, кроме делового успеха. И, однако, он очень интересовался жизнью местного общества, причем считал себя и свою семью важнейшей его частью. Никогда не забывая о достоинстве и общественном положении своей семьи, он тщательно взвешивал каждый свой шаг, каждое слово. Случайного наблюдателя обычно поражали в нем надменность и резкость, отсутствие юношеской веселости, казалось бы, свойственной его возрасту. И все же он был молод, интересен и недурен собой, притом обладал острым языком и умел подчас вставить если не блестящее, то злое и меткое словцо. В Ликурге, благодаря положению семьи и своему собственному, он считался одним из самых завидных женихов. Но он был настолько поглощен собственной особой, что Вряд ли в его внутреннем мире нашлось бы место для тонкого, подлинного понимания другого человека.

Услышав, что он поднялся по лестнице и вошел к себе, – его комната находилась в глубине дома, рядом с ее комнатой, – Белла выбежала от матери и постучалась к нему.

– Гил, можно к тебе? – окликнула она.

– Конечно.

Весело посвистывая и, очевидно, собираясь куда-то, он доставал фрак.

– Ты куда?

– Никуда. Переодеваюсь к обеду. Вечером поеду к Вайнантам.

– Ах, Констанция, конечно.

– Нет, не Констанция, конечно. С чего ты взяла?

– Как будто я не знаю!

– Перестань. Ты для этих разговоров пришла?

– Вовсе нет. Ты подумай, Финчли собираются на будущее лето построить дачу на Двенадцатом озере, на самом берегу, рядом с Фэнтами, и мистер Финчли покупает для Стюарта моторную лодку длиной в тридцать футов и строит для нее сарай и солярий. Вот номер, а?

– Что за выражения у тебя! Неужели ты не можешь отучиться от жаргона? Говоришь, как фабричная девчонка. Это все, чему вас учат в школе?

– Ну, уж не тебе говорить о жаргоне! А ты сам? По-моему, ты первый подаешь пример!

– Во-первых, я старше тебя на пять лет. Во-вторых, я мужчина. Лучше бы ты брала пример с Майры – разве она когда-нибудь так разговаривает?

– Ах, Майра!.. Ну, хватит. Ты лучше подумай, они выстроят дачу, и летом у них будет так весело. Хочешь, мы туда поедем? Мы можем поехать, если захотим… только если папа и мама согласятся.

– Ну, не знаю, так ли уж это заманчиво, – ответил брат, хотя на самом деле его очень заинтересовала эта новость. – Мало ли мест, куда можно поехать, кроме Двенадцатого озера.

– Да, конечно, но только не для тех, кого мы знаем. Скажи, пожалуйста, куда еще едут лучшие семьи из Олбани и Утики? Сондра говорит, что на Двенадцатое озеро съедется все лучшее общество, на западном берегу будут самые лучшие дачи. Во всяком случае, Крэнстоны, и Ламберты, и Гарриэты очень скоро туда поедут, – прибавила Белла решительно и вызывающе. – На Лесном озере почти никого не останется из нашего общества, даже если Энтони и Николсоны не двинутся с места.

– А кто сказал, что Крэнстоны переселяются на Двенадцатое? – с живым интересом спросил Гилберт.

– Ну конечно, Сондра.

– А ей кто сказал?

– Бертима.

– Да, эти семейства стали весело жить, – странным тоном и не без зависти заметил Гилберт. – Скоро им станет тесно в Ликурге. – Он резким движением дернул галстук бабочкой, который ему никак не удавалось приладить, и слегка поморщился – воротничок был тесен.

Хоти Гилберт и вошел недавно в дело своего отца в качестве главного контролера над производством, а вскоре рассчитывал стать во главе всего предприятия, он все же завидовал молодому Грэнту Крэнстону, своему ровеснику, юноше очень красивому и привлекательному, который был гораздо смелее в обращении с девушками и пользовался у них большим успехом. Молодой Крэнстон, видимо, считал, что помощь отцу на предприятии можно прекрасно сочетать с некоторой долей светских развлечений, – Гилберт с этим не соглашался. В сущности, молодой Грифитс, если б мог, с удовольствием обвинил бы молодого Крэнстона в распущенности, но тот до сих пор не выходил за рамки благоразумия. И «Крэнстоновская компания плетеных изделий» явно выдвигалась в ряд крупнейших предприятий Ликурга.

– Да, – прибавил Гилберт, помолчав, – они слишком быстро расширяют дело, я бы на их месте вел себя осторожнее. В конце концов, они не самые богатые люди на свете.

При этом он подумал, что Крэнстоны не похожи на него и на его родителей: они в самом деле смелее, хотя, может быть, и не больше гонятся за успехом в обществе. Он им завидовал.

– И знаешь, – восторженно заявила Белла, – Финчли еще устраивают над сараем для яхты веранду с паркетным полом для танцев. И Сондра говорит, Стюарт хотел бы, чтобы ты этим летом погостил у них подольше.

– Да неужели? – сказал Гилберт саркастически и не без зависти. – Вернее сказать, он надеется, что это ты погостишь у них подольше. Я буду занят все лето.

– Ничего подобного он не говорил. И потом, ничего с нами не случится, если мы туда съездим. На Лесном, как я понимаю, хорошего будет мало. Там останутся одни мокрые курицы!

– Вот как! Маме будет очень приятно это слышать.

– А ты, конечно, ей скажешь?

– Нет, не скажу. Только я не думаю, чтобы мы так сразу взяли и поехали за Крэнстонами и Финчли на Двенадцатое озеро, по крайней мере, сейчас. Но ты можешь погостить у них, если тебе так хочется и если папа позволит.

В эту минуту внизу снова раздался стук входной двери, и Белла, забыв о споре с братом, побежала встречать отца.

Глава 2

Родоначальник ликургской ветви Грифитсов был с виду гораздо примечательнее, чем отец семейства Грифитсов в Канзас-Сити. В противоположность своему коротенькому и мешковатому брату из миссии «Врата упования», которого он не видел лет тридцать, Сэмюэл Грифитс был выше среднего роста, крепок и строен, с пронизывающим взглядом, резкими манерами и речью. Давно уже он привык считать себя человеком незаурядной проницательности, обладателем выдающихся деловых качеств – не случайно же он столь многого достиг! – и подчас бывал нетерпим к тем, кого нельзя было назвать незаурядными людьми. Он не был груб или неприятен в обращении, но всегда старался сохранять спокойный и бесстрастный вид.

И, оправдывая эту свою манеру держаться, он говорил себе, что просто ценит себя так, как все окружающие ценят его и тех, кто, подобно ему, преуспевает в жизни.

Сэмюэл Грифитс переселился в Ликург лет двадцать пять назад с небольшим капиталом и с решением вложить его в новое предприятие – фабрику воротничков; успех превзошел самые смелые его ожидания, и, естественно, он этим гордился. Теперь, спустя двадцать пять лет, ему принадлежал бесспорно один из самых лучших и со вкусом построенных особняков в городе. Грифитсы занимали видное место среди здешней аристократии, они были если не старейшей, то, во всяком случае, одной из самых солидных, самых уважаемых и преуспевающих семей в Ликурге. Старшая дочь Сэмюэла Грифитса, как известно, держалась обособленно, но двое младших его детей играли видную роль в кружке богатой и веселой ликургской молодежи, и до сих пор не случалось ничего такого, что могло бы поколебать его положение или бросить тень на его имя.

В этот день, возвратившись домой из Чикаго, где ему удалось заключить несколько сделок, обеспечивших благополучие и процветание фабрики по меньшей мере на год, Сэмюэл Грифитс был настроен весьма благодушно и очень доволен собой и всем светом. Ничто не омрачило его путешествия. В его отсутствие дела на фабрике шли не хуже, чем при нем. Заказов было много.

Войдя в дом, он бросил на пол тяжелый саквояж, скинул модное пальто и, обернувшись, увидел, как и ожидал, бегущую к нему Беллу. Разумеется, она была его любимицей. Он считал ее очаровательной, несравненной, своего рода произведением искусства, лучшим, что подарила ему жизнь: юность, здоровье, веселье, ум и любовь – все воплощалось в образе прелестной дочери.

– Это ты, папочка? – нежно и радостно крикнула Белла.

– Как будто я, кто же еще! Ну, как поживает моя дочурка?

Он открыл объятия, и Белла кинулась ему на шею.

– Что за славная, крепкая, здоровая девочка! – провозгласил он после нежного поцелуя. – А как вела себя негодница, пока меня не было дома? Только говори правду!

– О папочка, я была паинькой. Спроси кого хочешь. Вела себя как нельзя лучше.

– А мама здорова?

– Здорова, папочка! Она у себя наверху. Наверное, она не слышала, как ты вошел.

– А Майра? Она уже вернулась из Олбани?

– Да. Она у себя. Я сейчас слышала, как она играла. Я сама только что пришла.

– Ай-ай! Опять бегала по гостям. Знаю я тебя.

Он весело погрозил ей пальцем, а Белла уже повисла у него на руке и, стараясь шагать с ним в ногу, начала подниматься по лестнице.

– И вовсе я никуда не бегаю, – лукаво и ласково ворковала она. – Ты ко мне просто придираешься, папочка! Я только на минутку забежала к Сондре. И знаешь, Финчли больше не поедут летом на Лесное озеро. Они собираются строить большую красивую дачу на самом берегу Двенадцатого. И мистер Финчли купит Стюарту большую моторную лодку. Они будут жить там все лето, с мая до октября. И Крэнстоны, наверно, тоже.

Мистер Грифитс давно уже привык к уловкам своей младшей дочери, и его в эту минуту мало интересовало то, что ему хотела внушить Белла, – что Двенадцатое озеро стало более модным местом, нежели Лесное; куда существеннее, думал он, что Финчли могут позволить себе такой большой и неожиданный расход только ради светских развлечений.

Не отвечая Белле, он поднялся по лестнице и вошел в комнату жены. Он поцеловал миссис Грифитс, заглянул к Майре, которая подошла к двери, чтобы поцеловать его, и стал рассказывать о своей удачной поездке. По тому, как он поздоровался с женой и дочерью, было ясно, что супруги живут в полном согласии и взаимопонимании и что, хотя отцу, быть может, не совсем по душе характер и взгляды старшей дочери, все же он и на нее щедро изливает свою нежную привязанность.

Пока супруги беседовали, появилась миссис Трюсдейл и возвестила, что обед подан, и тут же вошел Гилберт, уже успевший переодеться.

– Послушай, папа, – сказал он, – я бы хотел завтра утром поговорить с тобой по одному интересному вопросу. Можно?

– Разумеется. Я буду на фабрике. Приходи к двенадцати.

– Пойдемте вниз, обед простынет, – строго напомнила миссис Грифитс, и Гилберт немедленно направился к лестнице.

За ним двинулся мистер Грифитс под руку с Беллой и, наконец, миссис Грифитс и Майра, тотчас вышедшая из своей комнаты.

Как только все уселись за стол, завязалась оживленная беседа на злободневные Темы ликургской жизни. Главным источником всяких сплетен была Белла: она собирала их в школе Снедекер, куда все светские новости проникали с поразительной быстротой; и теперь она вдруг объявила:

– Послушай, мама, что я расскажу про Розету Николсон. Это племянница миссис Дистон Николсон, она приезжала сюда прошлым летом из Олбани, помнишь? Она еще приходила на наш школьный праздник… такая, с желтыми волосами и раскосыми голубыми глазами. У ее отца оптовый бакалейный магазин в Олбани. Ну, так вот, она обручена с Гербертом Тикхэмом из Утики. Знаешь, который прошлым летом гостил у миссис Ламберт. Ты не помнишь его, а я помню. Такой высокий, темноволосый и немножко нескладный. Ужасно бледный, но очень красивый – прямо как герой из кино!

– Вот, обратите внимание, миссис Грифитс, – колко и насмешливо вставил Гилберт. – Воспитанницы Образцовой школы сестер Снедекер иной раз тайком бегают в кино, чтобы освежить свои познания о героях.

Но тут заговорил Грифитс-старший.

– В Чикаго со мной произошел любопытный случай, – сказал он. – Я думаю, всем вам будет интересно.

Два дня назад в Чикаго он неожиданно встретился с юношей, который оказался старшим сыном его младшего брата Эйсы; сейчас мистер Грифитс хотел рассказать домашним об этой встрече и о решении, которое он принял в связи с нею.

– А что такое, папа? Расскажи скорее! – тотчас же заторопила Белла.

– Выкладывай свои великие новости, – прибавил Гилберт: он знал, что отец очень привязан к нему, и поэтому держался с ним свободно и на равной ноге.

– Ну, так вот, – начал мистер Грифитс. – В Чикаго я остановился в «Юнион клубе» и там встретил одного молодого человека, нашего родственника; это ваш двоюродный брат, дети, – старший сын, моего брата Эйсы, который теперь живет в Денвере. Я не видел его уже лет тридцать и ничего о нем не слышал… – Он замолчал, задумавшись, словно в нерешительности.

– Это тот, который проповедник? – спросила Белла, взглянув на отца.

– Да, тот самый. По крайней мере, насколько я знаю, он был проповедником некоторое время после того, как ушел из дому. Но его сын сказал мне, что теперь он это оставил. У него какое-то дело в Денвере, отель как будто.

– А какой у него сын? – спросила Белла.

Ей были знакомы только те щеголеватые, внешне степенные юноши и мужчины, с которыми ей позволяли встречаться ее положение в обществе и родительский надзор, и поэтому новый родственник, сын владельца отеля где-то на Западе, живо заинтересовал ее.

– Двоюродный брат? А сколько ему лет? – вставил Гилберт; его интересовало, что представляет собой этот родственник, каковы его положение и способности.

– По-моему, он очень приятный молодой человек, – отвечал мистер Грифитс не слишком уверенно, так как до сих пор, в сущности, не составил себе определенного мнения о Клайде. – У него привлекательная внешность, хорошие манеры; он примерно твоих лет, Гил, и похож на тебя, очень похож: те же глаза, рот, подбородок. – Грифитс внимательно посмотрел на сына. – Он немного выше тебя и, кажется, худощавее, а может быть, я и ошибаюсь.

Мысль о двоюродном брате, который похож на него, носит ту же фамилию, и, быть может, обладает теми же достоинствами, была малоприятна Гилберту. До сих пор здесь, в Ликурге, он был хорошо известен как единственный сын, будущий глава фирмы и наследник по меньшей мере трети всего отцовского состояния. И вдруг теперь в обществе узнают, что у него есть родственник, двоюродный брат, такого же возраста и даже похожий на него… При одной мысли об этом Гилберта передернуло.

Он тут же решил (психологическая реакция, которой он сам не понимал и с которой не мог совладать), что этот двоюродный брат ему не нравится и никогда не понравится.

– Чем же он занимается? – отрывисто и довольно кислым тоном спросил Гилберт, хотя и старался скрыть досаду.

– Ну, положение его не из завидных, надо сказать, – с улыбкой ответил Сэмюэл Грифитс. – Он сейчас всего-навсего рассыльный в «Юнион клубе» «в Чикаго, но производит впечатление весьма приятного и воспитанного юноши. Мне он очень понравился. Он сказал, что там у него нет никакой возможности выдвинуться и что ему хотелось бы поработать на таком месте, где можно чему-то научиться и выйти в люди. Я предложил ему приехать сюда. Пусть попытает счастья, если хочет. Мы могли бы для него кое-что сделать. По крайней мере, дадим ему возможность показать, на что он способен.

Мистер Грифитс не намерен был сразу сообщить, что так близко принял к сердцу судьбу племянника: он хотел подождать некоторое время, обсудить свой план с женой и сыном. Но ему показалось, что представился удобный случай заговорить об этом, и он был рад, что так вышло: сходство Клайда с Гилбертом поразило его, и ему захотелось немного помочь племяннику.

Гилберт выслушал все это хмуро и с досадой; миссис Грифитс, всегда принимавшая сторону сына, предпочла бы, чтобы рядом с ним не было ни единокровных, ни каких-либо иных соперников; но Майра и Белла живо заинтересовались планами отца. Итак, у них есть двоюродный брат, тоже Грифитс, красивый, одних лет с Гилбертом, и притом, по словам отца, симпатичный и с хорошими манерами. И Майре и Белле это понравилось. Но миссис Грифитс заметила, как омрачилось лицо Гилберта, и потому не слишком обрадовалась. Гилберту будет неприятно появление этого двоюродного брата; но из уважения к авторитету и рассудительности своего супруга она пока промолчала. Зато Белла не могла молчать.

– Ты дашь ему место на фабрике, папочка? – воскликнула она. – Ой, как интересно! Надеюсь, он красивее других наших двоюродных братьев.

– Белла! – с упреком сказала миссис Грифитс, а Майра многозначительно улыбнулась, вспомнив, как несколько лет назад их навестили неуклюжие дядя и двоюродный брат из Вермонта.

Тем временем Гилберт, сильно раздосадованный, мысленно восстал против всей этой затеи. Он просто не мог понять отца.

– Разумеется, мы никогда не отказывали тем, кто хотел бы работать на фабрике и изучить наше дело, – сказал он резко.

– Нет, отказывали, – возразил отец, – но только не двоюродным братьям я не племянникам. Кроме того, он, по-моему, очень неглуп, у него есть честолюбие. Что плохого, если мы дадим нашему родственнику возможность приехать сюда и показать, на что он способен? Не понимаю, почему бы нам не взять его на службу, как и всякого другого.

– А я знаю. Гилу не хочется, чтобы в Ликурге появился второй молодой Грифитс, да еще похожий на него! – лукаво и не без ехидства сказала Белла, стараясь отплатить брату за его постоянные придирки и поучения.

– Какая чушь! – раздраженно фыркнул Гилберт. – Хоть бы ты раз в жизни сказала что-нибудь разумное. Не все ли мне равно, как его фамилия и похож он на меня или нет.

Он был очень зол.

– Гилберт! – с упреком воскликнула миссис Грифитс. – Как ты говоришь с сестрой!

– Ну, я не стану ничего делать для этого молодого человека, если из-за него тут разгораются страсти, – сказал Грифитс-старший. – Но его отец никогда не был практичным человеком, и я подозреваю, что у Клайда до сих пор не было никакой возможности выйти в люди. (Гилберта передернуло, когда отец так дружески и фамильярно назвал двоюродного брата по имени). Я предложил ему перебраться сюда просто потому, что хотел помочь ему сделать первый шаг. Понятия не имею, выйдет ли из него толк. Может быть, он сумеет работать, а может быть, и нет. Если нет… – И он сделал жест рукой, как бы желая сказать: «Если нет, мы, разумеется, от него избавимся».

– Что ж, по-моему, это очень великодушно с твоей стороны, – любезно и дипломатично заметила миссис Грифитс. – Надеюсь, он выдержит испытание.

– И вот еще что, – многозначительно прибавил отец семейства. – Я вовсе не желаю, чтобы к этому молодому человеку, пока он будет служить у меня на фабрике, относились иначе, чем ко всем служащим, только потому, что он мой племянник. Он приезжает сюда работать, а не развлекаться. И, пока он будет здесь на испытании, вам незачем завязывать с ним светские отношения, – ни в коем случае. Мне кажется, он не из навязчивых и не вообразит, что мы здесь примем его как равного. Это было бы глупо. Позже, если он докажет, что действительно стоит того, способен сам позаботиться о себе, знает свое место и не выскакивает вперед, и если кому-нибудь из вас захочется оказать ему немножко внимания, – ну что ж, тогда посмотрим… но не раньше!

Тем временем служанка Аманда, помощница миссис Трюсдейл, убрала со стола остатки обеда и подала десерт. Глава семьи редко ел сладкое и обычно, если не было посторонних просматривал в это время биржевые и банковские бюллетени, которые хранились у него в маленькой конторке в библиотеке; так и сегодня – он отодвинул стул, встал и, извинившись перед женой и детьми, ушел в библиотеку, которая помещалась рядом со столовой. Остальные принялись за десерт.

– Хотела бы я посмотреть, какой он, этот двоюродный брат, – сказала Майра. – А ты, мама?

– Я тоже. Надеюсь, он постарается оправдать ожидания вашего отца. Было бы нехорошо с его стороны, если бы он этого не сделал.

– Я все-таки не понимаю, – заметил Гилберт, – зачем нам выписывать еще людей, когда мы с трудом можем дать работу своим, здешним. И потом, вообразите, какие тут пойдут разговоры, когда все узнают, что наш двоюродный брат до приезда сюда был всего-навсего рассыльным.

– Но как об этом узнают? – сказала Майра.

– Как узнают? А как мы можем помешать ему рассказывать о себе? Тогда придется специально предупредить его. И потом, сюда может приехать кто-нибудь, кто видел его там. – В глазах Гилберта вспыхнул недобрый огонек. – Впрочем, я надеюсь, что он не станет болтать. Это, конечно, не принесло бы нам ничего хорошего.

– А я надеюсь, что он не такой скучный, как сыновья дяди Аллена. По-моему, это самые неинтересные молодые люди на свете.

– Белла! – снова остановила ее миссис Грифитс.

Глава 3

Клайд, которого Сэмюэл Грифитс встретил в чикагском «Юнион клубе», был уже не тем юнцом, что бежал из Канзас-Сити три года назад. Ему теперь исполнилось двадцать лет: он стал выше, крепче, хотя вряд ли намного сильнее, и, конечно, приобрел немалый жизненный опыт. После того как он бросил дом и службу в Канзас-Сити, ему пришлось столкнуться с многими жизненными трудностями: он узнал, что значит выполнять тяжелую, унизительную работу, ютиться по жалким углам, не иметь ни близких, ни друзей и самому пробивать себе дорогу в жизни. И постепенно в нем развилась известная уверенность в себе, вкрадчивость и такт, на какие за три года перед тем никто не счел бы его способным. Он теперь одевался далеко не так элегантно, как во время работы в «Грин-Дэвидсон», зато у него выработалось благородство манер, которое производило хорошее впечатление, хотя и не бросалось сразу в глаза. Но главное, – и это особенно отличало его от Клайда прежних дней, удравшего из Канзас-Сити в товарном вагоне, – он стал гораздо осторожнее и сдержаннее. Ибо с тех пор как он бежал из Канзас-Сити и должен был пускаться на всяческие ухищрения, чтобы просуществовать, он понял, что его будущее зависит только от него самого. Его родные – в этом он окончательно убедился – ничем не могли ему помочь. Все они – и мать, и отец, и Эста – были слишком непрактичны и слишком бедны.

Но в то же время, несмотря на все их затруднения, его сейчас тянуло к ним, особенно к матери, и ко всей старой домашней жизни, которая была привычна ему с детства, – к брату, к сестрам, даже к Эсте; теперь он хорошо понимал, что она, как и он сам, стала жертвой обстоятельств, не зависевших от ее воли. Часто он с мучительной болью вспоминал о прошлом: как он обращался с матерью, как внезапно прервалась его карьера в Канзас-Сити, каким ударом была для него потеря Гортензии Бригс… Сколько тяжелого перенес он с тех пор и сколько горя, должно быть, доставил матери и Эсте!

Через два дня после своего бегства из Канзас-Сити он добрался до Сент-Луиса; на полпути двое кондукторов нашли его, спрятавшегося в товарном вагоне, и в серое зимнее утро он оказался на снегу, в ста милях от Канзас-Сити, избитый, оглушенный падением; кондукторы избавили его от часов и теплого пальто. В Сент-Луисе ему попался номер канзасской газеты «Стар», и тут он узнал, что его худшие опасения оправдались. Газета посвящала полтора столбца на первой странице под крупным заголовком подробному описанию случившегося: убита одиннадцатилетняя девочка, дочь состоятельных, хорошо известных в Канзасе родителей (она была сбита с ног, попала под колеса и через час умерла); Спарсер и мисс Сайп находятся в госпитале под арестом; при них, в ожидании их выздоровления, дежурит полицейский; великолепный автомобиль серьезно поврежден; отец Спарсера, служивший у владельца машины, в гневе и отчаянии из-за сумасбродного и явно преступного поведения сына.

Хуже того: злополучный Спарсер, которому уже предъявили обвинение в краже и убийстве, желая, без сомнения, уменьшить свою вину в этой катастрофе, не только назвал имена всех участников поездки и дал адрес отеля, где служили молодые люди, но и заявил что все они наравне с ним виноваты в случившемся, так как вынуждали его, вопреки его желанию, ехать быстрее, – вполне справедливое обвинение, как знал Клайд. А в отеле Скуайрс сообщил полиции и газетам имена родителей всех, кто у него служил, и их домашние адреса.

Это было самым тяжким ударом. Далее следовало волнующее описание того, как были потрясены все родные, узнав об их проступке.

Миссис Ретерер, мать Тома, расплакалась и заявила, что ее сын – хороший мальчик и, конечно, не хотел сделать ничего дурного, она в этом уверена. А миссис Хегленд – пожилая женщина, любящая мать, – сказала, что ее Оскар – честнейший и благороднейший юноша в мире и что его, наверно, напоили.

В доме Грифитсов, как описывала «Стар», мать стояла бледная, очень испуганная и расстроенная, ломая руки, и, казалось, не понимала, что произошло: она не хотела верить, что ее сын участвовал в этой прогулке; тут какое-то недоразумение, утверждала она, сын, конечно, скоро вернется и все объяснит.

Но Клайд не вернулся. И больше он ничего не слышал об этом деле, потому что из страха и перед полицией, и перед самой матерью (он боялся ее скорбных, полных отчаяния глаз) он несколько месяцев не писал домой. Потом один раз написал, сообщил, что жив и здоров и просит мать не тревожиться о нем, но не назвал ни своего нового имени, ни адреса.

Он переезжал с места на место в поисках работы: был в Сент-Луисе, в Пеории, Чикаго, Милуоки. Он мыл посуду в ресторане, продавал содовую воду в маленькой захудалой аптеке, пробовал работать приказчиком в магазине обуви и в бакалейной лавке, – словом, брался за что попало, но все неудачно: либо ему давали расчет, либо сам он бросал работу, потому что она ему не нравилась. Как-то он отложил из своих заработков и послал матери десять долларов и в другой раз – еще пять. Года через полтора он решил, что розыски его, вероятно, прекратились и его участие в преступлении уже забыто или признано не настолько значительным, чтобы продолжать преследование. И когда ему удалось в Чикаго получить сносный заработок (он работал возчиком, разъезжал с фургоном, доставляя товары на дом, и это давало ему пятнадцать долларов в неделю), он

решился написать матери: теперь он мог сообщить ей, что у него приличное место и что он давно уже ведет себя хорошо, хотя и скрывает свое настоящее имя. В это время он снимал койку в западной части города на Полина-стрит, и вот тогда-то он и написал такое письмо:

«Дорогая мама!

Не знаю, живете ли вы еще в Канзас-Сити. Напиши мне, пожалуйста, где вы и как живете. Мне очень хочется узнать все о вас и рассказать о себе. Честное слово, мама, я с радостью буду тебе писать, если только ты хочешь. Я здесь так одинок. Но ты все-таки будь осторожна и никому не говори, где я. Из этого могут выйти большие неприятности, а я так старался начать новую жизнь и сейчас только что устроился. Поверь мне, я ничего плохого не сделал, правда, ничего, что бы там ни говорили газеты, – я только поехал вместе со всеми. Но я боялся, что меня накажут за то, чего я не делал. Я просто не мог тогда вернуться домой. Я совсем не виноват, но я боялся, что подумаешь ты и отец. Меня пригласили, и я поехал, но он сказал, что я просил его взять машину и подгонял его на обратном пути, – это неправда. Он сам взял машину и пригласил всех нас. Может быть, мы все виноваты, что сбили девочку, но мы ведь этого не хотели. Это вышло нечаянно. И мне ужасно жалко, что так случилось. Сколько горя я тебе причинил! И как раз в то время, когда тебе так нужна была моя помощь! Просто ужас! Но я все-таки надеюсь, что ты простишь меня, мама, – правда?

Я очень хочу знать, как вы все живете. Как Эста, Джулия, Фрэнк, отец? Где вы и что делаете? Ты же знаешь, как я люблю тебя, мама. Теперь я кое-чему научился и лучше все понимаю. Я хотел бы добиться какого-то положения в жизни. Надеюсь, что мне повезет. У меня теперь довольно хорошее место, правда, не такое, как в Канзас-Сити, но все-таки вполне приличное, хотя и в другом роде. Но я хочу добиться чего-нибудь лучшего. Только я постараюсь больше не работать в гостиницах. Это не подходящее дело для таких, как я. По-моему, не стоит забираться так высоко. Видишь, я теперь поумнел. Там, где я служу, мною довольны, но я хочу достигнуть лучшего положения. Кроме того, зарабатываю я не так много, хватает только на самое необходимое: комната, стол, одежда. Но я все-таки стараюсь понемножку откладывать, потому что хочу найти себе какое-нибудь подходящее занятие, чтобы можно было чему-нибудь научиться. В наше время каждый человек должен иметь специальность, теперь я это понимаю.

Напиши мне, мама, обо всем, я очень хочу знать, как вы все живете и что делаете. Передай привет Фрэнку, Джулии, отцу и Эсте, если все они еще живут с тобой. Я люблю тебя по-прежнему и надеюсь, что ты все-таки тоже немножко любишь меня. Правда? Я не подписываюсь настоящим именем, потому что это может быть еще рискованно (я не называл себя так с тех пор, как уехал из Канзас-Сити). Подписываюсь другим именем, но надеюсь, что очень скоро смогу отказаться от него и снова носить настоящую фамилию. Хотел бы сделать это теперь, но пока еще боюсь. Если захочешь написать мне, адресуй письма Гарри Тенету, до востребования, Чикаго.

Буду ждать скорого ответа. Подписываюсь так, чтобы Не доставить ни вам, ни себе еще новых неприятностей, понимаешь? Но как только буду вполне уверен, что с той историей покончено, я, конечно, снова возьму свое настоящее имя.

Твой любящий сын».

Вместо подписи он провел черту, написал под нею «ты знаешь» и отправил письмо.

И так как мать, не зная, где он находится, непрестанно тревожилась о нем, он очень скоро получил ответное письмо; на конверте стоял почтовый штемпель Денвера, это очень удивило Клайда, так как он думал, что семья все еще живет в Канзас-Сити.

«Дорогой сын!

Я очень удивилась и обрадовалась, когда получила письмо от моего мальчика и узнала, что он жив и здоров. Я все время надеялась и молилась, чтобы ты вновь вернулся на стезю добродетели – единственный путь, который может привести тебя к успеху и счастью, – и чтобы господь позволил мне получить известие от тебя и узнать, что ты жив и здоров и трудишься и живешь честно. И вот бог услышал мои молитвы. Я знала, что он меня услышит. Да будет благословенно его святое имя!

Я не осуждаю тебя за то страшное несчастье, которое постигло тебя, и за те страдания и позор, которые ты навлек на себя и на всех нас, ибо я хорошо знаю, как дьявол искушает и преследует всех нас, смертных, и особенно такое дитя, как ты. Если бы ты знал, мой сын, как должно остерегаться, чтобы избегнуть сетей дьявола! Ведь перед тобой лежит долгий путь. Будешь ли ты всегда бдителен и постараешься ли оставаться верным учению нашего Спасителя, которое я старалась запечатлеть в умах и сердцах моих дорогих детей? Остановишься ли ты и прислушаешься ли к голосу нашего господа, который всегда с нами и направляет наши стопы по каменистому пути, что ведет в царство небесное, более прекрасное, чем мы в нашей земной жизни можем себе представить? Обещай мне, дитя мое, что ты будешь твердо следовать наставлениям, полученным тобою в детстве, и всегда будешь помнить, что сила – в справедливости, и никогда, никогда, мой мальчик, не прикасайся к вину, кто бы тебе его ни предлагал. Вот где дьявол царит во всей своей славе и всегда готов восторжествовать над слабым. Помни всегда то, что я

тебе так часто говорила: «Вино – обманщик, пить – значит впасть в безумие, кто поддается обману – тот не мудр». Моя самая горячая молитва теперь о том, чтобы эти слова раздавались в ушах твоих всякий раз, как тебя посетит искушение, ибо я убеждена, что именно вино было истинной причиной того страшного несчастья.

Я много перестрадала тогда из-за тебя, Клайд, и все это произошло как раз в то время, когда мне пришлось вынести такое страшное испытание из-за Эсты. Я едва не потеряла ее. Она была так плоха. Бедное дитя, она дорого заплатила за свой грех! Нам пришлось, наделать долгов и потом долго работать, чтобы их выплатить. Но теперь мы наконец расплатились, и наши дела уже не так плохи, как прежде.

Как видишь, мы теперь в Денвере. У нас здесь собственная миссия: она помещается в большом доме, так что всем нам хватает места, и мы еще сдаем несколько комнат, – этим ведает Эста. Кстати, она теперь миссис Никсон. У нее прелестный мальчик, он очень напоминает нам с отцом тебя, когда ты был ребенком. Глядя на его проказы, мы так часто вспоминаем тебя, что нам даже кажется, будто ты снова стал маленьким и вернулся к нам. И это нас Немного утешает.

Фрэнк и Джулия очень выросли и стали настоящими моими помощниками. Фрэнк разносит газеты и кое-что зарабатывает – это тоже помощь. Эста хочет, чтобы они оба, пока у нас хватит сил, продолжали учиться в школе.

Отец не совсем здоров, но это понятно: ведь он уже не молод. Все-таки он делает все, что может.

Я очень рада, Клайд, что ты так стремишься выйти в люди. Вчера вечером мы с отцом опять говорили о твоем дяде Сэмюэле Грифитсе из Ликурга: он очень богат, и если бы ты написал ему и попросил его взять тебя в свое дело, чтобы ты научился чему-нибудь, я думаю, он сделал бы это для тебя. Сомневаюсь, чтобы он отказал. В конце концов, ведь ты ему родной племянник. Ты знаешь, у него большая фабрика воротничков в Ликурге, и, говорят, он очень богатый человек. Почему бы тебе не написать ему? Мне кажется, он найдет для тебя место, и тогда тебе откроется какая-то будущность. Если ты ему напишешь, дай мне знать, что он тебе ответит.

Я хочу, чтобы ты почаще сообщал о себе, Клайд. Пожалуйста, пиши о себе и о своей жизни. Я буду ждать. Все мы, конечно, по-прежнему любим тебя и всегда готовы помочь тебе советом. От всей души желаем тебе успеха и желаем также, чтобы ты был хорошим мальчиком и жил чистой и праведной жизнью. Помни, дитя мое: какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою погубит?

Пиши мне, Клайд, и не забывай, что любовь твоей матери всегда с тобой, она руководит тобой и наставляет на путь истинный во имя господне.

Любящая тебя мать».

Вот как случилось, что Клайд начал думать о дяде Сэмюэле и его фабрике задолго до встречи с ним. В то же время Клайд почувствовал огромное облегчение, узнав, что его родители уже не испытывают такой тяжелой нужды, в какой он их оставил, и живут благополучно: очевидно, эта новая миссия связана с чем-то вроде отеля или, по крайней мере, меблированных комнат.

Прошло два месяца с тех пор, как он получил от матери первое письмо, и почти каждый день он говорил себе, что надо немедленно что-то предпринять. И вот однажды ему надо было доставить из магазина, где он служил, пакет с галстуками и носовыми платками какому-то приезжему, остановившемуся в «Юнион клубе» на бульваре Джексона. Войдя в клуб, Клайд вдруг столкнулся не с кем иным, как с Ретерером, одетым в форму служащего клуба: его обязанностью было давать справки входящим и принимать багаж. В первое мгновение оба совсем опешили. Первым пришел в себя Ретерер.

– Клайд! – воскликнул он, схватив товарища за рукав, и прибавил радостно, но все же из осторожности понизив голос: – Черт! Вот так встреча! Клади пакет сюда. Откуда ты взялся?

И Клайд, тоже взволнованный, воскликнул:

– Вот так штука! Да это ж Том! Как дела? Ты здесь работаешь?

Ретерер, так же как и Клайд, забывший в эту минуту печальную тайну, которая их связывала, ответил:

– Ясно, работаю. Верней верного! Я уже почти год здесь.

Но тотчас дернул Клайда за руку, как бы призывая к молчанию, и торопливо отвел в сторону, чтобы их не слышал мальчик, с которым Ретерер говорил, когда вошел Клайд.

– Шш… тише! – продолжал он. – Я работаю здесь под своей фамилией, но никто не должен знать, что я из Канзас-Сити, понимаешь? Все думают, что я из Кливленда.

Он еще раз дружески сжал руку Клайда и оглядел его с головы до ног. И Клайд, тоже взволнованный, сказал:

– Да, конечно. Понимаю. Это правильно. Я рад, что ты меня узнал. А меня зовут теперь Тенет, Гарри Тенет, не забудь!

И оба сияли от радости, вспоминая прошлое.

Но тут Ретерер заметил, что на Клайде форменная одежда служащего по доставке товаров.

– Развозишь товары по домам? – спросил он. – Вот забавно! Клайд – возчик! Подумать только! Прямо глазам не верю. Чего ради ты за это взялся?

Впрочем, он сразу понял по лицу Клайда, насколько тому неприятен разговор о его теперешнем положении, а когда Клайд коротко ответил: «У меня у самого душа не лежит к этой работе», – Ретерер прибавил:

– Послушай, нам надо встретиться и поболтать как следует. Где ты живешь? (Клайд дал свой адрес.) Вот и хорошо. Я освобождаюсь в шесть часов и зайду к тебе, когда ты кончишь работать. Или вот что… давай лучше встретимся в кафе «Энричи» на Рэндолф-стрит. Ладно? Скажем, в семь часов. Я освобождаюсь в шесть и могу быть там к семи, если тебе это удобно.

Клайд весело кивнул в знак согласия: он был просто в восторге оттого, что встретился с Ретерером.

Взобравшись на козлы своего фургона, он продолжал развозить товары, но все время, оставшееся до окончания работы, думал только о предстоящем свидании. В половине шестого он поспешил в конюшню, а затем к себе домой, в дешевые меблированные комнаты с пансионом в западной части города; переодевшись в выходной костюм, он быстро пошел к «Энричи». Не простоял он на углу и минуты, как появился Ретерер, веселый, дружески приветливый и одетый лучше прежнего.

– Ну до чего ж я рад тебя видеть, старина, – начал он. – Знаешь, с тех пор как я удрал из Канзас-Сити, я встречаю тебя первого из всей нашей компании. Вот как! Сестра писала мне, что никто ничего не знал тогда ни про Хигби, ни про Хегленда, ни про тебя. А этого Спарсера засадили на год, слыхал? Скверно, правда? И больше не за то, что задавил девочку, а за то, что взял чужую машину, и ездил, не имея шоферских прав, и не остановился по свистку полисмена. Вот за это его и упрятали. И знаешь, – тут Ретерер многозначительно понизил голос, – нам всем было бы то же самое, если бы нас поймали. Ну и трусил же я! А как удирал! Только пятки сверкали! – И он снова засмеялся, на этот раз немного истерическим смехом. – А как мы бросили его с этой девчонкой в машине, подумать только! Скверно, а? Но что тут было делать? Ведь не стоило же всем лезть в лапы полиции, верно? Как бишь ее звали… Да, Лора Сайп. А ты смылся так быстро, что я и не заметил. И эта твоя девчонка. Бригс – тоже. Ты ее провожал, что ли?

Клайд покачал головой.

– Нет, я ее не провожал, – признался он.

– Куда же ты девался? – спросил Ретерер.

Клайд объяснил. И после того как он подробно описал все свои странствия, Ретерер снова заговорил:

– Значит, ты не знаешь, что малютка Бригс сразу после этого случая укатила с одним парнем в Нью-Йорк? С каким-то продавцом из табачного магазина, мне Луиза написала. Она видела эту девчонку перед отъездом, в новом меховом жакете, ну и вообще. (Клайд болезненно поморщился.) Ну и глуп же ты был, что бегал за нею! Она вовсе не думала о тебе, да и вообще ни о ком. А ты, по-моему, здорово в нее врезался, верно?

Он состроил забавную гримасу и толкнул Клайда в бок, поддразнивая его по старой привычке.

Потом Ретерер рассказал о себе; его история была не столь богата приключениями, и, в отличие от истории Клайда, тут речь шла меньше о волнениях и тревогах, а больше об упорном мужестве, о вере в свое счастье и способности. В конце концов он пристроился на эту работу, потому что, как он выразился, в Чикаго всегда можно что-нибудь ухватить.

Так он с тех пор и живет здесь, – «совсем смирно, конечно», – зато никто ни в чем не может его упрекнуть.

И сразу же он стал объяснять, что сейчас в «Юнион клубе» мест нет, но если Клайд хочет, он поговорит с мистером Хейли, управляющим; может быть, мистер Хейли узнает, не найдется ли где-нибудь вакансия, тогда Клайду можно будет устроиться получше.

– И не вешай ты нос, – сказал он Клайду в конце вечера. – Толку от этого мало.

Всего через, два дня после этого весьма ободряющего разговора, в то время как Клайд все еще раздумывал, не отказаться ли ему от службы, не назваться ли опять настоящим именем и не пойти ли по здешним отелям в поисках работы, рассыльный из «Юнион клуба» принес ему на дом записку. В записке говорилось: «Повидайся завтра утром с мистером Лайтолом в „Большом Северном“. Там есть вакансия. Место не очень хорошее, но потом легче будет найти что-нибудь получше».

Клайд сейчас же сообщил по телефону своему непосредственному начальнику, что заболел и не может сегодня выйти на работу, а затем, облачившись в свой лучший костюм, отправился в указанный отель. Здесь на основании представленных им рекомендаций он был принят на службу, и притом, к большому своему облегчению, под настоящим именем. Доволен он был и тем, что ему назначили двадцать долларов жалованья в месяц и, кроме того, обед. Правда, чаевые, как он уже знал, здесь составляли не более десяти долларов в неделю, однако, утешал он себя, если считать питание, он все-таки будет зарабатывать гораздо больше, чем до сих пор, и притом это куда легче, чем ездить с фургоном. Его смущало только, что он опять возвращается к службе в отеле и что его могут узнать и арестовать.

Но вскоре после этого – месяца через три, не больше – открылась вакансия в «Юнион клубе». Ретерер к тому времени получил повышение и был назначен помощником заведующего всем персоналом отеля; они были в хороших отношениях, и Ретерер сказал заведующему, что может порекомендовать на освободившееся место очень подходящего человека: это некий Клайд Грифитс, он служит в «Большом Северном». Затем Ретерер вызвал Клайда, тщательно растолковал ему, как надо представиться новому начальству и что говорить, и Клайд получил работу в клубе.

Он сразу же увидел, что это – заведение более высокого разряда, чем «Большой Северный» или даже «Грин-Дэвидсон», предназначенное для людей состоятельных, с именем и положением; здесь он снова получил возможность близко наблюдать тот строй жизни, который, на беду Клайда, задевал в его душе струнки тщеславия и подстегивал его стремление выдвинуться. В этот клуб постоянно съезжались люди, каких он прежде никогда не встречал, – по-видимому, выдающиеся во всех отношениях представители избранного общества; Клайду казалось, что здесь собирается все лучшее не только со всех концов его родной страны, но из всех стран, со всех континентов. Тут бывали видные американские деятели с севера и юга, с востока и запада, выдающиеся политики и дельцы, а также ученые, хирурги, прославленные доктора, генералы, литераторы и общественные деятели не только Америки, но и всего света.

И еще одно поразило Клайда: с любопытством, даже с благоговейным изумлением он убедился, что в здешней атмосфере нет и следа той эротики, которой отличалась жизнь в «Грин-Дэвидсон», а совсем недавно – в «Большом Северном». В самом деле, насколько он мог припомнить, дух сексуальности чувствовался во всем, был основой чуть ли не всего, что ему до сих пор приходилось видеть в отелях. Здесь не было ничего подобного. Женщины вообще не допускались в клуб. Все эти выдающиеся личности приезжали и уезжали, как правило, в одиночку, без всякой шумихи, энергичные и сдержанные, что характерно для людей, достигших исключительного успеха. Обычно они обедали в одиночестве, негромко беседовали, сходясь по двое, по трое, читали газеты и книги или разъезжали по городу на быстроходных машинах и, казалось, не ведали, что такое страсть, – по крайней мере, на них, видно, не действовало это чувство, которое, как доныне представлялось незрелому уму Клайда, всем движет и все будоражит в жизни простых смертных

– таких, как он сам.

Вероятно, достигнуть видного положения и сохранить его в этом замечательном мире можно, только если будешь равнодушен к женщинам, освободишься от постыдной страсти к ним. Поэтому, думал Клайд, в присутствии таких людей и у них на глазах нужно держаться так, словно тебе и в голову не приходят мысли, которые на самом деле иной раз выводят, тебя из всякого равновесия.

И, поработав здесь короткое время, под влиянием этого учреждения и различных его посетителей, Клайд стал с виду настоящим джентльменом. В стенах клуба он чувствовал себя совсем другим человеком: более сдержанным и практичным, не таким романтиком. Он был уверен, что теперь ему следует вновь попытать свои силы: подражая этим людям трезвого ума и только им, он в один прекрасный день добьется успеха, – быть может, не головокружительного, но, во всяком случае, значительно большего, чем до сих пор. Кто знает? Если он будет упорно работать, заводить только хорошие знакомства и вести себя очень осторожно, быть может, кто-нибудь из этих замечательных людей – посетителей клуба – заинтересуется им, предложит ему где-нибудь какое-нибудь видное место и поможет подняться до уровня того общества, доступ в которое до сих пор был для него закрыт.

Надо сказать правду: Клайд по своему характеру неспособен был когда-либо стать вполне взрослым человеком. Ему недоставало ясности мышления и внутренней целеустремленности – качеств, которые присущи большинству людей и позволяют им среди всех дорог и возможностей в жизни выбрать для себя самую подходящую.

Глава 4

Однако сам Клайд объяснял все свои жизненные неудачи тем, что ему не хватало образования. Когда он был мальчиком, непрерывные переезды семьи из города в город помешали ему учиться, накопить достаточно практических знаний в какой-либо области, чтобы он тоже мог стать членом высшего общества, к которому принадлежали все эти люди – посетители «Юнион клуба». А между тем он всей душой стремился быть в их числе. Эти джентльмены жили в прекрасных домах, останавливались в роскошных отелях, и люди вроде Скуайрса или здешнего начальника рассыльных служили им и заботились об их удобствах. А он, Клайд, всего только рассыльный. И ведь ему уже двадцать первый год! Порою это его очень огорчало. Он все время мечтал найти какую-то другую работу, на которой он мог бы выдвинуться и сделать карьеру. Не оставаться же ему всю жизнь рассыльным! – мысль о такой возможности немало пугала его в иные минуты.

Придя к такому заключению, он стал размышлять, как бы ему обеспечить свое будущее, и в это время в Чикаго приехал его дядя Сэмюэл Грифитс. У него были здесь связи и знакомства, ему любезно предложили карточку в клуб, и он поселился здесь и в течение нескольких дней встречался со множеством людей, приходивших побеседовать с ним, или разъезжал по городу, занятый переговорами с различными людьми и фирмами, которые он считал нужным посетить.

Не прошло и часа после его приезда, как Ретерер, ведавший записью прибывших и только что записавший на доске в вестибюле фамилию «Грифитс», подозвал Клайда.

– Послушай, ты, кажется, говорил, что у тебя есть какой-то дядя или родственник по фамилии Грифитс, фабрикант воротничков где-то в штате Нью-Йорк?

– Конечно, – ответил Клайд, – Сэмюэл Грифитс. У него большая фабрика воротничков в Ликурге. Это его объявления печатаются во всех газетах. Ты, наверно, видел его светящуюся рекламу на Мичиган-авеню.

– А ты его узнаешь, если встретишь?

– Нет, я его никогда в жизни не видел.

– Пари держу, что это он и есть, – сказал Ретерер, рассматривая маленький регистрационный листок. – Вот погляди: «Сэмюэл Грифитс, Ликург, штат Нью-Йорк». Он самый, верно?

– Наверняка! – подтвердил Клайд, очень заинтересованный и даже взволнованный, потому что с этим самым дядей ему уже давно хотелось встретиться.

– Он только что прошел наверх, – продолжал Ретерер. – Дэвид понес его чемоданы. Шикарный мужчина. Ты гляди в оба, не прозевай его, когда он опять спустится сюда. Может, это и впрямь твой дядюшка. Он среднего роста, довольно худой, седые усики и светло-серая шляпа. Симпатичный малый. Я тебе его покажу. Если это правда твой дядя, ты уж постарайся ему понравиться. Может, он что-нибудь сделает для племянника… подарит пару воротничков, – прибавил он со смехом.

Клайд тоже засмеялся, как будто оценив удачную шутку, но втайне он был очень взволнован. Дядя Сэмюэл здесь, в клубе! Вот удобный случай познакомиться. Клайд ведь собирался написать ему еще до того, как стал здесь работать, а теперь дядя сам приехал сюда, и с ним можно поговорить.

Но стоп! Что дядя подумает о нем, если Клайд осмелится с ним заговорить? Как он отнесется к племяннику, который служит в этом клубе всего лишь рассыльным? И как вообще относится дядя к юношам, которые работают в качестве рассыльных, да еще если они в возрасте Клайда? Ведь ему уже двадцать первый год! Многовато для «мальчика на посылках», если только он не собирается оставаться в этой роли всю жизнь. Такой богатый и высокопоставленный человек, как Сэмюэл Грифитс, может счесть должность рассыльного унизительной, особенно, если рассыльный окажется его родственником. Весьма вероятно, что он не пожелает иметь с таким родственником ничего общего, не захочет даже разговаривать с ним… Целые сутки Клайд провел во власти этих сомнений.

Однако на следующий день Клайд успел увидеть дядю раз шесть, и тот произвел на него самое приятное впечатление: живой, подвижный, деловитый, он нисколько не походил на своего брата – отца Клайда, и притом он был так богат и все относились к нему с таким уважением… И минутами Клайд не без страха спрашивал себя – неужели же упустить такой случай? В конце концов, дядя вовсе не кажется недобрым человеком, как раз наоборот, – у него очень приветливый вид… Когда Клайд, по

совету Ретерера, отправился в комнату дяди за письмом, которое нужно было отправить с нарочным, дядя почти не взглянул на него, вместе с письмом вручил ему полдоллара.

– Проследите, чтобы рассыльный немедленно отнес письмо, а деньги возьмите себе, – сказал он.

Волнение Клайда было в эту минуту так велико, что он удивился, как дядя не угадал в нем своего племянника… Но мистер Грифитс явно ни о чем не догадывался. И Клайд ушел, немного приуныв.

Спустя некоторое время на имя Сэмюэла Грифитса пришло с полдюжины писем, и Ретерер обратил на них внимание Клайда.

– Вот тебе еще случай пойти к нему, если хочешь, – сказал Ретерер. – Снеси ему письма. По-моему, он сейчас у себя.

И Клайд, после некоторого колебания, взял письма и пошел в комнату дяди. Тот что-то писал, сидя за столом, и в ответ на стук Клайда крикнул:

– Войдите!

Клайд вошел и, загадочно улыбаясь, сказал:

– Вам письма, мистер Грифитс.

– Большое спасибо, сынок, – ответил дядя и полез в жилетный карман за мелочью.

Но Клайд, воспользовавшись случаем, воскликнул:

– Нет, нет, мне ничего не нужно! – Дядя все еще протягивал деньги, но прежде чем он успел что-либо сказать, Клайд прибавил: – Кажется, я ваш родственник, мистер Грифитс. Ведь вы Сэмюэл Грифитс, владелец фабрики воротничков в Ликурге, правда?

– Да, как будто я имею некоторое отношение к этой фабрике. А вы кто? – спросил дядя, пытливо разглядывая Клайда.

– Меня зовут Клайд Грифитс, я сын Эйсы Грифитса. Он ведь, кажется, ваш брат?

При упоминании об этом брате, который слыл в семье жалким неудачником, лицо Сэмюэла Грифитса несколько омрачилось. Он долгие годы не встречал Эйсу и теперь без особого удовольствия вспоминал приземистую и невзрачную фигуру младшего брата, каким он видел его в последний раз в доме их отца около Бертуика, штат Вермонт, – молодым человеком примерно в возрасте Клайда. Но какая разница! Отец Клайда был тогда толстый, несуразный, вялый и умственно и физически, что называется размазня; у него были водянистые голубые глаза, вьющиеся волосы, безвольный подбородок. Напротив, сын его – аккуратный, живой и красивый юноша с хорошими манерами и, по-видимому, неглуп (насколько замечал мистер Грифитс, мальчики-рассыльные вообще народ смышленый). Племянник ему понравился.

Сэмюэл Грифитс, унаследовавший вместе со старшим братом Алленом скромное отцовское состояние, так как отец не любил младшего сына, всегда чувствовал, что Эйса стал жертвой несправедливости. Обнаружив, что сын не способен к практической деятельности и не слишком сообразителен, отец сначала пытался заставить Эйсу работать, потом просто не замечал его и, наконец, когда ему было примерно столько же лет, сколько теперь Клайду, выгнал из дому; впоследствии он завещал все свое состояние – около тридцати тысяч долларов – поровну двум старшим сыновьям, оставив Эйсе жалкую тысячу долларов.

Все эти воспоминания заставили Сэмюэла Грифитса с любопытством всмотреться в Клайда. Он видел, что племянник совсем не похож на его младшего брата, который столько лет назад был изгнан из отцовского дома. Клайд скорее напоминал его собственного сына Гилберта, – теперь он заметил это сходство. И к тому же, вопреки опасениям Клайда, на Сэмюэла Грифитса произвело хорошее впечатление, что Клайд служит в таком фешенебельном клубе, хотя бы всего только рассыльным. Сэмюэлу Грифитсу, деятельность которого ограничивалась Ликургом и ликургским обществом, клуб этот, с его особым положением и характером, внушал почтение. Молодые люди, служащие в подобных учреждениях, обычно толковы и скромны. И поэтому он благожелательно посмотрел на Клайда, который стоял перед ним с видом прекрасно воспитанного молодого человека, опрятный и подтянутый в своем сером с черным форменном костюме.

– Что вы говорите! – воскликнул он. – Значит, вы сын Эйсы! Ну и ну! Вот так сюрприз! Знаете, ведь я не видел вашего отца по меньшей мере лет двадцать пять и ничего о нем не слыхал. В последний раз, когда я слышал о нем, он жил в штате Мичиган, в Грэнд-Рэпидс, насколько я помню. А где он теперь? Здесь, в Чикаго?

– О нет, сэр! – Клайд был рад, что может ответить отрицательно. – Моя семья живет в Денвере. Я здесь один.

– И отец и мать живы, надеюсь?

– Да, сэр, оба живы.

– И отец все еще… проповедует?

– Да, сэр, – ответил Клайд с запинкой: он по-прежнему был убежден, что из всех возможных видов деятельности занятие его отца – самое жалкое и самое бесполезное в глазах общества. – Но теперь, – продолжал он, – миссия отца связана с меблированными комнатами; в доме, кажется, около сорока комнат. Отец и мать управляют этим домом и руководят миссией.

– А, понятно.

Клайду так хотелось произвести на дядю наилучшее впечатление, что, описывая положение отца, он кое-что приукрасил.

– Ну, я очень рад, что они хорошо устроились, – продолжал Сэмюэл Грифитс, которому все больше нравилась полная изящества и энергии внешность Клайда. – А вы довольны своей работой здесь?

– Не совсем… нет, мистер Грифитс, я недоволен, – поспешно ответил Клайд, обрадованный этим вопросом. – Конечно, заработок неплохой. Но мне не нравится этот способ зарабатывать деньги. Я хотел бы совсем другого. Но я пошел сюда работать, потому что у меня не было возможности получить какую-нибудь специальность и мне не удавалось поступить на работу в такое место, где можно было бы по-настоящему выдвинуться. Мать советовала мне написать вам и спросить, не найдется ли на вашей фабрике работы для меня, чтобы я мог с чего-то начать. Но я боялся, что это вам не понравится, и потому не писал.

Он замолчал, улыбаясь, но во взгляде его был вопрос.

Сэмюэл Грифитс с минуту серьезно смотрел на него: ему понравилось выражение лица Клайда и то, как он изложил свою просьбу.

– Да, это очень похвально, – сказал он. – Разумеется, вам следовало написать мне…

И он умолк, так как привык к осторожности во всяких деловых разговорах. Клайд заметил, что дядя не решается его обнадежить, и, чуть помедлив, спросил напрямик:

– Может быть, у вас на фабрике найдется какое-нибудь место для меня?

Сэмюэл Грифитс в раздумье смотрел на племянника. Ему и нравилась и не нравилась такая прямая просьба. Однако Клайд показался ему очень подходящим человеком; По-видимому, он неглуп и честолюбив, – совсем как Гилберт, – и, ознакомившись с фабрикой, вполне мог бы под руководством Гилберта справиться с должностью заведующего одним из цехов или хотя бы помощника заведующего. Во всяком случае, можно дать ему попробовать. Риска тут никакого. И кроме того, ведь это сын Эйсы, младшего брата, по отношению к которому и у Сэмюэла, и у старшего брата Аллена есть кое-какие обязательства, если даже оставить в стороне вопрос о восстановлении в правах наследства.

– Вот что, – заговорил Сэмюэл после минутного молчания. – Я должен немного подумать. Я не могу так сразу сказать, найдется ли у нас подходящая работа. Начать с того, что мы не, можем платить вам столько, сколько вы получаете здесь, – предупредил он.

– Ну конечно! – воскликнул Клайд, которого прежде всего прельщал не заработок, а сама возможность служить у дяди. – Я не могу надеяться на большое жалованье, пока не сумею его заслужить.

– Кроме того, может случиться, что вам не понравится работа на нашем предприятии, или мы найдем, что вы нам не подходите. Надо сказать, не всякий способен к такой работе.

– Что же, тогда вы уволите меня, рот и все, – сказал Клайд. – Но я всегда думал, что подойду вам, – с первого раза, как услышал о вас и о вашем огромном предприятии.

Это последнее замечание польстило Сэмюэлу Грифитсу. Очевидно, он сам и его успехи – идеал для этого юноши.

– Ну хорошо, – сказал он. – Сейчас я не могу уделить вам больше времени. Но я пробуду здесь еще дня два и все обдумаю. Может быть, я и сумею что-нибудь для вас сделать. Пока ничего обещать не могу.

И он вернулся к своим письмам.

А Клайд, чувствуя, что произвел настолько хорошее впечатление, насколько было возможно при данных обстоятельствах, и что из этого может выйти толк, горячо поблагодарил дядю и поспешно вышел.

На следующий день, обдумав все и решив, что Клайд при его живости и сообразительности может быть полезен на фабрике не хуже всякого другого, а также продумав надлежащим образом значение этого шага для своего семейства, Сэмюэл Грифитс сообщил племяннику, что, как только у него на фабрике появится какая-нибудь вакансия, он охотно его известит. Но он не может обещать, что такая возможность появится немедленно. Клайду придется подождать.

Итак, Клайд был предоставлен своим размышлениям о том, скоро ли для него найдется местечко на дядиной фабрике и найдется ли вообще.

А тем временем Сэмюэл Грифитс вернулся в Ликург и, посовещавшись с сыном, решил, что Клайду следует изучить дело, начиная с самых основ или, во всяком случае, с подвала фабрики: там декатировались ткани, необходимые для выделки воротничков, и именно в этот подвал прежде всего попадали новички, желавшие изучить технику производства в целом. Но так как Клайд должен был существовать только на свои средства и притом не слишком бедствовать (это было бы несовместимо с положением семейства Грифитс в Ликурге), порешили назначить ему щедрое вознаграждение – для начала пятнадцать долларов в неделю.

Разумеется, и Сэмюэл Грифитс и его сын Гилберт понимали, что плата эта невелика (не для обыкновенного ученика, а для Клайда как родственника), но оба они были люди деловые, вовсе не склонные к благотворительности по отношению к тем, кто на них работал, и полагали, что чем ближе к границе нужды и лишений стоит новичок на их фабрике, тем лучше. И тот и другой относились нетерпимо к социалистической теории о капиталистической эксплуатации. Оба считали необходимым существование социальной лестницы, чтобы по ступеням ее стремились подняться люди низших классов. Касты неизбежно должны существовать. Пытаться сверх меры помогать кому-либо, хотя бы даже и родственнику, – значит безрассудно подрывать самые основы общества. Когда имеешь дело с личностями и классами, которые в общественном и материальном отношении стоят ниже тебя, надо обращаться с ними согласно привычным для них нормам. И лучшие нормы – те, которые заставляют ниже стоящих ясно понимать, как трудно достаются деньги и как необходимо для всех, кто участвует в единственно важном, с точки зрения обоих Грифитсов, деле – в производстве материальных ценностей, – полное, подробнейшее и практическое знакомство с техникой данного производства. Поняв это, они должны приучить себя к трезвой жизни и к самой строгой экономии во всем. Это благотворно скажется на их характере. Именно так закаляются умы и души людей, которым суждено подняться по ступеням общественной лестницы. А те, кто на это не способен, должны оставаться на своем месте внизу.

Итак, примерно через неделю было решено, какую именно работу предложить Клайду, и Сэмюэл Грифитс сам написал ему в Чикаго и сообщил, что он может, если пожелает, приехать в ближайшее время. Но он должен заранее, дней за десять, письменно известить о своем приезде, чтобы можно было вовремя все подготовить. В Ликурге он должен явиться на фабрику, в контору к мистеру Гилберту Грифитсу, и тот о нем позаботится.

Это письмо очень взволновало Клайда, и он тотчас написал матери, что место у дяди ему обеспечено и что он отправляется в Ликург. Вот теперь он постарается добиться настоящего успеха. Мать ответила ему длинным письмом, убеждая его тщательно следить за своим поведением и быть очень, очень осторожным в выборе друзей. Плохие знакомства – корень почти всех заблуждений и падений у таких честолюбивых юношей, как он. А если он будет избегать общества легкомысленных и развращенных юношей и девушек, все будет хорошо. Молодому человеку с внешностью и характером Клайда так легко сбиться с пути под влиянием какой-нибудь дурной женщины. Он и сам знает, что случилось с ним в Канзас-Сити. А он еще молод и теперь собирается работать у такого богатого и влиятельного человека, который может, если пожелает, многое для него сделать. И пусть он почаще пишет ей о том, как складывается его новая жизнь.

Итак, известив дядю, как тот просил, Клайд наконец выехал в Ликург. Но, прибыв туда, он не пошел сразу на фабрику, поскольку дядя не назначил ему определенного часа; вместо этого он снял комнату в единственном крупном отеле города, носящем название «Ликург».

Ему не терпелось посмотреть, что же это за город, где ему предстоит жить и работать, и какое положение занимает здесь его дядя; он рассчитал, что располагает достаточным количеством свободного времени, – такой случай, пожалуй, не скоро представится после того, как он приступит к работе, – и решил пройтись. Он вышел на Сентрал-авеню – подлинное сердце

Ликурга; тут ее пересекало несколько наиболее оживленных улиц: эти кварталы составляли деловой и торговый центр – здесь была сосредоточена вся жизнь и все развлечения Ликурга.

Глава 5

Но, пройдя по этой улице, Клайд сразу увидел, как не похоже все это на мир, к которому он привык за последнее время. Все здесь было гораздо меньших размеров. Вокзал, откуда он вышел всего полчаса назад, был мал и скучен, и ясно было, что его покой не нарушается слишком большим движением. Фабричный район, расположенный как раз напротив центральной части города на другом берегу реки Могаук, оказался просто-напросто скоплением красных и серых зданий, над которыми то тут, то там возвышалась фабричная труба; этот район соединяли с городом два моста, их отделяло друг от друга примерно с полдюжины кварталов; один мост был у самого вокзала – на нем было довольно большое движение, – и тут же проходила трамвайная линия, которая затем следовала всем изгибам Сентрал-авеню.

Но сама Сентрал-авеню, с ее невысокими домами и разбросанными там и сям магазинами, оказалась улицей очень оживленной, заполненной пешеходами и автомобилями. Наискосок от отеля, – на Сентрал-авеню выходили его широкие зеркальные окна, за которыми виднелись пальмы, колонны и расставленные между ними кресла, – возвышался большой мануфактурный магазин «Старк и Кь», солидное четырехэтажное здание из белого кирпича, длиною не менее ста футов; в ярко освещенных витринах были выставлены самые модные новинки. А дальше – другие большие магазины, еще один отель, автомобильная выставка, кинематограф.

Клайд все шел и шел вперед – и вдруг очутился за пределами торгового центра, на, широкой, обсаженной деревьями улице; по обе стороны ее стояли красивые особняки; любой из них казался гораздо просторнее, удобнее, спокойнее и даже величественнее, чем все дома, какие когда-либо видел Клайд в своей жизни. Словом, ему достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что хоть это и улица небольшого города, но она совсем особенная – улица богатства и даже роскоши. Сколько здесь внушительных, кованого железа оград, окаймленных цветами дорожек, расположенных группами деревьев и кустов, сколько дорогих, красивых автомобилей ожидают у входов или мчатся по улице! А в магазинах по соседству, близ Сентрал-авеню и торговых кварталов, где начинается эта просторная и красивая улица, выставлены такие дорогие, шикарные вещи! Они, конечно, предназначены для состоятельных людей с изысканным вкусом: автомобили, драгоценности, тонкое белье, кожаные изделия, мебель…

Но где живет дядя и его семья? На какой улице? В каком доме? Может быть, его дом еще больше, еще красивее?

Нужно сейчас же вернуться, решил Клайд, и отправиться к дяде. Надо найти фабрику, – наверно, она в той части города, за рекой. Как ему держаться, что говорить? Какое место даст ему дядя? В письме дядя упомянул о своем сыне Гилберте. Что за человек этот Гилберт, его двоюродный брат? Что он подумает о нем, Клайде?

Клайд вернулся на Сентрал-авеню, дошел до вокзала и скоро нашел фабрику Сэмюэла Грифитса. Это было огромное шестиэтажное здание из красного кирпича, около тысячи футов длиною. Оно чуть ли не все состояло из окон, по крайней мере та часть, которая была недавно пристроена специально для производства воротничков. Старая часть, как узнал впоследствии Клайд, соединялась с новой несколькими крытыми переходами. Южные стены обоих этих зданий выходили на берег реки Могаук. С этой стороны вдоль Ривер-стрит было несколько дверей, примерно через каждые сто футов, и у каждой стоял сторож в форменной одежде. Все входы в здание были пронумерованы; под первым, вторым и третьим номерами стояла надпись: «Только для служащих», под номером четвертым – «Контора», двери под номерами пять и шесть, по-видимому, были предназначены для вывоза и приема товаров.

Клайд подошел к входу в контору; никто здесь не задержал его; он прошел через две вращающиеся двери и оказался перед барьером; по ту сторону барьера, рядом с небольшой дверью, очевидно, ведущей в главную контору, сидела телефонистка – некрасивая женщина лет тридцати пяти, низенькая и толстая.

– Что вам? – окликнула она Клайда.

– Я хотел бы видеть мистера Гилберта Грифитса, – начал Клайд, стараясь не выдать волнения.

– Зачем?

– Видите ли, я его двоюродный брат. Меня зовут Клайд Грифитс. У меня письмо от дяди, мистера Сэмюэла Грифитса. Он, вероятно, примет меня.

Клайд протянул ей письмо и при этом заметил, что суровое, равнодушное лицо ее сразу изменилось и приняло выражение если не любезное, то куда более почтительное. На эту женщину явно произвели впечатление не только слова Клайда, но и его внешность, и она стала исподтишка с любопытством рассматривать его.

– Сейчас я узнаю, здесь ли он, – сказала она гораздо более вежливым тоном и соединилась с кабинетом мистера Гилберта Грифитса.

Очевидно, ей сообщили по телефону, что мистер Гилберт в данную минуту занят и его нельзя беспокоить, так как она в ответ сказала:

– Здесь двоюродный брат мистера Гилберта, мистер Клайд Грифитс. У него письмо от мистера Сэмюэла Грифитса. – И, обратившись к Клайду, прибавила:

– Присядьте, пожалуйста. Наверно, мистер Гилберт Грифитс примет вас через минуту. Сейчас он занят.

Клайда поразила необычайная почтительность ее обращения: до сих пор еще никогда за всю его жизнь с ним не разговаривали так почтительно. Подумать только! Он близкий родственник такой богатой и влиятельной семьи! Какая огромная фабрика! Какое громадное здание – целых шесть этажей! Только что, проходя по другому берегу реки, через открытые окна он видел огромные помещения и в них множество женщин, погруженных в работу. И невольное волнение охватило его. Высокие кирпичные стены здания были словно воплощением энергии, подлинного материального успеха – едва ли высшего успеха в глазах Клайда.

Он смотрел на серые оштукатуренные стены этой приемной, на надпись на внутренней двери, гласившую: «Акционерное общество Грифитс. Воротнички и рубашки. Председатель Сэмюэл Грифитс, секретарь Гилберт Грифитс», и спрашивал себя, что он увидит там, за дверью, и каков этот Гилберт Грифитс, и как он его примет – холодно или приветливо, дружески или враждебно?

Так он сидел и размышлял, как вдруг телефонистка вновь обратилась к нему.

– Теперь вы можете войти, – сказала она. – Кабинет мистера Гилберта Грифитса в самом конце этого этажа, с той стороны, которая выходит на реку. Вам каждый служащий покажет.

Она привстала, словно собираясь открыть ему дверь, но Клайд поспешил предупредить ее.

– Спасибо, не беспокойтесь! – от души сказал он.

Открыв стеклянную дверь, он увидел большой зал; здесь находилось свыше сотни служащих, – в большинстве молодые люди и молодые женщины. Все они казались погруженными в лежащие перед ними бумаги. У многих над глазами торчали зеленые козырьки. На мужчинах были короткие рабочие куртки из сатина или нарукавники, защищавшие рукава рубашек. Почти все молодые женщины были в опрятных красивых платьях из бумажной ткани или в рабочих халатах. По обе стороны, отделенные от центральной части зала перегородками, находились кабинеты различных должностных лиц фирмы, и на дверях виднелись таблички с их именами: Смилли, Летч, Гетбой, Берки.

Так как телефонистка сказала ему, что кабинет мистера Грифитса находится в глубине здания, Клайд довольно уверенно прошел через весь зал и в конце его увидел полуоткрытую дверь с табличкой: «Гилберт Грифитс, секретарь». Он помедлил минуту, не решаясь войти, потом слегка постучал. Сейчас же резкий, пронзительный голос крикнул: «Войдите». Клайд вошел и увидел перед собой молодого человека, который казался немного ниже его ростом, чуть старше и, несомненно, гораздо сдержаннее и проницательнее; словом, это был как раз такой молодой человек, каким мечтал стать сам Клайд: знающий свое дело, властный и энергичный. Поскольку приближалась весна, на нем был (это сразу отметил Клайд) светло-серый костюм в яркую полоску. Его блестящие волосы были несколько светлее, чем у Клайда, и гладко зачесаны назад; светлые серо-голубые глаза впились в Клайда, едва он успел перешагнуть порог. На молодом человеке были большие очки в роговой оправе, которые он надевал только во время работы; через круглые стекла он быстро и внимательно осмотрел Клайда с головы до ног, заметив все – от ботинок до коричневой фетровой шляпы, которую Клайд держал в руке.

– Вы – мой двоюродный брат? – сказал Гилберт ледяным тоном, со слабой и далеко не доброжелательной улыбкой, когда Клайд остановился посреди комнаты.

– Да, это я, – сказала Клайд, смущенный и несколько испуганный таким холодным приемом.

Он мгновенно понял, что не может относиться к своему двоюродному брату с тем же уважением, какое внушал ему дядя, чьими талантами создано это замечательное предприятие. Где-то в глубине души он чувствовал, что этот молодой человек, пожалуй, здесь только наследник – не больше, и если бы не способности отца, сумевшего создать громадную фабрику, сын не мог бы напускать на себя такую важность и принимать высокомерный вид.

Но уж очень беспочвенны и ничтожны были права Клайда на какое-либо уважение здесь, очень благодарен он был за все, что могут для него сделать, и потому он заранее чувствовал себя глубоко признательным и старался улыбнуться возможно приветливее. А Гилберт Грифитс, видимо, сразу же счел эту улыбку признаком самонадеянности; этого он не намерен был терпеть в каком-то двоюродном брате, да еще в таком, который нуждается в покровительстве со стороны самого Гилберта и его отца.

Однако, поскольку отец соизволил заинтересоваться этим родственником, Гилберту не оставалось выбора, и, продолжая криво улыбаться и мысленно изучать двоюродного брата, он сказал:

– Мы так и думали, что вы явитесь сегодня или завтра. Приятная была поездка?

– Да, очень, – ответил Клайд, несколько смущенный этим вопросом.

– Итак, вы хотите ознакомиться с производством воротничков? – продолжал Гилберт.

И тон и манеры его были исполнены величайшей снисходительности.

– Да, я очень хотел бы изучить дело, в котором потом можно будет как-то выдвинуться, – добродушно сказал Клайд, стараясь по мере сил и возможности заслужить расположение двоюродного брата.

– Отец говорил мне о своей беседе с вами в Чикаго. Но, как я понял из его слов, у вас нет практического опыта ни в какой области. Вы не знакомы с бухгалтерией?

– К сожалению, нет, – ответил огорченный Клайд.

– И не знаете стенографии или еще чего-нибудь в этом роде?

– Нет, сэр.

Говоря это, Клайд остро чувствовал, как сильно недостает ему хоть каких-нибудь практических знаний. Гилберт смотрел на него теперь, как на совершенно бесполезное для фабрики приобретение.

– В таком случае, – продолжал Гилберт, как будто он только сейчас решил это, а не получил заранее определенных указаний от отца, – я думаю, лучше всего направить нас в декатировочную. Там, собственно, и начинается все производство, так что вы сможете изучать его с самых основ. Мы испробуем вас там, а потом видно будет, что еще можно для вас сделать. Будь вы хоть как-то подготовлены к конторской работе, можно было бы использовать вас здесь. (Лицо Клайда омрачилось, и это было приятно Гилберту.) Но раз вы хотите изучить практическую сторону дела, с таким же успехом можно начать и там, – прибавил он холодно, вовсе не для того, чтобы утешить Клайда, а просто устанавливая факт. И так как Клайд молчал, он продолжал: – Я полагаю, прежде чем приступить к работе, вам следует где-нибудь устроиться. Вы еще не нашли себе комнаты?

– Нет, я приехал с двенадцатичасовым поездом и хотел немножко почиститься с дороги, так что остановился в отеле. Я думал, что после подыщу себе комнату.

– Ну и прекрасно. Искать ничего не надо. Я скажу нашему управляющему, чтобы он указал вам какой-нибудь хороший пансион. Он знает город лучше, чем вы.

Гилберт подумал, что как-никак Клайд все же их близкий родственник, и не годится, чтобы он поселился где попало. В то же время он вовсе не желал, чтобы Клайд вообразил, будто семью Грифитс очень трогает, где и как он живет, – сам Гилберт считал, что их это ничуть не касается. В конце концов он решил, что ему нетрудно будет поставить Клайда в такие условия и так следить за ним, чтобы он не мог приобрести какое-то значение в их семье, в глазах его отца или людей, работающих на фабрике.

Он протянул руку и нажал кнопку звонка. Вошла очень строгая и сдержанная на вид девушка в зеленом бумажном платье.

– Попросите мистера Уигэма.

Она исчезла, и тотчас в кабинет вошел служащий лет сорока, среднего роста, довольно полный, но подвижный и как будто чем-то крайне встревоженный. Казалось, это человек сдержанный и скрытный; он пытливо, подозрительно осматривался, словно стараясь понять, откуда грозит новая неприятность. Он не поднимал головы и, казалось, предпочитал не глядеть на собеседника.

– Уигэм, – властно заговорил Грифитс-младший, – это Клайд Грифитс, наш родственник. Помните, я говорил вам о нем?

– Да, сэр.

– Так вот, его нужно поместить для начала в декатировочный цех. Вы покажете ему, что он должен делать. А потом пусть миссис Брейли укажет ему, где он может достать себе комнату. (Все это было решено и сказано Уигэму уже неделю назад, но сейчас Гилберт говорил так, словно он сам только что это решил.) И пусть табельщик внесет его имя в списки. Он начинает работать с завтрашнего утра. Понятно?

– Понятно, сэр. – Уигэм почтительно поклонился. – Это все?

– Да, все, – важно заключил Гилберт. – Вы пойдете вместе с Уигэмом, мистер Грифитс; он вам все объяснит.

Уигэм повернулся к Клайду.

– Прошу пожаловать за мной, мистер Грифитс, – сказал он очень почтительно, несмотря на то, что двоюродный брат явно смотрел на Клайда сверху вниз; Клайд отметил это про себя, выходя из кабинета вслед за Уигэмом.

Гилберт тотчас вернулся к своим бумагам, но при этом покачал головой. Он решил, что в умственном отношении Клайд, вероятно, ничуть не выше любого рассыльного в большом отеле. Иначе зачем бы он явился сюда? «Хотел бы я знать, на какую работу он рассчитывает? – думал Гилберт. – Чего он собирается достигнуть?»

А Клайд, идя за Уигэмом, размышлял о том, какой завидный пост занимает мистер Гилберт Грифитс. Уж наверно, он приходит и уходит, когда ему вздумается, – является в контору поздно, уходит рано, живет где-то в этом занятном городе, конечно, в прекрасном доме, вместе со своими родителями и сестрами. А вот он, двоюродный брат Гилберта, племянник богача Сэмюэла Грифитса, отправляется теперь на самую унизительную работу, какая только есть на этой огромной фабрике.

Тем не менее, выйдя из кабинета и оказавшись вне поля зрения мистера Гилберта Грифитса, Клайд сразу отвлекся от невеселых мыслей, пораженный видом и шумом гигантского предприятия. На том же этаже, за громадной конторой, через которую он проходил к Гилберту, находилось другое, еще большее помещение, уставленное рядами полок; между рядами оставались только узкие, не шире пяти футов, проходы; полки были заставлены небольшими картонными коробками с воротничками разных размеров, и то пополнялись новыми коробками (их подвозили мальчики со склада на широких деревянных тачках), то вновь быстро опустошались конторщиками, которые, толкая перед собой маленькие тележки, выполняли заказы, все время сверяясь с дубликатами накладных.

– Вы, должно быть, никогда не работали на фабрике воротничков, мистер Грифитс? – спросил Уигэм, который несколько оживился, выйдя из поля зрения Гилберта.

Клайд снова отметил, что его величают «мистером».

– Нет, – быстро ответил он, – мне никогда не приходилось работать в таком месте.

– Хотите постепенно изучить все производство, надо полагать? – продолжал Уигэм.

Он быстро шел по длинному проходу, но Клайд заметил, что его хитрый взгляд шныряет во всех направлениях.

– Да, я хотел бы изучить это дело, – ответил Клайд.

– Ну, это не так легко, как кажется, хотя часто говорят, что тут учиться нечему.

Мистер Уигэм открыл еще одну дверь, пересек мрачный вестибюль и вошел в новое помещение, также уставленное полками, на которых громоздились кипы белой ткани.

– Обратите внимание на это помещение, раз вы начинаете работать в декатировочной, – посоветовал Клайду Уигэм. – Здесь хранится материал, из которого выкраиваются воротнички и подкладка к ним. Эти куски называются «штуками». Отсюда мы их отправляем в подвальное помещение и прежде всего декатируем материю. Если кроить воротнички из полотна или бумажной ткани в том виде, как она поступает к нам, они потом сядут при стирке. Поэтому мы до кройки вымачиваем ткань и затем сушим ее. Впрочем, вы сами увидите.

Он торжественно шагал впереди, и Клайд еще раз почувствовал, что в глазах этого человека он отнюдь не обыкновенный служащий. Поминутное «мистер Грифитс», предположение, что Клайд желает изучить всю практическую сторону дела, обстоятельные объяснения насчет штук ткани – все это убедило Клайда, что мистер Уигэм смотрит на него как на человека, которому, во всяком случае, нужно оказывать некоторое, хотя бы небольшое, уважение.

Раздумывая, что бы это значило, Клайд шел за Уигэмом, и вскоре, спустившись по лестнице, которая вела сюда из третьего вестибюля, они оказались в огромном подвале. Здесь при свете четырех длинных рядов электрических ламп он разглядел большие фаянсовые чаны или желоба, расположенные рядами во всю длину помещения; они, очевидно, были наполнены горячей водой, и в них, под облаками пара, поднимавшегося над водой, мокли те самые штуки ткани, которые Клайд видел наверху. По обе стороны этих желобов, параллельно им, во всю длину помещения – сто пятьдесят футов – стояли огромные сушилки в виде решетчатых подвижных платформ, со всех сторон окруженных паровыми трубами; между ними на особых валиках были развешаны размотанные мокрые штуки таким образом, что, провисая фестонами, они касались горячих труб и медленно двигались на валиках через весь подвал из конца в конец. Это движение сопровождалось ужасающим грохотом и лязгом рычагов, которые автоматически встряхивали развешанное для просушки полотно и передвигали штуки все дальше из восточной части подвала в западную. Там материя, за время движения успевшая высохнуть, вновь автоматически наматывалась на громадную деревянную шпульку; а стоявший рядом молодой рабочий снимал со шпульки готовые штуки. Тем временем другой рабочий, по виду ровесник Клайда, стоя в восточной стороне подвала, одним концом прикреплял штуку еще влажной ткани к движущимся крючкам и следил, чтобы она постепенно и аккуратно разматывалась во всю длину и ложилась на сушилку; как только одну штуку снимали с сушилки, к крючкам прикрепляли новую.

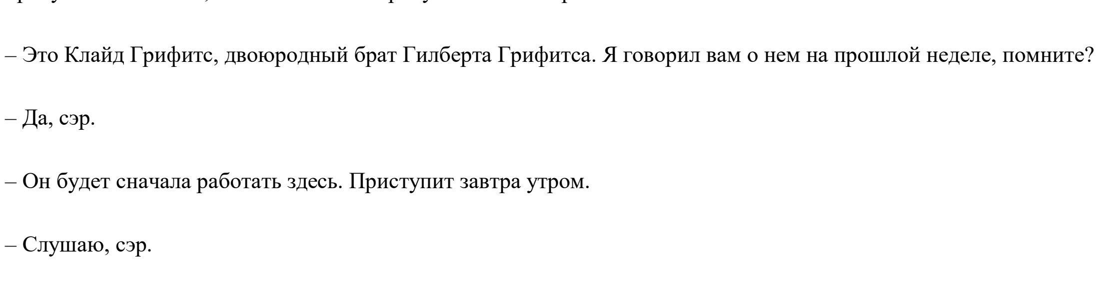
Посреди подвала, между каждыми двумя рядами чанов, стояли огромные вертящиеся сепараторы, или выжималки, – сюда полотно клали после того, как его вынимали из чанов, где оно мокло не менее суток. Механические выжималки отделяли почти всю влагу, – столько, сколько можно удалить центробежным движением машины, – и лишь после этого штуки развешивались на сушилках для окончательной просушки.

Вначале до сознания Клайда дошли чисто физические свойства этого помещения: шум, жара, пар, напряженная работа мужчин и мальчиков, стоявших у машин. На всех рабочих были только рубашки без рукавов, старые стянутые поясом штаны и парусиновые туфли на резиновой подошве, надетые на босу ногу. Очевидно, одеваться так заставляли вода, жара и сырость, царившие в помещении.

– Вот это и есть декатировочный цех, – заметил Уигэм, когда они вошли.

– Правда, здесь не так приятно, как в других цехах фабрики, но именно здесь начинается производственный процесс. Кемерер! – позвал он.

К нему подошел невысокий коренастый широкогрудый человек с бледным полным лицом и белыми мускулистыми руками, одетый в грязные, измятые штаны и фланелевую рубашку без рукавов. Он держался так же подобострастно и почтительно в присутствии Уигэма, как сам Уигэм в присутствии Гилберта.

– Это Клайд Грифитс, двоюродный брат Гилберта Грифитса. Я говорил вам о нем на прошлой неделе, помните?

– Да, сэр.

– Он будет сначала работать здесь. Приступит завтра утром.

– Слушаю, сэр.

– Внесите его имя в табель. Он будет работать в обычные часы.

– Слушаю, сэр.

Мистер Уигэм, как заметил Клайд, держал голову выше и говорил решительнее и авторитетнее, чем до сих пор. Теперь он казался начальником, а не подчиненным.

– Работа здесь начинается в половине восьмого, – продолжал он, обращаясь к Клайду. – Но все рабочие приходят хотя бы минут на десять раньше, чтобы было время переодеться и подойти к машинам. А теперь, если хотите, мистер Кемерер покажет вам, что вы должны делать завтра. Это сбережет немного времени. Но можете отложить на завтра, если хотите. Это не имеет значения. И вот что: если по дороге отсюда вы подойдете примерно в половине шестого к главному входу, – знаете, где сидит телефонистка, – я пришлю туда миссис Брейли; она укажет вам, где можно снять комнату. Я сам не могу быть в это время, но вы просто спросите у телефонистки, где миссис Брейли, она будет знать. А теперь мне надо идти, – прибавил он и, кивнув на прощание, быстро пошел к выходу.

– Очень вам благодарен, мистер Уигэм… – начал вслед ему Клайд.

Вместо ответа Уигэм махнул жилистой рукой и прошел между чанами к двери. И как только он вышел, мистер Кемерер, все еще нервничая, почтительно начал давать объяснения:

– Насчет своей работы вы не беспокойтесь, мистер Грифитс. Надо будет только притащить сверху отрезы, с которых вы завтра начнете. Но лучше наденьте какой-нибудь старый костюм, если у вас найдется. Такое платье не годится здесь. – И он посмотрел на элегантный, хотя и недорогой костюм Клайда.

В его обращении с Клайдом, так же как перед тем в обращении Уигэма, странно смешивались неуверенность и робость, крайняя почтительность и некое затаенное сомнение, которое могло разрешиться лишь с течением времени. Очевидно, здесь немало значило быть Грифитсом, даже если этот Грифитс – только двоюродный брат и, может быть, не очень приятен своим могущественным родственникам.

В первую минуту, взглянув на этот подвал, так непохожий на все, о чем он мечтал и что надеялся найти на фабрике дяди, Клайд готов был возмутиться. Не в такую компанию он рассчитывал попасть, – люди, работавшие здесь, сразу показались ему гораздо более грубыми и примитивными, чем служащие в «Юнион клубе» или в отеле «Грин-Дэвидсон». А главное, они казались ему приниженными, скрытными, невежественными – просто машины какие-то! Клайд заметил, что, когда он вошел сюда с Уигэмом, рабочие притворились, будто не смотрят в их сторону, а на самом деле все время недоверчиво и подозрительно наблюдали за ними. И к тому же вид их жалкой одежды разом нанес смертельный удар его мечте о том, что, работая на фабрике, он сможет стать изысканнее. Какое несчастье, что он ничему не обучался и не может теперь работать где-нибудь наверху, в конторе!

Он шел за Кемерером, и тот объяснял ему, как отрезы ткани укладывают на ночь в чаны для вымачивания, как работают выжималки, сушилки. Затем Клайду было сказано, что он свободен.

Было только три часа. Через ближайшую дверь Клайд вышел на улицу и поздравил себя с поступлением на службу в столь солидное предприятие. Но сумеет ли он удовлетворить мистера Кемерера и мистера Уигэма? Вдруг нет? Вдруг он не сможет вынести все это? Дело совсем не легкое. Ну что же, думал он, в самом худшем случае можно вернуться в Чикаго или, скажем, поехать в Нью-Йорк и найти там работу.

Но почему Самюэл Грифитс не соизволил его принять? Почему Гилберт Грифитс улыбался так скептически? И что за женщина эта миссис Брейли? Умно ли он поступил, приехав сюда? Захочет ли эта семья хоть чем-нибудь помочь ему теперь, когда он уже здесь?

Занятый этими мыслями, он шел на запад по Ривер-стрит, потом свернул по какой-то улице на север; здесь всюду было множество различных предприятий: фабрики жестяных и плетеных изделий, ковров, большой завод пылесосов. Наконец он забрел в такие жалкие трущобы, каких не видал ни в Чикаго, ни в Канзас-Сити. Клайд был уязвлен и подавлен этим зрелищем, – все здесь говорило о нищете, о грубости и жалком положении жителей, ясно было, что здесь ютятся последние бедняки, отбросы общества; и он поспешно повернул обратно. Он перешел по мосту через реку Могаук и сразу попал в совсем иную обстановку – в район таких же домов, какими он восхищался, прежде чем пойти на фабрику. А затем он вышел на ту красивую, обсаженную деревьями улицу, которой любовался утром: по одному ее виду ясно было, что именно здесь живет высшее общество Ликурга. Она была такая широкая, хорошо вымощенная, по обе ее стороны стояли такие великолепные дома. И Клайд вдруг ужасно заинтересовался населением этой улицы, так как ему пришло в голову, что скорее всего именно здесь живет его дядя. Почти все особняки были выдержаны в стиле лучших образцов французской, итальянской и английской архитектуры, но Клайд этого не понимал.

Он шел все дальше, глядя по сторонам, его поражали размеры и красота этих домов; он был глубоко взволнован видом такого богатства и спрашивал себя, где же именно живет его дядя. С каким чувством собственного превосходства выходит, должно быть, по утрам его двоюродный брат Гилберт из такого дома.

Перед одним из особняков он остановился. Вокруг были посажены деревья, проложены дорожки, разбиты клумбы для цветов, хотя цветов еще не было; в глубине двора стоял большой гараж; слева от дома виднелся фонтан и в центре его статуя – мальчик с лебедем в руках, а справа – группа, отлитая из чугуна: олень, преследуемый собаками. Клайд был восхищен и очарован спокойным благородством этого особняка, выстроенного в староанглийском стиле; мимо как раз проходил плохо одетый человек средних лет, по-видимому рабочий, и Клайд обратился к нему:

– Скажите, мистер, вы не знаете, кто здесь живет?

И прохожий ответил:

– Как не знать! Сэмюэл Грифитс; тот самый, у которого большая фабрика воротничков на том берегу…

И Клайд вздрогнул, точно его облили холодной водой. Дом дяди! Его особняк! Значит, это его автомобиль стоит перед гаражом, а через открытые ворота гаража виден еще другой.

И незрелую и, в сущности, слепую и темную душу Клайда вдруг охватило странное настроение, подобное тому, какое вызывают розы, блеск огней, духи и музыка. Какая красота! Какая роскошь! Никому из членов его собственной семьи и не снилось, что дядя живет так! Какое великолепие! А его родители так несчастны, так бедны, – они, конечно, и сейчас проповедуют где-нибудь на улицах Канзас-Сити или Денвера. Руководители миссии! И хотя ни один из этих богатых родственников, кроме сухаря-кузена (да и то только на фабрике), не потрудился повидаться с ним, хотя его с таким равнодушием назначили на самую черную работу, он все же повеселел и воспрянул духом. В конце концов, он ведь тоже Грифитс, двоюродный брат и родной племянник важных персон в Ликурге, и, как бы то ни было, теперь он начинает у них работать. И разве это не означает, что его ждет гораздо лучшее будущее, чем все, на что он мог надеяться до сих пор? Нужно только вспомнить, что значат Грифитсы здесь и что «значат» Грифитсы в Канзас-Сити или, скажем, в Денвере. Какой потрясающий контраст! Но это нужно скрывать как можно тщательнее. Клайд снова приуныл. Что, если здешние Грифитсы – его дядя, или двоюродный брат, или кто-нибудь из их друзей или служащих – станут наводить справки о его родителях и о его прошлом? Какой ужас! Эта история с убитым ребенком в Канзас-Сити! Жалкое существование родителей! Эста! И снова лицо его вытянулось, и мечты померкли. Вдруг они догадаются! Вдруг почувствуют!

О, дьявольщина! Кто он, в конце концов? Что он, в сущности, собой представляет? Чего он может ожидать от этого великолепного мира, если узнают, почему он сюда явился?

Клайд повернул назад: он был угнетен и даже противен самому себе, ибо разом почувствовал себя совершеннейшим ничтожеством.

Глава 6

Комната, которую при помощи миссис Брейли Клайд снял в тот же день, находилась на Торп-стрит – улице, по своим достоинствам, да и по расстоянию, очень далекой от той, где жил его дядя. Разница была вполне достаточная, чтобы сдержать возрастающее стремление Клайда считать себя как-никак человеком, близким Сэмюэлу Грифитсу. Дома здесь были невзрачные, выкрашенные коричневой, серой или бурой краской, изрядно закопченные и ветхие; деревья стояли обнаженные под зимним ветром и все же, наперекор дыму и пыли, словно обещали совсем скоро новую жизнь – листья и цветы мая. Свернув вместе с миссис Брейли на эту улицу, Клайд увидел унылую, бесцветную толпу: с различных фабрик за рекой возвращались после работы мужчины, девушки и старые девы, похожие на его спутницу. В дверях дома Клайда и миссис Брейли встретила не слишком вежливая женщина в чистом переднике поверх коричневого платья; она провела их на третий этаж, в довольно просторную и прилично обставленную комнату, и назначила за нее четыре доллара без стола и семь с половиной со столом; миссис Брейли сказала, что он не найдет ничего лучшего за эту цену, и Клайд решил согласиться. Здесь он и остался, поблагодарив миссис Брейли, и вскоре уже сидел за обеденным столом в обществе нескольких служащих с товарных складов и фабрик – людей вроде тех, с которыми он вначале имел дело на Полина-стрит в Чикаго, прежде чем попал в лучшую обстановку «Юнион клуба». После обеда он пошел пройтись по главным улицам Ликурга; тут во множестве бродили неопределенного вида рабочие; судя по тому, как выглядели эти улицы днем, он никак не ожидал, что вечером их заполняет такого рода толпа. Здесь были девушки и юноши, мужчины и женщины различных национальностей и типов: американцы, поляки, венгры, французы, англичане; и в большинстве, если не во всех, чувствовалось что-то общее, – они были невежественные, грубые, неотесанные, им недоставало вкуса, живости или уверенности в себе; все это свидетельствовало об их принадлежности к тому низшему миру, с которым сегодня столкнулся Клайд. Однако на некоторых других улицах и в магазинах поближе к Уикиги-авеню он встретил девушек и молодых людей иного типа, нарядных и оживленных. Несомненно, это были конторские служащие предприятий, расположенных на том берегу.

Клайд бродил по городу с восьми до десяти часов; в десять, точно по уговору, толпа стала редеть и самые людные улицы вдруг совсем опустели. На каждом шагу он сравнивал все, что видел здесь, с Чикаго и с Канзас-Сити. (Что сказал бы Ретерер, если б увидел его теперь, и особняк его дяди, и фабрику!) И, может быть, потому, что Ликург был так мал, он понравился Клайду:

понравились и отель «Ликург», нарядный, сияющий огнями, очевидно, центр жизни местного общества, и здание почты, и церковь, украшенная шпилем, и старое кладбище, бок о бок с выставкой автомобилей; и тут же за углом новый кинематограф. И флиртующая молодежь на улицах. И над всем, как смутное предчувствие, юношеский пыл и надежды… Юношеский пыл и надежды – основа всякой созидательной деятельности во всем мире. Наконец он возвратился в комнату на Торп-стрит, окончательно уверенный, что город нравится ему и он рад здесь остаться. Как красива Уикиги-авеню! Какая огромная фабрика у дяди! Сколько хорошеньких, бойких девушек на улицах!

А в это время Гилберт Грифитс (отец его находился по делам в Нью-Йорке, о чем Гилберт не потрудился сообщить Клайду) решил рассказать матери и сестрам, что он видел Клайда и что это если не скучнейшая, то уж, конечно, и не самая интересная личность на свете. В тот день, когда приехал Клайд, Гилберт вернулся домой в половине шестого и, встретившись с Майрой, произнес небрежно:

– Ну, наш чикагский родственник сегодня объявился.

– Вот как? – сказала Майра. – Какой же он?

Так как, по словам отца, Клайд был воспитан и неглуп, она заинтересовалась им; впрочем, зная Ликург, условия работы и жизненные возможности рабочих на таких предприятиях, как фабрика ее отца, она недоумевала, почему Клайд сюда приехал.

– Не вижу в нем ничего особенного, – ответил Гилберт. – Довольно развит и недурен собой, но сам признает, что у него нет никакой подготовки для работы на большом предприятии. Ничем не отличается от любого парнишки, который служит в гостинице. По-моему, он считает, что главное в жизни – это одежда. На нем был светло-коричневый костюм, коричневый галстук и шляпа под цвет, и коричневые башмаки. Галстук слишком яркий, и рубашка в ярко-розовую полоску – такие носили года четыре назад. И притом костюм плохого покроя. Я не хочу теперь ничего говорить, раз он уже здесь, к тому же неизвестно, удержится ли он. Но если удержится и если он собирается изображать здесь нашего близкого родственника, так ему придется сбавить тон, или я посоветую папаше сказать ему пару слов. А вообще, я думаю, из него может получиться толк в качестве начальника цеха… пожалуй, попозже можно будет даже торгового агента из него сделать. И все-таки не понимаю, чего ради он сюда приехал. Наверно, папаша не растолковал ему, как мало здесь шансов выдвинуться. Для этого надо быть настоящим чародеем по меньшей мере.

Гилберт стоял спиной к большому камину.

– Да, но ты слышал, что мама говорила на днях про его отца? Как видно, ему всегда очень не везло. Наверно, папа решил все равно помочь этому Клайду, пригодится он на фабрике или нет. Папа считает, что наш дед был несправедлив к отцу Клайда, – так мне мама сказала.

Майра замолчала, а Гилберт, который тоже слышал от матери такой намек, предпочел не придавать ему значения.

– Ну, меня это мало трогает. Если отец захочет оставить этого молодца на фабрике, не глядя, годится он на что-нибудь или нет, – его дело. Но ведь он сам всегда говорит, что в каждом цехе нужны только умелые люди и что мертвый груз надо выкидывать за борт.

Позже, увидевшись с матерью и Беллой, Гилберт и им в таком же духе преподнес новость о приезде Клайда и свои соображения на этот счет. Миссис Грифитс вздохнула: в таком городке, как Ликург, при таком положении в обществе, какое занимает семья Грифитс, всякий, кто состоит с ними в родстве и носит их имя, должен быть крайне осмотрительным и иметь соответствующие манеры, склонности и взгляды. Пожалуй, муж поступил не совсем благоразумно, выписав сюда молодого человека, который никак не отвечает этим требованиям.

Но Белла, выслушав такую характеристику Клайда, не поверила брату. Она не знала Клайда, зато знала Гилберта, и ей было известно, что он очень легко может найти в человеке всевозможные недостатки, которых у того никогда и не было. И, выслушав за обедом еще какие-то его замечания по адресу Клайда, она сказала:

– Ну, знаешь, если папа захочет, так он все равно оставит его на фабрике или еще как-нибудь его устроит…

От этих слов Гилберта передернуло, как от пощечины; он очень ревниво оберегал свой авторитет на отцовской фабрике, всячески старался укрепить и расширить его, и младшая сестра хорошо это знала.

А Клайд, явившись на следующее утро на фабрику, заметил, что его имя и внешность – его сходство с Гилбертом Грифитсом – были своеобразным преимуществом, которое он еще не мог по-настоящему оценить. Когда он подошел к фабрике, сторож у входа *N1 посмотрел на него в изумлении*.

– Вы, верно, мистер Клайд Грифитс? – спросил он. – Вы будете работать у мистера Кемерера? Так, так, знаю. Вон тот человек выдаст вам табель. – И он указал на грузного угрюмого старика, которого, как позже узнал Клайд, звали «старик Джефф». Он стоял у контрольных часов в глубине того же помещения, выдавал табели и после отметки получал их обратно между семью тридцатью и семью сорока.

Когда Клайд подошел к нему со словами:

– Меня зовут Клайд Грифитс, я буду работать внизу, у мистера Кемерера,

– старик удивился, потом сказал:

– Да, конечно, слушаю, сэр. Значит, вы и есть мистер Грифитс. Мистер Кемерер вчера говорил мне про вас. Ваш номер будет семьдесят первый. Я даю вам старый номер мистера Дювени.

А когда Клайд спустился по лестнице, ведущей в декатировочный цех, старый табельщик повернулся к сторожу, который тем временем подошел поближе, и воскликнул:

– Ну до чего же этот малый похож на мистера Гилберта! Вылитый портрет! Он что же, брат или родственник?

– Ничего не знаю, – ответил сторож. – Никогда его раньше не видел. А только он наверняка им родня, сразу видно. Я сперва подумал, что это мистер Гилберт. Я уж собирался снять фуражку, да разглядел, что это не он.

Войдя в декатировочную, Клайд увидел Кемерера, такого же почтительного и уклончивого, как и накануне, потому что Кемерер, так же как и Уигэм, все еще не мог определить настоящее положение Клайда на фабрике. Правда, как Кемерер знал от Уигэма, Гилберт ни словом не дал понять, что Клайда нужно поставить в какие-то особые, более легкие или более тяжелые условия. Напротив, мистер Гилберт сказал: «Он должен работать так же, как все служащие. Никаких исключений». И, однако, знакомя Клайда с Уигэмом, он сказал также: «Это мой двоюродный брат, он хочет изучить наше дело», – и это, наверно, означает, что Клайд не останется здесь надолго, а будет переходить из одного цеха в другой, пока не изучит всего производства. Поэтому, когда Клайд ушел, Уигэм шепнул Кемереру и нескольким другим служащим, что хозяин, видно, покровительствует Клайду, – и соответственно они решили держать ухо востро, пока не выяснится, каково же его положение на фабрике.

А Клайд, заметив их почтительность, воспрянул духом и невольно подумал, что, как бы там ни относился к нему двоюродный брат Гилберт, это хороший знак и, пожалуй, предвещает какие-нибудь милости со стороны дяди. И потому, когда Кемерер стал объяснять, что работа у него будет не слишком тяжелая и ему не придется пока работать чересчур много, Клайд выслушал его с несколько снисходительным видом. А Кемерер поэтому стал еще почтительнее.

– Теперь повесьте шляпу и пальто вот сюда, в один из шкафчиков, – продолжал он мягко и даже подобострастно. – Потом возьмите вон там тележку, поднимитесь в первый этаж и привезите несколько штук ткани. Вам покажут, где их взять.

Для Клайда наступили интересные, но нелегкие дни. По временам непривычная рабочая среда и его собственное положение здесь вызывали в нем растерянность и тревогу. Людей, окружавших его на фабрике, он вряд ли когда-нибудь выбрал бы себе в товарищи. Все они по своему развитию были значительно ниже мальчиков-рассыльных, возчиков или клерков; он видел, что они неповоротливы, грубы и неотесаны. Одевались они как рабочие самого низшего разряда, – так обычно одеваются люди, для которых собственная внешность – последнее дело: все их мысли были о работе и тяжелых материальных условиях жизни. Кроме того, не зная, кто такой Клайд и ка-к может отразиться его появление здесь на их собственном положении, рабочие относились к нему недоверчиво и подозрительно.

Правда, недели через две, когда стало известно, что Клайд – племянник председателя правления и двоюродный брат секретаря и, значит, вряд ли останется надолго на низших ролях, рабочие стали относиться к нему лучше; но теперь они смотрели на него снизу вверх и стали подозрительными и завистливыми на другой лад. В конце концов, Клайд не был и не мог в этих условиях быть для них своим. Пусть он улыбается, пусть он вполне вежлив, а все-таки он всегда будет связан с теми, кто стоит выше их, – по крайней мере, так они думали. Он был в их глазах частью высшего класса – класса богатых, а каждый бедняк знает, что это значит. Бедняки должны держаться друг Друга.

А Клайд, съедая в одиночестве свой завтрак, удивлялся, как эти люди могут интересоваться тем, что ему кажется таким скучным: приходящей к ним в подвал тканью, какими-нибудь мелкими недостатками в ее весе или качестве, тем, что последние двадцать штук не так сильно сели, как предыдущие шестнадцать… или тем, что «Компания Крэнстон» в этом месяце сократила число рабочих, а «Компания Энтони» объявила, что суббота будет считаться неполным рабочим днем только после первого

июня, а не с середины мая, как в прошлом году. Все они, казалось, были поглощены своей работой, скучными, будничными мелочами.

И все чаще Клайд мысленно возвращался к прошлым, более счастливым временам. Порою ему хотелось снова оказаться в Чикаго или в Канзас-Сити. Он вспоминал Ретерера и его сестру Луизу, Хегленда, Хигби, Эдди Дойла, мистера Скуайрса, Гортензию – всю свою молодую, беззаботную компанию, и думал: что с ними сталось? Где теперь Гортензия? Все-таки она в конце концов получила тот меховой жакет, – наверно, от продавца сигар, и уехала с ним… а еще уверяла Клайда в своих чувствах, маленькая каналья! И вытянула у него все деньги! При одной только мысли о ней и о том, чем бы она стала для него, если бы все сложилось по-другому, Клайду подчас становилось не по себе. С кем она теперь любезничает? Как устроилась, уехав из Канзас-Сити? И что сказала бы она, если бы увидела его здесь и узнала о его высоких связях? Это заставило бы ее призадуматься! Его теперешняя должность не очень бы ей понравилась, это ясно. Но все-таки она стала бы больше уважать его, если б увидела его дядю и двоюродного брата, и эту фабрику, и их большой особняк. Тогда б она опять стала мила с ним, – это на нее похоже. Ну, если только они еще когда-нибудь встретятся, он ей покажет! Уж конечно, он тогда сумеет натянуть ей нос.

Глава 7

Меблированные комнаты миссис Каппи оказались не особенно приятным местом для Клайда. Это был самый обыкновенный дешевый пансион; тут обычно селились благонамеренные дельцы и служащие, которые считали, что их работа, их заработок и религиозные воззрения средних слоев местного общества – это и есть необходимая основа порядка и благополучия в мире. В общем это был очень скучный дом, о веселье, о развлечениях здесь нечего было и думать.

И все-таки жизнь здесь оказалась для Клайда не совсем лишенной интереса благодаря Уолтеру Дилларду, легкомысленному юнцу, недавно приехавшему из Фонды. Этот Диллард был ровесник Клайда и такой же честолюбец, но он не обладал тактом Клайда и уменьем разбираться в людях и в жизни; он служил у «Старка и Кь», в магазине мужского платья. Диллард был очень бойкий и алчный, довольно смазливый, с очень светлыми волосами и жидкими светлыми усиками; у него были вкрадчивые манеры и повадки провинциального сердцееда. У Дилларда никогда не было никаких средств, и он никогда не занимал сколько-нибудь значительного положения в обществе, – его отец когда-то имел галантерейную лавку в маленьком городишке и давно разорился,

– но в силу каких-то атавистических побуждений он страстно жаждал выдвинуться.

До сих пор Диллард ничего не достиг и потому с особым интересом относился к тем, кому это удалось; эти чувства были в нем даже сильнее, чем в Клайде. На него произвела огромное впечатление деятельность видных семейств Ликурга и роскошь, в которой жили все эти Николсоны, Старки, Гарриэты, Грифитсы, Финчли и прочие. Узнав через несколько дней после приезда Клайда, что он хоть и косвенно, а все же связан с этим миром, Диллард всполошился. Как! Грифитс, племянник богача Сэмюэла Грифитса, – здесь, в пансионе? Рядом с ним за одним столом? И Уолтер тотчас решил поскорее завязать знакомство с этим приезжим. Вот удача стучится в его двери, открывая ему доступ в одну из лучших семей Ликурга! К тому же Клайд молод, красив и, вероятно, честолюбив, как и он сам, – подходящая компания, когда хочешь весело проводить время. Диллард просто не верил своему счастью и сразу же стал ухаживать за Клайдом.

Прежде всего он предложил Клайду пройтись. Тут недалеко, около реки, превосходный кинематограф – просто шикарный. Не хочет ли Клайд пойти туда?

Хорошо одетый, щеголеватый Диллард был совсем не похож ни на скучных чересчур практически мыслящих людей, работающих на фабрике, ни на остальных обитателей пансиона и потому понравился Клайду.

Но тут же Клайд подумал о своих важных родственниках. Здесь, в Ликурге, он должен следить за каждым своим шагом. Кто знает, может быть, это большая ошибка – так легко и свободно завязывать новые знакомства? Грифитсы, как и весь тот круг, к которому они принадлежат, должно быть, держатся особняком от простых смертных: он догадывался об этом по поведению всех, с кем ему приходилось сталкиваться. Следуя скорее инстинкту, нежели рассудку, Клайд тоже не сближался с окружающими и смотрел на всех свысока, и за это все вокруг, начиная с того же Дилларда, на котором он упражнялся в этом тоне превосходства, казалось, только больше уважали его. Уступая горячим просьбам и даже своего рода мольбам Дилларда, Клайд все же пошел с ним, но держался очень осторожно. А Диллард сразу же счел сдержанные и надменные манеры Клайда признаком «класса» и «связей». Подумать только, что он встретился с таким человеком в этих мрачных, унылых меблированных комнатах! И как раз после его приезда, в самом начале его карьеры!

И Диллард вел себя с Клайдом как истый льстец, хотя занимал лучшее положение, чем Клайд, и зарабатывал больше: двадцать два доллара в неделю.

– Вы, вероятно, будете проводить большую часть времени со своими родственниками и друзьями? – сказал, между прочим, Диллард во время их первой совместной прогулки.

Он старался вытянуть из Клайда побольше сведений о нем, но тот отмалчивался, тогда как Диллард успел уже ввернуть в разговор кое-какие изрядно приукрашенные подробности собственной биографии. У его отца теперь галантерейный магазин. Сам он приехал сюда, чтобы изучить нововведения в этом деле. Его дядя служит здесь у «Старка и Кь». У него уже есть в Ликурге приятные знакомые, – правда пока еще немного: ведь он сам здесь недавно – всего четыре месяца.

Но родственники Клайда!

– Скажите, ваш дядя, наверно, стоит больше миллиона? Говорят, что да. Эти дома на Уикиги-авеню – лакомый кусочек! Шикарнее не найти ни в Олбани, ни в Утике, ни даже в Рочестере. Так вы родной племянник Сэмюэла Грифитса? Да что вы! Это здесь много значит. Хотел бы я иметь такие связи! Будьте уверены, я бы их использовал.

Он с восхищенной улыбкой посмотрел на Клайда, и тот еще яснее почувствовал, как в самом деле важны его родственные связи. Подумать только, какое значение придает им этот странный молодой человек.

– Ну, не знаю, – уклончиво ответил Клайд; все же он был очень польщен предположениями о такой его близости со здешними Грифитсами. – Я приехал сюда, чтобы изучить производство воротничков. Я не собираюсь развлекаться. Дядя хочет, чтобы я всерьез занялся этим делом.

– Ну, конечно, конечно. Это мне знакомо, – ответил Диллард. – Мой дядюшка тоже так настроен. Он хочет запрячь меня в работу и требует, чтобы я не тратил времени зря. Он, знаете ли, служит у Старка закупщиком. Но нельзя же работать без передышки. Надо и развлечься когда-нибудь.

– Да, вы правы, – сказал Клайд впервые в своей жизни несколько снисходительным тоном.

Некоторое время они шли молча; потом Уолтер спросил:

– Вы танцуете?

– Да, – ответил Клайд.

– Я тоже. Здесь сколько угодно дешевых дансингов, но я туда не хожу. Нельзя бывать в таких местах, если хочешь поддерживать знакомство с порядочными людьми. Говорят, в этом городе хорошее общество держится ужасно замкнуто. Если не принадлежишь к их кругу, с тобой просто не желают иметь дела. И в Фонде то же самое. Вы должны «принадлежать к свету», а иначе вам некуда деваться. Да, пожалуй, это и правильно. Но тут все-таки найдутся девушки, с которыми можно и повеселиться и потанцевать, – очень милые девушки и из хороших семей, – конечно, не из высшего общества, но все же о них ничего дурного не говорят. И они не такие уж тихони. Иногда даже совсем наоборот. И вы не обязаны вступать в законный брак.

Клайд подумал, что, пожалуй, это слишком легкомысленное знакомство для его новой жизни в Ликурге. В то же время Диллард ему нравился.

– Кстати, – продолжал Диллард, – что вы делаете в это воскресенье, после обеда?

– Ничего особенного как будто, – ответил Клайд, чувствуя, что перед ним возникает новая задача. – Просто я пока еще не знаю, как у меня все сложится.

– Ну, а если вы будете свободны? Может, проведем вечер вместе? Я здесь познакомился с несколькими девушками. Очень милые! Сначала, если хотите, мы зайдем к моему дяде. У него семья, все очень милые люди. А потом я тут знаю двух девушек… прелесть! Одна работала в магазине, но теперь ушла оттуда и нигде не служит. А другая – ее подруга. У них дома есть граммофон, и обе танцуют. Правда, здесь не полагается танцевать по воскресеньям, но об этом никто не узнает. Девушкам родители позволяют. А после мы можем пойти с ними куда-нибудь в кино, если вы захотите. Не в какую-нибудь киношку на окраине, а где получше. Согласны?

И перед Клайдом встал вопрос, как поступить, как ответить на такое предложение. В Чикаго, после того, что случилось в Канзас-Сити, он старался вести себя очень скромно и осторожно. Попав на службу в «Юнион клуб», он решил, что будет строить свою жизнь в соответствии с идеалами, какие внушало ему это, по всей видимости, столь строгое учреждение: держаться солидно, усердно работать, копить деньги, одеваться элегантно, но без франтовства, по-джентльменски. Это был этакий рай без Евы.

Но, как ни скромно было теперь его непосредственное окружение, казалось, самый воздух этого города будил в нем жажду удовольствий, о которых говорил сейчас его спутник: хотелось повеселиться немного, пожалуй, даже самым невинным образом, но все-таки в женском обществе. Улицы по вечерам так оживлены, полны хорошеньких девушек и молодых людей… Но что подумают его вновь обретенные родственники, если он позволит себе развлекаться в таком духе, как намекает Диллард? И ведь он сам говорит, что в Ликурге нравы строгие и всем все известно друг о друге. Клайд молчал, обуреваемый сомнениями. Надо было решать. Но он слишком стосковался в одиночестве и потому, наконец, ответил:

– Ну, хорошо, я, пожалуй, согласен. – Потом прибавил немного неуверенно: – Знаете, мои здешние родственники…

– Конечно, я понимаю, – быстро ответил Диллард. – Вам надо быть поосторожнее. Да и мне тоже.

Только бы ему появиться где-нибудь с одним из Грифитсов, даже с этим приезжим, который здесь еще почти ни с кем не знаком. Это наверняка подымет и его самого во мнении окружающих.

И Диллард предложил купить Клайду папирос и спросил, не хочет ли он выпить содовой воды. Но Клайд все-таки чувствовал себя неловко и неуверенно; извинившись, он вскоре простился: ему наскучило самодовольство Дилларда и это преклонение перед «высшим обществом». Клайд вернулся домой. Он давно обещал написать матери и теперь решил исполнить обещание, а заодно подумать, стоит ли поддерживать новое знакомство.

Глава 8

Назавтра была суббота, работа закончилась рано (на фабрике Грифитсов суббота круглый год была коротким рабочим днем), и Уигэм явился с платежными конвертами.

– Вот, пожалуйста, мистер Грифитс, – сказал он таким тоном, будто Клайд был на фабрике важной особой.

С удовольствием выслушав это «мистер», Клайд взял конверт и, подойдя к своему шкафчику, разорвал бумагу и переложил деньги в карман. Потом оделся и отправился домой завтракать. Но, оказавшись в своей комнате, он почувствовал себя очень одиноко; Дилларда не было, он еще работал, и Клайд решил проехаться на трамвае в Гловерсвил – соседний городок тысяч на двадцать жителей, по слухам, очень оживленный, хотя и не такой красивый, как Ликург. Эта поездка очень развлекла Клайда: он увидел действительно интересный город, совсем непохожий на Ликург по своей социальной структуре.

Но следующий день – воскресенье – Клайд скучал, в одиночестве бродя по Ликургу. Дилларду пришлось уехать по каким-то делам в Фонду, и он не мог выполнить свое обещание. Зато, встретясь с Клайдом в понедельник вечером, он объявил, что в ближайшую среду на Дигби-авеню состоится собрание прихожан конгрегационалистской церкви; туда стоит пойти, так как будет угощение.

– Мы забежим туда на минутку, – объяснял Диллард. – Поболтаем с девушками. Я познакомлю вас с дядей и теткой, – очень славные люди. И девушки милые, не недотроги. Мы можем удрать оттуда часов в десять и пойти к Зелле или к Рите. У Риты много хороших граммофонных пластинок, зато у Зеллы просторнее, удобней танцевать. Кстати, вы не захватили из Чикаго свой фрак?

Дело в том, что Диллард в отсутствие Клайда уже обследовал его комнату (Клайд жил как раз над ним, на третьем этаже) и нашел там один только чемодан; не видно было ни сундука, ни фрака. Поэтому Диллард решил, что, хотя отец Клайда и содержит отель, а сам Клайд работал в Чикаго в «Юнион клубе», он, должно быть, очень равнодушен к одежде и к тому, как принято одеваться в обществе. Или же он хочет жить на собственный счет, не пользуясь чьей-либо помощью, и вырабатывает в себе твердый характер. Все это не особенно нравилось Дилларду. Человек не должен пренебрегать требованиями общества. Однако Клайд был *Грифитс*, и этого было достаточно, чтобы Диллард на все смотрел сквозь пальцы, – по крайней мере, первое время.

– Нет, фрака я не привез, – ответил Клайд, все еще не вполне уверенный, несмотря на свое одиночество, стоит ли ему участвовать в этой авантюре. – Но я достану.

Он уже не раз думал, что в Ликурге фрак ему необходим, и хотя за последнее время деньги доставались ему тяжелым трудом и откладывать было нелегко, он решил истратить тридцать пять долларов на покупку вечернего костюма.

Диллард болтал о Зелле и Рите; родители Зеллы Шумэн небогаты, но живут в собственном доме, и у нее часто бывают подруги – прелестные девушки. У Риты Дикермен тоже много подруг. У отца Зеллы есть еще маленькая дача на озере Экерт, близ Фонды. Летом – если только Рита понравится Клайду – туда можно будет иной раз съездить во время отпуска или на субботу и

воскресенье, так как Рита и Зелла почти неразлучны. И обе хорошенькие. Зелла брюнетка, а Рита светлая, прибавил он с восторгом.

Клайд заинтересовался: девушки хорошенькие! И как это на него в его одиночестве свалился, точно с неба, этот Диллард и носится с ним… Но еще вопрос – благоразумно ли сближаться с Диллардом? Ведь, в конце концов, Клайд ничего о нем не знает. Сейчас он видел по манерам и легкомысленной восторженности Дилларда, что тому куда интереснее сами девушки, вольность или даже некоторая распущенность их поведения, а вовсе не то, к какому обществу они принадлежат. А разве не это привело Клайда к катастрофе в Канзас-Сити? Здесь, в Ликурге, отнюдь не следует забывать об этом, если он хочет чего-то добиться в жизни.

Тем не менее в среду, в половине девятого, Клайд вышел из дому вместе с Диллардом, преисполненный всяческих ожиданий. В девять часов они были уже на месте, в самой гуще одного из тех отчасти религиозных, отчасти светских, отчасти благотворительных собраний, какие устраиваются формально для того, чтобы собрать некоторые средства для нужд местной церкви, а по существу больше затем, чтобы дать пожилым случай встретиться и посплетничать, а молодежи – покритиковать старших и пофлиртовать под шумок. Тут были киоски, торговавшие чем угодно – от пирожков, печенья и мороженого до кружев, кукол и всевозможных безделушек. Все это было пожертвовано прихожанами и продавалось в пользу церкви. Гостей принимали пастор, преподобный Питер Изрилс, и его жена. В числе гостей были дядя и тетка Дилларда, общительная, но скучная чета, явно не игравшая никакой роли в здешнем обществе. Они были очень добродушны и чересчур – до фамильярности – приветливы, хотя дядя Дилларда, Гровер Уилсон, будучи агентом по закупкам фирмы «Старк и Кь», пытался иногда принять серьезный и важный вид. Этот невысокий, коренастый человек, по-видимому, не умел прилично одеваться или не имел для этого средств. В противоположность своему племяннику, одетому почти безукоризненно, он был облачен в плохо сидящий, не совсем чистый и невыутюженный костюм. Галстук был под стать костюму. Держался Уилсон как истый клерк: потирал руки, хмурил брови, почесывал в затылке, точно собираясь сказать нечто весьма важное, требующее от него крайнего умственного напряжения, – и, однако, изрекал лишь одни банальности.

Под стать ему была и его толстуха жена; пока супруг старался придать себе важный вид, чтобы казаться достойным своего собеседника, миссис Уилсон стояла рядом, расплываясь в сияющей жирной улыбке. Грузная, с розовыми щеками и уже заметным двойным подбородком, она все улыбалась и улыбалась, потому что вообще была от природы веселой и доброй женщиной, а в частности, и потому, что Клайд был племянником *такого человека*. Ибо, как понял Клайд, Диллард не терял времени и постарался втолковать своим родственникам, что Клайд – из Грифитсов и что он, Диллард, уже подружился с этим новым Грифитсом и теперь вводит его в местное общество.

– Уолтер сказал нам, что вы приехали работать на фабрике вашего дяди. Значит, вы поселились у миссис Каппи? Я не знакома с ней, но слышала, что у нее очень приличный, очень порядочный пансион. Там живет мистер Пароли,

– когда-то мы с ним вместе ходили в школу, но теперь я редко его вижу. Вы еще не знакомы с ним?

– Нет, не знаком, – ответил Клайд.

– А знаете, в прошлое воскресенье мы ждали вас к обеду. Но Уолтеру пришлось съездить домой. Непременно приходите к нам поскорее. В любое время. Я буду вам очень рада.

Она улыбнулась, и ее карие глазки весело блеснули.

Клайд видел, что благодаря репутации своего дяди он – настоящая находка для этой четы. Но и все остальные – старые и молодые – отнеслись к нему так же: пастор Изрилс и его жена, Майк Бампас – местный торговец типографскими красками и его жена и сын; Максимилиан Пик – торговец сеном, зерном и кормовыми травами оптом и в розницу и его жена; мистер Уитнэс – торговец цветами, мистер Троп – агент по продаже земельных участков. Все много слышали о Сэмюэле Грифитсе и его семье и были крайне заинтересованы и удивлены тем, что среди них оказался племянник такого богача. Им только не нравилось, что Клайд держался очень мягко, нисколько не важничая – не слишком заносчиво и пренебрежительно; в большинстве это были люди того типа, что уважают заносчивость даже если на словах осуждают ее. Особенно заметно это было по поведению молодых девушек.

Диллард считал своим долгом каждому сообщить о важных родственных связях Клайда.

– Это Клайд Грифитс, племянник Сэмюэла Грифитса, двоюродный брат Гилберта Грифитса. Он приехал в Ликург, чтобы изучить производство воротничков на фабрике своего дяди.

И Клайду, знавшему, как далеко это от истины, все-таки было очень приятно видеть, какое впечатление эти слова производили на слушателей.

Но какова наглость Дилларда! Найдя в Клайде опору, он осмелел и со всеми разговаривал покровительственным тоном. Он не покидал Клайда ни на минуту и подводил его то к одному, то к другому. Он явно решил показать всем своим знакомым девушкам и молодым людям, кто такой Клайд, и внушить, что именно он, Диллард, вводит его в здешнее общество. Но с теми, кого он не любил, он Клайда не знакомил. «Она не заслуживает внимания, – предостерегал он. – Ее отец всего-навсего содержит маленький гараж. На вашем месте я не стал бы тратить время на такое знакомство». Или: «Он ничего не стоит – просто приказчик из нашего магазина». В то же время, говоря о тех, кто был ему симпатичен, он рассыпался в улыбках и комплиментах или, на худой конец, старался извинить перед Клайдом их недостаточно высокое положение.

Наконец Клайд был представлен Зелле Шумэн и Рите Дикермен, которые по каким-то своим соображениям явились с некоторым опозданием. Скорее всего им хотелось показать, что они здесь самые искушенные в светских обычаях и не похожи на других. И в самом деле, как несколько позже убедился Клайд, они выделялись среди остальных девушек, с которыми познакомил его Диллард: были не так скромны и чопорны, менее тверды в правилах религии и морали. Сами себе в этом не признаваясь, они были совсем не прочь доставить себе далеко не благочестивые удовольствия, – но, разумеется, старались при этом не повредить своей репутации. И Клайда уже в первые минуты знакомства поразили манеры и обращение этих девушек, отличавшие их от всех других молодых прихожанок: Зелла и Рита держались не то чтобы распущенно, но гораздо свободнее, не так чопорно и церемонно, как остальные.

– А! Так вы – мистер Клайд Грифитс! – сказала Зелла Шумэн. – Как вы похожи на вашего двоюродного брата! Я часто вижу его, когда он проезжает по Сентрал-авеню. Уолтер нам все о вас рассказал. Как вам нравится Ликург?

Она произнесла «Уолтер» особым тоном, с какой-то собственнической, интимной ноткой в голосе, и Клайд почувствовал, что они с Диллардом гораздо более близки, чем говорил сам Диллард.

Узкая, с маленьким бантом, красная бархатка на шее, маленькие гранатовые серьги в ушах и очень нарядное, плотно облегающее стан черное платье с пышными оборками внизу свидетельствовали, что Зелла не прочь показать свою фигуру и очень ценит ее, и если бы не подчеркнуто холодное выражение лица и сдержанные манеры, все это, несомненно, вызвало бы неодобрение в таком собрании.

Рита Дикермен, толстенькая, беленькая, розовощекая девушка, со светло-каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, была не так вызывающе бойка, как Зелла Шумэн, но и в ней, как в ее подруге, под внешней сдержанностью чувствовалось что-то очень вольное. В ее обращении было меньше скрытой бравады, но больше податливости, и она, видимо, хотела, чтобы Клайд это понял. Между подругами было решено, что Рита должна его заинтересовать. Рита была очарована Зеллой, рабски во всем ей подражала; подруги были неразлучны. Когда Клайда представили Рите, она улыбнулась ему многообещающей улыбкой, немало его смутившей. Он все время внушал себе, что здесь, в Ликурге он должен очень осторожно сходиться с людьми. Но, на его несчастье, Рита, как в свое время Гортензия Бригс, вызвала у него мысль о близости, хотя бы и мало вероятной и сомнительной, и это его испугало. Надо быть осторожнее! Вот такое свободное поведение, какое, видимо, свойственно Дилларду и этим девушкам, и было причиной его несчастья в Канзас-Сити.

– Ну, теперь надо полакомиться мороженым и пирожными, – сказал Диллард, когда новые знакомые обменялись несколькими беглыми фразами. – А потом мы удерем отсюда. Но вам, пожалуй, нужно сперва пройтись по залу и поздороваться с кем полагается, – прибавил он, обращаясь к девушкам. – Встретимся у киоска с мороженым, а потом, если вы согласны, сбежим. Что вы на это скажете?

Он посмотрел на Зеллу Шумэн, как бы говоря: «Вы лучше знаете, что нам делать». И она, улыбнувшись ему, ответила:

– Правильно, мы не можем сразу уйти. Вон там моя двоюродная сестра Мэри, и мама, и Фред Бракнер. Мы с Ритой сперва походим здесь, а после встретимся с вами, ладно?

А Рита Дикермен при этих словах нежно и влюбленно улыбнулась Клайду.

Минут двадцать Диллард с Клайдом слонялись по залу; затем Зелла подала Дилларду какой-то знак, и они направились к киоску, где продавали мороженое. Через минуту к ним, как бы случайно, присоединились Зелла и Рита, и все вместе принялись за мороженое и пирожные. А так как официальная часть вечера закончилась и многие уже расходились, Диллард сказал:

– Ну, давайте удирать. Можно пойти к вам, Зелла?

– Конечно, конечно, – шепнула Зелла, и они направились в гардеробную.

Клайд все еще немного сомневался, следует ли ему отправляться с этой компанией, и был молчалив. Он еще не знал, нравится ли ему Рита. Но как только они очутились на улице, вне поля зрения ханжей и сплетников, он оказался рядом с Ритой, а Зелла и

Диллард пошли вперед. Клайд счел своим долгом взять ее под руку, но она высвободила руку и мягко и ласково сама взяла его под руку. И тотчас тесно прижалась плечом к его плечу и стала весело болтать о жизни в Ликурге.

Что-то ласкающее, мягкое появилось в ее голосе. Клайду это нравилось. В теле Риты была какая-то томность, которая словно электризовала Клайда, притягивала помимо его воли. Ему хотелось погладить ее руку, и он чувствовал, что может это сделать, может даже обнять ее. И все это так скоро! Но ведь он – Грифитс, ликургский Грифитс, сообразил он, вот почему девушки на собрании интересовались им и были так любезны! Он все же тихонько сжал руку Риты, и она не протестовала.

Дом семейства Шумэн оказался большим старомодным квадратным зданием с квадратным куполом; он стоял в глубине двора, окруженный деревьями. Компания расположилась в большой, красиво обставленной гостиной; Клайд еще никогда не видел в частном доме такой хорошей обстановки. Диллард сейчас же стал разбирать пластинки и быстро свернул два больших ковра, под которыми оказался паркетный пол, – видно было, что все это для него дело привычное.

– Дом стоит очень удачно, вокруг деревья, и потом… эти иголки замечательные, они дают совсем тихий звук, – объяснил он Клайду; он все еще считал, что Клайд – человек очень хитрый и следит за каждым его шагом.

– Поэтому с улицы не слышно, когда здесь играет граммофон. Правда, Зелла? И во втором этаже тоже ничего не слышно. Мы здесь играли и танцевали несколько раз до трех, до четырех утра, а наверху никто и не знал об этом. Правда, Зелла?

– Да, это верно. Надо сказать, папа немножко туговат на ухо. И мама, когда заберется с книжкой в свою комнату, тоже ничего на свете не слышит. Но и вообще отсюда не слышно.

– А что, разве тут у вас все так настроены против танцев? – спросил Клайд.

– Ну, служащие на фабрике вовсе не против, – сказал Диллард. – Но набожные люди против этого. Вот, например, мои дядя и тетка. Да почти все, кто был сегодня на собрании, кроме Зеллы и Риты. – Он с одобрением поглядел на девушек. – Они не так глупы, чтобы волноваться из-за пустяков. Правда, Зелла?

И девушка, не на шутку влюбленная в него, засмеялась и кивнула:

– Ну конечно, я не вижу в этом ничего плохого.

– И я тоже, – прибавила Рита. – И мои папа и мама. Только они не любят говорить об этом и не хотят, чтобы я уж слишком увлекалась танцами.

Диллард поставил пластинку «Карие глаза», и сейчас же Клайд и Рита, Диллард и Зелла начали танцевать, и Клайд почувствовал, что между ним и Ритой возникает какая-то близость, невесть что предвещающая. Рита танцевала с увлечением, с жаром, ее гибкие движения, казалось, выдавали едва сдерживаемую пылкость. Танцуя, она улыбалась мечтательной улыбкой, говорившей о жажде романтических приключений. Она была прелестна.

«Очаровательная девушка, – думал Клайд, – хотя и слишком податливая. В конце концов я танцую вовсе не лучше других, но, как видно, я ей нравлюсь, потому что она воображает, будто я важная персона».

И, точно отвечая на его мысли, Рита сказала:

– Ужасно приятно танцевать, правда? И вы очень хорошо танцуете, мистер Грифитс.

– Ну нет, – возразил он, улыбаясь и глядя ей в глаза. – Это вы великолепно танцуете. Я хорошо танцую потому, что танцую с вами.

Он почувствовал, что у нее полные, мягкие руки, а грудь очень пышна для такой молодой девушки. Опьяненная танцем, Рита одурманивала его, движения ее стали почти вызывающими.

– Теперь поставим «Ладью любви», – объявил Диллард. – Вы потанцуйте с Зеллой, а я поверчусь немного с Ритой. Ладно, Рита?

Он был так восхищен своим искусством танцора, испытывал от этого такое живейшее удовольствие, что даже не мог дождаться новой пластинки: нетерпеливо схватив Риту за руки, он начал выделывать замысловатые фигуры, которые были не под силу Клайду, и все признали Дилларда самым ловким танцором. Наконец он крикнул Клайду, чтобы тот поставил «Ладью любви».

Однако, потанцевав раз с Зеллой, Клайд понял, что этот вечер был задуман для удовольствия двух пар, и они не должны мешать друг другу. Зелла танцевала хорошо, оживленно болтала, но Клайд все время чувствовал, что она занята одним только Диллардом и предпочитает быть с ним. После нескольких танцев Клайд и Рита уселись на диван поболтать и отдохнуть немного, а Диллард и Зелла ушли в кухню напиться. Однако Клайд заметил, что оставались они там гораздо дольше, чем нужно для того, чтобы выпить воды.

А тем временем Рита, оставшись с Клайдом вдвоем, так и прильнула к нему. Выбрав минуту, когда разговор оборвался, она поднялась и потянула его за руку: ни с того ни с сего, даже без музыки, ей захотелось еще потанцевать с ним. Она будто бы хотела показать ему несколько па, которые перед тем выделывали они с Диллардом и которых Клайд не знал. Она стала рядом с Клайдом и тесно прижалась к нему, показывая эти па, которые требовали особенной близости; лицо Риты почти касалось его лица, и это было слишком для самообладания Клайда: он не выдержал и прижался щекою к ее щеке. Она в ответ улыбнулась и ободряюще посмотрела на него. Мгновенно вся его выдержка исчезла, и он поцеловал ее в губы, потом еще и еще. И вместо того, чтобы вырваться от него, как он ожидал, она преспокойно позволяла себя целовать.

Чувствуя, как ее горячее тело прижимается к нему и губы отвечают на его поцелуй, Клайд вдруг понял, что позволил вовлечь себя в такие отношения, которые не очень-то легко будет изменить или порвать. И устоять будет трудно, раз Рита ему нравится, а он, очевидно, нравится ей.

Глава 9

Эта волнующая и сладостная минута заставила Клайда вновь задуматься над тем, как ему следует держаться. Девушка так откровенно ведет себя с ним и, очевидно, готова на еще большую близость. И все это так быстро, а ведь совсем недавно он пообещал и сам себе, и своей матери, что здесь все будет иначе… Никаких связей и отношений вроде тех, что довели его до беды в Канзас-Сити. А все-таки… все-таки…

Его одолевало искушение: он чувствовал, что Рита ждет от него дальнейших шагов… и скоро. Но как и где? Не в этом же большом, незнакомом доме. Здесь есть и еще комнаты, кроме кухни, куда будто бы ушли Диллард и Зелла. Да, но даже если у них установятся такие отношения… Что потом? Придется поддерживать эту связь – или столкнуться со всякими осложнениями, если он ее оборвет. Он танцевал с Ритой и дерзко ласкал ее, а в то же время думал: «Не надо бы этого делать. Это ведь Ликург. Я здесь один из Грифитсов. Ясно, чего хотят от меня эти девушки… и даже их родители. Так ли уж я влюблен в эту Риту? Пожалуй, она слишком быстро и легко поддается. Может, это и не опасно для моего будущего, а все-таки неприятно… Уж очень быстро все получается». И он почувствовал нечто похожее на то, что пережил в Канзас-Сити в публичном доме: Рита и влекла его, и вместе с тем отталкивала. Теперь он уже довольно сдержанно целовал и ласкал ее; наконец явились Диллард и Зелла, и вся эта интимность стала невозможной.

Где-то часы пробили два, и Рита забеспокоилась: ей нужно идти, дома будут недовольны, что она возвращается так поздно. Диллард не проявлял ни малейшего желания расставаться с Зеллой, и Клайду, естественно, пришлось провожать Риту домой. Это не доставило большого удовольствия ни ей, ни ему: оба испытывали смутное разочарование. Он не оправдал ее ожиданий, думал Клайд. У него явно не хватает смелости воспользоваться ее уступчивостью, – так объясняла себе его поведение Рита.

Разговор по дороге был пересыпан намеками на то, что они могут встретиться опять, более удачно и даже когда они прощались у дверей Риты, жившей неподалеку, она держалась многообещающе. Но когда они расстались, Клайд продолжал твердить себе, что их отношения развиваются слишком уж быстро. Вряд ли следует поддерживать такое знакомство. Где же его благие решения, принятые перед приездом сюда? Как теперь поступить? И в то же время чувственное обаяние Риты заставляло его злиться На свою сдержанность и свои опасения.

Но тут произошло событие, которое заставило Клайда решиться. Оно было связано с Грифитсами. Все они, за исключением Гилберта, не были ни враждебны, ни вполне равнодушны к Клайду; но при этом ни Сэмюэл Грифитс, ни остальные члены семейства не подумали, что им следует проявить хоть немного внимания к нему, помочь ему время от времени добрым советом, иначе он окажется в ненормальном положении, едва ли не в полном одиночестве. Сэмюэл Грифитс, который всегда был очень занят, весь первый месяц почти не вспоминал о Клайде. Он слышал, что Клайд устроен в приличном пансионе, в дальнейшем о нем позаботятся, а пока чего же еще надо?

Таким образом, прошел месяц, и, к удовольствию Гилберта Грифитса, для Клайда ничего не было сделано; ему предоставляли пребывать в обществе своих товарищей по подвалу и размышлять о том, что с ним будет дальше. Отношение к нему окружающих, в том числе Дилларда и девушек, делало его положение совсем странным.

Однако через месяц после приезда Клайда (и главным образом потому, что Гилберт, казалось, не желал о нем говорить) Грифитс-старший спросил однажды:

– Ну, как там твой двоюродный брат? Что он поделывает?

И Гилберт, несколько встревоженный тем, что может предвещать этот вопрос, ответил:

– С ним все в порядке: я устроил его в декатировочную. Ведь это правильно?

– Да, начать он мог и с декатировочной, это ничем не хуже любого другого места. А теперь какого ты о нем мнения?

– Не очень высокого, – ответил Гилберт с тем уверенным и независимым видом, который всегда восхищал его отца. – Он может работать. Но, я полагаю, он не из тех, кто способен выдвинуться. У него нет никакого образования, ты же знаешь, и это сразу видно. Кроме того, похоже, что он не особенно настойчив и энергичен. Слишком мягок, по-моему. Я не говорю, что он никуда не годится, – может быть, он и не так уж плох. Тебе он нравится, а я могу ошибаться. А все-таки, мне кажется, когда он ехал сюда, он рассчитывал главным образом на то, что ты ему поможешь просто как родственнику.

– Ты думаешь? Ну, если он рассчитывал на это, так он ошибся! – сказал Грифитс-отец и тут же прибавил с добродушной улыбкой: – А может быть, он не так непрактичен, как тебе кажется? И вообще он еще слишком недавно здесь, чтобы мы могли что-нибудь сказать. В Чикаго он произвел на меня другое впечатление. Кроме того, у нас ведь найдется не одно местечко, куда его можно посадить без особого риска, и он справится, даже если он не самый талантливый парень на свете. А если он хочет довольствоваться в жизни скромным местом, так это его дело. Я тут ни при чем. Во всяком случае, я пока не собираюсь отсылать его и не хочу ставить на сдельную работу. Это не годится. В конце концов ведь он наш родственник. Пусть еще поработает немного в декатировочной, а ты посмотри, на что он способен.

– Слушаю, – ответил сын в надежде, что отец по рассеянности оставит Клайда там, где он был сейчас, – на самой низкой должности, какая только существовала на фабрике.

Но Сэмюэл Грифитс, к большому разочарованию сына, прибавил:

– Надо как-нибудь на днях пригласить его к обеду. Я уже думал об этом, но мне все некогда поговорить с мамой. Он ведь еще не был у нас?

– Нет, сэр, насколько мне известно, – ответил Гилберт угрюмо. Ему это вовсе не нравилось, но он был слишком тактичен, чтобы сразу же запротестовать. – Мы ждали, пока ты сам об этом заговоришь.

– Ну, и прекрасно, – продолжал Сэмюэл. – Узнай, где он живет, и пригласи его. Можно в будущее воскресенье, если мы свободны.

И, заметив тень сомнения и недовольства в глазах сына, прибавил:

– Послушай, Гил, ведь он все же мой племянник и твой двоюродный брат, и мы не можем совсем от него отмахнуться. Так не годится, ты сам понимаешь. Поговори сегодня же вечером с мамой, или я поговорю, и устроим это.

Он закрыл ящик стола, в котором искал какие-то бумаги, встал, взял пальто и шляпу и вышел из конторы.

В результате этой беседы Клайду было послано приглашение на следующее воскресенье к семейному ужину, в половине седьмого. Обыкновенно по воскресеньям в половине второго у Грифитсов бывал торжественный обед, на который приглашались местные или приезжие друзья и знакомые; в половине седьмого почти все гости уже разъезжались, обычно уезжали куда-нибудь и Белла и Гилберт, а для мистера и миссис Грифитс и для Майры подавался холодный ужин.

Но на этот раз миссис Грифитс, Майра и Белла порешили, что все они будут дома; только Гилберт, вообще недовольный этой затеей, заявил, что он приглашен в другое место и может в этот час заехать домой всего на несколько минут. Таким образом, к большому удовольствию Гилберта, Клайд будет принят в тесном семейном кругу и не встретится ни с кем из обычных посетителей дома Грифитсов, которые могут заехать днем, – не придется представлять его знакомым, как-то объяснять его присутствие… К тому же это удобный случай присмотреться к Клайду и составить себе представление о нем, не беря при этом на себя никаких обязательств.

А к этому времени отношения с Диллардом, Ритой и Зеллой превратились для Клайда в трудную задачу, и тут-то на него серьезно повлияло решение Грифитсов. После вечера у Зеллы Шумэн, несмотря на уклончивость Клайда, Диллард, Зелла и Рита решили, что он должен быть и будет покорен чарами Риты. Клайду не раз намекали, что им следует снова встретиться, и наконец Диллард прямо предложил ему тесной компанией (они с Клайдом и обе девушки) съездить куда-нибудь на субботу и на воскресенье – лучше всего в Утику или Олбани. Девушки, конечно, согласятся. Если у Клайда есть какие-либо сомнения или опасения, Диллард сам через Зеллу сговорится с Ритой.

– Вы же сами знаете, что вы ей понравились, – прибавил Диллард. – Она считает, что вы просто прелесть, мне Зелла говорила. Дамский угодник, а?

И Диллард весело и развязно подтолкнул Клайда локтем. Прежде Клайда не покоробила бы эта фамильярность, но теперь она ему не понравилась: он уже считал себя причастным к новому, более высокому кругу и помнил, кем его считают в Ликурге. Да, можно сказать, усердствуют люди, когда им кажется, что ты стоишь немного выше их!

Предложение Дилларда, конечно, очень заманчиво, но, с другой стороны, не грозит ли оно ему бесконечными неприятностями? Прежде всего у него нет денег. Он все еще получает пятнадцать долларов в неделю, и дорогие поездки ему не по карману. Железнодорожные билеты, еда, счет в гостинице, может быть, поездка вдвоем на автомобиле… И, кроме того, обязательная близость с Ритой, которую он едва знает. Пожалуй, Рита захочет, чтобы эта интимность продолжалась потом и здесь, в Ликурге… чтобы он приходил к ней домой… бывал с ней всюду… ну и ну! А если Грифитсы узнают, – если, скажем, его двоюродный брат Гилберт услышит об этом… или увидит их! Ведь вот Зелла говорила, что часто встречает Гилберта на улице; легко может случиться, что они как-нибудь всей компанией натолкнутся на Гилберта, и он решит, что Клайд дружит с этим ничтожеством Диллардом, с этим приказчиком! Как бы из-за этого не оборвалась его карьера в Ликурге! Кто знает, к чему это приведет…

И Клайд закашлялся и стал извиняться. Сейчас он очень занят. И вообще надо подумать… Родственники, знаете ли… Кроме того, и в ближайшее и в следующее воскресенье у него на фабрике много срочной работы; он должен быть в городе. А дальше видно будет.

Но минутами вспоминалась ему очаровательная Рита, и тогда, с обычной своей непоследовательностью, он обдумывал план, прямо противоречащий его прежнему решению: может быть, в ближайшие две-три недели как-нибудь сократить свои расходы и все-таки поехать? Он уже кое-что отложил на покупку фрака и складного цилиндра. Может быть, израсходовать часть денег… хотя он и понимал, что весь этот план никуда не годится.

Ах, эта белокурая, пухленькая, пылкая Рита!

И вот в эту пору пришло приглашение от Грифитсов. Как-то вечером Клайд вернулся с работы очень усталый, и в сотый раз обдумывая соблазнительное предложение Дилларда, нашел у себя на столе письмо на очень плотной красивой бумаге, принесенное в его отсутствие слугой Грифитсов. Клайд заметил выпуклые инициалы «Э.Г.» в углу конверта; он тотчас вскрыл письмо и с волнением прочитал:

«Дорогой племянник!

Мы хотели видеть вас раньше, но с тех пор как вы приехали, муж почти все время был в разъездах, и мы решили подождать, пока он будет немного свободнее. Теперь он не так занят, и мы будем очень рады, если вы придете поужинать с нами в ближайшее воскресенье в шесть часов. Мы ужинаем запросто, в семейном кругу, так что, если что-либо помешает вам, не затрудняйте себя предупреждением ни письменно, ни по телефону. Фрак не обязателен. Итак, приходите, если можете. Мы будем рады вас видеть.

С искренним приветом ваша тетя Элизабет Грифитс».

Клайд читал, и им снова овладели самые романтические мечты и надежды. Все это время, исполняя ненавистную работу в декатировочной, он все больше тяготился мыслью, что попытка его была напрасной: важные родственники, как видно, решили не поддерживать с ним никаких отношений. И вот перед ним изумительное письмо со словами: «будем рады вас видеть». Значит, они, наверно, думают о нем не так уж плохо. Сэмюэл Грифитс все это время был в отъезде. Вот в чем дело. А теперь Клайд увидит свою тетку и двоюродных сестер, побывает в этом великолепном доме. Замечательно! Может быть, теперь они займутся его судьбой, кто знает? И как удачно, что о нем вспомнили как раз теперь, когда он готов был потерять всякую надежду.

Его слабость к Рите, не говоря уже об интересе к Зелле и Дилларду, мгновенно испарилась. Как! Поддерживать знакомство с людьми, стоящими настолько ниже его, Грифитса, на общественной лестнице, да еще рисковать тем самым испортить отношения с важными родственниками? Никогда! Это было бы огромной ошибкой. Письмо пришло как раз вовремя, чтобы его

предостеречь. Счастье, величайшее счастье, что у него хватило здравого смысла не согласиться на эту поездку. Теперь он должен постепенно, без особого шума, прекратить близость с Диллардом, – если понадобится, он даже переедет от миссис Каппи… скажет, что дядя сделал ему замечание… словом, все что угодно, но он больше не будет иметь дело с этой компанией. Это не годится. Он не может рисковать своим будущим и надеждами, которые связаны с приглашением тетки. И вместо того чтобы мечтать о Рите и Утике, он теперь стал представлять себе частную жизнь Грифитсов: прекрасные места, куда они, должно быть, ездят, интересных людей, которые их окружают. Тут же он подумал, что для этого визита ему необходимо купить фрак или по крайней мере смокинг и брюки. И потому на следующее утро он попросил Кемерера отпустить его в одиннадцать часов и до часу успел купить на скопленные деньги смокинг, брюки, лакированные ботинки и белое шелковое кашне. После этого он успокоился: в таком наряде он, конечно, произведет хорошее впечатление.

И все время, вплоть до воскресного вечера, он уже не думал ни о Рите, ни о Дилларде и Зелле, а только о предстоящем визите. Это действительно событие – попасть в такие высокие сферы!

Единственная помеха всему – этот Гилберт Грифитс, который при встрече всегда смотрит на Клайда такими суровыми, холодными глазами. Он, возможно, будет дома и, наверно, примет надменный вид, чтобы заставить Клайда почувствовать себя ничтожеством (Клайд порою признавался себе, что Гилберту это удается). Несомненно, если Клайд попробует держаться с достоинством в доме Грифитсов, Гилберт потом постарается как-нибудь отплатить ему на фабрике. Он может, например, сообщать своему отцу о Клайде только плохое. Ясное дело, если человека держат в этом гнусном подвале и не дают никакой возможности проявить себя, – как надеяться на успех, на карьеру? И всегда ему так не везет: надо же было, приехав сюда, наткнуться на этого Гилберта, который так на него похож и неизвестно почему терпеть его не может.

Однако, несмотря на все свои сомнения, Клайд решил возможно лучше использовать счастливый случай и в воскресенье, в шесть часов, направился к дому Грифитсов; ему предстояло трудное испытание, и нервы его были натянуты. Он подошел к большим железным воротам, приподнял тяжелую щеколду и зашагал по широкой, выложенной кирпичом дорожке к главному входу, ощущая внутреннюю дрожь, словно на пороге какого-то опасного приключения. Он шел, и ему казалось, что на него уже устремлены испытующие, критические взгляды. Может быть, мистер Сэмюэл, или мистер Гилберт, или какая-нибудь из его сестер глядят на него из-за этих тяжелых занавесей. Из окон нижнего этажа лился мягкий, приветливый свет.

Впрочем, тревога Клайда была непродолжительна. Слуга открыл дверь, взял у него пальто и пригласил пройти в большую гостиную, которая произвела на Клайда сильное впечатление. Она показалась ему, даже после отеля «Грин-Дэвидсон» и клуба в Чикаго, необыкновенно красивой: такая прекрасная мебель, стенные часы, огромный стол, пышные ковры и драпировки. Огонь пылал в большом камине, перед которым полукругом расставлены были стулья и кресла; в разных концах комнаты горели лампы. В гостиной в эту минуту никого не было, но пока Клайд беспокойно оглядывался по сторонам, в глубине комнаты, где находилась большая лестница, ведущая наверх, зашуршало шелковое платье, и Клайд обернулся: к нему приближалась миссис Грифитс. Это была кроткая, худая, поблекшая женщина, двигалась она быстро, разговаривала любезно, хотя, по своему обыкновению, немного сдержанно, и через несколько минут Клайд уже чувствовал себя в ее присутствии легко и спокойно.

– Мой племянник, не так ли? – улыбнулась она.

– Да, – ответил Клайд просто и, благодаря волнению, с необычным для него достоинством. – Я – Клайд Грифитс.

– Очень рада видеть вас у себя, – начала миссис Грифитс с известным светским апломбом, который она приобрела наконец за годы, проведенные в местном высшем обществе. – И мои дети, конечно, тоже будут рады. Беллы и Гилберта как раз нет дома, но, я думаю, они скоро вернутся. Муж отдыхает, но я уже слышала шаги в его комнате, значит, он сейчас будет здесь. Не присядете ли? – Она указала на большой диван. – По воскресеньям мы почти всегда ужинаем дома, и я думала, что будет очень приятно, если мы с вами встретимся в тесном семейном кругу. Как вам нравится Ликург?

Она опустилась на диван перед камином, и Клайд довольно неловко уселся на почтительном расстоянии от нее.

– Город мне очень понравился, – ответил он с улыбкой, стараясь попасть ей в тон. – Конечно, я видел еще слишком мало, но то, что я видел, мне понравилось. И я нигде никогда не видел такой красивой улицы, как ваша, – прибавил он восторженно. – Такие большие дома, такие прекрасные сады!

– Да, мы все очень гордимся нашей улицей, – улыбаясь, ответила миссис Грифитс; она всегда с величайшим удовольствием думала о том, как красив и роскошен ее дом на Уикиги-авеню. Они с мужем так долго добивались всего этого! – Наша улица, кажется, всем нравится. Она была проложена давно, еще когда Ликург был просто деревней. Но обстроилась она и стала такой красивой только за последние пятнадцать лет… А теперь вы должны рассказать мне о своих родителях. Вы знаете, мне никогда не приходилось с ними встречаться, хотя, конечно, муж часто говорил о них, то есть о своем брате, – поправилась она. – Мне кажется, он не встречался с вашей матушкой. Как поживает ваш отец?

– Спасибо, он здоров, и мама тоже, – просто ответил Клайд. – Они живут теперь в Денвере. Раньше мы жили в Канзас-Сити, но года три назад они оттуда переехали. На днях я получил письмо от мамы. Она пишет, что у них все благополучно.

– Так вы с ней переписываетесь? Это очень хорошо.

Миссис Грифитс улыбнулась Клайду; он все больше интересовал ее: ей понравилась его наружность. Он так изящен, так хорошо держится и, главное, так похож на ее собственного сына… вначале она даже испугалась немного, а потом заинтересовалась. Пожалуй, Клайд был несколько выше, лучше сложен и поэтому казался красивее Гилберта, но она никогда бы этого не признала. Да, Гилберт порою нетерпим и высокомерен даже с матерью, и в его обращении больше привычного притворства, чем подлинной нежности, – зато он энергичный, способный юноша, он умеет отстаивать себя и свои мнения. Клайд мягче, неопределеннее, неувереннее. Ее сын, должно быть, унаследовал свою энергию от отца и родственников по ее линии, а Клайд, вероятно, получил некоторую слабость характера в наследство от этих незначительных людей – своих родителей.

Решив, таким образом, этот вопрос в пользу сына, миссис Грифитс собиралась расспросить Клайда о его сестрах и братьях, но тут вошел Сэмюэл Грифитс. Окинув Клайда, который встал при его появлении, проницательным взглядом и найдя, что он вполне приличен, по крайней мере внешне, Грифитс-старший сказал:

– А, вот и вы! Надеюсь, вас и без меня устроили здесь как следует?

– Да, сэр, – ответил Клайд почтительно, с легким поклоном. Он чувствовал, что находится в присутствии одного из великих мира сего.

– Ну, вот и прекрасно. Садитесь, садитесь! Очень рад, что все в порядке. Я слышал, вы теперь в декатировочной? Не очень приятное место, но начинать хорошо именно оттуда, снизу! Иной раз и лучшие люди так начинают.

– Он улыбнулся и прибавил: – Меня не было в городе, когда вы приехали, а то бы я с вами повидался.

– Да, сэр, – ответил Клайд; он не решался сесть до тех пор, пока мистер Грифитс не погрузился в широкое кресло около дивана.

В смокинге и крахмальной сорочке с черным галстуком – костюме, так не похожем на форму чикагского клуба, – Клайд еще больше понравился Сэмюэлу, чем при первой встрече, и совсем не показался незначительным и ничтожным, каким изображал его Гилберт. Однако Сэмюэл Грифитс почувствовал, что Клайд недостаточно напорист, ему не хватает деловых качеств, которые необходимы молодому человеку; хотелось бы видеть племянника более сильным и энергичным. Это было бы более по-грифитсовски и, вероятно, больше пришлось бы по душе Гилберту.

– Нравится вам ваша работа? – снисходительно спросил Грифитс-старший.

– Да, сэр, то есть, вернее сказать, не особенно, – откровенно ответил Клайд. – Но это не важно. Для начала, по-моему, всякая работа хороша.

Он думал в эту минуту, что хорошо бы произвести на дядю впечатление человека, способного на нечто лучшее, и, так как Гилберта здесь не было, нашел в себе смелость ответить откровенно.

– Вот это правильная мысль, – сказал Сэмюэл Грифитс, очень довольный. – Я знаю, это не очень приятная часть нашего производственного процесса, но для начала необходимо с ней познакомиться. И, конечно, в наши дни ни в одном деле нельзя выдвинуться сразу, на это нужно время.

Тут Клайд мысленно спросил себя, надолго ли еще его оставят в мрачном подвале под лестницей.

Пока он раздумывал об этом, вошла Майра; она с любопытством взглянула на него и очень обрадовалась, что он совсем не такой незначительный, каким его изображал Гилберт. Она уловила во взгляде Клайда какое-то беспокойство, выражение не то мольбы, не то тревожного испуга, и это ее тронуло; может быть, она почувствовала в нем что-то близкое, свое: она ведь и сама пользовалась не слишком большим успехом в обществе.

– Это твой двоюродный брат Клайд Грифитс, Майра, – сказал небрежно Сэмюэл, когда Клайд встал. – Тот самый молодой человек, о котором я тебе говорил. Моя дочь Майра, – прибавил он, обращаясь к Клайду.

Клайд поклонился и, пожимая холодную, несколько вялую руку Майры, почувствовал, что она отвечает ему более искренним, дружеским пожатием, чем все остальные.

– Надеюсь, вы не жалеете, что приехали сюда, – приветливо начала она. – Мы все любим наш Ликург, но после Чикаго, я думаю, он показался вам довольно жалким. – Она улыбнулась.

Клайд, который в присутствии своих именитых родственников держался несколько официально и натянуто, ответил ей церемонным «благодарю вас» и уже готов был сесть, но в это время открылась дверь, и вошел Гилберт Грифитс. (Перед этим на улице был слышен шум мотора, замолкший как раз у главного входа.)

– Одну минуту. Додж! – крикнул он кому-то в дверь. – Я сейчас! – Затем, повернувшись к своим, прибавил: – Простите, я сейчас вернусь. – И быстро направился к лестнице, ведущей наверх.

Через минуту он вернулся и, по обыкновению, бросил на Клайда ледяной, пренебрежительный взгляд, от которого Клайду и на фабрике всегда становилось не по себе. На Гилберте было светлое в яркую полоску пальто для автомобильной езды, перехваченное поясом, черное кожаное кепи и большие кожаные перчатки с крагами, которые делали его похожим на военного. Он сухо кивнул Клайду, сказал: «Здравствуйте», – потом подошел к отцу и покровительственно положил руку ему на плечо:

– Привет, папа. Добрый вечер, мама! Очень жаль, но я не могу посидеть с вами. Мы с Доджем и Юстисом только что приехали из Амстердама за Констанцией и Жакелиной и сейчас едем к Бриджменам. Но я вернусь к утру. Во всяком случае, буду завтра в конторе. Надеюсь, у вас все в порядке, мистер Грифитс? – прибавил он, обращаясь к отцу.

– Да, мне не на что жаловаться, – сказал отец. – А ты, кажется, намерен веселиться всю ночь?

– Совсем нет, – ответил Гилберт, не обращая никакого внимания на Клайда. – Я просто хотел сказать, что если не смогу вернуться к двум, то переночую где-нибудь, вот и все.

Он снова ласково похлопал отца по плечу.

– Пожалуйста, не езди так быстро, как всегда, – попросила миссис Грифитс. – Это вовсе не безопасно.

– Пятнадцать миль в час, мама, пятнадцать миль в час, я знаю правила! – Гилберт надменно улыбнулся.

Клайд не мог не заметить, каким снисходительным и авторитетным тоном Гилберт разговаривает с родителями. Ясно, что и здесь, как на фабрике, он важная персона, с которой все считаются. По-видимому, он ни к кому, кроме отца, не питает особого уважения. «До чего высокомерен», – подумал Клайд.

Должно быть, это великолепно – быть сыном богатого человека и без труда, без всякого усилия занять вот такое положение, держаться так гордо, пользоваться такой властью и таким авторитетом. Да, конечно, этот молодой человек смотрит на Клайда свысока и говорит с ним пренебрежительно. Но подумать только: такой молодой и обладает такой властью!

Глава 10

В эту минуту горничная доложила, что ужин подан и Гилберт тотчас простился. Все встали; миссис Грифитс спросила у горничной:

– Белла не звонила?

– Нет еще, сударыня, – ответила та.

– Тогда скажите миссис Трюсдейл, чтобы она позвонила к Финчли и вызвала Беллу. Пусть она сейчас же едет домой.

Горничная вышла, а все общество проследовало в столовую, находившуюся в том же этаже, рядом с гостиной. Клайд увидел еще одну великолепно обставленную комнату, всю в светло-коричневых тонах; посредине стоял длинный стол орехового дерева, очевидно, предназначавшийся для особо торжественных случаев, вокруг него – стулья с высокими спинками. Стол освещали канделябры, расставленные на нем на равном друг от друга расстоянии. В глубине комнаты, в просторной полукруглой нише с окнами в сад, был накрыт для ужина другой, небольшой стол на шесть персон. (Клайд почему-то представлял себе это совсем иначе.) За столом Клайду пришлось отвечать на множество вопросов, главным образом о его

семье, о том, как его родные жили прежде и как живут теперь. Сколько лет его отцу? А матери? Где они жили до переезда в Денвер? Сколько у него братьев и сестер? Сколько лет его старшей сестре Эсте? Чем она занимается? А остальные дети? Доволен ли отец своим делом – ведь он теперь содержит отель? А чем именно он занимался раньше, в Канзас-Сити? Сколько времени они там жили?

Клайд не на шутку смутился и растерялся под градом этих вопросов, которые с важным видом задавали ему Сэмюэл Грифитс и его жена. По сбивчивым ответам Клайда оба они поняли, что вопросы эти – особенно о жизни семьи в Канзас-Сити – ставят его в затруднительное положение. Они, разумеется, приписали это чрезвычайной бедности своих родственников. Когда Сэмюэл Грифитс спросил: «Кажется, вы начали работать в отеле еще в Канзас-Сити, когда окончили школу?» – Клайд густо покраснел, вспомнив об истории с украденным автомобилем и о том, как мало, в сущности, пришлось ему ходить в школу. Больше всего ему не хотелось, чтобы здесь узнали что-нибудь о его жизни в качестве рассыльного в Канзас-Сити и особенно чтобы его имя связали с отелем «Грин-Дэвидсон».

К счастью, в это время дверь отворилась, и вошла Белла в сопровождении двух девушек, которые, как сразу понял Клайд, также принадлежали к избранному обществу. Какой контраст между ними и Ритой и Зеллой, о которых он еще совсем недавно думал с таким волнением! Он узнал Беллу по ее фамильярному обращению с Грифитсами. Одна из ее спутниц была Сондра Финчли, о которой так часто говорили Белла и ее мать. Клайд никогда еще не видал такой изящной, красивой и гордой девушки, – она была совсем особенная, никто не мог сравниться с нею! Английский костюм плотно облегал ее гибкую фигуру, и с ним прекрасно гармонировала маленькая темная кожаная шапочка, кокетливо надвинутая на глаза. Через руку у нее перекинуто было элегантное пальто в черную и серую клетку, модного, почти мужского покроя, и она вела за собой на кожаном ремешке французского бульдога. Клайду показалось, что он в жизни своей не встречал такой очаровательной девушки. Она сразу произвела на него необычайное, потрясающее впечатление, точно его пронизал электрический ток, и он с жгучей болью ощутил, что значит жаждать недостижимого, мечтать о любви и мучительно чувствовать, что ему не суждено добиться от этой девушки хотя бы ласкового взгляда. Это и терзало и пьянило его. Ему до боли хотелось то закрыть глаза и больше не видеть ее, то смотреть на нее без конца, не отводя глаз, – так она его пленила.

А Сондра сначала ничем не показала, что заметила его; она была занята только своей собакой:

– Ну же, Биссел, веди себя как следуем, а то я выведу тебя отсюда и привяжу у лестницы. О, боюсь, мне придется сейчас же уйти, если он не будет вести себя прилично! (Биссел увидел кошку и старался до нее добраться.) Вторая девушка далеко не так сильно поразила Клайда, хотя она была по-своему не менее изящна, чем Сондра, и многим, наверно, показалась бы столь же прелестной. У нее были белокурые, почти льняные волосы, миндалевидные серо-зеленые глаза, маленькая, грациозная фигурка и вкрадчивые, кошачьи манеры. Едва войдя, она скользнула через комнату к столу, склонилась над миссис Грифитс и замурлыкала:

– Как вы себя чувствуете, миссис Грифитс? Я так рада вас видеть! Как давно я у вас не была! Знаете, я уезжала с мамой. Сегодня они с Грэнтом поехали в Олбани, а я как раз встретила Беллу и Сондру у Лэмбертов. А вы, я вижу, сегодня ужинаете в семейном кругу?.. Как поживаете, Майра? – спросила она и, протянув руку из-за плеча миссис Грифитс, слегка, просто по долгу вежливости, дотронулась до руки Майры.

Тем временем Белла, которая показалась бы Клайду самой очаровательной из этих девушек, не будь Сондры, воскликнула:

– Ах, я опоздала! Мамочка, папочка, прошу прощения! Ну, пожалуйста, простите меня на этот раз!

Потом, как будто только сейчас заметив Клайда, хотя он поднялся, когда девушки вошли в комнату, и все еще стоял, она, как и ее подруги, замолчала с притворно скромным видом.

А Клайд, всегда чрезмерно чувствительный к подобным оттенкам в обращении и к разнице в материальном положении, ждал, пока его представят, и с мучительной остротой сознавал свое ничтожество. Юность и красота, стоящие столь высоко на общественной лестнице, казались ему высшим торжеством женщины. Его слабость к Гортензии Бригс (не говоря уже о Рите, далеко не такой привлекательной, как любая из этих трех девушек) показала, что он не в силах устоять перед женским изяществом, даже если у его победительниц нет иных достоинств.

– Белла, – сказал внушительно Сэмюэл Грифитс, видя, что Клайд все еще стоит, – это твой двоюродный брат Клайд.

– Вот как, – сказала Белла; она сразу заметила, до чего Клайд похож на Гилберта. – Здравствуйте! Мама мне говорила, что вы на днях приедете. – Она протянула ему два пальца, потом обернулась к своим спутницам и представила: – Мои подруги – мисс Финчли и мисс Крэнстон.

Обе девушки сухо и чопорно кивнули, внимательно и довольно бесцеремонно разглядывая Клайда.

– Как похож на Гила! – шепнула Сондра подошедшей к ней Бертине.

И Бертина ответила:

– Я никогда не видела подобного сходства. Но только он гораздо красивее, правда?

Сондра кивнула. Она в первое же мгновенье с удовольствием заметила, что Клайд красивее брата Беллы (она не любила Гилберта) и что он явно восхищен ею. Она приняла это как должное, – ведь она всегда покоряла молодых людей с первого взгляда. Но, увидев, что глаза Клайда неотступно и беспомощно следят за ней, она решила, что пока не стоит обращать на него внимания. Уж слишком легкая победа.

Миссис Грифитс, не ожидавшая этого визита, немного сердилась на Беллу: привела с собой подруг, когда здесь Клайд, и теперь придется упомянуть о том, что он не принадлежит к хорошему обществу.

– Может быть, вы обе положите пальто и присядете? – предложила она. – Я скажу, чтобы поставили еще два прибора. Белла, садись рядом с отцом.

– Нет, нет, нам пора домой! Мы не можем оставаться ни минуты, – в один голос заявили Сондра и Бертина.

Однако теперь, когда они увидели Клайда и убедились, что он хорош собой, им непременно хотелось узнать, будет ли он блистать в обществе. Гилберт Грифитс не пользовался особым успехом, и они обе не любили его, хотя очень дружили с его сестрой: для самовлюбленных красавиц он был слишком самоуверен и упрям, держался порой чересчур высокомерно. А Клайд, насколько можно судить по внешности, гораздо мягче и податливее. Остается только узнать, какое положение он занимает и что думают о нем Грифитсы: если в этом доме он принят как равный, то почему бы и местному обществу не принять его? А главное, интересно знать, богат ли он… На это они почти немедленно получили ответ, так как миссис Грифитс решительно и с умыслом сказала Бертине:

– Мистер Грифитс – наш племянник, он приехал с Запада; он пробует работать на фабрике моего мужа. Этот молодой человек вынужден сам пробивать себе дорогу, и муж мой так добр, что дал ему возможность испытать свои силы.

Клайд вспыхнул: ему ясно указывали, что по сравнению с Грифитсами и с этими девушками он ничто. Он заметил, как на лице Бертины Крэнстон любопытство мгновенно сменилось полнейшим равнодушием; ее интересовали только молодые люди со средствами. Но Сондра Финчли, хоть и стояла в своем кругу ступенькой выше (она была гораздо красивей Бертины, а ее родители – еще богаче Крэнстонов), не отличалась такой практичностью, как подруга. Она снова взглянула на Клайда, и на лице ее ясно отразилось, что она огорчена услышанным. Такой красивый и симпатичный юноша!

В это время Сэмюэл Грифитс, который был особенно расположен к Сондре (Бертину он не любил, как не любила ее и миссис Грифитс, считавшая ее слишком хитрой и неискренней), позвал:

– Идите-ка сюда, Сондра! Привяжите собаку к креслу. Пальто бросьте на тот стул и садитесь вот здесь. – Он указал ей место рядом с собой.

– Никак не могу, дядя Сэмюэл, – немного рисуясь, воскликнула Сондра таким фамильярно-ласковым тоном, словно ее с Сэмюэлом Грифитсом связывала самая нежная дружба. – Уже поздно, да и с Бисселом никак не сладишь. Правда же, нам с Бертиной пора домой.

– Знаешь, папа, – вдруг вмешалась Белла, – лошадь Бертины наступила вчера на гвоздь и теперь хромает. И ни Грэнта, ни мистера Крэнстона нет дома. Бертина хотела с тобой посоветоваться.

– Которая нога? – спросил заинтересованный Грифитс. (Во время этого разговора Клайд продолжал украдкой рассматривать Сондру. «Какая очаровательная, – думал он. – Носик такой маленький и чуть вздернутый, а верхняя губа так лукаво изогнута».)

– Левая передняя, – пояснила Бертина Грифитсу. – Вчера я ездила по Ист-Кингстонской дороге. Джерри потерял подкову и, наверно, занозил ногу, но Джон не может найти занозу.

– А вы долго ехали после этого?

– Весь обратный путь. Миль восемь, я думаю.

– Ну, скажите Джону, пусть смажет ногу какой-нибудь смягчающей мазью и забинтует. И надо позвать ветеринара. Ничего страшного. Я уверен, что лошадь скоро поправится.

А Клайд, на время предоставленный самому себе, все думал о том, какой приятной, легкой жизнью живут люди этого круга. Как видно, ни у кого из них нет никаких забот. Они только и говорят, что о своих домах и лошадях, о встречах с друзьями, прогулках и развлечениях. Его двоюродный брат Гилберт только что укатил куда-то с приятелями на автомобиле. Белла и ее подруги легкомысленно и весело живут в великолепных домах на красивой улице, а он, Клайд, заперт в комнатушке на третьем этаже в пансионе миссис Каппи, и ему некуда пойти, и он получает всего пятнадцать долларов в неделю – и на это должен существовать! И завтра утром он снова будет работать в подвале, а эти девушки встанут с мыслью о новых развлечениях. А в Денвере его родители с их жалкими меблированными комнатами и миссией живут так, что он даже не смеет здесь рассказать о них правду.

Внезапно обе девушки спохватились, что им пора идти. Клайд и Грифитсы остались одни, и Клайд ясно почувствовал, что ему здесь совсем не место: и сам Грифитс, и его жена, и Белла – все, кроме Майры, своим небрежным обращением показывали, что ему позволено только мельком заглянуть в общество, к которому он не принадлежит. Он понимал, что бедность помешает ему войти в это общество, сколько бы он ни мечтал ближе познакомиться с этими очаровательными девушками. Ему сразу стало очень грустно, и взгляд и настроение его так омрачились, что не только Сэмюэл Грифитс, но и его жена и Майра это заметили. Если бы только как-нибудь проникнуть в их мир! Но из всех Грифитсов одна лишь Майра почувствовала, как он одинок и подавлен. И когда все снова перешли в большую гостиную (Сэмюэл на ходу отчитывал Беллу за то, что она всегда опаздывает к ужину и заставляет себя ждать), Майра подошла к Клайду и сказала:

– Мне кажется, когда вы еще немного поживете в Ликурге, вам здесь больше понравится. Кругом столько красивых мест! Вам надо съездить посмотреть наши озера. И Адирондакские горы тоже не так далеко – семьдесят миль к северу. А летом, когда мы переедем на Лесное озеро, мама и папа, наверно, захотят, чтобы вы у нас бывали.

Она далеко не была уверена, что родители пригласят Клайда на дачу, но чувствовала, как нужно сказать сейчас Клайду что-нибудь в этом роде. И действительно, он приободрился и до конца вечера разговаривал больше всего с нею, стараясь только не казаться слишком невежливым в отношении остальных членов семейства. Наконец, около половины десятого, вдруг снова почувствовав себя совсем посторонним и одиноким, Клайд поднялся и сказал, что ему пора идти: завтра он должен встать очень рано. Сэмюэл Грифитс проводил его к выходу. В эту минуту он, как раньше Майра, почувствовал симпатию к Клайду, подумал о том, что и он сам и его семья будут и дальше пренебрегать этим юношей, потому что он беден, и чтобы как-то вознаградить Клайда, решил сказать ему на прощанье несколько ласковых слов.

– Как хорошо на улице, – сказал он приветливо. – Подождите, весной наша Уикиги-авеню покажет себя во всей красе. – Он испытующе взглянул на небо и вдохнул свежий апрельский воздух. – Вот придете к нам через некоторое время, когда все тут будет в цвету, тогда сами увидите, как здесь мило. Доброй ночи!

Он улыбнулся. Голос его звучал тепло и дружески, и Клайд еще раз почувствовал, что, как бы ни вел себя Гилберт, – Грифитс-старший, безусловно, не совсем равнодушен к своему племяннику.

Глава 11

Шли дни за днями, и, хотя от Грифитсов больше не было писем, Клайд все еще преувеличивал значение единственного визита к богатым родственникам и по временам мечтал о новых встречах с этими очаровательными девушками и о том, какое было бы счастье, если бы одна из них полюбила его. Они живут в прекрасном мире, среди роскоши и блеска. Какой контраст с его собственной жизнью, с его окружением! Диллард! Рита! Они для него больше просто не существуют. Ему нужно совсем другое – или ничего. И он держался как можно дальше от Дилларда. В конце концов и тот отстранился от Клайда, считая его снобом, да Клайд и стал бы самым настоящим снобом, если бы достиг того положения, о котором мечтал. Но время шло, а он по-прежнему оставался на той же работе… Невеселая и нелегкая жизнь, скудный заработок и малоинтересное для него общество рабочих декатировочной приводили его в уныние. И постепенно он начал думать не о том, чтобы возобновить знакомство с Ритой и Диллардом – он больше не хотел иметь с ними дела, – а о том, чтобы оставить надежду устроиться здесь: надо вернуться в Чикаго или поехать в Нью-Йорк, где он в крайнем случае наверняка найдет работу в каком-нибудь отеле. Но тут, словно для того, чтобы оживить его мужество и прежние мечты, произошло событие, заставившее Клайда подумать, что он, несомненно, начинает подниматься во мнении отца и сына Грифитсов, хотя они и не вводят его в свое общество. Как-то весной, в одну из суббот, Сэмюэл Грифитс в сопровождении Джошуа Уигэма отправился в обход по фабрике. К полудню они дошли до декатировочной, и Грифитс впервые с некоторым смущением увидел Клайда в грубых штанах и нижней рубашке, работавшего у одной из двух сушилок (за это время его племянник научился достаточно ловко загружать и разгружать сушилки). И, вспомнив, каким изящным и представительным выглядел Клайд, когда его пригласили на ужин всего несколько недель назад, Сэмюэл Грифитс был совершенно потрясен контрастом. При прежних встречах – и в Чикаго и в тот вечер в доме Грифитсов – на Сэмюэла произвела наибольшее впечатление аккуратность и приятная внешность Клайда. А Грифитс-старший почти так же ревниво, как и его сын, относился к впечатлению, производимому на служащих фабрики и на всех жителей Ликурга не только именем Грифитсов, но и вообще их престижем. И теперь, увидя Клайда, так похожего на Гилберта, здесь, в декатировочной, в

неприглядной одежде, среди этих людей, он почувствовал острее, чем когда-либо, что Клайд – его племянник и не должен больше оставаться на такой черной работе. Иначе другие служащие подумают, что Сэмюэл Грифитс неподобающе равнодушен к значению столь близкого родства.

Однако он не сказал ни слова Уигэму или кому-либо другому, а подождал, пока сын не вернулся в понедельник утром из загородной поездки.

– В субботу я осматривал фабрику и видел, что наш Клайд все еще внизу, в декатировочной, – сказал он Гилберту, вызвав его к себе в кабинет.

– Ну и что же, отец? – спросил Гилберт, не понимая, почему отец вдруг заговорил о Клайде. – Очень многие работали там до него, и это им не повредило.

– Правильно, но они не приходились мне племянниками. И не были похожи на тебя. (Это замечание сильно задело Гилберта.) Так не годится, вот что я тебе скажу. Боюсь, что мы поступили с Клайдом несправедливо, наверно, и другие тоже так думают, – ведь все видят, как вы похожи, и знают, что он твой двоюродный брат и мой племянник. Я этого сначала не сообразил, потому что не заходил в подвал, но теперь мне ясно, что его нельзя там держать. Так не годится. Нужно положить этому конец. Переведем его куда-нибудь в другое место, где он будет выглядеть приличнее.

Он нахмурился, глаза его потемнели. Впечатление, которое произвел на него Клайд в старом платье и с каплями пота на лбу, было не из приятных.

– Видишь ли, в чем дело, отец, – попытался возразить Гилберт (он органически не выносил Клайда и хотел во что бы то ни стало оставить его на прежнем месте), – я не уверен, что смогу найти для него подходящую должность в каком-нибудь другом цехе. Придется перемещать тех, кто давно уже у нас работает и кто с таким трудом добивался своего места. А у Клайда нет никакой подготовки, он пока только и может стоять у сушилки.

– Ну, меня все это мало интересует, – сказал Грифитс-старший, чувствуя, что сын боится соперника и потому не вполне справедлив к Клайду. – В подвале ему не место, и я не хочу, чтобы он там оставался. Достаточно он там побыл… До сих пор в Ликурге имя Грифитс означало выдержку, энергию, способности и здравый смысл, и я не могу допустить, чтобы кто-либо из Грифитсов вызывал у людей другие мысли. Это плохо для дела. Устроить Клайда лучше – по меньшей мере наш долг. Ты меня понял?

– Отлично понял, отец.

– Значит, сделай, как я сказал. Потолкуй с Уигэмом. Сообразите, куда его можно перевести, чтобы он не был простым рабочим. С самого начала было ошибкой посылать его в этот подвал. Уж, наверно, у нас в каком-нибудь цехе найдется для него подходящее местечко. Можно его сделать помощником заведующего отделением, – скажем, даже вторым или третьим помощником, – чтобы он мог прилично одеваться и выглядеть как человек. В крайнем случае отправь его на некоторое время домой и полностью сохрани за ним его жалованье, пока не подыщешь для него подходящего места. Но я хочу, чтобы он был переведен. Кстати, сколько он сейчас получает?

– Кажется, долларов пятнадцать, – покорно ответил Гилберт.

– Маловато для того, чтобы всегда иметь приличный вид. Надо дать ему двадцать пять. Я знаю, он этого не стоит, но тут ничего не поделаешь. Пока он здесь, он должен иметь средства на жизнь. Я предпочитаю платить ему двадцать пять долларов – зато никто не сможет сказать, что мы поступаем с ним несправедливо.

– Хорошо, хорошо! Пожалуйста, не волнуйся из-за этого, – сказал Гилберт просительным тоном, видя, что отец рассердился всерьез. – Я не так уж виноват. Ты же сам сначала согласился, когда я предложил отправить его в декатировочную. Но теперь я думаю, что ты прав. Предоставь это мне. Я подыщу для него приличное место.

И он немедленно послал за Уигэмом, думая в то же время, как бы устроить все так, чтобы Клайд не вообразил, будто он что-то значит для Грифитсов; наоборот, пусть думает, что ему оказывают милость, никак не соответствующую его заслугам.

И, когда явился Уигэм, Гилберт завел с ним дипломатический разговор о Клайде; Уигэм тотчас притворился ужасно озабоченным, стал потирать лоб, потом вышел из комнаты. Через некоторое время он вернулся и заявил, что в состоянии предложить единственный выход: поскольку у Клайда нет никакой технической подготовки, его можно устроить только помощником мистера Лигета, заведующего пятью большими швейными отделениями на пятом этаже. Под его началом, кроме

того, было еще одно маленькое вспомогательное отделение, и для надзора за ним Лигету требовался специальный помощник или помощница.

Это была штамповочная – особая комната, где штемпелевали перед шитьем выкроенные воротнички; ежедневно сюда из закройной, находившейся этажом выше, доставляли от семидесяти пяти до ста тысяч дюжин непростроченных воротничков всех фасонов и размеров. Здесь девушки-работницы ставили на каждый воротничок клеймо, в соответствии с прикрепленным к каждой пачке ярлычком, указывающим размер и фасон. Обязанности помощника заведующего в этой комнате, как хорошо знал Гилберт, были несложны: наблюдать за порядком и за тем, чтобы работа шла без перерывов. Кроме того, надо следить, чтобы все эти семьдесят пять или сто тысяч дюжин воротничков были должным образом проштемпелеваны и переданы в находящийся по соседству швейный цех и чтобы в приходной книге была сделана соответствующая запись. И, наконец, нужно аккуратно записывать, сколько дюжин воротничков проштемпелевала каждая работница, так как плата тут сдельная.

Итак, здесь имелась небольшая конторка и на ней книги для всех этих записей. Кроме того, сюда же попадали нанизанные для удобства на специальные наколки те самые ярлыки, которые при раскройке прикреплялись к каждой пачке воротничков: штамповщицы снимали их и передавали помощнику заведующего для учета. Словом, это была самая несложная конторская работа; в прошлом эту должность занимали юноши, девушки, старики или пожилые женщины, смотря по тому, кто оказывался в данный момент под рукой.

Уигэм опасался, что Клайд по своей молодости и неопытности не сумеет на первых порах быть достаточно требовательным и авторитетным, как подобает начальнику, и поспешил указать на это Гилберту. В отделении работают одни только молодые девушки, и некоторые очень хороши собою. Благоразумно ли назначать к ним молодого человека такого возраста и такой наружности? Если он влюбчив, а это естественно в его годы, он, пожалуй, будет держаться слишком снисходительно, без должной строгости. Девушки станут пользоваться этим, и тогда невозможно будет оставить его здесь. Но в данную минуту это единственное свободное место на фабрике. Почему бы пока не направить туда Клайда, просто для пробы? Через некоторое время выяснится, годен ли он для этой работы, а там, может быть, Лигет или сам Уигэм найдут для него Другое место – и тогда можно будет его перевести.

И вот в тот же понедельник, около трех часов, Гилберт вызвал к себе Клайда, заставил его прождать с четверть часа (таков был метод Грифитса-младшего) и наконец принял его с самым суровым видом.

– Как идет ваша работа? – спросил он холодным, инквизиторским тоном.

И Клайд, которого неизменно подавлял уже один вид Двоюродного брата, ответил с вымученной улыбкой:

– Все так же, мистер Грифитс! Не могу пожаловаться. В общем, я доволен. Мне кажется, я кое-чему научился.

– Вам кажется?

– Нет, я, конечно, знаю, что научился кое-чему, – поправился Клайд, слегка покраснев.

В глубине души он был страшно возмущен и все же улыбался заискивающей, виноватой улыбкой.

– Ну, это немного лучше. Вряд ли найдется человек, который, проведя там столько времени, не знал бы, научился он чему-нибудь или нет. – Затем, решив, что он, пожалуй, слишком суров, Гилберт слегка изменил тон и прибавил: – Но я не для этого послал за вами. Я хочу поговорить о другом. Скажите, вам никогда не приходилось руководить другими и отвечать за их работу?

– Боюсь, что я не совсем понимаю вас, – ответил Клайд: он смутился и от волнения не уловил смысл вопроса.

– Я спрашиваю, не приходилось ли вам распоряжаться людьми – руководить работой в каком-нибудь маленьком отделе или что-нибудь в этом роде? Может быть, вы были где-нибудь старшим? Или помощником мастера?

– Нет, сэр, никогда, – ответил Клайд.

Он так нервничал, что чуть не заикался: очень уж сурово, холодно и, главное, презрительно говорил с ним Гилберт. Но в то же время Клайд сообразил, к чему ведет этот вопрос. Несмотря на всю суровость двоюродного брата и его обидное недоброжелательство, хозяева явно намерены сделать его старшим, поручить ему командовать какими-то людьми. Конечно, так! И, чувствуя, что у него от волнения вспыхнули уши и вспотели ладони, Клайд поспешно прибавил:

– Но я видел, как распоряжаются старшие в клубах и в отелях. Я думаю, что справился бы с этим, если бы мне дали попробовать.

Он сильно покраснел, глаза его заблестели.

– Ну, это не одно и то же. Совсем не одно и то же, – резко заметил Гилберт. – Видеть и делать – это совершенно разные вещи. Человек, не имеющий никакого опыта, может очень много думать о себе, а дойдет до дела

– окажется, что он ни к чему не пригоден. Во всяком случае, наше производство требует людей знающих.

Он смотрел на Клайда критически и насмешливо. А Клайд решил, что ошибся, что речь идет, должно быть, вовсе не о повышении его в должности,

– и стал спокойнее. Щеки его вновь стали, как всегда, матово-бледными, блеск в глазах погас.

– Да, сэр, мне кажется, это верно, – сказал он.

– Но в данном случае вам ничего не должно казаться, – подчеркнул Гилберт. – Вы должны знать. Что за мученье с людьми, которые ничего не знают, – всегда им все кажется.

Надо сказать, что Гилберта слишком раздражали необходимость дать место двоюродному брату, который ничем этого не заслужил, и он не мог скрыть свое желчное настроение.

– Да, вы правы, – примирительно сказал Клайд.

Он все-таки надеялся, что речь идет о повышении.

– Дело в том, – заявил Гилберт, – что я мог бы с самого начала поместить вас в учетный отдел, если бы вы были технически натасканы. (Выражение «технически натасканы» повергло Клайда в благоговейный трепет: он плохо понимал, что это должно означать.) Мы сделали для вас все возможное, – небрежно продолжал Гилберт. – Мы знали, что декатировочная – не очень приятное место, но ничего другого тогда не могли вам предложить.

– Он забарабанил пальцами по столу. – Теперь я вызвал вас, чтобы поговорить с вами вот о чем. У нас сейчас оказалось свободное место в одном отделении наверху. Мы с отцом задавали себе вопрос, можете ли вы справиться с этой работой. (Клайд воспрянул духом.) Мы с отцом давно уже думаем о том, чтобы сделать что-нибудь для вас, но, как я уже сказал, это оказалось для нас очень трудной задачей, потому что у вас нет никаких практических знаний. У вас нет ни технического, ни коммерческого образования, а это вдвойне усложняет дело.

Он сделал длинную паузу, чтобы придать особую силу своим словам и заставить Клайда понять, что он бессовестно втерся туда, где ему не место.

– Но поскольку мы вообще сочли нужным вызвать вас сюда, – заключил Гилберт, – мы решили испытать, не справитесь ли вы с работой на лучшем месте. Нельзя же без конца оставлять вас в подвале. Теперь слушайте, что я имею в виду. – И он стал объяснять, какого рода работа предстоит Клайду на пятом этаже.

Затем был вызван Уигэм, и, когда он поздоровался с Клайдом, Гилберт сказал:

– Уигэм, я только что рассказал двоюродному брату о нашем утреннем разговоре и сообщил ему то, что я вам уже говорил о нашем плане испробовать его в качестве заведующего штамповочным отделением. Так что, пожалуйста, проводите его к мистеру Лигету, и пусть сам Лигет или кто-нибудь еще объяснит ему характер работы. – Гилберт повернулся к столу.

– А потом пришлите его обратно ко мне, я хочу еще поговорить с ним.

Он встал с важным видом и отпустил обоих. А Уигэм, все еще сомневаясь в успехе этого опыта, но в то же время очень стараясь быть приятным Клайду (кто знает, кем он станет впоследствии!), повел его на пятый этаж к мистеру Лигету. Среди оглушительного жужжания машин Клайд прошел за Уигэмом в небольшое отделение в западном крыле здания, отгороженное от главного зала невысоким барьером. Здесь двадцать пять девушек-штамповщиц и их подручные, носившие корзины,

старались справиться с непрерывным потоком непростроченных воротничков, которые спускались с верхнего этажа по особым деревянным желобам.

Клайда представили мистеру Лигету и тотчас провели к отгороженной барьером конторке, за которой сидела маленькая, толстенькая и не особенно красивая девушка примерно его возраста; она поднялась им навстречу.

– Это мисс Тодд, – представил ее Уигэм. – Она последние дни заменяет миссис Энджир. Будьте любезны, мисс Тодд, объясните мистеру Грифитсу как можно быстрее и понятнее, в чем заключаются ваши обязанности. А потом будете помогать ему, пока он не освоится с работой и не начнет справляться сам, – сделаете?

– Конечно, мистер Уигэм, с удовольствием! – ответила мисс Тодд и, разложив книги на конторке, тотчас же стала объяснять Клайду, как учитывается прием и выпуск товара, как штампуются воротнички, как подносчицы собирают в корзины спускающиеся по желобам связки воротничков и поровну распределяют их среди штамповщиц, а потом другие девушки выносят уже проштемпелеванные воротнички в швейный цех. Клайд с интересом слушал, понимая, что легко справится с этой работой. Но он чувствовал себя странно среди такого множества женщин. Их было здесь очень много – несколько сотен. Они сидели и шили – и длинные ряды их тянулись в дальний конец огромного помещения с белыми стенами и белыми колоннами. Через высокие, от пола до потолка, окна вливались потоки света… Далеко не все девушки были красивы. Клайд исподтишка разглядывал их, пока мисс Тодд, а затем Уигэм и даже Лигет давали ему подробнейшие объяснения.

– Самое важное, – сказал под конец Уигэм, – следить, чтобы не было ошибок при подсчете тысяч дюжин воротничков, которые поступают сюда на штамповку, и чтобы их штемпелевали и передавали швеям без задержки. И надо аккуратно записывать, сколько вырабатывает каждая девушка, чтобы не было ошибок при оплате.

Наконец Клайд сообразил, что именно от него требуется, и сказал, что все понял. Он очень волновался, но быстро решил: раз такую работу может выполнять эта девушка, значит, сможет и он. А Уигэм и Лигет, помня о его родстве с Гилбертом, держались очень доброжелательно и уверяли, что он прекрасно справится. Потом Клайд вместе с Уигэмом вернулся в кабинет Гилберта, который, едва увидев их, спросил:

– Ну, что скажете? Да или нет? Как по-вашему, справитесь вы с этим делом?

– Я считаю, что справлюсь, – сказал Клайд с необычайной для него решительностью, но втайне опасаясь, что может и сплоховать, если судьба не будет милостива к нему. От столь многого зависит благожелательное отношение тех, кто стоит над ним, и тех, кто его окружает, – а всегда ли они будут к нему благосклонны?

– Прекрасно, – продолжал Гилберт. – Присядьте на минутку. Я хочу еще немного поговорить с вами об этой работе. Она вам кажется простой, не так ли?

– Нет, я не могу сказать, чтобы она показалась мне очень простой, – ответил Клайд, взволнованный и немного бледный: по своей неопытности он воображал, что это назначение – огромное событие и тут понадобятся все его способности и мужество. – Но все-таки я думаю, что справлюсь. Я даже уверен в этом и хотел бы попробовать.

– Ну, вот это звучит уже лучше! – ответил Гилберт более милостиво. – А теперь я хочу вам сказать еще несколько слов. Вы, вероятно, не думали, что у нас тут есть целый этаж, переполненный женщинами?

– Нет, сэр, я об этом не думал; я знал, что здесь работают женщины, но не знал, где именно.

– В сущности, – сказал Гилберт, – всю фабрику сверху донизу обслуживают женщины. В производственном отделе на одного мужчину приходится десять женщин. Поэтому мы доверяем ответственные места на нашей фабрике только тем лицам, чье нравственное поведение и религиозность нам хорошо известны. Вы наш родственник, и поэтому мы вам доверяем, а если бы не это, мы никак не могли бы возложить на вас такую ответственность, пока не узнали бы вас лучше. Но не думайте, что, раз вы наш родственник, вам не придется отвечать за все происходящее у вас в отделении, так же как и за ваше собственное поведение. Наоборот, мы будем особенно строги и требовательны к вам именно потому, что вы – наш родственник. Вы поняли, что я хочу сказать? Вы представляете себе, что значит здесь имя Грифитс?

– Да, сэр, – ответил Клайд.

– Очень хорошо, – продолжал Гилберт. – Прежде чем ставить человека на какой-то ответственный пост, мы должны быть вполне уверены, что этот человек всегда будет вести себя как джентльмен, всегда будет соблюдать приличия в отношениях с нашими работницами. Недолго у нас продержится такой служащий – молодой или даже старый, – который вообразит, что, раз тут кругом женщины, значит, можно пренебрегать работой и позволять себе всякие вольности, флирт и прочее. Все, кто у нас

работает, – и мужчины и женщины, – должны помнить, что они всегда и прежде всего наши служащие, они должны чувствовать это и вне стен фабрики. А если мы узнаем, что кто-нибудь об этом забыл, – с таким человеком будет все кончено. Такие нам не нужны. Мы с ними расстаемся сразу и навсегда.

Он замолчал и посмотрел на Клайда, как бы говоря: «Кажется, я достаточно ясно выражаюсь: мы не желаем никаких неприятностей из-за вас». И Клайд ответил:

– Да, я понимаю. Думаю, что это правильно. Только так и может быть.

– И должно быть, – прибавил Гилберт.

– И-должно быть, – как эхо, повторил Клайд.

В то же время он спрашивал себя, вправду ли дело обстоит так, как говорит Гилберт. Он уже не раз слышал, что фабричные работницы ведут себя вольно. Впрочем, в ту минуту он не думал, что возможны какие-то внеслужебные отношения между ним и кем-либо из этих девушек. Клайду теперь казалось, что его интерес к женщинам чрезмерен, ненормален, а потому лучше совсем не иметь с ними дела, даже не разговаривать, держаться неприступно и холодно – вот как Гилберт держит себя с ним. Это необходимо, если хочешь остаться на новом месте. А Клайд твердо решил остаться и всегда вести себя так, как того требует двоюродный брат.

– Ну, так вот, – продолжал Гилберт, точно желая дополнить мысль Клайда,

– я хотел бы знать одно. Предположим, я назначу вас на это место хотя бы временно. Могу ли я быть уверен, что вы будете помнить о своих обязанностях и что у вас не закружится голова среди такого количества женщин?

– Да, сэр, можете быть уверены, – ответил Клайд: краткое наставление двоюродного брата сильно подействовало на него, хотя, помня о Рите, он был не совсем уверен в своей выдержке.

– Если это не так, вам следует именно сейчас сказать прямо, – настаивал Гилберт. – Вы связаны кровными узами с нашей семьей, и здесь, на фабрике, а тем более в такой должности, вы – представитель семьи. Поэтому ни в коем случае ничто не должно бросать на вас тень. Я хочу, чтобы вы с этого дня тщательно следили за собой, за каждым своим шагом. Даже в мелочах не должно быть ничего такого, что могло бы вызвать нежелательные разговоры на ваш счет. Понимаете?

– Да, сэр, – торжественно ответил Клайд, – я понимаю. Я буду вести себя как следует, или меня уволят.

В эту минуту Клайд всерьез думал, что сумеет выполнить свое обещание. Сотни девушек наверху казались ему сейчас чем-то очень далеким и незначительным.

– Прекрасно! Теперь вот что. Не приступайте сегодня к работе. Отправляйтесь домой и обдумайте хорошенько все, что я вам сказал. И если не передумаете, тогда приходите завтра утром и принимайтесь за работу. С сегодняшнего дня вы будете получать двадцать пять долларов, и я хотел бы, чтобы вы были всегда одеты чиста и прилично и подавали хороший пример другим заведующим отделениями.

Он встал, холодный и надменный; но Клайд, обрадованный тем, что его заработок вдруг повысили и что теперь можно одеваться прилично, был бесконечно благодарен за все своему двоюродному брату и потому искренне хотел сойтись с ним поближе. Конечно, Гилберт суров, холоден и заносчив, а все-таки, видимо, он, как и дядя, не забывает о Клайде, иначе они не перевели бы его на лучшее место, да еще так быстро. Если бы только подружиться с ним, завоевать его симпатию! Вот тогда Клайд мог бы занять действительно великолепное положение, тогда у него появились бы и знакомства и успех в свете.

В отличном настроении, шагая бодро и уверенно, он вышел из огромной фабрики; он строил всевозможные планы на будущее, в частности, твердо решил испытать себя: на что он годен в жизни и в работе? Что бы ни случилось, он будет именно таким, каким явно хотят его видеть дядя и двоюродный брат; с работницами своего отделения он будет равнодушен, холоден и даже суров, если понадобится. И никаких отношений с Диллардом, с Ритой, с кем бы то ни было в этом роде, – во всяком случае, на ближайшее время.

Глава 12

Получать двадцать пять долларов в неделю! Заведовать отделением, где работают двадцать пять девушек! Снова прилично одеваться! Сидеть за служебной конторкой в углу у окна, откуда открывается прекрасный вид на реку! – и, наконец, после двух

месяцев тяжелой работы в жалком подвале чувствовать себя довольно значительной особой на этой огромной фабрике. И так как он – родственник Грифитсов и к тому же получил повышение, Уигэм и Лигет время от времени заходят к нему и любезно дают ему советы и указания. И некоторые заведующие других отделений и даже кое-кто из главной конторы – ревизор или агент по рекламе, проходя мимо, задерживаются, чтобы с ним поздороваться. Теперь, когда он достаточно освоился с новой работой, у него есть время осмотреться, узнать кое-что о фабрике в целом, о производственных процессах и снабжении. Он узнал, откуда берется это огромное количество полотна и бумажной ткани; узнал, что этажом выше, в огромном закройном цехе, сотни опытных высокооплачиваемых закройщиков выкраивают из этой ткани воротнички; узнал, что на фабрике есть особое бюро по найму рабочих и служащих, есть свой врач и своя больница, есть в главном здании своя столовая, где могут обедать одни только служащие фабрики, – теперь и Клайд, в качестве начальника отделения, мог бы завтракать здесь, если бы захотел и если бы решился тратить на это деньги. Скоро он узнал также, что в нескольких милях от Ликурга, на берегу реки Могаук, вблизи поселка Вантроуп, находится клуб для служащих ликургских фабрик; членами этого клуба состоят почти все начальники цехов окрестных фабрик, – но, увы, хозяева «Грифитс и Кь» относятся неодобрительно к общению своих служащих со служащими других компаний – и мало кто решается пренебречь их неодобрением. Впрочем, как сказал однажды Лигет, Клайд – член семейства Грифитс – вероятно, мог бы записаться в клуб. Но помня о строгих наставлениях Гилберта и о своих высоких родственных связях, Клайд решил, что самое лучшее – держаться подальше от всех. И вот, неизменно любезный и приветливый с окружающими, он все же оказался теперь гораздо более одиноким, чем мог бы быть при других условиях; избегая Дилларда и ему подобных, он после работы одиноко сидел у себя в комнате, а в субботу и воскресенье вечерами бродил по улицам и бульварам Ликурга или соседних городов. Думая, что это будет приятно его дяде и двоюродному брату и поднимет его в их мнении, он даже начал посещать пресвитерианскую церковь, которую, как он узнал, посещали обычно Грифитсы. Однако он ни разу не встретил их там, потому что с июня до сентября они проводили субботы и воскресенья на Лесном озере, куда обычно перебиралось на лето все высшее общество Ликурга.

В сущности, летом вся светская жизнь в Ликурге замирала. В самом городе в это время не происходило ничего интересного; а несколько раньше, в мае, все было по-другому. Клайд читал в местных газетах, а иногда и наблюдал издали, как развлекаются Грифитсы и их друзья: состоялся выпускной вечер и бал в школе Снедекер, где училась Белла; потом были устроены танцы у Грифитсов: над площадкой перед их домом был натянут полосатый тент, и на деревьях развешаны китайские фонарики. Клайд случайно увидел это, когда вечером, бродя в одиночестве по городу, дошел до их особняка. И снова он с жадным любопытством стал думать о Грифитсах, об их высоком положении и о своем родстве с ними. Но Грифитсы, удобно устроив его на незначительной и нетрудной должности, забыли и думать о нем. Ему теперь неплохо, а когда-нибудь после они, может быть, и пожелают снова его увидеть.

Спустя некоторое время он прочел в ликургской газете «Стар», что 20 июня состоится традиционный праздник цветов и автомобильные состязания между соседними городами (Фондой, Гловерсвилом, Амстердамом и Скенэктеди); в этом году праздник состоится в Ликурге, и это будет, писала «Стар», последнее значительное событие в светской жизни города перед ежегодным переселением на озера и в горы всех тех, кто имеет возможность уехать в такие места. В числе участников состязания, которые должны защищать честь славного города Ликурга, были упомянуты Белла, Бертина, Сондра и, разумеется, Гилберт. Так как этот праздник пришелся на субботу, то Клайд (он был в своем лучшем костюме, но при этом старался остаться незамеченным в толпе зрителей) снова увидел девушку, Пленившую его с первого взгляда. Она плыла в челне на волнах белых роз, держа в руках весло, обвитое желтыми нарциссами, – все это изображало какую-то индейскую легенду, связанную с рекой Могаук. В волосах Сондры, убранных, как у индианки, красовалось желтое перо; она была так хороша, что не только завоевала приз, но и вторично поразила воображение Клайда. Что за счастье принадлежать к такому обществу!

Затем Клайд увидел Гилберта в сопровождении очень красивой девушки: он правил одной из четырех машин, представлявших четыре времени года. Машина Гилберта изображала зиму, и девушка, закутанная в горностаи, стояла среди сплошной массы белых роз, заменявших снег. Следом шла другая машина, где Белла Грифитс олицетворяла весну; задрапированную в прозрачные ткани, ее наполовину скрывал водопад темных фиалок. Эффект был поразительный, и Клайдом овладели сладостные, но и мучительные мечты о любви, юности, любовных приключениях. В конце концов, быть может, напрасно он расстался с Ритой…

А между тем жизнь Клайда шла по-прежнему, только у него теперь было больше времени предаваться своим мыслям. Когда ему повысили жалованье, он прежде всего подумал о том, чтобы найти себе комнату в каком-нибудь частном доме, хотя бы и дальше от фабрики, но на лучшей улице. Переехав от миссис Каппи, он окончательно расстанется с Диллардом. И, кроме того, теперь, когда его повысили в должности, может случиться, что кто-нибудь из приближенных Сэмюэла Грифитса или Гилберта зайдет к нему по делу. Что они скажут, если увидят, в какой комнатушке он живет?

И через десять дней после нового назначения ему удалось благодаря своему звучному имени получить комнату в одном из лучших домов на Джефферсон-авеню – улице, которая шла параллельно Уикиги-авеню на расстоянии всего нескольких кварталов. Дом принадлежал вдове управляющего одной фабрики; ей приходилось сдавать две комнаты, чтобы справиться с расходами по дому, которые превышали ее скромные средства. Миссис Пейтон давно жила в Ликурге, много слышала о Грифитсах и сразу же заметила сходство Клайда с Гилбертом. Очень заинтересованная им и его приятной внешностью, она предложила ему прекрасную комнату всего за пять долларов в неделю, и он тотчас согласился.

Шла своим чередом и его работа на фабрике; но хотя Клайд твердо решил не обращать внимания на подчиненных ему работниц, ему не всегда удавалось сосредоточиться на своих механически однообразных обязанностях и не замечать всех этих девушек, тем более, что некоторые из них были очень хорошенькие. Стояло жаркое лето – конец июня. К двум-трем часам дня на фабрике все уставали от бесконечного однообразия работы, и тогда всех охватывала слабость, какая-то почти чувственная истома. Тут были молодые женщины и девушки всех типов, с самыми характерами и настроениями, и все они, лишенные мужского общества, досуга, каких-либо развлечений, были, в сущности, заперты здесь наедине с Клайдом. Воздух в помещении почти всегда был душный и расслабляющий, а за раскрытыми огромными окнами виднелся Могаук, сверкающий мелкой рябью; берега его зеленым ковром устилала трава, кое-где росли группы тенистых деревьев. Казалось, все говорило о радостях, которые ждут тех, кто бродит по этим берегам. А так как работа была чисто механическая, то девушки могли размышлять о разных приятных вещах; большей частью они думали о себе и о том, что они стали бы делать, если бы не были прикованы к этой работе.

Нередко их живое и пылкое воображение устремлялось на ближайший объект. А кроме Клайда, они здесь почти не видели мужчин; притом в эти летние дни он появлялся в лучшем своем костюме, – и невольно девушки сосредоточивали свое внимание на нем. Их головы были полны фантастических представлений о том, в каких он отношениях с Грифитсами и с подобными им людьми, где и как живет, какими девушками интересуется. В свою очередь, и Клайд, когда его не слишком угнетало воспоминание о наставлениях Гилберта, склонен был помечтать об этих девушках, особенно о некоторых из них, – и это были почти чувственные мечты. Вопреки всем пожеланиям «Компании Грифитс» и несмотря на разрыв с Ритой, а может быть, именно из-за этого, он постепенно заинтересовался тремя работницами. Они были не слишком набожны и нравственны, любили удовольствия и находили Клайда очень красивым. Вот каково было это трио.

Руза Никофорич, американка русского происхождения, рослая чувственная блондинка с влажными темными глазами, вздернутым толстым носом и пухлым подбородком, сильно увлеклась Клайдом. Но он всегда держался так строго, что она даже самой себе не смела признаться в этом увлечении. Клайд, с его гладко причесанными на пробор волосами, в светлой в полоску рубашке, рукава которой он из-за жары засучивал до локтей, казался ей почти сверхъестественно красивым. Она восхищалась его начищенными до блеска коричневыми ботинками, черным кожаным поясом со сверкающей пряжкой, свободно и изящно завязанным галстуком.

Была еще Марта Бордалу, крепкая, живая француженка из Канады, хорошо сложенная, хотя, пожалуй, слишком полная; у нее были медно-рыжие волосы, зеленовато-серые глаза, полные, розовые щеки и маленькие, пухлые руки. Невежественная и распущенная, она была бы в восторге, если бы Клайд пришел к ней хоть на час. При этом, необузданная и хищная по натуре, она ненавидела всех, кого подозревала в нежных чувствах к Клайду, и потому не выносила Рузу Никофорич. Она видела, что Руза пыталась задеть Клайда локтем или прислониться к нему, когда он подходил ближе. Между тем сама она пускала в ход все известные ей уловки: расстегивала блузку так, что видна была грудь, во время работы вздергивала юбку чуть не до колен, до плеч открывала полные, круглые руки, стараясь показать Клайду, что на нее стоит потратить время. Ее лукавые вздохи и томные взгляды, которые она бросала на Клайда, когда тот оказывался поблизости, заставили Рузу однажды воскликнуть: «Вот французская кошка! Станет он смотреть на нее!» Руза так ревновала, что ей ужасно хотелось ударить Марту.

И, наконец, веселая толстуха Флора Брандт, типичная американка из низов, с вульгарным, но миловидным лицом; у нее были черные волосы, влажные черные глаза, затененные густыми ресницами, вздернутый нос, большой чувственный, но красивый рот и крупное, сильное и все же по-своему грациозное тело. Она изо дня в день смотрела на Клайда взглядом, который говорил: «Как! Я не нравлюсь тебе? Да как ты можешь меня не замечать? А ведь многие парни были бы в восторге, если бы им так повезло…»

И, глядя на этих трех работниц, Клайд постепенно стал думать, что они совсем не похожи на других девушек: они проще, не так сдержанны и осторожны, не так связаны условностями в выборе знакомств, – а потому он, пожалуй, мог бы, не опасаясь впоследствии разоблачения с их стороны, позабавиться с одной из них – и даже со всеми тремя по очереди, если его интерес к ним под конец зашел бы так далеко. И все осталось бы в тайне, особенно если заранее дать им понять, что он оказывает им великую милость, удостаивая их хотя бы взглядом. Уж конечно, насколько можно судить по их поведению, они охотно вознаградят его и многое разрешат, и не будут в обиде, если он, чтобы сохранить свое место на фабрике, потом снова перестанет их замечать. Но он дал слово Гилберту Грифитсу и пока не собирался его нарушать. Все это были только мимолетные мысли, возникавшие потому, что Клайд «казался в слишком трудном положении. По натуре он был крайне чувствителен к женской красоте, всегда готов вспыхнуть, увлечься. Нелегко ему было противиться голосу пола. И заигрывания этих девушек порою, конечно, искушали его, особенно в эти жаркие, томительные летние дни, когда ему некуда было пойти и не с кем поговорить. Временами он не мог удержаться, чтобы не подойти к тем девушкам, которые с ним особенно кокетничали, впрочем, встречая их взгляды и замечая плохо замаскированные подчас попытки прикоснуться к нему, он сохранял непринужденный вид и поистине удивительное при его характере напускное равнодушие.

В это время на фабрику поступило очень много заказов, и Уигэм и Лигет посоветовали Клайду взять дополнительно несколько девушек «на пробу»: речь шла о еще не обученных работницах, которые соглашались на очень низкую плату, поскольку, работая сдельно и не освоившись с техникой производства, они были не в состоянии зарабатывать больше. В отдел найма постоянно приходили люди, желавшие получить работу; в период затишья им отказывали или просто вывешивали объявления: «Рабочая сила не нужна».

Так как Клайд все еще был сравнительно новичком в этом деле и ему до сих пор не приходилось кого-либо нанимать или рассчитывать, Уигэм и Лигет решили посылать ему только тех девушек, которых предварительно проверит сам Лигет; Лигету нужны были также добавочные швеи, и когда среди девушек, присланных к нему из отдела найма, он находил подходящих для штамповочной, то направлял их к Клайду на испытание. Лигет заранее объяснил ему установленный для этих случаев порядок: при найме и увольнении временных работниц новеньким, как бы они хорошо ни работали, нельзя давать понять, что ими довольны, пока не выяснится окончательно, на что они способны. Надо держать их в уверенности, что они работают только удовлетворительно, так как иначе из них не получится хороших сдельных работниц, которые постоянно стремились бы достигнуть наилучших результатов. В период, когда фабрика перегружена заказами, можно нанять таким образом сколько угодно девушек, а когда надобность минет, можно так же спокойно их рассчитать, – разве что какая-нибудь из них окажется особенно быстрой и ловкой работницей: такую всегда желательно сохранить на фабрике; для этого можно уволить какую-нибудь работницу похуже или перевести кого-нибудь из постоянных служащих на другую работу, чтобы дать место новому, усердному и энергичному человеку.

На другой день после того, как было вывешено объявление, что на фабрике нужны работницы, Лигет в разное время привел к Клайду четырех девушек, каждый раз поясняя: «Вот мисс Тиндэл, – может быть, подойдет. Поставьте ее на испытание», или: «Посмотрите, может быть, эта девушка справится у вас с работой». Клайд задавал им обычные вопросы о том, где они работали раньше, какую именно исполняли работу, живут ли они здесь с семьей или одни (фабрика неохотно принимала одиноких девушек), объяснял, что представляет собой работа в штамповочной и как она оплачивается; затем подзывал мисс Тодд, и та вела девушке в гардеробную, указывала каждой шкафчик, куда можно повесить пальто, а потом подводила к рабочему столу и объясняла, что нужно делать. В дальнейшем Клайд и мисс Тодд должны были определить, стоит ли оставить ту или другую девушку на работе.

До сих пор, если не считать тех трех девушек, которые определенно привлекали его, Клайду совсем не нравились здешние работницы. В большинстве они были неуклюжи и туповаты, и Клайд подумывал о том, что надо бы нанять хоть несколько хорошеньких. Почему бы нет? Неужели в Ликурге нет ни одной красивой работницы? А у всех этих штамповщиц такие широкие лица, большие, толстые руки и ноги! Многие работницы – польки по происхождению, дочери польских эмигрантов, живущих в трущобах к северу от фабрики, – даже говорят неправильно. Наверно, у них и мыслей никаких нет – разве лишь о том, чтобы найти себе «парнишку» и ходить с ним на танцы… Американки, как заметил Клайд, были другого типа, – более нервные, худощавые, и держались они в большинстве чопорно и сдержанно: расовые, моральные и религиозные предрассудки не позволяли им, видимо, сближаться ни с другими девушками, ни с кем-либо из мужчин.

Но среди новых работниц, взятых на испытание в эти последние дни, появилась одна, которая заинтересовала Клайда больше всех девушек на фабрике. Она сразу показалась ему умнее и милее всех остальных, более одухотворенной; изящно и пропорционально сложенная, она, видимо, физически была не слабее других. Увидев ее впервые, Клайд решил, что в ней есть какое-то особенное очарование, не свойственное ни одной из этих девушек. В ней чувствовалась какая-то вдумчивость и пытливость и вместе с тем определенная смелость и решительность и вера в себя – черты человека с сильной волей и твердыми убеждениями. Тем не менее она призналась, что у нее нет опыта в подобной работе и она не знает, сумеет ли справиться с делом.

Ее звали Роберта Олден; раньше она работала на маленькой трикотажной фабрике в городке Трипетс-Милс, в пятидесяти милях к северу от Ликурга. На ней была далеко не новая коричневая шляпка, низко надвинутая на лоб, совсем простой костюм, довольно поношенные туфли на толстой подошве. Небольшое, миловидное лицо с правильными чертами окружал золотистый ореол светло-каштановых волос. У нее были очень ясные серо-голубые глаза. Она казалась деловитой и серьезной и в то же время такой веселой, чистой и искренней, так была полна надежды и энергии, что сразу понравилась Клайду, как и Лигету, который говорил с нею первым. По своему развитию она явно была выше работниц штамповочной. Во время разговора с нею Клайда удивило ее волнение: она так беспокоилась, словно для нее было страшно важно поступить сюда.

Она сказала, что до сих пор жила со своими родителями вблизи маленького городка Бильца, а теперь живет здесь у своих друзей. Она говорила так откровенно и просто, что Клайд почувствовал симпатию к ней и решил ей помочь. Но при этом он подумал, что она заслуживает лучшего, чем работа в штамповочной. У нее такие умные большие голубые глаза, а рот и нос, уши и руки такие маленькие и милые, любо посмотреть.

– Значит, вы будете жить в Ликурге, если получите у нас работу? – сказал он просто для того, чтобы еще немного поговорить с нею.

– Да, – ответила она, открыто и прямо глядя на него.

– Стало быть, как вас зовут? – Клайд раскрыл блокнот.

– Роберта Олден.

– Ваш здешний адрес?

– Тэйлор-стрит, двести двадцать восемь.

– Я даже не знаю, где это, – заметил Клайд: ему нравилось разговаривать с ней. – Знаете, я тоже недавно в Ликурге. – Он сам удивился, почему ему вздумалось сразу же заговорить с нею о себе. Потом прибавил: – Не знаю, все ли вам объяснил мистер Лигет. У нас тут сдельная работа, надо штемпелевать воротнички. Пойдемте, я вам покажу. – И он провел ее к ближайшему столу, за которым работали штамповщицы.

Он дал ей понаблюдать за ними, а затем, не прибегая к помощи мисс Тодд, взял со стола воротничок и подробно объяснил, что и как надо делать, – все это еще недавно объясняли ему самому.

Она слушала так серьезно, так напряженно следила за каждым его движением, что он даже смутился немного и взволновался. Ее взгляд был странно проницателен и пытлив. Когда Клайд снова повторил, сколько платят за каждую пачку воротничков, и как много вырабатывают некоторые штамповщицы, и как мало успевают другие, она захотела попробовать; он подозвал мисс Тодд, и та отвела девушку в гардеробную, чтобы она повесила в шкафчик пальто и шляпу. Вскоре она вернулась; пушистые светлые волосы обрамляли ее лоб, щеки слегка зарумянились, глаза смотрели внимательно и серьезно. По совету мисс Тодд она засучила рукава, обнажив до локтя красивые руки. И по первым же ее движениям Клайд понял, что она будет быстрой и аккуратной работницей. Видно было, что ей страстно хочется получить это место.

Немного погодя он подошел к ней и стал смотреть, как она один за другим берет воротнички из лежащей рядом стопки, ставит штамп и потом быстро откладывает их в сторону. Она действительно работала проворно и аккуратно. И когда, обернувшись на мгновение, она наивно, но смело и весело улыбнулась ему, он ответил улыбкой, очень довольный.

– Ну, я вижу, вы отлично справитесь, – отважился он сказать, чувствуя, что она и в самом деле справится.

Она снова мельком улыбнулась ему, и Клайд невольно ощутил глубокое волнение. Она мгновенно пленила его, но его положение здесь и обещание, данное Гилберту, обязывали воздерживаться от проявления симпатий к своим подчиненным, даже и к такой очаровательной девушке. Иначе нельзя. Он должен быть так же осторожен с нею, как и со всеми остальными, – но это уже казалось ему странным, так сильно его влекло к ней. Она такая милая и хорошенькая. И, однако, она всего лишь работница, – фабричная девчонка, сказал бы Гилберт, – а он, Клайд, ее начальник… и все-таки она очень милая и хорошенькая.

Он поспешно отошел к другим девушкам, принятым в тот же день, а затем попросил мисс Тодд поскорее дать ему отзыв о мисс Олден: он хочет знать, справляется ли она с работой.

В ту самую минуту, когда он обратился к Роберте и та в ответ улыбнулась ему, Руза Никофорич, работавшая от нее через два стола, подтолкнула локтем свою соседку и незаметно, взглядом и легким кивком, показала на Клайда и Роберту. Ее подруга внимательно посмотрела на них. А когда Клайд отошел и Роберта вновь принялась за работу, эта девушка наклонилась и шепнула Рузе:

– Он уже уверен, что она справится! – Она подняла брови и поджала губы.

И Руза ответила так тихо, что больше никто не мог услышать:

– Быстро пошло дело! А раньше он и смотреть ни на кого не хотел.

И обе понимающе улыбнулись, уязвленные выбором Клайда. Руза Никофорич была ревнива.

Глава 13

Совсем особые причины заставили Роберту Олден искать места на фабрике «Грифитс и Кь», да еще столь скромного. Подобно Клайду, недовольная своей семьей и своей жизнью, она думала о собственной судьбе с чувством глубокого разочарования. У ее отца Тайтуса Олдена была ферма неподалеку от Бильца – городка в округе Маймико, милях в пятидесяти к северу от Ликурга. С самого детства Роберта не видела ничего, кроме бедности. Ее отец, младший из трех сыновей Эфраима Олдена, такого же фермера, был неудачником; в сорок восемь лет он жил все в том же доме, который достался ему от отца и еще тогда был стар и требовал ремонта, а теперь пришел в полную ветхость. Дом этот был некогда прелестным образцом превосходного вкуса, создавшего очаровательные домики с остроконечными крышами – украшение небольших городов Новой Англии, но стены его были давным-давно не крашены, недоставало многих черепиц на крыше и каменных плит на дорожке, ведущей от калитки к дверям, и весь он теперь выглядел так плачевно, словно готов был сказать со старческим кашлем: «Да, плохи мои дела!»

Внутренность дома соответствовала его внешнему виду. Полы и ступени лестницы расшатались и отчаянно скрипели; далеко не на всех окнах уцелели ставни. Мебель – и старинная, и более позднего происхождения – вся обветшала и была перемешана в неописуемом беспорядке, который, впрочем, и нет нужды описывать.

Родители Роберты были классическими американцами старого склада – из тех, что отвергают факты и чтут иллюзии. Тайтус Олден был одним из множества людей, которые рождаются, живут и умирают, так ничего и не поняв в жизни. Они появляются, бредут наугад и исчезают во мгле. Подобно своим двум старшим братьям – людям с весьма смутными, туманными понятиями и представлениями, – Тайтус жил словно вслепую; фермером он стал только потому, что и отец его был фермер. Ферма досталась ему по наследству, вот он и жил на ней: оставаться и кое-как работать здесь было проще, чем искать счастья где-то в другом месте. Он состоял в республиканской партии, потому что до него республиканцем был его отец и потому что весь их округ стоял за республиканцев. Ему и в голову не приходило, что может быть иначе. Свои политические и религиозные воззрения, все представления о том, что хорошо и что плохо, он заимствовал от окружающих. Никогда ни одному члену этой семьи не довелось прочесть ни одной серьезной, умной и правдивой книги. Но все же, с точки зрения религиозных и моральных условностей, это были превосходные люди, честные, прямые, почтенные и богобоязненные.

Дочь таких родителей, хоть и одаренная от природы качествами, возвышавшими ее над окружающей средой, не могла не быть в значительной мере продуктом этой среды; в ее сознании отразились преобладавшие здесь религиозные и нравственные понятия – взгляды местных пасторов и их прихожан. Но при этом она отличалась пылким темпераментом и живым воображением, и уже лет с пятнадцати ею овладела старая, как мир, мечта всех дочерей Евы от самых безобразных до самых прекрасных: что ее красота и обаяние когда-нибудь – и скоро – с колдовской и неодолимой силой поразят некоего мужчину или мужчин. И хотя все годы детства и юности ей пришлось провести среди тяжкой бедности и лишений, она всегда мечтала о чем-то лучшем. Кто знает, быть может, где-то там, впереди – большой город вроде Олбайи или Утики… и новая, прекрасная жизнь!

Какие мечты! Когда ей было четырнадцать, пятнадцать, восемнадцать лет, она любила выйти весенним утром в фруктовый сад; раннее майское солнце зажигало розовые огоньки на каждом старом дереве, землю розовым ковром устилали душистые опавшие лепестки, а она стояла, глубоко дыша, и порой смеялась или вздыхала, широко раскрывая объятия навстречу жизни. Она живет! Она молода – и перед ней весь мир! Она вспоминает глаза и улыбку юноши, что живет по соседству, – он случайно проходил мимо и взглянул на нее, и может быть, никогда больше не взглянет, а все же он пробудил столько грез в ее душе…

И, однако, она была очень застенчива, а потому и необщительна; она побаивалась мужчин – особенно заурядных, грубых местных жителей, и они, в свою очередь, избегали ее: их отталкивала ее застенчивость и сдержанность, а ее красота казалась в этих краях слишком утонченной. Правда, шестнадцати лет она переехала в Бильц и поступила на службу в мануфактурный магазин Эплмена за пять долларов в неделю и здесь стала встречать молодых людей, которые ей нравились. Но она была слишком невысокого мнения о своей семье, и ее неопытному глазу казалось, что положение этих юношей куда лучше ее собственного, а потому они не могут ею интересоваться, – и она своим поведением сама отпугивала их. Все же она работала у Эплмена почти до девятнадцати лет, все время сознавая, что ничего не может для себя сделать, потому что слишком тесно связана с родными, которые нуждаются в ее помощи.

А потом произошло событие, которое для этого уголка означало чуть ли не революцию. Так как в этой сугубо земледельческой местности был очень дешев труд, то в городке Трипетс-Милс открылась маленькая трикотажная фабрика. И хотя Роберта, следуя общепринятым здесь понятиям и нормам, воображала, будто такого рода труд ниже ее достоинства, все же ее соблазнили слухи, что на фабрике хорошо платят. Итак, она переехала в Трипетс-Милс, поселилась там у одной знакомой, жившей раньше в Бильце, и каждую субботу приезжала домой; она мечтала скопить немного денег, чтобы затем пройти курс в коммерческой школе где-нибудь в Ликурге или Гомере, изучить счетоводство или стенографию, словом – занятие, которое откроет перед нею какое-то лучшее будущее.

В этих мечтах и попытках отложить немного денег прошло два года. Роберта зарабатывала все больше (под конец двенадцать долларов в неделю), но ее родные во многом нуждались, а ей хотелось по возможности уменьшить их лишения, от которых она сама так страдала, и потому почти весь ее заработок уходил на семью.

Здесь, как и в Бильце, большинство молодых людей, которые были ближе ей по развитию и по характеру, смотрели на фабричных работниц свысока, словно на существа второго сорта. И хотя Роберта отнюдь не была работницей обычного типа, все же, постоянно общаясь с этими девушками, она усвоила их психологию, их пренебрежение к самим себе. Именно тогда она прониклась убеждением, что никто из молодых людей, которые ей нравятся, не заинтересуется ею, а если и заинтересуется, то уж, во всяком случае, не с серьезными намерениями.

Два события заставили ее всерьез задуматься не только о браке, но и о будущем вообще, независимо от того, выйдет ли она замуж. Ее двадцатилетняя сестра Агнесса (она была тремя годами моложе Роберты) вновь встретила недавно молодого учителя, который преподавал раньше в школе по соседству с фермой Олденов; теперь он пришелся ей больше по вкусу, чем во времена, когда она была школьницей, и она решила выйти за него замуж. И Роберта поняла, что если она тоже не выйдет в ближайшее время замуж, ее станут считать старой девой, а пока она раздумывала об этом, фабрика в Трипетс-Милс внезапно и

окончательно закрылась, и Роберта вернулась в Бильц, чтобы помогать матери по хозяйству, а заодно помочь сестре в приготовлениях к свадьбе.

Но тут произошло еще и третье событие, изменившее планы и мечты Роберты. Грейс Марр, девушка, которую она знала по Трипетс-Милс, уехала в Ликург, через несколько недель устроилась там на фабрике Финчли и стала зарабатывать пятнадцать долларов в неделю. Она написала Роберте, что в Ликурге можно получить работу – фабрика «Грифитс и Кь», мимо которой она проходит каждый день, вывесила объявление «Требуются работницы». Из расспросов выяснилось, что там девушкам на первых порах платят девять или десять долларов, но быстро обучают какой-нибудь специальности, и тогда, работая сдельно, можно заработать от четырнадцати до шестнадцати долларов в неделю, смотря по способностям. На стол и на комнату нужно только семь долларов, и Грейс разумно предлагала Роберте, к которой была очень привязана, приехать и поселиться с ней вместе.

Роберта к этому времени почувствовала, что жизнь на ферме стала для нее невыносима, надо как-то устраивать свою судьбу; в конце концов она уговорила мать отпустить ее, – ведь, работая на фабрике, она сумеет помогать семье.

Поселившись в Ликурге и получив место под начальством Клайда, Роберта под влиянием такой огромной перемены испытала короткую вспышку эгоистической радости; но очень скоро оказалось, что вся ее жизнь здесь – и материальное положение и круг знакомств – так же скудны, как в Бильце и Трипетс-Милс. Правда, к ней была искренне привязана Грейс Марр: эта бесцветная девушка надеялась, что красивая и веселая Роберта (чья веселость была несколько наигранной) внесет в ее жизнь то, чего ей так недоставало, – оживление и дружбу; но среда, в которой оказалась здесь Роберта, не отличалась ни большим разнообразием, ни большей свободой мысли, чем та, из которой она вышла.

Начать с того, что Ньютоны – сестра и зять Грейс, у которых она жила, – люди, несомненно, добрые, были все же самыми заурядными рабочими из маленького провинциального городка, даже еще более религиозными и ограниченными, чем те, с кем Роберта постоянно сталкивалась раньше в Бильце и в Трипетс-Милс. Джордж Ньютон – это всякому бросалось в глаза – был славный малый, отнюдь не чувствительный и не романтик. Свои дела и планы на будущее он ставил превыше всего на свете. Он служил на фабрике Крэнстонов и откладывал из своего заработка все, что мог, рассчитывая скопить денег и открыть когда-нибудь собственное дело. Ради этой цели, чтобы как-то пополнить свои скудные сбережения, чета Ньютонов решила снять старый дом на Тэйлор-стрит, где можно было сдавать несколько комнат; это приносило кое-какой доход и даже позволяло сносно кормить и семью и пятерых постояльцев – а собственный труд и хлопоты, связанные со сдачей комнат, Ньютоны не ставили ни во что. Жена Ньютона Мэри да и сама Грейс Марр принадлежали к очень распространенному типу женщин, чьи интересы ограничены самыми узкими рамками: они вполне удовлетворены, если им удалось создать свой маленький семейный очаг, заслужить уважение незначительных, ограниченных соседей, и смотрят на жизнь и на людей сквозь призму чисто сектантских верований.

Поселившись у Ньютонов, Роберта скоро убедилась, что если не во всем Ликурге, то по крайней мере в этой семье царят та же узость и ограниченность, как и во многих знакомых ей семьях в Бильце. Есть рамки, которые, по мнению Ньютонов и им подобных, необходимо строго соблюдать. Нарушение их ни к чему хорошему не ведет. Если ты работаешь на фабрике, тебе следует полностью приспособиться к жизни и обычаям лучшей, добропорядочной части фабричных рабочих… Итак, поселившись здесь, Роберта каждое утро в обществе Грейс и других постояльцев – двух работниц с фабрики Крэнстона и молодого монтера с городской электростанции – наспех глотала в столовой Ньютонов весьма посредственный завтрак и тотчас, выйдя на улицу, присоединялась к нескончаемой процессии, которая день за днем в этот час направлялась за реку, в фабричный район. Едва переступив порог, она неизменно попадала в поток рабочих и работниц примерно своего возраста, не говоря уже о множестве пожилых, изможденных женщин, куда больше похожих на привидения, чем на живые существа; они выходили из всех соседних домов, из всех близлежащих улиц. Ближе к Сентрал-авеню толпа густела, так как со всех сторон в нее вливались новые людские потоки, и всегда в этой толпе находились охотники завести знакомство с девушками покрасивее; Роберта замечала их взгляды и понимала, что они ищут легких развлечений, чтобы не сказать хуже. А иные девушки, – далеко не отличавшиеся строгостью нрава, присущей тем, кого она встречала до Ликурга, – отвечали на заигрыванье хихиканьем и глупыми улыбками. Какой стыд!

А вечером, когда кончалась работа на фабриках, такая же толпа пускалась в обратный путь через мост у вокзала. И таково было воспитание Роберты и усвоенная ею мораль, что, несмотря на свою красоту, решительный вид и пылкий нрав, она оставалась одинокой и никем не замеченной. А как это грустно, когда все вокруг веселы, а ты живешь одиноко! Она всегда возвращалась домой в седьмом часу, а после обеда просто нечего было делать: нередко они с Грейс шли куда-нибудь в кино; иногда Роберта даже заставляла себя пойти вместе с Грейс и Ньютонами на собраний прихожан методистской церкви.

И все же, войдя в эту семью и работая у Клайда, она радовалась перемене в своей жизни. Какой большой город! Как красива Сентрал-авеню с ее магазинами и кинематографом! И эти огромные фабрики! И мистер Грифитс – такой молодой, красивый, улыбающийся… И она ему нравится.

Глава 14

Клайд тоже волновался при встрече с Робертой. Отношения его с Диллардом, Ритой и Зеллой оборвались, приглашение в дом Грифитсов, где ему удалось лишь мельком увидеть настоящих светских девушек – Беллу, Сондру Финчли и Бертину Крэнстон, – было, видимо, случайным и не имело последствий, и теперь он чувствовал себя очень одиноким. Ах, этот высший свет! Но Клайду явно закрыт доступ туда. А между тем в тщеславной надежде на это он порвал все другие знакомства. Для чего он это сделал? Никогда еще он не был так одинок. Общество миссис Пейтон! Только и остается по дороге на работу или с работы перекинуться иной раз ничего не значащими приветливыми словами с каким-нибудь владельцем магазина на Сентрал-авеню, если тому заблагорассудится его окликнуть, или раскланяться с кем-нибудь из работниц; но они его не интересовали, да он и не решался познакомиться с ними поближе. Но ведь это все равно что ничего! Да, но зато он – Грифитс, и уже по одному этому вправе рассчитывать на уважение и почтительность всех этих людей. Ну и неразбериха! Что же делать?

Тем временем Роберта Олден немного привыкла к новой обстановке, лучше поняла, каково положение Клайда на фабрике и какой он привлекательный, заметила и его робкое, но все же несомненное внимание к ней, – и начала с тревогой думать о будущем. Живя в семье Ньютонов, она поняла, что принятые в Ликурге нормы поведения, видимо, раз и навсегда запрещают ей проявлять какой-либо интерес к Клайду или к кому бы то ни было из фабричного начальства: по местным понятиям, работница не имеет права влюбиться в начальника или допустить, чтобы начальник увлекся ею. Богобоязненные, порядочные и скромные девушки не позволяют себе этого. Она вскоре поняла, что граница, разделяющая в Ликурге бедных и богатых, столь резка, словно одни отделены от других взмахом ножа или высокой стеной. Было и еще одно «табу», касавшееся работниц и рабочих из иммигрантских семей: все они – неамериканцы, а значит, невежественны, безнравственны, люди низшей породы! С ними ни в коем случае нельзя иметь ничего общего!

Роберта узнала также, что в том мелкобуржуазном кругу, к которому принадлежала она сама и ее друзья, в среде религиозной и строго нравственной, – такие развлечения, как танцы, прогулки по улицам, посещение кино, тоже под запретом. А она как раз в это время стала интересоваться танцами. Хуже того: молодые люди и девушки – прихожане той церкви, которую начали посещать Роберта и Грейс, – не склонны были относиться к ним, как к равным; все это была молодежь из сравнительно более зажиточных семей – старожилов Ликурга. Роберта и Грейс некоторое время посещали церковные богослужения и собрания, но жизнь их от этого не изменилась: они были безупречны, и их допускали в это общество, но не приглашали в гости и на вечера, и они не участвовали ни в каких развлечениях, доступных другим прихожанам, занимавшим лучшее положение.

Встретив Клайда, Роберта увлеклась им и притом вообразила, что он принадлежит к некоему высшему обществу. И в душу ей проник тот же яд беспокойного тщеславия, который отравлял и Клайда. Каждый день на фабрике она невольно чувствовала на себе его настойчивый, пытливый и все же неуверенный взгляд. И чувствовала также, что он не решается сделать попытку к сближению, боясь встретить отпор. Уже две недели она работала здесь, и теперь ей часто хотелось, чтобы он с нею заговорил, чтобы стал предприимчивее, но она тут же пугалась: нет, он не должен приближаться к ней. Это ужасно! Невозможно! Другие девушки сразу заметят. Они явно считают, что он слишком хорош для них и слишком им чужд, – а если он станет относиться к ней иначе, чем ко всем остальным, они истолкуют это по-своему. Роберта знала – эти девушки найдут всему только одно объяснение: решат, что она распутная.

А Клайд слишком хорошо помнил правила, о которых говорил ему Гилберт. До сих пор, строго соблюдая их, Клайд держался так, словно не замечал девушек и ни одной из них не оказывал предпочтения, но теперь, когда появилась Роберта, он часто, почти бессознательно, подходил к ее столу и смотрел, как быстро и ловко она работает. Как он и ожидал, она оказалась хорошей, толковой работницей, очень скоро, без чьих-либо советов и наставлений, сама поняла все хитрости и приемы работы и стала зарабатывать не меньше других – пятнадцать долларов в неделю. И по ней всегда было видно, что работа здесь для нее – удовольствие, счастье и что ее радует малейший знак внимания со стороны Клайда.

Она казалась ему утонченной, совсем непохожей на других, и он с тем большим удивлением заметил в ее поведении вспышки своеобразной веселости, не только эмоциональной, но на особый, поэтический лад даже чувственной. Несмотря на свою сдержанность, она была в дружеских отношениях с девушками-иммигрантками, так непохожими на нее, и, видимо, прекрасно находила с ними общий язык. Прислушиваясь к ее разговорам о работе с Леной Шликт, Одой Петканас, Анжеликой Питти и другими девушками, которые быстро стали заговаривать с нею, Клайд решил, что она далеко не так строга и надменна, как остальные американки. Но и они, видимо, относились к ней с уважением.

Как-то в полуденный перерыв, вернувшись из столовой раньше обычного, он увидел, что Роберта, несколько девушек-иммигранток и четыре американки окружили польку Марию; эта бойкая, развязная особа довольно громко рассказывала, как парень, с которым она познакомилась накануне, подарил ей бисерную сумочку и с какой целью.

– Он хочет, чтоб я взяла эту вещичку и стала его милкой, – хвастливо объявила она, размахивая сумочкой перед глазами заинтересованных слушательниц. – Надо об этом подумать. А славная сумочка, верно? – Она подняла ее и повертела во все стороны, затем прибавила вызывающе, с напускной серьезностью махнув сумочкой в сторону Роберты: – Как мне быть, скажи? Взять сумку и стать его милкой или отдать ее назад? Мне ужасно нравится эта сумка, ей-богу!

Клайд ожидал, что, в полном соответствии с правилами, в которых она воспитывалась, Роберта возмутится. Ничуть не бывало! Судя по ее лицу, она просто от души забавлялась.

– Все зависит от того, красивый ли он, Мария, – ответила она, весело улыбаясь. – Если он очень славный, я бы немножко поводила его за нос, а пока что подержала бы сумочку у себя.

– Но он не хочет ждать, – лукаво заявила Мария, явно сознавая пикантность положения (при этом она подмигнула Клайду, который подошел ближе). – Я должна сегодня же стать его милкой, не то придется отдать ему сумочку, а сама я никогда не смогу купить такую шикарную сумку! – Она с лукавым и озорным видом смотрела на сумочку, комически наморщив нос. – Как же мне быть?

«Пожалуй, это слишком для такой скромной провинциалочки, как мисс Олден. Это ей не понравится», – подумал Клайд.

Но Роберта оказалась на высоте: она притворилась встревоженной.

– Ох, трудно тебе приходится, – сказала она. – Не представляю, что ты будешь делать!

Она широко раскрыла глаза и изобразила на лице величайшую озабоченность. Клайд видел, что она только играет, но играет превосходно.

И тут кудрявая голландка Лена заявила:

– Ей-богу, я возьму сумку и парня тоже, если он тебе не нужен. Где его найти? У меня сейчас нет милого.

Она протянула руку, словно собираясь взять у Марии сумочку; та столь же поспешно отступила, и почти все девушки, которые слышали все это и от души потешались над грубой шуткой, завизжали от восторга. Даже Роберта громко засмеялась, и Клайду это было приятно: ему нравился грубый юмор, пока дело ограничивалось невинной забавой.

Когда послышался гудок и в соседнем помещении зажужжали сотни швейных машин, он услышал, как Роберта сказала:

– Пожалуй, ты права, Лена. Хорошего человека встречаешь не каждый день.

Ее глубокие глаза блестели, соблазнительные губы раскрылись в улыбке. Клайд понимал, что она поддразнивает и шутит, а не говорит всерьез, но чувствовал также, что она совсем не такая ограниченная, как он опасался. Оказывается, она и человечная, и веселая, и снисходительная, и добродушная, и чувство юмора у нее есть. И хотя она бедно одета и ходит все в той же коричневой шляпке и синем платье, в которых пришла на работу в первый день, она красивее всех остальных работниц. И ей незачем красить губы и щеки, как это делают девушки-иммигрантки, чьи лица иной раз походят на расписные пряники. А как хороши ее руки и шея, округлые и изящные, и с какой грацией и увлечением она работает, словно это доставляет ей истинное удовольствие! От напряженной работы в самые жаркие часы у нее на верхней губе, на лбу и на подбородке выступают капельки пота; прервав на мгновение работу, она вытирает их платком, а Клайду кажется, что они, как жемчужины, только делают ее еще очаровательнее.

То были для Клайда удивительные дни. Снова – и в таких условиях, что он целыми днями мог быть вблизи нее, – в его жизни появилась девушка, о которой он думал, которой восхищался и к которой постепенно стал стремиться со всей страстностью, на какую был способен, – как стремился прежде к Гортензии Бригс, но с более приятным чувством, так как он видел, что Роберта гораздо проще, добрее и порядочнее. И хотя на первых порах она довольно долго казалась (или притворялась) совершенно равнодушной и словно не замечала его, на самом деле все это с самого начала было неправдой. Она просто не знала, как себя вести. Он красивый, думала она, руки у него красивые, и мягкие темные волосы, а черные глаза такие грустные и нежные. Он привлекателен – даже очень! Настоящий красавец!

Однажды в отделение зашел Гилберт Грифитс и заговорил о чем-то с Клайдом – и поэтому Роберта вообразила, что Клайд человек гораздо более состоятельный и с лучшим положением в обществе, чем она думала раньше. К тому же, едва появился Гилберт, ее соседка Лена Шликт, наклонясь к ней, сказала:

– Это мистер Гилберт Грифитс. Вся фабрика принадлежит его отцу, и, говорят, когда отец умрет, все перейдет к нему. Они двоюродные братья, – прибавила она, кивнув в сторону Клайда. – Очень похожи, правда?

– Да, очень, – сказала Роберта, украдкой рассматривая обоих молодых людей. – Только мне кажется, мистер Клайд красивее, – как по-твоему?

Ода Петканас, сидевшая по другую сторону Роберты и слышавшая ее слова, рассмеялась:

– Это всем так кажется! И он не такой гордый, как мистер Гилберт.

– А он тоже богатый? – спросила Роберта, думая о Клайде.

– Не знаю. Говорят, что нет. – На лице Оды выразилось сомнение. Она, как и остальные девушки, живо интересовалась Клайдом. – Он прежде работал в декатировочной. По-моему, он просто работал поденно, как и все. Но, говорят, он только недавно приехал сюда, чтобы познакомиться с делом. Может быть, он здесь ненадолго.

Роберта вдруг огорчилась, услышав это; до сих пор она старалась уверить себя, что не думает о Клайде как о человеке, которого могла бы полюбить, но теперь, представив себе, что он в любой день может неожиданно уехать и она никогда больше его не увидит, она почувствовала странное волнение. Он такой молодой, красивый, обаятельный. И ведь она ему нравится, это ясно. Нет, об этом не следует думать. И она не должна пытаться ни взглядом, ни движением привлечь его внимание. Ведь он здесь такая важная персона, настолько выше ее…

Услыхав о высоких родственных связях Клайда и о его предполагаемом богатстве, верная своим понятиям Роберта решила, что он, конечно, не может интересоваться ею с серьезными намерениями. Ведь она – бедная работница. А он – племянник такого богача… Конечно, он не женится на ней. А какие же другие отношения могут быть между ними? Нет, осторожность прежде всего.

Глава 15

В эти дни мысли Клайда о Роберте и его собственном положении в Ликурге были путаны и тревожны. Разве Гилберт не предупреждал его, чтобы он не заводил никаких знакомств с работницами? С другой стороны, у него все еще нет ни знакомых, ни какого-либо положения в обществе и по-прежнему он очень одинок. Правда, поселившись у миссис Пейтон, он оказался на лучшей улице, в лучшем районе, – но, в сущности, ему здесь даже хуже, чем у миссис Каппи. Там он, по крайней мере, встречался с молодежью вроде Дилларда и не скучал бы, если бы позволил себе сблизиться с нею. А здесь, кроме брата миссис Пейтон, холостяка примерно одних с нею лет, и ее тридцатилетнего сына, болезненного и замкнутого, служащего в одном из ликургских банков, он не видит никого, кто бы мог и хотел его развлечь. Как и все, с кем ему приходилось встречаться, его новые хозяева думают, что он не нуждается в их обществе: у него есть родные и знакомые, и было бы некрасиво ему навязываться.

С другой стороны, хотя Роберта и не принадлежит к тому высшему обществу, к которому он теперь стремится, она прелестна! Клайда неудержимо влекло к этой девушке. День за днем полное одиночество, а еще больше властный инстинкт толкали его к ней; его то и дело тянуло посмотреть на нее, а ее – на него. Их взгляды на мгновение встречались исподтишка, напряженные, лихорадочные. И от одного беглого взгляда, который Роберта бросала на него украдкой, вовсе не желая, чтобы Клайд это заметил, его порой охватывали лихорадка и слабость. Какой у нее прелестный рот, большие ласковые глаза, сияющая и в то же время часто застенчивая и боязливая улыбка! А какие прелестные руки, какая гибкая фигурка, быстрые и ловкие движения! Если бы подружиться с ней, заговорить, встретиться где-нибудь… если б только она захотела, а он осмелился!

Смущение. Страстное желание. Долгие часы жгучего томления. Что и говорить, Клайда не только озадачивали, но и возмущали нелепые, ненормальные противоречия, которыми была полна здесь его жизнь: он одинок и заброшен, а между тем все окружающие полагают, что он вращается в веселом и приятном обществе.

И чтобы развлечься немного – так, как подобает ему в его теперешнем положении, и своим отсутствием поддержать общее заблуждение, будто он приятно проводит время в хорошем обществе, он стал уезжать на субботу и воскресенье в Гловерсвил, Фонду, Амстердам или на озера Серое и Крам: там были купальни, хорошие пляжи и можно было брать напрокат купальные костюмы и лодки.

Клайд всегда думал, что на случай, если Грифитсы когда-нибудь приблизят его к себе, ему следует приобрести манеры и привычки светского человека; случайный знакомый – отличный спортсмен – научил его прекрасно плавать и нырять, но особенно увлекся он греблей. Он с удовольствием сознавал, что выглядит очень живописно, когда в рубашке с открытым воротом, в парусиновых туфлях выплывает на середину озера Крам в ярко-красной, зеленой или синей байдарке, – их давали напрокат по часам. В эту летнюю пору все вокруг казалось каким-то воздушным, сказочным, особенно если высоко над головой таяли в синеве два-три облачка. И Клайд среди бела дня начинал грезить о том, как бы он чувствовал себя, став членом одной из тех богатых компаний, которые посещают более модные северные окрестности Ликурга – озера Рэкет или Скрун, или Джордж и Чемплейн. Он представлял себе танцы, игру в гольф и теннис, катание по озеру на лодках в обществе самых богатых людей Ликурга – тех, кто может позволить себе ездить по таким местам.

Примерно в это же время Роберта и ее подруга Грейс открыли существование озера Крам и выбрали его, с одобрения четы Ньютон, как лучшее и самое тихое местечко для купанья за городом. Им тоже понравилось приезжать сюда по субботам и воскресеньям после полудня; они шли по протоптанной пешеходами тропинке вдоль западного берега, на котором кое-где

стояли отдельные группы деревьев, садились под деревом и смотрели на воду: они не умели ни грести, ни плавать. Вокруг росли полевые цветы и было вдоволь ежевики. Кое-где, пробравшись по топкому болотистому берегу, можно было дотянуться до белых водяных лилий с их нежными желтыми сердечками. Они были ужасно соблазнительны, и девушки уже два раза приносили миссис Ньютон целые охапки полевых и водяных цветов.

В третье воскресенье июля Клайд, сняв пиджак и шляпу, по-прежнему одинокий и недовольный, скользил в темно-синей байдарке вдоль южного берега озера в полутора милях от купален; он чувствовал себя неудовлетворенным и обиженным и предавался тщеславным мечтам о жизни, какую ему хотелось бы вести. На озере там и сям виднелись байдарки и неуклюжие, по сравнению с ними, большие лодки, и до Клайда порою долетали обрывки разговора и веселый смех юношей и девушек, мужчин и женщин. Иной раз Клайд замечал вдалеке байдарку с другим таким же мечтателем и всегда решал, что это счастливый влюбленный… Не то что он в своем одиночестве.

Уже один вид других молодых людей и их подруг будил в Клайде страстные желания, подавленные и мятежные. И тогда воображение рисовало ему иную картину: если бы только судьба была благосклоннее к нему, если бы он родился в другой семье, теперь он плыл бы в байдарке по озеру Скрун, или Рэкет, или Чемплейн с какой-нибудь девушкой вроде Сондры Финчли и любовался более красивыми берегами. И разве он не мог бы кататься верхом, играть в теннис, танцевать по вечерам, разъезжать повсюду вместе с Сондрой на мощной быстроходной машине? Он чувствовал себя таким отверженным и одиноким, что не находил покоя; окружающее терзало его: ему казалось, кругом, куда ни глянь, повсюду любовь, романтика, довольство. Что же делать? Куда деваться? Не может же он вечно жить в одиночестве. Он слишком несчастен. Его мысли и память обращались к прошлому, к немногим счастливым веселым дням, которые он провел в Канзас-Сити перед тем страшным несчастьем… Он вспоминал Ретерера, Хегленда, Хигби, Тину Когел, Гортензию, сестру Ретерера Луизу – словом, ту веселую компанию, с которой он начинал сживаться как раз перед катастрофой. А потом перед ним вставали Диллард, Рита, Зелла – с ними, конечно, было веселее, чем одному. Вдруг Грифитсы больше ничего для него не сделают? Неужели он приехал сюда только для того, чтобы Гилберт глумился над ним? Неужели дети его богатого дяди и все это блестящее общество никогда его не признают? По тысяче примет он видел, какой благополучной, беззаботной и, конечно, счастливой жизнью живут эти люди. Даже теперь, в этот мертвый сезон, местные газеты чуть ли не каждый день сообщают о том, как они веселятся, разъезжают по окрестностям… Иногда кто-нибудь из них ненадолго заглянет в город – и тогда веселую компанию светской молодежи можно увидеть у входа в отель «Ликург» или перед одним из прекрасных особняков на Уикиги-авеню.

В дни, когда отец или сын Грифитсы бывали в городе, у подъезда главной конторы останавливались их дорогие роскошные машины. Гилберт и Сэмюэл появлялись в великолепных летних костюмах и, сопровождаемые высшими служащими фирмы, делали торжественный, прямо королевский обход огромного предприятия, выслушивая доклады и отдавая распоряжения. А вот он, двоюродный брат этого самого Гилберта, племянник знаменитого Сэмюэла, предоставлен самому себе просто потому – теперь это ясно, – что он, на их взгляд, слишком мелкая сошка. Его отец не такой способный делец, как этот важный дядя, мать (храни ее бог!) не такая светская дама, как холодная, надменная, равнодушная тетка. Не лучше ли бросить все это? В конце концов, пожалуй, он сделал глупость, приехав сюда. Может быть, его богатые родственники вовсе и не собираются больше помогать ему?

Одиночество, обида и разочарование заставляли его мечтать уже не о Грифитсах и их обществе (с особенно жгучим волнением он всегда вспоминал о красавице Сондре Финчли), но о Роберте и о той среде, которая окружала его здесь так же, как и ее. Конечно, Роберта просто бедная работница, но она гораздо привлекательнее всех других девушек, которых он каждый день видит на фабрике.

Как несправедливо и нелепо со стороны Грифитсов требовать, чтобы человек в положении Клайда не знакомился с такими девушками, как, например, Роберта, только потому, что она работает на фабрике! Из-за этого запрещения он не может даже просто подружиться с нею, съездить вдвоем куда-нибудь на озеро или пойти к ней в гости. И в то же время она не может завязать других, более подходящих знакомств, потому что у него нет денег и он ни с кем не встречается. А Роберта так хороша, неотразимо обаятельна… Он представлял себе ее за работой – быстрые, грациозные движения ее точеных рук, ее гладкую кожу, сияющие глаза, когда она ему улыбается. Его снова охватило чувство, которое теперь постоянно владело им на фабрике. Пусть эта девушка бедна и ей, по несчастью, пришлось стать простой работницей, он все равно был бы очень счастлив с нею, но только при одном условии: чтобы не нужно было жениться. Что касается брака, тут честолюбивый Клайд был словно под гипнозом: он женится на девушке из круга Грифитсов! И все же он пламенно стремился к Роберте. Если бы только решиться… если бы поговорить с нею, проводить ее как-нибудь домой после работы, привезти сюда, на озеро, в субботу или воскресенье, покатать ее на лодке – просто чтобы отдохнуть и помечтать вместе.

Байдарка Клайда огибала мыс, поросший деревьями и кустарником и скрывавший мелкую бухточку, – здесь было множество водяных лилий, их широкие листья покоились на глади озера. На берегу стояла девушка и смотрела на цветы. Она была без шляпы и прикрывала рукой глаза, потому что солнце светило ей прямо в лицо. Губы ее приоткрылись в гримаске легкого недоумения. Она показалась Клайду очень хорошенькой, и, перестав грести, он стал смотреть на нее. Рукава ее голубой блузки

доходили только до локтей; темно-синяя юбка облегала стройную фигуру. Неужели это Роберта? Нет, не может быть! Да, это она!

И, не успев даже подумать о том, что он делает, Клайд оказался совсем рядом с нею, в каких-нибудь двадцати футах от берега; он смотрел на нее, сияющий, с видом человека, чьи грезы внезапно, сверх всяких ожиданий стали явью. И как будто он сам был чудесным видением, вдруг возникшим из небытия, плодом напряженного воображения, обретшим живую форму, – она тоже стояла и неподвижно смотрела на него, невольно улыбаясь той очаровательной улыбкой, которая всегда появлялась на ее губах в минуты радостного волнения.

– Как, мисс Олден! Неужели это вы? – воскликнул он. – Я не был уверен. Никак не мог отсюда разглядеть, вы ли это!

– Ну да, я, – засмеялась она, удивленная и чуточку растерянная.

Она явно была рада видеть его, хотя в первые мгновения слегка сдерживала свою радость, – и, однако, сразу встревожилась, предвидя, сколько осложнений может повлечь за собою эта встреча. Завяжется знакомство, может быть, дружба, и ей вовсе не хочется больше противиться этому, – пусть люди думают о ней что угодно. Но все же ведь с нею подруга, Грейс Марр. Нужно ли говорить Грейс о Клайде и о том, как он нравится ей, Роберте? Все это волновало ее. И все-таки она не могла подавить радостную улыбку и смотрела на него открыто и приветливо. Она столько думала, столько мечтала о нем – это были мирные, скромные и радостные мечты. И вот он здесь! Разве может кто-либо поставить им в вину, что они оба случайно оказались здесь, на озере?

– Гуляете? – вымолвил наконец Клайд, хотя от радости и из-за своих страхов он изрядно смутился, когда она оказалась перед ним. Но, тут же вспомнив, как она только что смотрела на цветы, прибавил: – Нарвать вам лилий? Мне показалось, вы хотели достать их.

– Да-а, – ответила Роберта, все еще улыбаясь и пристально глядя на него, потому что Клайд со своими темными волосами, растрепавшимися на ветру, в бледно-голубой рубашке с открытым воротом и засученными рукавами, с желтым веслом в руках, поднятым над красивой синей лодкой, казался ей неотразимым.

Если бы завоевать этого юношу, чтобы в целом мире никто, кроме нее, не имел на него права… Это было бы величайшим счастьем, больше ей ничего на свете не нужно. И вот он здесь, у самых ее ног – в ярко-синей байдарке, весь освещенный сияющим солнцем июля, – такой необыкновенный и милый. Он смеется и смотрит на нее с восхищением. А Грейс где-то далеко, собирает маргаритки… Но можно ли?.. Имеет ли она право?..

– Я смотрела, нельзя ли как-нибудь до них дотянуться, – продолжала она, сдерживая волнение, и голос ее чуть дрогнул. – До сих пор я не видела лилий у этого берега.

– Я нарву их вам сколько угодно! – весело воскликнул Клайд. – Стойте здесь, сейчас я их вам доставлю. – Но тут же он подумал, что еще приятнее взять ее к себе в байдарку, и прибавил: – А почему бы вам не прокатиться со мной? Здесь достаточно места для двоих, и я отвезу вас, куда хотите. Вон там, немного подальше, за островком, лилии гораздо красивее; да и на другой стороне озера их сколько душе угодно.

Роберта посмотрела на озеро. Мимо как раз проплывала другая байдарка – в ней сидели юноша одних лет с Клайдом и девушка не старше, чем она сама. На девушке было белое платье и розовая шляпа, а лодка была зеленая. А вдалеке, у того островка, о котором говорил Клайд, еще одна лодка, ярко-желтая, и в ней тоже парочка. Роберта предпочла бы покататься в лодке без подруги. Ей так хотелось побыть с ним вдвоем… Как жаль, что она здесь не одна! Если сейчас позвать Грейс в лодку и если потом Грейс когда-либо услышит что-нибудь про нее и Клайда, она, пожалуй, начнет болтать об этом катанье и выдумывать лишнее… А ответить Клайду отказом тоже страшно: он может потерять к ней всякий интерес, и это будет ужасно.

Она стояла и думала, а Клайд, взволнованный и огорченный ее нерешительностью, своим одиночеством и неудержимым стремлением к ней, вдруг воскликнул:

– Нет, пожалуйста, не отказывайтесь!.. Садитесь сюда! Мне очень хочется вас покатать. Вам понравится, вот увидите! И мы наберем лилий сколько хотите. И потом я в десять минут отвезу вас в любое место, куда только пожелаете.

Она отметила про себя: «Мне очень хочется вас покатать» – и это успокоило ее и придало решимости. Он не собирается как-нибудь дурно воспользоваться ее согласием.

– Но я здесь с подругой, – сказала она неуверенно, почти горестно: ей хотелось покататься с Клайдом вдвоем, и меньше всего на свете ей в эту минуту нужна была Грейс. И зачем только она взяла ее с собой? Грейс некрасивая, может не понравиться

Клайду, и тогда все будет испорчено. – И потом, – прибавила Роберта без всякого перехода, обуреваемая самыми противоречивыми мыслями, – пожалуй, мне лучше не садиться. Может быть, это опасно?

– Ну нет, пожалуй, вам лучше сесть! – засмеялся Клайд, видя, что она уступает. – Это ни капельки не опасно, – с жаром прибавил он. Затем, подведя байдарку к берегу, возвышавшемуся на целый фут над водой, и, ухватившись за корень дерева, сказал: – Право же, вам нечего бояться. Зовите свою подругу, если хотите, и я покатаю вас обеих. Места хватит и для троих, а там всюду водяных лилий сколько угодно.

Он кивком указал на восточный берег озера.

Роберта больше не в силах была противиться: она ухватилась за свисающую над водой ветку, чтобы легче было спуститься, и громко позвала:

– Грейс, Грейс, где ты?

Она наконец решила, что лучше взять с собой подругу.

Издали послышался голос:

– Да-а! В чем дело?

– Иди сюда. Иди скорей, мне нужно тебе кое-что сказать.

– Нет, лучше ты иди сюда. Здесь просто изумительные маргаритки.

– Нет, ты иди сюда. Нас хотят покатать на лодке.

Она хотела крикнуть это громко, но почему-то голос ей изменил, и Грейс продолжала собирать цветы. Роберта нахмурилась. Она не знала, что делать. И вдруг решилась:

– Ну, ладно, тогда мы подплывем туда, к ней, – хорошо?

И Клайд воскликнул в восторге:

– Вот и прекрасно! Конечно, подплывем. Идите сюда. Мы сперва нарвем тут лилий, а потом, если она не придет, подъедем к ней. Шагайте прямо на середину, тогда байдарка не качнется.

Он смотрел на нее снизу вверх, и Роберта тревожным и вместе ласковым взглядом встретила его взгляд. Радость обволакивала ее, словно розовый туман.

Она уже совсем приготовилась было шагнуть в байдарку.

– А это не опасно? – опять спросила она.

– Нет, конечно, – убеждал Клайд. – Я удержу байдарку, а вы хватайтесь покрепче за ветку и шагайте.

Она прыгнула, и байдарка, которую Клайд удерживал на месте, едва заметно накренилась; Роберта слегка вскрикнула и упала на мягкую скамейку. Она показалась Клайду совсем девочкой.

– Ну вот, все хорошо, – успокаивал он ее. – Теперь сядьте как раз посредине. Байдарка не перевернется… Вот забавно – я все еще не могу опомниться… Ведь я как раз перед этим думал о вас. Думал, что вам, наверно, понравилось бы здесь, на озере. И вдруг вы здесь, и мы с вами встретились, и все вышло совсем просто – вот так!

И он прищелкнул пальцами, показывая, как просто это вышло.

А Роберта, обрадованная и немного испуганная его признанием, сказала смущенно:

– Это правда?

Она вспомнила, что и сама думала о нем.

– Да, и больше того, – продолжал Клайд. – Я весь день думал о вас. Правда, правда! Мне очень хотелось встретить вас сегодня утром и привезти сюда.

– Ну, что вы, мистер Грифитс! Не надо так говорить, – умоляюще сказала Роберта, опасаясь, что эта неожиданная встреча может слишком быстро сблизить их.

Разговор становился чересчур интимным, и это ей не нравилось: она боялась и Клайда и самой себя; теперь она старалась смотреть на него холодно или по крайней мере равнодушно, но это была не слишком успешная попытка.

– Все равно это правда, – настаивал Клайд.

– А тут в самом деле очень красиво, – сказала Роберта, – мы с подругой были здесь уже несколько раз.

– Вот как! – Клайд опять пришел в восторг. Она так чудесно улыбалась! Он стал рассказывать о том, как ему нравится здесь и как он учился плавать и грести. – И подумать только! Поворачиваю сюда байдарку и вдруг вижу: вы стоите и смотрите на лилии. Правда, странно? Я чуть не свалился в воду. Вы стояли там, на берегу, такая хорошенькая, – я никогда еще не видел вас такой!

– Ну, что вы, мистер Грифитс! – снова попыталась остановить его Роберта. – Не надо так говорить. Видно, вы ужасный льстец, – начинаете сразу говорить такие вещи!

Клайд снова покорно взглянул на нее, и она улыбнулась ему и подумала, что он никогда еще не был так красив. Но что бы он сказал, мелькнула у нее мысль, если бы она призналась ему, что как раз перед тем, как он появился на своей байдарке из-за этого мыса, она тоже думала о нем и хотела, чтобы он был здесь с нею вместо Грейс. И в своих мечтах она видела, как они сидят рядом, разговаривают, может быть, даже держась за руки. В своих мечтах она даже позволяла ему обнять себя за талию. Конечно, многие люди сказали бы, что это ужасно. И он никогда не узнает об этом, никогда. Это слишком большая интимность, это бесстыдство. А все-таки она мечтала об этом. Но что подумали бы в Ликурге, если бы увидели, как Клайд катает ее по озеру? Он – заведующий отделением, ее начальник, а она – простая работница. Что об этом скажут! Может даже подняться скандал! Но ведь Грейс Марр скоро будет с ними. Конечно, Роберта ей все объяснит. Он плыл мимо, узнал ее и помог ей нарвать цветов. Что тут такого? Правда же, почти невозможно было не согласиться.

Клайд направил байдарку так, что они плыли теперь среди водяных лилий. Отложив в сторону весло, он рвал цветы с длинными влажными стеблями и бросал к ее ногам. Она полулежала, откинувшись на сиденье, опустив одну руку в воду, как делали другие девушки. На время она успокоилась и любовалась Клайдом – его лицом, руками; растрепавшиеся волосы падали ему на глаза. Какой он красивый!

Глава 16

Все следующие дни и Клайд и Роберта были под впечатлением этой прогулки и не переставали думать о том, как романтично свел их счастливый случай; однако оба понимали, что им не следует быть знакомыми ближе, чем полагается начальнику и подчиненной.

Тогда, на озере, они поболтали несколько минут, – Клайд говорил о том, как красивы лилии и как ему приятно собирать их для нее, – потом взяли в байдарку Грейс и возвратились к пристани.

И, оказавшись на берегу, оба снова растерялись: они не знали, как быть дальше. Возвращаться в Ликург вместе? Роберта понимала, что это будет неосторожно: еще пойдут всякие толки. И Клайд, со своей стороны, думал о Гилберте и о других знакомых по Ликургу. Могут выйти неприятности. Что скажет Гилберт, если это дойдет до него? Поэтому и Роберта, и Клайд, и даже Грейс сомневались, благоразумно ли возвращаться вместе. Грейс беспокоилась за свою репутацию и вдобавок была обижена тем, что Клайд нисколько не интересовался ею. И Роберта, заметив настроение подруги, спросила:

– Как нам быть, по-твоему? Может, извинимся и попрощаемся?

Она старалась сообразить, как бы выйти из затруднительного положения, не оскорбив Клайда. Сама она была точно околдованная, – не будь здесь Грейс, она бы поехала с ним. Но с Грейс, которая к тому же так нервничает, это невозможно. Надо придумать какое-то извинение.

И Клайд тоже думал, как ему поступить: поехать ли с девушками, рискуя, что кто-нибудь из знакомых увидит его и сообщит об этом Гилберту, или под каким-нибудь предлогом расстаться с ними. Однако он не мог ничего придумать и уже готов был вести их к трамваю, как вдруг их окликнул Шерлок, молодой электромонтер, живший в доме Ньютонов. Он как раз собирался обратно в город вместе с приятелем, у которого был маленький автомобиль.

– Вот так встреча! – воскликнул он. – Как поживаете, мисс Олден! Здравствуйте, мисс Марр. Если вы собираетесь домой, мы можем вас подвезти.

Не только Роберта, но и Клайд слышал это приглашение. И Роберта сейчас же сказала, что уже поздно, а они с Грейс должны быть сегодня в церкви вместе с Ньютонами, поэтому им было бы удобнее вернуться на машине. Роберта, впрочем, надеялась, что Шерлок пригласит и Клайда и что Клайд согласится. Шерлок действительно предложил Клайду ехать с ними, но Клайд решительно отказался. Он объяснил, что хочет побыть здесь еще немного. И Роберта простилась с ним, бросив ему взгляд, ясно говоривший, как она благодарна и счастлива. Они так приятно провели время! А Клайд, несмотря на все свои сомнения и угрызения совести, подумал: как грустно, что он и Роберта не могли остаться здесь дольше. И сразу после их отъезда он один вернулся домой.

На следующее утро он с особенным нетерпением ждал встречи с Робертой. Во время работы, на глазах у всех, он не мог проявить свои чувства, но все же по беглой восхищенной улыбке, которая играла на его лице и вспыхивала во взгляде, Роберта поняла, что он настроен так же восторженно, как и накануне. И хотя она чувствовала, что надвигается какой-то серьезный перелом в их отношениях, и понимала, как необходимо (хоть это и очень неприятно) хранить все в тайне, – она, в свою очередь, не могла не ответить ему нежным и покорным взглядом. Подумать только, что он ею увлекся! Как странно и как тревожно!

Клайд тотчас решил, что его ухаживание принимают благосклонно и надо воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы заговорить с Робертой. Выбрав минуту, когда ее соседки отошли, он подошел к ней и, взяв в руки один из воротничков, которые она штемпелевала, сказал с таким видом, словно речь шла о ее работе:

– Вчера мне было ужасно жаль, что нам пришлось так быстро расстаться! Я очень хотел бы сегодня опять поехать с вами на озеро, вместо того чтобы сидеть здесь. А вы?

Роберта повернулась к нему, сознавая, что настала минута, когда нужно решить, будет ли она поощрять его ухаживание. В то же время она почувствовала, что не может оттолкнуть его, чем бы это ей не грозило. Какие у него глаза! А волосы! А руки! И вместо того чтобы ответить ему холодно или укоризненно, она только подняла на него беспомощные и ласковые глаза, полные такой растерянности и покорности, что Клайд понял: она так же не в силах бороться с влечением к нему, как и он с влечением к ней. Он тут же решил, как только будет удобно, заговорить с нею о том, где бы им встретиться без свидетелей; ясно, что ей, как и ему, не хочется, чтобы их видели… Сегодня отчетливее, чем когда-либо раньше, он понимал, что вступает на опасный путь.

Он начал делать ошибки в подсчетах, чувствуя, что вблизи Роберты не в состоянии сосредоточиться на работе. Она слишком очаровательна, слишком влечет его к себе – такая живая, веселая, милая… Если бы ему добиться ее любви, он стал бы счастливейшим человеком на свете. Да, но это правило, о котором говорил Гилберт… Только накануне, на озере, Клайд пришел к выводу, что в его положении на фабрике нет ничего хорошего. Но теперь, когда есть надежда на сближение с Робертой, гораздо приятнее остаться. Разве он не может еще хотя бы некоторое время сносить равнодушие Грифитсов? А там – как знать! – может быть, они все-таки заинтересуются им и сочтут возможным ввести его в свое общество, если только он ничем перед ними не провинится. Однако сейчас его мучит искушение сделать как раз то, что запрещено. Но что значит этот запрет, которым связал его Гилберт? Если б только сговориться с ней, – может быть, они могли бы встречаться тайно, чтобы избежать пересудов.

И Клайд, сидя за своей конторкой или расхаживая по штамповочной, обдумывал, как поступить. Даже здесь, на работе, он был занят почти исключительно Робертой и не мог думать ни о чем другом. Он решил предложить ей встретиться в маленьком парке на берегу реки Могаук – это было место загородных прогулок к западу от Ликурга. Но за весь день ему не удалось с ней поговорить. Во время перерыва он спустился в столовую, торопливо позавтракал и вернулся пораньше в надежде, что сумеет шепнуть ей о своем желании встретиться. Но она была окружена девушками, и он не мог сказать ей ни слова.

В конце дня, выходя с фабрики, он подумал, что хорошо бы встретить ее одну на улице, – тогда он мог бы подойти к ней и заговорить. Он знал, что и ей хочется этого, хотя бы она и стала уверять его в противном. Нужно сделать так, чтобы и ей, как всем, эта встреча показалась совершенно случайной и, значит, невинной. Но когда после гудка Роберта вышла на улицу, ее провожала другая девушка, и Клайду пришлось придумывать что-то еще.

В тот же вечер, вместо того чтобы скучать в доме миссис Пейтон или пойти в кино, как он теперь часто делал, или одиноко бродить по улицам, стараясь побороть свою тоску и тревогу, он решил поискать дом на Тэйлор-стрит, где жила Роберта. Дом этот оказался не слишком приятным, далеко не таким симпатичным, как дом миссис Каппи, или тот, где Клайд жил теперь. Это было побуревшее от старости здание, и все здесь по соседству было старомодным и ветхим и уж слишком бесцветным. Однако, несмотря на ранний час, в окнах тут и там уже виднелся свет – и это придавало дому уютный и приветливый вид. И несколько деревьев перед домом понравились Клайду. Что делает сейчас Роберта? Почему она не подождала его около фабрики? Почему не чувствует, что он здесь, и не выходит к нему? Вот если бы как-то дать ей почувствовать, что он здесь, и заставить ее выйти на улицу… Но Роберта не показывалась. Из дому вышел только Шерлок и быстро пошел в сторону Сентрал-авеню. А потом еще и еще люди выходили из соседних домов и скрывались в том же направлении. Клайд поспешно отошел подальше от дома Роберты, чтобы не обратить на себя внимание. Он то и дело вздыхал: вечер был так хорош… Около половины десятого взошла полная луна и повисла над дымовыми трубами, тяжелая и желтая. Клайд был так одинок!..

В десять часов свет луны стал слишком ярок, а Роберта все не появлялась, и Клайд решил уйти. Было бы неблагоразумно оставаться здесь дольше. Однако в такой прекрасный вечер ему противно было думать о возвращении домой, и он стал расхаживать взад и вперед по Уикиги-авеню, глядя на красивые дома, среди которых был и дом его дяди Сэмюэла. Все обитатели этих домов выехали на дачи. В окнах нигде ни огонька. А Сондра Финчли, Бертина Крэнстон и вся эта компания – что они делают в такой вечер? Где танцуют? Куда спешат? С кем флиртуют? Как тяжко быть бедняком, без денег, без положения в обществе и не иметь возможности жить так, как хочешь.

На следующее утро, более нетерпеливый чем когда-либо, он вышел из дому без четверти семь: ему хотелось поскорее снова встретить Роберту, попытаться с ней заговорить. По Сентрал-авеню в сторону фабричного района двигался поток рабочих – и, конечно, Роберта в самом начале восьмого присоединится к этой толпе. Но по пути на фабрику Клайд ее не встретил. Проглотив чашку кофе в ресторанчике неподалеку от почты, он прошел по всей Сентрал-авеню в сторону фабрики, постоял у табачной лавочки, надеясь увидеть Роберту одну, – и был вознагражден лишь тем, что увидел ее опять с Грейс Марр. Что за нелепый, сумасшедший мир! – подумал Клайд. – Как трудно в этом несчастном городишке встретиться с кем-нибудь наедине! Чуть ли не все здесь знают друг друга. Но ведь Роберта должна понимать, что он ищет случая с ней поговорить. Неужели она не могла пойти на фабрику одна? Он достаточно выразительно смотрел на нее вчера. И все же она идет с Грейс Марр и, по-видимому, довольна. Что же это значит?

На фабрику он пришел в самом мрачном настроении. Но вид Роберты, садившейся на свое место, ее приветливое: «Доброе утро!» – и ее веселая улыбка утешили его, и он почувствовал, что еще не все потеряно.

К трем часам дня всех охватила сонливость: утомляли летний зной, непрерывная однообразная работа, слепил отблеск солнечных лучей – их отражала текущая под самыми окнами река.

Тук-тук-тук – металлические печатки одновременно опускались на десятки воротничков. Этот звук, обычно едва различимый в жужжании и гуле швейных машин за барьером, сегодня слышался еще слабее, чем всегда. Кто-то из штамповщиц затянул песню – Руза Никофорич, Ода Петканас, Марта Бордалу, Анжелика Питти и Лена Шликт подхватили. Роберта, все время чувствуя на себе взгляд Клайда и поникая его настроение, спрашивала себя, скоро ли он подойдет в заговорит с нею. Ей очень этого хотелось, и, вспоминая слова, которые он шепнул ей накануне, она была уверена, что он недолго сумеет противиться желанию подойти к ней. Она прочла это во взгляде, каким он смотрел на нее вчера. Однако тут столько препятствий… Она знала, что ему нелегко придумать способ сказать ей хоть слово. Но минутами она радовалась, чувствуя себя в безопасности среди девушек.

Занятая этими мыслями, она в то же время, как и все остальные работницы, продолжала быстро штемпелевать лежавшие перед ней воротнички – и вдруг заметила, что проштемпелевала номером «16» пачку воротничков меньшего размера. Она с огорчением посмотрела на испорченную пачку и решила, что остается только одно: отложить ее в сторону и ждать замечания от кого-нибудь из начальства, может быть, от Клайда… или можно сейчас же отнести бракованные воротнички прямо к нему – это, пожалуй, лучше всего: тогда никто из мастеров не увидит их до Клайда. Так делали все девушки, когда ошибались. И все опытные работницы должны были сами следить за подобными ошибками.

Но сейчас, как ни хотелось ей пойти к нему, она не решалась: это даст ему желанную возможность заговорить с нею, а самое страшное, что и для нее это желанная возможность. Она колебалась: с одной стороны, долг перед Клайдом как заведующим, с другой – верность прежним правилам поведения, столь противоположным этому новому властному стремлению к Клайду и подавленному желанию услышать, что он ей скажет… Наконец она взяла испорченную пачку воротничков и положила к нему на конторку. Руки ее дрожали, лицо побледнело, она задыхалась. А Клайд в это время тщетно пытался подсчитать по талонам выработку штамповщиц: мысли его были далеки от этих подсчетов. Потом он поднял голову. Перед ним, наклонившись, стояла Роберта. Нервы его натянулись до предела, горло и губы пересохли: вот удобный случай, о котором он мечтал. Он видел, что Роберта едва не задыхается от волнения: она понимала, что поступает слишком смело и сама себя обманывает.

– Там, наверху, ошиблись с этой пачкой, – начала она, путаясь в словах,

– а я не заметила, пока почти все не проштемпелевала. Это размер пятнадцать с половиной, а я почти на всех воротничках поставила шестнадцать. Простите меня, пожалуйста.

Клайд заметил, что она пытается улыбнуться и казаться спокойной, но щеки ее совсем побелели, а рука, держащая воротнички, дрожит. Он сразу понял, что, хотя она пришла к нему с этой ошибкой как добросовестная работница, знающая фабричные порядки, здесь кроется нечто большее. Слабая, испуганная и все же движимая любовью, она давала ему случай, которого он искал, и хотела, чтобы он этим воспользовался. И Клайд, в первую минуту смущенный и взволнованный ее внезапным появлением, тут же приободрился и осмелел чуть не до дерзости: он никогда еще не был так решителен по отношению к ней. Ее влечет к нему, это ясно. Он ей нравится, и она достаточно умна, чтобы дать ему возможность с ней поговорить. Замечательно! Как мила эта смелость!

– Ну, это ничего, – сказал Клайд, притворяясь спокойным и уверенным, хотя даже сейчас робел перед нею. – Я отправлю их вниз, в прачечную, а потом посмотрим, нельзя ли будет поставить новый штамп. Это ведь, в сущности, не наша вина.

Он ласково улыбнулся ей, и она, готовясь уже отойти, ответила ему сдержанной улыбкой, опасаясь, не слишком ли ясно показала, что привело ее сюда.

– Нет, не уходите, – прибавил он быстро. – Я хочу вас кое о чем спросить. Я с воскресенья ищу случая поговорить с вами. Нам надо где-нибудь встретиться, хорошо? Правда, по здешним правилам заведующий не должен иметь ничего общего с работницей своего отделения – я хочу сказать, за пределами фабрики. Но мне все-таки хочется с вами встретиться, хорошо? Знаете, – и он улыбнулся ей нежно и вкрадчиво, – с тех пор как вы здесь работаете, я прямо без ума от вас, а после воскресенья стало еще хуже. И я не хочу, чтобы нас с вами разделяло какое-то глупое правило. А вы?

– Право, не знаю… – ответила Роберта; теперь, когда все вышло, как она хотела, она была в ужасе от своей смелости. Она тревожно оглядывалась, и ей казалось, что глаза всех, кто есть в штамповочной, следят за нею. – Я живу у мистера и миссис Ньютон – это сестра и зять моей подруги, и они очень строгие. Другое дело, если бы… – Она хотела прибавить: «Если бы я была дома», – но Клайд прервал ее:

– Только, пожалуйста, не отказывайтесь! Пожалуйста! Мне необходимо с вами поговорить! Я не хочу причинять вам никаких неприятностей, иначе я с радостью пришел бы к вам домой.

– Нет, нет, это невозможно, – предостерегла Роберта. – Во всяком случае, пока нельзя.

В своем смущении она бессознательно дала Клайду понять, что когда-нибудь позже хотела бы принять его у себя.

– Ну хорошо, – улыбнулся Клайд, видя, что она отчасти уступает. – Тогда просто пройдемся, хотя бы по вашей улице, если хотите, в конец ее, там почти нет домов. Или давайте погуляем в маленьком парке, что на берегу Могаука, знаете? Приезжайте туда, я встречу вас у остановки. Согласны?

– Но я боюсь… я боюсь ехать так далеко. Я никогда ничего такого не делала. – Она посмотрела на Клайда открытым, невинным взглядом. Он был в восторге, она такая милая, и у них будет свидание! – Знаете, – продолжала Роберта, – я просто боюсь ездить куда-нибудь одна. Здесь так любят сплетничать. Кто-нибудь, конечно, меня увидит. Но…

– Но… что?

– Боюсь, что я слишком долго стою здесь около вас. Как по-вашему?

Она сказала это и сама чуть не ахнула. И Клайд, поняв, как откровенны ее слова, хотя в них, в сущности, не было ничего необычного, сказал быстро и настойчиво:

– Ну, тогда давайте встретимся в конце той улицы, где вы живете. Выходите сегодня вечером на несколько минут, – скажем, на полчаса, хорошо?

– Нет, сегодня я не могу… Не так быстро. Я должна сперва посмотреть… устроить… Как-нибудь в другой раз… – Взволнованная и смущенная этим необычайным событием в ее жизни, она, как иногда бывало и с Клайдом, то улыбалась, то хмурилась, сама того не замечая.

– Тогда, может быть, в среду вечером, в половине девятого или в девять? Вы придете? Ну, пожалуйста!

Роберта тревожно обдумывала, что ответить. В эту минуту она бесконечно нравилась Клайду: она оглядывалась, видимо, сознавая, что на нее смотрят и что она стоит около него слишком долго для первого разговора.

– Мне пора вернуться на место, – сказала она, не отвечая на его вопрос.

– Еще минутку, – просил Клайд. – Мы с вами не сговорились, в котором часу в среду. Ведь вы придете? Выходите в девять или в половине девятого, словом, когда хотите. Я буду ждать начиная с восьми. Придете?

– Ну хорошо. Скажем, в половине девятого или между половиной девятого и девятью, если я смогу. Хорошо? Если смогу, я приду. А если что-нибудь случится, я скажу вам с утра.

Она покраснела и опять оглянулась смущенно и тревожно, потом быстро направилась к своему месту; она вся дрожала с головы до ног и выглядела такой виноватой, словно ее уличили в страшном преступлении. А Клайд за своей конторкой едва не задохнулся от волнения. Не чудо ли, что он так говорил с ней и что она согласилась? Она решилась на свидание с ним здесь, в Ликурге, где его все хорошо знают! Потрясающе!

А Роберта думала, как чудесно будет погулять и поговорить с ним при свете луны, ощущать пожатие его руки и слушать его нежный, ласковый голос.

Глава 17

Было совсем темно, когда Роберта в среду вечером украдкой выскользнула из дому, чтобы встретиться с Клайдом. Но перед этим сколько сомнений и борьбы с самой собою! Ей не только трудно было преодолеть собственные внутренние колебания, – вызывала немало тревог и душная, пошлая и ханжеская атмосфера, окружавшая ее в доме Ньютонов. С тех пор как она приехала сюда, она никуда не выходила без Грейс Марр. А тут еще в эту среду, – Роберта совсем забыла обитом, разговаривая с Клайдом, – она условилась отправиться вместе с Ньютонами и Грейс в баптистскую церковь, где должна была состояться проповедь, а затем вечер для прихожан с разными играми, чаем, пирожными и мороженым.

И она не знала, как быть, как ей освободиться в этот вечер, но потом вспомнила, что дня за два перед тем Лигет, заметив, как хорошо и быстро она работает, предложил ей поучиться шить у миссис Брейли, в соседнем со штамповочной швейном цехе. Теперь, когда приглашение Клайда совпало с собранием в церкви, Роберта решила сказать Ньютонам, что в этот вечер она должна явиться на дом к миссис Брейли. Она скажет это в среду вечером, перед обедом. Таким образом, она сможет встретиться с Клайдом. И успеет вернуться домой до возвращения Ньютонов и Грейс. Так сладко будет слушать его… снова услышать, как тогда, в лодке, что она показалась ему самой красивой девушкой на свете, когда стояла на берегу и смотрела на водяные лилии. Много, много мыслей – смутных, пугающих, ярких – осаждало ее: как и куда они пойдут и как потом станут встречаться, если она сумеет сделать так, чтобы они стали друзьями и чтобы это не повредило ни ей, ни ему. Если будет нужно, она уйдет с фабрики и поищет какое-нибудь другое место, – таким образом, с Клайда будет снята всякая ответственность за нее.

Еще одно волновало ее: как одеться? Роберта видела, что в Ликурге многие работницы одеваются лучше, чем в Бильце и Трипетс-Милс. Но она значительную часть своего заработка посылала матери, – если бы не это, она тоже могла бы прекрасно одеться. Теперь, когда Клайд завладел всеми ее мыслями, она забеспокоилась о своей внешности; вечером, после того как они условились о встрече, она пересмотрела весь свой скромный гардероб и выбрала синюю шляпку, которую Клайд еще ни разу не видел, платье из дешевого сукна в белую и синюю клетку и белые парусиновые туфли, купленные прошлым летом в Бильце. Она решила дождаться, пока Ньютоны и Грейс уйдут в церковь, а затем быстро переодеться и выйти.

В половине девятого, когда наконец совсем стемнело, она пошла по направлению к Сентрал-авеню, а оттуда кружным путем вернулась на условленное место в конце Тэйлор-стрит. Клайд был уже там. Он стоял, прислонясь к старому деревянному забору, окружавшему пятиакровое кукурузное поле, и смотрел на городок, огни которого светились сквозь листву деревьев. Воздух был насыщен пряными ароматами трав и цветов. Легкий ветерок шелестел в высоких стеблях кукурузы позади Клайда, в листве деревьев над его головой. А далеко в вышине сверкали звезды – Большая и Малая Медведица, Млечный Путь, их когда-то ему показывала мать.

И Клайд думал о том, как изменилось его положение здесь по сравнению с Канзас-Сити. Там он робел перед Гортензией Бригс, да и перед любой другой девушкой, боялся им слово сказать. А здесь, особенно с тех пор как его назначили заведующим штамповочной, он убедился, что не так уж неинтересен, как ему казалось раньше. Девушки на него заглядываются, и он теперь уже не так боится их. Глаза Роберты сказали ему, как сильно он ей нравится. Вот и у него есть подруга. Когда она придет, он обнимет ее и поцелует. И она не сможет ему противиться.

Он стоял, прислушивался, мечтал и смотрел вдаль; шорох кукурузы за его спиной будил в нем какое-то воспоминание. И вдруг он увидел Роберту. Нарядная, оживленная и тем не менее встревоженная, она остановилась в конце улицы, озираясь, как пугливый, осторожный зверек. Клайд тотчас поспешил к ней навстречу и тихонько окликнул ее:

– Привет! Как мило, что вы пришли! Трудно было выбраться? (Он подумал, что она гораздо лучше Гортензии Бригс или Риты Дикермен: одна была такая расчетливая, а другая – чувственная и неразборчивая.)

– Еще бы не трудно!

И она стала подробно и красочно рассказывать о том, как неловко вышло с Ньютонами: она совсем забыла о своем обещании пойти с ними в церковь, а тут еще и Грейс заявила, что не пойдет без нее. И ей пришлось солгать, ужасно солгать: будто она идет к миссис Брейли учиться шить. Клайд ничего не знал о предложении Лигета и сразу же стал расспрашивать Роберту: у него явилась мысль, не хочет ли Лигет перевести ее от него. Он не дал ей вернуться к рассказу о Ньютонах, пока не выслушал всех подробностей насчет Лигета, и Роберте было очень приятно, что он так живо этим заинтересовался.

– Но, знаете, я ведь пришла ненадолго, – быстро и ласково сказала она при первом удобном случае, когда Клайд, сжимая ее руку, повернул к реке, совсем безлюдной в этих местах. – Собрания в баптистской церкви почти всегда кончаются к половине одиннадцатого, и я должна быть дома раньше Ньютонов и Грейс.

Она привела множество доводов, объясняя, почему ей нельзя задерживаться позже десяти часов, и Клайд, хотя и раздосадованный, не мог не согласиться, что она рассуждает благоразумно. Сначала он надеялся удержать ее дольше. Но, видя, что времени у него мало, он старался теперь скорее добиться большей близости; он стал расхваливать ее шляпу, жакет – они ей так к лицу! И тут же попытался обнять ее за талию, но Роберта, считая, что он слишком спешит, отвела его руку, вернее, пыталась отвести, ласково убеждая:

– Ну, не надо! Это нехорошо! Разве вам недостаточно вести меня под руку? Или давайте я возьму вас под руку.

Высвободившись из его объятий, она сразу крепко взяла его под руку и прижалась к его плечу, стараясь идти с ним в ногу. И Клайд подумал, как просто и естественно держится она теперь, когда лед между ними сломан.

А как она щебетала! Ей нравится Ликург, но только она никогда еще не жила в таком строгом и набожном городе – тут в этом смысле даже хуже, чем в Бильце или Трипетс-Милс… И она стала рассказывать о Бильце и Трипетс-Милс, говорила и о своем доме, но мало: об этом ей не хотелось рассказывать. И снова – о Ньютонах и Грейс Марр, о том, как они следят за каждым ее шагом.

А Клайд слушал и думал, что она совсем не похожа на Гортензию Бригс или Риту, да и ни на одну из девушек, которых он встречал: она гораздо проще и доверчивее, ей совершенно не свойственны ни распущенность Риты, ни тщеславие, резкость и самомнение Гортензии, но она такая же красивая и при этом гораздо симпатичнее. А как мило она выглядела бы, если бы была лучше одета… Что бы она подумала, если бы узнала, как он вел себя с Гортензией, – тогда все было по-другому, совсем по-другому…

– Знаете, – сказал Клайд, когда Роберта на мгновенье замолчала, – мне хотелось заговорить с вами с самого начала, как только вы стали работать на фабрике. Но вы сами видите, тут все вечно следят друг за другом. Это возмутительно! Мне заявили, когда я получил это место, что я не должен заводить знакомство ни с одной девушкой на фабрике, и я старался соблюдать это правило. Но теперь я просто не могу сладить с собой. – Он крепко сжал ее руку, потом вдруг остановился и обнял ее. – Знаете, Роберта, я от вас без ума. Правда! Вы самая милая, самая очаровательная девушка на свете. Послушайте, вы не сердитесь, что я так говорю? С тех пор как я увидел вас, я почти потерял сон. Честное слово, правда! Я все думаю и думаю о вас. У вас такие дивные глаза и волосы! Вы сегодня ужасно красивая! Ах, Роберта!

И он вдруг привлек ее к себе и поцеловал, прежде чем она успела уклониться. Он продолжал держать ее в объятиях, а она наперекор себе самой сопротивлялась, напрягая всю силу воли: оказалось, что ей хочется обнять его и прижаться к нему еще крепче, – это поразило и испугало ее. Какой ужас! Что подумают, что скажут люди, если узнают? Конечно, она дурная девушка, но ей хочется быть с ним вот так – совсем рядом… никогда еще ей так этого не хотелось.

– Не надо, мистер Грифитс, – умоляла она. – Правда, не надо! Ну, пожалуйста! Нас могут увидеть. Кажется, кто-то идет.

Она оглянулась, видимо, очень испуганная, но Клайд только рассмеялся. Он был в восторге: наконец-то жизнь порадовала его таким восхитительным подарком!

– Я никогда в жизни не делала ничего подобного, – продолжала она. – Честное слово! Пустите меня. Это только потому, что вы сказали…

Но Клайд, не отвечая, крепко прижал ее к себе; его бледное лицо и темные жадные глаза были совсем близко от ее лица. Он целовал ее снова и снова, несмотря на ее протесты; ее маленький рот, подбородок, щеки были так прелестны, что невозможно было устоять, и он, слишком взволнованный, чтобы говорить более мужественным тоном, шептал умоляюще:

– Роберта, дорогая, ради бога, ну скажите, что вы меня любите? Скажите? Я знаю, что любите, Роберта! Я знаю! Я с ума схожу по вас! Скажите! У нас так мало времени!

И он снова целовал ее щеки и губы. И вдруг почувствовал, что она слабеет. Она стояла безвольная и покорная в его объятиях; он смутно понял, что с ней творится что-то странное. Внезапно по лицу ее потекли слезы; ее голова упала ему на плечо, и он услышал шепот:

– Да, да, да, я люблю вас! Да, люблю, люблю!

В ее голосе послышалось рыдание, то ли от горя, то ли от блаженства, и Клайд был так глубоко тронут ее искренностью и простотой, что и у него на глазах выступили слезы.

– Роберта, дорогая, все будет хорошо. Не надо плакать. Вы такая милая. Правда, правда, Роберта!

Он поднял глаза и увидел на востоке, над низкими крышами домов, тоненький светящийся краешек восходящей июльской луны. И в это мгновение ему показалось, что жизнь дала ему все – все, чего только можно пожелать.

Глава 18

Это свидание, как поняли и Клайд и Роберта, было только прелюдией к новым бесчисленным встречам и радостям, которые ждали их впереди. Они обрели любовь. Они были восхитительно счастливы, несмотря на все затруднения и препоны. Но как быть дальше, как найти способ видеться чаще? Уже само по себе положение Роберты в доме Ньютонов было серьезной помехой в ее отношениях с Клайдом, и особо приходилось задуматься над тем, как быть с Грейс Марр. Грейс была еще больше скована, чем Роберта, и своей внешней непривлекательностью и, главное, мещанскими предрассудками и строгими правилами сектантски-религиозного воспитания. Однако и она хотела повеселиться и почувствовать себя свободной. Роберта, веселая и подчас даже смелая, в сущности, была скована теми же условностями, что и Грейс, но Грейс воображала, будто ее подруга несравненно более свободна. Поэтому она очень льнула к Роберте, которую это несколько утомляло. Грейс воображала, что они с Робертой могут обмениваться признаниями, шутками, мыслями обо всем, что касается любви, могут безбоязненно поверять друг другу свои мечты. Это было единственным развлечением в ее довольно безрадостной жизни.

Но Роберте, даже до того, как в ее жизнь вошел Клайд, совсем не нравилась эта навязчивость. Ей это надоедало. А затем она почувствовала, что не может говорить с Грейс о Клайде, – и не потому только, что Грейс, конечно, будет возмущаться и ревновать, но и потому, что Роберта не решалась даже наедине с собой разбираться в тех неожиданных мятежных чувствах, которые теперь ею завладели. Встретив и сразу полюбив Клайда, она боялась и думать, до чего она дойдет в своем отношении к нему. Ведь подобная близость между богатыми и бедными здесь под запретом. Нет, она вовсе не желала говорить о Клайде с Грейс.

И когда в понедельник вечером, на другой день после поездки на озеро, Грейс весело и фамильярно спросила Роберту о Клайде, Роберта мгновенно решила притвориться, что она вовсе не так уж им интересуется, как Грейс, может быть, думает. Поэтому она сказала только, что он был очень любезен и спрашивал о Грейс. Услышав это, Грейс недоверчиво покосилась на подругу. Правду ли она говорит?

– Он был так мил, что я подумала, не влюблен ли он в тебя.

– Вот глупости, – слукавила Роберта, немного встревоженная. – Да он и не смотрит на меня никогда. И потом, на фабрике такое правило, что ему нельзя познакомиться со мной ближе, пока я там работаю.

Это лучше всего успокоило подозрение Грейс: по самому складу своего ума она не представляла себе, как можно нарушить правила, установленные владельцами фабрики. Но Роберта, опасаясь, как бы ее имя в сознании Грейс не осталось связанным с именем Клайда, решила быть вдвойне осторожной и притворяться, будто она глубоко равнодушна к нему.

Затем возникли новые трудности, новые огорчения, тревоги и страхи, не имевшие ничего общего с прежними. После того как они с Клайдом объяснились и окончательно поняли, что любят друг друга, Роберта все же не видела возможности встречаться с ним иначе, как тайком, очень редко и настолько случайно, что она никогда не могла наверняка назначить день следующей встречи.

– Понимаете, – объясняла она Клайду через несколько дней (ей удалось вечером ускользнуть на час из дому, и теперь они вышли по Тэйлор-стрит к пологому берегу реки, за которой расстилались поля), – Ньютоны никуда не ходят, не пригласив меня с собой. И даже если бы они сами не приглашали, Грейс никуда без меня не пойдет. Мы с нею очень долго дружили, когда жили в Трипетс-Милс, и она привыкла ко мне, как к родной. Но теперь все по-другому, и я просто не знаю, какой найти выход. Что мне сказать – куда я иду, с кем?

– Понимаю, милая, – нежно и ласково ответил Клайд. – Все это верно. Но как же нам быть? Или вы думаете, что мне достаточно видеть вас на фабрике?

Он смотрел на нее так серьезно и умоляюще, что она, растроганная, захотела утешить его и поспешно прибавила:

– Нет, я так не думаю, милый. Вы ведь знаете. Но что же делать? – Она нежно погладила его тонкую, нервную руку с длинными пальцами. – Вот что, – прибавила она, подумав: – Моя сестра живет в Гомере, это тоже в штате Нью-Йорк, тридцать пять миль к северу отсюда. Я как-нибудь скажу, что поеду к ней в субботу после обеда или в воскресенье. Она давно писала и звала меня, но раньше я не думала ехать. А теперь я могла бы съездить… то есть… я могла бы…

– Ну, конечно! – с жаром воскликнул Клайд. – Великолепно! Прекрасная мысль!

– Надо подумать, – продолжала она, не обращая внимания на его возгласы.

– Если не ошибаюсь, сперва нужно доехать до Фонды, там пересадка. Отсюда я могу поехать на трамвае в любое время, а из Фонды по субботам идут только два поезда – в два часа и в семь. Значит, я могу выехать в любое время до двух, а потом, понимаете, я просто могу опоздать на двухчасовой поезд, вот и все. Тогда можно ехать семичасовым, правда? А вы будете там или встретите меня по дороге, чтобы здесь никто не видел нас вместе. В семь часов я поеду к сестре, а вы вернетесь в Ликург. С Агнессой я все устрою, я уверена. Я напишу ей.

– А до тех пор как же? – спросил он, недовольный и огорченный. – Ведь это еще не скоро!

– Я постараюсь что-нибудь придумать, милый, но не знаю, выйдет ли. И вы тоже подумайте. А теперь я должна идти, – прибавила она беспокойно.

Она тотчас встала, заставила и Клайда подняться и посмотреть на часы; оказалось, что уже около десяти.

– Но как же нам быть? – настаивал он. – Разве вы не можете сказать Ньютонам в воскресенье, что идете в какую-нибудь другую церковь? А вместо этого встретиться где-нибудь со мной. Откуда они узнают?

Сказав это, Клайд тотчас заметил, что лицо Роберты омрачилось: он вторгался в область, которую она, верная своим убеждениям и воспитанию, пока еще считала неприкосновенной.

– Ну нет, я так не хочу, – ответила она очень серьезно. – Я чувствовала бы себя виноватой. И это в самом деле нехорошо.

Клайд сразу понял, что вступил на опасный путь, и забил отбой: он совсем не хотел ее оскорбить или испугать.

– Да, вы правы. Я подумал об этом только потому, что вы, кажется, не находите другого выхода.

– Ничего, милый, – ласково сказала Роберта, заметив, что он боится, не обиделась ли она. – Все хорошо, только мне не хотелось бы поступать так. Я не могу.

Клайд кивнул. Он ведь и сам несколько лет назад чтил всякие правила. Пожалуй, нехорошо было предлагать Роберте кривить душой.

Ничего не придумав, кроме поездки в Фонду, они повернули обратно к Тэйлор-стрит. Клайд только сказал, целуя ее на прощанье, что им надо постараться придумать, как бы увидеться поскорее. А Роберта на мгновенье порывисто охватила руками его шею – и побежала домой, и Клайд видел, как мелькала в лунном свете ее маленькая фигурка.

Но если не считать еще одного краткого свидания вечером, которое Роберте удалось устроить под предлогом второго визита к миссис Брейли, они больше не встречались до следующей субботы, когда Роберта отправилась наконец в Фонду. Клайд выехал из Ликурга немного раньше и присоединился к ней на первой же остановке. С этой минуты до самого вечера, когда ей пришлось сесть на семичасовой поезд, они пробыли вместе, несказанно счастливые, блуждая по окрестностям почти незнакомого обоим городка.

Не доезжая нескольких миль до Фонды, они увидели небольшой парк под названием «Звездный»; тут были всевозможные дешевые развлечения: подвесные аэропланы, воздушное колесо, карусель, старая мельница и площадка для танцев, а кроме того, маленькое озеро и лодки. Это было в своем роде идиллическое местечко: почти посредине озера, на островке – раковина для оркестра, а на берегу, в клетке, – мрачный медведь. За время жизни в Ликурге Роберта ни разу еще не решалась побывать в каком-нибудь из здешних увеселительных мест, – все они были похожи на это, только гораздо вульгарнее. При виде «Звездного парка» оба воскликнули в один голос: «Смотрите!» И Клайд сейчас же предложил:

– Давайте сойдем здесь, хотите? Это ведь почти что Фонда. И тут нам будет веселее.

Они быстро вышли из трамвая. Сдав на хранение чемоданчик Роберты, Клайд направился прежде всего к стойке, где продавали сосиски. Потом его внимание привлекла безостановочно кружившаяся карусель: Роберта должна непременно прокатиться с ним? В самом веселом настроении они взобрались на карусель; Клайд посадил Роберту на зебру и стал рядом, одной рукой обнимая и поддерживая ее; при этом оба пытались ухватиться за медный поручень. Все это было банально, вульгарно, безвкусно – и, однако, уже просто потому, что они были наконец вдвоем и никто за ними не следил, оба пришли в полный восторг, который никак не соответствовал пустячной дешевой забаве. Круг за кругом неслись они на громоздкой, трескучей машине, и перед ними мелькали другие любители развлечений – катающиеся на лодках по озеру, кружащиеся над землей на аляповатых бело-зеленых подвесных аэропланах, взлетающие на качелях.

Клайд и Роберта глядели на деревья, на небо над озером. На большой площадке под взглядами зевак мечтательно и страстно кружились пары. И вдруг Клайд спросил:

– Вы танцуете, Роберта?

– Нет, не танцую, – ответила она не без грусти. В эту минуту, глядя на счастливых танцоров, она слегка завидовала им. Как жаль, что ей никогда не позволяли танцевать! Может быть, это не совсем хорошо, не совсем нравственно, – так учит церковь, – но все-таки… ведь они здесь, и так любят друг друга… и все эти пары кажутся такими веселыми и счастливыми, и так красив этот водоворот красок в своем непрерывном кружении на фоне деревьев… Все это не казалось ей таким уж плохим. Они с Клайдом молоды, почему бы им и не потанцевать? Ее младшие брат и сестра, несмотря на взгляды родителей, уже заявили, что при первом удобном случае начнут учиться танцевать.

– Вот досада! – воскликнул Клайд, представляя себе, как было бы восхитительно, танцуя, держать Роберту в объятиях. – До чего было бы весело, если б вы умели. Я научу вас в несколько минут, хотите?

– Ну не знаю, что из этого получится, – шутливо сказала она, но по ее глазам было видно, что предложение ей нравится. – Я, наверно, буду не слишком способной ученицей. Знаете, в наших краях не очень одобряют танцы. И церковь их осуждает. И мои родители тоже были бы недовольны.

– Чепуха! – беспечно и весело воскликнул Клайд. – Это вздор, Роберта. Ведь теперь все танцуют или почти рее. Как вы можете думать, что это плохо?

– Да, я знаю, – странным, несколько натянутым тоном возразила Роберта.

– Может быть, в вашем кругу это так. Правда, я знаю, многие работницы тоже танцуют. Конечно, если человек богат и у него хорошее положение в обществе, тогда все можно. Но для девушки вроде меня – другое дело. И потом, я думаю, ваши родители не такие строгие, как мои.

– Вы думаете? – засмеялся Клайд, который сразу отметил ее слова о «вашем круге» и о богатом человеке с положением в обществе. – Но ведь вы ничего не знаете о моих родителях, – продолжал он, – они такие же строгие, как ваши, наверняка даже строже. А все-таки я танцую. В этом нет ничего дурного, Роберта! Давайте я вас научу. Право же, это замечательно. Хотите, дорогая?

Он обнял ее и посмотрел ей в глаза, – и она почти сдалась, слабея от страстного влечения к нему.

Карусель остановилась, и они, не раздумывая, направились к огороженной площадке, где кружились в танце немногочисленные, но неутомимые пары. Довольно большой оркестр играл фокстроты и уанстепы. У турникета сидела хорошенькая билетерша: с каждой пары взималось десять центов за танец. Это красочное зрелище, музыка и ритмические, скользящие движения танцующих совсем заворожили обоих.

Оркестр умолк, танцующие выходили с площадки. Но не успели все они выйти, как кассирша стала продавать пятицентовые билетики на новый танец.

– Нет, я не сумею, – говорила Роберта, когда Клайд вел ее к турникету.

– Боюсь, что я слишком неуклюжая. Ведь я никогда не танцевала.

– Вы неуклюжая, Роберта? – воскликнул он. – Какая чепуха! Вы такая грациозная, такая прелестная! Вот увидите, вы будете замечательно танцевать.

Он заплатил, и они вошли.

Клайда охватил порыв самоуверенности, которая на три четверти объяснялась убеждением Роберты, что он богат и принадлежит к сливкам ликургского общества. Он отвел Роберту в уголок и показал основные несложные па; при ее врожденной живости и грации они дались ей без труда. Когда оркестр заиграл и Клайд привлек ее к себе, она легко уловила ритм и безотчетно следовала каждому движению своего партнера. Какое это было блаженство – чувствовать себя в его объятиях, послушно скользить туда, куда он увлекал ее, ощущать, как в едином, чудесном ритме движутся их тела.

– Милая, – шепнул Клайд. – Вы великолепно танцуете! Вы уже все поняли. Нет, вы просто удивительная, даже не верится!

Они сделали второй круг, потом третий, и Роберту охватило такое блаженство, какого она еще никогда в жизни не испытывала. Подумать только

– она танцует! Это так чудесно! Танцует с Клайдом! Он такой ловкий, изящный, он здесь красивее всех молодых людей, думала она. А Клайд, в свою очередь, думал, что никогда еще не встречал такой очаровательной девушки. Она такая веселая, милая и послушная. Она не заставит его томиться понапрасну. Ну, а что до Сондры Финчли, так ведь она не обращает на него внимания, и он с таким же успехом может вовсе не думать о ней… Однако даже здесь, с Робертой, он не мог окончательно ее забыть.

Они танцевали до половины шестого, когда оркестр замолк, так как больше не было желающих танцевать, и на площадке вывесили объявление: «Следующий концерт в 7:30»; тогда они выпили содовой воды, поели мороженого, потом зашли в ресторан закусить, и так быстро прошло время, что оказалось, надо ближайшим же трамваем ехать в Фонду, чтобы Роберта могла попасть на вокзал до семи часов.

По пути они выработали план на завтрашний день. Роберта постарается пораньше уехать от сестры, а Клайд снова приедет из Ликурга, они встретятся в Фонде и проведут вместе весь день, до одиннадцати часов, когда приходит последний поезд из Гомера. И если в трамвае, идущем в Ликург, не окажется никого из знакомых, они смогут возвратиться вместе.

И они встретились, как было условлено. Они бродили по темным окраинам городка, болтали, строили планы, и Роберта рассказала Клайду кое-что – не очень много, впрочем, – о своей жизни дома, в Бильце.

Но больше всего, если не считать их взаимной любви, объятий и поцелуев, занимал их вопрос о том, где и как встречаться впредь. Нужно было что-то придумать, и Роберта уже поняла, что придумывать придется ей – и поскорее. Хотя Клайд явно был очень нетерпелив и хотел видеть ее возможно чаще, он все же не мог ничего предложить – по крайней мере, ничего приемлемого.

Но придумать что-нибудь реальное было нелегко, это тоже понимала Роберта. О второй поездке к сестре или к родителям в Бильц нельзя было и думать раньше чем через месяц. А какой другой предлог она могла изобрести? Новые подруги на фабрике или почта… библиотека… «Ассоциация молодых христианок»… Это придумал Клайд. Но все это давало Роберте свободу в лучшем случае часа на два, а Клайд мечтал о таких свиданиях, как это. И как мало оставалось летних суббот и воскресений!

Глава 19

Роберта и Клайд думали, что их возвращение в Ликург и вся их совместная поездка прошли совершенно незамеченными. По дороге из Фонды в Ликург они не видели в трамвае ни одного знакомого. А когда Роберта пришла домой, Грейс была уже в постели. Она проснулась только для того, чтобы задать Роберте несколько случайных и равнодушных вопросов о ее поездке: как поживает сестра? Пробыла ли Роберта у нее весь день, или ездила в Бильц, или в Трипетс-Милс? (Роберта ответила, что она все время провела у сестры.) Грейс сказала, что ей надо вскоре съездить в Трипетс-Милс, повидаться с родителями, и быстро уснула.

Но на следующий вечер девушки, жившие у Ньютонов, Опал Фелис и Олив Поп (утром они не выходили к завтраку, так как накануне поздно вернулись из Фонды, из тех же мест, где Роберта была в субботу), сидя за обеденным столом, встретили вошедшую Роберту веселыми и добродушными, но очень неприятными ей возгласами:

– А, вот и вы! Сразу видно, что побывали в «Звездном парке»! Как вам понравилось танцевать там, мисс Олден? Мы видели вас, а вы нас и не заметили. – И прежде чем Роберта успела придумать какой-нибудь ответ, мисс Фелис прибавила: – Мы старались поймать ваш взгляд, но вы, кажется, никого не видели, кроме вашего кавалера. Могу вас поздравить, вы шикарно танцуете.

Роберта была мало знакома с этими девушками, и к тому же ей всегда не хватало смелости и находчивости, чтобы быстро и ловко отшутиться, выпутаться из неожиданно трудного положения; она вспыхнула и минуту не могла вымолвить ни слова. Ведь она вчера сказала Грейс, что провела весь день у сестры! А Грейс сидела напротив и глядела ей прямо в лицо, приоткрыв рот, точно хотела воскликнуть: «Вот оно что! Танцы! Кавалер!» А на хозяйском месте за столом сидел Джордж Ньютон – тощий, дотошный, любопытный, – и его колючие глаза, тонкий нос и острый подбородок повернулись в сторону Роберты.

Но она быстро поняла, что надо что-то ответить.

– Да, я была там, – сказала она. – Я ездила туда с друзьями сестры.

Она чуть не прибавила: «Мы пробыли там недолго!» – но сдержалась. В эту минуту на помощь ей пришло упорство, унаследованное от матери. В конце концов, почему она не могла поехать в «Звездный парк», если ей захотелось? И какое право имеют Ньютоны, или Грейс, или кто-либо другой требовать у нее отчета? Она живет на свои средства и сама за себя отвечает. Но в то же время она поняла, что уличена во лжи, – и все потому, что она живет здесь, где ее постоянно обо всем расспрашивают и следят за каждым ее шагом.

– Мне кажется, этот молодой человек не из Ликурга, я его здесь не встречала, – с любопытством прибавила мисс Поп.

– Да, он не отсюда, – кратко и холодно сказала Роберта.

Она с ужасом думала, что ее уличили во лжи перед Грейс и та будет возмущена ее скрытностью и изменой их дружбе. Ей хотелось встать из-за стола и уйти, чтобы больше не возвращаться. Но она постаралась сдержать себя и твердо посмотрела в глаза обеим девушкам. Потом вызывающе взглянула на Грейс и мистера Ньютона. Если бы ее продолжали расспрашивать, она назвала бы каких-нибудь выдуманных друзей своего зятя или даже вовсе отказалась бы отвечать. С какой стати!

В тот же вечер ей пришлось убедиться, что такой отказ неизбежен. Как только они после обеда вернулись в свою комнату, Грейс сказала с упреком:

– Ты, кажется, говорила, что была все время у сестры?

– Ну и что же? – вызывающе и даже резко ответила Роберта.

Она не пыталась оправдываться, потому что звала: Грейс только делает вид, будто возмущается ее безнравственным поступком, а на самом деле она просто раздражена и обижена тем, что Роберта ускользнула без нее и, значит, пренебрегает ею.

– Ладно, больше тебе не придется лгать мне: можешь ходить без меня куда угодно и видеться с кем угодно. Я больше никуда с тобой не пойду и даже не хочу знать, куда ты ходишь и с кем. Но я не желаю, чтобы ты ставила меня в такое положение перед Джорджем и Мэри. Ты мне говоришь одно, а потом оказывается, что это все неправда и ты просто хотела сбежать от меня, а они могут подумать, что я сама лгу им. Я не хочу!

Она была очень обижена, огорчена и рассержена, и Роберта подумала, что ей ничего не остается, как уехать отсюда. Грейс прилипчива, как пиявка; у нее нет личной жизни, и она не умеет создать ее. Пока они вместе, Грейс будет требовать, чтобы

Роберта посвятила себя ей, делилась с нею каждой своей мыслью, каждым чувством. Но если рассказать ей о Клайде, Грейс будет возмущена и шокирована и, несомненно, начнет упрекать и бранить ее или даже выдаст. Поэтому Роберта сказала только:

– Как хочешь, пожалуйста. Мне все равно. Я и не собираюсь ничего говорить, пока сама не найду нужным.

Из этого ответа Грейс поняла, что Роберта не желает больше дружить с нею и вообще не хочет иметь с нею ничего общего. Она сейчас же встала и вышла из комнаты, прямая как палка, с высоко поднятой головой. А Роберте стало ясно, что отныне Грейс – ее враг, и ей захотелось оказаться подальше отсюда. Все они тут слишком ограниченные: они никогда не поймут и не допустят ее тайных отношений с Клайдом. А соблюдать тайну ему необходимо – так он объяснил Роберте. Для нее это трудно и даже унизительно, и все же она безмерно дорожит этими отношениями. Она любит его, очень любит. И теперь она должна найти какой-то способ оградить себя и его от посторонних взглядов. Надо переехать.

Но на это требовалось больше мужества и решимости, чем было у Роберты. Как это неестественно и даже страшно: жить в доме, где тебя никто не знает! Не сочтут ли это странным? Возможно, впоследствии придется объясняться с матерью и сестрой. Но и оставаться здесь после всего, что произошло, тоже невозможно. Грейс и Ньютоны – особенно миссис Ньютон – будут относиться к ней, как ранние пуритане к сестре или брату, уличенным в тяжком грехе. Она танцевала! И тайно! Тут замешан какой-то молодой человек, – поездка к сестре не совсем объясняет его присутствие, а тем более посещение «Звездного парка».

Кроме того, Роберта понимала, что теперь за ней будут тщательно следить, и это, не говоря уже о диктаторском поведении Грейс, конечно, помешает ей встречаться с Клайдом так часто, как она жаждет.

Она провела два дня в тяжком раздумье, посовещалась с Клайдом, – он всей душой был за то, чтобы она немедленно переехала в новую комнату, где она ни от кого не будет зависеть, где никто не будет знать ее и шпионить за ней, – и, получив разрешение уйти на два часа с работы, отправилась на поиски. Она выбрала юго-восточную часть города – здесь ей, вероятно, не придется сталкиваться с Ньютонами и с теми, кого она у них встречала. После недолгих поисков она нашла то, что ей понравилось: старый кирпичный дом на Элм-стрит; тут жил обойщик с женой и двумя дочерьми – одна была портниха, другая еще ходила в школу. Комната, которую предложили Роберте, находилась в первом этаже, направо от маленькой передней, с окнами на улицу. Из передней одна дверь вела в большую гостиную, которая отделяла сдающуюся комнату от всей остальной части дома, это позволяло приходить и уходить незаметно. А так как Роберта все еще предполагала встречаться с Клайдом тайно, то для нее это было очень важно.

Кроме того, как она поняла из беседы с самой миссис Гилпин, хозяева в этом доме не были так строги и назойливо любопытны, как Ньютоны. Миссис Гилпин, полная, опрятная женщина лет пятидесяти, несколько вялая и не слишком сообразительная, сообщила Роберте, что вообще-то она не сдавала комнат и не держала пансионеров, потому что муж и дочь зарабатывают достаточно. Но так как комната рядом с передней совершенно отдельная и всегда пустует, то наконец она, с согласия мужа, решила ее сдать. И ей как раз хотелось впустить жилицу вроде Роберты, а не мужчину, – девушку-работницу, которой удобно было бы столоваться вместе со всей семьей. Миссис Гилпин ничего не спросила ни о родных Роберты, ни о ее знакомствах, а только с интересом поглядывала на нее и, видимо, осталась довольна; Роберта поняла, что здесь не придерживаются таких строгих правил, как у Ньютонов.

И все же сколько сомнений вызвала у нее мысль о переезде! Во всей этой таинственности, казалось ей, есть что-то недозволенное, даже греховное, и вершина всего – ссора и разрыв с Грейс Марр, ее единственной подругой, а значит, и с Ньютонами; а ведь только благодаря Грейс она вообще попала в Ликург. Что, если ее родители или сестра в Гомере узнают обо всем через знакомых Грейс и найдут странной ее одинокую жизнь в Ликурге? Хорошо ли это? Как может она решиться на такой шаг – и так скоро после приезда сюда? Она чувствовала, что ее доныне безупречные нравственные устои рушатся. Но как же Клайд? Можно ли отказаться от него?

После мучительных колебаний Роберта решила, что это невозможно. И потому, уплатив задаток и предупредив, что переедет в ближайшие же дни, она вернулась на работу, а вечером заявила миссис Ньютон, что хочет выехать. Она заранее придумала объяснение: она собирается вскоре выписать к себе младшего брата и сестру и должна устроиться так, чтобы они могли поселиться вместе с нею.

И Ньютоны, как и Грейс, почувствовали, что переезд Роберты связан с новыми знакомствами, разъединившими ее с подругой, и были довольны, что она уходит от них. Она явно вступает на путь сомнительных приключений, которых они не могут одобрить. Теперь она не может быть полезной Грейс, как они сначала ожидали. Возможно, она и знает, что делает. Но еще вероятней, что ее здесь сбили с толку всякие развлечения и удовольствия, несовместимые со скромной жизнью, какую она вела в Трипетс-Милс.

Да и сама Роберта, оказавшись после переезда в новой обстановке, хотя и могла теперь свободнее встречаться с Клайдом, все же сомневалась, правильно ли она поступает. Может быть… может быть, она слишком поспешила, погорячилась, может быть, еще придется об этом пожалеть. Но дело сделано, и теперь ничего не изменишь. Надо посмотреть, что получится…

Главным образом для того, чтобы успокоить свою совесть, она сейчас же написала матери и сестре, довольно правдоподобно объясняя, почему ей пришлось уехать от Ньютонов. Грейс стала слишком требовательной и эгоистичной, слишком командовала ею. Это стало невыносимо. Но пусть мать не беспокоится: она поселилась в очень приличном доме. У нее отдельная комната, и теперь она может принять у себя Тома и Эмилию, мать или Агнессу, если им захочется ее навестить. И тогда она познакомит их с Гилпинами, которых она подробно описала.

И все же, думая о Клайде и об их взаимной страсти, Роберта в глубине души сознавала, что играет с огнем и может оказаться опозоренной. В то время она едва ли отдавала себе отчет в том, что эта комната с первой же минуты привлекла ее именно своей обособленностью, но бессознательно все же чувствовала, что это так. Да, она вступила на опасный путь – и знала это. Но что же делать, часто спрашивала она себя в минуты, когда ее охватывали желания, противоречащие всем ее понятиям о допустимом и благопристойном, что же ей делать?

Глава 20

В течение нескольких недель Роберта и Клайд встречались то здесь, то там, в парках и садах, куда легко можно добраться пригородным поездом. Однако между ними теперь бывали столкновения, главным образом из-за комнаты Роберты: Клайд считал, что это самое удобное место для их встреч, но Роберта не позволяла ему приходить к ней. Клайд никогда не признавался себе, что у него по отношению к Роберте далеко не такие намерения, какие должен питать молодой человек к девушке, которую он уважает, и, однако, теперь, когда она переехала в эту комнату, в нем пробудилось неодолимое желание, может быть, непохвальное, но естественное и почти неизбежное, – желание все большей и большей близости, все большей власти над Робертой, над всеми ее мыслями и поступками; в конце концов она должна всецело принадлежать ему! Но как? Будет ли это брак и, следовательно, самое обычное благопристойное существование? До сих пор он вовсе не думал жениться на Роберте. Он мог ухаживать за нею или за любой другой девушкой, стоявшей на общественной лестнице гораздо ниже здешних Грифитсов, Сондры Финчли или Бертины Крэнстон, но счел бы невозможным жениться на ней – главным образом из-за взглядов своих вновь приобретенных родственников и из-за их высокого положения в Ликурге. Что они подумают, если узнают? Теперь уже ясно: здесь считают, что он занимает иное, более высокое положение, чем Роберта и ей подобные. Хорошо бы этим воспользоваться. И потом, здесь слишком многие его знают, хотя бы в лицо. Но, с другой стороны, его так влечет к Роберте… Что ж, может быть, она его и достойна… как знать, может быть, он и был бы счастлив с нею, если бы мог и решил жениться.

Возникало и еще одно осложнение: наступала осень с ледяными ветрами и холодными ночами. Приближался октябрь, и почти все загородные парки, где можно было развлекаться на безопасном расстоянии от Ликурга, закрылись. Закрыты были и дансинги, кроме больших залов в соседних городах, но сюда Роберта отказывалась ходить. Оставались, правда, церкви, кинематографы и рестораны в самом Ликурге, но там они не могли бывать из-за двусмысленного положения Клайда в городе. И, таким образом, теперь, когда Роберта освободилась от надзора Ньютонов, им некуда было пойти, – разве что, изменив как-то их отношения, Клайд сможет посещать Роберту у Гилпинов. Но он знал, что она не допускает и мысли об этом, а главное – у него не хватало мужества ей это предложить.

Однажды вечером в начале октября, через полтора месяца после переезда Роберты в новую комнату, они гуляли по одной из дальних улиц. Ярко блестели звезды. Было холодно. Листья кружились в воздухе. Роберта уже надела свое зимнее пальто, зеленое в кремовую полоску; коричневая шляпа, отделанная кожей, очень ей шла. Снова и снова поцелуи, все тот же лихорадочный жар, что неотступно владел ими с первой встречи и все разгорался.

– Становится холодно, правда? – сказал Клайд.

Было около одиннадцати часов, подмораживало.

– Да, прохладно. Скоро придется думать о более теплом пальто.

– Не знаю, что мы будем делать дальше? Больше нет ни одного места, где мы могли бы посидеть, а разгуливать каждый вечер по улицам в такой холод не очень приятно. Как вы думаете, нельзя ли мне иногда заходить к вам? Ведь у Гилпинов не то, что у Ньютонов.

– Да, конечно. Но по вечерам они всегда сидят в гостиной до половины одиннадцатого, даже до одиннадцати. И, кроме того, обе девушки все время бегают взад-вперед до двенадцати часов или просто сидят дома. Не знаю, как это устроить. Вы ведь сами говорили, что не хотите, чтобы вас видели со мной. А если вы придете, мне надо будет познакомить вас с Гилпинами.

– Нет, я совсем не это имел в виду, – решительно ответил Клайд. Он подумал, что Роберта слишком щепетильна: пора бы ей держаться с ним свободнее, если она на самом деле так его любит. – Почему бы мне иногда и не зайти к вам ненадолго? Гилпинам вовсе незачем об этом знать. – Он вынул часы и чиркнул спичкой: оказалось, что уже половина двенадцатого; он показал часы Роберте. – Теперь в гостиной никого нет, верно?

Она покачала головой. Эта мысль не только ужаснула, но и возмутила ее. Клайд стал слишком смел: как он решается предлагать ей такое? И притом в его словах воплотились все тайные страхи и владевшие ею настроения, в которых она до сих пор не хотела себе признаться. Тут есть что-то греховное, низменное, пугающее. Нет, на это она не пойдет. Ни за что. И в то же время в глубине ее существа все громче звучал голос долго подавляемого, страшного для нее желания, – теперь оно властно заявляло свои права.

– Нет, нет, я не могу согласиться! Это нехорошо. Я не хочу. Нас могут увидеть. Вас могут узнать.

В эту минуту отвращение к тому, что она с детства привыкла считать безнравственным, было так сильно, что Роберта бессознательно пыталась высвободиться из объятий Клайда.

Он почувствовал, как искренне ее внезапное сопротивление. И оно только еще больше подхлестнуло в нем жажду обладать тем, что в эту минуту казалось почти недостижимым. Вкрадчивые речи полились из его уст:

– Ну, кто может нас увидеть в такое время? Кругом нет ни души. Почему бы и не зайти к вам в комнату на несколько минут, раз нам хочется? Никто нас не услышит. Мы будет говорить тихо. Даже на улице никого нет. Пройдем мимо и посмотрим, – наверно, в доме уже все спят.

До сих пор она никогда не позволяла ему близко подходить к дому и теперь горячо и взволнованно запротестовала. Но на этот раз Клайд заупрямился, и Роберта, всегда смотревшая на него с робким почтением, – не только как на возлюбленного, но и как на человека, стоящего выше ее, – не могла ему помешать. Они остановились в нескольких шагах от дома. Нигде не слышно ни звука, только лает собака. В окнах ни огонька.

– Вот видите, все уже спят, – успокаивал Роберту Клайд. – Почему бы нам не войти на минутку? Кто об этом узнает? Нам незачем подымать шум. Да и что в этом дурного? Многие так делают. Нет ничего страшного, если девушка на минуту впустит друга к себе в комнату.

– Вы думаете? Ну, может быть, в вашем кругу так принято. Но я знаю, что хорошо и что нет, а это, по-моему, нехорошо, и я так не сделаю.

И, однако, сердце Роберты при этих словах больно сжалось. Она никогда еще не позволяла себе такой самостоятельности, даже дерзости в отношениях с Клайдом и никак не думала, что это возможно. Она сама испугалась. Вдруг он ее разлюбит, если она будет с ним так говорить?

Клайд мгновенно помрачнел. Почему она не хочет исполнить его просьбу? Она слишком осторожна, слишком боится всего, что доставляет малейшую радость и удовольствие. Другие девушки не похожи на нее, – например, Рита или работницы на фабрике. А ведь она уверяет, что любит его. Она позволяет ему обнимать и целовать себя на улице. А когда ему хочется немножко большей близости, она никак не соглашается. Что же это за девушка? Что толку за ней ухаживать? Может быть, это все опять уловки и хитрости, как было тогда с Гортензией? Правда, она ничуть не похожа на Гортензию, но уж очень упряма.

Роберта не видела его лица, но знала, что он очень рассердился, – так случилось впервые.

– Ну, не хотите – не надо, – холодно сказал он. – Мне и без того есть куда пойти. Я вижу, вы никогда ни в чем не хотите мне уступить. А как мы, по-вашему, будем видеться дальше? Нельзя же каждый вечер ходить по улицам.

Клайд сказал это мрачным тоном, не предвещавшим ничего хорошего, – никогда еще он не говорил с нею так резко и раздраженно. И его намек на другие места, куда он может пойти, так потряс и испугал Роберту, что ее настроение тотчас переменилось. Ну, конечно, встречается же он время от времени с девушками своего круга! И девушки на фабрике вечно строят ему глазки! Сколько раз она видела, как они на него поглядывали. Эта Руза Никофорич – такая грубая, но все-таки хорошенькая! А Флора Брандт! А Марта Бордалу! Бр-р! Подумать только, что такие негодницы бегают за таким красавцем! Она испугалась, что Клайд сочтет ее слишком несговорчивой, неопытной и робкой, – в высшем обществе он к этому не привык, – и оставит ее ради кого-нибудь из них. И тогда она его потеряет. Эта мысль ужаснула ее. Вся ее храбрость тотчас исчезла, и она стала жалобно уговаривать:

– Ну, Клайд, ну пожалуйста, не сердитесь. Вы же знаете, я бы согласилась, если б могла. Но я никак не могу. Неужели вы не понимаете? Вы же знаете сами. Конечно, Гилпинам все станет известно. Что с вами будет, если нас увидят и кто-нибудь узнает вас? – Она умоляюще взяла его за руку, потом обняла, и он почувствовал, что, несмотря на все свое недавнее сопротивление, она мучительно огорчена и расстроена. – Ну, пожалуйста, не просите меня об этом, – добавила она умоляюще.

– Зачем тогда было переезжать от Ньютонов? – спросил он угрюмо. – Не знаю, где еще мы можем теперь видеться, если вы не позволите мне иногда приходить к вам. Нам некуда больше пойти.

Роберта не знала, что ответить. Очевидно, чтобы их отношения могли продолжаться, надо нарушить общепринятые правила поведения. И все же она не представляла себе, что можно согласиться. Это нехорошо, не принято, безнравственно.

– Мне казалось, что нам достаточно ездить куда-нибудь по субботам и по воскресеньям, – сказала она мягко, стараясь его успокоить.

– Да куда же теперь поедешь? Все закрыто.

Роберта опять почувствовала, что находится во власти неразрешимых противоречий, которые завели их обоих в тупик.

– Господи, если бы я знала, что делать! – воскликнула она в отчаянии.

– Все очень просто, стоит вам только захотеть. Но в том-то и беда, что вы не хотите.

Они стояли рядом. Ночной ветер кружил сухие, шуршащие листья. Роберта ломала голову над задачей, которая давно ее пугала. Разве так ее учили поступать? Можно ли послушаться Клайда? В ней боролись могучие противоречивые силы и желания. Она то готова была уступить, как ни было это мучительно для нее при ее понятиях о нравственности и приличии, то порывалась наотрез, раз и навсегда отвергнуть это, на ее взгляд, дерзкое и противоестественное предложение. Но все же наперекор негодованию любовь к Клайду заставляла ее по-прежнему говорить с ним нежно и просительно.

– Нет, Клайд, не могу, не могу! Я бы согласилась, если б могла, но это просто невозможно. Ведь это нехорошо! Я никак не могу!

Она вглядывалась в его лицо – бледный овал среди мрака, – стараясь увидеть на нем признаки сочувствия, понимания. Но он, обозленный этим, видимо, окончательным отказом, не склонен был смягчаться. Все это напоминало ему бесконечные неудачи, которыми сопровождалось его ухаживание за Гортензией Бригс. Но будьте уверены, теперь он не потерпит ничего подобного. Если она хочет вести себя так – пожалуйста, но только не с ним. У него теперь большой выбор, найдется сколько угодно девушек, которые будут обращаться с ним куда лучше. Он сердито пожал плечами и отвернулся.

– Ну что ж, как вам угодно, – бросил он через плечо.

Роберта стояла ошеломленная, охваченная ужасом.

– Не уходите, Клайд! Пожалуйста, не уходите, – вдруг жалобно воскликнула она; вся ее решимость и мужество исчезли, глубокая печаль охватила ее. – Я не хочу, чтобы вы ушли, я так люблю вас, Клайд! Я все сделала бы, если б могла. Вы же знаете!

– Да, конечно, знаю, можете не говорить мне об этом. – Он действовал так, как подсказывал ему опыт отношений с Гортензией и Ритой. Резко высвободился из ее объятий и быстро зашагал по темной улице прочь.

Роберта, пораженная этой внезапной переменой в их отношениях, такой мучительной для обоих, крикнула: «Клайд!» – и побежала было за ним, надеясь, что он остановится и она еще сможет его смягчить. Но он не обернулся. Он быстро уходил. Нет, это невозможно, она должна хотя бы Силой удержать своего Клайда! Она побежала, но вдруг остановилась, потрясенная; впервые за всю свою жизнь она оказалась в таком жалком, постыдном, недостойном положении. Все ее воспитание, все прочно усвоенные представления и традиции требовали, чтобы она оставалась твердой и не унижала себя, а жажда любви, дружбы, понимания заставляла ее бежать за Клайдом, пока еще не поздно, пока он еще не ушел. Он так красив, у него такие красивые руки… А глаза… Еще слышалось эхо его шагов. И все же так сильны были связывающие ее условности, что хотя она мучительно страдала, ни одна из сил, боровшихся в ней, не могла взять верх, и она остановилась в нерешительности. Она не могла ни идти дальше, ни оставаться на месте. Почему, почему вдруг оборвалась их чудесная дружба?

Сердце ее разрывалось, губы побелели. Она стояла оцепеневшая и молчаливая, не в силах произнести хоть слово, хотя бы позвать Клайда, – его имя замерло на ее устах. Она только мысленно молила: «Не уходи, Клайд, пожалуйста, не уходи!» – а он был уже далеко и все равно не услышал бы. Он быстро, неумолимо уходил, звук шагов доносился все слабее и слабее.

Это была первая в жизни Роберты мучительная, ослепляющая, кровоточащая сердечная рана.

Глава 21

Душевное состояние Роберты в эту ночь нелегко описать: она была охвачена настоящей жгучей любовью, а в юности трудно выдержать настоящую жгучую любовь. Притом к любви примешивались еще и ослепительные иллюзии относительно материального и общественного положения Клайда, – иллюзии эти возникли не столько благодаря словам или поступкам самого Клайда, сколько из-за догадок и сплетен, которые ходили о нем на фабрике и вовсе от него не зависели. А ее дом, семья и ее собственное положение были так жалки и не сулили ничего впереди, – все ее надежды были связаны только с Клайдом. И вдруг она поссорилась с ним, и он ушел рассерженный. Но, с другой стороны, он ведь настаивал на таких ужасных, чересчур коротких и вольных отношениях, с какими не могла примириться ее совесть, воспитанная в строгих нравственных правилах. Что ей делать теперь? Что сказать ему?

В темноте своей комнаты Роберта медленно, задумчиво разделась и бесшумно забралась в широкую, старомодную кровать. «Нет, я не соглашусь, – говорила она себе. – Я не должна. Я не могу. Это было бы очень, очень нехорошо, я не послушаю его, хотя бы даже он грозил расстаться со мной навсегда. Стыдно ему просить меня об этом». А через мгновение она уже спрашивала себя, что еще им остается делать. Безусловно, Клайд отчасти прав: им некуда больше пойти, всюду они рискуют быть узнанными. Как несправедливы фабричные правила! Но, и не будь этого правила, Грифитсы, конечно, все равно решили бы, что она недостойна Клайда, и Ньютоны и Гилпины тоже, если бы услышали и узнали, кто он. И если они узнают, это может повредить обоим. А она не хочет делать ничего такого, что может повредить Клайду… Никогда!

Потом ей пришло в голову, что, если она найдет работу в другом месте, вопрос будет разрешен, – вопрос, который как будто имел мало общего с другим, более неотложным и волнующим: с желанием Клайда приходить к ней, в ее комнату. Но это решение означало, что она по целым дням не будет видеть его, они будут встречаться только вечером. И, конечно, не каждый вечер. Нет, о том, чтобы искать другую работу, нечего и думать.

Тут ее поразила другая мысль. Настанет утро – и она увидит Клайда на фабрике. Что если он не заговорит с нею? Она ведь тоже не сумеет с ним заговорить? Невозможно! Нелепо! Ужасно! При одной мысли об этом Роберта поднялась и села на постели, и перед нею всплыло равнодушное, холодное лицо Клайда.

Мгновенно она вскочила и зажгла единственную лампочку, висевшую посреди комнаты. Она подошла к зеркалу над старым ореховым комодом в углу и пристально посмотрела на себя. Ей почудилось, что под глазами у нее уже легли темные круги. Она вся оцепенела и застыла от холода; в отчаянии она беспомощно качала головой. Нет, нет, он не может быть так низок и так жесток с ней. Если бы он знал, как трудно, как невозможно то, чего он от нее требует! Скорей бы наступил день, тогда она снова его увидит! Скорей бы наступил завтрашний вечер, тогда можно будет взять его руки в свои, почувствовать его объятия!

– Клайд! Клайд! – воскликнула она чуть не вслух. – Ты не должен так поступать со мной, ты не можешь…

Роберта опустилась в старое, выцветшее и расшатанное мягкое кресло, – оно стояло посреди комнаты около маленького столика, на котором лежало с полдюжины малоинтересных книг и журналов: «Садовые семена», «Сэтердэй ивнинг пост», ежемесячник «Наука для всех» и прочее, – и, опершись локтями о колени, сжала подбородок ладонями. Она старалась уйти от мучительных, беспорядочных мыслей, но они не оставляли ее. Почувствовав озноб, она взяла с кровати одеяло, закуталась, потом раскрыла каталог садовых семян и тотчас отбросила его.

«Нет, нет, он не может, он не захочет так поступить со мной!» Она этого не допустит. Ведь Клайд столько раз повторял, что с ума сходит по ней, влюблен в нее до безумия, и они ездили вместе по разным чудесным местам!

Почти не сознавая, что делает, Роберта то садилась в кресло или на край кровати и сидела, опершись локтями на колени и подбородком на руки, то стояла перед зеркалом, то тревожно вглядывалась в темноту за окном – не начинает ли светать. Настало шесть часов, потом в половине седьмого забрезжил рассвет и скоро уже надо было одеваться, а она все бродила от кресла к кровати, от кровати к зеркалу. Она приняла только одно твердое решение: как-то удержать Клайда. Только бы он не покидал ее. Этого не должно случиться. Что-то нужно сказать или сделать, чтобы он любил ее по-прежнему, если даже… если даже придется позволить ему навещать ее иногда – здесь или где-нибудь еще… Может быть, переехать в другое место, на квартиру, где она могла бы принимать Клайда, сказав, что он ее брат… Да, хотя бы так…

Но Клайд был настроен совсем по-иному. Чтобы вполне понять его несговорчивость и внезапно овладевшее им злобное упрямство, следует вспомнить Канзас-Сити и то время, когда он попусту ходил на задних лапках перед Гортензией Бригс, а затем и то обстоятельство, что ему пришлось отказаться от Риты – и притом понапрасну. Правда, теперь положение было совсем другое, и он не имел права обвинять Роберту в том, что она ведет себя с ним нечестно и мучает его, как это было с Гортензией; но ведь это факт, рассуждал он, что девушки – все девушки вообще – упрямы, и чересчур заботятся о себе, и всегда ставят себя выше мужчины, и стараются заставить его всячески им угождать, и ничего не желают дать взамен! Притом Ретерер всегда говорил ему, что с девушками он ведет себя глупо: он слишком податлив, слишком быстро выдает себя и показывает, что влюблен. А между тем, как объяснял Ретерер, у Клайда есть козырь: он недурен Собой. С какой же стати ему бегать за

девушками, которые не слишком в нем нуждаются? Это соображение и Комплимент Ретерера тогда произвели большое впечатление на Клайда. Потерпев фиаско в отношениях с Гортензией и Ритой, он был теперь настроен гораздо решительнее. И, однако, ему вновь грозит такая же неудача, как и тогда.

В то же время он не мог не уличить себя мысленно в том, что его ухищрения явно ведут к отношениям незаконным, которые могут впоследствии оказаться опасными. Неопределенно и хмуро он думал о том, что, добиваясь связи, на которую Роберта в силу своих предрассудков и воспитания не может смотреть иначе как на грех, он дает ей известное право рассчитывать на его внимание в будущем – право, с которым, пожалуй, трудно будет не считаться… Ведь в конце концов зачинщик тут он, а не она, и поэтому, как бы там все ни сложилось дальше, она, пожалуй, сможет требовать от него больше, чем он захочет дать. Разве он собирается на ней жениться? В глубине его души звучал тайный голос, который даже сейчас подсказывал ему, что он никогда не захочет жениться на Роберте – да и не сможет, принимая во внимание его высокие родственные связи в Ликурге. А если так, следует ли ее добиваться? Ведь тогда он едва ли сможет впоследствии избежать претензий с ее стороны?

Клайд далеко не столь отчетливо высказывал сам себе свои сокровеннейшие чувства, но в основном они были именно таковы. И, однако, его слишком неудержимо влекло к Роберте, и вопреки предчувствиям и настроениям, которые, казалось, подсказывали, как опасно ему упорствовать в своем требовании, он твердил себе, что расстанется с нею, если она не позволит ему приходить к ней домой, прекратит с нею всякое знакомство: в нем побеждало желание ею обладать.

Борьба двух воль, которая всегда связана с первым сближением мужчины и женщины, будь то брак или нет, разыгралась на следующий день на фабрике. И, однако, ни слова не было сказано ни с той, ни с другой стороны. Хотя Клайд и воображал, что очень влюблен в Роберту, на самом деле чувство его было не столь глубоким, – свойственные ему эгоизм, тщеславие и стремление поставит!» на своем определяли все его поступки и побуждения. И он решил принять позу оскорбленного, не сохранять добрых отношений с Робертой и не идти ни на какие уступки, если она сама ему не уступит.

Итак, в это утро он пришел в штамповочную с видом человека, поглощенного вопросами, не имеющими отношения к тому, что случилось накануне вечером. Однако он вовсе не чувствовал уверенности, что такой образ действий не кончится для него новой неудачей, и в глубине души был подавлен и встревожен. Ведь Роберта, бледная и рассеянная, была все же очаровательна, как всегда, работала с обычной энергией, и вид ее не давал оснований рассчитывать на близкую или даже отдаленную победу. Зная ее, – а Клайд воображал, будто знает ее неплохо, – он очень мало надеялся, что она уступит.

Он то и дело посматривал на нее, когда она не глядела в его сторону. А она, в свою очередь, посматривала на него; сначала, когда он не смотрел на нее; потом она убедилась, что его глаза то прямо, то исподтишка следят за нею, но словно не узнавая. К горькому разочарованию Роберты, Клайд решил не только пренебрегать ею, но впервые с тех пор, как они увлеклись друг другом, стал довольно ясно и как бы не намеренно оказывать внимание другим девушкам, которые всегда восхищались им, всегда только и ждали (так воображала Роберта) малейшего знака, чтобы сделать для Клайда все, что он пожелает.

Вот он смотрит через плечо Рузы Никофорич; она кокетливо повернула к нему свое широкое лицо со вздернутым носом и мягким подбородком, и Клайд что-то объясняет ей; вряд ли это непосредственно касается работы, так как оба беззаботно улыбаются. А немного позже он подошел к Марте Бордалу и наклонился над нею, едва не касаясь ее полных плеч и обнаженных рук; в этой пышной француженке было что-то непривычное, чуждое американскому глазу, но все-таки она могла нравиться. И Клайд пытался с нею шутить.

Он не обошел вниманием и Флору Брандт, очень чувственную и миловидную американку; Роберта замечала, что он и раньше на нее посматривал. Но, как бы то ни было, она не могла поверить, чтобы он, Клайд, мог заинтересоваться кем-нибудь из этих девушек. Не может этого быть!

А на нее он и не смотрит! Хоть бы улучил минутку, хоть слово сказал бы! Однако для других у него находится и шутка и веселый взгляд. О, как горько, как жестоко! И как ненавидела она всех этих девушек, которые откровенно заигрывали с ним и старались отнять его у нее! Ужасно! Конечно, он теперь враждебно относится к ней, иначе он не мог бы вести себя так… после всего, что было между ними… после их любви, поцелуев…

Часы тянулись мучительно и для Клайда и для Роберты. Он всегда был лихорадочно нетерпелив в своих желаниях и болезненно переносил отсрочки и разочарования: это свойственно людям самого различного склада, когда они одержимы какими-либо честолюбивыми мечтами. Его ежечасно мучила мысль, что он должен либо потерять Роберту, либо подчиниться ее желаниям, чтобы ее вернуть.

А ее мучил сейчас не столько вопрос, уступить ли на этот раз (это теперь было самой малой из ее тревог), сколько сомнение: удовлетворится ли Клайд тем, что она позволит ему заходить к ней в комнату? Между ними должны сохраниться строго приличные, дружеские отношения – и только, на большее она не согласится. Никогда! И все же эта неизвестность… Его мучительное равнодушие… Невыносимо медленно шли минуты, часы. Наконец, около трех часов, негодуя, что сама навлекла

на себя такую пытку, она ушла в гардеробную и, подобрав на полу клочок бумаги, написала огрызком карандаша короткую записку:

«Клайд, прошу вас, не сердитесь! Пожалуйста! Посмотрите на меня и поговорите со мной. Я очень жалею о вчерашнем, страшно жалею, правда! Я хочу встретиться с вами сегодня в 8:30 в конце Элм-стрит, если вы сможете. Мне нужно кое-что сказать вам. Пожалуйста, приходите. Посмотрите на меня и скажите, что придете, даже если сердитесь. Вы не пожалеете! Я так люблю вас, вы это знаете!

Ваша печальная Роберта».

Словно больной, который мучительно ищет успокоительного лекарства, она свернула бумажку и, возвращаясь в штамповочную, прошла вплотную мимо конторки Клайда. В это время он как раз сидел, склонившись над какими-то бумагами. Быстрым движением она бросила записку ему в руки. Клайд взглянул на нее, и взгляд его темных глаз, до этой минуты суровых и недовольных, полных тревоги, боли и решимости, вдруг смягчился; увидев записку и удалявшуюся Роберту, он сразу успокоился, удивление, довольство и радость охватили его и отразились на его лице. Он развернул записку и прочитал ее. И мгновенно почувствовал, словно все его тело пронизали теплые, расслабляющие лучи.

А Роберта вернулась к своему столу и, опасаясь, что кто-нибудь наблюдал за нею, настороженно и беспокойно огляделась. Клайд смотрел прямо на нее торжествующим и все же покорным взглядом; улыбка играла на его губах; он радостно кивнул ей в знак согласия. И Роберта внезапно почувствовала головокружение, как будто ее судорожно сжатое сердце и натянутые нервы вдруг ослабли и кровь снова свободно потекла по жилам. И все иссохшие русла и потрескавшиеся и обожженные горем берега ее души, иссякшие ручьи и озера мгновенно были залиты щедрой, бьющей ключом силой жизни и любви.

Он придет! Они снова будут вместе сегодня вечером. Он обнимет ее и будет целовать, как раньше. Она снова сможет глядеть в его глаза. Никогда больше они не будут ссориться, – никогда, если только она сумеет этому помешать!

Глава 22

Необычайное счастье нового, более тесного сближения, сломленного протеста, побежденных сомнений! Дни, когда оба они после напрасной борьбы против большей близости – желанной обоим – с пугливым, лихорадочным нетерпением ожидали приближения ночи. Какие муки, какие протесты со стороны Роберты и какая решимость – однако не без сознания, что все это грех, совращение, обман, – со стороны Клайда! Когда же все совершилось, дикая, судорожная радость охватила обоих. Но еще прежде Роберта все же потребовала обещания, что Клайд никогда не покинет ее, что бы ни случилось (ее преследовала мысль о естественных последствиях этого безумного сближения), так как без него она беспомощна. Однако о браке ничего прямо сказано не было. И Клайд, совершенно порабощенный своим желанием, необдуманно дал слово, что никогда не оставит ее, никогда, – в этом по крайней мере она может на него положиться. Но и тут мысли о браке у него не было. На это он не пошел бы. И вот, откинув на время все сомнения, сколько бы ни терзалась и ни упрекала себя Роберта днем, они ночь за ночью предавались своей страсти. А потом безрассудно мечтали о новой блаженной ночи и жадно ждали, когда же кончится длинный день и наступит все скрывающая, за все вознаграждающая, лихорадочная ночь.

И Клайд чувствовал то, в чем была твердо, мучительно убеждена Роберта: что это грех, великий, смертный грех; не раз он слышал речи матери и отца о соблазнителе, прелюбодее, что подстерегает жертву вне священных уз брака. А Роберта, тревожно всматриваясь вперед, в безвестное будущее, гадала, что станет с нею, если Клайд охладеет или оставит ее. Но приходила ночь, ее настроение снова менялось – и она, как и он, спешила на условленное место встречи, чтобы позже, в полуночной тишине проскользнуть вместе с ним в эту темную комнату, которая казалась им таким раем, какой обретаешь лишь однажды в жизни: безумный жар юности неповторим.

А Клайда одолевало еще немало всяких сомнений и страхов, но благодаря тому, что Роберта так внезапно покорилась его желаниям, он порой, впервые за все эти лихорадочные годы, чувствовал себя наконец настоящим опытным мужчиной, который теперь и впрямь знает женщин. Весь его вид, его манеры яснее слов говорили: «Смотрите, я уже не тот неопытный, ничтожный простачок, каким был несколько недель назад: я теперь важная особа, я знаю кое-что о жизни. Чем могут удивить меня все эти самодовольные молодые люди и веселые, вкрадчивые, кокетливые девушки? И если б я захотел, если б я был не таким верным и постоянным, – чего бы я только не добился!» Случай с Робертой доказал ему, что он ошибался, думая (это убеждение сложилось у Клайда после истории с Гортензией Бригс, а более поздняя неудача с Ритой его укрепила), будто он обречен злосчастной судьбой на всегдашний неуспех у девушек. В сущности, наперекор всевозможным неудачам и запретам он настоящий донжуан, неотразимый сердцеед!

Если Роберта добровольно жертвует собой, отдаваясь ему, то почему бы этого не сделать и другим?

И хотя Грифитсы, видимо, совсем забыли о нем, он теперь важничал, как никогда прежде. Ни они, ни кто-либо из их знакомых не признавали его, но он нередко смотрел на себя в зеркало с уверенностью и восхищением, что раньше ему вовсе не было

свойственно. Этому способствовала и Роберта: чувствуя, что все ее будущее зависит теперь от его воли и прихоти, она непрерывно льстила ему и восхищалась им. Ведь согласно своим воззрениям она теперь принадлежала ему, только ему, как всякая жена всецело принадлежит своему мужу, и должна была во всем покоряться его воле.

И Клайд на время забыл о пренебрежении своих родственников и охотно посвятил себя Роберте, не слишком задумываясь о будущем. Лишь одно порою тревожило его: мысль о возможных последствиях их отношений; этого с самого начала очень боялась Роберта; она так сильно привязана к нему, что это может оказаться очень неприятным осложнением. Однако Клайд не слишком углублялся в эти размышления. У него есть Роберта. Их отношения, насколько оба могут судить, – тайна для всех. Радости их не совсем законного медового месяца были в полном разгаре. И последние теплые, часто солнечные дни ноября и первые дни декабря прошли как во сне: райские восторги среди условностей мелкого мирка и мизерной, плохо оплачиваемой работы.

А Грифитсы, уехавшие в середине июня, все еще не возвратились в город; за это время Клайд часто думал о них, о том, какую они играют роль в его жизни и жизни Ликурга. Их большой дом, запертый и безмолвный (проходя мимо, можно было видеть только садовников да изредка шофера или слугу), казался Клайду чуть ли не священным ковчегом, символом той высоты, которой и он еще думал достигнуть благодаря какому-нибудь повороту судьбы. Он никак не мог отказаться от надежды каким-то образом приобщиться в будущем ко всему этому величию.

Но пока о жизни Грифитсов он узнавал только из заметок, которые печатались в двух местных газетах, в разделе, отведенном светской хронике, где почти подобострастно описывался каждый шаг самых знаменитых семейств Ликурга. Порою, прочитав эти отчеты (даже если они с Робертой в это время были вдвоем где-нибудь в скромном загородном парке), Клайд представлял себе, как разъезжает в своем большом автомобиле Гилберт Грифитс, как Белла, Бертина и Сондра танцуют, играют в теннис, катаются на лодке при луне или скачут верхом в фешенебельной дачной местности, о которой упоминали газеты. Тогда порой совсем в особом свете, с уничтожающей ясностью представали перед Клайдом его отношения с Робертом, и сравнивать было горько, мучительно, почти невыносимо. В конце концов что такое Роберта? Фабричная работница! Ее родители живут и работают на ферме, и она должна сама зарабатывать свой хлеб. Тогда как он… он… Если б только судьба улыбнулась ему! Неужели же конец всем его мечтам о блестящей будущем?

Такие мысли посещали его в минуты мрачного настроения, особенно с тех пор, как Роберта ему отдалась. В самом деле, она девушка не его круга, во всяком случае – не круга Грифитсов, к которому он все еще жадно стремился. Однако, какое бы настроение в нем ни пробуждали статьи в «Стар», он все-таки находил Роберту милой, очаровательной, в нее стоило влюбиться за ее красоту, нежность, веселый нрав – свойства и прелести, с которыми отождествляется всякий источник наслаждения.

Но Грифитсы и их друзья вернулись в город, и Ликург снова стал оживленным, полным кипучей деятельности, каким он всегда бывал не менее семи месяцев в году. И Клайда все больше влекла жизнь ликургского высшего общества. Как красивы дома на Уикиги-авеню и в ближайших к ней кварталах! Как необычна и заманчива жизнь их обитателей! О, если б ему быть среди них!

Глава 23

В один ноябрьский вечер Клайд шел по Уикиги-авеню, неподалеку от Сентрал-авеню, – с тех пор как он переселился к миссис Пейтон, он всегда проходил по этому фешенебельному кварталу, идя на работу и с работы; и тут случилось нечто, повлекшее за собой ряд важных для Клайда и для Грифитсов событий, которых никто из них не мог предвидеть. В эти дни Клайд был очень жизнерадостен, – таков удел честолюбивой юности в пору умирания старого года. У него хорошее положение. Его здесь все уважают. И зарабатывает он достаточно: после расходов на комнату и на стол у него остается не меньше пятнадцати долларов в неделю, которые он может истратить на себя и Роберту. Это, конечно, гораздо меньше, чем он зарабатывал в отеле «Грин-Дэвидсон» или в «Юнион клубе», но зато здесь он не связан с вечно нуждающейся семьей, как было в Канзас-Сити, и не страдает от одиночества, как в Чикаго. У него есть Роберта, ее тайная любовь. И, к счастью, Грифитсы ничего об этом не знают и не должны знать. Впрочем, он не давал себе труда подумать, как сохранить это в тайне, если возникнут осложнения. Ему вовсе не хотелось утруждать себя какими-либо заботами, разве что самыми неотложными.

Правда, Грифитсы и их друзья не желали вводить его в свой круг, но все чаще другие видные люди, хотя и не принадлежащие к сливкам здешнего общества, оказывали ему внимание. Как раз в этот день (наверно, потому что Клайд с весны стал начальником отделения и к тому же Сэмюэл Грифитс недавно при всех немного поговорил с ним) к нему подошел сам Рудольф Смилли, один из вице-председателей компании, и любезно спросил, не играет ли он в гольф, и если играет, то не запишется ли весной в клуб «Эймоскинг», один из двух широко известных здешних гольф-клубов, находящихся в нескольких милях от города. Это могло значить только одно: что мистер Смилли начинает видеть в нем будущую величину и, подобно многим другим, начинает смотреть на него как на человека не безразличного для Грифитсов, хотя и не очень высоко стоящего на фабрике.

Клайд радовался, думая об этом и еще о том, что сегодня он снова увидится с Робертой у нее дома, и притом скоро – в одиннадцать или даже раньше, и его походка и движения стали по-новому быстры, легки и веселы. Вообще, привыкнув немного к своим тайным встречам, и Клайд и Роберта, сами того не сознавая, стали смелее. Не разоблаченные до сих пор, они

решили, что и не будут разоблачены. Если их увидят вдвоем, Роберта представит его как своего брата или кузена – в ту минуту этого будет достаточно, чтобы избежать скандала. А потом, решили они, во избежание сплетен и разоблачения Роберта могла бы переехать на другую квартиру, и там все пойдет по-старому. Это легче или, во всяком случае, лучше, чем вовсе не иметь возможности встречаться. И Роберте пришлось согласиться.

Однако как раз в этот вечер произошла встреча, которая направила мысли Клайда совсем в другую сторону. Проходя мимо первого из самых великолепных особняков на Уикиги-авеню (он не имел ни малейшего представления о том, кто здесь живет), Клайд с любопытством поглядел сквозь высокую чугунную решетку ограды на лужайку перед домом, слабо освещенную уличными фонарями и покрытую сухими опавшими листьями, которые шуршали и кружились под порывами ветра. Все здесь казалось непоколебимо строгим, спокойным, замкнутым и прекрасным, и Клайд был поражен благородством и богатством этого особняка. Когда он подошел к главному входу, над которым сияли два фонаря, отбрасывая широкий круг света, у самых ворот вдруг остановился большой закрытый автомобиль. Шофер соскочил и открыл дверцу, и Клайд мгновенно узнал выглянувшую из автомобиля Сондру Финчли.

– Ступайте к боковому входу, Дэвид, и скажите Мириам, что я не могу ее ждать, потому что еду на обед к Трамбалам, но вернусь к девяти. Если ее нет дома, оставьте эту записку – да поскорее, слышите?

В ее голосе и манерах было что-то властное и все же чарующее, что так поразило его прошлой весной.

А Сондре в это время показалось, что по тротуару идет Гилберт Грифитс.

– Привет! – окликнула она. – Гуляете? Если подождете минутку, я могу вас подвезти. Я послала Дэвида с запиской, он сейчас вернется.

Сондра Финчли дружила с Беллой, признавала богатство и престиж семьи Грифитс, но отнюдь не питала симпатии к Гилберту. Он с самого начала был к ней равнодушен и остался равнодушным, хотя она и пробовала с ним кокетничать. Ее гордость была уязвлена. Тщеславная и самовлюбленная, она не могла простить ему оскорбления. Она не выносила эгоизма в других и особенно не терпела тщеславного, холодного и самовлюбленного брата Беллы. Уж слишком он высокого мнения о своей особе, слишком надут и высокомерен, только о себе и думает. «Фу, какой гордый! И что он только из себя строит? Воображает, что он ужасно важная персона… Прямо Рокфеллер или Морган! И, по-моему, он ни чуточки не интересный. Мне нравится Белла. Она очень мила. Но этот фат!.. Ему, наверно, хочется, чтобы девушки ухаживали за ним. Ну, от меня он этого не дождется!» Так заявляла Сондра всякий раз, как с ней заговаривали о Гилберте.

А Гилберт, выслушивая от Беллы рассказы о выходках и затеях Сондры, обыкновенно говорил: «Что? Эта самоуверенная девчонка? Что она только из себя строит? И откуда такая самонадеянность!»

Но так узки были рамки ликургского общества и так немногочисленны великие мира сего, что немногим избранным поневоле приходилось встречаться и поддерживать дружеские отношения. Вот почему Сондра сейчас окликнула Гилберта, – вернее, того, кого принимала за Гилберта. Она подвинулась немного, давая ему место в автомобиле, и Клайд, который сперва чуть не окаменел от неожиданности и совершенно растерялся, не зная, верить ли своим ушам, подошел к машине, всем своим видом напоминая породистого пса, ласкового и немного грустного.

– Добрый вечер, – сказал он, снимая шляпу и кланяясь. – Как поживаете?

Он понял, что это действительно та самая прелестная Сондра, которую он встретил весной у дяди и о чьих светских успехах читал летом в газетах. И вот она здесь, перед ним, как всегда очаровательная, сидит в великолепном автомобиле и, видимо, обращается к нему… Однако Сондра тотчас сообразила, что ошиблась и что это не Гилберт; на мгновение она смутилась, не зная, как выйти из неловкого положения.

– Ах, простите! – наконец сказала она. – Теперь я узнала вас, вы мистер Клайд Грифитс. Я приняла вас за Гилберта. Вы стояли в тени…

Она говорила сбивчиво, запинаясь; Клайд заметил ее замешательство и понял, что Сондра ошиблась и эта ошибка неприятна ей самой и не слишком лестна для него. В свою очередь, он смутился, ему хотелось поскорее уйти.

– Простите! Это ничего… Я не хотел навязываться… Я думал…

Он покраснел и сделал шаг назад, очень огорченный.

Но Сондра сразу заметила, что Клайд гораздо привлекательнее своего двоюродного брата, несравненно почтительней и что на него явно производит сильное впечатление ее красота и положение в обществе. Она быстро овладела собой настолько, чтобы сказать с очаровательной улыбкой:

– Нет, нет, что вы! Позвольте, я подвезу вас куда вам нужно. Пожалуйста, садитесь! Мне будет очень приятно!

Как только Клайд понял, что с ним заговорили просто по ошибке, приняв его за другого, его манеры сразу изменились, и Сондра увидела, что он огорчен, смущен и разочарован. Глаза его омрачились, на губах дрожала извиняющаяся, печальная улыбка.

– Отчего же, я с радостью, – сбивчиво начал он, – то есть если вам угодно. Я понимаю, как это вышло. Это ничего, вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если вам не хочется… Я думал…

Он хотел уже уйти, но его так влекло к ней, что он невольно замешкался, и Сондра повторила:

– Ну, пожалуйста, садитесь, мистер Грифитс! Очень вас прошу. И мне очень жаль, что вышло так неловко. Понимаете, мне ничего не стоит вас подвезти, и я совсем не хочу, чтобы вы думали, что раз вы не Гилберт…

Помедлив, Клайд в растерянности шагнул к автомобилю и сел рядом с Сондрой. А она сразу же с интересом стала его рассматривать, очень довольная, что это оказался не Гилберт. Чтобы лучше разглядеть его, а заодно и показать себя (она не сомневалась, что ее чары неотразимо действуют на Клайда), она включила лампочку на потолке машины. Когда вернулся шофер, она спросила Клайда, куда его отвезти, и он не без колебания назвал свой адрес, – его улица была так малоаристократична по сравнению с той, где жила Сондра. Когда автомобиль помчался, Клайда охватило лихорадочное желание воспользоваться этим кратким случаем и произвести на Сондру хорошее впечатление, – кто знает, быть может, ей захочется еще как-нибудь встретиться с ним… Он так страстно хотел войти в это избранное общество.

– Так мило с вашей стороны, что вы пожелали подвезти меня, – сказал он с улыбкой. – Я не знал, что вы приняли меня за моего двоюродного брата, а то бы не подошел.

– Ах, это все равно, не стоит об этом говорить, – кокетливо и томно ответила Сондра (она находила теперь, что плохо рассмотрела Клайда в первый раз). – Это моя ошибка, не ваша. Но теперь я рада, что ошиблась, – прибавила она решительно, с чарующей улыбкой. – Мне гораздо приятнее подвезти вас, чем Гилберта. Знаете, мы с ним не очень ладим, каждый раз ссоримся при встрече.

Она улыбнулась, вполне оправившись теперь от своего минутного смущения, и грациозно откинулась назад, с интересом рассматривая правильные черты его лица. «У него такие ласковые, улыбающиеся глаза, – думала она. – И в конце концов ведь он Двоюродный брат Беллы и Гилберта и не кажется бедняком».

– Вот как? Очень жаль, – чопорно сказал Клайд; он хотел в ее присутствии казаться самоуверенным и смелым, но это ему плохо удавалось.

– Но это, конечно, несерьезно. Просто мы иногда спорим из-за всяких пустяков, вот и все. – Сондра видела, что он нервничает и теряется в ее присутствии, и ей нравилось смущать его и кружить ему голову. – Вы все еще работаете у своего дяди?

– О да, – с живостью ответил Клайд, словно сообщая весьма важную для Сондры новость, – я теперь заведую отделением.

– Вот как, я не знала. Я ведь ни разу не видела вас с тех пор, помните? Вы нигде не бываете, вам, наверно, некогда? – Она многозначительно посмотрела на него, как бы собираясь сказать: «Ваши родственники не слишком вами интересуются». Но он определенно начинал ей нравиться, и потому она спросила только: – Вы все лето оставались в городе, да?

– Да, пришлось! – просто и весело ответил Клайд. – Видите ли, меня удерживала работа. Но я часто встречал ваше имя в газетах, читал о ваших экскурсиях, о теннисных состязаниях и видел вас в июне во время праздника цветов. Вы были прекрасны, прямо как ангел!

В его глазах светилось такое восхищение, что она была совсем очарована. Какой милый молодой человек, совсем не то что Гилберт! Подумать только, он так явно и безнадежно увлечен ею, а у нее он может вызвать лишь мимолетный интерес! Ей стало немножко грустно и жаль Клайда. А что подумал бы Гилберт, если бы узнал, что она совершенно покорила его двоюродного брата? Как бы он разозлился… он ведь считает ее пустой девчонкой. Для него было бы хорошим уроком, если бы

кто-нибудь помог Клайду и проявил к нему такое внимание, на какое самому Гилберту нечего и рассчитывать. Эта мысль привела ее в восторг.

На беду, в эту минуту автомобиль остановился у двери миссис Пейтон. Интересное для обоих приключение, по-видимому, окончилось.

– Ужасно мило, что вы так говорите! Я этого не забуду.

Она лукаво улыбнулась, шофер открыл дверцу, и Клайд выскочил из автомобиля; он был глубоко взволнован столь важной и необычной встречей.

– Так вот где вы живете… Вы собираетесь всю зиму пробыть в Ликурге?

– Да, безусловно. Во всяком случае, надеюсь, – прибавил он мечтательно, и глаза его ясно выразили его мысль.

– Ну, тогда, может быть, мы с вами еще встретимся как-нибудь! Во всяком случае, надеюсь!

Она кивнула ему и с самой очаровательной и лукавой улыбкой протянула руку, а он, до безумия обрадованный, воскликнул:

– Я тоже!

– Всего хорошего! – крикнула она, когда автомобиль уже тронулся.

А Клайд, глядя вслед, спрашивал себя, увидит ли он ее когда-нибудь снова так близко, наедине? Неужели они еще когда-нибудь встретятся, как сегодня? И она говорила с ним теперь совсем не так, как в первый раз, – он хорошо помнил, что тогда она не проявила к нему никакого интереса.

Задумчивый, полный надежд, он направился к своей двери.

А Сондра… Почему это, – старалась она понять, пока автомобиль мчал ее по улицам Ликурга, – почему Грифитсы, видимо, так мало интересуются своим родственником?..

Глава 24

Влияние этой нечаянной встречи во многих отношениях оказалось поистине гибельным. Как ни много удовлетворения и радости давала Клайду близость с Робертой, перед ним теперь снова в упор встал волнующий вопрос: может ли он добиться положения в обществе? И странно, это произошло благодаря встрече с богатой светской девушкой, которая воплощала и неизмеримо увеличивала в его глазах значение своего круга. Что за красавица эта Сондра Финчли! Какое прелестное лицо, как изящно одета, как непринужденно держится… Если бы только он сумел заинтересовать ее при первой встрече или хотя бы теперь!

Своими новыми отношениями с Робертой Клайд не настолько дорожил, чтобы они могли удержать его теперь, когда его со всей силой темперамента и воображения влекло к такой девушке, как Сондра, и ко всему, что она собой олицетворяла. Ведь фабрика электрических пылесосов Уимблинджера Финчли была одним из крупнейших местных предприятий. Ее высокие стены и трубы были частью ломаной линии, вычерченной на фоне неба по ту сторону Могаука. Особняк Финчли на Уикиги-авеню, неподалеку от особняка Грифитсов, был одним из самых внушительных в этом ряду изысканных домов, созданных по последней архитектурной моде: в стиле итальянского ренессанса, из кремового мрамора в сочетании с песчаником. А сами Финчли принадлежали к тем семьям, о которых больше всего говорили в городе.

Ах, познакомиться бы поближе с этой необыкновенной девушкой! Завоевать ее расположение и, может быть, благодаря ей войти в блестящее общество, к которому она принадлежит. Разве он не Грифитс? И разве по внешности он хуже Гилберта? Он был бы не менее привлекателен, будь у него столько денег, сколько у Гилберта, или хотя бы часть. Если бы он мог одеваться, как Гилберт, разъезжать в прекрасной машине! Тогда – будьте уверены! – даже такая девушка, как Сондра, с радостью обратила бы на него внимание… и может быть, даже влюбилась бы в него. Прямо сказка! Но теперь, сумрачно думал он, ему остается только надеяться, надеяться и надеяться.

О, черт! Он не пойдет сегодня вечером к Роберте. Выдумает какое-нибудь извинение… скажет ей завтра, что дядя или двоюродный брат вызвали его по какому-нибудь делу. Он не хочет и не может идти к ней теперь, он слишком взволнован.

Таково было влияние богатства, красоты, видного положения в обществе, к которому так стремился Клайд, на его характер, текучий и непостоянный, как вода.

А Сондра, со своей стороны, после этой встречи всерьез увлеклась Клайдом, особенно потому, что его обращение с ней оказалось полной противоположностью обидному поведению его двоюродного брата. Его манеры, костюм, а также мимоходом брошенные слова о том, что он заведует на фабрике каким-то отделением, – все как будто говорило, что его положение лучше, чем она думала. Но она вспомнила также, что, хотя чуть не все лето провела с Беллой и часто встречалась с Гилбертом, Майрой и их родителями, они никогда ни словом не обмолвились о Клайде. В сущности, она знала о нем лишь то, что при первой встрече сказала миссис Грифитс: что Клайд бедный племянник, которого ее муж выписал сюда, желая немного ему помочь. Однако на этот раз Клайд вовсе не показался ей таким уж незначительным, жалким бедняком, – он очень интересен, красив, хорошо одет и явно хотел бы ей понравиться. А это лестно: ведь он тоже Грифитс, двоюродный брат Гилберта!

Приехав к Трамбалам (глава семьи, вдовец Дуглас Трамбал, преуспевающий местный адвокат, благодаря знакомствам своих детей, а также собственным изысканным манерам и талантам опытного юриста сумел проникнуть в высшие сферы Ликурга), Сондра тотчас сообщила Джил Трамбал, старшей из двух дочерей адвоката, какое с ней случилось забавное недоразумение, и подробно рассказала обо всем, что произошло. А так как Джил нашла эту историю ужасно интересной, Сондра после обеда повторила ее Гертруде и Трейси Трамбалам.

– А знаете, – заметил Трейси Трамбал, единственный сын адвоката, изучающий право в конторе своего отца, – я уверен, что раза три-четыре встречал этого парня на Сентрал-авеню. Он очень похож на Гила, правда? Только не так важничает. Я раза два даже принимал его за Гила и кланялся ему.

– Да, я его тоже видела, – прибавила Гертруда Трамбал. – Он ходил в кепи и в пальто с поясом, совсем как Гилберт. Мне показала его Арабелла Старк, а потом мы с Джил видели его в субботу вечером: он проходил мимо дома Старков. По-моему, он гораздо красивее Гила.

Это укрепило мнение Сондры о Клайде, и она сказала:

– Как-то весной мы с Бертиной Крэнстон встретили его у Грифитсов. Тогда он показался нам слишком застенчивым. А видели бы вы его теперь – он по-настоящему красив, у него такие мягкие глаза и премилая улыбка.

– Однако, Сондра! – воскликнула Джил Трамбал (они вместе учились в школе Снедекер, и Джил, так же как Бертина и Белла, была близкой подругой Сондры). – Я знаю кое-кого, кто стал бы ревновать, если бы слышал это.

– А кстати, вряд ли Гилу Грифитсу было бы приятно узнать, что двоюродного брата считают красивее его самого, – вставил Трейси Трамбал.

– Ну и пусть, – досадливо фыркнула Сондра. – Гилберт слишком много о себе думает. Держу пари, что это из-за него Грифитсы так невнимательны к своему родственнику. Теперь я просто уверена в этом. Белла, конечно, ничего не имеет против знакомства с ним, – она еще весной говорила мне, что считает его красивым. Майра никогда никого не обидит… А знаете, хорошо бы кому-нибудь из нас взять его под свое покровительство. Тогда его станут приглашать в разные дома! Любопытно посмотреть, как он будет себя держать и как это понравится Грифитсам! Уж конечно, ни мистер Грифитс, ни Белла, ни Майра не будут против, а Гил наверняка разозлится. Мне самой неудобно, я слишком близка с Беллой, но я знаю, кто может это устроить. – Она подумала о Бертине Крэнстон: Бертина не любит Гила и миссис Грифитс. – Не знаю только, умеет ли он танцевать, ездить верхом, играть в теннис и все такое…

Поглощенная этой затеей, она умолкла и задумалась; остальные наблюдали за ней. Джил Трамбал, такая же порывистая и беспокойная, как Сондра, но далеко не такая хорошенькая, воскликнула:

– Вот будет забавно! А как По-твоему, Грифитсы будут очень недовольны?

– Не все ли равно? – сказала Сондра. – В крайнем случае, не будут обращать на него внимания. Кого это огорчит, спрашивается! Уж наверно, не тех, кто его пригласит.

– Вы что же, хотите устроить в городе скандал? – спросил Трейси Трамбал. – Держу пари, что этим все и кончится. Гил Грифитс будет недоволен, это наверняка. Да и я был бы недоволен на его месте. Если вы хотите разжечь страсти – ваше дело, но я готов держать пари, что кончится скандалом.

Сондре Финчли при ее характере очень понравилась эта затея. Однако вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, если бы после всех ее разговоров с Бертиной Крэнстон, Джил Трамбал, Патрицией Энтони и Арабеллой Старк слухи об этом вместе с

язвительными замечаниями по адресу Гилберта не дошли до его ушей через Констанцию Вайнант, с которой, как сплетничали в городе, он собирался обручиться. Констанция надеялась, что Гилберт и в самом деле на ней женится, и ее возмутила прихоть Сондры: чего ради Сондра вздумала говорить всем, будто Клайд красивее Гилберта? В надежде как-нибудь отплатить Сондре и заодно облегчить свою душу, она рассказала обо всем Гилберту; он в ответ сказал несколько резкостей по адресу Клайда и Сондры. Его замечания, приукрашенные Констанцией, были, в свою очередь, переданы Сондре и произвели желанный эффект. Сондра решила во что бы то ни стало отплатить Гилберту. Стоит ей только захотеть, и она станет очень любезна с Клайдом и других заставит делать то же. А это значит, что Гилберт найдет своеобразного соперника в лице собственного двоюродного брата, который хоть и беден, но может нравиться больше, чем Гилберт. Вот будет забавно! И она нашла легкий способ ввести Клайда в общество так, чтобы не выдать своего участия в этом и не скомпрометировать себя, если вся затея кончится неудачей.

Дело в том, что младшие члены видных ликургских семейств – молодежь, которая воспитывалась в школе Снедекер, – устроили что-то вроде клуба под названием «Сейчас и после». У него не было ни определенной организации, ни своего помещения. Каждый, кто по своему положению в обществе мог состоять в этом клубе, имел право приглашать к себе членов клуба на обед, танцы или чай.

Как это было бы просто, думала Сондра, подыскивая удобный способ ввести Клайда в свет, если бы кто-нибудь пригласил его на такой вечер. Можно, например, подсказать эту мысль Джил Трамбал: пусть она устроит вечеринку для членов клуба и пригласит Клайда. Эта хитрость даст Сондре случай снова увидеть его и определить, насколько он интересен и что собой представляет.

И вот на первый четверг декабря был назначен обед для членов клуба и их друзей с Джил Трамбал в роли хозяйки. На обед были приглашены Сондра и ее брат Стюарт, Трейси и Гертруда Трамбал, Арабелла Старк, Бертина и ее брат, еще несколько человек из Утики и Гловерсвила – и Клайд.

Но чтобы не дать Клайду сделать какой-либо промах и оберечь его от недоброжелательных замечаний, решили, что не только Сондра, но и Бертина, Джил и Гертруда будут внимательны и любезны с ним. Они позаботятся о том, чтобы он всегда имел партнершу для танцев, ни за столом, ни во время танцев не оставался один, – словом, они искусно будут передавать его с рук на руки, пока вечер не кончится. Таким образом, и другие могут заинтересоваться им, и не будет разговоров о том, что Сондра единственная из лучшего общества Ликурга любезна с ним, и все это будет вдвойне неприятно если не Белле и другим членам семьи Грифитс, то уж Гилберту во всяком случае.

И этот план был приведен в исполнение.

Итак, однажды, в начале декабря, недели через две после встречи с Сондрой, Клайд, вернувшись с фабрики, с удивлением увидел на комоде у зеркала кремовый конверт. Адрес был написан крупным и небрежным незнакомым почерком. Клайд взял конверт и с недоумением оглядел его, не понимая, от кого бы это могло быть. На обратной стороне были инициалы «Б.Т.» или «Д.Т.» – он не мог разобрать: буквы были переплетены в замысловатой монограмме. Распечатав конверт, он вынул карточку, на которой было написано:

КЛУБ «СЕЙЧАС И ПОСЛЕ»

в четверг 4 декабря дает свой первый зимний обед с танцами в доме Дугласа Трамбала, Уикиги-авеню, 135, куда вас просят пожаловать.

Просьба ответить мисс Джил Трамбал.

На обороте карточки тем же небрежным почерком, что и адрес на конверте, было написано:

«Дорогой мистер Грифитс, думаю, что это доставит вам удовольствие. Все будет совсем запросто, и, я уверена, вам понравится. Если согласны, напишите Джил Трамбал.

Сондра Финчли».

Совершенно ошеломленный, Клайд стоял и смотрел на приписку. После второй встречи с Сондой он упорнее, чем когда-либо раньше, мечтал о том, чтобы как-то проникнуть в высшее общество, выбраться из своего теперешнего жалкого окружения. Право же, он слишком хорош для этого будничного мира. И вот перед ним приглашение светского клуба, о котором он, правда, никогда не слыхал, но, очевидно, это что-то исключительное, раз в него входят такие видные лица. И на обороте карточки – собственноручная приписка Сондры! Не чудо ли это!

Он был так изумлен, что с трудом мог справиться со своей радостью: стал ходить взад и вперед, рассматривая себя в зеркале, вымыл руки, лицо и, решив, что галстук на нем недостаточно хорош, переменил его. Мысли его неслись то вперед, к предстоящему визиту (как ему одеться для этого случая?), то назад, к встрече с Сондрой. Как она смотрела на него, как улыбалась! В то же время он невольно спрашивал себя, что подумала бы Роберта, если бы каким-нибудь чудом увидела его в эту минуту, увидела, как он радуется этой записке. Да, конечно, не следуя больше моральным правилам своих родителей, он позволил себе вступить в такие отношения с Робертой, что она, несомненно, страдала бы, если бы открыла причину его теперешнего настроения. Мысль эта сильно смутила его, но нисколько не уменьшила его восхищения Сондрой.

Удивительная девушка!

Такая красавица!

И так богата, и такое видное положение занимает в обществе!

Мышление Клайда всегда было языческим, чуждым всяких условностей; и теперь он всерьез спрашивал себя, почему бы ему не перенести свое внимание с Роберты на Сондру, раз мечты о ней доставляют ему больше удовольствия. Роберта не должна об этом знать. Она не может прочитать его мысли, не может узнать о том, что с ним происходит, если он сам ей не скажет, а он, разумеется, ничего не собирается говорить. Да и что тут плохого, если он, бедняк, стремится попасть в высшие круги общества? Ведь бывали случаи, когда такие же бедняки женились на богатых девушках вроде Сондры.

Несмотря на то, что произошло между ним и Робертой, – он ясно помнил это, – он никогда не обещал на ней жениться. Он, пожалуй, женился бы только в одном случае… Но такой случай, думал он, полагаясь на познания, приобретенные в Канзас-Сити, вряд ли возможен.

Новая встреча с Сондрой, так внезапно ставшей на его пути, подстегнула его и без того пылкое воображение. Эта безмерно восхищавшая Клайда богиня в своем украшенном позолотой и мишурой храме соблаговолила вспомнить о нем и так открыто и прямо предложила его пригласить. И она сама, несомненно, будет там, – мысль эта волновала его безумно.

Что подумают Гилберт и все Грифитсы, если услышат, что он будет на этом обеде, – а они, конечно, услышат… или встретят его еще где-нибудь, ведь Сондра может пригласить его и в другой раз… Подумать только! Рассердятся они или будут довольны? Станут думать о нем хуже или лучше? В конце концов, он здесь ни при чем. Его пригласили люди того же круга, что и сами Грифитсы, – люди, которых Грифитсы не могут не уважать. И тут не было никаких уловок с его стороны – все это чистая случайность, он никому не навязывался. И, как ни плохо разбирался Клайд в оттенках человеческих отношений, все же втайне он с насмешливым удовольствием думал о том, что теперь Гилберт и все Грифитсы должны будут волей-неволей признать его и даже пригласить к себе. В самом деле, если другие его приглашают, то как могут они, родственники, избегать его? О, радость! И это – наперекор презрению Гилберта. Клайд расхохотался при одной мысли об этом, чувствуя, что, как бы ни негодовал Гилберт, дядя и Майра вряд ли будут недовольны, и, значит, нечего бояться тайного желания Гилберта ему отомстить.

Но что за чудо это приглашение! Что может значить приписка Сондры? Если бы она не интересовалась им хоть немного, она не написала бы ему, – конечно, нет! Мысль эта так взволновала Клайда, что он почти не мог есть за обедом. Он вынул карточку из конверта и поцеловал строки, приписанные Сондрой. И вместо того, чтобы отправиться, как обычно, к Роберте, он решил, как и после памятной поездки в автомобиле, немного пройтись, а затем вернуться домой и рано лечь спать. Завтра, как и в тот раз, он выдумает какое-нибудь извинение, – скажет Роберте, что его вызывали к Грифитсам или к кому-нибудь из начальства, чтобы выслушать доклад о работе. Подобные совещания бывали нередко. После того, что произошло, ему вовсе не хотелось в этот вечер видеть Роберту и говорить с ней. Он не мог. Другая мысль – о Сондре, о том, что она заинтересовалась им, – была слишком заманчива.

Глава 25

Клайд ни слова не говорил Роберте о Сондре, а между тем и вблизи Роберты, на фабрике, и даже у нее дома, невольно продолжал мечтать о Сондре и о высших кругах ликургского общества, в которых она вращалась. Роберта порою чувствовала в нем какую-то рассеянность и отчужденность, словно он минутами совершенно забывал о ней, и спрашивала себя, что же так сильно занимает его в последнее время. А он, в свою очередь, когда Роберта не смотрела на него, думал… взвешивал… да, взвешивал (ведь Сондра сама напомнила ему о себе)… вдруг такая девушка заинтересуется им! Как тогда с Робертой? Как? Ведь они теперь стали так близки… (Проклятие! Черт!) И ведь Роберта нравится ему, да, очень, – впрочем, теперь, купаясь в лучах нового светила, он едва мог смотреть на Роберту, так сильны были невидимые лучи той, другой. Неужели он такой испорченный? Не грешно ли быть таким? Его мать сказала бы, что грешно! И отец тоже, и, может быть, все, кто правильно рассуждает о жизни. И Сондра Финчли, может быть, и Грифитсы – все.

И все же… все же!..

Падал легкий, первый в этом году снежок, когда Клайд, в новом цилиндре и белом шелковом кашне (и то и другое ему посоветовал приобрести дружески расположенный к нему владелец небольшого галантерейного магазина Орин Шорт, с которым Клайд недавно познакомился), с новым шелковым зонтиком для защиты от снега, направлялся к своеобразному, хотя и не особенно внушительному особняку Трамбалов на Уикиги-авеню. Это было странное невысокое здание, без определенного стиля, и свет, пробивавшийся сквозь шторы, делал его похожий на рождественскую открытку. Перед домом даже сейчас – Клайд пришел точно к назначенному часу – уже стояло с полдюжины красивых автомобилей различных марок и цветов. Вид этих машин, осыпанных хлопьями снега, заставил Клайда остро почувствовать, как много ему недостает… вряд ли у него в скором времени будет достаточно денег для того, чтобы обзавестись столь необходимой вещью, как автомобиль.

Подойдя к двери, он услышал голоса, смех и обрывки разговоров.

Высокий худощавый слуга взял у него шляпу, пальто и зонтик, и Клайд оказался лицом к лицу с Джил Трамбал, которая, видимо, поджидала его: это была нежная кудрявая блондинка, не очень красивая, но живая и изящная, в белом атласном платье, с открытыми плечами и руками; лоб ее украшала диадема.

– Не трудитесь называть себя, – сказала она весело, подходя к Клайду и протягивая ему руку. – Я Джил Трамбал. Мисс Финчли еще не приехала, но я постараюсь выполнить обязанности хозяйки не хуже ее. Пройдите сюда, здесь собрались почти все.

Она провела его через несколько комнат, которые, казалось, примыкали одна к другой под прямым углом.

– Вы страшно похожи на Гила Грифитса, правда? – сказала она.

– Разве похож? – храбро сказал Клайд, очень польщенный этим сравнением.

Потолки здесь были низкие. Красивые лампы с разрисованными абажурами заливали мягким ласковым светом темные стены. Камины в двух смежных комнатах бросали розовый отблеск на мягкую удобную мебель. Всюду были картины, книги, изящные безделушки.

– Трейси, где ты? Иди сюда! – позвала Джил. – Мой брат Трейси Трамбал – мистер Грифитс. Мистер Клайд Грифитс – и все прочие, – прибавила она, обращаясь ко всему обществу, и все взгляды устремились на Клайда, пока Трейси Трамбал пожимал ему руку.

Клайд, сконфуженный тем, что его внимательно рассматривают, все же старался приветливо улыбаться. Тут он заметил, что разговоры смолкли.

– Прошу не прерывать из-за меня беседы, – осмелился он сказать улыбаясь; и почти все присутствующие решили, что он привык бывать в обществе и находчив.

– Я не буду вас подводить к каждому, – сказал Трейси. – Мы постоим здесь, и я постараюсь вам всех показать. Вот моя сестра Гертруда, она разговаривает со Скоттом Николсоном.

Клайд увидел маленькую темноволосую девушку в розовом платье, с хорошеньким, дерзким и пикантным личиком; она кивнула ему. Стоявший рядом с нею очень корректный, хорошо сложенный розовощекий юноша тоже кивнул Клайду. В нескольких шагах от них в глубокой оконной нише стояла высокая изящная девушка со смуглым некрасивым лицом и разговаривала с широкоплечим молодым человеком немного ниже ее ростом. Это были Арабелла Старк и Фрэнк Гарриэт.

– Они спорят о недавнем футбольном матче, – пояснил Трейси. – А это Бэрчард Тэйлор и мисс Фэнт из Утики, и Перли Хайнс и мисс Ванда Стил, – продолжал он так быстро, что Клайд почти ничего не успевал запомнить. – Ну, пока, пожалуй, это все. Нет, вот еще идут Грэнт Крэнстон и Нина Темпл.

Клайд увидел высокого молодого человека, щегольски одетого, с резкими чертами лица и мрачными серыми глазами; он вел под руку нарядную полную девушку в золотисто-коричневом платье; вокруг ее головы была тщательно уложена светло-каштановая коса. Молодой человек прошел на середину комнаты, восклицая: «Привет, Джил! Привет, Ванда! Хэлло, Вайнет!» Под эти возгласы Клайд был представлен вновь вошедшим; оба они почти не обратили на него внимания.

– Мы не думали, что приедем, – продолжал Крэнстон, обращаясь ко всем сразу. – Нина не хотела ехать, но я обещал Бертине и Джил быть здесь, а то я тоже не приехал бы. Мы были у Бэгли. Угадай, Скотт, кто там был? Ван Петерсон и Рода Халл. Они приехали на один день.

– Что ты говоришь! – воскликнул Скотт Николсон, судя по внешности, весьма решительный и самоуверенный молодой человек (Клайда поражали уверенные и непринужденные манеры всех этих людей). – Почему вы не привезли их сюда?

– Нельзя было. Они сказали, что им надо рано вернуться. А может, они потом и заедут сюда на минутку. Ну, а что же обед? Я рассчитывал сразу сесть за стол.

– Да ведь ты в доме адвоката, – а разве ты не знаешь, что они вообще едят не часто? – заявил Фрэнк Гарриэт, невысокий, но плечистый улыбающийся юноша, очень красивый и симпатичный, с ровными белыми зубами.

Он понравился Клайду.

– Ну, едят адвокаты или нет, а мы должны есть, иначе я ухожу… Слышали вы, кто будет в команде Корнуэла в будущем году?

Студенческая болтовня о спортивных состязаниях, в которой приняли участие Гарриэт, Крэнстон и другие, была совершенно непонятна Клайду. Он очень мало слышал о различных колледжах, с которыми была тесно связана жизнь этой молодежи. Он был достаточно умен, чтобы не вмешиваться в разговоры на эти темы, но именно поэтому сразу почувствовал себя здесь чужим. Эта молодежь куда больше знает, чем он, все они учились в колледжах. Может быть, сказать, что он тоже был в какой-нибудь школе? Когда-то он слышал о Канзасском университете, – это недалеко от Канзас-Сити. Есть еще университет в Миссури. И он слышал, что в Чикаго тоже есть университет. Нельзя ли сказать, что и он учился в одном из них, например, в Канзасском, хотя бы недолго? Он решил, что так и скажет, если его спросят. Но что дальше? Вдруг его спросят, что он там изучал? Он кое-что слышал о математике. Предположим, что он изучал математику, – почему бы нет?

Но скоро он заметил, что все эти юноши и девушки слишком заняты собой и мало интересуются им. Он может быть Грифитсом, и это может иметь большое значение где-то в другом месте, но не здесь: здесь это нечто само собою разумеющееся – и только. А так как в эту минуту Трейси Трамбал отвернулся, чтобы сказать несколько слов Вайнет Фэнт, Клайд почувствовал себя одиноким, заброшенным и беспомощным. Ему не с кем было поговорить. Но тут к нему подошла маленькая черноволосая Гертруда.

– Наши не могут не опаздывать. Вечная история. Если назначить в восемь, они соберутся в половине девятого или в девять. Так всегда бывает, правда?

– Да, конечно! – ответил благодарный Клайд, стараясь держаться возможно веселее и непринужденнее.

– Я Гертруда Трамбал, – вновь отрекомендовалась она, – сестра вон той хорошенькой Джил, – она смотрела на него с дерзкой и веселой улыбкой. – Вы поклонились мне, но вы меня не знаете. А мы много слышали о вас. – Она поддразнивала Клайда, ей хотелось немного смутить его, если удастся. – Таинственный Грифитс в Ликурге, которого никто нигде не встречает. А я один раз видела вас на Сентрал-авеню, но вы этого не знали. Вы входили в кондитерскую Рич. Вы любите сладости?

– Да, люблю, а что? – спросил Клайд; на мгновение он смутился и встревожился, потому что конфеты он покупал для Роберты. И в то же время он невольно чувствовал себя с этой девушкой несколько проще и увереннее, чем с остальными: она дерзкая и не очень привлекательная, зато веселая, и сейчас она спасает его от чувства одиночества и заброшенности.

– Ну, вы это просто так говорите! – Гертруда засмеялась и лукаво взглянула на Клайда. – А я думаю, что вы покупали конфеты для какой-нибудь девушки. Ведь у вас, наверно, есть подружка?

– Как?..

На какую-то долю секунды Клайд растерянно замолчал, у него мелькнула мысль о Роберте, и он с тревогой спросил себя, не видел ли его кто-нибудь с нею. И в то же время подумал: что за смелая, насмешливая и умная девушка эта Гертруда, он таких никогда еще не встречал! Но уже в следующее мгновение он ответил:

– Нет, у меня никого нет. Почему вы спрашиваете? – И опять у него промелькнула мысль: что подумала бы Роберта, если бы слышала его? – Какой странный вопрос! – продолжал он, немного волнуясь: – Вы любите дразнить людей, да?

– Кто? Я? О нет. Я никогда никого не дразню. Но я убеждена, что угадала. Мне нравится иногда задавать такие вопросы: любопытно послушать, что скажет человек, когда он не хочет показать, о чем на самом деле думает. – Она насмешливо и вызывающе улыбалась в лицо Клайду. – Все равно, я знаю, у вас есть приятельница, как у всех красивых молодых людей.

– А разве я красивый? – Он слегка улыбнулся, заинтересованный и польщенный. – Кто это говорит?

– Будто вы сами не знаете? Разные люди. Я, например. Сондра Финчли тоже думает, что вы красивый. Она замечает только красивых мужчин. И моя сестра Джил тоже. Я в этом отношении не похожа на них, потому что я и сама не очень красивая.

Прищурясь, она смотрела ему в глаза вызывающим, дразнящим взглядом, и Клайд растерялся: он не знал, что отвечать, как держаться с этой девушкой, но в то же время она его занимала, и ее слова ему льстили.

– Вы не думаете, что вы красивее вашего двоюродного брата? – продолжала она резко, почти властно. – Есть люди, которые считают, что это так.

Клайд был не только польщен, но и слегка ошеломлен ее вопросом: он хотел бы и сам верить в свое превосходство над Гилбертом, притом его интриговало, что эта девушка так интересуется им; однако он и думать не смел о том, чтобы утверждать что-либо подобное, даже если бы был в этом уверен. Слишком живо он Представлял себе энергичное, решительное, подчас даже угрожающее лицо Гилберта; он, конечно, сразу же уволил бы Клайда, если бы узнал, что тот говорит такие вещи.

– Ну что вы, я никогда не думал ничего подобного! – засмеялся он. – И не думаю, честное слово!

– Что ж, может быть, вы и не думаете, но вы и в самом деле красивее его! Только это вам мало поможет, если вы хотите бывать в обществе тех, у кого есть деньги. – Она внимательно посмотрела на него и прибавила почти ласково: – Люди любят деньги даже больше, чем красивую внешность.

«Какая умная девушка, – подумал Клайд, – и какие жестокие, холодные слова». Они больно резанули его, хотя у нее и не было такого намерения.

Но в эту минуту вошла сама Сондра с неизвестным Клайду молодым человеком, высоким, угловатым, но великолепно одетым. Вслед за ними появились Бертина и Стюарт Финчли.

– Вот и она, – сказала Гертруда не без досады: ей было неприятно, что Сондра красивее и ее самой и ее сестры и явно увлечена Клайдом. – Она сейчас посмотрит на вас, проверит, заметили ли вы, какая она сегодня хорошенькая. Смотрите, не разочаруйте ее.

Это замечание, вполне справедливое, было излишне: Клайд и без того внимательно и даже жадно смотрел на Сондру. Она пленяла его не только своим положением, богатством, тонким вкусом в одежде и манерами, – она принадлежала к тому типу женщин, который особенно привлекал его: может быть, более утонченная, не такая необузданная, хотя вряд ли менее эгоистичная, она чем-то походила на Гортензию Бригс. В своем роде это была маленькая, но упрямая Афродита: она стремилась во что бы то ни стало доказать каждому сколько-нибудь привлекательному мужчине гибельную силу своих чар и в то же время старалась не связывать себя какими-либо узами и обязательствами. Однако по разным причинам, которые она и сама не вполне понимала, ее влекло к Клайду. У него не было ни денег, ни положения в обществе, но он ей нравился.

Итак, она прежде всего проверила, тут ли он, затем постаралась не дать ему заметить, что она первая его увидела, и, наконец, приложила все усилия, чтобы его ослепить, – словом, вела себя в духе Гортензии (именно эта тактика всего сильнее действовала на Клайда).

Клайд, не отрываясь, смотрел, как она переходила с места на место; ее прозрачное вечернее шифоновое платье отливало всеми оттенками от бледно-желтого до густо-оранжевого, и это необыкновенно шло к ней, к ее глазам и волосам. Обменявшись приветствиями и замечаниями почти со всеми в комнате, она наконец соблаговолила заметить и Клайда.

– А, вот и вы! Решились наконец показаться? Я не была уверена, что вы сочтете это интересным. Вас уже, конечно, со всеми познакомили? – И она посмотрела кругом, как бы желая сказать, что если это еще не сделано, она сама познакомит его с остальными.

А тех очень мало занимал Клайд, зато любопытство их было задето тем, что к нему так внимательна Сондра.

– Кажется, я знаком уже почти со всеми.

– Кроме Фредди Сэлса: он только что пришел со мной. Послушайте, Фредди,

– окликнула она затянутого во фрак высокого стройного юношу с мягким овалом лица и явно завитыми волосами; он подошел и посмотрел на Клайда сверху вниз, как забияка-петух на воробья.

– Это Клайд Грифитс, я вам о нем говорила, Фред, – быстро начала Сондра, – посмотрите, как он похож на Гилберта.

– Очень похож? – воскликнул этот любезный юноша; он, должно быть, страдал близорукостью и потому близко нагнулся к Клайду. – Я слышал, вы двоюродный брат Гила? Я хорошо его знаю. Мы с ним вместе учились в Принстоне. Я жил здесь, прежде чем поступил в «Дженерал электрик» в Скенэктеди. Но я тут часто бываю. Вы, кажется, служите на фабрике?

– Да, служу, – сказал Клайд, изрядно робея перед этим, как видно, очень образованным юношей.

Клайд побаивался, что этот молодой человек заговорит с ним о таких вещах, в которых он, не получивший никакого специального технического образования, ничего не понимает.

– Вы, вероятно, заведуете каким-нибудь отделением?

– Да, заведую, – настороженно и беспокойно ответил Клайд.

– Знаете, – оживленно продолжал мистер Сэлс (он очень интересовался коммерческими и техническими вопросами), – я никогда не мог понять, что хорошего в этом производстве воротничков, если, конечно, не говорить о прибыли. Мы с Гилом часто спорили об этом, когда учились в колледже. Он уверял меня, что изготовлять и распространять воротнички – дело большой социальной значимости, это придает некоторую шлифовку и приличные манеры тем людям, которые не могли бы приобрести их, если бы не было дешевых воротничков. Я думаю, он это где-нибудь вычитал. Я всегда над ним смеялся.

Клайд пытался найти какой-то ответ, но все это было выше его понимания. «Социальная значимость»… что Сэлс хотел этим сказать? Вероятно, это связано с серьезными науками, которые он изучал в колледже. Клайд ответил бы как-нибудь уклончиво или вовсе невпопад, если бы его не выручила Сондра; даже не подозревая о том, в какое трудное положение он попал, она воскликнула:

– Пожалуйста, без споров, Фредди! Это совсем неинтересно. И потом, я хочу познакомить его с моим братом и с Бертиной. Вы помните мисс Крэнстон? Тогда, весной, мы с ней вместе были у вашего дяди.

Клайд обернулся. А Фред, получив щелчок, молча, влюбленными глазами посмотрел на Сондру.

– Помню, конечно, – начал Клайд; он давно уже наблюдал за этой парой: после Сондры Бертина казалась ему самой привлекательной из всех девушек, хотя он ее совершенно не понимал. Скрытная, лукавая и неискренняя, она вызывала в нем тревожное сознание собственного ничтожества, растерянности перед нею и перед тем миром, который она олицетворяла.

– А, здравствуйте! Очень приятно снова увидеть вас, – протянула она, окинув его улыбающимся и в то же время равнодушно-насмешливым взглядом серо-зеленых глаз. Она нашла, что он недурен, но предпочла бы видеть его более энергичным и уверенным в себе. – Вы, кажется, страшно заняты, много работаете? Но теперь, когда первый шаг сделан, я думаю, мы будем видеть вас чаще?

– Да, надеюсь, – ответил он, показывая в улыбке свои превосходные зубы.

Ее глаза словно говорили, что она сама не верит собственным словам, да ведь и Клайд тоже не верит в то, что сказал, но это необходимо, и, пожалуй, забавно – говорить такие вещи.

Примерно в том же духе держал себя с Клайдом и брат Сондры, Стюарт.

– Здравствуйте, – сказал он, – рад с вами познакомиться. Сестра говорила мне о вас. Предполагаете надолго остаться в Ликурге? Это было бы очень приятно. Надеюсь, мы с вами будем встречаться время от времени.

Клайд совсем не был в этом уверен, но ему очень нравился легкий, беззаботный смех Стюарта – он смеялся громко, весело и равнодушно, показывая ровные белые зубы. С восторженным удивлением смотрел Клайд, как непринужденно Стюарт повернулся и взял за руку проходившую мимо Вайнет Фэнт.

– Одну минуту, Вайн. Я хочу вас спросить кое о чем.

И он пошел с нею в другую комнату, наклоняясь к ней и оживленно беседуя. Клайд отметил превосходный покрой его костюма.

«Как у них тут весело, – думал он, – какие они все оживленные».

В это время Джил Трамбал стала звать:

– Идите все к столу! Я не виновата. Что-то не ладилось у повара, да и вы все собрались очень поздно. Покончим с обедом и будем танцевать.

– Вы сядете между мною и мисс Трамбал, когда она усадит всех остальных,

– успокоительно сказала Сондра. – Вот мило будет, правда? А теперь ведите меня в столовую.

Она взяла Клайда под руку, и ему показалось, что он медленно, но верно возносится прямо в рай.

Глава 26

Во время обеда шла болтовня о различных местах, лицах, планах, совершенно незнакомых Клайду. Однако присущее Клайду обаяние помогло ему отчасти победить пренебрежение и равнодушие окружающих, особенно девушек, заинтересованных тем, что он нравится Сондре. Джил Трамбал, сидевшая рядом с ним, пожелала узнать, откуда он приехал, как жил дома, с какими людьми встречался, почему решил переехать в Ликург? Вопросы эти, заданные вперемежку с пустыми шуточками по адресу присутствующих здесь девушек и их поклонников, нередко ставили Клайда в тупик. Он понимал, что не может сказать правду о своей семье. Поэтому он сообщил, что его отец управляет отелем в Денвере, – не очень большим, но все же отелем, а сам он приехал в Ликург потому, что дядя, встретясь с ним в Чикаго, предложил ему познакомиться с производством воротничков. Он еще не уверен, что дело в целом интересует его и что стоит этим заниматься дальше; просто он хочет выяснить, что эта работа может дать ему в будущем. Услышав это, Джил и Сондра сделали вывод, что, вопреки слухам, исходящим от Гилберта, у Клайда имеются кое-какие собственные средства и занятие, к которому он сможет вернуться, если потерпит неудачу в Ликурге.

Это было очень важно не только для Сондры и Джил, но и для всех остальных. Как бы красив и симпатичен ни был Клайд и каковы бы ни были его родственные связи, неприятно было думать, что он просто ничто, человек без всякого положения в обществе, и только старается, как утверждала Констанция Вайнант, примазаться к семье своего двоюродного брата. К простому служащему или бедному родственнику, независимо от его кровных связей, можно относиться разве что с сочувствием, – но если у него есть хоть какие-то средства и там, откуда он родом, он принят в обществе, это совсем другое дело.

И Сондра, успокоившись на этот счет и видя, что Клайд более приемлем в обществе, чем она предполагала, решила быть внимательней к нему.

– Могу я надеяться, что вы согласитесь танцевать со мной после обеда? – это было чуть ли не первое, что сказал ей Клайд, поймав ее приветливую улыбку, когда за столом зашла речь о каком-то танцевальном вечере.

– Конечно, если хотите, – кокетливо ответила она: ей хотелось, чтобы он еще больше увлекся ею.

– Один танец?

– А сколько же вам нужно? Здесь, как видите, есть еще с десяток молодых людей. Вы получили программу танцев, когда пришли?

– Нет, я не видел никакой программы.

– Ну, ничего. После обеда достанете. Вы можете записать для меня третий и восьмой, так что у вас останется время и для других. – Она чарующе улыбнулась. – Вы должны быть любезны со всеми, понимаете?

– Конечно, понимаю. – Он не спускал с нее глаз. – Но с тех пор, как я увидел вас у дяди, я все время мечтал встретить вас снова. Я всегда искал ваше имя в газетах.

Он посмотрел на нее вопросительно и умоляюще, и Сондра против воли была тронута этим наивным признанием. Ясно, он не мог бывать там, где бывала она, и все-таки следил за ней и за всем, что она делала, по газетам. Она не могла отказать себе в удовольствии поговорить еще на эту тему.

– Неужели? Как это мило. Но что же вы читали обо мне?

– Что вы были на Двенадцатом озере и на Лесном, что вы участвовали в состязаниях по плаванию на озере Шейрон и были у Пола Смита. И что вы интересуетесь кем-то, кто живет на озере Скрун, и, по-видимому, собираетесь выйти за него замуж.

– Разве об этом писали? Как глупо. В газетах всегда пишут разные глупости.

По ее тону Клайд понял, что позволил себе слишком много. Он смутился, и это смягчило Сондру: через минуту она возобновила разговор с прежним оживлением.

– Вы любите ездить верхом? – спросила она ласково и примирительно.

– Никогда не пробовал. Знаете, просто не приходилось. Но я думаю, что сумел бы, если бы попробовал.

– Конечно, это не так трудно. Вам надо бы взять один-два урока, и тогда, – прибавила она, несколько понизив голос, – мы могли бы с вами иногда покататься вместе. У нас на конюшне масса лошадей, я уверена, что они вам понравятся.

Клайда бросило в жар. Сондра приглашает его кататься! Да еще предлагает пользоваться одной из своих лошадей.

– О, я был бы в восторге! – сказал он. – Это будет просто замечательно.

Молодежь вставала из-за стола. Никто больше не интересовался обедом, потому что в соседней комнате уже появился камерный квартет и послышались звуки первого фокстрота; из этой и без того просторной комнаты была вынесена вся мебель, которая могла бы помешать танцам, оставались только стулья вдоль стен.

– Вам надо позаботиться о программе и о первом танце: пригласите кого-нибудь, пока не поздно, – предупредила Сондра.

– Да, я сейчас все сделаю. Но неужели вы обещаете мне только два танца?

– Ну хорошо, запишите третий, пятый и восьмой в первой половине. – Она весело махнула ему рукой, и он поспешно пошел доставать программу.

Танцевали только модные, очень быстрые фокстроты, и танцоры, в соответствии со своим темпераментом и настроением, вносили в них новые па собственного изобретения. Клайд весь прошлый месяц много танцевал с Робертой и теперь был в превосходной форме; притом его безмерно возбуждало сознание, что наконец-то он находится в обществе такой удивительной девушки, как Сондра, и даже может высказать ей свое восхищение.

И хотя он старался казаться любезным и внимательным, танцуя с другими девушками, он не мог отвести глаз от Сондры. У него едва не кружилась голова, когда Сондра, мечтательно и томно скользя мимо в объятиях Гранта Крэнстона, бросала как бы случайный взгляд в его сторону и всем своим видом давала ему понять, как она грациозна, романтична и поэтична всегда и во всем – поистине прекраснейший цветок жизни. И вдруг Нина Темпл, с которой он танцевал, заметила:

– Она очень грациозна, правда?

– Кто? – спросил Клайд с невинным видом, но тут же покраснел до ушей. – Я не знаю, о ком вы говорите.

– Не знаете? А почему же вы покраснели?

Он понял, что выдал себя и что его попытка ускользнуть от прямого ответа просто смешна. Он отвернулся, но в эту минуту музыка смолкла, и танцоры направились к стульям. Сондра ушла с Грэнтом Крэнстоном, а Клайд подвел Нину к мягкому креслу в нише окна, в библиотеке.

Следующий танец он танцевал с Бертиной и был слегка задет холодным, откровенным равнодушием, с каким она принимала его любезности. Клайд интересовал ее лишь постольку, поскольку им, видимо, интересовалась Сондра.

– Вы хорошо танцуете, – сказала она ему. – Наверно, вы много танцевали там, где жили раньше. Вы ведь, кажется, приехали из Чикаго?

Она говорила медленно и небрежно.

– Да, я жил в Чикаго до того, как приехал сюда, но там я не так уж много танцевал: мне приходилось работать.

Он подумал, что у таких девушек, как эта, есть все, чего они могут пожелать, а у таких, как Роберта, нет ничего. И все же в это мгновение Роберта больше нравилась ему. Она куда нежнее, мягче, добрее, не такая ледяная…

Музыка заиграла снова; то и дело мелодию прерывал томный голос одинокого саксофона; Сондра подошла к Клайду, вложила правую руку в его левую, позволила ему обнять себя – и все это так легко, свободно, весело, что Клайд, застигнутый врасплох среди своих грез о ней, затрепетал от восторга.

Она смотрела ему в глаза с обычным лукавым кокетством и улыбалась нежной, обманчивой и все же многообещающей улыбкой, от которой его сердце забилось быстрее, а горло судорожно сжалось. Тонкий свежий аромат ее духов щекотал его ноздри, точно благоухание весны.

– Приятно проводите время?

– Да, любуюсь вами.

– Здесь еще много хорошеньких девушек, которыми можно любоваться!

– Но ни одна не может сравниться с вами!

– И я танцую лучше всех, и я гораздо красивее, чем все остальные девушки. Ну вот, все это я сказала за вас. А что вы теперь скажете?

Она посмотрела на него насмешливо, и Клайд, поняв, что говорить с ней совсем не так легко, как с Робертой, смутился и покраснел.

– Понимаю, – сказал он серьезно, – вам все говорят одно и то же, и вы не хотите слышать это еще раз от меня.

– Ну нет, далеко не все. Очень многие вовсе не считают меня красивой.

Простота его ответа и пробудила любопытство Сондры и сбила ее с толку.

– Не считают вас красивой? – переспросил он весело, увидев, что она уже не смеется над ним.

Но все же он побоялся сказать ей еще какой-нибудь комплимент. Он поискал другую тему и решил вернуться к начатому за столом разговору о верховой езде и теннисе.

– Вы, наверно, любите всякий спорт на свежем воздухе, правда? – спросил он.

– Еще как! – быстро и горячо ответила она. – Люблю больше всего на свете. До безумия люблю ездить верхом, плавать, грести, кататься на моторной лодке и на акваплане. А вы плаваете?

– Ну конечно! – гордо сказал Клайд.

– Играете в теннис?

– Немного, только начинаю, – ответил он, боясь признаться, что совсем не играет.

– Я обожаю теннис. Мы с вами как-нибудь сыграем.

После этого Клайд совсем воспрянул духом. Легкая, как пушинка, Сондра кружилась с ним под заунывные звуки популярной любовной песенки и продолжала разговор:

– Белла Грифитс, Стюарт, Грэнт и я отлично сыгрались. Прошлым летом мы всех победили на Лесном озере и на Двенадцатом тоже. А видели бы вы, как я ныряю с вышки! У нас, то есть у Стюарта, самая быстроходная моторная лодка: шестьдесят миль в час!

Клайд сразу понял, что он коснулся того предмета, который не только занимал, но и волновал ее. И не только потому, что всякие физические упражнения доставляли ей удовольствие, но и потому, что она выходила победительницей в тех видах спорта, которыми особенно увлекались все ее друзья и знакомые, и упивалась успехом. И, наконец (это он понял только позднее), ее восхищала возможность часто переодеваться, показываться в обществе в самых необычайных нарядах, – а это для нее значило очень много. Как она выглядела в купальном костюме! А в костюме для верховой езды, или для тенниса, или для танцев, или для экскурсий в автомобиле!

Они продолжали танцевать, взволнованные ощущением, что их одинаково влечет друг к другу; они пытливо и весело заглядывали друг другу в глаза – и в этих взглядах сквозили нежность и восхищение; Сондра намекала, что если в ее кругу Клайда сочтут подходящим человеком в спортивном, финансовом и во всех прочих отношениях, то она, пожалуй, сможет ввести его в дома своих друзей. И Клайд, который был в приподнятом настроении, почти поверил, что это возможно, что так и будет. Но под его напускной обманчивой уверенностью и спокойствием таилось неверие в себя; это сказывалось в нетерпеливом и в то же время печальном блеске его глаз; и хотя голос Клайда звучал как будто мужественно и твердо, но если бы Сондра умела в этом разбираться, она различила бы в нем нотки, очень далекие от подлинной уверенности.

– Как жаль, что танец кончился, – сказал он печально.

– Пускай сыграют еще раз! – сказала Сондра и захлопала в ладоши.

Оркестр вновь заиграл тот же мотив, и они опять заскользили по паркету, наклоняясь и покачиваясь, всецело отдаваясь ритму музыки, словно две щепочки, уносимые бурным, но дружелюбным морем.

– Я так рад, что я снова с вами… танцевать с вами… это так чудесно, Сондра…

– Вы не должны меня так называть! Мы с вами еще недостаточно знакомы.

– Я хотел сказать «мисс Финчли». Но вы не рассердитесь на меня опять? Нет?

Он сильно побледнел, лицо у него снова стало грустное. Сондра это заметила.

– Нет. Разве я сердилась на вас? Право, нет. Вы мне нравитесь… немного… когда не впадаете в сентиментальность.

Музыка прекратилась. Кончился легкий, стремительный танец.

– Пойдем посмотрим, идет ли еще снег. Хотите? – спросила Сондра.

– Конечно, хочу!

Скользя между прогуливающимися парами, они побежали к боковой двери в бесшумный мир, сплошь окутанный мягким, пушистым снегом. Воздух был полон тихо кружащихся и падающих хлопьев.

Глава 27

Следующие дни декабря принесли Клайду несколько приятных, но в то же время тревожных и осложнивших его жизнь событий. Сондра Финчли, найдя в нем приятного поклонника, не собиралась упускать его из виду. Однако она занимала видное положение в обществе и потому не знала, как быть: Клайд был слишком беден и слишком явно пренебрегали им сами Грифитсы, чтобы она рискнула открыто проявить свой интерес к нему.

Вначале Сондра обратила внимание на Клайда лишь по одной причине; ей хотелось позлить Гилберта дружбой с его двоюродным братом. Теперь к этой причине прибавилась другая: Клайд ей нравился. Он был обаятелен и преклонялся перед нею и ее положением, – это и занимало ее, и льстило ей. По своему характеру она жаждала именно такого обожания, искреннего и романтического. К тому же ей нравились и внешность Клайда и некоторые его внутренние качества: он был влюблен, но без излишней смелости, которая досаждала бы ей; он поклонялся ей, но так, как можно поклоняться живой женщине; и в нем чувствовалась та же живость души и тела, какая была свойственна и ей самой.

И потому Сондра упорно думала о том, как бы продолжить знакомство с Клайдом, не привлекая слишком большого внимания и не вызывая неблагоприятных толков: мысль эта заставляла ее хитрый маленький мозг напряженно работать каждую ночь, когда она возвращалась домой. Однако на тех, кто видел Клайда в тот вечер у Трамбалов, произвели такое впечатление его мягкие, приятные манеры и интерес, который проявляла к нему Сондра, что все они, особенно девушки, готовы были принять его в свою компанию.

Вот почему через две недели, когда Клайд, выбирая в магазине Старка недорогие рождественские подарки для матери, отца, сестер, брата и Роберты, встретил Джил Трамбал, тоже занятую покупками, она пригласила его на вечер с танцами, который устраивала Ванда Стил на следующий день – в канун рождества – у себя в Гловерсвиле. Джил собиралась туда с Фрэнком Гарриэтом, однако не знала точно, будет ли там Сондра: ее приглашали куда-то в другое место, но она все же предполагала приехать в Гловерсвил, если сможет. Но, прибавила Джил, ее сестра Гертруда будет рада, если Клайд согласится ее сопровождать. Это был вежливый способ обеспечить Гертруде кавалера. Кроме того, Джил знала: если Сондра услышит, что Клайд будет у Стилов, она постарается как-нибудь отделаться от другого приглашения.

– Трейси охотно заедет за вами, – продолжала она, – или… – она поколебалась, – может быть, вы пообедаете у нас перед поездкой? Запросто, по-семейному. Мы будем вам очень рады. У Ванды начнут танцевать не раньше одиннадцати.

Танцы были назначены на пятницу – именно этот вечер Клайд еще раньше обещал провести с Робертой, так как в субботу она уезжала на три дня рождественских праздников к своим родителям, – до сих пор они с Клайдом еще не расставались на такой долгий срок. Она приготовила ему подарок – самопишущую ручку и «вечный» карандаш, – и потому ей особенно хотелось, чтобы он пришел к ней в этот последний вечер, о чем она ему не раз говорила. И он, со своей стороны, хотел в этот вечер сделать ей сюрприз: подарить туалетный прибор.

Но теперь он слишком обрадовался возможности вновь встретиться с Сондрой и потому решил нарушить свое обещание, хотя и понимал, что это будет нелегко и непорядочно по отношению к Роберте. Как ни захватило его увлечение Сондрой, все же он был привязан к Роберте и ему не хотелось ее огорчать. Он знал, как она будет разочарована! И в то же время он был так польщен и восхищен этим внезапным, хотя и запоздалым признанием общества, что ему и в голову не пришло отказаться от приглашения Джил. Пренебречь возможностью побывать в гостях у семейства Стил, да еще в обществе Трамбалов и без всякой помощи Грифитсов! Пусть это нехорошо, жестоко, пусть это предательство по отношению к Роберте, но зато он увидит Сондру!

Итак, он заявил, что принимает приглашение, и тут же решил зайти к Роберте и извиниться перед нею: он придумает какое-нибудь объяснение, скажет, например, что Грифитсы пригласили его на обед. Для нее это достаточно веский, неотразимый довод. Но он не застал ее дома и решил, что объяснится с нею завтра утром на фабрике, – напишет записку, если понадобится. Чтобы утешить Роберту, Клайд решил, что он пообещает проводить ее в субботу до Фонды, и тогда передаст ей подарок.

Но в пятницу утром на фабрике, вместо того чтобы поговорить с нею серьезно и показать, что он очень огорчен, Клайд только шепнул:

– Я не могу прийти к тебе сегодня, дорогая. Я приглашен к дяде, мне непременно надо быть у него. Не знаю, сумею ли забежать после. Постараюсь, если будет не очень поздно. Но если мы сегодня не увидимся, я провожу тебя завтра до Фонды. Я хочу тебе кое-что подарить. Ты не сердись. Понимаешь, я только утром получил приглашение, а то я предупредил бы тебя раньше. Ты не будешь сердиться, правда?

Он грустно посмотрел на нее, делая вид, что очень огорчен. Роберта покачала головой, как бы говоря: «Нет, я не сержусь», – но она была очень расстроена и подавлена тем, что Клайд с такой легкостью пренебрег и ее подарками, и возможностью провести с нею счастливый вечер. Это случилось впервые – и она спрашивала себя, что может предвещать такое внезапное равнодушие? До сих пор Клайд всегда был чрезвычайно внимателен к ней, свое увлечение Сондрой он скрывал под напускной неизменной нежностью, которой было вполне достаточно, чтобы обмануть Роберту. Может быть, он сказал правду, и ему нельзя было отказаться от приглашения. Но она так мечтала об этом вечере! А теперь они не увидятся целых три дня! На фабрике, а потом и дома она предавалась горестным сомнениям. Если бы Клайд по крайней мере зашел к ней от дяди, чтобы она могла отдать ему свои подарки… но он сказал, что обед скорее всего кончится поздно. Он не уверен, что сумеет освободиться. Возможно, что после обеда они все вместе еще куда-нибудь поедут.

Между тем Клайд отправился сначала к Трамбалам, потом к Ванде Стил и везде встречал такое внимание, о котором месяц назад не мог и мечтать. В доме Ванды Стил его сразу познакомили со множеством людей, которые, видя, что он приехал с молодыми Трамбалами, и узнав, что он Грифитс, немедленно пригласили его к себе или дали понять, что скоро пригласят. В заключение он был самым любезным образом приглашен на новогодний вечер к Вендэмам в Гловерсвиле и на обед и танцы в сочельник к Гарриэтам в Ликурге; на этот вечер были приглашены Гилберт и Белла, а также Сондра, Бертина и другие.

Наконец около полуночи появилась и сама Сондра в сопровождении Скотта Николсона, Фредди Сэлса и Бертины; сперва она притворялась, что не подозревает о присутствии Клайда, потом удостоила его приветственным: «А, это вы! Не ожидала встретить вас здесь!» Она была обольстительна в живописно накинутой на плечи темно-красной испанской шали. Но Клайд с самого начала чувствовал, что она все отлично знала, и, выбрав первую удобную минуту, подошел к ней и спросил вкрадчиво:

– Вы будете танцевать со мной сегодня?

– Да, конечно, если вы меня пригласите. Я думала, что вы, может быть, уже меня забыли, – пошутила она.

– Разве я могу забыть вас! Я только потому и приехал сюда, что надеялся увидеть вас снова. После нашей последней встречи я не мог думать ни о ком и ни о чем, кроме вас.

В самом деле, он так слепо восхищался ею, каждым ее шагом, каждой ужимкой, что и это ее притворное равнодушие не возмущало, а только еще больше привлекало его. И теперь сила и искренность его чувства совсем покорили Сондру. Его глаза сузились и горели такой страстью, что она почувствовала необычайное волнение.

– О, вот какие милые вещи вы умеете говорить! И как это у вас мило получается! – Она смотрела на него, улыбаясь, поправляя большой испанский гребень в волосах. – Вы говорите так, точно в самом деле это чувствуете.

– Вы хотите сказать, что не верите мне, Сондра? – спросил он пылко, и то, что он вторично назвал ее по имени, теперь взволновало ее так же, как и его. На этот раз она не стала сердиться, его дерзость была ей приятна.

– Нет, конечно, я верю. – Впервые она говорила с ним нерешительно, без прежнего спокойствия. Она почувствовала, что теперь ей труднее находить правильную линию поведения и более или менее сдерживать Клайда. – Ну, говорите же, какой танец вам оставить, а то, я вижу, за мной идут. – И она с лукавой и вызывающей улыбкой протянула ему маленькую программу. – Хотите одиннадцатый? Это уже скоро, сейчас будет десятый.

– И это все?

– Ну, еще четырнадцатый, если вы такой жадный, – засмеялась она, глядя прямо в глаза Клайду, и этот смеющийся взгляд совсем его покорил.

Танцуя затем с Фрэнком Гарриэтом, она узнала, что Клайд уже приглашен к Гарриэтам на сочельник и что Джессика Фэнт пригласила его в Утику на встречу Нового года; и Сондра решила, что он теперь на пути к настоящим успехам и, очевидно, совсем не будет такой обузой в обществе, как она боялась. В нем есть какое-то обаяние, это несомненно. И он так ей предан! Вполне возможно, думала она, что теперь, когда Клайд принят в семьях, занимающих видное положение, и другие девушки тоже настолько заинтересуются и даже увлекутся им, что пожелают зачислить его в свою свиту. Тщеславная и надменная, она решила, что не допустит этого. Поэтому, во второй раз танцуя с Клайдом, она сказала:

– Вы, кажется, в сочельник приглашены к Гарриэтам?

– Да, и всем этим я обязан вам! – горячо воскликнул он. – Вы тоже там будете?

– Нет, и мне ужасно жаль. Я туда приглашена, и теперь мне очень хотелось бы пойти, но, понимаете, я еще раньше уговорилась поехать на праздники в Олбани и потом в Саратогу. Я уезжаю завтра и вернусь накануне Нового года. Но друзья Фредди устраивают в Скенэктеди грандиозную встречу Нового года, там будет ваша кузина Белла, и мой брат Стюарт, и Грэнт, и Бертина. Если хотите, можете поехать с нами.

Она чуть было не сказала «со мной», но сдержалась. Она решила показать всем подругам свою власть над ним: они убедятся в этом, когда он ради нее откажется от приглашения мисс Фэнт. И Клайд тотчас согласился, в восторге, что можно будет снова встретиться с нею.

В то же время его удивило и почти испугало, что она так небрежно, мимоходом и, однако, решительно устраивает его встречу с Беллой. Та, конечно, сразу сообщит дома, что он появляется в обществе Сондры и ее друзей. Что-то из этого выйдет? Как-никак Грифитсы до сих пор не приглашали его к себе – даже на рождество. А ведь им стало известно, что Сондра подвезла его в своей машине и что он был затем приглашен в клуб «Сейчас и после», но они ничего не предприняли. Гилберт был взбешен, его родители озадачены – и, не зная, как следует поступать дальше, пока отмалчивались.

Но компания, в которую Сондра пригласила Клайда, должна была остаться в Скенэктеди до следующего утра, – обстоятельство, которое она не потрудилась сначала объяснить Клайду. А он совсем забыл, что Роберта к тому времени вернется из Бильца и, после того как он оставил ее одну в канун рождества и после этой трехдневной разлуки, будет, конечно, ждать, что он встретит с нею Новый год. Об этом осложнении Клайд подумал гораздо позже. А теперь он испытывал только блаженство от сознания, что Сондра позаботилась о нем, и тотчас с восторгом согласился.

– Но знаете, – предостерегла его Сондра, – вы не должны оказывать мне слишком много внимания, когда мы с вами встречаемся. И не обижайтесь, если я буду не слишком внимательна к вам. Иначе мне нельзя будет часто с вами видеться. Мои родители, знаете ли, странные люди и некоторые мой друзья тоже… Но если вы будете просто в меру любезны и даже немножко равнодушны, – понимаете? – тогда мы все-таки сможем встречаться зимой. Вы поняли, да?

Невыразимо взволнованный этим признанием, которое – он это знал – было вызвано его пылкостью, Клайд пытливо и страстно взглянул на Сондру.

– Так я все-таки не совсем безразличен вам, правда? – сказал он требовательно и вместе с тем умоляюще; глаза его сияли страстным восторгом, это бесконечно нравилось Сондре.

И, стараясь сохранить осторожность и все же поддаваясь увлечению, взволнованная и, однако, не уверенная, что поступает благоразумно, она ответила:

– Хорошо, я скажу вам: и да и нет. Я еще не решила. Вы мне очень нравитесь. Иногда мне кажется, что вы мне нравитесь больше всех. Видите ли, мы еще так мало знаем друг друга… Но вы все-таки поедете со мной в Скенэктеди?

– Поеду ли!..

– Я напишу вам об этом подробнее или позвоню. У вас есть телефон?

Он дал ей свой номер.

– А если что-нибудь изменится или я не смогу поехать, не обижайтесь. Мы потом еще увидимся с вами где-нибудь, непременно!

Она улыбнулась, и Клайд почувствовал, что задыхается от волнения. Как она откровенна! Она сказала, что иногда он ей очень нравится, и этого было достаточно, чтобы он чуть не опьянел от радости. Подумать только: такая красавица старается ввести его в свою жизнь – такая удивительная девушка, окруженная столькими друзьями и поклонниками, среди которых она может сделать выбор.

Глава 28

Следующее утро. Половина седьмого. Клайд проспал всего час после возвращения из Гловерсвила и встал встревоженный, не зная, как ему быть с Робертой. Сегодня она уезжает в Бильц. Он обещал проводить ее до Фонды. Но теперь у него нет желания ехать. Разумеется, он сочинит что-нибудь в извинение. Но что?

К счастью, за день перед этим он слышал, как Уигэм сказал Лигету, что на сегодня назначается совещание начальников цехов, и Лигет должен после работы явиться в кабинет Смилли. Клайда не приглашали, потому что его маленькое отделение было лишь частью цеха Лигета. Теперь Клайд решил, что он может сослаться на это совещание, и перед полуденным перерывом положил Роберте на стол записку. В записке стояло:

«Дорогая, страшно огорчен, но мне только что сказали, что сегодня в три часа я должен быть внизу, на совещании начальников цехов. Значит, я не сумею поехать с тобой в Фонду, но забегу к тебе на несколько минут после работы. У меня есть кое-что для тебя, так что жди! Не огорчайся уж слишком, я ничего не могу поделать. В среду, когда вернешься, обязательно увидимся.

Клайд».

В первую минуту, увидев записку, которую не могла сейчас же прочесть, Роберта обрадовалась: она подумала, что Клайд хочет точнее условиться о встрече. Но когда, несколько минут спустя, она вышла в гардеробную, чтобы украдкой прочитать эти несколько строк, лицо ее омрачилось. Вот еще новое огорчение вдобавок ко вчерашнему разочарованию, когда она напрасно прождала Клайда; к тому же сегодня он кажется рассеянным и даже холодным… Роберта спрашивала себя, в чем причина этой внезапной перемены. Может быть, он и в самом деле не может не явиться на это совещание, как не мог не пойти к дяде, когда

его пригласили на обед. Но если бы он любил ее по-прежнему, то накануне, предупреждая, что вечером не придет к ней, он не мог бы оставаться таким веселым и спокойным, несмотря на ее отъезд. Ведь он знал, что она уезжает на три дня, знал, что разлука с ним для нее всегда большое огорчение.

Ее радостные надежды сразу сменились глубокой тоской и унынием. Всегда у нее так получается в жизни! Через два дня рождество, ей надо ехать домой в Бильц, где вовсе не весело и только от нее ждут радости и веселья. И придется ехать одной, а Клайд забежит к ней только на несколько минут. Она вернулась на свое место, и лицо ее ясно говорило, что она глубоко несчастна. Она ничего не видела вокруг и двигалась, как автомат. Клайд заметил эту перемену, но, захваченный внезапным, непобедимым чувством к Сондре, не способен был раскаиваться.

Как всегда по субботам, в час пополудни мощные гудки соседних фабрик возвестили о конце рабочего дня – и Клайд и Роберта порознь направились к ее дому. По дороге он обдумывал, что сказать Роберте. Что делать? Как притворяться нежным, когда он не чувствует нежности, когда увлечение его охладело и поблекло? Как продолжать эту связь, которая еще две недели назад была живой и страстной, а теперь стала поразительно слабой и бесцветной? Нельзя сказать или как-то показать Роберте, что он к ней охладел, это будет слишком жестоко, и кто знает, что она на это ответит? Как поступит? А с другой стороны, теперь, когда все его мечты и планы связаны с Сондрой, не годится успокаивать Роберту ласковыми словами и сохранять прежние отношения. Невозможно! Кроме того, если появится хоть малейшая надежда, что Сондра тоже полюбит его, конечно же, он сразу захочет оставить Роберту. А почему бы и нет? Что может дать ему Роберта? Можно ли сравнить ее по красоте и положению в обществе с Сондрой! Разве хорошо будет со стороны Роберты, если она станет требовать и ждать, чтобы он по-прежнему был занят только ею и отказался ради нее от всех связей и возможностей, какие открывает для него близость с Сондрой. Нет, право же, это несправедливо!

Так рассуждал Клайд, а Роберта, уже успевшая вернуться домой, тем временем спрашивала себя, почему он вдруг стал к ней равнодушен. Почему он нарушил свое обещание и не пришел вчера вечером, почему теперь, когда она уезжает на праздники домой и не увидится с ним целых три дня, он не хочет даже проводить ее до. Фонды? Он говорит о совещании, но правда ли это? Она могла бы, если надо, подождать его до четырех часов, но не решилась это предложить, потому что чувствовала в поведении Клайда какую-то уклончивость, отчужденность… Что же все это значит? Ведь еще так недавно возникла эта близость, которая с самого начала и до сего дня, казалось, так прочно их соединяла. Неужели это – опасная перемена, быть может, даже конец их любви, их чудесной сказки? О, боже! А она отдала ему так много… теперь от его верности зависит все: ее будущее, ее жизнь…

Она стояла посреди комнаты, раздумывая над всем этим, когда явился Клайд с рождественским подарком под мышкой и с напускной беспечностью на лице, никак не отвечавшей его твердому решению по возможности изменить свои отношения с Робертой.

– Ох, до чего же я огорчен, Берта, – начал он оживленным тоном, в котором смешивались притворная веселость, сочувствие и неуверенность. – Понимаешь, еще два часа назад я и понятия не имел, что они собираются устраивать это совещание. Но ты же знаешь, как это бывает. От таких вещей просто невозможно уклониться. Ты не очень огорчена, дорогая? – По выражению ее лица и в эту минуту и еще раньше, на фабрике, он видел, что она в самом печальном настроении. – Хорошо еще, что мне удалось вырваться на минутку и принести тебе вот это, – прибавил он, протягивая ей подарок.

– Я хотел принести вчера, но помешал этот обед. Мне ужасно жалко, что так вышло, правда, жалко!

Если бы он принес свой подарок вчера вечером, Роберта была бы в восторге, но теперь она равнодушно поставила коробку на стол; вся прелесть подарка была для нее потеряна.

– Ты хорошо провел вчера время, милый? – спросила она, желая узнать во всех подробностях, что же отняло его у нее.

– Да, недурно, – ответил Клайд; он старался притвориться возможно более равнодушным, говоря об этом вечере, который так много значил для него и таил столько опасности для нее. – Я думал, что меня просто приглашают к дяде на обед, я ведь так и говорил тебе. А оказалось, что нужно проводить Беллу и Майру на вечер в Гловерсвил. Там живет богатая семья Стил, – знаешь, у которых большая перчаточная фабрика. Ну вот, они устроили танцевальный вечер, и мне пришлось проводить туда двоюродных сестер, потому что Гил не мог поехать. Но там было не особенно интересно. Я был рад, когда все это кончилось.

Он произнес имена Беллы, Майры, Гилберта так, словно это было для него привычным делом, – такая интимность с Грифитсами неизменно производила на Роберту сильное впечатление.

– А ты не мог уйти пораньше и зайти ко мне?

– Не мог. Мне надо было дождаться их, чтобы вернуться всем вместе. А ты разве не хочешь взглянуть на мой подарок? – прибавил он, стараясь отвлечь ее от мыслей о вчерашнем: он знал как ей мучительно думать о том, что он оставил ее одну.

Она стала развязывать ленту, которой была завязана коробка, но все время неотрывно думала о том, что еще мог таить в себе вчерашний вечер. Какие девушки, кроме Беллы и Майры, были на танцах у Стил? Может быть, Клайд в последнее время увлекся какой-нибудь другой девушкой и встретился там с нею? Раньше он часто упоминал о Сондре Финчли, Бертине Крэнстон и Джил Трамбал. Может быть, и они были там вчера?

– А кто был там, кроме твоих двоюродных сестер? – спросила она вдруг.

– О, масса народа, ты их не знаешь. Там съехались двадцать или тридцать человек из разных мест.

– А из Ликурга, кроме твоих сестер, был кто-нибудь? – настаивала она.

– Всего несколько человек. Мы захватили с собой Джил Трамбал и ее сестру. Это Белла придумала. Арабелла Старк и Перли Хайнс были уже там, когда мы приехали.

Клайд не упомянул ни о Сондре, ни о других, кто его больше всех интересовал. Но в том, как он сказал это, в тоне его голоса и в блеске глаз было что-то странное, и его ответ не удовлетворил Роберту. Она очень встревожилась, но чувствовала, что сейчас неблагоразумно надоедать Клайду дальнейшими расспросами. Как бы он не рассердился. В конце концов в ее глазах он всегда был связан с этим миром. Она не хотела, чтобы он заподозрил, будто она старается получить какие-то права на него, хотя таково и было ее тайное желание.

– А мне так хотелось вчера побыть с тобою и отдать тебе подарки, – сказала она, стараясь прогнать мрачные мысли и вызвать сочувствие Клайда.

Он услышал печаль в ее голосе – прежде это всегда смягчало его, но теперь он не мог и не хотел поддаваться.

– Но ты же знаешь, Берта, как было дело, – возразил он почти вызывающе.

– Я ведь объяснил тебе.

– Да, знаю, – грустно сказала она, пытаясь скрыть овладевшее ею уныние.

Она развернула бумагу и открыла крышку коробки. Увидев туалетный прибор, она слегка повеселела: никогда еще у нее не было таких дорогих и изящных вещей.

– Ах, как красиво! – воскликнула она с невольным интересом. – Я ничего подобного не ожидала! Рядом с этим мои маленькие подарки ничего не стоят.

Она пошла достать их. Но Клайд видел, что даже его замечательный подарок не может рассеять уныние Роберты, вызванное его равнодушием. Его неизменная любовь была бы для нее несравнимо дороже всех подарков.

– Нравится? – спросил он, наперекор всему горячо надеясь, что подарок отвлечет ее от грустных мыслей.

– Конечно, милый, – ответила Роберта, с интересом рассматривая прибор.

– Мои подарки куда скромнее, – прибавила она печально, подавленная крушением всех своих планов, – но они пригодятся тебе, и они всегда будут с тобой, у твоего сердца, это для меня главное.

Она протянула ему коробочку с металлическим вечным карандашом и самопишущей ручкой; она выбрала их, думая, что они пригодятся Клайду в его работе на фабрике. Будь все это две недели назад, он горячо обнял бы ее и постарался бы утешить в том горе, которое ей причинил. Но теперь он только стоял и думал, как бы успокоить ее, не показавшись при этом слишком холодным, но и не проявляя обычной нежности. И он поспешил выразить бурный, но неискренний восторг по поводу ее подарка:

– О, вот это великолепно, дорогая! Именно это мне и нужно! Ты просто не могла придумать ничего удачнее! Я теперь всегда буду ими пользоваться.

Он сделал вид, что с величайшим удовольствием рассматривает карандаш и ручку, затем укрепил их в боковом кармане. И видя, как она стоит перед ним, печальная и задумчивая, – воплощение всего, что было так соблазнительно в их прежних

отношениях, – он обнял ее и поцеловал. Вне всякого сомнения, она очень мила! И когда она охватила его шею руками и горько расплакалась, он прижал ее к себе и сказал, что ей незачем огорчаться: в среду она вернется, и все пойдет по-старому. И в то же время он подумал, что это неправда… а как это странно, – ведь всего какой-нибудь месяц назад он горячо любил Роберту… Удивительно, как быстро захватила его другая девушка! И все же это так. Роберта, наверно, думает, что он любит ее по-прежнему, но любви уже нет и никогда не будет. И поэтому он искренне жалел Роберту.

Что-то странное было в его поведении в эту минуту. Роберта почувствовала это, слушая его слова и ощущая его ласки: им не хватало искренности. Он был слишком беспокоен, поцелуи его слишком равнодушны, в голосе не слышалось подлинной нежности. Вдобавок он в следующую же минуту постарался высвободиться из ее объятий и, взглянув на часы, сказал:

– Однако мне пора, дорогая. Уже без двадцати три, а совещание назначено в три. Я бы очень хотел проводить тебя, но что делать – увидимся, когда вернешься.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и на этот раз Роберта окончательно поняла, что его чувство к ней изменилось, охладело. Он ласков, добр, но мысли его далеко… Она постаралась собрать все свои силы, призвала на помощь все свое самолюбие – это отчасти удалось ей – и сказала довольно холодно и решительно:

– Ну что ж, я не хочу, чтобы ты опаздывал, Клайд. Иди скорее. Но я не собираюсь задерживаться дома надолго. Как ты думаешь, если я вернусь рано в первый день праздника, ты сможешь прийти ко мне вечером? Я не хочу опаздывать в среду на работу.

– Разумеется, дорогая, я зайду, – сказал он весело и даже искренне, считая, что он никуда не приглашен на тот вечер, и радуясь возможности ускользнуть от нее сейчас. – Когда ты рассчитываешь вернуться?

Она предполагала быть дома к восьми, и Клайд решил, что на этот раз, во всяком случае, сможет ее навестить. Он снова вынул часы.

– А теперь мне все-таки пора, – сказал он и направился к двери.

Обеспокоенная, охваченная тревогой за будущее, Роберта подошла к нему, взяла его за отвороты пальто и, глядя ему в глаза, умоляюще и настойчиво сказала:

– Это верно, Клайд, ты придешь, как уговорились, на этот раз ты не отправишься еще куда-нибудь?

– Не беспокойся, – ответил он. – Ведь ты знаешь меня. А вчера я ничего не мог поделать, дорогая. Но во вторник я приду наверняка.

Он поцеловал ее и поспешил уйти, чувствуя, что, быть может, вел себя не совсем разумно, но не представляя себе, как же действовать иначе. Когда мужчина хочет порвать с девушкой, как он теперь, думал Клайд, следует быть тактичным и даже отчасти дипломатом. Он оказался не слишком искусен: вероятно, был какой-нибудь лучший способ… Но его мысли уже уносились к Сондре. Они вместе будут встречать Новый год в Скенэктеди, и тогда он сможет выяснить, так ли она заинтересована им, как казалось вчера.

Когда Клайд вышел, Роберта подошла к окну и устало и печально посмотрела ему вслед, думая о том, что ее ждет. Что, если он ее разлюбит? Она все ему отдала. От него, от его отношения к ней зависит ее будущее. Неужели она уже надоела ему и он больше не хочет ее видеть? Ужасно, если так! Что тогда делать? Зачем она отдалась ему, зачем так быстро и легко уступила его настояниям?

Она взглянула на голые, осыпанные снегом ветви деревьев и вздохнула… Праздники! Ехать домой в таком настроении… Притом Клайд занимает такое положение в здешнем обществе… Там столько блеска, столько развлечений, а что она может ему предложить?

Она печально покачала головой, взглянула на себя в зеркало, потом уложила свои вещи и подарки, которые везла родным, и вышла из дому.

Глава 29

После Ликурга, после общества Клайда, Бильц и его окрестности и фермы, похожие на грибы, произвели на Роберту гнетущее впечатление: все здесь слишком явственно говорило о нужде и лишениях, и потому бледнели чувства, естественные для человека, который вновь видит родные места.

Сойдя с поезда подле сумрачного ветхого здания, служившего вокзалом, Роберта увидела своего отца; он был в том же старом зимнем пальто, что служило ему уже десятки лет, и ожидал ее со старой, но еще крепкой бричкой, в которую была запряжена лошадь, такая же костлявая и изнуренная, как он сам. Отец всегда казался Роберте усталым и несчастным. Лицо его просветлело, когда он увидел свою любимицу Роберту, и он весело заговорил с ней; она забралась в бричку, села рядом с ним, и они пустились в путь; дорога, ведущая к ферме, была ухабистая, извилистая, грязная, хотя в это время превосходные автомобильные шоссе везде уже стали обычным явлением.

По пути Роберта отмечала каждый поворот, каждое дерево, каждую знакомую примету! Но мысли ее были печальны. Все кругом наводило уныние. Отец был хронически болен и не способен вести хозяйство, а младший брат Том и мать не умели и не могли помочь по-настоящему, и поэтому ферма, как и прежде, была для семьи тяжким бременем; много лет назад ее заложили за две тысячи долларов, и этот долг никак не удавалось выплатить. Труба с северной стороны по-прежнему нуждалась в починке, ступеньки еще больше осели, стены, заборы и надворные постройки были под стать остальному, хотя теперь все это и казалось несколько живописнее под снежным покровом зимы. Даже мебель была все та же – старый хлам с бору да с сосенки.

Здесь ее ждали мать, младшая сестра и брат; они ничего не знали об ее истинных отношениях с Клайдом (его имя для них – пустой звук), и все полагали, что она от души рада вернуться домой и вновь увидеться с ними. А она думала обо всем, что с нею произошло, о странном и неопределенном поведении Клайда, – и на душе у нее становилось все тяжелее.

В сущности, несмотря на все свои видимые успехи за последнее время, она опозорила себя и восстановить свою честь могла бы, только выйдя замуж за Клайда; без этого родители никогда не поймут и не одобрят ее поведения. Вместо того, чтобы помочь родным, постепенно и скромно достигнув лучшего положения, она, пожалуй, еще повредит им, опорочит доброе имя семьи… Мысли эти давили и жгли Роберту, и она совсем приуныла.

Еще тягостнее и мучительней было думать, что иллюзии, связанные с Клайдом, не позволяют ей быть откровенной ни с кем, даже с матерью. Как бы мать не сочла, что она в своих мечтах занеслась слишком высоко. Кроме того, мать может задать такие вопросы о ее отношениях с Клайдом, на которые нелегко будет ответить. Нет, если она не найдет человека, которому можно всецело довериться, все ее тревоги и сомнения должны остаться тайной.

Поговорив несколько минут с Томом и Эмилией, она прошла в кухню, где мать была занята рождественскими приготовлениями. Роберта хотела подготовить почву, сказать несколько слов о ферме и о своей жизни в Ликурге, но, когда она вошла, мать, взглянув на нее, заговорила первая:

– Ну как, Бобби, довольна, что вернулась?.. Наверно, теперь в деревне тебе все кажется жалким по сравнению с Ликургом, – с грустью прибавила она.

Она окинула дочь восхищенным взглядом – и по этому взгляду, и по тону матери Роберта поняла, что мать считает ее положение в городе очень завидным. Роберта быстро подошла к ней и горячо ее обняла.

– Ах, мамочка! – воскликнула она. – Лучшее место в мире – там, где ты! Ты же знаешь!

Вместо ответа мать только посмотрела на нее добрыми, ласковыми глазами и погладила по плечу.

– Ну, Бобби, – сказала она мягко, – ты ведь знаешь, как я тебя люблю.

Что-то в голосе матери напомнило Роберте долгие годы, когда они нежно любили и прекрасно понимали друг друга – понимали не только потому, что горячо желали счастья друг другу, но и потому, что всегда до сих пор чистосердечно делились всеми своими чувствами и настроениями. Это воспоминание растрогало Роберту чуть не до слез. В горле застрял кои, и глаза увлажнились, как ни старалась она скрыть свое волнение. Как было бы хорошо все рассказать матери! Но, поддавшись своей любви к Клайду, опозорив себя, она сама воздвигла между собой и матерью преграду, которую

– теперь она видела это – было нелегко разрушить. Здесь, в провинции, нравы были слишком строги – даже ее мать не составляла исключения.

Она колебалась несколько мгновений: ей хотелось быстро и ясно описать матери всю тяжесть своего положения и встретить если не помощь, то сочувствие. Но она сказала только:

– Как бы мне хотелось, чтобы ты все время была со мной в Ликурге, мама! Может быть…

Роберта спохватилась, чувствуя, что заговорила без должной осторожности. Она едва не сказала, что если бы мать была с рею в Ликурге, она сумела бы, пожалуй, устоять против настойчивых требований Клайда.

– Да, я верю, что тебе меня недостает, – сказала мать. – Но все-таки тебе лучше жить в городе, ведь правда? Ты же знаешь, как нам тут живется. А там у тебя работа, которая тебе нравится. Разве я ошибаюсь?

– Да, работа неплохая. Мне нравится. Хорошо, что я могу немного помогать вам, но только не слишком приятно жить одной…

– А почему ты ушла от Ньютонов, Бобби? Разве Грейс так уж несносна? Я думала, что она составит тебе компанию.

– Сначала так и было, – ответила Роберта, – только у нее совсем нет знакомых молодых людей, и она ужасно ревновала меня к каждому, кто был хоть капельку внимателен ко мне. Я никуда не могла пойти одна: она хотела непременно всюду бывать вместе со мной. Ты же понимаешь, мама, две девушки не могут гулять с одним молодым человеком…

– Понимаю, Бобби, – засмеялась мать и прибавила: – А кто же он?

– Мистер Грифитс, мама, – сказала Роберта после минутного колебания. Словно при внезапной вспышке света она ясно увидела, как необычайно это знакомство, какой разительный контраст со здешним обыденным мирком… Каковы бы ни были страхи Роберты, самая возможность соединить свою жизнь с жизнью Клайда была восхитительна. – Но ты никому не называй это имя, – прибавила она, – он не хочет, чтобы об этом знали. Его родные очень богаты, понимаешь. Им принадлежит фабрика, то есть его дяде. Но на фабрике есть такое правило, что никто из служащих – никто из начальников – не должен заводить знакомства с работницами. Он ни с кем и не знакомится. Но он любит меня, а я – его. Это – другое дело. И потом, я хочу перейти на другое место, тогда эти правила не будут нас касаться. Тогда нам можно будет не скрывать, что мы знакомы.

Роберта тут же подумала, что теперь все это, пожалуй, не совсем верно. Клайд в последнее время так изменился к ней, а она отдалась ему так неосторожно, не получив от него обещания жениться… Может быть (это было пока смутное, неясное опасение), может быть, он не позволит ей говорить об их близости не только теперь, но никогда! И ведь если он разлюбит ее и не женится, она тоже не захочет, чтобы кто-нибудь знал об этом. В какое жалкое, трудное и позорное положение она себя поставила!

А миссис Олден, узнав так случайно о странном и, по-видимому, тайном характере этого знакомства, не только встревожилась, но и смутилась: она очень беспокоилась о счастье Роберты. Правда, говорила она себе, Роберта такая хорошая, чистая и осторожная» – лучшая из ее детей, наименее эгоистичная и самая разумная, – однако все возможно… Но нет, вряд ли кто-нибудь может легко обмануть и обесчестить ее. Она слишком скромная и порядочная девушка. И миссис Олден спросила:

– Так ты говоришь, он родственник владельца фабрики, мистера Сэмюэла Грифитса, о котором ты писала?

– Да, мама, племянник.

– Этот молодой человек служит на фабрике? – с удивлением спросила мать.

Она не понимала, как могла Роберта привлечь человека, занимающего такое видное положение, потому что с самого начала не сомневалась, что он член семьи Сэмюэла Грифитса, владельца фабрики. Это уже само по себе было тревожно. Обычный результат подобных отношений всегда и везде один, и потому, естественно, она очень боялась за Роберту. И все же ей казалось, что девушка с красотой и практичностью Роберты, пожалуй, сумеет без ущерба для себя поддержать это необычайное знакомство.

– Да, – просто ответила Роберта.

– А какой он, Бобби?

– Он ужасно милый! Такой красивый, и так мил со мной! Моя работа была бы совсем не так приятна, если б он не был такой благовоспитанный. Он умеет поставить всех этих девушек на место. Он племянник председателя компании, понимаешь, и поэтому работницы очень его уважают.

– Ну, это в самом деле очень хорошо. Лучше работать у благовоспитанных людей, чем невесть у каких хозяев. Я помню, ты была не очень довольна работой в Трипетс-Милс… И ты часто видишься с ним, Бобби?

– Да, в общем часто, – ответила Роберта, слегка краснея от сознания, что она не может быть вполне откровенна с матерью.

Миссис Олден заметила, что дочь покраснела, и, приписав это смущению, спросила поддразнивая:

– Видно, ты его очень любишь?

– Очень, мама, – просто и искренне ответила Роберта.

– А он? Он любит тебя?

Роберта отошла к окну. За окном, на склоне, который вел к колодцу и к наиболее плодородному полю фермы, тянулись полуразвалившиеся постройки – их вид больше чем что-либо другое вокруг говорил о жалком материальном положении семьи. В самом деле, за последние десять лет эти постройки стали символом нужды и неумелого хозяйничанья. В эту минуту, унылые, засыпанные снегом, они олицетворяли в глазах Роберты полную противоположность всему, о чем она мечтала. И Не удивительно, что все, к чему ее влекло, воплощалось в Клайде. Мрачность и уныние несовместимы со счастьем, как неудачи в любви – с успехом. Если только он любит ее и увезет отсюда, тогда, может быть. И мать избавится от этого беспросветного уныния. Если же он не любит, то плоды ее страстных, но, быть может, ошибочных мечтаний падут не только на ее голову, а и на головы родных, и прежде всего – матери. Роберта не знала, что сказать, и наконец ответила:

– Он говорит, что любит.

– Как ты думаешь, он намерен жениться на тебе? – спросила миссис Олден робко и выжидающе, потому что она любила Роберту больше других детей и возлагала на нее все свои надежды.

– Знаешь, что я тебе скажу, мама…

Фраза осталась неоконченной, потому что в эту минуту вбежала Эмилия с криком:

– Гиф приехал! В автомобиле! Наверно, его кто-нибудь подвез, и у него какие-то большие пакеты!

И вслед за тем в комнату вошел Том со старшим братом; Гиф был в новом пальто – первый результат его службы в «Дженерал электрик» в Скенэктеди. Он ласково поздоровался с матерью и с Робертой.

– Гифорд, ты? – воскликнула мать. – А мы не ждали тебя раньше девяти. Как это тебе удалось приехать так рано?

– Я и сам не думал, что так получится. Я зашел к мистеру Ририку в Скенэктеди, и он предложил мне поехать вместе с ним. Знаешь, – обратился он к Роберте, – старина Майерс достроил наконец второй этаж своего дома. Пожалуй, еще через годик будет готова и крыша.

– Наверно, – согласилась Роберта, вспоминая своего старого знакомого по Трипетс-Милс.

Она взяла у брата пальто и отнесла пакеты на обеденный стол.

– Руки прочь, Эм! – крикнул Гиф младшей сестренке, которая с любопытством стала разглядывать пакеты. – До завтрашнего утра нечего их трогать. А кто-нибудь уже срубил елку? В прошлом году это была моя обязанность.

– И в этом году тоже, Гифорд, – сказала мать. – Я велела Тому подождать тебя, уж ты всегда выберешь хорошую елочку.

В это время в кухню вошел отец с охапкой дров; сутулый, с изможденным лицом, острыми локтями и коленями, он был так непохож на бодрых, хорошо сложенных молодых Олденов. Роберту поразил этот контраст, когда отец, улыбаясь, остановился перед сыном. Как бы ей хотелось, чтобы все они стали наконец счастливы! Взволнованная, она подошла к отцу и обняла его.

– А Санта-Клаус принес кое-что моему папочке, и, наверно, это ему понравится, – сказала она.

Она привезла отцу непромокаемый плащ на темно-красной клетчатой подкладке; Роберта знала, что в таком плаще старику будет тепло работать на дворе, и с нетерпением ждала утра, чтобы отдать ему свой подарок.

Потом она надела фартук, чтобы помочь матери готовить праздничный ужин. Больше они ни минуты не оставались одни и не могли поговорить о том, что так занимало обеих: о Клайде. Лишь несколько часов спустя Роберта, наконец, улучив минуту, сумела шепнуть матери:

– Только ты никому ничего не Говори, мама. Я обещала ему молчать, и ты тоже молчи.

– Нет, я ничего не скажу, дорогая! Хотя, по-моему, это странно. Но, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ты уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе. Правда, Бобби?

– Ну конечно. И ты не должна беспокоиться обо мне, мамочка, – прибавила она, заметив, что по родному лицу прошла тень – не то чтобы недоверия, но тревоги. Надо быть осторожнее, не нужно тревожить мать: у нее и без того немало забот.

На следующее утро приехала сестра Агнесса с мужем, и начались бесконечные рассказы об их жизни в Гомере, о материальных и иных успехах. Сестра была не так хороша собой, как Роберта, и Фред Гейбл, ее муж, был отнюдь не таким человеком, которым Роберта могла бы когда-либо заинтересоваться. И, однако, после Всех тревожных мыслей о Клайде вид Агнессы – спокойной, любимой и довольной скромным благополучием, которым ее сумел окружить скучный, заурядный супруг, – вновь пробудил в Роберте тягостные мысли и сомнения, угнетавшие ее второй день. Не лучше ли, думала она, выйти замуж даже за такого неэнергичного и непривлекательного, но постоянного в своих чувствах человека, как Фред Гейбл, чем оказаться в таком ненормальном положении, в каком оказалась она теперь из-за своих отношений с Клайдом? Гейбл оживленно рассказывал о том, чего они с Агнессой достигли за год, прошедший со времени их свадьбы. Он отказался от должности учителя в Гомере и стал совладельцем небольшого книжного и писчебумажного магазина. Это хорошее дело, больше всего дохода они получают от продажи игрушек и содовой воды. Если все пойдет хорошо, Агнесса сможет будущим летом заново обставить гостиную. Фред уже купил ей на рождество граммофон. В доказательство своего благосостояния они привезли всем Олденам неплохие подарки.

Гейбл захватил с собой ликургскую газету «Стар» и за завтраком, необычно поздним из-за гостей, читал различные новости о Ликурге (в этом городе жила семья его компаньона).

– Я вижу, в вашем городе жизнь бьет ключом, – сказал он Роберте. – Вот «Стар» сообщает, что «Компания Грифитс» получила заказ на сто двадцать тысяч воротничков из одного только Буффало. Как видно, они здорово загребают деньги.

– В моем отделении всегда много работы, – отозвалась Роберта. – Уж не знаю, идут дела хорошо или плохо, а мы всегда заняты. Мне кажется, на фабрике дела всегда хороши.

– Везет же этим фабрикантам, – сказал Гейбл. – Им не о чем беспокоиться. Мне говорили, что они строят в Илионе новую фабрику для производства рубашек. Ты что-нибудь слышала об этом?

– Нет, не слыхала. Может быть, это другая фирма.

– Кстати, как зовут молодого человека, который заведует вашим отделением? Ты говорила, кажется, что он тоже Грифитс? – спросил он, переворачивая лист газеты и просматривая светскую хронику города Ликурга.

– Да, его зовут Грифитс, Клайд Грифитс. А что?

– Кажется, я только что видел его имя. Я просто хотел проверить, тот ли это. Вот смотри: это он?

Гейбл передал газету Роберте, указав пальцем заметку. И Роберта прочитала:

«У мисс Ванды Стил (Гловерсвил) в пятницу состоялся танцевальный вечер, на котором присутствовали некоторые видные представители ликургского общества, в том числе мисс: Сондра Финчли, Бертина Крэнстон, Джил и Гертруда Трамбал и Перли Хайнс и мистеры: Клайд Грифитс, Фрэнк Гарриэт, Трейси Трамбал, Грэнт Крэнстон и Скотт Николсон. Как всегда бывает на собраниях молодежи, танцы затянулись до поздней ночи, и гости из Ликурга выехали домой только на заре. По слухам, то же общество собирается весело встретить Новый год у Эллерсли (Скенэктеди)».

– Видно, он там важная особа, – заметил Гейбл, пока Роберта читала.

Прочитав эту заметку, Роберта прежде всего подумала, что описанная в ней вечеринка совсем не похожа на ту, где Клайд, по его словам, был со своими двоюродными сестрами. Здесь вовсе не упоминалось о Майре и Белле Грифитс. С другой стороны, здесь были названы все имена, которые она раньше очень часто слышала от Клайда: Сондра Финчли, Бертина Крэнстон, сестры Трамбал, Перли Хайнс; Клайд сказал ей, что вечер был неинтересный, а тут говорится, что было очень весело. Его называют в числе приглашенных на другую такую же вечеринку под Новый год, то есть в тот вечер, который она рассчитывала провести с ним, а он даже не сказал ей Об этом приглашении. И, наверно, в последнюю минуту придумает какое-нибудь оправдание, как было в пятницу. О, господи! Что же все это значит?

И мгновенно рождество в семейном кругу утратило для Роберты всю свою романтическую прелесть. Она спрашивала себя, действительно ли Клайд любит ее так, как говорит. Отчаянное положение, в котором она оказалась из-за своей безрассудной страсти к Клайду, невыразимо ее мучило. Если у нее не будет Клайда, не будет мужа, дома и детей и достойного места в окружающем скромном мирке, в котором она живет, – что тогда останется у нее в жизни? И, кроме его любви к ней, – если она не угасла! – в чем найти поруку, что он в конце концов не бросит ее, раз он может вот так обманывать ее и оставлять одну? Если так, что ждет ее впереди! Едва ли она сможет выйти замуж за кого-нибудь другого, и никакой уверенности в Клайде…

Она была не в силах говорить, и хотя Гейбл спросил у нее: «Ведь это тот самый Грифитс?» – она, не отвечая, встала из-за стола.

– Простите, я на минутку, – сказала она. – Мне нужно достать кое-что из чемодана, – и бросилась вверх по лестнице в бывшую свою комнату.

Здесь она села на кровать и оперлась подбородком на руки: ее привычная поза в минуты тревожного раздумья. Пристально, невидящими глазами она глядела в пол.

Где сейчас Клайд?

С какой именно из этих девушек он ездил к Стил? Очень ли она ему нравится? До этого дня Роберта была уверена в любви Клайда и вовсе не задумывалась над тем, что его внимание может привлечь какая-нибудь другая девушка.

Но теперь, теперь…

Она встала, подошла к окну и поглядела в сад, где еще подростком так часто трепетала пред красотою жизни. Теперь все было мрачно и голо. Тонкие обледенелые ветви деревьев, серые качающиеся прутья, кое-где одинокий дрожащий лист… и снег… И жалкие полуразрушенные постройки… И Клайд становится равнодушен к ней… Внезапно она подумала, что ей нельзя здесь оставаться. Надо уехать как можно скорее, даже сегодня, если удастся. Она должна вернуться в Ликург и быть вблизи Клайда хотя бы затем, чтобы напомнить ему о его прежней привязанности и самим своим присутствием удержать от сближения с другими девушками. Неразумно было уехать вот так, да еще в праздничные дни. В ее отсутствие он может совсем покинуть ее ради другой девушки, и если это случится, то не по ее ли собственной вине? Она уже начала обдумывать, под каким предлогом можно вернуться в Ликург сегодня же, но сообразила, что теперь, накануне праздника, всем, и прежде всего матери, ее отъезд покажется необъяснимым и бессмысленным. И она решила, как и предполагала раньше, дотерпеть до завтрашнего вечера. Но больше никогда она не будет расставаться с Клайдом на такой долгий срок.

И в то же время она упорно думала о том, как убедиться, любит ли ее Клайд, будет ли он поддерживать ее и намерен ли на ней жениться? И если он солгал ей, как добиться, чтобы он больше этого не делал? Как заставить его почувствовать, что лжи не должно быть места между ними? И прежде всего, – как утвердиться в его сердце и вытеснить мечты, порожденные очарованием другой?

Как?

Глава 30

Но рождественский вечер, когда Роберта вернулась в Ликург, не принес ей ни встречи с Клайдом, ни хотя бы записки с объяснением. Дело в том, что в семье Грифитсов произошло событие, которое очень заинтересовало бы и Клайда и Роберту, если бы они о нем узнали. Та самая газетная заметка о танцах у Ванды Стил, которую прочитала Роберта, попала также на глаза Гилберту. В воскресенье утром он сидел за завтраком и уже поднес к губам чашку кофе, как вдруг увидел эту заметку. Зубы его внезапно щелкнули, как крышка закрываемых карманных часов. Вместо того чтобы выпить кофе, он отставил чашку и внимательно прочитал газетное сообщение. За столом не было никого, кроме матери, и он, зная, что она, более чем кто-либо в семье, разделяет его мнение о Клайде, протянул ей газету.

– Посмотри, кто теперь делает успехи в обществе, – сказал он резко и язвительно, и во взгляде его отразились гнев и презрение. – Скоро он появится и у нас!

– Кто? – спросила миссис Грифитс, беря газету; она спокойно прочла заметку; имя Клайда удивило ее, хотя она и постаралась этого не показать.

Правда, до семьи Грифитс доходили слухи о том, что Сондра подвезла как-то Клайда в своем автомобиле, а затем – что он был приглашен на обед к Трамбалам, но заметка в светской хронике – это совсем другое дело.

– Не представляю, кто мог пригласить его туда? – задумчиво сказала миссис Грифитс: она хорошо понимала, как относится ко всему этому сын.

– Конечно, эта кривляка и болтушка Финчли, кто же еще, – фыркнул Гилберт. – Она вообразила почему-то, – наверно, под влиянием Беллы, – будто мы недостаточно внимательны к нему, и сочла, что это остроумный способ отплатить мне за все, в чем я перед ней провинился. То есть это она полагает, будто я провинился перед ней. Во всяком случае, она считает, что я ее не люблю. И в самом деле не люблю. Белла тоже это знает. И, наверно, тут не обошлось без этой выскочки Крэнстон. Она и Сондра неразлучны с Беллой. Они чересчур зазнаются и швыряют деньгами – и эти девицы, и их братья тоже – Грэнт Крэнстон и Стюарт Финчли, – словом, вся эта компания. Я готов держать пари, что не сегодня-завтра кто-нибудь из них плохо кончит. Попомни мое слово! Все они ничего не делают, круглый год только играют, танцуют, разъезжают туда и сюда, как будто на свете нет других занятий. Не могу понять, почему вы с отцом позволяете Белле проводить столько времени в этой компании!

Тут мать запротестовала. Она не может запретить Белле знакомство с одной половиной здешнего общества и заставить ее сблизиться с другой половиной. В светских кругах Ликурга все связаны между собой и постоянно встречаются. Белла уже становится взрослой и может поступать по-своему.

Но оправдания матери нисколько не уменьшили враждебности Гилберта, которого возмущало, что Клайд стремится проникнуть в общество и, судя по заметке, получает для этого кое-какие возможности. Несносно! Этот жалкий нищий двоюродный брат уже нанес ему непростительное оскорбление, во-первых, тем, что осмелился быть похожим на него, Гилберта, во-вторых, тем, что явился сюда, в Ликург, и вторгся в их благородное семейство. И ведь Гилберт с самого начала ясно показал этому Клайду, что не желает его знать и, будь его, Гилберта, воля, ни минуты не потерпел бы присутствия такого братца!

– У него нет ни гроша, – с раздражением заявил в конце концов Гилберт,

– а он изо всех сил старается пролезть в общество. И чего ради? Если даже эта публика свела с ним знакомство – что дальше? Все равно он не может бывать с ними и вести такой образ жизни, как они: у него нет для этого средств, и ему негде их взять, а кто станет платить за него? И даже если бы он мог достать деньги, работа на фабрике все равно не позволит ему вращаться в этой компании. Не знаю, как он может сочетать свою работу со всеми этими развлечениями. Ведь эти молодые люди непрерывно разъезжают.

В сущности Гилберта интересовало, будут ли теперь всюду принимать Клайда и, если так, что делать? Как Гилберту и всей семье избежать необходимости оказывать внимание Клайду, если тот войдет в общество? Ведь по всему видно, что отец не намерен отослать его прочь.

После этого разговора, когда пришел к завтраку муж, миссис Грифитс показала ему газету и изложила точку зрения Гилберта на происходящее. Но Сэмюэл Грифитс, по-прежнему сохранявший симпатию к Клайду, не склонен был разделять мнение сына. Наоборот, он, казалось, полагал, что газетная заметка лишь подтверждает ту оценку, которую он дал Клайду с самого начала.

– Должен сказать, – начал он, выслушав жену, – я не вижу ничего плохого в том, что Клайд появляется на вечерах то тут, то там и что его приглашают, хотя у него и нет денег. С этим можно только поздравить и его и нас. Я знаю, как относится к нему Гил. Но, на мой взгляд, Клайд несколько лучше, чем кажется Гилу. Во всяком случае, я не могу и не хочу ничего по этому поводу предпринимать. Я выписал его сюда, и самое меньшее, что я могу сделать, – это дать ему случай выдвинуться. Работает он, по-видимому, хорошо. Да и как бы это выглядело, если б я поступил иначе?

И когда жена передала ему еще несколько замечаний Гилберта, Сэмюэл прибавил:

– Безусловно, я предпочитаю, чтобы он поддерживал знакомство с лучшими, а не с худшими людьми. Он хорошо одет, вежлив и, судя по всему, что я слышал на фабрике, недурно справляется с работой. И, уж конечно, следовало послушать меня и пригласить его летом к нам на дачу, хотя бы на несколько дней. Если мы ничего не предпримем в самое ближайшее время, выйдет, как будто мы просто из снобизма не желаем с ним знаться, а ведь другие находят возможным принимать его у себя. Мой совет – пригласи его к нам на рождество или на Новый год. Надо показать, что мы относимся к нему не хуже, чем наши друзья.

– Пусть меня повесят! – воскликнул Гилберт, когда мать передала ему решение отца. – Ну ладно, но не думайте, что я стану с ним любезничать! Удивительное дело: если отец такого высокого мнения о нем, почему он не даст ему на фабрике места получше?

Возможно, что все эти разговоры Ни к чему бы не привели, если бы не Белла: она в этот день вернулась из Олбани, поговорила по телефону с Сондрой и Бертиной, потом встретилась с ними и узнала все новости, связанные с Клайдом. Ей сообщили также, что он должен сопровождать их под Новый год к Эллерсли в Скенэктеди, – Белла была приглашена туда задолго до того, как они подумали о Клайде.

Услыхав от Беллы эту неожиданную и многозначительную новость, супруги Грифитс вопреки настроениям Гилберта решили примириться с обстоятельствами и пригласить Клайда в первый день рождества на обед – большое торжество со множеством гостей. Таким образом, Грифитсы решили показать всем раз и навсегда, что они не так уж пренебрегают Клайдом, как некоторые, может быть, воображают. Это был теперь единственный разумный выход из положения. Гилберт, услышав об этом, понял, что на сей раз он проиграл.

– Ну и прекрасно, – кисло заявил он, – приглашайте его, если вам с отцом так хочется. Я лично и теперь не вижу никакой необходимости в этом. Но вы можете поступать, как вам угодно. Мы с Констанцией собираемся на весь день в Утику, так что я все равно не смогу быть на этот обеде, даже если бы и хотел.

Он был вне себя от мысли, что Сондра Финчли, которую он терпеть не мог, своими интригами все же сумела всучить им этого двоюродного брата, и он, Гилберт, не в состоянии этому помешать. И каким жалким нищим должен быть этот Клайд, чтобы навязываться таким образом, зная, что его не желают принимать. Ну и тип!

Итак, в понедельник утром Клайд получил второе письмо от Грифитсов, на этот раз подписанное Майрой, в котором его приглашали на рождественский обед в два часа дня. Этот обед, как казалось тогда Клайду, не мешал ему быть в восемь часов вечера у Роберты, и он всецело отдался своей безмерной радости: наконец-то он действительно займет известное положение в обществе

– право, не хуже других! Хоть у него и нет денег, его теперь все принимают, даже Грифитсы! И Сондра так интересуется им, – право же, она разговаривает и ведет себя так, словно готова в него влюбиться. Он признан ликургским обществом – значит, Гилберт потерпел поражение. А что вы скажете об этом письме? Оно свидетельствует по меньшей мере о том, что родственники о нем не забыли, или же что после его недавних успехов в обществе они сочли необходимым быть с ним любезнее, – мысль эта была для Клайда все равно, что победные лавры для борца. Он наслаждался ею, точно в его отношениях с родственниками не было никакого изъяна.

Глава 31

К несчастью, праздничный обед у Грифитсов, на который были приглашены Старки с дочерью Арабеллой, супруги Вайнант (их дочь Констанция уехала с Гилбертом в Утику), Арнольды, Энтони, Гарриэты, Тэйлоры и другие видные семейства Ликурга, произвел слишком сильное и даже ошеломляющее впечатление на Клайда, и ни в пять, ни в шесть часов он просто не в состоянии был хотя бы подумать о своем обещании навестить Роберту. Около шести большая часть гостей начала раскланиваться и прощаться – и тогда ему, уж во всяком случае, следовало бы поступить так же, вспомнив наконец о своем уговоре с Робертой, но тут к нему подошла Вайолет Тэйлор (представительница той же молодой компании) и сообщила, что все они собираются еще повеселиться сегодня вечером у Энтони.

– Вы поедете с нами? Ну конечно, поедете! – настойчиво сказала она, и Клайд сейчас же согласился, хотя и вспомнил о Роберте, которая, вероятно, уже возвратилась и ждет его. Но он еще успеет, подумал он, времени много.

А там, у Энтони, в болтовне и танцах, воспоминание о данном слове постепенно потускнело. Все же часов в девять он начал беспокоиться. Теперь она, должно быть, уже дома и удивляется, не понимая, что сталось с ним и его обещанием. И это в рождественский вечер, да еще после трехдневной разлуки!

Его все больше мучило беспокойство, но внешне он по-прежнему держался, как человек, находящийся в наилучшем расположении духа. К счастью, вся эта компания танцевала и веселилась всю неделю напролет и теперь дошла до полного изнеможения; поэтому все невольно покорились усталости и в половине двенадцатого единодушно решили разъехаться. Проводив Беллу до особняка Грифитсов, Клайд поспешил на Элм-стрит в надежде, что Роберта еще не спит.

Подходя к дому Гилпинов, он увидел сквозь осыпанные снегом ветви кустов и деревьев свет ее одинокой лампы. Тревожно обдумывая, что сказать ей, как оправдать это необъяснимое опоздание, он остановился под большим деревом. Что же ей все-таки сказать? – спрашивал он себя. Уверять, что он снова был у Грифитсов или где-то в другом месте? По его прежним рассказам Роберта считает, что он был там совсем недавно – в пятницу. Раньше, когда у него не было никаких знакомств и он

только мечтал о них, выдумки, которые он рассказывал на этот счет Роберте, не влекли за собой угрызений совести. Все это было только фантазией, не отнимало у него времени и не мешало желанным для обоих свиданиям. Но теперь это стало реальностью, притом он считал, что новые знакомства имеют огромное значение для его будущего, и потому колебался. Наконец он решил объяснить свое отсутствие в этот вечер вторым приглашением, полученным позже; кроме того, надо убедить Роберту, что от Грифитсов зависит все его материальное благополучие, и потому бывать у них, когда им угодно, – прямой его долг, а не просто удовольствие, ради которого он бросает ее одну. Может ли он поступать иначе? И утвердившись мысленно в этой полуправде, он прошел по снегу и тихонько стукнул в окно.

Свет сейчас же погас, штора на окне поднялась. Через минуту Роберта, которая провела все эти часы в мрачном раздумье, открыла дверь и впустила его; как всегда, она зажгла свечу, чтобы их не выдал слишком яркий свет лампы. И Клайд сразу же зашептал:

– Ну, знаешь, дорогая, от этих светских обязанностей у меня уже просто голова кругом пошла. Я еще никогда не видал такого города. Как только попадешь к кому-нибудь, – кончено, уже не знаешь, когда освободишься. Сначала обед, потом танцы, потом прогулка или еще что-нибудь – им все мало! Когда я был у Грифитсов в пятницу (он ссылался на свою прежнюю ложь), я думал, что это последнее приглашение до конца праздников. А вчера я как раз собирался в другое место – и вдруг получил от них записку, что сегодня они опять ждут меня к обеду. Понимаешь, обед был назначен в два, и я думал, что освобожусь рано и успею прийти сюда к восьми, как обещал. А на самом деле начали в три и вот только сейчас стали расходиться. Просто невозможно! Я все время порывался уйти, но никак не мог. Ну, а ты как, дорогая? Надеюсь, хорошо провела время? Понравился твоим родителям мой подарок?

Он сыпал вопросами, а она отвечала скупо и отрывисто и все время пристально смотрела на него, словно говоря: «Как ты можешь так обращаться со мной?» Но Клайд слишком усердно доказывал свое алиби, слишком старался заставить Роберту поверить ему; ни в первые минуты, ни позже, когда он снял пальто, кашне и перчатки и пригладил волосы, он ни разу не взглянул на нее ласково, да и вообще не смотрел ей в глаза и ничем не показал, что в самом деле рад снова увидеться с нею. Напротив, он был так суетлив и возбужден, что, несмотря на все его прежние признания и поступки, Роберта почувствовала: ему, в общем, приятно видеть ее, но он куда больше занят собой и своими сбивчивыми объяснениями. Потом он наконец обнял ее и поцеловал, и все же она чувствовала, как и в субботу, что душою он только наполовину с нею. Иные мысли – о том, что помешало ему и в пятницу и сегодня прийти к ней, – волновали сейчас обоих.

Роберта смотрела на Клайда, не вполне веря ему, – и все-таки ей хотелось хоть немного верить. Может быть, он и в самом деле был у Грифитсов и они его задержали. А может быть, и нет. Она невольно вспомнила, что в прошлую субботу он сказал, будто в пятницу обедал у Грифитсов, а между тем газетная заметка сообщала, что он был в Гловерсвиле. Но если спросить его об этом сейчас, он, пожалуй, только рассердится и опять солжет… В конце концов, думала она, у нее нет никаких прав на него, кроме тех, что дает его любовь к ней. Но она не могла себе представить, чтобы его чувства могли так быстро перемениться.

– Значит, поэтому ты не мог прийти сегодня вечером? – спросила она не без досады, – так она никогда не говорила с ним раньше, – и прибавила печально: – Ты ведь уверял, что тебе ничто не сможет помешать…

– Да, верно, – подтвердил Клайд. – Мне ничто и не помешало бы, если бы не это письмо. Пойми, я ни с кем другим не стал бы считаться, но не могу же я не пойти, если дядя зовет меня на праздничный обед. Это слишком важный визит. Очень неудобно было бы отказаться. И потом, ведь днем тебя здесь еще не было.

Он сказал это таким тоном, который яснее всех слов показал Роберте, как высоко ценит он близость с семьей дяди и как мало значит для него по сравнению с этим все, что так дорого ей в их отношениях. Она поняла, что, хотя он и был в начале их любви таким восторженным и пылким, в его глазах она стоит гораздо ниже, чем в своих собственных. Значит, все ее мечты и жертвы напрасны. Ей стало страшно.

– А все-таки, – продолжала она неуверенно, – разве ты не мог оставить мне записку, Клайд? Я бы застала весточку от тебя, как только вернулась…

Она сказала это как могла мягче, ей не хотелось его сердить.

– Но я же сказал, дорогая, я не ожидал, что так задержусь. Я думал, обед кончится к шести, не позже.

– Да… хорошо… я знаю… но все-таки…

Она смотрела на него растерянно и взволнованно; на лице ее смешались страх и печаль, уныние и недоверие, следы обиды и отчаяния, – все это отражалось в устремленных на Клайда больших строгих глазах и заставляло его мучительно сознавать, что он нехорошо, низко поступил с нею. Ее глаза, казалось, ясно говорили об этом – под этим взглядом Клайд вдруг вспыхнул, его

всегда бледные щеки густо покраснели. А Роберта, словно не заметив этого внезапного румянца или не придав ему значения, прибавила:

– Я читала в газете о вечере в Гловерсвиле, но там ничего не сказано о твоих двоюродных сестрах. Они были там?

И впервые в ее вопросе прозвучало сомнение, словно она ему не доверяла. Этого Клайд никак не ожидал от нее – и это его особенно смутило и рассердило.

– Конечно, были, – солгал он. – Почему ты опят спрашиваешь, ведь я уже сказал тебе, что они там были!

– Просто так, милый. Я только хотела знать. Но я заметила, что в газете были названы другие девушки из Ликурга, ты часто говорил о них раньше: Сондра Финчли Бертина Крэнстон. А ты сказал мне только о сестрах Трамбал.

Ее тон должен был возмутить и обозлить Клайда, она это сразу поняла.

– Да, я тоже читал заметку, но это неправда. А если они и были там, я их не видел. Газеты вечно все перевирают.

Он был раздражен и зол оттого, что так глупо попался, но все его возражения прозвучали неубедительно, и он сам это понял. Тогда он возмутился тем, что Роберта его допрашивает. С какой стати? Как будто он не имеет права бывать, где ему угодно, и должен спрашивать у нее разрешения.

Роберта уже не упрекала и не спорила, а только смотрела на него, и лицо у нее было грустное и оскорбленное. Она не вполне верила ему – и не совсем не верила. Быть может, в его словах есть доля правды. Важнее другое: ему следовало бы любить ее так, чтобы и незачем и невозможно было лгать ей или дурно с нею обращаться. Но что делать, если он не хочет быть добрым и правдивым? Она отошла от него и беспомощно покачала головой.

– Тебе вовсе не нужно что-то выдумывать, Клайд, – сказала она. – Неужели ты не понимаешь? Мне все равно, где ты был, только надо было предупредить меня заранее и не оставлять вот так, совсем одну, в рождественский вечер. Вот что мне обидно.

– Но я ничего не выдумываю, Берта, – сердито возразил он. – Я не могу изменить то, что было, – мало ли что пишут в газетах. Грифитсы там были, я могу это доказать. А сегодня я пришел к тебе, как только освободился. Чего ради ты сразу вышла из себя? Я сказал тебе правду: я не всегда могу делать то, что мне хочется. Меня пригласили в последнюю минуту, и я должен был пойти. А потом я не мог вырваться. Чего ж тут сердиться?

Он вызывающе посмотрел на нее, и Роберта, побежденная этими рассуждениями, не знала, как быть дальше. Она вспомнила то, что говорилось в газете о предполагаемой встрече Нового года, но чувствовала, что неблагоразумно заговорить об этом теперь. Ей было сейчас особенно горько думать, что Клайд – постоянный участник той веселой, счастливой жизни, которая доступна лишь для него, но не для нее. И все же она не решалась показать ему, какая жгучая ревность ею владеет. В этом высшем обществе все так весело проводят время – и Клайд, и его знакомые, – а у нее так мало всего. И потом эти девушки – Сондра Финчли и Бертина Крэнстон… он столько о них говорил, о них пишут в газетах… Может быть, он влюблен в одну из них?

– Тебе очень нравится мисс Финчли? – внезапно спросила она, вглядываясь в Полутьме в его лицо; ее охватило беспокойство, ей мучительно хотелось узнать что-то такое, что могло бы пролить хоть слабый свет на его поведение, которое теперь так ее тревожило.

Клайд мгновенно почувствовал значение вопроса: тут было и сдерживаемое желание знать, и беспомощность, и ревность, – это прорывалось в голосе Роберты еще явственней, чем во взгляде. Ее голос звучал так мягко, ласково и печально, особенно в минуты, когда она бывала огорчена и расстроена. Клайда поразила ее проницательность, особое чутье, с каким она сосредоточила свои подозрения на Сондре. Он чувствовал, что она не должна ничего знать, это выведет ее из себя. Но он слишком гордился своим положением в обществе – положением, которое, по-видимому, с каждым часом становилось все более прочным, и это заставило его сказать:

– Немного нравится, конечно. Она очень хорошенькая и превосходно танцует. И потом, она очень богата и великолепно одевается.

Он хотел прибавить, что в остальном Сондра не производит на него большого впечатления, но Роберта почувствовала, что он, пожалуй, по-настоящему увлечен этой девушкой, что целая бездна лежит между нею и всем его миром, – и вдруг воскликнула:

– Еще бы! С такими деньгами всякий сумеет хорошо одеться! Будь у меня столько денег, я бы тоже хорошо одевалась!

К его удивлению и даже ужасу, голос ее вдруг задрожал и оборвался рыданием. Он понял, что она глубоко обижена, жестоко, мучительно страдает и ревнует, и уже готов был снова вспылить, повысить голос, но вдруг смягчился. Мысль, что девушка, которую он до последних дней так горячо и преданно любил, должна из-за него терзаться ревностью, причинила ему настоящую боль, – он ведь хорошо знал, что такое муки ревности: он испытал их из-за Гортензии. Он представил себя на месте Роберты и потому сказал ласково:

– Ну, Берта, неужели мне слова ни о ком нельзя сказать, не рассердив тебя? Это же вовсе не значит, что я как-то по-особенному к ней отношусь. Ты хотела знать, нравится ли она мне, вот я и ответил, – только и всего.

– Да, я знаю, – ответила Роберта. Она стояла перед ним взволнованная, бледная, беспокойно сжимая руки, и смотрела на него с сомнением и мольбой.

– У них все есть, ты сам знаешь, а у меня ничего нет. Где же мне тягаться с ними, когда у них так много всего…

Ее голос снова оборвался, глаза наполнились слезами, и губы задрожали. Она поспешно закрыла лицо руками и отвернулась. Отчаянные, судорожные рыдания сотрясали ее плечи и все тело. Клайд, удивленный, смущенный и растроганный этим внезапным взрывом долго сдерживаемого чувства, сам был глубоко взволнован. Все это было не хитростью, не притворством, не попыткой повлиять на него, но внезапным, потрясающим прозрением; он догадывался, что Роберта вдруг с ужасом увидела себя одинокой, покинутой, без друзей, без надежд на будущее, тогда как у тех, других, кем он теперь так занят, все есть в избытке. А в прошлом у нее – годы горького одиночества, омрачавшего ее юность… их так живо напомнила ей недавняя поездка на родину. Роберта, потрясенная и беспомощная, была поистине в отчаянии.

– Если бы мне посчастливилось, как другим девушкам! – вырвалось у нее из глубины души. – Если бы я могла куда-нибудь поехать, увидеть что-нибудь!.. Как ужасно – вырасти вот так, в глуши… Ни денег, ни платьев – ничего у меня никогда не было! Ничего и никого!..

Не успела она договорить, как ей стало стыдно своей слабости и унизительных признаний: она была убеждена, что именно это в ней и неприятно Клайду.

– Роберта, милая! – быстро и нежно сказал Клайд, обнимая ее, искренне огорченный своей небрежностью. – Не надо так плакать, хорошая моя! Не надо! Я не хотел делать тебе больно, честное слово, не хотел! Я знаю, ты очень огорчалась, это были плохие дни для тебя. Я знаю, как тебе тяжело и сколько ты перенесла. Только не Плачь так! Я люблю тебя, как раньше, правда же, и всегда буду любить. Мне так жаль, что я тебя обидел! Честное слово, жаль! Я никак не мог уйти сегодня вечером и в ту пятницу тоже. Это было просто невозможно! Но больше я не буду так… я постараюсь вести себя лучше, честное слово! Ты моя милая, дорогая девочка. У тебя такие чудные волосы, и глаза, и такая прелестная фигурка. Правда, Берта! И танцуешь ты не хуже других. И ты очень красивая. Перестань, дорогая, ну пожалуйста! Мне так жаль, что я тебя обидел.

По временам, как почти каждый человек при подобных обстоятельствах, Клайд был способен на подлинную нежность, вызываемую воспоминаниями о пережитых им самим разочарованиях, печалях и лишениях. В такие минуты голос его звучал кротко и нежно. Он становился ласков, как может мать быть ласкова с ребенком. Это бесконечно привлекало Роберту. Но эти порывы нежности были так же непродолжительны, как и сильны. Они походили на летнюю грозу: вдруг налетали и столь же быстро проносились. Но этой минуты было довольно, чтобы Роберта почувствовала: он понимает и жалеет ее и, может быть, за это любит еще больше. Не так уж все плохо. Клайд принадлежит ей, и ей принадлежат его любовь и сочувствие. И эта мысль, и его ласковые слова утешили ее, она стала вытирать глаза и вслух пожалела, Что оказалась такой плаксой. Пусть он простит ее за то, что она своими слезами смочила манишку его безупречной белой сорочки. Она больше не будет такой, пусть только Клайд простит ее на этот раз. И Клайд, растроганный силой страсти, которой он и не подозревал в Роберте, целовал ее руки, щеки, губы.

Среди этих ласк и поцелуев он вновь уверял ее безумно и лживо (ведь теперь хотя и по-другому, но так же сильно, а быть может, и сильнее, его влекла Сондра), что она – и первая, и последняя, и самая большая его любовь. И Роберта подумала, что была к нему несправедлива. Ее положение, может быть, и не блестяще, но куда прочнее, чем было в прошлом, прочнее, чем положение тех, других: они могут встречаться с Клайдом в обществе, но им не известно, как сладостна его любовь.

Глава 32

И вот Клайд стал признанным членом ликургского светского общества, участником всех зимних развлечений. После того как Грифитсы представили его своим друзьям и знакомым, его, естественно, стали принимать почти во всех видных домах. Но в этом крайне замкнутом кругу, где буквально все, кто занимал какое-то положение, знали друг друга, состояние кошелька значило не меньше, а в некоторых отношениях даже больше, чем родство и связи. В видных семействах считалось неоспоримой истиной, что не только происхождение, но богатство – основа основ всякого счастливого и добропорядочного супружества. Поэтому, хотя и признавалось, что Клайд, безусловно, приемлем в обществе, родители, однако, не считали его подходящим

женихом для своих дочерей, так как, по слухам, средства его были весьма скудны. И, не забывая посылать ему приглашения, они в то же время не забывали предупредить своих детей и родственников, что слишком частые встречи с ним нежелательны.

Однако Сондра и ее компания отнеслись к нему очень дружелюбно, а предостережения и замечания родителей и друзей пока были не слишком строги, и потому Клайда часто приглашали на такие вечера и собрания молодежи, которые его больше всего интересовали: на те, которые начинались и заканчивались танцами. И хотя кошелек его был тощ, он делал успехи. Сондра, которая не на шутку увлеклась им, очень скоро поняла, что денег у него в обрез, и старалась сделать так, чтобы дружба с нею была для него возможно менее разорительна. Ее примеру последовали Бертина и Грэнт Крэнстоны и многие другие – поэтому в большинстве случаев Клайд мог принимать участие в различных вечерах и развлечениях, особенно если они происходили в самом Ликурге, и ничего при этом не тратить. А когда его приглашали за город, кто-нибудь из компании подвозил его в своем автомобиле.

После новогодней поездки в Скенэктеди, сыгравшей большую роль в отношениях Клайда и Сондры, – в тот раз яснее, чем когда-либо прежде, Сондра почувствовала, как сильно ее влечет к нему, – чаще всего именно она заезжала за ним в своем автомобиле. Он и в самом деле очень ей нравился. Его поклонение льстило ее тщеславию и в то же время задевало более тонкую струнку ее натуры: ей так хотелось иметь рядом кого-то вроде Клайда – юношу, который нравился бы ей, был из хорошего общества и притом всецело от нее зависел. Она знала, что родители не одобрят ее сближения с Клайдом, потому что он беден. Вначале она и не думала ни о какой близости с ним, но теперь ей смутно этого хотелось.

Однако первый удобный случай для новых откровенных разговоров представился только недели через две после встречи Нового года. Они возвращались из Амстердама с веселой вечеринки. Доставив домой Беллу Грифитс, а затем Грэнта и Бертину Крэнстон, Стюарт Финчли, правивший автомобилем, обернулся и крикнул:

– Теперь мы отвезем вас, Грифитс!

Но Сондра, которой еще не хотелось расставаться с Клайдом, сейчас же предложила:

– Давайте заедем сначала к нам, я напою вас горячим шоколадом, а потом вы пойдете домой. Хотите?

– Еще бы, конечно, хочу, – весело ответил Клайд.

– Ладно, поехали, – отозвался Стюарт. – Но только я сразу лягу спать. Уже четвертый час.

– Вот хороший брат, – сказала Сондра. – Ты у нас спящая красавица, это известно!

Поставив машину в гараж, все трое через черный ход прошли в кухню. Стюарт ушел, а Сондра, усадив Клайда за стол прислуги, занялась приготовлением шоколада. Клайда поразила сложная кухонная утварь: он никогда не видел ничего подобного и с удивлением разглядывал все эти признаки богатства и благоденствия.

– Какая огромная кухня, – сказал он. – Сколько тут всяких приспособлений для стряпни!

Она поняла, что все это непривычно для него и едва ли он бывал в такой обстановке до приезда в Ликург, а значит, его нетрудно удивить, – и ответила небрежно:

– Вы находите? Разве не все кухни одинаковы?

Клайд, слишком хорошо знакомый с бедностью, понял из слов Сондры, что она едва ли имеет представление о более скромной обстановке, чем эта, и проникся еще большим благоговением перед миром, в котором она жила, – миром изобилия. Какое богатство! Что за счастье жениться на такой девушке и каждый день пользоваться всей этой роскошью. Иметь повара и слуг, огромный дом, автомобиль, не работать на кого-то, а только отдавать приказания. Эта мысль совсем захватила его. Кокетливые обдуманные движения Сондры показались ему теперь еще более очаровательными. Видя, как много значат для Клайда вещи, Сондра захотела подчеркнуть, что все окружающее неотделимо от нее самой. Она поняла, что для Клайда она, как ни для кого на свете, яркая звезда, воплощение роскоши и социального превосходства.

Приготовив шоколад в простой алюминиевой кастрюльке, она, чтобы поразить Клайда, принесла из соседней комнаты серебряный сервиз великолепной работы, налила шоколад в серебряный чеканный бокал и поставила его перед Клайдом. Затем, легко подпрыгнув, уселась тут же на столе.

– Здесь очень уютно, правда? – сказала она. – Я ужасно люблю забираться на кухню, но это можно только когда нет повара. Он никого сюда не пускает.

– Да что вы? – воскликнул Клайд, не представлявший, как ведут себя повара в частных домах.

Это изумленное восклицание окончательно убедило Сондру, что он вырос в очень бедной семье. Однако это ее не оттолкнуло: Клайд уже слишком много для нее значил. И когда он воскликнул: «Как это чудесно, что мы сейчас вместе, – правда, Сондра? Подумать только, ведь я весь вечер не мог сказать вам ни слова наедине!» – такая фамильярность ничуть ее не рассердила.

– Вам приятно? Я очень рада.

И улыбнулась слегка надменно, но ласково.

Она сидела перед ним в вечернем платье из белого атласа, ее ножки в маленьких туфельках были так близко от него, тонкий аромат ее духов щекотал ему ноздри… Клайд был взволнован. Она воспламеняла его воображение. Пред ним было воплощение юности, красоты, богатства. Какая в этом сила! А она, чувствуя, как горячо он восхищается ею, понемногу заражалась его восторженным волнением, – и ей уже казалось, что она могла бы полюбить его, очень полюбить… У него такие блестящие, темные, такие выразительные глаза! А волосы! Они так красиво падают на его белый лоб – прямо тянет погладить их, дотронуться до его щеки. И руки у него такие тонкие, нервные, изящные! Она заметила их красоту, как замечали до нее Роберта, Гортензия и Рита.

Но теперь Клайд молчал. Это было трудное, напряженное молчание, ибо он боялся дать волю словам. Он думал: «Если б только я мог сказать ей, какая она красавица! Если бы я мог обнять ее и целовать, целовать, целовать, и чтобы она тоже целовала меня!» И странно, в отличие от того, что он с самого начала испытывал к Роберте, его мысли о Сондре не были чувственными, ему просто хотелось любовно и нежно заключить в объятия эту совершенную красоту. И его глаза красноречиво говорили о силе этого желания. Сондра заметила это и немного смутилась: такое настроение Клайда пугало ее, но при этом и любопытство одолевало – что же дальше? И она сказала на смешливо:

– Вы, кажется, хотите сказать мне что-то очень важное?

– Я хотел бы сказать вам очень многое, Сондра, если бы только вы позволили! – с жаром ответил он. – Но вы запретили мне…

– Да, запретила. Самым серьезным образом. И я рада, что вы так послушны.

И она с лукавой улыбкой посмотрела на него, словно говоря: «А вы в самом деле верите, что я это всерьез?»

Взволнованный этим многозначительным взглядом, Клайд вскочил, взял ее руки в свои и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

– Неужели вы совсем запретили мне говорить, Сондра? Нет, не может быть! Я так хотел бы сказать вам все, что думаю!

Его глаза говорили яснее слов. Сондра сознавала, что его слишком легко воспламенить, и все же ей хотелось дать ему волю. Она немного отстранилась.

– Ну, конечно, запретила. Вы уж слишком серьезно ко всему относитесь, – сказала она и тут же невольно улыбнулась.

– Но я не могу справиться с собой, Сондра, не могу! Не могу! – начал он горячо, почти неистово. – Вы не знаете, что вы со мной делаете. Вы так прекрасны! Да, прекрасны, вы это знаете. Я все время думаю о вас. Это правда, Сондра! Вы сводите меня с ума. Я ночей не сплю – все думаю о вас. Да, да, я просто как безумный! Я места себе не нахожу. После каждой встречи с вами я ни о чем больше думать не могу. Вот сегодня вы танцевали со всеми этими молодыми людьми… прямо не знаю, как я это выдержал! Я хотел бы, чтобы вы танцевали только со мной, больше ни с кем. У вас такие дивные глаза, Сондра, и такой прелестный рот, и подбородок, и вы так очаровательно улыбаетесь!

Он поднял руки, словно для того, чтобы приласкать ее, но сразу опустил их и мечтательно и восторженно смотрел ей в глаза, как может смотреть верующий в глаза святого… и вдруг обнял ее и привлек к себе. Охваченная трепетом, наполовину завороженная его речами, Сондра, вместо того чтобы решительно отстраниться, как она сделала бы в любом другом случае, только глядела на него. Она была зачарована его восторгом, захвачена и опьянена его страстью, ей казалось, что она могла бы полюбить его так сильно, как он этого жаждет, очень, очень полюбить… если бы только посмела. Он такой красивый, и ее влечет к нему. Он просто удивительный, хоть и беден, зато в нем столько энергии и страсти, как ни в одном из знакомых ей молодых людей. Если бы только ей не мешала мысль о родителях и о положении в обществе! Как хорошо было бы поддаться

этому чудесному волнению наравне с Клайдом! И в ту же минуту она подумала, что, если родители узнают все это, ей придется не только отказаться от удовольствия еще больше сблизиться с Клайдом, но и вовсе прекратить знакомство с ним. Эта мысль испугала и отрезвила Сондру, – но лишь на мгновение: ее все равно тянуло к нему. В ее глазах было столько тепла и нежности, на губах играла улыбка.

– Я не должна позволять вам говорить такие вещи. Конечно, не должна, – слабо протестовала она, нежно глядя на него. – Это нехорошо, я знаю, но все-таки…

– Почему нехорошо? Что в этом дурного, Сондра? Почему мне нельзя говорить, ведь я так люблю вас!

Его глаза затуманились печалью. Она это заметила.

– Ну вот! – воскликнула она. – Но я… я… – и запнулась; она чуть не сказала: «Не думайте, что нам позволят продолжать в том же духе», – но вместо того прибавила: – Я еще слишком мало знаю вас.

– О, Сондра, но ведь я так люблю вас, я с ума схожу! Неужели вы совсем, совсем равнодушны ко мне?

Она колебалась, не зная, что ответить, – и тогда в его глазах отразились мольба, страх, печаль. Это подействовало на Сондру. Она в нерешительности смотрела на Клайда, спрашивала себя, к чему может привести такая безрассудная любовь. А он, заметив неуверенность в ее взгляде, притянул ее к себе и поцеловал. Вместо того чтобы рассердиться, она несколько мгновений добровольно и радостно лежала в его объятиях, потом быстро выпрямилась: сознание, что она позволила ему целовать себя, и мысль о том, как он может это истолковать, разом заставили ее опомниться.

– Теперь вам, пожалуй, лучше уйти, – сказала она решительно, но без гнева.

И Клайд, сам удивленный и немного испуганный своей смелостью, спросил робко и покорно:

– Рассердились?

Сондра почувствовала его покорность, покорность раба пред владыкой (это было ей и приятно и в то же время неприятно, потому что она, подобно Роберте и Гортензии, предпочитала покоряться, а не властвовать) и покачала головой.

– Очень поздно, – сказала она и ласково и чуть грустно улыбнулась.

Клайд понял, что нельзя больше ничего говорить, и у него не было ни мужества, ни оснований для того, чтобы настаивать; он взял пальто, печально и послушно посмотрел на Сондру и вышел.

Глава 33

Роберта скоро убедилась, что ее предчувствия и опасения не были напрасными. Точно так же, как и прежде, Клайд в последнюю минуту отменял свои обещания или просто не являлся в назначенный день, не предупредив ее, а потом, по обыкновению, уверял, что не виноват и никак не мог иначе. Порой она жаловалась и упрекала его, а иногда только молчаливо и сдержанно тосковала, – но этим уже ничего нельзя было изменить и исправить. Клайд был теперь отчаянно влюблен в Сондру, и, что бы ни делала Роберта, ничто не могло повлиять на него, тронуть его. Сондра была слишком очаровательна!

И, однако, Роберта каждый день проводила долгие рабочие часы в одной комнате с Клайдом, а потому он не мог не чувствовать, какие мысли гнетут ее, – печальные, мрачные, безнадежные мысли. По временам он, казалось, слышал их с такой мучительной ясностью, точно это были жалобные и обвиняющие голоса. И тогда невольно – просто чтобы утешить ее – он говорил, что хотел бы провести с нею вечер и зайдет к ней, если она будет дома. А она была в таком смятении и все еще так любила его, что не могла противиться искушению видеть его у себя. Когда же Клайд приходил к ней, воспоминания прошлого и даже сама эта комната содействовали новой вспышке прежнего чувства.

Однако Клайд, безумно – наперекор всем реальным условиям – надеясь на какое-то светлое будущее, сильнее чем когда-либо, опасался, как бы нынешние отношения с Робертой ему не повредили. Что, если об этом как-нибудь узнает Сондра? Тогда все погибло! Или вдруг Роберте станет известно о его увлечении Сондрой, и она в порыве обиды и негодования разоблачит его… Ведь после Нового года он очень часто по утрам на фабрике говорил Роберте, что неожиданное приглашение от Грифитсов, Гарриэтов или других светских знакомых помешает ему прийти к ней вечером, хотя и обещал ей это днем или двумя раньше. И потом, уже три раза бывало так, что Сондра заезжала за ним в своем автомобиле, и он исчезал, ни словом не предупредив Роберту, надеясь, что до следующего утра сумеет придумать какое-нибудь оправдание и этим все загладит.

То была ненормальная, хотя и не столь беспримерная, как может показаться, смесь тяготения и неприязни; и в конце концов Клайд решил: будь что будет, он должен как-то разорвать эти узы, даже если это окажется для Роберты смертельным ударом (что ему до того? Он никогда не обещал на ней жениться!). Он должен порвать с нею, даже рискуя своим положением на фабрике, если Роберта не согласится безропотно его отпустить. Но временами он казался самому себе коварным, бесстыдным и жестоким соблазнителем: ведь он обманул девушку, которая сама никогда не подумала бы о сближении с ним. И так странны капризы сладострастия: именно благодаря этому настроению – вопреки лжи, увerткам, невниманию, нарушенным обещаниям и несостоявшимся встречам – вновь сбывалось наложенное на Адама и его потомке в адское – или небесное – заклятие: «И будет к жене твоей влечение твое».

Надо еще заметить, что гак как Роберта и Клайд были неопытны и несведущи, они пользовались только самыми простыми и неудовлетворительными противозачаточными средствами. И вот странное совпадение: в середине февраля Клайд, видя все большую благосклонность Сондры, почти уже решил раз и навсегда положить конец не только физической связи, но и вообще всяким отношениям с Робертой; в это же время и она тоже начала ясно понимать, что, хотя Клайд еще колеблется, а сама она по-прежнему его любит, все попытки удержать его тщетны, и, быть может, для ее гордости, если не для душевного спокойствия, ей лучше уехать, найти другую работу, которая давала бы возможность жить и немного помогать родным, – и постараться забыть Клайда. Но, к ее отчаянию и ужасу, вышло иначе. Однажды утром, когда она пришла на фабрику, ее лицо выражало сомнения и страхи еще более тяжкие и мучительные, чем те, что одолевали ее до сих пор. Вдобавок к горьким мыслям о том, что Клайд к ней охладел, ее вдруг потрясло страшное подозрение: даже уехать теперь не удастся! Оба они были слишком нерешительны и сентиментальны, и она не могла побороть своей любви к нему,

– и вот теперь, когда это было наименее желательно для них обоих, она забеременела.

С тех пор как она уступила обольщениям Клайда, она всегда считала дни и радовалась, убеждаясь, что все благополучно. Но теперь прошло уже сорок восемь часов после точно высчитанного срока – и ничего! А Клайд уже четыре дня не приходил к ней и на фабрике вел себя сдержаннее и равнодушнее, чем когда-либо.

А теперь – это!

У нее нет никого, кроме Клайда, ей не к кому больше обратиться. А он стал таким чужим и равнодушным.

Роберту охватил страх, она чувствовала, что, поможет ли ей Клайд или нет, нелегко будет выйти из такого трудного и опасного положения, и она представила себе дом, мать, родных и знакомых – что они подумают, если с нею случится такое! Что скажут люди? Это приводило ее в безмерный ужас. Клеймо преступной связи! Позор незаконного рождения для ребенка!

Как трудно приходится женщине, – всегда думала она, слушая рассказы о жизни и браке, об изменах и несчастьях, выпадавших на долю девушек, которые уступали мужчинам и бывали потом покинуты, – трудно, даже когда женщина замужем и находит поддержку в муже, в его любви – так любит, например, ее зять Гейбл Агнессу, и, конечно, так ее отец прежде любил мать, а Клайд – ее, в те времена, когда он пылко клялся ей в любви.

Но теперь… теперь!

Однако что бы ни думала она о его прежних или теперешних чувствах, медлить было нельзя. Как бы ни изменились их отношения, он должен ей помочь. Она не знает, что делать, куда обратиться. А Клайд, наверно, знает. Во всяком случае, он когда-то сказал, что поможет ей, если что-нибудь случится. Сначала она пробовала утешать себя, что, может быть, ее страхи преувеличены и все еще окончится благополучно, но когда и на третий день эти надежды не оправдались, ее охватил невыразимый ужас. Остатки мужества покинули ее. Если он теперь не придет ей на помощь, она будет совсем одинока, а ей необходима поддержка, совет – добрый, дружеский совет. О, Клайд, Клайд! Если бы только он не был так равнодушен! Он не должен быть таким! Что-то нужно сделать – немедленно, сейчас же, иначе… Боже, какой это будет ужас!

Между четырьмя и пятью часами она прервала работу и бросилась в гардеробную. Там она поспешно нацарапала истерическую записку:

«Клайд, я должна видеть тебя вечером непременно, *непременно*. Ты должен прийти. Мне надо сказать тебе кое-что. Пожалуйста, приходи сразу после работы или давай встретимся где-нибудь. Я ни на что не сержусь и не обижаюсь. Но мне необходимо видеть тебя сегодня, необходимо. Пожалуйста, ответь сейчас же, где мы встретимся».

И Клайд, читая эту записку, тотчас почувствовал в ней что-то новое, странное и пугающее; он сразу оглянулся через плечо на Роберту и, увидев ее бледное, осунувшееся лицо, дал знак, что встретится с нею. По ее лицу он понял, что она хочет сказать ему нечто чрезвычайно важное, – иначе откуда это волнение и тревога? Правда, он с беспокойством вспомнил, что его пригласили в этот вечер обедать у Старков. Но все-таки нужно сперва повидаться с Робертой. Однако что же случилось? Может быть, кто-нибудь умер или заболел? Какое-нибудь несчастье с ее матерью или с отцом, братом, сестрой?

В половине шестого он отправился в условленное место, стараясь догадаться, почему Роберта так бледна и встревожена. И в то же время он говорил себе, что его мечты, связанные с Сондрой, по-видимому, могут осуществиться, а потому он не должен запутываться, проявляя слишком большое сочувствие к Роберте: ему следует сохранить свою новую позицию, держаться на известном расстоянии, – пусть она поймет, что он относится к ней не так, как прежде. К шести часам он пришел на место свидания и застал там Роберту, которая печально стояла в тени, прислонясь к дереву. Она казалась подавленной, охваченной отчаянием.

– В чем дело, Берта? Тебя что-то напугало? Что случилось?

Она так явно нуждалась в помощи, что даже его гаснувшее чувство несколько ожило.

– Ах, Клайд, – сказала она наконец, – я просто не знаю, как сказать! Такой ужас, если это правда…

Уже в самом ее голосе, напряженном и тихом, ясно чувствовались неуверенность и тоска.

– Но что такое, Берта? Почему ты не говоришь? – повторял Клайд настойчиво и все же осторожно, стараясь сохранить независимый и уверенный вид (это ему не совсем удавалось). – Что произошло? Из-за чего ты так взволновалась? Ты вся дрожишь.

Еще никогда в жизни он не оказывался в подобном положении и потому даже теперь не догадывался, в чем несчастье Роберты. Притом он уже охладел к ней, ему было неловко за свое недавнее поведение, и он не знал, как держать себя теперь, когда с Робертой явно случилось что-то неладное. Он был все же слишком чувствителен к правилам морали и приличий – и не мог поступить с нею бесчестно, даже если этого требовали его самые честолюбивые стремления, не ощутив при этом некоторого, сожаления или хотя бы стыда. Вдобавок он боялся из-за всего этого опоздать на обед к Старкам и не умел скрыть, как ему не терпится уйти. Это не ускользнуло от Роберты.

– Помнишь, Клайд, – начала она серьезно и решительно: трудность положения делала ее смелее и настойчивее. – Ты говорил, что если со мной случится несчастье, ты мне поможешь.

Клайд вспомнил о недавних редких и, как видел теперь, безрассудных свиданиях с Робертой, когда какие-то остатки чувства и взаимного влечения снова приводили его к случайной и, конечно, неразумной физической близости с нею, – и сразу понял, в чем дело. Если это правда, перед ним встает очень нелегкая задача; он сам виноват, что все так запуталось, и теперь нужно действовать быстро и решительно, иначе возникнет еще худшая опасность. И тут же в нем властно заговорило лишь недавно родившееся, но неодолимое равнодушие к Роберте, он чуть не заподозрил, что все это просто хитрость, выдумка: она чувствует, что он ее разлюбил, и хочет всеми правдами и неправдами удержать его, воскресить его любовь… Однако он быстро отверг эту мысль: слишком подавленной и несчастной казалась Роберта. Ему смутно представилось, какую катастрофу означало бы для него подобное осложнение, и тревога заглушила его досаду.

– Но почему ты так думаешь? – воскликнул он. – Разве ты уже можешь знать наверняка? Может быть, завтра все будет в порядке.

Но в голосе его вовсе не было уверенности.

– Нет, не думаю, Клайд. Мне очень хотелось бы, чтобы все уладилось. Но прошло уже два дня, раньше так никогда не бывало.

Роберта сказала это с таким глубоким отчаянием, что Клайд тотчас отказался от мысли, будто она хитрит и притворяется. Но он все еще не решался взглянуть в лицо случившемуся и потому прибавил:

– Ну, это еще, пожалуй, ничего не значит. Опоздание может быть и больше, чем на два дня, – разве нет?

Его тон так явно изобличал неуверенность и совершенную неопытность, которой Роберта в нем до сих пор не знала, что она совсем встревожилась.

– Нет, нет, не думаю. Но какой ужас, если это правда! – воскликнула она. – Как по-твоему, что мне надо делать? Ты не знаешь, что бы такое я могла принять?

Клайд был так боек и самоуверен, когда добивался близости с Робертой, он производил на нее впечатление опытного, искушенного молодого человека, знающего о жизни гораздо больше, чем она могла надеяться когда-либо узнать, – человека, для которого все опасности и затруднения такого рода сходят безнаказанно… а теперь он совсем растерялся. В сущности –

теперь он и сам это понял – он был так же мало осведомлен обо всех тайнах пола и о возможных в подобном случае осложнениях, как почти всякий юноша его лет. Правда, прежде чем приехать сюда, он вращался в Канзас-Сити и Чикаго в обществе столь опытных наставников, как Ретерер, Хигби, Хегленд и другие рассыльные, и наслушался от них сплетен и хвастливых рассказов. Но теперь он догадывался, что, сколько они ни хвастали, все их познания были получены от девушек столь же беспечных и несведущих, как и они сами. Он весьма смутно представлял себе, как скудны были их познания: им было лишь известно кое-что о различных специфических лекарствах и предупредительных средствах, изобретенных врачами-шарлатанами и сомнительными аптекарями, с какими обычно имеют дело люди, стоящие на уровне развития Хегленда и Ретерера. Но если бы даже он знал столько, сколько они, – где раздобыть подобные средства в таком городке, как Ликург? С тех пор как он расстался с Диллардом, у него не было ни приятелей, ни тем более верных друзей, на чью помощь он мог бы рассчитывать в таком трудном деле.

Самое лучшее, что он мог сейчас придумать, это обратиться к какому-нибудь аптекарю, который за известную плату дал бы ему какое-нибудь полезное средство или указание. Но сколько это может стоить? И ведь говорить с аптекарем небезопасно. Не станет ли он расспрашивать? Будет ли молчать? Не расскажет ли кому-нибудь, что к нему обратились с такой просьбой? Клайд очень похож на Гилберта Грифитса, которого все в Ликурге хорошо знают, и кто-нибудь может принять его за Гилберта… пойдут всякие толки, и все это может плохо кончиться.

И такая беда настигла его как раз теперь, когда он уже многого добился в отношениях с Сондрой, – она уже позволяет ему потихоньку целовать ее и даже доказывает ему свою привязанность маленькими подарками: возвращаясь домой, он не раз находил доставленные в его отсутствие галстуки, золотой карандашик, коробку изящнейших носовых платков и при них маленькую карточку с ее инициалами. И в нем крепла уверенность, что будущее сулит ему все больше и больше. Может быть, если Сондра будет все так же влюблена в него, будет вести себя так же хитро и умно и если ее семья будет к нему не слишком враждебна, он даже сможет на ней жениться. Конечно, он в этом не уверен. Свои подлинные чувства и намерения Сондра до сих пор скрывала под дразнившей его уклончивостью, и это делало ее еще более желанной. И, однако, все подсказывало ему, что он должен как можно скорее, как можно осторожнее и безболезненнее положить конец своей близости с Робертой.

А потому теперь он с притворной уверенностью заявил:

– Сегодня я на твоем месте не беспокоился бы. Может быть, все обойдется благополучно. Еще ничего нельзя знать. Во всяком случае, мне нужно время. Посмотрим, что можно сделать. Я думаю, что смогу достать для тебя что-нибудь. Только, пожалуйста, не волнуйся так!

Но он был далеко не столь спокоен, как хотел показать. В глубине души он был потрясен. Его первоначальное решение держаться возможно дальше от Роберты теперь не так просто выполнить: он оказался лицом к лицу с серьезной опасностью, – разве что удастся какими-то доводами снять с себя всякую ответственность за случившееся. Ведь Роберта все еще работает под его начальством; он писал ей записки; малейшее ее слово повлечет за собой расследование, которое будет для него роковым. Поэтому ясно, что он должен помочь ей быстро и тайно, чтобы никто ничего не узнал и не услышал. Клайд, надо отдать ему справедливость, после всего, что было между ними, был вовсе не против того, чтобы помочь Роберте, насколько он только сможет. Но если не сможет (его мысли забегали вперед: возможен ведь и такой, неблагоприятный оборот дела), ну, тогда… тогда… в конце концов, разве нельзя будет отрицать всякие отношения с ней и сбежать отсюда? Многие так делают. Это может оказаться единственным выходом… Если б только он не был здесь, как в ловушке, – совершенно некому довериться.

Но, что хуже всего, он понятия не имел, как можно помочь Роберте, не обращаясь к врачу. И все это, наверно, связано с тратой денег и времени, с риском и мало ли с чем еще… Он увидит Роберту завтра утром, решил он, и тогда, если ничего не изменится, начнет действовать.

И Роберта, в первый раз покинутая так холодно и равнодушно, да еще в столь критическую минуту, вернулась домой, предоставленная своим мыслям и страхам, охваченная такой мучительной тоской, какой она еще никогда в жизни не испытывала.

Глава 34

Но возможности Клайда в таком сложном положении были невелики. Кроме Лигета, Уигэма и некоторых младших заведующих отделениями, правда очень любезных, но державшихся довольно отчужденно (все они считали его теперь видной персоной, с которой недопустима какая-либо фамильярность), ему не с кем было посоветоваться. А в том обществе, где он теперь бывал и где так стремился утвердиться, нелепо было бы спрашивать у кого-либо совета, как бы хитро он ни попытался это сделать. Конечно, молодые люди этого круга бывали где угодно, их внешность, вкусы и средства позволяли им распутничать вволю, предаваться таким развлечениям, о каких Клайд и ему подобные не смели и мечтать, но он, в сущности, был чужой этим людям и не мог даже думать о том, чтобы их расспрашивать.

Как только он расстался с Робертой, ему пришла в голову здравая мысль, что не следует обращаться к аптекарю, доктору и вообще к кому бы то ни было в Ликурге (особенно к доктору, потому что все представители этой профессии казались ему холодными и безучастными, – они, наверно, отнесутся недоброжелательно к такому безнравственному поступку и потребуют много денег); надо съездить в один из ближайших городов, лучше всего в Скенэктеди, – он и близко, и притом больше других, – и там разузнать, как можно выйти из создавшегося положения. Он должен найти какое-то средство.

Необходимо было действовать возможно скорее – и уже по пути к Старкам, не представляя еще, какое именно лекарство ему нужно искать, Клайд решил отправиться в Скенэктеди на следующий же вечер. Однако, сообразил он затем, в таком случае пройдет еще целый день, прежде чем будут приняты какие-нибудь меры, а и ему и Роберте казалось, что малейшее промедление очень опасно. Поэтому он решил, что постарается действовать немедленно: извинится перед Старками и поедет в Скенэктеди сегодня же вечером, пока не закрыты аптеки. Но что потом? Как заговорить с аптекарем? Чего попросить? Он беспокойно гадал, как посмотрит на него аптекарь, что подумает, что скажет? Если бы здесь были Ретерер или Хегленд! Они, конечно, с радостью помогли бы ему. И даже Хигби. А теперь он совсем один, ведь Роберта ничего не знает… Но должно же быть какое-то средство. Если в Скенэктеди он потерпит неудачу, он немедленно напишет Ретереру в Чикаго, но, чтобы не выдать себя, скажет, что это нужно его приятелю.

И ведь в Скенэктеди, где его никто не знает, он может сказать (эта мысль вдруг осенила его), что недавно женился, – почему бы и нет? Он уже достаточно взрослый и вполне может быть женатым человеком. Он скажет, что у его жены «прошел срок» (он вспомнил фразу, слышанную от Хигби), а так как им невозможно сейчас иметь ребенка, то он хотел бы получить какое-нибудь средство, которое помогло бы ей в ее состоянии. Право, это неплохая мысль! Юная супружеская чета легко может оказаться в таком затруднительном положении. Возможно, что аптекарь посочувствует им и охотно подскажет Клайду выход. Почему бы и нет? Тут нет никакого преступления. Разумеется, один или двое могут отказать, но третий, может быть, не откажет. И тогда он избавится от всех этих неприятностей. И до тех пор, пока не будет знать гораздо больше, чем сейчас, уже никогда не позволит себе снова попасть в такое положение. Никогда! Это слишком страшно!

Он отправился на обед к Старкам в сильном волнении и с каждой минутой нервничал все больше. Тотчас же после обеда, когда было только половина десятого, он заявил, что в самую последнюю минуту на фабрике у него потребовали очень сложного отчета о работе отделения за весь месяц, и так как на службе ему невозможно этим заниматься, то он должен теперь отправиться домой и поработать над отчетом. Такая энергия и рвение юноши, явно желающего сделать карьеру, очень понравилась Старкам. Клайда охотно извинили.

Но, приехав в Скенэктеди, он увидел, что у него остается совсем мало времени до последнего поезда в Ликург. Мужество стало покидать его. Похож ли он на женатого человека, поверят ли ему? И, кроме того, такие средства очень опасны и предосудительны, – так полагают даже сами аптекари…

Он прошел из конца в конец всю главную улицу, еще ярко освещенную в этот час, заглядывая в окна то одной, то другой аптеки, и каждый раз приходил к заключению, что именно эта аптека по какой-либо причине ему не подходит. В одной он увидел за прилавком толстого, хмурого, гладко выбритого человека лет пятидесяти, чьи очки и седеющие волосы испугали Клайда: конечно, такой человек откажет молодому клиенту – скажет, что не торгует такими средствами, не поверит, что Клайд женат, и еще заподозрит его в незаконной связи с какой-нибудь девушкой. У этого аптекаря такой степенный, богобоязненный, добропорядочный и благопристойный вид… Нет, не стоит к нему обращаться. У Клайда не хватало храбрости войти и очутиться лицом к лицу с такой особой.

В другой аптеке Клайд увидел маленького, сморщенного, но проворного и неглупого на вид человека лет тридцати пяти; этот показался ему подходящим; но тут Клайд заметил, что аптекарю помогает женщина лет двадцати – двадцати пяти. Что, если именно она спросит Клайда, чего он желает? Трудное, невозможное положение. Или вдруг она услышит, как он будет говорить с аптекарем? Таким образом, он отказался и от этой аптеки, потом и от третьей, четвертой, пятой по различным, но одинаково серьезным причинам: тут были покупатели, там юноша и девушка пили содовую воду, в одном месте сам аптекарь стоял недалеко от стеклянной двери, видел, как Клайд заглянул внутрь, – и этим спугнул его прежде, чем он успел решить, стоит ли сюда зайти.

Но в конце концов после стольких неудач он решил, что должен что-то предпринять, иначе придется уехать обратно в Ликург ни с чем, напрасно потратив время и деньги на дорогу. Он вернулся к небольшой аптеке на боковой улице, – несколько минут назад он заметил там сидевшего без дела аптекаря, – и, призвав на помощь все свое мужество, вошел.

– Я хотел бы знать кое-что, – начал он. – Не можете ли вы мне сказать… Видите ли, в чем дело… я недавно женат, и у моей жены прошел срок, а нам сейчас совершенно невозможно иметь ребенка. Нельзя ли как-нибудь ей помочь?..

Он говорил быстро и держался довольно уверенно, хотя и нервничал, внутренне убежденный, что аптекарь ему не поверит. Но он и не подозревал, что обращается со своей просьбой к закоренелому ханже, члену методистской церкви, человеку, который ни в коем случае не позволил бы себе препятствовать природе. Такого рода уловки не угодны богу – и аптекарь не держал у

себя средств, в какой-либо мере противоречащих законам творца. Но в то же время он был достаточно хорошим купцом и не желал навсегда оттолкнуть от себя возможного покупателя. Поэтому он сказал:

– Очень сожалею, молодой человек, но боюсь, что в данном случае я ничем не могу вам помочь. У меня нет никаких средств подобного рода, – я совсем не держу таких вещей, потому что не верю в них. Но, может быть, в какой-нибудь другой здешней аптеке вы и найдете что-нибудь, право, не знаю.

Он говорил серьезно и торжественно, с видом поборника нравственности, убежденного в своей правоте.

Клайд тотчас понял, что этот человек его осуждает. Это еще больше пошатнуло его и без того непрочную веру в успех. И все же аптекарь ведь не высказал напрямик своего неодобрения и даже сказал, что, может быть, у кого-нибудь другого найдется нужное средство… Поэтому немного погодя Клайд снова набрался храбрости, походил еще взад и вперед, заглядывая в окна, и наконец в седьмой по счету аптеке заметил одиноко стоявшего продавца. Он вошел и повторил свое первое объяснение; продавец (это был не сам владелец аптеки) – худощавый, смуглый и, видимо, очень хитрый субъект

– таинственно и в то же время небрежно сообщил, что такое средство есть. Да. Угодно получить коробку? Это стоит (Клайд спросил о цене) шесть долларов – потрясающая сумма для Клайда при его заработке. Однако, поскольку этот расход казался неизбежным, – хорошо уже, что удалось вообще что-то найти, – он тотчас заявил, что берет лекарство. Продавец принес коробочку и, заворачивая ее, намекнул, что это очень «эффективное» средство. Клайд заплатил и вышел.

Он почувствовал такое огромное облегчение, – его нервы были безмерно напряжены до этой минуты, – что теперь готов был плясать от радости. У него в руках лекарство, и оно, конечно, подействует, за это говорит непомерная, возмутительно высокая цена. И обстоятельства таковы, что он даже может считать эту сумму не слишком большой: ведь он так легко избавился от стольких затруднений! Забыв спросить, не могут ли ему дать еще какие-либо полезные сведения и наставления, он положил пакетик в карман, поздравил себя с удачей и, очень довольный собственным бесстрашием и энергией, проявленной в столь критическую минуту, сейчас же вернулся в Ликург и поспешил к Роберте.

Она, как и сам Клайд, очень обрадовалась, что ему удалось добыть какое-то средство: оба они боялись, что такого лекарства вовсе не существует или же его будет очень трудно достать. На нее вновь произвели большое впечатление его ловкость и энергия – качества, которыми она до сих пор всегда наделяла его. И он оказался гораздо великодушнее и внимательнее, чем она ожидала. По крайней мере, не бросил ее на произвол судьбы, а она сначала с ужасом думала, что это может случиться. И одного этого было довольно, чтобы, несмотря на его недавнее равнодушие, она снова смягчилась. Возбужденная, воспрянув духом в надежде на эти пилюли, она развернула коробку, прочла наставление и горячо поблагодарила Клайда, уверяя, что никогда не забудет, как он был добр к ней в этот трудный час. Но тут же, пока она развязывала пакетик, у нее мелькнула мысль: а вдруг лекарство не поможет? Что тогда?.. Как условиться с Клайдом на этот счет? Однако пока что, рассудила она, нужно удовлетвориться тем, что есть, – и она немедля приняла одну пилюлю.

Но как только Клайд выслушал ее восторженную благодарность и почувствовал, что Роберта, пожалуй, считает возможной дальнейшую близость с ним, он сразу снова принял тот же равнодушный вид, который сохранял в последнее время на фабрике. Ни в коем случае он не должен больше позволять себе никаких обольщений и нежностей в этом доме. И если, как он от души надеется, лекарство подействует, это должно быть их последним свиданием, разве что случится какая-нибудь совершенно нечаянная и ничего не значащая встреча. Все эти неприятности доказали, что отношения с Робертой для него чересчур опасны… Он слишком многим рискует, в сущности всем, а взамен – одни только заботы, тревоги и расходы.

И поэтому он опять стал сдержанным и холодным.

– Ну, теперь все уладится, правда? Во всяком случае, будем надеяться. Тут сказано, что нужно принимать по одной пилюле через каждые два часа в течение восьми или десяти часов, и если ты почувствуешь себя не совсем хорошо, это ничего, не нужно обращать внимания. Может быть, надо будет день или два не ходить на фабрику, но не беда, – зато разделаешься со всей этой историей. Я зайду завтра вечером узнать, как ты себя чувствуешь, если ты не придешь на работу.

Он весело улыбнулся, а Роберта удивленно смотрела на него, не понимая, откуда эта черствость. Ведь еще недавно он был такой пылкий, такой нежный и заботливый. Как он ее любил! А теперь! И все же, искренне благодарная ему в эту минуту, она от души улыбнулась в ответ. Но когда он вышел, не обменявшись с нею ни одним ласковым словом, и дверь за ним закрылась, Роберта опустилась на постель и с сомнением покачала головой. Вдруг это средство все-таки не подействует? А Клайд останется все таким же холодным и чужим… Что тогда? Он так равнодушен, что, если лекарство не подействует, он, пожалуй, больше не захочет ей помогать. Но может ли он так поступить? Ведь это он виноват в ее несчастье. Ведь она не хотела этого, а он так настойчиво уверял, что с нею ничего не случится. А теперь она должна лежать здесь одинокая и измученная, и нет ни одного человека, кроме того, к кому она могла бы обратиться за помощью, а он уходит от нее к другим, заявив, что все уладится. А ведь это он виноват во всем! Разве это справедливо?

О, Клайд, Клайд!

Глава 35

Но купленное им лекарство не подействовало. Роберту тошнило, и, следуя совету Клайда, она не пошла на фабрику, а лежала дома, терзаясь тревогой. Не дождавшись спасительного результата и желая, чего бы это ей ни стоило, ускользнуть от настигшей ее страшной беды, она стала принимать пилюли каждый час, и не по одной, а по две, и почувствовала себя совсем больной. Когда Клайд в половине седьмого пришел к ней, он был по-настоящему тронут: какое у нее мертвенно-бледное лицо, какие впалые щеки и огромные, лихорадочно блестящие глаза, с неестественно расширенными зрачками! Она явно страдала, и все из-за него, – это его испугало, и ему стало ее жаль. В то же время он был крайне смущен и растерян: раз ее состояние не изменилось, перед ним вставали новые трудности, и он стал торопливо обдумывать возможные последствия этой неудачи. Очевидно, необходимо обратиться за советом и помощью к доктору. Но к какому доктору, где и как его найти? И, кроме того, спрашивал он себя, где достать на это денег?

Не придумав ничего другого, он решил опять отправиться к тому же аптекарю и попросить, чтобы он дал какое-нибудь новое средство или хоть посоветовал бы, что можно сделать. Или пусть укажет какого-нибудь недорогого, тайно практикующего врача, который помог бы Роберте за небольшое вознаграждение или согласился бы получить гонорар в рассрочку.

Но хотя все это было так серьезно, почти трагично, настроение Клайда поднялось, как только он вышел на улицу: он вспомнил, что в этот вечер в девять часов ему предстоит встретиться у Крэнстонов с Сондрой и со всей остальной компанией.

Однако там, на веселой вечеринке, несмотря на все очарование Сондры, он не мог не думать о положении Роберты, которая стояла перед ним, словно призрак. Что, если бы у кого-нибудь из собравшихся здесь – у Надины Гарриэт, Перли Хайнс, Вайолет Тэйлор, Джил Трамбал, у Беллы, Бертины или Сондры – явилось малейшее подозрение о том, где он сейчас был и что видел? И хотя Сондра, сидевшая за роялем, приветливо улыбнулась ему через плечо, когда он вошел, его не покидала мысль о Роберте. Когда вечеринка окончится, он опять зайдет к ней; может быть, ей лучше, тогда и у него станет легче на душе. Если с нею все по-прежнему, надо скорей написать Ретереру и просить у него совета.

Несмотря на все свое беспокойство, он старался казаться, как всегда, веселым и беззаботным. Он танцевал сперва с Перли Хайнс, потом с Надиной; затем, в ожидании случая потанцевать с Сондрой, подошел к группе, старавшейся помочь Ванде Стил сложить новую картинку-головоломку, и объявил, что он умеет читать письма в запечатанных конвертах (старый фокус, объяснение которого он нашел в старинном сборнике игр, валявшемся на полке в гостиной Пейтонов). Он еще раньше собирался при помощи этого фокуса удивить всю компанию своей ловкостью и теперь воспользовался им, чтобы отвлечься от угнетавшей его куда более сложной задачи. С помощью Надины, которую он посвятил в секрет своего трюка, ему вполне удалось мистифицировать всю компанию, но мысли его были далеко. Перед ним неотступно стояла Роберта. Что, если положение в самом деле серьезное и он не сумеет помочь ей от этого избавиться? Пожалуй, она потребует, чтобы он на ней женился: ведь она так боится и родителей, и всех окружающих. Что ему тогда делать? Он потеряет прекрасную Сондру, и она еще, пожалуй, узнает, что заставило его с нею расстаться! Но нет, со стороны Роберты было бы безумием ожидать, что он на ней женится. Он на это не пойдет. Он не может. Одно несомненно: он должен сейчас помочь Роберте. Должен! Но как? Как?

В двенадцать часов Сондра сделала ему знак, что собирается уходить и что он может, если хочет, проводить ее до дому и даже зайти к ней на несколько минут. В воротах, в тени широкой арки, она позволила ему поцеловать себя и сказала, что он начинает все больше нравиться ей и что весною, когда Финчли переедут на Двенадцатое озеро, она постарается устроить так, чтобы он мог приезжать туда по воскресеньям. Но Клайд был слишком удручен необходимостью немедленно что-то сделать для Роберты и не мог даже как следует обрадоваться этому новому, столь необычайному и волнующему свидетельству привязанности Сондры – этой новой, удивительной светской и личной победе.

Надо сегодня же послать письмо Ретереру. Но сначала он должен, как обещал, зайти к Роберте и узнать, не лучше ли ей. А завтра утром непременно надо съездить в Скенэктеди и поговорить с тем аптекарем. Необходимо что-то предпринять, если только Роберте не стало лучше сегодня вечером.

И вот, еще чувствуя на губах поцелуи Сондры, он отправился к Роберте; бледное лицо и страдальческий взгляд Роберты ясно сказали ему, едва он переступил порог, что в ее положении не произошло никакой перемены. Она чувствовала себя даже хуже, чем прежде: от слишком больших доз лекарства она совсем расхворалась. Но это было ничего, – сказала она, – если бы только лекарство подействовало… Лучше смерть, чем то, что ее ожидает! Клайд понимал, что она хочет сказать, и, всерьез опасаясь за себя, заодно, по-видимому, огорчался и за нее. Однако равнодушие, которое она замечала в нем в последнее время, и то, как он сегодня ушел и оставил ее одну, было для Роберты знаком, что на сколько-нибудь прочное сочувствие с его стороны рассчитывать не приходится. И это было ей очень горько: она понимала, что он больше не любит ее, хоть и уговаривает не беспокоиться и обещает, если лекарство не подействует, достать другое, более верное, и для этого завтра же утром еще раз съездит к аптекарю в Скенэктеди.

Но у Гилпинов не было телефона, а Клайд никогда не рисковал заходить днем в комнату Роберты и не позволял ей звонить к миссис Пейтон; поэтому было решено, что он пройдет мимо ее дома завтра утром, по дороге на работу. Если все уладится, штора на ее окне будет поднята до самого верха, если же нет, то только до половины. В этом случае он немедленно отправится в Скенэктеди, предупредив по телефону мистера Лигета, что его задержали неотложные дела.

Оба они были безмерно угнетены и напуганы нависшей над ними бедой. Клайд далеко не был уверен, что, если положение Роберты не изменится, ему удастся ускользнуть, не позаботившись о ней; она может потребовать не просто временной помощи, а чего-нибудь большего, – может быть, женитьбы. Ведь она уже напоминала, что он обещал не оставлять ее. Но что, собственно, он имел тогда в виду, обещая это, спрашивал он себя теперь. Конечно, не брак: он никогда не думал жениться теперь на Роберте, а хотел только веселой любовной игры, хотя, как он прекрасно знал, Роберта совсем по-другому понимала его пылкое чувство. Он должен был признаться себе, что она считала его намерения серьезными, иначе бы ни в коем случае ему не уступила.

Вернувшись домой, Клайд написал и отправил письмо Ретереру; он провел тревожную ночь, а на следующее утро отправился к аптекарю в Скенэктеди, так как, когда он проходил мимо дома Роберты, штора на окне была поднята) лишь до половины. Но аптекарь не мог предложить никаких новых средств, только посоветовал сделать горячую ванну, – об этом он забыл упомянуть в первый раз. Полезна также утомительная гимнастика. Заметив беспокойство на лице Клайда и поняв, что он чрезвычайно встревожен создавшимся положением, аптекарь прибавил:

– А знаете, ведь если у вашей жены произошла задержка на один месяц, это еще ничего не значит. У женщин это иногда бывает. Во всяком случае, вы не можете быть уверены раньше, чем кончится второй месяц. Каждый доктор вам это скажет. Если она нервничает, пусть продолжает принимать пилюли. Но даже если они не подействуют, пока ничего нельзя утверждать: все-таки через месяц все может окончиться благополучно.

Слегка ободренный этими утешениями, Клайд уже готов был уйти. Возможно, что Роберта ошиблась, и оба они тревожатся понапрасну. Но тут же он подумал, что, может быть, она и права, им грозит несчастье, и ждать еще целый месяц, ничего не предпринимая, значит только терять время. Он похолодел от этой мысли и сказал аптекарю:

– А на случай, если все это не сойдет благополучно, вы не знаете такого доктора, к которому она могла бы пойти? Для нас это очень серьезно, и я хотел бы помочь ей, если можно.

Что-то в поведении и тоне Клайда – его чрезвычайная нервозность, его желание пойти на незаконную операцию (по какой-то своей особой логике фармацевт полагал, что это совсем другое дело, нежели просто проглотить пилюлю, которая должна вызвать тот же самый результат) – показалось аптекарю подозрительным. У него мелькнула мысль, что Клайд, вероятно, вовсе не женат; наверно, тут обычная история: распущенный юнец вовлек в беду какую-нибудь неопытную девушку. Поэтому настроение аптекаря изменилось, доброжелательность и готовность помочь исчезли, и он холодно сказал:

– Видите ли, здесь, может быть, и найдется подходящий доктор, но я такого не знаю. И не могу посылать кого-либо к таким докторам. Это дело противозаконное. Плохо придется врачу, которого уличат в таких вещах. Но это, конечно, ваше дело, можете поискать кого-нибудь, если хотите, – угрюмо прибавил он, испытующе и подозрительно глядя на Клайда и решая про себя, что лучше держаться подальше от такого субъекта.

Итак, Клайд вернулся к Роберте с тем же самым лекарством, хотя она решительно запротестовала, говоря, что если не помогла первая коробка, то бесполезно было брать вторую. Но так как он настаивал, она согласилась попробовать новый способ приема. Однако его доводы, что, может быть, во всем виноваты простуды или нервы, убедили ее только в одном: Клайд не в силах ничего сделать для нее или же просто не понимает, как это важно для них обоих. А если и новый способ лечения не поможет, что тогда? Неужели Клайд больше ничего не намерен предпринять?

Однако у Клайда был своеобразный характер: хоть его и преследовал страх за будущее, но так неприятны были все эти волнения, они оказались такой помехой другим его интересам, что он с радостью поверил, будто через месяц все может кончиться благополучно, и готов был преспокойно ждать. Роберта могла ошибиться. Может быть, она подняла тревогу понапрасну. Надо посмотреть, не подействует ли на этот раз лекарство.

Но лечение не помогло. И хотя Роберта с отчаяния вернулась на фабрику, надеясь работой изнурить себя и, может быть, этим добиться желанного результата (все девушки в отделении уверяли ее, что у нее совершенно больной вид и что ей не следует работать, раз она чувствует себя так плохо), все было напрасно. А Клайд, полагаясь на слова аптекаря, продолжал успокаивать себя тем, что задержка на месяц не имеет значения, – и это еще больше угнетало и пугало ее…

Дело в том, что в этих критических обстоятельствах Клайд представлял собою интереснейший пример того, как невежество, молодость, бедность и страх непомерно осложняют жизнь. Он не знал даже точного значения слова «акушерка», ни характера тех услуг, которые она может оказать женщине. Между тем в иммигрантском квартале Ликурга было в то время три акушерки.

Притом он жил в Ликурге слишком недавно и никого здесь не знал, кроме светской молодежи, Дилларда, знакомство с которым он прекратил, и кое-кого из начальников цехов на фабрике; что до случайных знакомых, вроде парикмахера, галантерейщика, продавца сигар и прочих, все они, казалось ему, слишком тупы или слишком невежественны, чтобы помочь.

Но главное, из-за чего он в нерешительности медлил, не принимаясь за поиски доктора, это вопрос: как и кто к нему пойдет? О том, чтобы пойти самому, Клайд и помыслить не мог. Во-первых, он слишком похож на Гилберта Грифитса, которого все здесь великолепно знают и за которого могут его принять. Во-вторых, безусловно, он слишком хорошо одет, и на этом основании доктор, пожалуй, потребует с него больше, чем он может заплатить, да еще станет задавать всякие затруднительные вопросы… А вот если бы все это устроил кто-нибудь другой… объяснил бы все подробно еще до прихода Роберты… Но почему бы Роберте не пойти самой? Почему? Она с виду такая простая, невинная, такая скромная и трогательная. И особенно теперь, когда она так удручена и подавлена, право же… В конце концов, хитроумно рассуждал он сам с собой, ведь именно перед нею, а не перед ним непосредственно стоит эта требующая неотложного разрешения задача.

И, кроме того, подумал он еще, если она пойдет одна, наверно, она сумеет устроить это дешевле. У нее теперь такой несчастный вид… Если бы еще уговорить ее сказать, что она брошена каким-нибудь молодым человеком, имя которого она, конечно, откажется назвать… неужели доктор, увидя несчастную, покинутую, совсем одинокую девушку, откажет ей? Может быть, он даже поможет ей даром, как знать? И тогда со всей этой ужасной историей будет покончено навсегда.

Итак, Клайд отправился к Роберте, собираясь подготовить ее к тому, что, если ему удастся найти врача, она должна будет сама с ним поговорить: для него, при его родственных связях, это невозможно. Но еще прежде, чем он заговорил, она стала спрашивать, успел ли он что-нибудь сделать или узнать. Не продается ли где-нибудь какое-нибудь другое лекарство? И Клайд воспользовался удобным случаем, чтобы заговорить о докторе.

– Да, я спрашивал чуть ли не во всех аптеках, и мне всюду говорили, что если это лекарство не подействовало, так и другие не помогут. Так что я теперь ничего не могу поделать, остается только одно: чтобы ты пошла к доктору. Но, понимаешь, беда в том, что очень трудно найти такого доктора, который все сделает и будет держать Язык за зубами. Я уже расспросил нескольких приятелей, – конечно, не объясняя, для кого это нужно. Но тут нелегко найти кого-нибудь: все очень боятся делать такие операции. Понимаешь, ведь это незаконно. Но я вот что хочу знать. Предположим, я найду доктора, который на это согласится, – решишься ли ты пойти к нему и рассказать, в чем дело? Мне надо это знать.

Роберта изумленно посмотрела на него, не вполне понимая, что он предлагает ей пойти совсем одной, и думая, что он, конечно же, собирается ее сопровождать. Затем, представив себе, что придется говорить с врачом в присутствии Клайда, испуганно воскликнула:

– Господи, страшно подумать, что нам надо идти с этим к доктору! Значит, он будет все знать о нас?! И потом, ведь это опасно, правда? Хотя, наверно, не намного хуже этих ужасных пилюль.

Ей хотелось знать подробнее, что и как надо делать, но Клайд не мог просветить ее на этот счет.

– Не нужно так нервничать, – сказал он. – Это никак не может повредить тебе, я знаю. И нам очень повезет, если мы найдем доктора, который это сделает. Но вот что я хочу знать: если я найду доктора, согласишься ты пойти к нему одна?

Роберта вздрогнула, словно ее ударили, но Клайд, не смущаясь, продолжал:

– Видишь ли, я не могу пойти с тобой, это ясно. Меня здесь многие знают, и, кроме того, я слишком похож на Гилберта, а уж его-то знают все. Если меня примут за него или узнают, что я его двоюродный брат или родственник, мне – крышка.

Его глаза говорили не только о том, как он будет несчастен, если его изобличат перед всем Ликургом, в них таилась еще одна тень: уж очень подлую роль он играл по отношению к Роберте, пытаясь вот так спрятаться за ее спину, воспользоваться ее безвыходным положением. И, однако, его слишком мучил страх перед тем, что с ним будет, если этот план не удастся, и теперь он приготовился стоять на своем, что бы Роберта ни думала и что бы ни говорила. Но Роберта поняла только одно – что он собирается послать ее одну, и не могла этому поверить.

– Нет, Клайд, только не одна! – воскликнула она. – Я не могу! Нет, нет! Я боюсь до смерти! Я, наверно, совсем растеряюсь от страха. Подумай, каково мне будет объяснять ему все! Я просто не сумею. Я Даже не знаю, что ему сказать! Как начать? Нет, ты должен пойти со мной и все ему объяснить, или я ни за что не пойду… Мне все равно: будь что будет!

Ее глаза расширились и горели, лицо, на котором только что отражались уныние и страх, исказилось упрямым протестом.

Но и Клайд был непоколебим.

– Ты же знаешь, Берта, в каком я тут положении! Я не могу пойти, вот и все. Только представь себе, что меня увидят… кто-нибудь меня узнает… Что тогда? Просто безумие требовать, чтобы я пошел с тобой. И потом, тебе это гораздо легче, чем мне. Ни один доктор не станет много раздумывать о том, кто ты такая, особенно если ты придешь одна. Он поймет, что ты попала в беду и что некому помочь тебе, вот и все. Но если приду я и он узнает, что я из Грифитсов, начнется невесть что. Он сразу вообразит, будто у меня куча денег. А если я не заплачу, сколько он потребует, он может отправиться к моему дяде или двоюродному брату – и тогда прощай все! Тогда мне конец. Я потеряю место, останусь без денег, буду замешан в такой скандальной истории, – а тогда, как ты думаешь, куда мне деваться, да и тебе тоже? Конечно, я не смогу тебе помогать. Что ты тогда станешь делать? Надеюсь, ты опомнишься и поймешь, что положение очень тяжелое. Если мое имя будет впутано в эту историю, нам обоим будет худо. Обо мне никто ничего не должен знать, а для этого я не должен ходить ни к каким докторам. Кроме того, тебе он больше посочувствует, чем мне. Ты не можешь с этим спорить!

Его глаза были полны отчаяния и решимости; в его лице, в каждом его жесте Роберта видела бессердечие или по меньшей мере вызов – плоды страха. Он решил во что бы то ни стало сберечь свою репутацию, и на Роберту, привыкшую покоряться ему, это подействовало.

– О, боже, боже! – пугливо и жалобно восклицала она, с каждой минутой яснее сознавая весь ужас случившегося. – Не знаю, что делать, просто не знаю! Я не могу решиться на это, вот и все. Это так жестоко, так ужасно! Я умру от стыда и страха, если пойду одна.

Но, говоря это, она уже чувствовала, что в конце концов пойдет одна. Что ей оставалось делать? У Клайда есть свои опасения и страхи, – как она может заставить его рисковать своим положением? А он снова начал, скорее для самозащиты, чем из каких-либо других побуждений:

– И потом, надо постараться, чтобы все это стоило не очень дорого, Берта, иначе не знаю, как я справлюсь. Право, не знаю! Видишь ли, я зарабатываю не так уж много: всего двадцать пять долларов (необходимость наконец заставила его быть откровенным). И у меня нет никаких сбережений – ни цента. Ты не хуже меня знаешь, почему так вышло. Почти все, что я получал, мы тратили вместе. Если я пойду и доктор подумает, что у меня есть деньги, он может потребовать больше, чем я в силах заплатить. А если пойдешь ты и просто скажешь, как обстоит дело… и что у тебя ничего нет… если бы, к примеру, сказать, что я сбежал… понимаешь?

Он замолчал, увидев, как лицо Роберты вспыхнуло от стыда, презрения, отчаяния при мысли, что ей пришлось коснуться чего-то столь низменного и пошлого. Но хотя это была с его стороны хитрая и даже грязная уловка, так велика властная и умудряющая сила необходимости, что Роберта все же увидела некоторый смысл в его доводах. Пусть он хочет воспользоваться ею как ширмой, как маской, за которой оба они на этот раз попытаются укрыться. Но все равно, как это ни было постыдно, действительность вставала перед нею голым, суровым утесом, и у его подножья бились яростные волны необходимости.

– Ты можешь не называть своего настоящего имени, – услышала она слова Клайда, – и не говорить, откуда ты. Я ведь не собираюсь связываться с докторами здесь, в Ликурге. И потом, если ты скажешь ему, что у тебя нет никаких средств, только твой еженедельный заработок…

Роберта бессильно опустилась на стул, стараясь собраться с мыслями, а он все плел свою убедительную ложь – и большинство его доводов попадало прямо в цель. Ибо, как ни был фальшив и безнравствен весь этот план, все же Роберта понимала, что и она и Клайд в безвыходном положении. В нормальных условиях она могла быть до щепетильности честна и правдива в словах и поступках, но тут явно разыгралась одна из тех жизненных бурь, при которых обычные карты и компасы моральных критериев становятся бесполезными.

Итак, было решено, что они обратятся к какому-нибудь доктору подальше от Ликурга, хотя бы в Утике или Олбани (тем самым подразумевалось, что к доктору она все-таки пойдет), и на этом разговор оборвался. Одержав победу, добившись того, что сам он не будет в это замешан, Клайд набрался храбрости и решил немедленно, всеми правдами и неправдами отыскать доктора, к которому можно послать Роберту. Тогда всем этим ужасным волнениям придет конец. А после она сможет – она должна! – пойти своей дорогой. И он, сделав для нее все, что можно, тоже пойдет своей дорогой – к тем блистательным свершениям, которые ожидают его, если только сейчас все уладится.

Глава 36

Однако проходили часы, дни, прошла неделя, потом десять дней, а Клайд ни слова не сообщил о докторе, к которому Роберта могла бы пойти. Несмотря на все свои уговоры и обещания, он все еще не знал, к кому обратиться. А каждый день, каждый час был такой грозной опасностью и для него и для нее! В ее взглядах и вопросах сказывалось сильнейшее, жгучее, минутами нестерпимое страдание. Да и сам Клайд был предельно измучен своим неумением найти быстрый и верный выход и помочь ей. Где живет врач, к которому можно послать ее, на которого можно положиться? Как это разузнать?

Перебрав поименно всех своих знакомых, он в конце концов обрел слабую надежду в образе некоего Орина Шорта, которому принадлежал небольшой магазин мужского белья, обслуживавший главным образом богатую молодежь Ликурга. Шорт был молод, приблизительно того же возраста, что и Клайд, и, кажется, с такими же наклонностями; со времени своего переезда в Ликург Клайд постоянно пользовался его советами относительно своих галстуков, костюмов и вообще стиля одежды. Клайд давно отметил, что это – очень живой, тактичный и любознательный молодой человек; Шорт очень нравился девушкам; к тому же он всегда был чрезвычайно любезен со своими клиентами, особенно с теми, кого считал стоящими выше себя на общественной лестнице,

– в том числе и с Клайдом. Узнав о родстве Клайда с Грифитсами, Шорт в надежде, что это поможет ему выдвинуться, изо всех сил старался завязать с ним как можно более дружеские отношения. Но Клайд из-за своих важных родственников до сих пор не считал возможным принимать всерьез подобное знакомство. Однако Шорт был так приветлив и услужлив, что Клайд не мог не поддерживать с ним хотя бы поверхностных полуприятельских отношений, которыми тот был, по-видимому, очень доволен. В самом деле, он держался заискивающе, порою даже подобострастно. И вот среди всех, с кем Клайду приходилось встречаться. Шорт оказался едва ли не единственным, кого он мог попытаться расспросить в надежде получить какие-нибудь полезные сведения.

Надумав посоветоваться с Шортом, Клайд утром и вечером, проходя мимо его магазина, счел необходимым по меньшей мере три дня подряд кланяться и улыбаться ему особенно дружески. Затем, решив, что этим он, насколько допускает его положение, уже подготовил почву, Клайд зашел в магазин; вовсе не уверенный, что с первого раза сумеет затронуть опасную тему, он заранее придумал для Шорта целую историю. Он скажет, будто к нему обратился на фабрике один молодой рабочий, который недавно женился: ему грозит появление наследника, а он пока не может справиться с неизбежными в таком случае расходами – и просил Клайда посоветовать, где найти доктора, который мог бы тут помочь. К этому Клайд собирался прибавить лишь одну оригинальную подробность: дело в том, что молодой человек очень беден, робок и не слишком сообразителен, а потому не может сам о себе позаботиться. Клайд живет здесь слишком недавно и потому не мог указать никакого врача, но, как человек более сведущий, рекомендовал рабочему одно временное средство (Клайд намерен был внушить Шорту, что сам-то он далеко не беспомощен и едва ли нуждался бы в подобных советах). К сожалению, однако, это средство не подействовало. Поэтому нужны более решительные меры, необходим врач. Шорт же давно живет в Ликурге, а до того жил в Гловерсвиле и, уж, конечно, – так уверял себя Клайд, – сможет указать хотя бы одного врача. Чтобы отвести от себя всякое подозрение, Клайд решил прибавить, что он, конечно, мог бы расспросить на этот счет своих знакомых, но случай слишком необычный (заговорить о таких вещах в его кругу, значит вызвать всякие толки и пересуды), вот почему он обращается к Шорту и просит его молчать об этом.

Случилось так, что торговля у Шорта в тот день шла на славу, и поэтому он был особенно весел и разговорчив. И когда Клайд зашел к нему – будто бы лишь затем, чтобы купить носки, – Шорт воскликнул:

– Очень рад вас видеть, мистер Грифитс! Как поживаете? Я как раз думал, что пора бы уже вам заглянуть ко мне! Хочу показать вам кое-какие вещи – я их получил после того, как вы были у меня в последний раз. Как дела «Компании Грифитс»?

Всегда приветливый, он был вдвойне любезен с Клайдом, который ему нравился. Но Клайд, поглощенный своим дерзким замыслом, был до того взвинчен, что, сколько ни старался сохранить непринужденный вид, ему это плохо удавалось. Тем не менее он зашел в магазин и, следовательно, уже как бы приступил к осуществлению своего плана. Поэтому он начал:

– Дела идут прекрасно, нельзя жаловаться, и работы у меня всегда много…

Он стал рассеянно перебирать галстуки, висящие на подвижных никелевых вешалках. Шорт тотчас обернулся, снял с полки несколько особых коробок и поставил их на стеклянный прилавок перед Клайдом.

– Те не стоит смотреть, мистер Грифитс, – сказал он, – взгляните лучше сюда. Вот галстуки, которые я хотел вам показать, для вас они не будут стоить дороже. Я только сегодня утром получил их из Нью-Йорка.

Он развернул несколько пачек, по шести галстуков в каждой, и пояснил, что это самые модные.

– Видели вы в Ликурге что-нибудь подобное? Я уверен, что нет.

Он с улыбкой смотрел на Клайда; ему от души хотелось, чтобы этот молодой человек, с такими прекрасными связями, хотя и не очень богатый, с ним подружился. Это подняло бы Шорта в глазах жителей Ликурга.

Клайд перебирал галстуки, понимая, что Шорт сказал ему правду; он был взволнован, мысли его путались, и он не мог подыскать слов, чтобы заговорить так, как собирался.

– Очень красивые… конечно… – сказал он, чувствуя, что при других обстоятельствах ему было бы очень приятно купить хотя бы два из них. – Я, пожалуй, возьму вот этот и еще этот.

Он отобрал два галстука, напряженно думая, как бы заговорить о гораздо более важном деле, которое привело его сюда… И зачем он покупает эти галстуки, тратит время на всякие пустяки, когда просто нужно спросить Шорта о том деле? Но это так трудно… очень трудно! Однако он должен это сделать… только, может быть, не сразу. Сперва он посмотрит еще что-нибудь, чтобы не вызвать подозрений… попросит показать хотя бы носки… Но зачем они ему? Он ни в чем не нуждается; Сондра только недавно подарила ему дюжину носовых платков, несколько воротничков, галстуки и носки. И все же каждый раз, как он решал заговорить, у него начинало сосать под ложечкой от страха, что он не сумеет все сказать так спокойно и свободно, как нужно. Придуманная история сомнительна и ненадежна и легко может привести к позорному разоблачению… Кажется, он просто не сумеет сегодня заговорить с Шортом. И в то же время он спрашивал себя: представится ли еще когда-нибудь такой удобный случай?

Шорт тем временем отошел ненадолго в глубину магазина и теперь вернулся.

– Если не ошибаюсь, я видел вас в прошлый вторник, часов в девять вечера, когда вы входили к Финчли, – сказал он с самой любезной и даже льстивой улыбкой. – До чего у них красивый дом и сад!

Клайд знал что его связи в здешнем обществе производят на Шорта большое впечатление; в тоне торговца звучало величайшее восхищение с примесью подобострастия. И это сразу придало Клайду храбрости; находясь в такой позиции превосходства, можно сказать что угодно, – понял он: всякое слово его почитатель примет с благоговейным уважением. Выбрав пару носков, чтобы как-то сгладить впечатление от своей просьбы, он сказал:

– Да, кстати, чтобы не забыть. Я хотел спросить вас кое о чем. Может быть, вы сможете мне сказать. У нас на фабрике есть один рабочий, молодой парень, он недавно женат – всего месяца четыре, кажется… так вот, он сейчас очень беспокоится из-за жены…

Клайд запнулся, не зная, есть ли смысл продолжать: он заметил, что выражение лица Шорта несколько изменилось. Однако, зайдя так далеко, он уже не мог отступить и с нервным смешком прибавил:

– Право, не знаю, почему они всегда приходят ко мне со своими заботами! Вероятно, думают, что я должен отлично разбираться в таких вещах (он снова засмеялся). Но я здесь совершенный новичок и просто не знаю, что ему сказать. А вы, по-моему, уже давно в Ликурге, вот я и решил спросить вас…

Он говорил так развязно и небрежно, как только мог, но уже понимал, что совершает ошибку; Шорт наверняка сочтет его глупцом или чудаком. Однако, хотя Шорта и поразило, что Клайд обратился к нему с подобным вопросом (он заметил неожиданную натянутость и нервозность в поведении Клайда), ему очень польстило такое доверие, хотя бы и в столь щекотливом деле. Он тотчас оправился от удивления и ответил прежним любезным тоном:

– Ну, разумеется, мистер Грифитс, я буду очень рад, если только смогу чем-нибудь вам помочь. А в чем же дело?

– Так вот, видите ли, – вновь начал Клайд, немного ободренный этим доброжелательным ответом, и несколько понизил голос, чтобы придать подобающую таинственность разговору на эту ужасную тему, – у его жены прошло уже два месяца сверх срока, а он пока не может позволить себе иметь ребенка и не знает, как теперь этого избежать. С месяц назад, когда он пришел ко мне в первый раз, я посоветовал попробовать одно лекарство, которое обычно помогает (это было сказано для того, чтобы показать Шорту свою осведомленность и находчивость в подобных положениях: стало быть, лично ему, Клайду, такие сведения ни к чему), но они, видно, не сумели воспользоваться этим лекарством как надо. Во всяком случае, он теперь очень волнуется и хотел бы отправить ее к доктору, понимаете? А я в Ликурге никого не знаю. Я слишком недавно здесь. Будь это в Канзас-Сити или в Чикаго, я бы знал, что делать. Там мне известны три или четыре врача (стараясь произвести большее впечатление на Шорта, он многозначительно улыбнулся). Но здесь – другое дело. Если я начну спрашивать знакомых и это дойдет до моих родных, они могут не так это истолковать. Вот я и подумал,

– может быть, вы кого-нибудь знаете и укажете мне. В сущности, меня это совершенно не касается, но мне жаль парня.

Он замолчал; и так как Шорт слушал внимательно и сочувственно, Клайд теперь смотрел на него с большим доверием, чем вначале. Шорт, хотя и удивленный, был очень рад случаю оказать ему услугу.

– Вы говорите, прошло уже два месяца?

– Да.

– И лекарство, о котором вы говорили, не помогло?

– Нет.

– А она принимала его и на второй месяц?

– Да.

– Ну, это и правда скверно. Боюсь, что дела ее плохи. Видите ли, мистер Грифитс, беда в том, что я ведь тоже не так давно в Ликурге. Я купил этот магазин всего полтора года назад. Конечно, будь я в Гловерсвиле… – Он замолчал на мгновенье, словно тоже, как и Клайд, усомнился, благоразумно ли вдаваться в такого рода подробности, но через несколько секунд продолжал: – Вы понимаете, это не так-то легко устроить и здесь и в любом другом городе. Доктора всегда боятся неприятностей. Правда, я слышал, был тут один случай, когда девушка обратилась к врачу, – он живет в нескольких милях отсюда. Но она была из очень хорошей семьи, и молодой человек, который отвел ее к доктору, был всем известен. Не знаю, согласится ли этот врач сделать что-нибудь для незнакомого человека. Впрочем, такие вещи делаются постоянно, и вы можете попытаться. Но если вы пошлете этого рабочего к доктору, скажите ему, чтобы он не называл меня. Видите ли, меня тут все знают, и я совсем не хочу быть замешанным в это дело. Особенно если выйдет что-нибудь неладное.

И Клайд с признательностью ответил:

– Ну конечно! Он это поймет. Я скажу ему, чтобы он никого не называл.

Вынув из кармана блокнот и карандаш, он записал имя и адрес врача, чтобы не забыть этих важных сведений.

Шорт заметил, с каким облегчением вздохнул Клайд, и мысленно спросил себя, существует ли в действительности этот рабочий. Не сам ли Клайд попал в беду? Чего ради стал бы он беспокоиться о каком-то молодом рабочем? Все же он был рад услужить Клайду, но одновременно подумал, что выйдет недурная сплетня для всего Ликурга, если он когда-нибудь впоследствии вздумает об этом рассказать. Нет, если только Клайд сам не довел до беды какую-нибудь девушку, очень глупо с его стороны вмешиваться в такое дело, да еще из-за рабочего. Что-то не верится.

Несмотря на все эти соображения, он еще раз повторил имя и фамилию доктора, постарался точнее вспомнить, как к нему доехать и на какой станции сойти, и подробно описал дом. Клайд, получив нужные сведения, поблагодарил и ушел; торговец весело и немного подозрительно посмотрел ему вслед. «Уж эти богатые молодчики, – подумал он. – Странно, что он с такой просьбой пришел ко мне. У него тут столько знакомых и приятелей, – кажется, мог бы ему кто-нибудь удружить в этом деле скорее, чем я. А может быть, он как раз и боится, как бы об этом не прослышали знакомые. Почем знать, кого он довел до беды! Может быть, даже эту молоденькую Финчли. Все может быть! Я не раз видел их вместе, и она такая бойкая! Ну и ну, вот уж…»

Глава 37

Добытые таким образом сведения лишь отчасти облегчили положение. Теперь для Клайда и Роберты не могло быть ни минуты спокойствия, пока эта задача не будет окончательно решена. Узнав подробный адрес и фамилию врача. Клайд немедленно отправился к Роберте и сказал ей, что у него есть наконец доктор, который может ей помочь. Теперь предстояло еще нелегкое дело, подбодрить ее настолько, чтобы она решилась одна пойти к врачу; она должна объяснить ему все так, чтобы полностью выгородить Клайда и вызвать у врача побольше сочувствия к себе; тогда он потребует лишь самой незначительной платы.

Но вместо того, чтобы протестовать, чего сначала опасался Клайд, Роберта сразу согласилась. Очень многое в поведении Клайда, начиная с рождества, так возмущало ее, что она совсем растерялась и думала лишь о том, чтобы без огласки выпутаться из беды и потом пойти своей дорогой, как бы ни было это горько и тяжело. С тех пор как она поняла, что он больше не любит ее и явно хочет от нее отделаться, она вовсе не желала удерживать его насильно. Пусть уходит. Она и одна проживет. Да, она сможет жить и без него, лишь бы только выпутаться из этой истории. Но, говоря себе все это и ясно сознавая, что счастливые дни ее жизни прошли безвозвратно, Роберта закрывала лицо руками и утирала неудержимые слезы. Могла ли она думать, что все так кончится…

И когда, побывав у Шорта, Клайд в тот же вечер пришел к ней, ужасно довольный собой и своим подвигом, она внимательно выслушала его объяснения и сказала только:

– Ты точно узнал, где это, Клайд? Можно спокойно доехать поездом или там придется еще далеко идти пешком?

Когда он объяснил, что это близко от Гловерсвила – в сущности пригород

– и что врач живет всего в четверти мили от станции, она спросила еще:

– А он бывает дома по вечерам или нам надо будет прийти днем? Лучше бы, если можно, поехать вечером. Меньше опасности, что кто-нибудь нас увидит.

Клайд успокоил ее: от Шорта он знал, что доктор принимает вечером.

– А ты не знаешь, старый он или молодой? – продолжала она. – Мне было бы гораздо легче, если бы он был старый. Я не люблю молодых докторов. У нас дома всегда бывал старый доктор. Мне было бы легче говорить с таким, как он.

Этого Клайд не знал. Он и не подумал спросить об этом Шорта, но, чтобы успокоить Роберту, наугад сказал, что доктор средних лет, – так оно действительно и было.

На следующий вечер оба они – порознь, как обычно, – выехали в Фонду, где пришлось сделать пересадку. Но вот и нужная станция. Они вышли из вагона и пошли по ровной зимней дороге, покрытой твердым, слежавшимся снегом. Идти по ней было легко, и они шли быстро, потому что между ними уже не существовало той близости, которая прежде заставила бы их медлить. Еще совсем недавно, думала Роберта, если б они с Клайдом очутились в таком безлюдном месте, он с радостью замедлил бы шаг, обнял бы ее за талию и стал бы весело болтать обо всем понемножку: о погоде, о работе на фабрике, о мистере Лигете, о своем дяде, о новых фильмах, о том, как приятно было бы съездить вдвоем туда-то, сделать то-то и то-то… А теперь… ведь именно теперь она, как никогда прежде, нуждается во всей его преданности и поддержке. Но он – Роберта видела это – был весь поглощен тревожными размышлениями: не струсит ли она, оставшись одна, не сбежит ли, сумеет ли сказать то, что нужно, в нужный момент, чтобы убедить доктора помочь ей, и притом за наименьшую плату.

– Ну, Берта, как ты? Ничего? Не струсишь, а? Уж пожалуйста, не надо! Помни, ты идешь к врачу, который уже делал такие вещи. Я это точно узнал. Ты только скажи ему, что с тобой случилась беда, вот и все, и что ты не знаешь, как быть, если он как-нибудь не поможет тебе, потому что у тебя нет друзей и тебе совсем не к кому пойти. И вообще дело такое, что ты не можешь ни к кому обратиться, если бы и хотела, потому что знакомые могут тебя выдать, понимаешь? А если он будет спрашивать, где я и кто я, ты просто скажи, что был тут один молодой человек, но он уехал… не называй никаких имен, а просто скажи, что уехал и ты не знаешь куда… удрал, понимаешь? А если он спросит, почему ты обратилась к нему, скажи, что слышала, как он помог одной девушке, – что она тебе рассказала. И объясни, что ты очень мало зарабатываешь, а то он представит такой счет, который я не смогу оплатить. Лучше всего попроси его сделать рассрочку на несколько месяцев или что-нибудь в этом роде, понимаешь?

Клайд так нервничал, стараясь внушить Роберте мужество и энергию, необходимые, чтобы пройти через все это и добиться успеха, что не понимал, как нелепы и непрактичны почти все его советы и наставления. А Роберта думала, что легко ему стоять в стороне и поучать ее, а она должна пойти и выдержать такую пытку одна. И притом он явно заботится о себе куда больше, чем о ней. Пусть она сама выпутывается, да так, чтобы ему это все обошлось подешевле и без особых забот!

И, однако, несмотря ни на что, ее даже сейчас влекло к нему: она любила его бледное лицо, тонкие руки, его нервное изящество. Она знала: у него самого не хватило бы ни смелости, ни находчивости для того, что он заставляет ее делать, – и все же не сердилась. Она только сказала себе, что хоть он и поучает ее, как ей себя вести, она не очень-то будет слушаться его советов. Она вовсе не собиралась говорить, будто она покинута, – это было бы слишком тяжело и стыдно. Она скажет, что она замужем, но они с мужем слишком бедны и пока не могут иметь ребенка, – все это, как она помнила, рассказывал Клайд аптекарю в Скенэктеди. В конце концов разве знает Клайд, что она переживает? Он даже не идет с ней, чтобы облегчить ей мучительный разговор.

Однако, повинуясь чисто женскому прирожденному стремлению найти в ком-то поддержку, она обернулась к Клайду, взяла его за руки и замерла. Ей хотелось, чтобы он обнял ее, приласкал, сказал, что ей нечего бояться – все будет хорошо… В этом невольном порыве отразилось ее прежнее доверие к Клайду, – и хотя он больше не любил ее, он высвободил руки и обнял ее, просто для того, чтобы ободрить.

– Ну, смелее, Берта! – сказал он. – Послушай, нельзя же так. Неужели у тебя не хватит храбрости теперь, когда мы уже пришли? Надо только войти – и тогда все будет не так уж страшно, уверяю тебя. Ты только поднимись на крыльцо и позвони. А когда выйдет он или кто-нибудь другой, скажи, что хочешь поговорить с доктором наедине, понимаешь? Тогда он поймет, что это дело секретное, и тебе будет легче.

Он продолжал давать советы в том же роде, и она, не найдя в нем в эту минуту искренней нежности, ясно поняла, как безнадежно ее положение, собрала все свои силы и сказала:

– Ну, хорошо, подожди меня здесь. Не уходи далеко, ладно? Может быть, я очень скоро вернусь.

И она торопливо пошла к воротам и дальше по дорожке, ведущей к крыльцу.

Дверь открыл сам доктор; вопреки представлению Шорта и Клайда, это был и по внешности и по характеру человек очень трезвый и умеренный – типичный провинциальный врач: солидный, осторожный, строго нравственный и даже довольно набожный; он считал себя отчасти либералом, но человек сколько-нибудь либеральный увидел бы во многих его воззрениях ограниченность и упрямство. Невежество и глупость большинства окружающих позволяли ему считать себя образованным человеком. Он постоянно сталкивался со всяческими проявлениями косности и упадка, с одной стороны, и здравомыслия, энергии, осмотрительности и преуспеяния – с другой, и в тех случаях, когда действительность готова была опрокинуть его ранее сложившиеся взгляды, предпочитал не вмешиваться в нее и предоставлял силам неба или ада самим решать исход событий. Он был небольшого роста, коренастый, с шарообразной головой, но с красивыми и правильными чертами лица, живыми серыми глазами и приятной улыбкой. У него были короткие полуседые волосы, лоб прикрывала челка – невинное щегольство сельского жителя. Толстые руки с пухлыми, но чуткими пальцами были спокойно опущены. Ему было пятьдесят восемь лет; он был женат, отец троих детей, и старший сын уже изучал медицину, готовясь наследовать практику отца.

Введя Роберту в просто обставленную неуютную приемную, доктор попросил ее подождать, пока он кончит обедать. Вскоре он появился в дверях небольшого кабинета, тоже очень просто обставленного: тут стояли письменный стол, два стула, книжный шкаф и стол с медицинскими инструментами; в глубине, видимо, находилась еще комнатка с разными медицинскими принадлежностями. Доктор провел Роберту в кабинет и указал ей на стул. Его седые волосы, солидность, важность, странная привычка щурить глаза – все это немало напугало Роберту; однако доктор отнюдь не произвел на нее такого неблагоприятного впечатления, как она ожидала: во всяком случае, он старый и кажется если не приветливым, то хотя бы умным и осторожным. А он посмотрел на нее с любопытством, словно вспоминая, не встречал ли ее раньше, и затем сказал:

– Ну, давайте познакомимся! Чем я могу вам помочь?

Он говорил негромко, ободряюще, и Роберта была глубоко благодарна ему за это. Однако, испуганная тем, что вот сейчас, здесь, придется наконец признаться в ужасной истине, она сидела неподвижно и молча; сначала она смотрела на доктора, потом опустила глаза и стала судорожно теребить сумочку.

– Видите ли… – начала она серьезно и взволнованно; в ее лице и голосе внезапно прорвалось страшное внутреннее напряжение. – Я пришла… я пришла… то есть… я не знаю, как сказать вам. Когда я шла сюда, я думала, что сумею сказать, но теперь… теперь я увидела вас… – Она замолчала, сделала движение, словно собираясь встать, и вдруг воскликнула:

– Господи, как это все ужасно! Я так нервничаю…

– Ну, ну, успокойтесь, дорогая, – сказал он ласково и ободряюще; ему понравилась эта хорошенькая, но совсем не кокетливая посетительница, и он слегка удивился, не понимая, что могло привести в волнение такую, видимо, скромную, серьезную и сдержанную девушку; притом его очень позабавило это детское: «Теперь я увидела вас».

– Стало быть, вы пришли и «увидели меня», – повторил он. – Но чем же я вас так напугал? Я всего только сельский врач, знаете ли, и, право, я не такой уж страшный, как вам кажется! Вы можете вполне довериться мне, можете рассказать о себе все, что хотите, вам нечего бояться. Если я могу что-нибудь сделать для вас, я это сделаю.

Он в самом деле славный, подумала Роберта, но такой почтенный и серьезный и, наверно, очень строгий… и, наверно, будет неприятно поражен, когда она скажет, зачем пришла. Что тогда? Захочет ли он чем-нибудь помочь? А если захочет, как все устроится с деньгами? Это ведь будет очень серьезный вопрос. Если бы Клайд или хоть кто-нибудь из близких мог быть здесь и говорить за нее! А все же она должна говорить, раз уж она пришла сюда. Теперь нельзя отступать. Роберта опять беспокойно задвигалась, теребя пальцами большую пуговицу жакета, и наконец с запинкой проговорила:

– Но, видите ли, это… это совсем другое, не то, что вы, наверно, думаете… я… я…

И опять она замолчала, не в силах продолжать, то Краснея, то бледнея. Ее тревожная застенчивость, чистый белый лоб и ясные глаза, скромность и сдержанность в манерах и одежде заставили врача подумать, что посетительница попросту крайне наивна, вернее, неопытна во всем, что касается деятельности человеческого тела, и оттого мучительно стесняется,

– это столь характерно для неискушенного молодого существа. В первую минуту он не мог заподозрить ничего дурного – и уже собирался повторить обычную в таких случаях формулу: что ему можно сказать решительно все, без всяких страхов и сомнений. Но тут мелькнула другая мысль, подсказанная зрелой красотой Роберты, а пожалуй, и ее собственные мысли передались ему: он решил, что ошибся. В конце концов, может быть, это просто одна из неприятных историй, обычных среди молодежи. Очевидно, здесь какая-нибудь незаконная связь! Эта девушка молода, здорова, красива; притом такие истории всегда выходят наружу – и нередко это случается как раз с девушками самого скромного и приличного вида. И всегда это

влечет за собой волнения и неприятности для врача. По разным причинам – и из-за своего замкнутого, сдержанного характера и из-за взглядов, принятых в его среде,

– он не любил иметь дело с такими историями. Это было незаконно, опасно, как правило, почти не оплачивалось, и он знал, что местное общественное мнение строго это осуждает. Притом его и самого возмущали дрянные девчонки и мальчишки, которые вначале позволяют себе с такой легкостью уступать требованиям природы, а потом так же легко отказываются нести налагаемые этим обязательства и не желают ни брака, ни детей. И хотя за последние десять лет он помог нескольким девушкам, нарушившим приличия и не имевшим иного выхода, избавиться от последствий своего легкомыслия (в случае, если это были девушки из хороших, близко знакомых ему семейств или если к этому его побуждали соображения религиозного порядка или добрососедские отношения), все же он был против того, чтобы вызволять из беды всех остальных, кто не имел такой прочной поддержки. Это слишком опасно. Обыкновенно в таких случаях он советовал немедленный и обязательный брак. Если же это оказывалось невозможным, так как виновник позорного события успел скрыться, доктор твердо и решительно отказывался от какого-либо вмешательства в это дело. Вмешиваться в таких случаях слишком опасно для врача: не только дурно с этической и общественной точки зрения, но и преступно.

Поэтому теперь он смотрел на Роберту серьезно и холодно. Ни в коем случае, думал он, нельзя позволить себе растрогаться и как-либо впутаться в эту историю. И чтобы помочь и себе и ей сохранить известное равновесие, которое даст им обоим возможность спокойно закончить трудный разговор, он пододвинул к себе книгу для записей в черном кожаном переплете и открыл ее со словами:

– Ну, давайте разберемся, в чем ваша беда. Как вас зовут?

– Рут Говард, миссис Говард, – нервно и с усилием ответила Роберта, назвавшись тем именем, которое подсказал ей Клайд.

Услышав, что она замужем, врач вздохнул с облегчением. Но откуда же эти слезы? Что за причина у молодой замужней женщины так сильно робеть и волноваться?

– Имя вашего мужа? – продолжал он.

Этот простой вопрос, на который было так легко ответить, однако, смутил Роберту; и она не сразу заставила себя сказать: «Гифорд» (имя ее старшего брата).

– Вы, вероятно, живете здесь?

– В Фонде.

– Так. Сколько вам лет?

– Двадцать два.

– Давно вы замужем?

И этот вопрос, так тесно связанный с тем, что мучило ее, снова заставил ее смутиться.

– Позвольте… да… три месяца.

И опять доктор Глен был охвачен сомнением, хотя и не показал этого. Ее нерешительные ответы удивляли его. Откуда эта неуверенность? Он снова спрашивал себя: действительно ли перед ним порядочная женщина, не справедливы ли его первоначальные подозрения?

– Итак, миссис Говард, в чем же дело? Вы можете без всяких колебаний сказать мне все. Изо дня в день я выслушиваю всевозможные признания и привык к нем. Прислушиваться к человеческим страданиям моя обязанность.

– Видите ли, – бледнея и запинаясь, начала Роберта. Это страшное признание сжимало ей горло и едва не парализовало язык. Она все крутила пуговицу жакета и упорно не поднимала глаз. – Дело в том, что… понимаете… у моего мужа нет средств… мне приходится работать, чтобы помочь справиться с расходами, но мы оба зарабатываем так мало (она сама удивлялась, что может так бесстыдно лгать, – она, всегда ненавидевшая ложь)… Так вот… конечно, мы не можем позволить себе… мы не можем сейчас иметь детей… так скоро, понимаете, и…

Она замолчала, у нее перехватило дыхание, и она просто не в силах была дальше так лгать.

Доктор решил, что понял ее: она в самом деле недавно замужем и боится, как бы дети не стали слишком большой обузой для мужа; он не собирался идти на какое-либо незаконное лечение, но в то же время не желал быть слишком суровым к молодой чете, едва вступающей в жизнь, и потому посмотрел на нее более сочувственно. Явно затруднительное положение этих молодых людей и подобающая обстоятельствам благопристойная скромность посетительницы тронули его. Все это очень печально. Молодым людям в наше время приходится нелегко, особенно на первых порах. У них, конечно, тяжелое материальное положение. Это участь чуть ли не всей молодежи. Тем не менее насильственное прекращение беременности, вмешательство в нормальные, установленные богом жизненные процессы – это в лучшем случае щекотливое и противоестественное дело, такими вещами он, по возможности, не хотел бы заниматься. Притом молодые и здоровые люди, хотя бы и бедные, вступая в брак, знали, на что шли. Они могут работать (во всяком случае, муж) и, значит, как-нибудь справятся.

Он выпрямился на стуле и очень спокойно и авторитетно начал:

– Мне кажется, я понял, что вы хотите сказать, миссис Говард. Но, боюсь, вы не совсем ясно представляете себе, как серьезно и опасно то, что вы задумали. Однако позвольте, – прибавил он вдруг (его поразила новая мысль: не ходят ли в округе какие-нибудь слухи о прежних случаях из его практики, слухи, способные повредить его репутации). – Почему вы обратились именно ко мне?

Что-то в тоне его вопроса и в выражении лица, – опасение и, может быть, негодование оттого, что кто-то подозревал его в такого рода Практике, – заставило Роберту заколебаться: она чувствовала, что опасно ответить, как советовал Клайд, будто она слышала имя этого врача, будто ее направила к нему какая-то девушка. Пожалуй, лучше не говорить, что ее кто-либо сюда послал. Доктор может рассердиться, принять это как оскорбление своей врачебной репутации. Природный такт помог ей и на этот раз, и она ответила:

– Я часто хожу мимо, видела табличку у вас на двери и слышала от многих, что вы хороший доктор.

Его сомнения рассеялись, и он продолжал:

– Во-первых, моя совесть не позволяет мне советовать вам то, о чем вы меня просите. Я понимаю, конечно, что вы считаете это необходимым. Вы и ваш муж оба очень молоды и, вероятно, недостаточно обеспечены. Вы боитесь, что рождение ребенка очень затруднит вашу жизнь. Без сомнения, так оно и будет. Однако я должен сказать вам, что брак священен, и дети – это благословение, а не проклятие. Когда вы шли к алтарю три месяца назад, вы, вероятно, понимали, что обстоятельства могут сложиться так, как они сложились теперь. Все юные пары, вступающие в брак, понимают это, я полагаю. («Алтарь, – печально подумала Роберта, – если бы так!»). Я знаю, что в наше время многие семьи прибегают к этому, о чем я очень сожалею. Есть люди, которые, не чувствуя угрызении совести, стараются увильнуть от нормальной ответственности при помощи операции, но это очень опасно, миссис Говард, это противозаконно и притом глубоко неправильно с точки зрения и морали и медицины. Многие женщины, стараясь избежать материнства, умирают от этой операции. А кроме того, врачу, сделавшему подобную операцию, окончилась ли она благополучно или нет, грозит тюремное заключение. Я думаю, вам все это известно. Во всяком случае, я лично со всех точек зрения решительно возражаю против таких операций. Единственное оправдание для такой вещи – случай, когда без подобной операции нельзя сохранить жизнь матери. Ничего другого я не признаю. Такие исключения медицина допускает. Но в данном случае, я уверен, оснований для операции нет. Вы, по-видимому, крепкая и здоровая женщина. Материнство не будет Для вас тяжело. А что касается денежных затруднений, – поверьте, если родится ребенок, вы сумеете с ними справиться. Вы, кажется, сказали, что ваш муж электротехник?

– Да, – ответила Роберта, волнуясь, напуганная и подавленная этой торжественной проповедью.

– Ну, вот видите, – продолжал он, – профессия довольно выгодная. Все электротехники недурно зарабатывают. И если вы подумаете как следует и представите себе, как серьезно то, что вы хотите совершить, – уничтожить человеческую жизнь, у которой имеются те же права на существование, что и у вас… – Он сделал паузу, чтобы смысл сказанного глубже проник в ее сознание. – Я уверен, вы еще обсудите это с должной серьезностью – и вы и ваш муж. Притом, – прибавил он дипломатично, почти отеческим тоном, – когда у вас будет ребенок, он с избытком вознаградит вас за некоторые тяготы, связанные с его появлением. Скажите, – спросил он вдруг с любопытством, – а ваш муж знает об этом? Может быть, это вы сами надумали спасти и его и себя от излишних забот и затруднений?

Он посмотрел на Роберту с улыбкой, почти весело, воображая, что уличил ее не только в нервном страхе, но и в чисто женских соображениях экономического порядка; в таком случае, решил он, не трудно будет рассеять эти ее настроения. Но Роберта, поняв, к чему он клонит, и чувствуя, что, солжет ли она лишний раз, нет ли, от этого уже не будет ни вреда, ни пользы, – быстро ответила:

– Он знает.

– Вот как, – сказал доктор, немного разочарованный тем, что его догадка неверна, но все-таки с твердым намерением разубедить пациентку и ее мужа.

– Я думаю, что вы оба должны серьезно взвесить все, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги. Я знаю, когда молодая пара впервые оказывается в таком положении, она всегда видит в этом одну только мрачную сторону, но ведь не обязательно все будет так плохо! Я помню, мы с женой думали так же, когда ждали первого ребенка. Но все прошло хорошо. И если вы теперь спокойно обсудите это, я уверен, вы увидите все в другом свете. И впоследствии вас не будет мучить совесть.

Он замолчал, уверенный, что ему удалось рассеять страхи молодой женщины и уничтожить решимость, которая привела ее к нему: это обыкновенная рассудительная жена, и, конечно, она теперь не станет настаивать, откажется от своих планов и уйдет.

Но вместо того чтобы весело согласиться с ним или просто подняться, как он ожидал, она вдруг посмотрела на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами и зарыдала. Под влиянием его речи в сознании Роберты с необычайной ясностью ожило нормальное, общепринятое представление о ее положении. Все время она старалась об этом не думать. В обычных условиях, будь она в самом деле замужем, она, конечно, поступила бы именно так, как он советовал. Но теперь, когда она убедилась, что у нее нет выхода, – по крайней мере этот человек не поможет ей выпутаться из беды, – ее охватил смертельный, панический страх. Она сплетала и расплетала пальцы, колени ее дрожали, лицо исказилось страданием и ужасом.

– Вы не понимаете, доктор, нет, вы не понимаете! – воскликнула она. – Я должна от этого освободиться любым способом. Должна! Я вам сказала неправду! Я не замужем. У меня нет мужа. Ах, вы не знаете, что это для меня значит! У меня семья, отец, мать! Я не могу вам объяснить. Вы не знаете… Но я должна освободиться, должна, должна!

Она раскачивалась из стороны в сторону, словно в трансе.

Доктор Глен был поражен и тронут этим внезапным взрывом отчаяния. Однако он отметил, что его первое подозрение оказалось справедливым и Роберта лгала ему, и, не желая никоим образом вмешиваться в это дело, решил держаться твердо и даже бессердечно.

– Значит, вы не замужем? – строго спросил он.

Вместо ответа Роберта только покачала головой, продолжая плакать. Поняв наконец, как безысходно ее горе, доктор Глен поднялся; на лице его попеременно отражались волнение, осторожность и сочувствие. Он молча смотрел на рыдающую Роберту.

– Да, да, это очень печально. Мне вас жаль, – сказал он наконец, но тут же замолчал, опасаясь сделать какой-нибудь неосторожный шаг; потом прибавил мягко и неуверенно: – Не надо плакать, это не поможет.

И снова он замолчал, с прежней решимостью отнюдь не вмешиваться в это дело. Но ему все-таки хотелось узнать правду, и потому он задал новый вопрос:

– Ну, а где же молодой человек, который виноват в вашем несчастье? Он здесь?

Роберта, подавленная стыдом и отчаянием, все еще не могла произнести ни слова и только отрицательно покачала головой.

– Но он знает, в каком вы положении?

– Да, – тихо ответила Роберта.

– И он не желает жениться на вас?

– Он уехал.

– Так, понимаю. Уж эти молодые негодяи! И вы не знаете, куда он уехал?

– Нет, – малодушно солгала Роберта.

– Давно он оставил вас?

– Около недели, – еще раз солгала она.

– И вы не знаете, где он теперь?

– Нет.

– А как давно вы нездоровы?

– Уже больше двух недель.

Она всхлипнула.

– Раньше у вас всегда было все правильно?

– Да.

– Ну, что ж, во-первых… – Он говорил теперь мягче и ласковее, чем прежде: казалось, он ищет благовидного предлога, чтобы устраниться от участия в таком деле, которое не обещает ему ничего, кроме опасности и затруднений. – Это, может быть, еще не так серьезно, как вы думаете. Я понимаю, вы очень напуганы, но ведь у женщин нередко бывают такие неправильности. Во всяком случае, без особого исследования нельзя быть в этом уверенным. А самое лучшее – подождать еще две недели. Очень возможно, что все кончится благополучно. Я бы этому не удивился. Вы, видимо, чрезвычайно чувствительны и нервны, а нервность часто влечет за собою такого рода задержки. Если хотите послушать моего совета, то сейчас, во всяком случае, ничего не предпринимайте. Отправляйтесь домой и ждите. Пока не будет полной уверенности, уж никак не следует что-либо делать.

– Но я уже принимала пилюли, и они не помогли, – жалобно сказала Роберта.

– Какие пилюли? – с интересом спросил доктор Глен и, выслушав ее объяснение, заметил: – А, эти! Ну, они едва ли по-настоящему помогли бы вам, если вы действительно беременны. Но я вам снова советую подождать. Через две недели все выяснится, и тогда у вас еще будет достаточно времени, чтобы принять меры. Но я все-таки серьезно советую вам отказаться от этой мысли. Я считаю большой ошибкой нарушать законы природы. Будет гораздо лучше, если вы решитесь иметь ребенка и станете о нем заботиться. Тогда на вашей совести не будет еще нового греха – убийства.

Он говорил сурово и важно, с сознанием собственной правоты. Но Роберта, терзаемая ужасом, которого врач, видимо, просто не мог понять, воскликнула с прежним трагическим отчаянием:

– Но я не могу, доктор! Говорю вам, не могу! Не могу!.. Вы не понимаете… Не знаю, что я буду делать, если не смогу от этого освободиться! Не знаю! Не знаю!

Она качала головой, стиснув руки и раскачиваясь взад и вперед. Доктор Глен видел, как глубок ее ужас, и ему было жаль, что легкомыслие довело ее до такого отчаянного положения. Однако, как профессионал, он холодно относился к случаю, который мог навлечь на него одни только неприятности, и потому решительно заявил:

– Как я уже сказал вам, мисс… (он помедлил) Говард, если это ваше настоящее имя, – я решительно против операций такого рода, так же как и против того легкомыслия, которое доводит девушек и молодых людей до положения, когда эта операция кажется им необходимой. Врач не может вмешиваться в подобные случаи, если он не желает провести десять лет в тюрьме, и я считаю этот закон справедливым. Не думайте, что я не понимаю, каким тяжким кажется вам сейчас ваше несчастье. Но поверьте, всегда найдутся люди, которые охотно помогут девушке, оказавшейся в таком состоянии, если только она не захочет больше пренебрегать нравственностью и законом. Итак, вот наилучший совет, который я могу вам дать: не предпринимайте ничего – ни теперь, ни позже. Идите домой и признайтесь во всем вашим родителям. Так будет лучше, гораздо лучше, уверяю вас. Это не так тяжко, как вам сейчас кажется, и не так дурно, как то, что вы задумали. Не забывайте, что если ваши теперешние опасения справедливы, речь идет о человеческой жизни. Вы хотите уничтожить уже зародившуюся жизнь, и в этом я не могу вам помочь. Никак не могу. Я знаю, есть врачи, которые относятся не так серьезно к своей профессиональной этике, но я не из их числа и не могу позволить себе стать таким. Весьма сожалею… весьма!.. Итак, могу сказать вам одно: вернитесь домой и расскажите все своим родителям. Сейчас это кажется очень трудным, но в конце концов вам станет легче. Если они захотят, пусть придут и потолкуют со мной. Я постараюсь убедить их, что это еще не самое страшное несчастье на свете. Но сделать то, о чем вы просите… Мне очень, очень жаль, но я не могу. Совесть мне не позволяет.

Он замолчал и посмотрел на нее сочувственно, но в то же время решительно и твердо. И Роберта, потрясенная внезапным крушением всех своих надежд и видя, что не только была введена в заблуждение рассказами Клайда об этом докторе, но и сама не сумела справиться со своей задачей и разжалобить доктора, неверными шагами двинулась к выходу; ею снова овладел страх перед будущим. Доктор любезно и с сожалением закрыл за нею дверь, – и, очутившись на улице, во тьме, она беспомощно прислонилась к дереву; все силы душевные и телесные оставили ее. Он отказался помочь ей! Отказался помочь! Что же теперь?

Глава 38

На первых порах отказ доктора безмерно потряс и перепугал обоих – и Роберту и Клайда. Значит, впереди – незаконнорожденный ребенок, бесчестие Роберты, разоблачение и гибель Клайда. Видимо, ничего иного не остается… Но затем – по крайней мере перед Клайдом – тяжкая завеса стала понемногу приподыматься. Может быть, в конце концов, как предполагал доктор (едва придя в себя, Роберта подробно все пересказала Клайду), дело вовсе не так плохо. Вполне возможно – об этом говорили и аптекарь, и Шорт, и доктор, – что Роберта ошибается. Роберту эти соображения не успокаивали, но они плохо повлияли на Клайда: он впал в своеобразное оцепенение, вызванное прежде всего неотступным страхом, что он ничего не сумеет придумать и, значит, ему неизбежно грозит разоблачение. И вот вместо того, чтобы бороться тем отчаяннее, он медлил и ничего не предпринимал. Такова уж была его натура: хотя он и ясно представлял себе возможные трагические последствия своего бездействия, но так мучительно снова искать, к кому обратиться, не навлекая на себя опасности. Ведь доктор выпроводил ее, и совет Шорта ничего не дал!

Так прошли еще две недели, но Клайд только тщетно напрягал мозг, раздумывая, у кого теперь просить помощи. Так трудно об этом спрашивать. Просто невозможно. Да и кого спросить? Кого? На все это нужно время. А между тем дни проходили – и у Роберты и Клайда было достаточно времени, чтобы обдумать, как же поступать дальше, чего каждому требовать от другого, если Роберта останется без врачебной помощи. Роберта все торопила и торопила Клайда, если не словами, то выражением лица и настроением во время работы. Она твердо решила, что не должна, не может быть покинута в этой борьбе. С другой стороны, она видела, что Клайд ничего не делает. После своих первых попыток он решительно не знал, что и как предпринять. У него не было друзей, и поэтому в надежде получить нужные сведения он мог бы лишь мимоходом заговаривать то с одним, то с другим о своих затруднениях, как о каком-то воображаемом случае. И в то же время, как ни было это нелепо и легкомысленно, Клайда по-прежнему влекло в тот веселый мир, где жила Сондра. По вечерам, по воскресеньям его приглашали то туда, то сюда, и он шел, несмотря на Отчаянное состояние и настроение Роберты, потому что в гостях можно было забыть о неотступном, грозном призраке катастрофы. Если б только он мог выручить Роберту! Если б мог! Но как? Без денег, без друзей, без более близкого знакомства с медицинским, или, точнее, с особым подпольным миром, где черпали знания о тайнах пола, скажем, рассыльные из отеля «Грин-Дэвидсон». Правда, он написал Ретереру, но ответа не было, так как Ретерер переехал во Флориду и письмо еще не дошло до него. А здесь все, кого он лучше знал, были связаны либо с фабрикой, либо со светским обществом: с одной стороны, были люди слишком неопытные и опасные, с другой – слишком чужие и тоже опасные, и ни с кем из них он не был настолько близок, чтобы довериться им и рассчитывать, что они сохранят его тайну.

Однако надо было что-то делать: нельзя же спокойно плыть по течению! Конечно, Роберта не позволит ему долго бездействовать: ведь скоро всем станет известно ее положение. Подчас Клайд по-настоящему терзался и, как утопающий за соломинку, хватался за всякую, чаще всего мнимую, надежду. Так, например, когда один из мастеров на фабрике однажды случайно упомянул, что работница его отделения «попала в беду» и ей предложили уйти, Клайд тут же спросил мастера: а что, по его мнению, такая девушка могла сделать, если б не хотела ребенка? Но тот, столь же неопытный, как и сам Клайд, сказал только, что ей, вероятно, пришлось бы пойти к врачу, если бы она знала подходящего, или уж «довести дело до конца», – и, таким образом, Клайд не подвинулся ни на шаг в своих познаниях. В другой раз в парикмахерской обсуждали происшествие, о котором сообщила местная газета: одна девушка подала жалобу в суд на некоего бездельника за нарушение обещания жениться. «Уж поверьте, – сказал кто-то, – не стала бы она судиться с этим малым, если б не было для этого причины». Клайд воспользовался случаем и спросил:

– А разве ей нельзя выпутаться как-нибудь иначе и не выходить за него, если она его не любит?

– Ну, это не так просто, как вам кажется, особенно здесь, у нас, – заявил мудрец парикмахер. – Во-первых, это против закона. Потом, тут нужна куча денег… Ну, а без денег, сами знаете, и шагу не ступишь.

Он защелкал ножницами, а Клайд, поглощенный собственными делами, подумал, что это очень верно. Будь у него деньги – хоть несколько сот долларов, – кто знает, может быть, удалось бы уговорить Роберту, чтобы она уехала куда-нибудь одна и сделала операцию.

Каждый день Клайд говорил себе, что нужно найти какого-нибудь врача. И Роберта тоже говорила себе, что нужно действовать, – нельзя больше полагаться на Клайда, если он будет так медлить. Никто не может шутить или мириться с такой грозной опасностью. Это значило бы жестоко обмануть ее, Роберту. Очевидно, Клайд не понимает, как ужасно это будет и для нее и для него самого. Нет, если он не поможет ей, – а он сначала твердо обещал помочь, – тогда пусть не надеется, что она выдержит неминуемую катастрофу одна. Никогда, никогда, никогда! Клайду хорошо, ведь он мужчина, занимает неплохое положение, не он, а она оказалась в этой ужасной западне – и не в силах выбраться одна.

Прошли две недели, о которых говорил доктор, потом еще два дня, и Роберта окончательно убедилась, что ее худшие подозрения справедливы. И она не только всеми возможными способами постаралась показать Клайду свое невыразимое отчаяние, но на третий день написала ему, что решила в этот же вечер снова отправиться к доктору в Гловерсвил, несмотря даже на его первый отказ: слишком уж ей нужна помощь! Она спрашивала, не может ли Клайд проводить ее, и, поскольку сам он ничего не сделал, он немедленно согласился, хотя в этот вечер его ждала Сондра. Он чувствовал, что это важнее всего остального. Он извинится перед Сондрой, сославшись на работу.

Итак, состоялась эта вторая поездка, и по дороге – длинный, напряженный и бесплодный разговор, который свелся к объяснениям, почему именно Клайд все еще ничего не сумел сделать, и к комплиментам Роберте за ее решимость действовать самостоятельно.

Однако доктор опять ответил отказом. Роберта прождала его около часа и потом рассказала ему, что ее состояние не изменилось, что она измучилась от страха; он выслушал ее, но не подал никакой надежды, хотя, конечно, мог сделать то, о чем она просила. Это было против его правил.

И снова Роберта вернулась ни с чем, настолько подавленная тяжким предчувствием неминуемой беды и всех связанных с нею ужасов и несчастий, что даже не могла плакать.

И Клайд, услышав об этой новой неудаче, погрузился в тревожное, мрачное молчание, даже не пытаясь хоть чем-то утешить Роберту. Он не знал, что сказать, и больше всего боялся, как бы она теперь не потребовала от него чего-нибудь такого, чего ему не позволит выполнить безденежье и более чем неопределенное положение в ликургском обществе. Но Роберта почти ничего не говорила на обратном пути. Она сидела неподвижно и смотрела в окно, думая о том, что она совсем беззащитна и ее положение становится с каждым часом все ужаснее. Чтобы оправдать свое молчание, она пожаловалась на головную боль. Ей хотелось остаться одной, подумать еще, решить, что делать дальше. Она должна что-то предпринять. Это она знала. Но что? Как? Что она может сделать, как спастись? Она чувствовала себя, как загнанный зверь, который вынужден бороться не на жизнь, а на смерть. Она думала о тысяче маловероятных или просто неосуществимых способов спастись – и каждый раз возвращалась к единственному решению, которое представлялось ей действительно возможным, единственно разумным и надежным: этим решением был брак. Почему бы Клайду не жениться на ней? Разве она не пожертвовала для него всем вопреки своей воле и своим убеждениям? Он настоял на этом. В конце концов, кто он такой, чтобы ею пренебрегать? Действительно, по временам, особенно с тех пор, как пришла эта беда, Клайд в страхе, как бы из-за всего этого не рухнули его мечты и планы, связанные с Сондрой и Грифитсами, вел себя так, что Роберта не могла не понять: его любовь мертва, и он озабочен ее несчастием не ради нее самой, а лишь потому, что оно может повредить ему, Клайду. Чаще всего это безмерно пугало ее, но иногда и возмущало, и понемногу она пришла к мысли, что, оказавшись в таком отчаянном положении, она вправе потребовать того, о чем и не мечтала бы при обычных обстоятельствах, – даже брака, раз нет другого выхода. А почему бы и нет? Разве ее жизнь не так же ценна, как его? И разве Клайд не связал добровольно свою жизнь с ее жизнью? Так пусть он постарается помочь ей теперь, а если это не удастся, пусть принесет последнюю жертву – единственную, которая, видимо, может ее спасти. В конце концов, кто все эти светские люди, с которыми он так считается? Как может он требовать, чтобы она в такую критическую минуту пожертвовала собою, своим будущим, своим добрым именем только потому, что он заинтересован в этих людях! Они сделали для него не так-то много, – уж конечно, меньше, чем она. Он убедил ее уступить ему, а теперь она ему наскучила, и только поэтому он покидает ее в такой тяжелый час? В конце концов, каковы бы ни были его отношения с людьми, которыми он так дорожит, разве не признают эти люди, что она вправе поступить так, как она вынуждена поступить?

Она много размышляла об этом, особенно после второго безуспешного визита к доктору Глену. В иные минуты на лице ее под влиянием тяжких мыслей вдруг появлялось столь несвойственное ей вызывающее, решительное выражение. Она крепко стискивала зубы. Решение принято. Клайд должен на ней жениться. Она заставит его, если другого выхода не будет. Она должна! Должна! У нее семья, мать. А что подумают Грейс Марр, Ньютоны, все, кто ее знает? Какой ужас, и стыд, и горе ожидают всех ее родных – отца, братьев, сестер! Невозможно, невозможно! Этого не должно и не может быть. Трудно ей будет настаивать, зная, как много значат для Клайда его надежды на будущее. Но что же, что ей остается делать?

И поэтому на другой же день, к немалому своему удивлению (так как накануне они провели вместе весь вечер), Клайд получил новую записку, в которой говорилось, что вечером он опять должен быть у Роберты. Ей нужно с ним поговорить. В тоне записки было что-то вызывающее и требовательное, чего никогда не бывало раньше в ее письмах к нему. И сразу он с тревогой подумал, что это новое настроение, если его не удастся рассеять, легко может оказаться гибельным для него; и ему пришлось принять кроткий вид и согласиться: он пойдет и выслушает все ее соображения или жалобы.

Придя поздно вечером к Роберте, Клайд нашел ее такой спокойной, какой она не была ни разу за весь последний месяц, – это его немного удивило: он ожидал увидеть ее в слезах. Но Роберта казалась настроенной более примирительно; в тревожных раздумьях, в поисках спасительного выхода пробудилась и теперь пришла ей на помощь ее врожденная изворотливость.

– Что ж, Клайд, нашел ты другого доктора или придумал еще что-нибудь? – спросила она, прежде чем сказать о своем решении.

– Нет, Берта, – ответил он мрачно и устало: его мозг был измучен и напряжен до предела. – Я пытался, ты же знаешь, но чертовски трудно найти кого-нибудь, кто не побоится впутаться в такую историю. По совести говоря, я совсем стал в тупик. Не знаю, как нам быть, разве что ты что-нибудь придумаешь. А ты не слыхала, к кому можно обратиться?

Еще тогда, когда они возвращались после первого визита к врачу, Клайд предложил Роберте поближе сойтись с девушками из иммигрантских семей: через них постепенно можно было бы получить полезные сведения. Но у Роберты был неподходящий характер для такой легкой дружбы, и из этого ничего не вышло.

Заявив, что он «стал в тупик», Клайд дал ей желанную возможность предложить ему тот выход, который она считала неизбежным и неотложным. Однако она не знала, как примет Клайд ее решение, и потому колебалась, подбирая нужные слова. Она покачала головой и наконец с неподдельным волнением заговорила:

– Ну, вот что я тебе скажу, Клайд. Я много думала обо всем и не вижу никакого выхода… если… если только ты не женишься на мне. Ты сам знаешь, прошло уже два месяца. Если мы не поженимся сейчас же, все откроется, понимаешь?

Она сказала это с видимой твердостью, порожденной убеждением, что она права, но в глубине души с тревогой ждала, как примет ее слова Клайд. На его лице внезапно отразились изумление, негодование, растерянность и страх, и из этой сложной мимической игры можно было понять только одно: что ему нанесли жестокую, несправедливую обиду. Сближаясь все больше и больше с Сондрой, он слишком высоко занесся в своих надеждах, – вот почему теперь, выслушав требование Роберты, он сразу нахмурился, и его хоть и тревожную, но сравнительно мягкую предупредительность сменил испуг, смешанный с возмущением и решимостью во что бы то ни стало избежать столь тяжких последствий. Для него это означало бы полный крах: потерю Сондры, потерю места, крушение всех надежд на карьеру и честолюбивых замыслов, связанных с Грифитсами, – словом, всего! Мысль эта была ему отвратительна, и в то же время он не знал, как быть дальше. Но он не согласен! Не согласен! Он никогда на это не пойдет! Никогда! Никогда! Никогда!!!

Однако после короткой паузы он сказал уклончиво:

– Ну, видишь ли, это хорошо для тебя, потому что тогда все устроится без всяких хлопот. А как со мной? Не забывай, что мне нелегко это сделать при теперешнем положении вещей. Ты же знаешь, у меня совсем нет денег. У меня только одно и есть – моя работа. И потом мои родственники о тебе пока ничего не знают, решительно ничего. И если теперь вдруг откроется, что мы с тобой все это время были в связи и что получилась такая история и я должен немедленно жениться… Уж я и не знаю! Они увидят, что я врал им, и наверняка рассердятся. И что тогда? Они могут даже выгнать меня.

Он замолчал, чтобы посмотреть, как подействуют его объяснения на Роберту, но заметил особое недоверчивое выражение, которое в последнее время всегда появлялось на ее лице, как только он начинал оправдываться. И он прибавил бодро и вместе с тем уклончиво, пытаясь какой-нибудь хитростью оттянуть развязку:

– И потом, я еще не потерял надежды найти доктора. До сих пор мне не очень везло, но это еще не значит, что и дальше ничего не выйдет. Ведь у нас еще есть немножко времени, правда? До трех месяцев, во всяком случае, можно подождать, ничего страшного в этом нет (он получил письмо от Ретерера, который сообщал ему эти сведения). Я слышал на днях, что в Олбани есть один доктор, который может помочь. Я хотел сперва повидаться с ним, а потом уже сказать об этом тебе.

Клайд сказал это с таким неуверенным видом, что Роберта поняла: он просто лжет, чтобы выиграть время. Никакого доктора в Олбани нет. Кроме того, совершенно ясно, что он обозлен ее предложением и думает лишь о том, как бы вывернуться. Она хорошо знала, что он никогда не обещал ей жениться. Правда, она может настаивать, но в конечном счете принудить его к чему-либо невозможно. Он попросту уедет из Ликурга – так он сказал ей однажды, когда зашла речь о том, что он может из-за нее потерять место. И желание уехать станет неизмеримо сильнее, если он лишится общества, которое так его влечет, и окажется перед необходимостью связать себя женою и ребенком. Это соображение сделало ее осторожнее и заставило отказаться от первого властного побуждения говорить решительно и резко.

А Клайд представлял себе сияющий мир, центром которого была Сондра и который теперь был поставлен на карту, и, потрясенный, не мог собраться с мыслями. Неужели он должен отказаться от всего этого для той жизни, какая ждет его с Робертой: тесный домишко… ребенок… скучное, будничное существование в заботах о том, как прожить с нею и с ребенком на скудный заработок, и никакой надежды снова стать свободным! О боже! Ему едва не стало дурно. Нет, нет, он на это не пойдет!

И, однако, он понимал, что стоит ему сделать один ложный шаг, и Роберта с легкостью разрушит все его мечты. Это вернуло ему осторожность и заставило впервые в жизни понять необходимость выдержки и хитрого расчета. Но в глубине души он со стыдом сознавал, что в нем произошла глубокая внутренняя перемена.

– Ну да, Клайд, – ответила ему Роберта, – но ведь ты сам говоришь, что стал в тупик. А для меня страшен каждый лишний день. Вдруг мы не сумеем найти доктора? Не можем же мы пожениться так, чтобы ребенок родился слишком быстро после свадьбы, ты это и сам понимаешь. Тогда все станет известно всему свету. Кроме того, видишь ли, я должна думать не только о тебе, но и о себе, и о маленьком тоже. (При одном лишь упоминании о ребенке Клайда передернуло, и он отпрянул, точно от удара. Роберта это заметила.) Одно из двух: либо нам надо сейчас же, немедленно обвенчаться, либо я должна от этого избавиться. А ты, как видно, не можешь найти доктора, ведь правда? Раз ты уж так боишься дяди – что он подумает и как поступит, если ты жениться на мне, – продолжала она тревожно, но мягко, – давай сейчас обвенчаемся, но будем пока держать это в тайне… столько времени, сколько сможем или сколько ты найдешь нужным, – прибавила она колко. – Тем временем я могу поехать домой и сказать родителям, что я замужем, но что пока это нужно держать в тайне. А потом, когда нельзя будет больше скрывать, мы можем уехать куда-нибудь, если захотим, – то есть если ты не захочешь сказать дяде, – или сможем тогда объявить, что мы уже довольно давно женаты. Теперь многие так делают. А насчет заработка, – продолжала она, заметив, что по лицу Клайда вдруг прошла мрачная тень, – что ж, мы всегда сумеем найти работу. Я наверняка сумею, во всяком случае, сразу после рождения ребенка.

Когда Роберта начала говорить, Клайд сидел на краю кровати и беспокойно и недоверчиво слушал, что она предложит. Однако когда она заговорила о браке и об отъезде, он вскочил: непреодолимое желание двигаться охватило его. А когда она в заключение заявила, что сразу после рождения ребенка пойдет работать, он взглянул на нее чуть ли не с паническим ужасом. Подумать только – жениться на Роберте! Ему придется на это пойти!.. А если бы не она и если бы ему еще немного повезло, он мог бы жениться на Сондре!

– Да, конечно, тебя это вполне устраивает. Твои дела таким образом отлично улаживаются, а со мной как будет? Вот ловко выходит: только я начал здесь работать – и вдруг все брошу и уеду! Придется уехать, если все узнают об этой истории… И уж не знаю, что мне тогда делать! У меня нет никакой специальности. Все это может плохо кончиться для нас обоих. И, кроме того, дядя дал мне место на фабрике потому, что я просил, а если я теперь уеду, он никогда больше не станет мне помогать.

В своем волнении он забыл, что раньше не раз говорил Роберте, будто его родители довольно состоятельные люди и, если ему здесь не понравится, он может вернуться на Запад и найти себе там какое-нибудь занятие. А Роберта теперь вспомнила об этом и потому спросила:

– Но разве мы не можем поехать хотя бы в Денвер? Неужели твой отец не захочет тебе помочь, по крайней мере на первое время?

Она говорила очень мягко, почти умоляюще, стараясь заставить Клайда почувствовать, что будущее не так плохо, как он воображает. Но простое упоминание об отце в связи со всем этим, предположение, что именно он может спасти их обоих от нужды, – нет, это было уже слишком! Это показывало, до чего плохо она представляет себе действительное положение Клайда. Хуже: она ждет помощи с этой стороны! И, не дождавшись – кто знает, – быть может, впоследствии станет упрекать его за то, что он ей лгал. Ясно, что необходимо сейчас же, немедля разбить все ее замыслы насчет брака. Этого не будет – никогда!

Но как без риска для себя заставить ее отказаться от этой мысли? Ведь Роберта считает, что имеет на него права! Как сказать ей открыто и холодно, что он не может и не хочет жениться на ней? А если не сделать этого теперь же, она вообразит, что будет справедливо и законно попросту заставить его жениться! Пожалуй, она сочтет себя вправе пойти к его дяде, к двоюродному брату (он представил себе холодные глаза Гилберта) – пойдет и выдаст его! И тогда гибель! Крушение! Конец всем его мечтам о Сондре и обо всем, что с нею связано. Но он только и сумел сказать:

– Я не могу сделать этого, Берта… по крайней мере сейчас. – Эти последние слова – «по крайней мере сейчас» – сразу заставили Роберту предположить, что при создавшихся условиях у него не хватит решимости воспротивиться этой ее идее о браке. Но едва она так подумала, Клайд продолжал торопливо: – И потом, я не хочу жениться так скоро. Это слишком сложно для меня сейчас. Во-первых, я еще очень молод и у меня нет средств, чтобы жениться, и потом – я не могу отсюда уехать. В других местах я не заработаю и половины того, что получаю здесь. Ты не понимаешь, что для меня значит эта служба. У отца, конечно, положение неплохое, но он не может сделать для меня то, что может дядя. Если бы ты это понимала, ты никогда не предложила бы мне уехать.

Он замолчал. На лице его застыло выражение замешательства, страха и упрямства. Он походил на затравленное животное; за которым по пятам гонится охотник с собаками. Но Роберта думала, что он сопротивляется главным образом из страха перед ликургским общественным мнением (ведь она простая работница), а вовсе не потому, что без памяти влюбился в другую девушку; и она воскликнула с раздражением, которого не сумела скрыть:

– О да, я хорошо знаю, почему ты не можешь уехать отсюда! Твоя служба тут ни при чем, – это все из-за общества, где ты постоянно бываешь. Я знаю! Ты меня больше не любишь, Клайд, вот в чем дело, и ты не желаешь ради меня расстаться с этими людьми. Я знаю, в этом все дело. А ведь так недавно ты любил меня, хотя, кажется, уже не помнишь об этом. – Ее щеки раскраснелись, глаза сверкали. Она остановилась на миг, а он пристально смотрел на нее, не понимая, чем все это кончится. – Но все равно, ты не бросишь меня на произвол судьбы, я не допущу этого, Клайд! Я не могу! Не могу, говорю тебе! – Ее голос

звенел и срывался. – Это слишком важно для меня. Я не знаю, что я буду делать одна, мне не от кого больше ждать помощи, и ты должен мне помочь. Мне надо выбраться из беды – вот и все. Я не могу явиться к родным вот так – одна, без мужа, без поддержки. – Взгляд ее стал и умоляющим и яростным; как бы подчеркивая сказанное, она трагически сжимала руки. – Раз ты не можешь выручить меня тем способом, каким хотел, значит, должен выручить по-другому, вот и все, – с отчаянием вырвалось у нее. – Ты не можешь меня бросить, по крайней мере сейчас, пока я не могу обойтись без тебя. Я не прошу тебя жениться и остаться со мной навсегда, – прибавила она: у нее явилась мысль, что, смягчив таким образом свое требование, она скорее убедит Клайда согласиться на брак, а потом его чувства, быть может, изменятся к лучшему. – После ты можешь оставить меня, если захочешь. После, когда со всем этим будет покончено. Я не могу помешать этому и не захочу мешать, даже если бы и могла. Но теперь ты не можешь меня бросить! Не можешь! Кроме того, – прибавила она, – я ведь не хотела, чтобы со мной случилось такое, и никогда бы этого не случилось, если бы не ты. Ты заставил меня, ты настоял, чтобы я позволила тебе сюда приходить. А теперь ты хочешь меня бросить, чтобы я выкручивалась сама, и все потому, что боишься: вдруг тебя не станут больше пускать в общество, если узнают про меня.

Роберта замолчала: ее усталые нервы не выдерживали напряжения этой борьбы. Она начала негромко, судорожно всхлипывать, видно было, что она изо всех сил старается снова овладеть собой. Они стояли друг против друга: Клайд – тупо глядя на нее и не зная, что отвечать, Роберта – силясь взять себя в руки; наконец ей это удалось, и она продолжала:

– Скажи, разве я теперь другая, чем два месяца назад? Я хочу понять, почему ты так изменился? В чем причина? До рождества ты был так ласков со мной… кажется, нельзя быть ласковее. Ты проводил со мной все свободное время, а теперь я каждый раз должна умолять, чтобы ты пришел. В чем тут дело? В ком? Я хочу знать: что это – другая девушка? Эта Сондра Финчли, или Бертина Крэнстон, или кто-нибудь еще?

Говоря так, она зорко следила за ним. Клайд всегда со страхом думал о том, что скажет и сделает Роберта, узнав о Сондре, и теперь с радостью убедился, что она до сих пор не только ничего не знает наверняка, но даже не подозревает какую-либо определенную девушку. Горе Роберты его почти не трогало, потому что он больше не любил ее. Но положение Роберты было слишком серьезно, ее требования слишком опасны, а Клайд не отличался храбростью. Как ей сказать, в ком и в чем истинная причина перемены? И он трусливо ответил:

– Ты ошибаешься, Берта. Ты не понимаешь, в чем дело. Здесь все мое будущее. Если я оставлю это место, у меня никогда не будет другого такого случая выдвинуться. Если я должен буду жениться вот таким образом или уехать отсюда, все пойдет прахом. Я хочу подождать, понимаешь, сперва устроиться, скопить немного денег, а уж потом жениться. А если я сейчас все брошу, нам обоим не на что будет надеяться, – прибавил он беспомощно, забыв на минуту, как перед этим старался показать ей, что впредь не желает иметь с нею ничего общего. – И, кроме того, Берта, – продолжал он, – если ты найдешь кого-нибудь, кто тебе поможет, или уедешь куда-нибудь на время и справишься с этим одна, я буду на все посылать тебе деньги. Я могу взять это на себя до тех пор, пока ты не придешь в нормальное состояние.

На лице его при этих словах отразилась полная беспомощность, и Роберта увидела, что все его недавние планы и намерения помочь ей пошли прахом. И, поняв, до какой степени дошло его равнодушие, если он готов так небрежно, так бессердечно отделаться от нее и от их будущего ребенка, она не только возмутилась, но и испугалась.

– Как ты переменился, Клайд! – воскликнула она горячо, с такой смелостью и вызовом, каких еще ни разу не обнаруживала за все время их знакомства. – Каким жестоким ты можешь быть! Ты хочешь отослать меня одну, просто ради собственной выгоды, чтобы самому остаться здесь и жить по-прежнему. А когда я не буду стоять у тебя на дороге и тебе больше не надо будет заботиться обо мне, ты женишься на какой-нибудь другой девушке. Нет, я так не хочу! Это несправедливо. И я не хочу, вот и все. Не хочу – и кончено… Либо найди доктора, который мне поможет, либо женись на мне и уедем куда-нибудь, хотя бы до тех пор, пока не родится ребенок, чтобы потом я могла спокойно смотреть в глаза моим родителям и всем, кто меня знает. После можешь меня оставить, мне все равно. Раз ты больше не любишь меня и не хочешь иметь со мной дела, я тоже не хочу. Но все равно, ты должен помочь мне, должен! Господи!.. – Она снова тихо, горько заплакала.

– Если б я знала, что наша любовь кончится так… Что ты предложишь мне уехать куда-то одной, совсем одной… а сам останешься здесь… Господи боже мой!.. Одна, с ребенком на руках, без мужа…

Она ломала руки и в отчаянии качала головой. А Клайд понимал, конечно, как жестоко и бессердечно то, что он предлагает, но в своем страстном увлечении Сондрой считал, что ничего лучше или по крайней мере безопаснее нельзя придумать, и теперь стоял перед Робертой, не находя слов.

Еще долго тянулся этот тяжелый разговор, и под конец было решено, что Клайд в течение недели или двух постарается найти врача или кого-нибудь, кто помог бы Роберте. А через две недели, если за это время ничего не удастся сделать, ну, тогда (это была подразумевающаяся, хоть и не высказанная напрямик угроза)… тогда он на ней женится. Пусть брак их будет хотя бы временный, но все же вполне законный, – это нужно до тех пор, пока она не сможет снова существовать самостоятельно. Это была угроза, тяжкая и унизительная для Роберты, невыносимо страшная для Клайда.

Глава 39

Когда стремления двух людей столь противоположны и когда к тому же оба не способны выпутаться из создавшегося затруднительного положения, это может привести лишь к еще большим трудностям и даже к катастрофе, если только не придет на помощь какой-то счастливый случай. Но случай не приходил. А присутствие Роберты на фабрике не позволяло Клайду забывать о грозящей беде. Если б только убедить ее уехать куда-нибудь, найти работу где-нибудь в другом месте, чтобы она не была все время у него перед глазами! Тогда он мог бы обдумать все более спокойно… Но сейчас, когда она всем своим видом непрерывно спрашивала, что он намерен предпринять, он совсем не мог думать. А его теперешнее равнодушие к ней заставляло его забывать о том, что он обязан считаться с ее интересами. Он был слишком влюблен в Сондру и потому совсем сбит с толку.

Как ни сложна была стоявшая перед Клайдом задача, он все-таки продолжал мечтать о Сондре, и тяжелые затруднения, связанные с Робертой, казались ему подчас всего лишь тенью, облаком, омрачавшим эту мечту. И вот по вечерам, так часто, как только позволяли ему еще не порванные отношения с Робертой, он стремился насладиться всем тем, что могли дать ему светские знакомства. К его величайшей гордости и удовлетворению, его приглашали то на обед к Гарриэтам или Тэйлорам, то на вечеринку к Финчли или Крэнстонам, и он либо должен был сопровождать Сондру, либо шел в радостной надежде с нею встретиться. А она теперь уже не прибегала к хитростям и притворству, которыми раньше прикрывала свой интерес к Клайду, и зачастую открыто искала встречи с ним в обществе. Но так как эти встречи происходили на обычных для ее круга сборищах молодежи, то старшие, разумеется, не придавали им особого значения. Правда, миссис Финчли, крайне щепетильная и проницательная при выборе знакомств, вначале была не слишком довольна тем вниманием, которое проявляли к Клайду ее дочь и все остальные. Но, видя, что его все более охотно принимают не только у нее в доме, но и в компании, к которой принадлежит Сондра, да и в других домах, чуть ли не повсюду, она в конце концов стала думать, что Клайд, вероятно, занимает более солидное положение в свете, чем ей говорили раньше. Она попробовала расспросить о нем сына и даже Сондру. Но Сондра лишь сказала уклончиво, что раз он двоюродный брат Гила и Беллы Грифитс и его всюду охотно приглашают, потому что он очень милый, – даже если у него и нет денег, – так почему бы ей и Стюарту не принимать его? Миссис Финчли решила пока удовлетвориться этим и только посоветовала дочери ни в коем случае не заводить с Клайдом слишком большой дружбы. Сондра понимала, что мать отчасти права, но ее слишком тянуло к Клайду, и потому она решила обманывать мать, – во всяком случае, тайком она будет вести себя с Клайдом так свободно, как ей вздумается. Так оно и шло, и всякий, кто был свидетелем их встреч, мог бы сказать, что близость Сондры и Клайда становится все более тесной, и, знай об этом Финчли-родители, они бы, конечно, очень встревожились. Не говоря уже о том, как мечтал о ней Клайд, и сама Сондра была теперь во власти таких мыслей и настроений, которые граничили с самыми гибельными проявлениями таинственной алхимии любви. В самом деле, кроме рукопожатий, поцелуев и обмена восхищенными взглядами в минуты, когда предполагалось, что никто этого не видит, тут были и туманные, но возникавшие снова и снова мечтания о будущем, которое каким-то образом, еще не ясным ни Клайду, ни Сондре, должно было их соединить.

Вот настанут летние дни – до этого уже недалеко, – и они вдвоем поплывут на байдарке по Двенадцатому озеру… Длинные тени прибрежных деревьев протянулись по серебристой воде, ветерок рябит водную гладь, Клайд лениво гребет, а она полулежит на корме и мучает его намеками на будущее… Поросшая мягкой травой, пестрая от солнечных пятен лесная тропинка, уходящая на юго-запад от дач Крэнстонов и Фэнтов, неподалеку от владений Финчли, – по ней в июне и в июле они будут ездить верхом к живописному мысу Вдохновения (около семи миль к западу)… Благотворительный базар в Шейроне, где она в цыганском костюме – воплощенная романтика – будет хозяйничать в каком-нибудь киоске или в щегольской амазонке показывать свое искусство наездницы… Пикники, танцы днем и при лунном свете, когда, томно покоясь в его объятиях, она будет смотреть ему в глаза…

Никаких материальных забот. Никаких мыслей о возможном сопротивлении со стороны ее родителей. Одна только любовь, лето и идиллическое, полное счастья приближение к той минуте, когда в конце концов, наперекор всем препятствиям, прочные узы соединят их навеки.

А тем временем прошло еще два долгих, тоскливых и страшных месяца, и Роберта все не решалась на тот шаг, который должен был погубить Клайда. Хотя она и была убеждена, что Клайд только обдумывает, как бы ускользнуть от ответственности, и вовсе не собирается на ней жениться, однако и она, как он, плыла по течению, боясь действовать решительно. Ибо после того разговора, когда она сказала ему о необходимости обвенчаться, Клайд уже несколько раз неясно, намеками угрожал, что не женится на ней, даже если она обратится к его дяде, – просто возьмет и уедет отсюда.

Клайд изображал дело так, что, если ему помешают сохранить его нынешнее положение в Ликурге, он будет не в состоянии жениться, более того, он, вероятно, ничем не сможет помочь Роберте как раз тогда, когда она будет чрезвычайно нуждаться в помощи. Этот намек навел Роберту на размышления об известной жестокости в характере Клайда, которая до сих пор в полной мере еще не обнаруживалась; впрочем, если бы Роберта как следует поразмыслила, она бы заметила эту его черту уже давно, когда Клайд впервые настоял, чтобы она впустила его в свою комнату.

Однако, видя, что Роберта ничего не предпринимает, и все же побаиваясь, как бы она не отважилась его разоблачить, Клайд несколько изменил свое поведение: вместо полнейшего равнодушия, с каким он держался до тех пор, пока она не стала ему угрожать, он проявлял теперь притворное внимание, доброжелательство и дружелюбие. Положение, в котором оказался Клайд, было достаточно: опасным и пугающим, чтобы развить в нем изворотливость, прежде ему несвойственную. Кроме того, Клайд

весьма наивно надеялся, что, пожалуй, ему удастся смягчить, обезоружить Роберту: нужно вести себя так, словно он по-прежнему живо озабочен ее положением и, на худой конец, если не найдется другого выхода, даже готов на ней жениться (в действительности никто никогда не убедил бы его взять на себя такое обязательство). Тогда она не станет заставлять его немедленно что-то предпринимать, и он, выиграв время, постарается всеми правдами и неправдами увильнуть от брака и при этом не бежать из Ликурга.

Роберта понимала, чем вызвана эта внезапная перемена, но она была так безнадежно одинока и растерянна, что охотно прислушивалась к его притворно сочувственным, лишенным подлинной сердечности рассуждениям и советам. И Клайд уговорил ее подождать еще немного. Тем временем он не только накопит денег, но и постарается так устроить свои дела на фабрике, что можно будет уехать хоть на время из Ликурга и где-нибудь обвенчаться. Потом он устроит Роберту с ребенком в другом городе, где она в качестве замужней женщины сможет жить спокойно, а сам (хотя в то время он этого ей и не сказал) вернется в Ликург и будет посылать ей деньги, сколько сможет. Но все это, разумеется, при одном условии: пока он не позволит, она никому не должна говорить, что он ее муж и отец ее ребенка. Подразумевалось также (Роберта снова и снова твердила об этом, лишь бы он женился на ней), что она постарается получить развод, сославшись хотя бы на то, что муж оставил ее, и сделает это побыстрее и где-нибудь подальше от Ликурга, чтобы здесь никто ничего не узнал. Впрочем, Клайд вовсе не был уверен, что она это сделает, если уж он на ней женится.

Разумеется, Клайд не был искренен, когда обещал все это, а потому его мало заботило, искренне ли говорит Роберта. Он вовсе не собирался добровольно уезжать из Ликурга, даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы выручить ее из беды. Ведь это значило бы расстаться с Сондрой, а такая разлука сильно повредила бы его планам. И вот он по-прежнему бездействовал и порою праздно фантазировал о какой-нибудь мнимой, поддельной свадьбе, вроде той, которую он видел когда-то в кино, в каком-то мелодраматическом фильме: с фальшивым священником и лжесвидетелями, сговорившимися обмануть какую-то деревенскую дурочку, но Роберта была совсем не такая, да и требовалось для этого слишком много времени, денег, смелости и ловкости, и потому Клайд после недолгого размышления сообразил, что это ему не под силу.

Он понимал, что идет прямо навстречу близкой и неминуемой катастрофе, от которой его могла спасти лишь какая-нибудь совершенно непредвиденная случайность. А порою он даже мечтал, что в роковой час, когда Роберту уже нельзя будет обмануть никакими уловками и она захочет обличить его, он просто будет все отрицать: заявит, что ни в какой связи с нею не состоял и знает ее только как работницу своего отделения, не больше. Его просто шантажируют.

В начале мая Роберта, чувствуя себя плохо и опасаясь, как бы ее состояние не заметили окружающие, стала настойчиво внушать Клайду, что при самых героических усилиях она сможет оставаться на фабрике не дольше первого июня: ведь к тому времени девушки, наверно, станут уже замечать, что она в положении, и этого ей не вынести. Но тут как раз Сондра сообщила ему, что не позднее пятого июня она, ее мать и Стюарт с несколькими слугами переезжают на новую дачу на Двенадцатом озере, чтобы устроиться как следует, прежде чем начнется настоящий сезон. И затем, не позже восемнадцатого, когда туда же переедут Крэнстоны, Гарриэты и еще кое-кто (возможно, что приедут погостить Белла и Майра), Клайд может ждать приглашения на субботу и воскресенье от Крэнстонов, – она устроит это через Бертину. Потом (все обстоятельства этому благоприятствуют) последуют, конечно, и приглашения от Гарриэтов, Фэнтов и от некоторых других обитателей Двенадцатого озера, а пожалуй, и от Грифитсов на Лесное

– туда он свободно может поехать благодаря Белле. А во время своего двухнедельного отпуска, в июле, он мог бы поселиться в «Казино» на Сосновом мысе; возможно, что Крэнстоны или Гарриэты даже пригласят его к себе по ее совету. Во всяком случае, Клайд понял, что при вполне посильных расходах (для этого надо лишь немножко урезать себя сейчас) он сможет изведать дачную жизнь на озерах, о которой он столько читал в местных газетах, а главное – часто видеться с Сондрой то на одной, то на другой даче, где хозяева не так неприязненно относятся к нему, как родители Сондры.

Теперь Сондра впервые объяснила ему, что ее мать и отец недовольны постоянным и явным ухаживанием Клайда и стали уже поговаривать о продолжительном путешествии по Европе: возможно, что Сондра и Стюарт вместе с матерью пробудут за границей не меньше двух лет. Но, увидя, как от этой новости омрачилось лицо и упало настроение Клайда, Сондра, сама очень огорченная, сейчас же прибавила, что не надо принимать это слишком близко к сердцу, не надо! Все уладится, она уверена. До тех пор что-нибудь, если не само по себе страстное увлечение Клайдом, так какая-нибудь хитрая затея, поможет Сондре повлиять на мать и заставить ее изменить отношение к Клайду… а если нет, в свое время ей придется принять нужные меры, чтобы перехитрить мать. Какие именно меры, Сондра пока не хотела сказать, хотя в пылком воображении Клайда уже рисовалось бегство с нею и тайный брак, который ее родители потом не смогут расторгнуть, что бы они о нем ни думали. И действительно, мысль об этом, пока еще смутная и несмелая, возникала и в уме Сондры. Дело в том, объяснила она Клайду, что мать явно хочет выдать ее замуж за одного светского молодого человека, который ухаживал за нею и в прошлом году. Но теперь, когда Сондра полюбила Клайда, не так-то легко будет ее уговорить!

– Вся беда в том, что я несовершеннолетняя, – бойко и бесцеремонно объясняла она. – Поэтому я у них в руках. Но в октябре мне исполнится восемнадцать, и тогда – так и знайте! – ничего они со мной не поделают. Надо полагать, я могу выйти замуж, за кого пожелаю. А если не могу здесь, в Ликурге, – ну что ж, найдется другой выход, не только свету, что в окошке.

Мысль эта была сладким, разлагающим ядом для Клайда. Она бросала его в жар и сводила с ума. Если бы… если бы только не Роберта! Страшная и почти неразрешимая задача. Если бы не это и не сопротивление родителей Сондры, которое она надеялась преодолеть, разве не райское блаженство ожидает его? Сондра, Двенадцатое озеро, светское общество, богатство, любовь, красота. У него кружилась голова, когда он об этом думал. Если они с Сондрой поженятся, что останется делать ее родным? Только покориться и принять их в великолепное лоно своего роскошного дома в Ликурге или обеспечить их каким-нибудь другим способом. Он, без сомнения, в конце концов получит какое-нибудь место в «Компании электрических пылесосов» Финчли. И тогда он будет равен самому Гилберту Грифитсу и всем тем, кто вначале пренебрегал им в Ликурге (а то и выше!): вместе со Стюартом он будет наследником всего богатства Финчли! И в центре всего и превыше всего

– Сондра, драгоценнейший камень в этом великолепии, внезапном и сказочном, словно из «Тысячи и одной ночи».

И никаких мыслей о том, как поступать пока, до октября. Никаких серьезных планов относительно Роберты, которая вот теперь, сейчас, требует, чтобы он на ней женился. Надо как-нибудь от нее отделаться, думал Клайд. И в то же время он болезненно и тревожно ощущал, что никогда еще за всю свою жизнь не был так близок к страшному несчастью. Быть может, его долг (так считает общество, так сказала бы его мать) по меньшей мере помочь Роберте выпутаться из беды. Но разве кто-нибудь пришел на помощь Эсте? Ее возлюбленный? Он со спокойной совестью бросил ее, и она от этого не умерла. А Роберте приходится ничуть не хуже, чем пришлось тогда его сестре. Почему же она стремится его погубить? Почему она заставляет его отказаться от карьеры и положения в обществе, от стремления к красоте, к любви и страсти? Для него это почти самоубийство! А ведь если бы она сейчас избавила его от всего этого, впоследствии он мог бы сделать для нее гораздо больше… конечно, с помощью денег Сондры. Нет, он не допустит, чтобы она так с ним поступила, не даст загубить ему жизнь!

Глава 40

Два незначительных случая, которые произошли в это время, привели к тому, что намерения Роберты и Клайда стали еще непримиримее.

Как-то вечером Роберта случайно увидела Клайда на Сентрал-авеню: он стоял на краю тротуара перед зданием почты и разговаривал с Арабеллой Старк, которая ожидала своего отца, сидя в большом, внушительном автомобиле. Мисс Старк, одетая по последней моде в соответствии с требованиями сезона, вкусами своего круга и собственным претенциозным вкусом, сидела за рулем в жеманной позе, рассчитанной не только на Клайда, но и вообще на публику. Роберте, которая к этому времени была доведена до отчаяния медлительностью Клайда и не знала, как заставить его помочь ей, эта девушка показалась воплощением-беззаботности, роскоши и бездумного отношения к жизни – всего, что так прельщало Клайда и заставляло медлить и относиться с полнейшим равнодушием к ее ужасному положению. И в самом деле, у нее есть права, обусловленные ее теперешним состоянием, но что может она дать Клайду взамен той жизни, от которой он должен будет отказаться, уступив ее требованию? Ничего… Мысль не слишком ободряющая.

И вот в эту минуту, когда она сравнила свой жалкий, презренный удел с уделом хотя бы этой мисс Старк, ею овладели такая горечь и враждебность, каких она никогда еще не испытывала. Это неправильно! Несправедливо! Уже несколько недель прошло с тех пор, как они в последний раз обсуждали свои дела, и за это время Клайд почти не заговаривал с нею на фабрике и тем более избегал приходить к ней домой, опасаясь обычных ее вопросов, на которые ему нечего было отвечать. И она чувствовала, что он относился к ней теперь не только невнимательно, но и с настоящим озлоблением.

А все же, когда она шла домой после этой ничтожной, но очень выразительной сценки, ее сердце полно было не столько гневом, сколько печалью и болью, потому что любовь и спокойствие исчезли, и видно, никогда уже не возвратятся… никогда… никогда, никогда… Это ужасно… ужасно!

С другой стороны, Клайду почти в это же время пришлось увидеть нечто такое, что имело прямое отношение к Роберте и было словно нарочно подстроено насмешливой и злобной судьбой. В следующую же субботу маленькая компания молодежи, по предложению Сондры, отправилась на автомобиле к озеру Стрелы (к северу от Ликурга) на дачу Трамбалов, чтобы провести воскресенье на лоне весенней природы. Ехать следовало прямо по направлению к Бильцу, но в одном месте пришлось сделать крюк, и через некоторое время компания оказалась на пересечении двух дорог, как раз возле фермы Олденов

– родного дома Роберты. Трейси Трамбал, который в это время вел машину, предложил, чтобы кто-нибудь отправился на ферму и узнал, какая дорога ведет в Бильц. И Клайд, сидевший с краю, выскочил из машины. Взглянув на почтовый ящик на перекрестке, явно имевший отношение к полуразрушенному ветхому дому, стоявшему тут же на пригорке, Клайд с немалым удивлением прочитал написанное на этом ящике имя отца Роберты: Тайтус Олден. Он вспомнил, как она говорила, что ее родители живут неподалеку от Бильца, – значит, это и есть ее дом. На мгновение он растерялся, не зная, идти ли ему туда: когда-то он подарил Роберте свою маленькую фотографическую карточку, и она могла показать ее здесь. И притом уже одного сознания, что это заброшенное, разоренное жилье имеет прямое отношение к Роберте, а значит, и к нему самому, было достаточно, чтобы Клайду захотелось повернуться и убежать.

Но Сондра, сидевшая в автомобиле рядом с Клайдом, заметила его нерешительность и крикнула:

– В чем дело, Клайд? Испугались собачки? Гав-гав, укусит!

Клайд понял, что, если он сейчас же не двинется дальше, это привлечет общее внимание, и быстро пошел по дорожке к дому. Но едва он взглянул на этот дом повнимательнее, в мозгу его пробудились самые тревожные и мрачные мысли. Ну и дом! До чего он одинок и гол даже в этот светлый весенний день. Ветхая, осевшая крыша. Одна труба развалилась, и у ее основания валяются обломки кирпичей; другая покосилась, чуть не падает, и ее удерживают на месте только подпорки. А заросшая, невычищенная дорожка, по которой медленно поднимается Клайд! На него произвели удручающее впечатление разбитые камни перед входной дверью – остатки развалившегося крыльца. А некрашеные надворные постройки!

Ну и ну! И это дом Роберты. И она еще требует, чтобы он женился на ней, когда такие мечты, такие надежды связаны у него с Сондрой и со всем ее кругом! И Сондра здесь, в автомобиле, и видит все это, хоть ничего и не знает… Какая нищета! Какая беспредельная мрачность во всем! И его жизнь начиналась так же, но как далеко позади осталось все это!

Ощущая слабость и тупую ноющую боль под ложечкой, будто от удара, он подошел к дверям. И тут, словно для того, чтобы еще больше его расстроить

– если только это было возможно, – дверь открыл Тайтус Олден в старой, изношенной куртке с продранными локтями, в мешковатых потертых штанах и грубых, нечищеных и непомерно больших деревенских башмаках. Он вопросительно взглянул на Клайда. И Клайд, пораженный костюмом Тайтуса и его сходством с Робертой (особенно похожи были глаза и линии рта), торопливо спросил, идет ли дорога, проходящая мимо, в Бильц и можно ли по ней доехать до северного шоссе. Он предпочел бы услышать краткое «да», повернуться и уйти, но Тайтус спустился с ним во двор и, размахивая руками, подробно объяснил, что, если они хотят выехать на лучшую часть дороги, им надо проехать по прежней еще около двух миль и потом свернуть на запад. Не дослушав, Клайд кратко поблагодарил, повернулся и поспешил прочь.

Безмерно угнетенный, он вспомнил: как раз теперь Роберта думает, будто он готов отказаться от всего, что обещает ему Ликург (от Сондры, от наступающей весны и лета, от любви и поэзии, от веселья, продвижения в обществе, власти… от всего!), уехать с нею и обвенчаться! Забраться в какую-нибудь дыру! Что за ужас! И с ребенком – в его-то годы! Ах, почему он был так глуп и слаб, что связал себя с нею? И все из-за нескольких одиноких вечеров! Почему, почему он не подождал, пока перед ним откроется этот новый мир? Если бы он сумел подождать!

А теперь, бесспорно, – если только ему не удастся быстро и легко освободиться от Роберты – все это великолепие наверняка будет для него потеряно. И другой мир, тот, из которого он вышел, протянет к нему свои страшные нищие руки и снова завладеет им, – так бедность родителей держала его в тисках с самого начала и едва не задушила. И ему даже смутно подумалось: как странно, что Роберту и его, с их поразительно схожим происхождением, вначале так сильно влекло друг к другу… Почему так случилось? Какая странная штука – жизнь! Но много больше мучила его стоявшая перед ним задача: найти выход. С этой минуты всю дорогу мысль его работала в поисках какого-то решения. Одно слово жалобы со стороны Роберты или ее родителей его дяде или Гилберту – и он погиб!

Мысль об этом так волновала его, что, вернувшись в машину, он сидел совсем молча, хотя перед этим вместе со всеми превесело болтал о чем попало. И Сондра, сидевшая рядом с ним и потихоньку поверявшая ему свои планы на лето, теперь, вместо того чтобы продолжать прежний разговор, шепнула:

– Что случилось с маленьким? (Когда Клайд бывал хоть немного грустен, Сондра любила разговаривать с ним, как с младенцем, и ее ребячливый лепет действовал на него как электрический ток: ему было и сладко и мучительно. Он называл ее иногда «моя лепетунья».) Рожица совсем мрачная. А только недавно мы улыбались вовсю. Пусть мой мальчик станет опять веселым. Пусть улыбнется Сондре. Пусть Клайд, как паинька, пожмет руку Сондре!

Она повернулась и заглянула ему в глаза, чтобы посмотреть, как действует на него эта ласковая ребяческая болтовня, и Клайд, разумеется, постарался принять веселый вид. И, однако, несмотря на всю ее удивительную любовь, перед ним неотступно стоял призрак Роберты и всего, что было в ней теперь воплощено; ее состояние, ее недавнее решение и очевидная невозможность сделать что-либо, кроме одного – уехать вместе с нею…

Да, но… чем так запутываться – и из-за чего!.. – уж не лучше ли (даже если он при этом навсегда потеряет Сондру) сбежать отсюда, как он сбежал из Канзас-Сити, когда убили ту девочку… и чтобы о нем здесь больше не слыхали. Но это значит потерять Сондру, все здешние связи, дядю, все! Все потерять! Что за несчастье снова скитаться в поисках пристанища! Опять придется писать матери о некоторых обстоятельствах, связанных с его бегством, – ведь впоследствии кто-нибудь отсюда может написать ей и дать всему гораздо более убийственное объяснение. А что подумают о нем родные? В последнее время он писал матери, что так преуспевает! Что же у него за судьба, почему его преследуют неудачи? И неужели его жизнь всегда будет такой? Бежать то от одного, то от другого и где-то на новом месте опять начинать все сначала… быть может, только для того,

чтобы потом пришлось бежать от чего-то еще худшего. Нет, он не может снова бежать. Он должен взглянуть беде прямо в лицо и найти какой-то выход. Должен!

Боже!

Глава 41

Настало пятое июня, и Финчли уехали, как и предупреждала Сондра; но перед отъездом она не раз напоминала Клайду, чтобы он приготовился поехать к Крэнстонам на второе или на третье воскресенье (потом она сообщит точнее). Отъезд Сондры так подействовал на Клайда, что он без нее просто не знал, куда деваться, как ни угнетали его запутанные отношения с Робертой. И именно в это время страхи Роберты и ее требования стали такими настойчивыми, что невозможно было дольше успокаивать ее уверениями, будто нужно только еще немножко подождать, а он скоро подготовит все, чтобы ей помочь. Что бы он ни говорил, Роберта понимала: того и гляди, все откроется и шутить с этим больше нельзя. Она утверждала (хотя это было в значительной мере подсказано страхом), будто ее фигура настолько уже изменилась, что ей невозможно больше скрывать свое положение, и девушки, которые работают вместе с нею на фабрике, очень скоро все узнают. Она уже не может ни работать, ни спать спокойно, ей больше нельзя здесь оставаться. Она уже чувствует боли (чистейшая фантазия, плод перепуганного воображения). Клайд должен, как было условлено, жениться на ней и немедленно уехать с нею куда-нибудь – близко, далеко, куда угодно, – на то время, пока не минует эта ужасная опасность. И она согласна, это святая правда (Роберта теперь почти умоляла), чтобы он оставил ее тотчас после рождения ребенка, – и больше она ни о чем его никогда не попросит… никогда! Но теперь, на этой же неделе, никак не позже пятнадцатого, он должен сделать, как обещал, – позаботиться о ней, пока все не будет кончено.

Это означало, что Клайду придется уехать с Робертой даже раньше, чем можно будет навестить Сондру на Двенадцатом озере, уехать, ни разу больше с нею не повидавшись. А кроме того, он прекрасно знал, что далеко еще не скопил суммы, необходимой для того, чтобы отважиться на то рискованное предприятие, на котором настаивала Роберта. Напрасно Роберта сообщила ему, что у нее отложено больше сотни долларов и можно воспользоваться этими деньгами после свадьбы или же пустить их на необходимые расходы при переезде из Ликурга. Клайд понимал и чувствовал только одно: это значит, что он теряет все. Он должен уехать с нею куда-нибудь, не очень далеко, и взяться за любую работу, чтобы добывать ей и себе средства к существованию. Какая ужасная перемена! Крушение всех его великолепных грез! И все же, напрягая мозг, он не мог придумать ничего лучшего, как убедить Роберту бросить работу и поехать на некоторое время домой к родителям; он доказывал – и очень хитро, как думал сам, – что ему нужно еще несколько недель, чтобы подготовиться к перемене в их жизни. Дело в том, лживо уверял он, что, несмотря на все усилия, ему еще не удалось накопить столько денег, сколько он надеялся. Ему нужно по крайней мере еще три или четыре недели, чтобы собрать ту сумму, которую он считает необходимой для задуманного ими отъезда. Ведь она сама говорила, что им понадобится полтораста или двести долларов, не меньше – изрядная сумма в ее глазах. А у Клайда сверх его еженедельного заработка было отложено только сорок долларов, и он мечтал употребить их и все, что ему еще удастся сберечь, на кое-какие расходы, необходимые в связи с предполагаемой поездкой на Двенадцатое озеро.

И чтобы это туманное предложение о кратковременной поездке Роберты домой прозвучало убедительнее, Клайд прибавил, что она ведь, наверно, и сама хочет немного привести себя в порядок. Не может же она пустится в такое путешествие, включающее и свадьбу и перемену всех знакомств и связей, не позаботившись как-то о своем гардеробе. Пусть она употребит на это свои сбережения или хотя бы часть их… Положение Клайда было отчаянное, и он не останавливался даже перед такими советами. Роберта до сих пор была слишком не уверена в завтрашнем дне и не решалась шить или покупать что-либо для себя и для будущего ребенка; но теперь она подумала, что, какова бы ни была истинная цель его совета, связанного, как и все советы Клайда, с новой проволочкой, ей и в самом деле следовало бы потратить две-три недели и с помощью недорогой, но приличной портнихи, которая иногда помогала ее сестре, сшить себе одно или два подходящих платья. Можно сшить платье из набивной серой тафты – она видела такое в кино. В нем она может венчаться, если Клайд сдержит свое слово. Это будет очень милый наряд; она прибавит к нему модную серую шелковую шляпку с маленькими полями (и на полях в одном месте – розовые или ярко-красные вишни) и скромный дорожный костюм из синей саржи; все это, вместе с коричневыми туфлями и коричневой шляпой, сделает ее нарядной, не хуже всякой другой невесты.

Эти приготовления означали новую отсрочку и лишние расходы. Клайд мог еще и раздумать, не жениться на ней, к тому же для них обоих этот предполагаемый брак был чем-то довольно непривлекательным и мрачным; и, однако, все это не могло изменить представления Роберты о браке как о большом событии, о таинстве, которому присущи особая красота и поэтичность, неотделимые от него даже при таком вот несчастливом стечении обстоятельств. И – странное дело! – несмотря на тяжелые и натянутые отношения с Клайдом, она все еще видела его в том же свете, что и вначале. Он прежде всего Грифитс, юноша из светского общества, хотя и небогатый, – все девушки ее круга и даже многие, стоящие гораздо выше, были бы счастливы выйти за него замуж. Пусть ему не хочется на ней жениться, но все равно он человек значительный. И он единственный, с кем она была бы совершенно счастлива, если бы он хоть немного любил ее. И, во всяком случае, когда-то он ее любил. А говорят (она слышала это и от своей матери и от знакомых), что мужчины, по крайней мере некоторые, нередко совсем по-другому, с новой нежностью начинают относиться к матери своего ребенка. Как бы там ни было, а если все, о чем они уговорились, будет в точности выполнено, то хоть недолго – очень недолго, – но они все же будут вместе, он поможет ей пережить этот тяжелый кризис, даст свое имя ребенку и поддержит ее, пока она не сможет снова так или иначе устроиться самостоятельно.

Итак, на этом она пока и порешила, хотя ее и мучили тревожные предчувствия и сомнения, потому что она видела, как равнодушен к ней Клайд.

В таком настроении Роберта через пять дней уехала домой, заранее написав родителям, что приедет не меньше чем на две недели, чтобы сшить одно или два платья и отдохнуть немного, так как чувствует себя не совсем хорошо; Клайд проводил ее до Фонды. У него, в сущности, не было никакой определенной и приемлемой идеи, и ему казалось, что только молчание, одно молчание для него теперь единственно важно и существенно. Под грозящим ножом катастрофы ему необходима возможность думать еще, и еще, и еще, чтобы никто не принуждал его ни к каким действиям, чтобы его не мучила ежеминутно мысль о Роберте: ведь когда-нибудь в нервном, неистовом состоянии она может сказать или сделать что-нибудь такое, что помешает ему (если он нападет на какую-нибудь спасительную идею) осуществить планы, связанные с Сондрой.

А в это время Сондра с дачи на Двенадцатом озере писала ему веселые записки о том, что ждет его в близком будущем, когда он приедет. Голубая вода… белые паруса… теннис… гольф… верховая езда… катание на автомобиле. Она обо всем уже сговорилась с Бертиной. И поцелуи, поцелуи, поцелуи…

Глава 42

Два письма, которые Клайд получил одновременно, еще больше осложнили положение.

«Сосновый мыс, 10 июня.

Клайди, маленький!

Как поживает мой крошка? Все хорошо? Здесь просто великолепно. Приехало много народу, и с каждым днем становится все оживленнее. Ресторан «Казино» и площадка для гольфа уже открыты, и там тоже масса народу. Сейчас Стюарт и Грэнт на своих лодках отправляются по озеру, – мне слышно, как стучат моторы. Не задерживайтесь, милый, и приезжайте поскорее. Тут так хорошо, что и описать нельзя. Ездим верхом по зеленым лесным дорогам, купаемся, каждый день с четырех часов танцуем в «Казино». Только что замечательно прокатилась на своем Дикки и после завтрака опять поскачу – отвезу письма на почту. Бертина сказала, что напишет вам сегодня или завтра и пригласит на любое воскресенье или на любой другой день, так что, когда Сонда напишет «приезжайте», вы сейчас же приедете, слышите? А то Сонда вас накажет, гадкий, милый мальчик!

Наверно, мальчик много работает на этой гадкой фабрике? А Сонда хочет, чтобы он был здесь… Мы бы ездили и верхом, и на автомобиле, и плавали бы, и танцевали… Не забудьте захватить свою теннисную ракетку и палки для гольфа. При «Казино» шикарные площадки.

Сегодня утром, когда я каталась на Дикки, какая-то птичка вылетела у него из-под копыт. Он испугался и понес, и Сонду всю исхлестало ветками. Клайду жалко свою бедную Сонду?

Сонда пишет сегодня массу всяких писулек. После завтрака она поедет и отправит их, а потом пойдет в «Казино» с Бертиной и с Ниной. А Клайд не хотел бы пойти с нами? Мы бы потанцевали «Тодди». Сонда очень любит эту песенку. А теперь ей надо одеваться. Завтра напишу еще, гадкий мальчик! А когда вам напишет Бертина, отвечайте сейчас же. Видите, сколько я тут наставила точек? Это поцелуи. Большие и маленькие. Все для гадкого мальчика. Пишите Сонде каждый день, и она тоже будет писать.

Целую много раз».

На это письмо Клайд ответил пылко, в таком же духе и в тот же час, как получил его. Но чуть ли не с той же почтой, по крайней мере в тот же день, пришло письмо от Роберты:

«Бильц, 10 июня.

Дорогой Клайд!

Я уже приготовилась лечь спать, но сперва хочу написать тебе несколько строк. Поездка была такая утомительная, что я теперь почти больна. Прежде всего, как ты знаешь, мне не очень хотелось ехать одной. Я страшно расстроена и очень тревожусь, хотя и говорю себе, что теперь у нас все решено и ты приедешь за мной, как обещал».

(Дочитав до этого места, Клайд с отвращением вспомнил жалкую деревенскую глушь под Бильцем; к несчастью, именно в этом мире живет Роберта, и потому он вдруг, как бывало, ощутил жалость и угрызения совести. В конце концов это не ее вина. Что

могло ее ждать в жизни? Только работа или самое прозаическое замужество. Впервые за много дней вдали от обеих девушек он был способен по-настоящему ясно думать и глубоко, хоть и угрюмо, сочувствовал Роберте. Потом стал читать дальше.) «Но здесь сейчас очень хорошо. Деревья такие зеленые, и кругом все цветет. Когда подходишь к окнам, слышно, как в саду жужжат пчелы. По пути сюда, вместо того чтобы поехать прямо домой, я решила остановиться в Гомере и повидаться с сестрой и зятем. Ведь неизвестно, когда мы увидимся опять и увидимся ли вообще, потому что я хочу встретиться с ними только как порядочная женщина – или пускай они больше никогда меня не увидят. Не думай, что я хочу этим сказать что-нибудь плохое или неприятное. Просто мне грустно. У них такой уютный домик, красивая мебель, и граммофон, и все, и Агнесса так счастлива с Фредом. Надеюсь, что она всегда будет счастлива. Я невольно подумала, как бы мы могли славно устроиться, если бы мои мечты сбылись. И почти все время, пока я была у них, Фред дразнил меня, спрашивал, почему я не выхожу замуж. В конце концов я сказала:

– Откуда ты знаешь, может быть, я на днях выйду замуж. Счастье приходит к тому, кто умеет ждать.

– Да, конечно, только смотри, не просиди всю жизнь в зале ожидания, – ответил он.

Я очень рада снова видеть маму, Клайд. Она такая любящая, терпеливая, готова всем помочь. Самая милая, самая чудная мама на свете. Я ни за что и ничем не хотела бы ее огорчать. И Том и Эмилия тоже милые. Каждый вечер, с тех пор как я здесь, к ним приходят друзья, и они зовут и меня в компанию, но я слишком плохо себя чувствую, чтобы развлекаться вместе с ними, играть в карты и в разные игры и танцевать».

(Читая эти строки, Клайд невольно с преувеличенной яркостью представил себе жалкую жизнь этой семьи – ее семьи, и все, что он недавно видел: этот полуразвалившийся дом, эти покосившиеся трубы, а ее нескладный отец!.. И как не похоже это письмо на письмо Сондры!) «Отец, мать. Том и Эмилия не отходят от меня и стараются все для меня сделать. И меня мучает совесть, когда я думаю, как бы они горевали, если б узнали о моей беде. Конечно, мне приходится делать вид, будто я такая усталая и скучная оттого, что переутомилась на фабрике. Мама все время говорит, что я должна пожить у них подольше или совсем бросить работу, чтобы отдохнуть и поправиться, но она ничего не подозревает, бедная. Если б она знала! Не могу передать тебе, Клайд, как это меня иногда мучает. Господи!

Но я не должна портить тебе настроение. Я и не хочу этого, я ведь говорила тебе. Только ты приезжай и увези меня, как мы уговорились. Я не буду такая, как сейчас, Клайд. Я ведь не всегда такая. Я уже начала готовиться к отъезду и занялась шитьем. Дела хватит на три недели, и за это время я ни о чем другом не буду думать. Но ты приедешь за мной, правда, милый? Ты больше не обманешь меня и не заставишь так мучиться, как до сих пор? Боже, как давно я терзаюсь, – с тех самых пор, как ездила домой на рождество! А ведь ты и вправду хорошо ко мне относился. Я обещаю не быть тебе в тягость. Я знаю, ты меня больше не любишь, и мне все равно, что будет дальше, только бы мне сейчас выпутаться из беды… Но я честно обещаю, что не буду тебе в тягость.

Милый, не сердись за это пятно. Видно, я сейчас просто не в силах владеть собой так, как раньше.

Ну, а теперь о моих здешних делах. Родные думают, что платья мне нужны для вечеринки в Ликурге и что я, должно быть, там очень веселюсь. Что ж, пускай лучше думают так, чем по-другому. Мне, наверно, придется съездить за некоторыми покупками в Фонду, если я не смогу послать миссис Энс, портниху. Если я поеду и ты захочешь со мной увидеться до того, как приедешь сюда (хотя я в этом сомневаюсь), мы могли бы там встретиться. Если бы ты захотел, я была бы очень рада повидать тебя, поговорить с тобой, прежде чем мы уедем. Все кажется мне таким странным: я шью разные вещи и так хочу тебя видеть, а тебе этого вовсе не хочется – я ведь знаю. Надеюсь, ты доволен, что уговорил меня поехать домой и теперь сможешь в Ликурге приятно проводить время, – ты ведь так это называешь? Неужели ты в самом деле проводишь его намного приятнее, чем прошлым летом, когда мы ездили с тобой на озера и повсюду? Но, во всяком случае, Клайд, ты, конечно, можешь сделать, что обещал. И не очень сердись на меня. Я знаю, по-твоему, это очень тяжело, но не забывай, что если б я была похожа на других, я могла бы требовать большего. Но я уже говорила тебе, я не такая, как другие, и никогда не могла бы стать такой. Если ты сам не захочешь остаться со мной, после того как меня выручишь, – можешь уйти.

Пожалуйста, Клайд, напиши мне длинное, веселое письмо, даже если тебе и не хочется, и расскажи мне, как ты ни разу не вспомнил меня и ни капельки обо мне не скучал, с тех пор как я уехала (а ведь, бывало, тебе недоставало меня), и как не хочешь, чтобы я возвращалась, и как не можешь приехать раньше, чем через две недели, считая с этой субботы, если вообще приедешь.

Милый, я вовсе не думаю всех гадостей, которые пишу. Но я так устала, мне так тоскливо и одиноко, что я иногда не могу сдержаться. Мне нужно поговорить с кем-нибудь, а здесь не с кем. Они не понимают, в чем дело, и я никому ничего не могу рассказать.

Вот видишь, я говорила, что не буду тосковать, унывать и злиться, и все-таки сейчас у меня это не совсем получается, правда? Но я обещаю вести себя лучше в следующий раз – завтра или послезавтра, потому что мне становится легче, когда я пишу тебе,

Клайд. Пожалуйста, не сердись и напиши хоть несколько слов, чтобы подбодрить меня. Я буду ждать, мне это так нужно. И ты, конечно, приедешь. Я буду так счастлива и благодарна и постараюсь не слишком надоедать тебе.

Твоя одинокая Берта».

Контраст между двумя этими письмами привел Клайда к окончательному решению: он никогда не женится на Роберте. Никогда! И не поедет к ней в Бильц и, если только сумеет, не допустит, чтобы она вернулась в Ликург. Разве его поездка к ней или ее возвращение сюда не положат конец всем радостям, которые лишь так недавно пришли к нему вместе с Сондрой? Он не сможет быть с Сондрой на Двенадцатом озере этим летом, не сможет бежать с нею и жениться на ней. Господи, неужели же нет выхода? Неужели никак нельзя избавиться от этого ужасного препятствия, на которое он натолкнулся?

И, прочитав оба письма (это было в жаркий июньский вечер, когда он только что вернулся с работы), Клайд в припадке отчаяния бросился на постель и застонал. Какое несчастье! Ужасная, почти неразрешимая задача! Неужели никак нельзя убедить ее уехать куда-нибудь… надолго… или пусть она подольше останется дома, а он будет посылать ей десять долларов в неделю, даже двенадцать – добрую половину всего своего заработка. Или пускай она поселится в каком-нибудь соседнем городке: в Фонде, Гловерсвиле, Скенэктеди; пока она еще может сама заботиться о себе, может снять комнату и спокойно ожидать рокового срока, когда понадобится доктор или сиделка. Он помог бы ей найти кого-нибудь, когда придет время, если только она, согласится не упоминать его имени.

А она требует, чтобы он приехал в Бильц или встретился с нею еще где-нибудь, и все в эти две недели, не позже. Нет, он не хочет, он не поедет! Если она попробует его заставить, он решится на какой-нибудь отчаянный поступок… сбежит отсюда… или, может быть, отправится на Двенадцатое озеро, пока она будет ждать его в Бильце, и постарается уговорить Сондру (но какой страшный, безумный риск!) бежать с ним и обвенчаться, хоть ей еще и не исполнилось восемнадцати лет. И тогда… тогда… они будут женаты, и ее семья не сможет развести их, и Роберта не сможет его найти, а только, может быть, подаст на него жалобу… Ну что ж, разве нельзя от всего отпереться? Он скажет, что это ложь, что у него не было с ней ничего общего, кроме чисто деловых отношений, как у заведующего с работницей. Ведь его никогда не видели Гилпины, и он не был с Робертой у доктора Глена под Гловерсвилом, и она сказала ему тогда, что не называла его имени.

Но какая выдержка нужна, чтобы все это отрицать!

Сколько нужно мужества!

Сколько мужества нужно, чтобы смотреть Роберте в глаза, – ведь труднее всего на свете будет встретить прямой и полный ужаса взгляд ее обвиняющих, невинных голубых глаз! Сможет ли он выдержать? Хватит ли его на это? И если даже хватит, сбудутся ли его надежды? Поверит ли ему Сондра, когда услышит?..

И все же, следуя своему замыслу, – все равно, осуществит ли он его в конце концов или нет, даже если и приедет на Двенадцатое озеро, – он должен написать Сондре, что собирается ехать. И Клайд немедленно написал ей горячее и страстное письмо. В то же время он решил совсем не писать Роберте. Может быть, он позвонит ей: она говорила, что у соседа есть телефон и если Клайду что-нибудь понадобится, он может ее вызвать. А писать об их делах, хотя бы и очень осторожно, значит, дать ей в руки (да еще теперь, когда он твердо решил не жениться на ней) доказательство их близости, – как раз то, в чем она будет очень и очень нуждаться. Все это надувательство! Это низко и подло, да, конечно. Но ведь если бы Роберта согласилась вести себя немного разумнее по отношению к нему, никогда бы он и не подумал унизиться до такого подлого и хитрого плана. Но Сондра! Сондра! И огромные владения Финчли, раскинувшиеся на западном берегу Двенадцатого озера… Она столько о них пишет… как там, должно быть, красиво! Нет, он не может иначе! Он должен рассуждать и действовать именно так. Должен!

Клайд встал и пошел отправить письмо Сондре. По пути он купил вечернюю газету, издававшуюся в Олбани (ему хотелось немного отвлечься, читая о людях, которых он знал), и увидал на первой странице следующее сообщение:

ДВОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ НА ОЗЕРЕ ПАСС ВБЛИЗИ ПИТСФИЛДА.

НА ВОДЕ ОБНАРУЖЕНЫ ОПРОКИНУТАЯ ЛОДКА И ДВЕ ШЛЯПЫ.

ДВОЕ КАТАЮЩИХСЯ, ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ, СТАЛИ ЖЕРТВОЙ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ.

ТЕЛО ДЕВУШКИ НАЙДЕНО, НО ЕЩЕ НЕ ОПОЗНАНО.

ТЕЛО ЕЕ СПУТНИКА ПОКА НЕ УДАЛОСЬ НАЙТИ.

Так как Клайд интересовался всяким водным спортом и сам хорошо управлял байдаркой, плавал и нырял, он с любопытством прочитал заметку:

«Пэнкост, Массачусетс, 7 июня. Третьего дня на озере Пасс, в четырнадцати милях к северу от нашего города, перевернулась лодка, в которой катались неизвестный мужчина и женщина, приехавшие, видимо, из Питсфилда.

Во вторник около десяти часов утра мужчина и девушка, сказавшие Тому Лукасу, владельцу здешнего небольшого ресторана и лодочной пристани, что они приехали из Питсфилда, взяли напрокат маленькую лодку и, захватив с собой корзиночку, очевидно, с завтраком, отправились в северный конец озера. В семь часов вечера, так как они не вернулись, мистер Лукас со своим сыном Джефри объехал озеро на моторной лодке и нашел перевернутую лодку на отмели вблизи северного берега, но никаких следов катавшейся парочки не обнаружил. Решив в тот момент, что они просто удрали, чтобы не платить за прокат лодки, Лукас отвел ее к своей пристани.

Однако на другое утро, предположив, что тут мог иметь место несчастный случай, мистер Лукас с сыном Джефри и помощником Фредом Уолшем сделал второй круг по северной части озера и в конце концов обнаружил в прибрежных камышах две шляпы – мужскую и женскую. Немедленно начались поиски при помощи багров, и к трем часам дня было найдено тело девушки, о которой ничего не известно, кроме того, что она и ее спутник брали лодку. Тело передано властям. Тело мужчины до сих пор не найдено. Поскольку в том месте, где, видимо, произошла катастрофа, глубина кое-где превышает тридцать футов, нет уверенности, что второй труп удастся разыскать. Лет пятнадцать назад, когда в этих местах произошло подобное несчастье, тела так и не были найдены.

На подкладке жакета, который был на девушке, обнаружена марка питсфилдского торговца. Туфли ее, судя по штемпелю внутри, куплены в том же городе. Нет никаких других указаний, которые позволили бы опознать погибшую. Предполагают, что сумочка, если она и была, осталась на дне озера.

Спутник девушки, по рассказам видевших его, – высокий брюнет лет тридцати пяти; на нем был светло-зеленый костюм и соломенная шляпа с белой и синей лентами. Девушке на вид не больше двадцати пяти лет; рост – пять футов пять дюймов, вес – сто тридцать фунтов. Волосы длинные, темно-каштановые, заплетены в косы и уложены вокруг головы. На среднем пальце левой руки тонкое золотое кольцо с аметистом. Полиция Питсфилда и других ближайших городов извещена о происшествии, но личность девушки до сих пор установить не удалось».

Это довольно обычное сообщение – летом всегда масса таких несчастных случаев – не особенно заинтересовало Клайда. Конечно, казалось странным, как это девушка и ее спутник могли погибнуть на таком небольшом озере среди бела дня. Странно также, что никто не мог опознать ни ее, ни его. Однако так уж оно вышло. Мужчина исчез бесследно. Клайд отбросил газету, мало этим озабоченный, и мысли его обратились к другим темам… Перед ним стояла серьезная задача: как быть дальше? Но потом, когда он потушил лампу и уже собирался лечь в постель, все еще обдумывая сложную путаницу своей жизни, в его мозгу внезапно возникла мысль (что это – дьявольский шепот? Коварное внушение злого духа?): предположим, он и Роберта, – нет, скажем, он и Сондра (нет, Сондра прекрасно плавает, и он тоже), – итак, он и Роберта плывут в лодке, и лодка опрокидывается… и как раз теперь, когда его так терзают все эти ужасные осложнения. Вот и выход! Как просто разрешилась бы эта головоломная, мучительная задача!

Однако… стоп!.. не спешить. Может ли человек, хотя бы в мыслях, допустить для себя такой выход из тупика, не совершая преступления в своем сердце – поистине ужасного, чудовищного преступления? Нет, нельзя даже и думать об этом. Это скверно… очень скверно, ужасно! И, однако, если бы,

– разумеется, нечаянно – несчастье все же случилось? Ведь это был бы конец всем его тревогам из-за Роберты… И потом – не бояться ее, не переживать никаких страхов и сердечных мук из-за Сондры. Тихое, спокойное, без криков и ссор разрешение всех его теперешних затруднений, и впереди одна только радость, навсегда! Просто случайная, непредвиденная катастрофа – и потом блестящее будущее!

Но уже сама мысль об этом и о Роберте (почему его мозг упорно связывает это с Робертой?), сама эта мысль ужасна, и он не должен, не должен пускать ее в свое сердце. Никогда, никогда, никогда! Не должен! Это отвратительно! Ужасно! Ведь это мысль об убийстве! Убийстве?! Но он был до того взвинчен письмом Роберты и полной его противоположностью – письмом Сондры… в таких очаровательных и соблазнительных красках рисовала Сондра свою – и его – жизнь, что он и под страхом смерти не мог отделаться от мысли о таком как будто легком и естественном разрешении всех своих затруднений… если бы только такой случай произошел с ним и с Робертой. В конце концов разве он замышляет преступление? Нет, он просто думает, что если бы случилось такое несчастье, если бы только оно могло случиться… Да, но *если бы только оно могло случиться*! Темная и злая мысль, которую он не должен, *не должен допускать*. НЕ ДОЛЖЕН. И все же… все же… Он превосходный пловец, он, без сомнения, доплыл бы до берега, каково бы ни было расстояние. А Роберта – он это знает (ведь прошлым летом они ездили на озера и купались) – не умеет плавать. И тогда… тогда… Ну, тогда, если он ей не поможет, то, конечно…

Он сидел в своей комнате, в темноте, между половиной десятого и десятью вечера и думал об этом, – и у него было странное, беспокойное ощущение, словно мурашки бегали по всему телу, от корней волос и до кончиков пальцев. Удивительная и страшная мысль! И ее подсказала ему эта газета. Разве не странно? И вдобавок в той местности, куда он теперь поедет к Сондре, повсюду много, очень много озер, десятки, как она говорила… А Роберта любит дальние прогулки и любит кататься на лодке, хотя она и не умеет плавать, не умеет плавать… не умеет плавать. И вот они или, по крайней мере, он едет туда, где множество озер… Они могут поехать вдвоем

– он и Роберта, – почему бы и нет? Почему? Ведь они уже говорили о том, чтобы съездить куда-нибудь за город четвертого июля, когда обдумывали свой окончательный отъезд.

Но нет, нет! Как бы он ни хотел отделаться от Роберты, самая мысль о несчастье с нею слишком гнусна, преступна, ужасна! Нет, он ни на одно мгновение не должен пускать в свое сердце такие мысли. Это слишком мерзко, слишком низко, слишком страшно! Ужасная мысль! Подумать только, что она пришла ему в голову! И как раз теперь, теперь, когда Роберта требует, чтобы он уехал вместе с нею.

Смерть!

Убийство!

Убийство Роберты!

Но надо же спастись от нее, от этого бессмысленного, настойчивого, непреклонного требования. Уже при одной мысли о нем Клайд весь похолодел и покрылся потом. И теперь, когда… когда… Но об этом нельзя думать, нельзя! И вдобавок – смерть еще не родившегося ребенка!

Но как же можно думать о таких вещах с расчетом, преднамеренно? И все же… сколько людей тонет вот так в летнее время… юноши и девушки… мужчины и женщины… здесь и там… повсюду! Разумеется, он не желает, чтобы что-либо подобное случилось с Робертой. И особенно теперь. Он не такой, как бы ни был плох. Нет. Нет. Он не такой. От одной мысли об этом холодный пот выступил на его лице и руках. Он не такой. Порядочные, здравомыслящие люди не думают о таких вещах. И он тоже не будет… с этой минуты.

Крайне недовольный собою – тем, что такая страшная мысль могла завладеть им, – Клайд встал, зажег лампу и перечитал заметку в газете со всем спокойствием, на какое был способен, словно этим осуждал и отвергал раз навсегда все, что она ему внушила. Потом оделся и вышел из дому: он прошелся по Уикиги-авеню и по Сентрал-авеню, затем по Дубовой и кружным путем снова вышел на Сентрал-авеню, чувствуя, что он как бы уходит от соблазна, от наваждения, которое так тревожило его до сих пор. И через некоторое время почувствовав себя лучше, спокойнее, нормальнее, человечнее, – ему так этого хотелось! – он вернулся домой и лег спать с ощущением, что ему и вправду удалось освободиться от коварного и страшного соблазна. Никогда больше он не должен думать об этом! Он не должен больше думать об этом. Никогда, никогда, никогда он не должен думать об этом… никогда.

Вскоре он заснул неспокойным, тревожным сном, и ему приснилась свирепая черная собака, которая пыталась его укусить. Спасаясь от клыков этого чудовища, он проснулся в ужасе, потом снова заснул. На этот раз он увидел себя в каком-то странном, мрачном месте, не то в густом лесу, не то в пещере, не то на дне глубокого и узкого ущелья между высокими горами; отсюда шла вверх тропинка, вначале хорошо заметная. Но чем дальше он шел, тем тропинка становилась уже, неразличимее и, наконец, исчезла совсем. И тогда, обернувшись, чтобы попытаться пройти обратно той же дорогой, Клайд увидел позади себя громадный клубок змей; на первый взгляд он больше походил на кучу хвороста, но над ним угрожающе раскачивались десятка два змеиных голов с раздвоенными жалами и агатовыми глазами. А когда он снова поспешно повернул обратно, дорогу ему преградило огромное рогатое чудовище, – под его тяжкой поступью трещали кусты; и с криком беспредельного отчаяния Клайд в ужасе проснулся и уже не заснул до утра.

Глава 43

Однако мысль о происшествии на озере, так упорно возникавшую среди мыслей о его собственном запутанном положении, Клайд не в силах был отогнать, как ни старался. Она родилась из случайного сопоставления его личных тревог, которые потрясли и едва не расстроили его не слишком устойчивый рассудок, и этого, быть может, ужасного, но какого-то тихого и как бы невинного исчезновения двух людей на озере Пасс. Тело девушки – какая-то странная сила заставляла его все время думать об этом – было найдено, а тело мужчины нет. В этой своеобразной подробности словно таился навязчивый намек: Клайд невольно думал, что мужчина, быть может, вовсе и не утонул. Ведь есть же злодеи, жаждущие отделаться от неугодных им людей,

– так, может быть, и этот мужчина отправился с девушкой на озеро, желая от нее отделаться? Это, разумеется, дьявольская выдумка, однако в данном случае она, по-видимому, превосходно удалась.

Но чтобы он сам поддался этому злому внушению и поступил так же… Никогда! Однако его положение с каждым часом становилось все безвыходное: чуть ли не ежедневно приходили письма от Роберты или записочки от Сондры, и снова его поражал контраст между ними – между богатством и бедностью, между весельем и мрачным отчаянием и неуверенностью.

Роберте он решил не писать, но иногда разговаривал с нею по телефону, стараясь отделываться ничего не значащими фразами. Как она поживает? Он очень рад, что она у своих, в деревне, – в такую погоду там, должно быть, гораздо лучше, чем на фабрике. Тут, конечно, все идет гладко, все по-старому, только вдруг посыпались заказы, и в последние два дня пришлось очень много работать. Он всеми силами старается скопить денег для известной ей цели, а больше его ничто не тревожит, и она тоже не должна тревожиться. Он не писал ей, потому что много работы, и вряд ли сумеет писать, – так много всяких дел. Но он скучает, не видя ее на обычном месте, и надеется, что скоро они опять встретятся. Если она собирается приехать в Ликург, как говорит, и считает, что ей нужно повидаться с ним, то это, пожалуй, можно устроить. Но действительно ли это необходимо именно сейчас? Он так занят, он рассчитывает встретиться с нею несколько позже.

И в то же время он писал Сондре, что, возможно, в следующую субботу, а уж восемнадцатого наверняка, приедет и увидится с нею.

Так он хитрил сам с собой и изворачивался, подстрекаемый страстью к Сондре и совершенно неспособный смотреть в лицо действительности, когда дело касалось Роберты; благодаря этому он дождался наконец желанной возможности вновь встретиться с Сондрой, и притом в такой обстановке, какой ему еще никогда в жизни не приходилось видеть.

Когда он добрался до шейронской пристани, примыкающей к веранде гостиницы на Двенадцатом озере, его встретили Бертина с братом и Сондра: они приехали сюда за ним на моторной лодке Грэнта, спустившись по реке Чейн.

Прозрачные синие воды реки. Высокие, темные островерхие ели выстроились по берегам, как часовые. Вдоль западного берега легла на воду полоса черной тени; отражения деревьев отчетливы, как в зеркале. Повсюду, большие и маленькие, белые, розовые, зеленые и коричневые дачи, навесы для лодок, купальни у самой воды. Кое-где, перед какой-нибудь роскошной дачей, вроде тех, что принадлежат Крэнстонам или Финчли, изящная пристань. Зеленые и синие байдарки и моторные лодки. Веселый, яркий отель и купальни на Сосновом мысе, где уже собралось много нарядной, рано выехавшей за город публики. А затем лодочный сарай и пристань у дачи Крэнстонов. Две овчарки

– новая покупка Бертины – лежат на берегу в траве, очевидно, поджидая возвращения хозяйки. Слуга Джон, один из шести слуг, взятых Крэнстонами на дачу, стоит на пристани, готовый взять у Клайда его единственный чемодан, теннисную ракетку и палки для гольфа. Однако самое сильное впечатление производит на Клайда большой дом, построенный не по строгим канонам, но со вкусом, – к нему ведут дорожки, обсаженные яркой геранью; с огромной веранды, уставленной плетеными креслами, открывается прекрасный вид на озеро, там и сям виднеются автомобили; многочисленные гости в спортивных костюмах отдыхают на веранде или прогуливаются в саду.

По распоряжению Бертины Джон провел Клайда в просторную комнату с окнами на озеро, чтобы он мог принять ванну и переодеться для игры в теннис с Сондрой, Бертиной и Грантом. После обеда, как объяснила Сондра, заехавшая ради него к Крэнстонам, он отправится с Бертиной и Грантом в «Казино», где его познакомят со всей местной публикой. Там будут танцы. Завтра рано утром, до первого завтрака, он может, если угодно, поехать с нею, Бертиной и Стюартом верхом по чудесной лесной тропинке к мысу Вдохновения, откуда открывается самый лучший вид на озеро. И Клайд узнал, что, за исключением нескольких тропинок вроде этой, в лесу на сорок миль кругом нет никаких дорог. Без компаса или проводника там можно заблудиться и даже погибнуть, – так трудно определить направление тому, кто не знает этого леса. А после завтрака и купания она, Бертина и Нина Темпл покажут ему свое новое искусство – катание на акваплане Сондры. Потом второй завтрак, теннис или гольф и поездка в «Казино», где они будут пить чай. После обеда на даче у Брукшоу из Утики – танцы.

Через час после приезда Клайд увидел, что все время его пребывания здесь – суббота и воскресенье – будет занято до отказа. Но он понял также, что они с Сондрой сумеют проводить вместе не только минуты, а пожалуй, и целые часы, и благодаря этой чудесной возможности он увидит новые стороны ее многогранной натуры! Наперекор гнетущим мыслям о Роберте – может же он отогнать их хотя бы на эти дни! – он чувствовал, что попал в рай.

И право, никогда прежде Сондра не казалась ему такой веселой, грациозной и счастливой, как здесь, на теннисной площадке Крэнстонов, в белоснежном теннисном костюме – блузке и короткой юбке, с волосами, повязанными пестрым, в желтый и зеленый горошек, шелковым платком. А ее улыбка! А сколько сулил веселый блеск ее смеющихся глаз, когда она бросала на него быстрый взгляд! Точно птица, носилась она, высоко подняв руку с ракеткой, едва касаясь ногами земли, закинув голову и не переставая улыбаться. Клайд трепетал от счастья и печали: ведь Сондра могла бы принадлежать ему, будь он сейчас свободен. Но между ними неодолимая преграда, возведенная им самим!

А яркое солнце заливает кристальным светом зеленую лужайку, протянувшуюся от высоких елей к серебряным водам озера. По озеру скользят во всех направлениях маленькие лодки с ослепительно-белыми парусами и вспыхивают в лучах солнца белые, зеленые, желтые яркие пятна – байдарки, на которых катаются влюбленные пары. Лето, праздность, тепло, яркие краски, безмятежность, красота, любовь – все, о чем он мечтал прошлым летом, когда был так страшно одинок.

Минутами Клайду казалось, что у него кружится голова от радости: близкое и верное исполнение всех желаний чуть ли не у него в руках… А в другие минуты (мысль о Роберте вдруг пронизывала его, как порыв ледяного ветра) он чувствовал: не может быть ничего печальнее, страшнее, губительнее для грез о красоте, любви и счастье, чем то, что угрожает ему теперь. Это страшное газетное сообщение об озере и о двоих утонувших… И вероятность, что, несмотря на свой безумный замысел, через какую-нибудь неделю-две, самое большее через три, он должен будет навсегда отказаться от всего… А потом он вдруг приходил в себя и понимал, что прозевал мяч, что играет очень плохо и Бертина, Сондра или Грант кричат ему: «Клайд, о чем вы думаете?» И из самых темных глубин своего сердца он мог бы ответить: «О Роберте».

Потом вечером, у Брукшоу, нарядная компания – друзья Сондры, Бертины и остальных. На площадке для танцев новая встреча с Сондрой; она вся – улыбка: для всех собравшихся, а главным образом для своих родителей, она притворяется, будто еще не видела Клайда, даже и не знала, что он приехал.

– Как, вы здесь? Вот замечательно! У Крэнстонов? Просто великолепно, совсем рядом с нами. Ну, значит, будем часто видеться, правда? Хотите завтра покататься верхом, часов в семь утра? Мы с Бертиной скачем почти каждый день. Если ничто не помешает, мы завтра устроим пикник, покатаемся на байдарках и на моторной лодке. Это ничего, что вы не очень хорошо ездите верхом, – я скажу Бертине, чтобы вам дали Джерри: он смирный, как овечка. И насчет костюма тоже не беспокойтесь: у Грэнта куча всяких вещей. Ближайшие два танца я танцую с другими, а во время третьего выйдем и посидим, хотите? Тут на балконе есть чудный уголок.

И она отошла, сказав ему взглядом: «Мы понимаем друг друга…»

А потом в этом темном уголке, где никто их не видел, она притянула его голову к себе и горячо поцеловала в губы. Прежде чем окончился вечер, им удалось уйти от всех, и они бродили, обнявшись, по тропинке вдоль берега при свете луны.

– Сондра так рада, что Клайд здесь! Она так соскучилась!

Она гладила его по волосам, а он целовал ее – и вдруг, вспомнив о мрачной тени, которая их разделяла, порывисто, с отчаянием сжал ее в объятиях.

– Моя дорогая маленькая девочка, – воскликнул он, – моя прелестная, прелестная Сондра! Если бы вы только знали, как я люблю вас, если б вы знали! Как бы я хотел рассказать вам все! Как бы я хотел…

Но он не мог рассказать – ни теперь, ни потом, – никогда. Как бы он осмелился сказать ей хотя бы слово о мрачной преграде, стоящей между ними? Сондра с ее воспитанием, с усвоенными ею понятиями о любви и браке никогда его не поймет, никогда не согласится принести так много в жертву любви, как бы она его ни любила. Она тотчас оставит его, покинет, – и какой ужас отразится в ее глазах!

Однако теперь, когда он сжимал ее в объятиях, она, глядя в его глаза, – от лунного света в них вспыхивали электрические искорки, – в его бледное, напряженное лицо, воскликнула:

– Клайд так сильно любит Сондру! Милый мальчик! Сондра тоже его любит, очень-очень! – Она охватила его голову обеими руками и стала быстро и горячо целовать. – И Сондра не откажется от своего Клайда. Ни за что. Только подождите – и увидите. Теперь что бы ни случилось – все пустяки! Может быть, это будет нелегко, но Сондра не оставит Клайда! – А потом вдруг деловым тоном – это было так характерно для нее – заявила: «Ну, теперь мы должны идти, сейчас же. Нет, больше никаких поцелуев. Нет, нет! Сондра сказала: нет. Нас могут хватиться».

И, поправив прическу, она взяла его за руку и побежала обратно к дому, как раз вовремя, так как навстречу им попался Палмер Тэрстон, который уже искал ее.

На следующее утро, около семи часов, как и обещала Сондра, состоялась поездка на мыс Вдохновения. Бертина и Сондра были в ярко-красных жакетах для верховой езды, в белых бриджах и черных сапогах, волосы их свободно развевались по ветру; они то и дело уносились вперед, а потом снова возвращались к Клайду; или же Сондра весело окликала его, предлагая догнать их; или обе они, смеясь и болтая, скрывались от него далеко впереди, меж деревьев, словно в потаенном уголке лесного храма, где он не мог их видеть. Бертина, заметив, как Сондра в эти дни поглощена Клайдом, начала думать, что дело может окончиться свадьбой, если только не помешают семейные осложнения, а потому сияла улыбками, вся – воплощенное радушие; она

премило настаивала, чтобы Клайд приехал к ним на все лето, и обещала покровительствовать влюбленным, – тогда никто не сможет придраться. И Клайд то трепетал от восторга, то вдруг мрачнел, невольно возвращаясь к мысли, которую подсказало ему газетное сообщение, и все же боролся с нею, пытаясь ее отбросить.

В одном месте Сондра свернула по крутой тропинке вниз к роднику, который пробивался среди мхов и камней в тени деревьев.

– Сюда, Клайд! – позвала она. – Джерри знает дорогу, он не поскользнется. Выпейте воды! Говорят, кто напьется из этого источника, тот скоро опять сюда вернется.

И когда он соскочил с седла, она сказала:

– Я хочу вам кое-что сказать. Видели бы вы вчера вечером мамино лицо, когда она услышала, что вы здесь! Конечно, она не может знать наверно, что я просила пригласить вас, – ведь она думает, что это Бертина вами интересуется. Я ее в этом убедила. Но все-таки, мне кажется, она подозревает, что и я тут замешана, и это ей очень не нравится. Но она ничего не может прибавить к тому, что сказала раньше. А я сейчас поговорила с Бертиной, и она согласна помогать мне, чем только может. Но нам надо быть как можно осторожнее, потому что, если мама станет слишком много подозревать, я даже не знаю, что она сделает… пожалуй, решит сейчас же уехать отсюда, чтобы мне нельзя было с вами видеться. Понимаете, она не допускает и мысли, что я могу увлечься кем-то кто ей не по душе. Вы знаете, как это бывает. Она и со Стюартом так. Но вы будьте осторожнее и делайте вид, что я вас очень мало интересую, особенно когда поблизости есть кто-нибудь из наших, – и тогда, я думаю, она ничего не станет предпринимать, – по крайней мере сейчас. А потом, осенью, когда мы вернемся в Ликург, все будет по-другому. Я уже буду совершеннолетняя, и тогда посмотрим! Я еще до сих пор никого не любила, но вас я люблю и не откажусь от вас – вот и все. Не хочу. И они не смогут меня заставить, ни за что!

И она топнула ногой. Лошади мирно и безучастно глядели по сторонам. А Клайд, восхищенный и удивленный этим вторым, столь решительным изъявлением ее чувств, воспламененный мыслью, что именно теперь он может предложить ей бегство и брак и, значит, избавиться от нависшей над ним угрозы, смотрел на Сондру с тревожной надеждой и страхом. Ведь она может отказать, может сразу перемениться, шокированная его неожиданным предложением. И потом у него нет денег, и он не представляет себе, куда они могли бы уехать, если бы она согласилась. Но, может быть, она что-нибудь придумает? Если уж она согласится, так почему бы ей не помочь ему? Это ясно. Во всяком случае, он должен заговорить, а там – будь что будет! И он начал:

– А почему бы вам не уехать со мной теперь же, Сондра, дорогая? До осени еще так далеко, а я так люблю вас! Давайте уедем? Все равно, ваша мама никогда не позволит вам выйти за меня замуж. Но если мы уедем теперь, она ничего не сможет сделать. А после, через несколько месяцев, вы ей напишете, и она вас простит. Уедем, Сондра?

Его голос звучал горячей мольбой, глаза были полны печали, страха перед отказом и перед тем, что ждало его после.

Сондре передался его трепет, порожденный глубоким волнением, и она медлила с ответом; ее нимало не оскорбило его предложение, напротив – она была по-настоящему взволнована и польщена мыслью, что могла пробудить в Клайде такую нетерпеливую и безрассудную страсть. Он так стремителен, так пылает огнем, который она сама зажгла, хотя она и не способна чувствовать столь же пылко… Никогда еще она не видела такой пламенной любви. И разве не чудесно – бежать с ним теперь… тайно… в Канаду, Нью-Йорк или Бостон

– куда-нибудь! А какое волнение поднялось бы тогда здесь, в Ликурге, в Олбани, в Утике! Какие разговоры и тревога у нее дома и повсюду! И Гилберт волей-неволей оказался бы с нею в родстве, и все Грифитсы, которыми так восхищаются ее Мать и отец.

Одно мгновение в ее глазах читалось желание и почти решимость сделать, как он просил: бежать с ним, превратить свою пылкую, неподдельную любовь в грандиозную шалость. Раз они поженятся, что могут сделать ее родители? И разве Клайд недостоин ее и ее семьи? Конечно, достоин, хотя почти все в ее кругу воображают, будто он не бог весть какое сокровище, просто потому, что у него не так много денег, как у них. Но ведь деньги у него будут… Он женится на ней – и получит такое же хорошее место на предприятии ее отца, какое занимает Гил Грифитс на фабрике своего отца.

Но через мгновение, подумав о своей жизни здесь, о том, в какое положение она поставит своих родителей, уехав таким образом, в самом начале летнего сезона и о том, что это разрушит все ее собственные планы и чрезвычайно рассердит мать (может быть, она даже потребует расторжения брака на том основании, что дочь несовершеннолетняя), Сондра опомнилась, и задорный блеск в ее глазах сменился столь характерной для нее серьезной практичностью. В сущности, что стоит подождать несколько месяцев! А это, конечно, спасет Клайда от разлуки с нею, тогда как бегство может повести к тому, что их разлучат навсегда.

Поэтому она ласково, но решительно покачала головой, и Клайд понял, что он потерпел поражение – самое тяжкое и непоправимое поражение, какое только могло его постигнуть. Она не уедет с ним! Значит, он погиб… погиб… и она, быть может, навсегда для него потеряна. Господи! А лицо Сондры озарилось нежностью, необычайной для нее даже в минуты самого глубокого волнения.

– Я согласилась бы, милый, если б не думала, что нам лучше этого не делать, – сказала она. – Это было бы слишком поспешно. Мама сейчас ничего не предпримет, я знаю. И потом, у нее столько планов, она хочет устроить этим летом целую массу приемов, – все для меня. Она хочет, чтобы я была любезна с… ну, вы знаете, о ком я говорю. Ну и что ж, все это нам никак не помешает; я не сделаю ничего такого, что могло бы напугать маму. – Сондра ободряюще улыбнулась ему. – Но вы можете приезжать сюда так часто, как захотите, и ни у мамы, ни у кого другого это не вызовет никаких подозрений, потому что вы будете не нашим гостем, понимаете? Я обо всем уговорилась с Бертиной. И, таким образом, мы можем видеться с вами здесь все лето, сколько захотим, понимаете? А осенью я вернусь в Ликург, и если тогда я никак не смогу расположить к вам маму и убедить ее, что мы помолвлены, – ну, тогда я с вами убегу. Да, убегу, милый, это чистая правда!

Милый! Осенью!..

Она замолчала, и ее взгляд говорил, что она очень ясно представляет себе все стоящие перед ними практические затруднения. Она взяла его за руки и посмотрела в лицо. Потом порывисто обвила руками его шею и поцеловала.

– Неужели вы не понимаете, дорогой? Ну, пожалуйста, милый, не глядите так печально. Сондра так любит своего Клайда! Она сделает все, все, чтобы он был счастлив. Сделает! И все будет хорошо. Подождите – и увидите. Сондра никогда не откажется от своего Клайда, никогда!

Клайд понимал, что у него нет ни одного довода, чтобы переубедить ее, – решительно ни одного, который не заставил бы ее почувствовать, как странно и подозрительно его тревожное нетерпение, – и что из-за требования Роберты (если только… если только… ну, если Роберта его не отпустит) отказ Сондры означает для него катастрофу. И он печально, даже с отчаянием, смотрел ей в лицо. Какая она красивая! Как прекрасен ее мир! А ему не дано владеть ни ею, ни этим миром – никогда! Всему преграда – Роберта, ее требование и его обещание. И нет никакого спасения, кроме бегства. Боже!

Взгляд его стал напряженным, почти безумным – в нем появилась необычайная сила, – это был взгляд человека, стоящего на грани помешательства; так еще никогда не случалось с Клайдом за всю его жизнь, и Сондра заметила странную силу этого взгляда. Клайд казался таким больным, надломленным, безмерно отчаявшимся, что Сондра воскликнула:

– Да что с вами, Клайд, милый? У вас глаза такие… даже не знаю какие… несчастные или… Клайд так сильно меня любит? Но разве он не может подождать только три или четыре месяца? Да нет же, конечно, может! Это не так страшно, как ему кажется. Он почти все время будет со мной, милый мой мальчик. А когда его здесь не будет, Сондра будет писать ему каждый день, каждый день!

– Но, Сондра, Сондра если б я мог сказать вам все! Если б вы знали, как много это для меня значит!

Он запнулся, потому что увидел в это мгновение в глазах Сондры чисто деловой, практический вопрос: почему ей так необходимо сейчас же с ним бежать? И Клайд тотчас же почувствовал, какое огромное влияние имеет на нее среда… как безраздельно она принадлежит этому миру… и как легко ее спугнуть чрезмерной настойчивостью: пожалуй, она начнет в нем сомневаться, побоится сделать неосторожный шаг… Надо отказаться от этой попытки. Иначе она, конечно, станет его расспрашивать – и это может настолько охладить ее чувство, что не останется даже мечты об осени…

И поэтому, вместо того, чтобы объяснить, почему ему так необходимо ее решение, он попросту отступил:

– Это все потому, что вы так нужны мне, дорогая, – все время нужны. В этом все дело. Иногда мне кажется, что я больше ни минуты не могу жить вдали от вас. Я так жажду вас!

Но Сондра, хотя и очень польщенная его пылким чувством, которое отчасти разделяла, все же в ответ только повторила то, что уже сказала раньше. Они должны ждать. Осенью все окончится благополучно. И Клайд, совершенно ошеломленный своей неудачей, не мог отрицать, что он и теперь счастлив с нею; он постарался, как умел, скрыть свое настроение… и думал, думал, думал… быть может, есть какой-то выход… какой-нибудь… может быть, даже та мысль насчет лодки… или что-нибудь еще…

Но что?

Но нет, нет, нет – только не это! Он не убийца и никогда не будет убийцей. Не будет, никогда… никогда… никогда…

Значит – потерять все.

Неизбежная катастрофа.

Неизбежная катастрофа.

Как же избежать ее и завоевать Сондру?

Как, как, как?

Глава 44

А рано утром в понедельник, вернувшись в Ликург, он нашел следующее письмо от Роберты:

«Дорогой Клайд!

Я часто слышала поговорку: «Пришла беда – отворяй ворота», – но только сегодня узнала, что это значит. Чуть ли не первым, кого я увидела сегодня утром, был наш сосед мистер Уилкокс. Он пришел сказать, чтобы я не рассчитывала сегодня на мисс Энс, потому что ей нужно кое-что сшить для миссис Динуидди в Бильце, хотя вчера, когда она уходила, все уже было приготовлено: мне нужно было бы сегодня только немного помочь ей с шитьем, чтобы ускорить дело. А теперь она придет только завтра. Потом нас известили, что сестра мамы, миссис Николс, серьезно больна, и маме пришлось поехать к ней в Бейкерс-Понд (это почти двенадцать миль отсюда). Том повез ее, хотя ему нужно было помогать отцу, – ведь на ферме столько работы. И я не знаю, сможет ли мама вернуться до воскресенья. Если бы я чувствовала себя лучше и не была бы так занята шитьем, я бы, наверно, тоже поехала с нею, хотя она и уверяла, что это ни к чему.

Вдобавок Эмилия и Том, считая, что мои дела идут прекрасно и я могу повеселиться, пригласили на сегодняшний вечер четырех девушек и четырех молодых людей: они задумали что-то вроде летней вечеринки при лунном свете. Эмилия хотела с моей и маминой помощью приготовить мороженое и пирог. И теперь ей, бедняжке, приходится звонить во все концы от мистера Уилкокса и откладывать вечеринку до будущей недели. И она, конечно, совсем расстроилась и приуныла.

Что касается меня, то я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Но знаешь, милый, должна признаться, это очень трудно. Ведь до сих пор я говорила с тобой только три раза по телефону и услышала, что у тебя, наверно, не будет до пятого июля необходимых денег. И в довершение всего я только сегодня узнала, что мама и папа думают съездить к дяде Чарли в Хемилтон; они погостят у него с четвертого до пятнадцатого и хотят взять меня с собой, если только я не решу вернуться в Ликург. А Том и Эмилия поедут к сестре в Гомер. Но я не могу ехать, ты сам понимаешь. Я слишком больна и измучена. Прошлую ночь у меня была страшная рвота, а сегодня весь день я едва держусь на ногах и просто с ума схожу от страха.

Милый, как же нам быть? Может быть, ты приедешь за мной до третьего июля? Третьего они уезжают в Хемилтон, и ты непременно должен за мной приехать, ведь я никак не могу поехать с ними. Это за пятьдесят миль отсюда. Я могла бы сказать им, что согласна ехать, если б только ты наверняка приехал за мной до их отъезда. Но я должна точно знать, что ты приедешь, – совершенно точно!

Клайд, с тех пор как я здесь, я только и делаю, что плачу. Если бы ты был со мной, мне не было бы так плохо. Я стараюсь быть храброй, милый, но иногда поневоле думаю, что ты, может быть, никогда не приедешь за мной. Ведь ты ни разу не написал мне ни строчки и только три раза говорил со мной по телефону за все время, что я здесь. Но я убеждаю себя, что ты не можешь быть таким низким, тем более что ты мне обещал… Ведь ты приедешь, правда? Почему-то меня теперь все так тревожит, и я так боюсь. Клайд, милый. Я думаю о прошлом лете и о теперешнем, и обо всех своих мечтах… Милый, ведь ты, наверно, мог бы приехать и на несколько дней раньше, – какая разница? Все равно, пускай у нас будет немножко меньше денег. Не бойся, мы проживем и так. Я буду очень бережливой и экономной. Постараюсь, чтобы к этому времени мои платья были готовы, а если нет, – обойдусь и старыми, а эти закончу после. И постараюсь быть совсем мужественной, милый, и не очень надоедать тебе, лишь бы ты приехал. Ты должен приехать. Клайд, ты же знаешь! Иначе невозможно, хотя ради тебя я хотела бы найти другой выход.

Пожалуйста, Клайд, пожалуйста, напиши мне, что ты действительно будешь здесь в конце того срока, который ты сам назначил. Я так беспокоюсь, и мне так одиноко здесь. Если ты не приедешь вовремя, я сразу же вернусь в Ликург, чтобы тебя увидеть. Я знаю, ты будешь недоволен, что я так говорю, но, Клайд, я не могу оставаться здесь, вот и все. И с папой и мамой я тоже не могу поехать, так что выход только один. Наверно, я ни на минуту не засну сегодня ночью. Умоляю тебя, напиши мне и повтори еще и еще, что мне нечего беспокоиться насчет твоего приезда. Если б ты мог приехать сегодня, милый, или в конце этой недели, я бы не тосковала так. Но ждать еще почти две недели!.. У нас в доме уже все улеглись, и мне пора кончать.

Пожалуйста, милый, напиши мне сейчас же или, если не можешь, обязательно позвони завтра по телефону, потому что у меня не будет ни минуты покоя, пока я не получу от тебя хоть какой-нибудь весточки.

Твоя несчастная Роберта.

P.S. Письмо вышло ужасное, но я просто не могла написать лучше. Я так убита».

Но в тот день, когда это письмо пришло в Ликург, Клайда там не было, и он не мог сейчас же ответить. И потому Роберта в самом мрачном, истерическом настроении, наполовину убежденная, что он, вероятно, уже уехал куда-нибудь далеко, ни словом ее не известив, в субботу написала ему снова – и это было уже не письмо, а крик, истерический вопль:

«Бильц, суббота, 14 июня.

Дорогой Клайд!

Предупреждаю тебя, что возвращаюсь в Ликург. Я просто не в силах оставаться здесь дольше. Мама тревожится и не понимает, почему я так много плачу. Я теперь чувствую себя совсем больной. Я знаю, что обещала пробыть здесь до двадцать пятого или двадцать шестого, но ведь ты обещал писать мне, а ничего не пишешь, только иногда скажешь несколько слов по телефону, и я просто с ума схожу. Я проснулась сегодня утром и сразу расплакалась – никак не могла сдержаться, и теперь у меня ужасно болит голова.

Я так боюсь, что ты не захочешь приехать, мне так страшно, милый! Умоляю тебя, приезжай и увези меня куда-нибудь, все равно куда, лишь бы мне уехать отсюда и не мучиться так. Я очень боюсь, что сейчас, когда я в таком состоянии, папа и мама могут заставить меня рассказать им все или сами обо всем догадаются.

Клайд, ты никогда не поймешь, что со мной. Ты сказал, что приедешь, и я иногда этому верю. А иногда я начинаю думать совсем другое, особенно когда ты не пишешь и не звонишь по телефону, и уже не сомневаюсь, что больше тебя не увижу. Если б ты написал, что приедешь я могла бы еще потерпеть здесь. Как только получишь это письмо, сейчас же напиши мне и точно укажи день, когда приедешь. Но не позже первого, пожалуйста, потому что я больше не могу. Дольше первого я здесь не останусь. Клайд, я самая несчастная девушка на свете, и это все из-за тебя. Нет, милый, я не то хотела сказать. Ты был добр ко мне когда-то и теперь тоже, ведь ты обещал за мной приехать. Я буду так благодарна тебе, если ты приедешь поскорее! Когда ты будешь читать это письмо, ты, наверно, подумаешь, что я неблагоразумна, но, пожалуйста, не сердись, Клайд! Только пойми: я просто с ума схожу от горя и беспокойства, просто не знаю, что мне делать. Умоляю тебя, напиши мне, Клайд! Если бы ты знал, как я жду хоть слова от тебя!

Роберта».

Этого письма, вместе с угрозой приехать в Ликург, было достаточно, чтобы привести Клайда почти в такое же состояние, в каком была Роберта. Подумать только, что у него больше нет ни одного благовидного предлога, чтобы убедить Роберту подождать с этим ее окончательным и бесповоротным требованием. Он отчаянно напрягал мозг. Нельзя писать ей длинные Компрометирующие письма: это было бы безумием, раз он решил не жениться на ней. Притом он весь еще был под впечатлением объятий и поцелуев Сондры. В таком настроении он не мог написать Роберте, даже если бы и хотел.

И, однако, он понимал: Роберта в отчаянии, и надо немедленно что-то сделать, как-то успокоить ее. Через десять минут после того, как он дочитал второе письмо, он уже пытался вызвать ее по телефону. После получасовых нетерпеливых усилий ему наконец удалось дозвониться и он услышал ее голос, слабый и, как ему вначале показалось, раздраженный (на самом деле им просто было плохо слышно друг друга).

– Алло, Клайд, алло! Я так рада, что ты позвонил. Я страшно волновалась. Ты получил мои письма? А я уж собиралась утром уехать отсюда, если ты до тех пор не позвонишь. Я просто не могу, когда от тебя нет никаких вестей. Где ты был, дорогой? Ты помнишь, что я писала тебе о моих родителях? Они уезжают. Почему ты не пишешь, Клайд, или хоть не звонишь чаще? Как насчет того, что я тебе писала про третье число? Ты приедешь, это наверно? Или мне встретить тебя где-нибудь? Я так нервничала последние три-четыре дня, но теперь, когда я опять с тобой поговорила, может быть, я смогу немножко успокоиться. Пиши мне каждые два-три дня хоть по нескольку слов, непременно! Почему ты не хочешь, Клайд? Ты мне ни разу не написал за то время, что я здесь. Я не могу рассказать тебе, в каком я состоянии. Мне слишком трудно держать себя в руках.

Очевидно, Роберта была очень расстроена и встревожена, если говорила так. В сущности, казалось Клайду, она разговаривает очень неосторожно; правда, дом, откуда она говорит, в это время совершенно пуст. Она объяснила, что она там совсем одна и никто не может ее услышать, но Клайда это мало успокоило. Он не желал, чтобы она называла его по имени и упоминала о своих письмах к нему.

Стараясь говорить не слишком ясно, он дал ей понять, что очень занят и что ему трудно писать ей так часто, как она считает нужным. Ведь он же говорил ей, что приедет двадцать восьмого или около этого, если сможет. Он и приехал бы, если бы мог, но похоже, что ему придется отложить свой приезд еще на неделю, даже немного больше: до седьмого или восьмого июля. Тогда он успеет собрать еще пятьдесят долларов, – у него на этот счет есть кое-какие соображения, эти деньги ему совершенно необходимы. А на самом деле (такова была задняя мысль Клайда) тогда он успеет в конце следующей недели, – он так жаждал этого, – еще раз навестить Сондру. И вдруг это требование Роберты. Не может ли она поехать со своими родителями на неделю-другую, а потом он приедет за ней или она приедет к нему? Тогда у него будет больше времени…

Но Роберта в ответ разразилась потоком горьких упреков и заявила, что, если так, она, безусловно, сейчас же вернется в Ликург, к Гилпинам, и не станет тратить здесь время на то, чтобы готовиться к отъезду и понапрасну ждать Клайда, раз он и не собирается приезжать… И тут Клайд вдруг решил, что можно с таким же успехом пообещать ей приехать третьего; а если он и не приедет, то в крайнем случае тогда сговориться с нею, где им встретиться. Ибо даже теперь он не решил, что будет делать. Ему нужно еще немного времени, чтобы подумать… немного времени, чтобы подумать…

И потому он сказал совсем другим тоном:

– Ну послушай, Берта! Не сердись на меня, пожалуйста. Ты так говоришь, будто у меня нет никаких забот в связи с нашим отъездом. Ты не знаешь, чего мне может стоить такой шаг. Не так-то просто со всем покончить, а тебя, видно, это мало трогает. Я знаю, тебе тяжело и все такое, ну а мне каково? Я делаю все, что только в моих силах; я должен обо всем подумать. Неужели ты не можешь просто потерпеть до третьего? Пожалуйста, потерпи. Я обещаю писать, а если не смогу, то буду через день тебе звонить. Хорошо? Но я ни в коем случае не хочу, чтобы ты называла меня по имени, как только что. Это наверняка может привести к неприятностям. Пожалуйста, не делай этого. В следующий раз, когда я буду звонить тебе, я просто скажу, что тебя спрашивает мистер Бейкер, понимаешь? А ты после можешь сказать, что это кто-нибудь из твоих знакомых. А если в крайнем случае что-нибудь помешает нам выехать именно третьего, – ну, тогда, если хочешь, приезжай сюда или куда-нибудь поблизости от Ликурга, и потом мы двинемся при первой же возможности.

Он говорил так мягко и умоляюще (но лишь потому, что был вынужден к этому), в его голосе слышалась прежняя нежность и кажущаяся беспомощность, которая когда-то совершенно покоряла Роберту и даже теперь пробудила в ней странное, лишенное всякого основания чувство благодарности. И она сразу же кротко, даже ласково ответила:

– Нет, нет, милый, теперь я потерплю. Я не хочу беспокоить тебя, ты же знаешь. Это только сейчас так вышло, потому что мне было очень плохо, и я не могла с собой справиться. Ты это понимаешь, Клайд, правда? Я не могу не любить тебя. И, наверно, всегда буду любить. И я совсем не хочу огорчать тебя, милый, правда! Я постараюсь больше так не делать!

И Клайд, услышав в ее голосе нотку искренней нежности и вновь почувствовав свою прежнюю власть над нею, готов был снова разыграть влюбленного, лишь бы только Роберта была не слишком непреклонна и не требовала, чтобы он немедленно ее увез. Хотя он больше не любит ее, говорил себе Клайд, и не думает на ней жениться, но ради той, другой, ради своей мечты он может по крайней мере быть добрым к ней, не так ли? Притвориться! Итак, этот разговор кончился примирением, основанным на их новом уговоре.

Накануне (в этот день кипучая жизнь на озерах, откуда он только что возвратился, немного стихла) Клайд, Сондра, Стюарт и Бертина вместе с Ниной Темпл и юношей по имени Харлей Бэгот, гостившим у Тэрстонов, проехали на автомобиле сначала к Бухте Третьей мили (небольшое дачное место, примерно в двадцати пяти милях к северу от Двенадцатого озера), а оттуда, между двух стен огромных елей, – на озеро Большой Выпи и другие меньшие озера, затерянные в глуши бора, простиравшегося на север от озера Трайн. Клайд вспомнил теперь, какое странное впечатление произвели на него эти глухие, почти безлюдные места. Это были дебри – в самом полном смысле слова. Узкие, размытые дождем грязные дороги с глубокими колеями извивались меж высоких, молчаливых и сумрачных деревьев, повитых траурными гирляндами ядовитых ползучих растений, и, лесу этому, казалось, не будет конца. Жуткие, таинственные, непролазные трясины и топи виднелись по сторонам этих дорог; там и сям они были, точно покинутые поля сражений, усеяны трупами деревьев: пропитанные сыростью гниющие стволы, наваленные Друг на друга, иногда в четыре яруса, вязли, в зеленом иле. На поросших лишаями или мхом пнях и гнилых корягах блестели глаза и спинки лягушек, безмятежно греющихся в лучах июньского солнца; в воздухе вилась мошкара; изредка мелькал хвост змеи, потревоженной неожиданным появлением машины и нырявшей в густые заросли ядовитых трав и водяных растений.

Почему-то при виде одного из этих болот Клайд вспомнил о несчастном случае на озере Пасс. Сам того не понимая, он подсознательно оценивал уединенность этого заброшенного места: она может иной раз оказаться полезной. И вдруг странная водяная птица с резким криком пролетела где-то близко и скрылась в темной чаще леса. От этого крика Клайд вздрогнул и привстал в автомобиле: никогда в жизни он не слыхал, чтобы так кричала птица.

– Что это? – спросил он у Харлея Бэгота, который сидел рядом с ним.

– Что именно?

– Как будто птица… что-то сейчас пролетело там, позади…

– Я не слышал никакой птицы.

– Ну, разве? И такой странный крик… У меня просто мороз пошел по коже!

В этом почти необитаемом краю Клайда особенно поражало множество уединенных озер, о существовании которых он никогда прежде не слыхал. Вся местность, по которой они сейчас ехали так быстро, как только позволяли покрытые непролазной грязью дороги, была испещрена озерами, затерянными среди густых хвойных лесов. И лишь очень редко можно было заметить какие-нибудь признаки жилья, к которому вела едва приметная тропинка либо песчаная или ухабистая дорога, исчезавшая среди темных деревьев. В большинстве берега самых дальних озер были почти необитаемы, и одинокая хижина или далекий домик, видневшиеся над гладью вод какого-нибудь самоцвета в оправе из елей, вызывали всеобщее любопытство.

Но почему ему все вспоминается то озеро в Массачусетсе! Та лодка! Тело девушки нашли, а тело ее спутника – нет… Какой все-таки ужас!

Потом, сидя у себя в комнате после разговора с Робертой, он вспомнил, что еще через несколько миль машина наконец выехала на открытое пространство в северной части длинного узкого озера. Южную часть его отделял островок или мыс, за которым, должно быть, озеро тянулось еще далеко, с изгибами и поворотами, не видными с того места, где остановился автомобиль. Оно казалось совсем пустынным, если не считать небольшой гостиницы и сарая для лодок в ближнем конце. На всем озере они не увидели в этот час ни одной байдарки или лодки. И как у всех других озер, мимо которых они проезжали, по берегам его, вплоть до самой воды, стояли на страже все те же высокие темно-зеленые островерхие ели с раскидистыми ветвями, совсем как дерево за его окном в Ликурге. А вдалеке на юго-западе вздымались горбатые спины мягко очерченных зеленых Адирондакских гор. По озеру шла рябь от легкого ветерка, вода его, блестевшая на солнце, была густого тона берлинской лазури, почти черная; это означало, как после сообщил проводник, бездельничавший на низкой веранде маленькой гостиницы, что здесь очень глубоко:

– Тут все семьдесят футов будет, – и это в каких-нибудь ста футах от пристани.

Харлея Бэгота интересовало, хороша ли здесь рыбная ловли (его отец предполагал через несколько дней приехать в эти места), и он спросил у проводника, который, казалось, и не глядел на сидевших в автомобиле:

– А какой длины это озеро?

– Около семи миль.

– А как насчет рыбы?

– Закиньте удочку и увидите. Лучшее место во всей округе для рыбы вроде черного окуня. Вон там, за островом, на южной стороне, есть маленькая бухта, так она считается лучшим местом для рыбной ловли на всех здешних озерах. Я раз видел, как двое наловили семьдесят пять рыбин за два часа. Этого, пожалуй, хватит всякому, кто не собирается начисто разорить наше озеро. – И проводник, высокий, сухощавый человек с длинной узкой головой, с лицом, изрезанным морщинами, грубовато засмеялся, оглядывая приезжих маленькими проницательными ярко-голубыми глазами. – Думаете нынче попытать счастья?

– Нет, это я не для себя спрашиваю… Может быть, сюда приедет на будущей неделе мой отец. Я хотел знать, можно ли тут прилично устроиться.

– Ну, удобства здесь, конечно, не такие, как на озере Рэкет, зато и рыбка там не такая, как у нас.

Он улыбнулся хитрой, многозначительной улыбкой.

Клайд никогда еще не видел таких людей. Его заинтересовал весь этот уединенный мир, со своими странностями и противоречиями, столь не похожий ни на ту городскую жизнь, какую он только и знал до сих пор, ни на экзотическую роскошь,

окружавшую его у Крэнстонов и их друзей. До чего пустынный и странный край, как все здесь непохоже на людный, оживленный Ликург, до которого отсюда меньше ста миль, если идти к югу.

– Эти места просто угнетают меня, – заявил Стюарт Финчли. – Так близко от нас – и такая огромная разница! Похоже, что здесь вообще никто не живет.

– Да так и есть, – отозвался проводник. – Тут только и попадаются летние лагеря, да кое-кто приезжает осенью поохотиться на оленей и лосей, а больше тут никого не встретишь после первого сентября. Я в этих местах ставлю капканы и служу проводником уже лет семнадцать – и все остается по-старому, разве что больше народу стало приезжать летом на озера вроде Двенадцатого. Нужно здорово знать этот край, если хочешь свернуть куда-нибудь с главных дорог. Правда, в пяти милях западнее проходит железная дорога. Станция Ружейная. Летом от нашей гостиницы туда ходит автобус. И еще есть что-то вроде дороги к Серому озеру и к Бухте Третьей мили. Вы, верно, проезжали по ней: к нам только так и можно добраться. Говорят, что будут прокладывать еще дорогу к Длинному озеру, но пока это одни разговоры. А ко многим здешним озерам и вовсе нет таких дорог, чтобы автомобилю проехать. Одни тропы и даже лагерей приличных нет. Мы с Бадом Эллисом ходили прошлым летом на Серое озеро – это тридцать миль отсюда, – так нам пришлось все тридцать миль идти пешком и весь свой багаж тащить на себе. Но уж зато и рыбы и дичи вдоволь. Олени и лоси приходят сюда на водопой. Видал их так ясно, как вон то бревно на берегу.

И Клайду вспомнилось впечатление, с которым он и его спутники уезжали оттуда: едва ли, думалось им, найдется еще где-нибудь такой пустынный край, полный такой таинственности и странного очарования. И подумать только, что это совсем недалеко от Ликурга: каких-нибудь сто миль по шоссе и не больше семидесяти по железной дороге, как он случайно узнал.

Теперь, в Ликурге, вернувшись к себе после объяснения с Робертой, он снова увидел на письменном столе газету с заметкой о трагедии на озере Пасс и невольно еще раз тревожно, но решительно пробежал глазами все до последнего слова, – все многозначительные подробности и намеки. Как просто и непринужденно эти двое пришли на пристань; самым обычным образом, не внушая никому никаких подозрений, взяли лодку напрокат, чтобы покататься, и скрылись в северной части озера; а потом – перевернувшаяся лодка и плавающие у берега весла и шляпы… Он читал, стоя у окна; было еще довольно светло. За окном раскинулись темные ветви ели, о которой он думал накануне, – теперь она напомнила ему ели на берегах озера Большой Выпи.

Но – великий боже! – что же это? О чем он думает? Он, Клайд Грифитс! Племянник Сэмюэла Грифитса! Что закралось ему в душу? Убийство! Вот что это такое! Эта страшная газета… по воле какого злого рока она все время попадается ему на глаза? Ужаснейшее преступление, и если в нем уличат – посадят на электрический стул. И, кроме того, он никого не может убить, – уж во всяком случае, не Роберту. Нет, нет! Конечно, нет, – после всего, что между ними было… Да, но тот, другой мир… Сондра… он наверняка все потеряет, если теперь же не начнет как-то действовать.

Его руки тряслись, веки подергивались, потом трепет охватил его до корней волос, и по всему телу волной пробежала холодная нервная дрожь. Убить! Или по крайней мере опрокинуть лодку на большой глубине – это, конечно, может произойти где угодно и совершенно случайно, как на озере Пасс. И Роберта не умеет плавать. Он это знает. Но все-таки она может спастись… закричать… схватиться за лодку… и тогда… если кто-нибудь окажется поблизости и услышит ее… потом она расскажет!.. Холодный пот выступил у него на лбу, губы дрожали, в горле вдруг пересохло. Чтобы предупредить такую возможность, ему придется… придется… но нет… он не такой. Он не может сделать подобную вещь… ударить кого-нибудь… девушку… Роберту… да еще когда она будет тонуть или постарается выплыть… Нет, нет… только не это! Невозможно!

Он взял соломенную шляпу и вышел на улицу, чтобы никто не мог подслушать, как он думает (так он называл это про себя) эти ужасные, страшные думы. Он не мог, не хотел больше думать об этом. Он не такой человек… И все же… и все же эти мысли… Это решение… если он вообще хочет найти решение. Это способ остаться здесь… не уезжать… жениться на Сондре… избавиться от Роберты, от всего… от всего! – надо лишь немного мужества, смелости… Но нет!

Он шел все дальше и дальше, за город, по шоссе, которое вело на юго-восток, через бедные, глухие пригороды; здесь он был совсем один и мог думать, – он чувствовал, что здесь никто не подслушает его мыслей.

Сумерки сгущались. Там и тут в домах зажигались огни. Очертания деревьев в полях и вдоль дороги становились смутными и расплывчатыми, как дым. И хотя было жарко и воздух безжизнен и недвижим, Клайд шел быстро, обливаясь потом, продолжая думать, – он словно старался обогнать, заглушить в себе, обмануть некое внутреннее «я», которое предпочитало быть неподвижным и думать…

Мрачное, уединенное озеро!

Остров в южной его части!

Кто увидит?

Кто услышит?

Станция Ружейная, откуда к озеру в летнее время ходит автобус… (Так он вспомнил и это? А, черт!) Ужасно, что это вспомнилось в связи с теми мыслями. Но если вообще думать о таких вещах, так уж лучше обдумать все как следует, – надо признаться себе в этом или же перестать об этом думать раз и навсегда… навсегда… Но Сондра! Роберта! И если его схватят – электрический стул! Да, но ужас его нынешнего положения! Безысходность, тупик! Опасность потерять Сондру! Да, но убить…

Он вытер разгоряченное влажное лицо, остановился и посмотрел на группу деревьев среди поля, – они чем-то напомнили ему те деревья… там… не нравится ему эта дорога. Становится слишком темно. Лучше возвратиться в город. Но та дорога, ведущая к югу, к Бухте Третьей мили и к Серому озеру… По ней можно дойти до Шейрона и до виллы Крэнстонов. Он мог бы пойти по ней после… Боже! Озеро Большой Выпи… в сумраке деревья на берегу будут похожи на вот эти – неясные и угрюмые. Это должно случиться под вечер, конечно. Никому и в голову не придет попробовать… словом… сделать это… утром, когда так светло… Так поступил бы только дурак. Но вечером, в сумерки, вот как теперь, или немного позже… Но нет, к чертям эти мысли, он не желает их слушать! И однако… никто, наверно, не увидит там ни его, ни Роберту. Это так просто – поехать куда-нибудь на озеро, хотя бы на Большую Выпь… под предлогом свадебного путешествия… скажем, четвертого июля… или позже – после пятого, когда там будет меньше народу. И записаться не под своей фамилией… под чужой, чтобы не оставить следов… И потом так просто вернуться в Шейрон и на дачу к Крэнстонам поздно вечером или, может быть, рано утром на следующий день и сказать, что он приехал с утренним поездом, который приходит около десяти… А потом…

К черту! Почему его сознание упорно возвращается к этой мысли? Неужели он в самом деле замышляет такое? Да нет же! Он не может! Он, Клайд Грифитс, не может серьезно думать ни о чем подобном. Это невозможно. Он не может, нет. Это невозможно и слишком гнусно, нельзя даже представить себе, что он, Клайд Грифитс, способен совершить подобный поступок. И все же…

И тотчас в нем настойчиво заговорило гнетущее сознание собственной никчемности и неспособности к такому мрачному преступлению. Он решил вернуться в Ликург, – там по крайней мере он будет среди людей.

Глава 45

У людей с болезненной чувствительностью и обостренным воображением, если их интеллект – притом не наделенный особой силой – сталкивается с трудной и сложной задачей, бывают такие минуты, когда рассудок, еще не сброшенный со своего пьедестала, все же выходит из равновесия и корчится, словно в пламени; когда человек потрясен и сознание до того одурманено, что – по крайней мере на время – безрассудство или смятение, заблуждение или ошибка могут одержать верх над всем остальным. В таких случаях воля и мужество, встретив серьезные трудности, которых они не могут ни перенести, ни победить, как бы отступают, обращаются в поспешное бегство, оставляя место панике и временному безумию.

И рассудок Клайда можно было сравнить теперь с маленькой разбитой армией, бегущей перед сильным противником; иногда среди поспешного бегства она останавливается на мгновение, обдумывая, как спастись от полного разгрома, – и в своем паническом страхе хватается за самые роковые, самые рискованные планы спасения от грозящей и совершенно неизбежной судьбы. Взгляд Клайда становился напряженным, порою безумным; минута за минутой, час за часом он снова и снова возвращался все к тем же мыслям и поступкам, проверяя их шаткое равновесие. Но выхода не было – нигде ни малейшей лазейки. И тогда снова напрашивалось решение, как будто подсказанное газетной заметкой, но психологически порожденное его собственными мучительными, страстными и безуспешными поисками выхода и потому особенно навязчивое.

В самом деле, словно из глубин какого-то низшего или высшего мира, о существовании которого он никогда не догадывался и куда ни разу не проникал, из мира, находящегося вне жизни и смерти и населенного совсем иными существами, чем он сам, – как дух от случайного прикосновения к лампе Аладдина, как джин, возникший в виде дыма из таинственного кувшина, попавшего в сеть рыбака, перед ним вдруг предстал некий коварный, дьявольский замысел, таившийся в его душе, чудовищный, но властный, коварный, но манящий, дружелюбный, но жестокий; он предоставлял Клайду выбор между злом, грозившим ему гибелью (несмотря на его сильнейшее сопротивление), и другим злом, которое хотя и наполняло его душу отвращением и жгучим ужасом, но все же обещало впереди свободу, успех и любовь.

Его мозг можно было в это время сравнить с запертым безмолвным залом, где, против собственной воли, он оказался в полном одиночестве и вот размышляет над таинственными и страшными желаниями или советами какой-то темной, первобытной части своего «я», не в силах ни отречься от нее, ни бежать и не находя в себе мужества как-либо действовать.

Ибо теперь заговорило его худшее и слабейшее «я». Оно говорило: «Хочешь избежать требований Роберты, которые доныне, до этой самой минуты, казались тебе совершенно неотвратимыми? Слушай! Я укажу тебе путь. Он ведет через озеро Пасс. Та

газета – ты Думаешь, напрасно она Попала тебе в руки? Вспомни Большую Выпь, глубокую иссиня-черную воду, остров на юге, пустынную дорогу к Бухте Третьей мили. Как раз то, что тебе нужно. Перевернись лодка или байдарка на таком озере – и Роберта навсегда уйдет из твоей жизни. Она не умеет плавать! Озеро… то озеро… которое ты видел, которое я показал тебе… разве оно не идеально подходит для этой цели? Такое уединенное, редко посещаемое и в то же время сравнительно близкое – не больше ста миль отсюда. И как просто вам с Робертой отправиться туда, – как будто в это мнимое свадебное путешествие, о котором вы уже уговорились. Ты должен сделать только одно – изменить свою и ее фамилии… или даже и этого не нужно. Пусть она сохранит свою, а ты – свою. Ты никогда не позволял ей говорить о тебе и ваших отношениях, и она никому не говорила. Ты писал ей только самые официальные записки. И теперь, если ты встретишься с ней где-нибудь, как вы уже уговорились, и никто вас не увидит, ты можешь отвезти ее на озеро Большой Выпи или куда-нибудь по соседству, как раньше ездил с ней в Фонду».

«Но на Большой Выпи нет гостиницы, – тотчас поправил Клайд, – просто лачуга, где могут поместиться лишь несколько человек, да и то кое-как»

«Тем лучше. Значит, там будет меньше народу».

«Но нас могут заметить по дороге, в поезде. Меня потом опознают как ее спутника».

«Разве вас заметили в Фонде иди Гловерсвиле? Вы всегда ездили в разных вагонах иди купе, – разве нельзя и теперь сделать то же? Ведь предполагается, что это будет тайный брак, – тогда почему же не тайный медовый месяц?»

«Верно… верно».

«И когда все будет устроено и вы приедете на озеро Большой Выпи или на какое-нибудь другое – их столько кругом, – как просто будет поехать покататься на лодке! Никаких вопросов. Никаких записей под твоей или ее фамилией. Нанять лодку на час, или на полдня, или на день. Ты видел остров в южной части того пустынного озера. Правда, красивый остров? Его стоит осмотреть. Почему бы не совершить такой приятной прогулки перед свадьбой? Роберта будет очень рада… она теперь так утомлена и измучена, а тут – загородная прогулка… отдых перед испытаниями новой жизни. Ведь это разумно? Правдоподобно? И, очевидно, ни один из вас не вернется. Вы оба утонете, не так ли? Кто может вас увидеть? Один или два проводника, лодочник, который даст вам лодку, хозяин гостиницы. Но откуда им знать, кто ты или кто она. А ты слышал, как там глубоко?»

«Но я не хочу ее убивать, не хочу убивать. Не хочу причинять ей никакого вреда. Если только она согласится отпустить меня и пойти своей дорогой, я буду так рад, так счастлив больше никогда ее не видеть».

«Но она не отпустит тебя и не пойдет своей дорогой, если ты не пойдешь с нею. Если же ты от нее убежишь, значит, потеряешь Сондру, и все, что связано с Сондрой, и все удовольствия твоей здешней жизни: свое положение у дяди, у его друзей, их автомобили, танцы, поездки на дачу. А что потом? Ничтожное место! Ничтожный заработок! Снова скитания, как после несчастья в Канзас-Сити. Больше никогда и нигде не представится тебе такой счастливый случай. Ты предпочитаешь это?»

«Но ведь и здесь возможен какой-нибудь несчастный случай, который разрушит все мои мечты… мое будущее… как было в Канзас-Сити?»

«Несчастный случай? Конечно… но только не такой. Теперь весь план в твоих руках… Ты можешь устроить все, как пожелаешь. И как это просто! Сколько лодок опрокидывается каждое лето… и катающиеся тонут, потому что большинство не умеет плавать. А откуда станет известно, умел ли плавать мужчина, который был на озере с Робертой Олден? Ведь из всех видов смерти самый легкий – утонуть… ни шума, ни крика… может быть, случайный удар веслом или бортом лодки… А потом безмолвие! Свобода… Труп никогда не будет найден. Или, если он будет найден и опознан, разве не легко будет сделать вид (дай лишь себе труд подумать об этом), что ты был в другом месте, на каком-нибудь другом озере, прежде чем отправился на Двенадцатое. Чем плохо придумано? Где тут уязвимое место?»

«Но предположим, я опрокину лодку, а Роберта не утонет. Что тогда? Она будет цепляться за лодку, кричать, ее спасут, и потом она расскажет, что я… Нет, я так не могу… и не хочу. Я не ударю ее. Это слишком страшно, слишком подло…»

«Но легкий удар… самого легкого удара при таких обстоятельствах достаточно, чтобы оглушить ее и все кончить. Печально, да, но ведь у нее есть возможность идти своей дорогой, не так ли? А она не хочет – и не дает тебе идти твоей. Что ж, в таком случае… разве это уж так несправедливо? И не забывай, что тебя ждет Сондра… красавица Сондра… жизнь с нею в Ликурге… богатство, высокое положение в обществе, – нигде и никогда больше ты не добьешься ничего подобного… никогда… никогда! Любовь и счастье… и будешь из первых в ликургском обществе… даже выше, чем твой двоюродный брат Гилберт».

Голос умолк на время, затерявшись в сумраке… в тишине… в мечтах…

Но Клайд, обдумывая все слышанное, не был, однако, им убежден. Темные опасения или лучшие чувства заглушали советы голоса, звучавшего в большом зале. Но стоило Клайду подумать о Сондре, обо всем, что она олицетворяет, а потом о Роберте, – таинственный некто тотчас же возвращался, еще более хитрый и вкрадчивый.

«А, все еще размышляешь о том же! И не находишь выхода – и не найдешь. Я указал тебе верный путь, спасительный, единственный путь… единственный путь: через озеро. Разве так трудно, катаясь по нему, отыскать какой-нибудь укромный уголок, незаметную бухточку поближе к южному берегу, где вода глубока? И как легко оттуда пройти лесом к Бухте Третьей мили или к Серому озеру! А оттуда к Крэнстонам. Туда ходит пароходик, ты же знаешь. Фу, какая трусость! Какое малодушие! Ведь ты можешь приобрести то, чего больше всего жаждешь: красоту, богатство, положение в обществе… утолить все свои материальные и духовные желания. А в противном случае – бедность, скука, тяжелый, плохо оплачиваемый труд…

Ты должен сделать выбор! И потом – действовать. Ты должен! Должен! Должен!»

Так закончил голос, глухо раздававшийся откуда-то из дальнего угла огромного зала.

И Клайд слушал – сначала с ужасом и отвращением, потом с бесстрастным философским спокойствием человека, которому, каковы бы ни были его мысли и поступки, все же дано право обдумывать даже самые дикие, самые отчаянные планы спасения. Под конец, из-за присущей ему духовной и физической склонности к наслаждениям и мечтам, которую он не в силах был преодолеть, он внутренне до того запутался, что такой выход стал казаться ему возможным. Почему бы и нет? Ведь – как говорил тот голос – это единственно разумный и доступный выход… совершить одно лишь злое дело – и тогда исполнятся все желания и все мечты. Однако Клайд, при болезненной слабости своей шаткой и крайне изменчивой воли, не мог решить трудную задачу при помощи таких соображений… ни тогда, ни в последующие десять дней.

В сущности, предоставленный самому себе, он никогда не мог бы решиться и не решился бы на такой шаг. Как всегда, ему оставалось либо ждать, что его заставят действовать, либо отказаться от этой дикой, ужасной мысли. Но в это время пришло много писем – семь от Роберты, пять от Сондры, – и первые мрачными, а вторые самыми радужными красками с поразительной наглядностью подчеркнули противоположные стороны лежавшего перед Клайдом страшного ребуса. На мольбы Роберты, как ни были они убедительны и угрожающи, Клайд не решился ответить даже по телефону: он рассудил, что отвечать – значит только ускорить ее гибель – решительную развязку, подсказанную ему трагедией на озере Пасс.

В то же время в нескольких письмах Сондре он дал волю самым страстным признаниям…

Его дорогая, его чудесная девочка!.. Он так мечтал утром четвертого июля приехать на Двенадцатое озеро… Он безумно жаждет снова увидеть ее! Но увы! – писал он также (настолько он был не уверен даже и теперь в том, что будет делать), – некоторые обстоятельства в связи с работой могут задержать его на день, два или три, – он еще не может сказать точно, но напишет ей не позднее второго числа, когда все окончательно выяснится. И при этом он говорил себе: если б только она знала, что за обстоятельства… если бы только знала! Но и написав это – и притом не ответив на последнее настойчивое письмо Роберты, – он все-таки продолжал говорить себе, что это еще вовсе не значит, будто он рассчитывает поехать с Робертой, а если даже и так, – это вовсе не значит, что он собирается ее убить. Ни разу он честно – или, вернее сказать, прямо, смело, хладнокровно

– не признался себе, что задумал совершить такое жестокое преступление. Наоборот, чем ближе подходил он к окончательному решению, тем более отвратительной и страшной представлялась ему эта мысль, отвратительной и почти неосуществимой, и потому все невероятнее казалось, что он когда-либо это сделает. Правда, в иные минуты, – по обыкновению, споря с собой, внутренне содрогаясь и отступая перед всеми. ужасами, какими грозили мораль и правосудие, – он думал о том, что можно бы съездить на озеро Большой Выпи, чтобы успокоить Роберту, которая сейчас так донимает его своими настояниями и угрозами, и, значит (снова отговорка, увертка перед самим собой), получить еще отсрочку, возможность окончательно обдумать, как же ему быть.

Путь через озеро.

Путь через озеро.

Но по приезде на озеро – будет ли целесообразно так поступить, нет ли… как знать. Может быть, он даже сумеет переубедить Роберту. Ведь что ни говорите, а она, конечно, поступает очень несправедливо, она слишком многого от него требует. Поглощенный роковой мечтой о Сондре, он считал, что Роберта напрасно делает такую грандиозную трагедию из самого обыкновенного случая. Если уж говорить прямо, она оказалась в таком же положении, как и Эста. Однако Эста никого не пыталась на себе женить. А чем Олдены, бедные фермеры, лучше его собственных родителей, бедных проповедников? И чего ради так беспокоиться о том, что подумают родители Роберты, – ведь Эста вовсе не думала, каково будет ее родителям?

Что бы там ни говорила Роберта о его вине, разве она сама ни в чем не виновата? Да, конечно, он старался обольстить и соблазнить ее, если угодно, – пусть так, но разве это снимает вину с нее? Разве она не могла отказать ему, если уж она была так строго нравственна? Но она этого не сделала. А что касается несчастья, которое случилось с ней по его вине, – так разве он не сделал все, что мог, чтобы ее выручить? К тому же у него так мало денег. И положение у него такое сложное. Нет, она достойна порицания в такой же мере, как и он. И, однако, Роберта упорно толкает его на этот путь, настаивает на браке, тогда как, согласись она пойти своей дорогой, – а почему бы ей этого не сделать при его помощи? – она избавила бы и его и себя от всех ужасов.

Но нет, она не желает, – ну, а он не желает жениться на ней, вот и все! Напрасно она думает, что сможет его заставить. Нет, нет, нет!

По временам, приходя в подобное настроение, он чувствовал, что способен на все, что с легкостью утопит Роберту и она сама будет в этом виновата.

А потом возвращалось устрашающее сознание того, что подумают в обществе и как поступят, когда узнают, и что он сам впоследствии должен будет думать о себе. И Клайд убеждался, что, как ни велико его желание остаться в Ликурге, он не способен действовать и, следовательно, должен бежать отсюда.

Так прошли вторник, среда и четверг после последнего письма Роберты, полученного в понедельник. А в четверг вечером (и его и Роберту весь этот день терзали тяжелые мысли) Клайд получил следующее письмо:

«Бильц, среда, 30 июня.

Дорогой Клайд!

Предупреждаю тебя, что, если я не дождусь от тебя телефонного звонка или письма до полудня пятницы, я приеду в Ликург в тот же вечер, и все узнают, как ты со мной поступил. Я не могу и не стану ждать и мучиться ни часу больше. Мне жаль, что я вынуждена сделать такой шаг, но все это время ты так упорно молчишь, а суббота – уже третье июля, и я ничего не знаю о твоих намерениях и планах. Вся моя жизнь разбита, и твоя тоже будет отчасти испорчена, но не я одна в этом виновата. Я сделала все, что могла, чтобы облегчить тебе эту жертву, и, конечно, мне очень тяжело причинять столько горя моим родителям и друзьям и всем, кто тебе дорог, тоже. Но я ни часу больше не стану ждать и мучиться.

Роберта».

Держа это письмо в руках, Клайд оцепенел от сознания, что теперь он, безусловно, должен действовать. Она приезжает! Если только он не сумеет успокоить ее и как-нибудь задержать, завтра, второго, она будет в Ликурге… Однако ни второго, ни третьего он не может ехать с нею, это возможно лишь после четвертого июля. В праздничные дни везде будет слишком много народу, их могут увидеть, узнать… А тут нужно все держать в тайне. И ему нужно еще немного времени, чтобы подготовиться. Теперь он должен быстро все обдумать и затем – действовать. Великий боже! Подготовиться. Может быть, сказать ей по телефону, что он был болен, или слишком озабочен поисками денег, или еще что-нибудь в этом роде, и потому не мог писать… и что, кроме того, дядя пригласил его на Лесное озеро как раз на четвертое. Дядя! Дядя! Нет, это не годится. Он слишком часто ссылался на дядю. И какое теперь имеет значение для него или для нее, увидится ли он лишний раз с дядей. Ведь он уезжает из Ликурга навсегда, так он говорил Роберте. Пожалуй, самое лучшее – сказать ей, что он отправляется к дяде, чтобы как-то объяснить ему свой отъезд: может быть, тогда он сумеет вернуться сюда, скажем, через год. Она этому поверит. Во всяком случае, он должен сказать ей что-нибудь, что успокоит ее и задержит в Бильце хотя бы до пятого, до тех пор, пока он не составит окончательного плана… пока не приготовится сделать либо одно, либо другое… Одно либо другое…

Не медля ни минуты, не раздумывая больше, он бросился к ближайшему телефону, где его вряд ли могли подслушать. Он вызвал Роберту и приступил к длинным, уклончивым и на сей раз вкрадчивым объяснениям; он уверял ее, что был по-настоящему болен, простужен, не выходил из дому и потому не мог добраться до телефона… далее, он решил, что ему следует как-то объясниться с дядей, чтобы иметь возможность когда-нибудь впоследствии сюда вернуться… Он говорил самым умоляющим и почти ласковым тоном, просил Роберту понять, в каком состоянии он был в эти дни, – и в конце концов не только сумел заставить ее поверить, будто в самом деле есть какие-то оправдания его медлительности и молчанию, но и изложил ей свой новый план. Пусть она подождет до шестого, – и тогда он наверняка, непременно встретит ее в любом месте, какое она выберет, – в Гомере, Фонде, Ликурге, Литл-Фолз… Но поскольку они хотят сохранить все в тайне, он предложил бы ей приехать шестого утром в Фонду, чтобы дневным поездом выехать в Утику. Там они смогут переночевать, – нельзя же им обсуждать свои планы и принимать решения по телефону, – а затем поступят так, как будет решено. Кроме того, он тогда сможет рассказать ей подробнее, как именно, по его мнению, им надо действовать. У него явилась одна идея – совершить маленькое путешествие, прежде чем они поженятся, или после, как ей захочется… но… во всяком случае, это будет приятная прогулка… (При этих словах голос его стал хриплым, а колени и руки слегка задрожали, но Роберта не могла заметить его внезапного смятения.) Она не должна сейчас его расспрашивать. Он не может рассказать ей все по телефону. Но шестого в

полдень он непременно будет на вокзале в Фонде. Когда она увидит его, ей останется только купить билет до Утики и сесть в вагон, а он купит билет отдельно и сядет в другой вагон, в соседний. Если она не увидит его на станции до отхода поезда, он пройдет по вагону, чтобы она видела, что он здесь, но не больше: ей не следует с ним заговаривать. В Утике она сдаст на хранение свой чемодан, а он пройдет за ней до ближайшего спокойного уголка, потом сходит за ее вещами, они вместе отправятся в какую-нибудь скромную гостиницу, а обо всем остальном он позаботится сам.

Она должна сделать, как он говорит. Может же она настолько ему поверить! Тогда он позвонит ей завтра – третьего и потом, конечно, утром шестого; таким образом, оба они будут знать, что все в порядке: что она выезжает, а он будет на месте. Что? Она хочет взять с собой сундучок? Маленький? Конечно, раз он ей нужен, пусть возьмет. Но на ее месте он не стал бы сейчас брать с собой много вещей. Когда они устроятся где-нибудь, нетрудно будет переслать все, что ей понадобится.

Клайд говорил все это, стоя в телефонной будке в маленькой аптеке на окраине (аптекарь сидел в задней комнатушке, среди своих банок и склянок, погруженный в чтение какого-то глупого романа), и казалось, великан-джинн, что прежде являлся в молчаливом зале в его мозгу, снова встал за его плечом, – поистине это он говорил устами Клайда, а не сам Клайд, застывший, оцепеневший, испуганный.

«Поезжай на то озеро, где ты был вместе с Сондрой!

Достань путеводитель по этой местности в отеле «Ликург» или на вокзале.

Плыви к южному концу озера, а после оттуда иди на юг.

Выбери лодку, которая легко опрокидывается, – лодку с круглым дном, какие ты видел на озере Крам и на других здешних озерах.

Купи новую шляпу, не похожую на твою, чтобы она не могла тебя выдать, и оставь ее на воде. Можно даже вырвать подкладку, чтобы неизвестно было, где куплена шляпа.

Уложи все свои вещи в сундук, но оставь его дома; в случае неудачи можно будет, вернувшись сюда, тотчас взять его и скрыться.

Возьми с собой только такие вещи, которые ты мог бы взять для поездки на дачу, на Двенадцатое озеро, а не для окончательного отъезда; если тебя разыщут на Двенадцатом озере, все будет выглядеть так, словно ты только туда и ехал, – никуда больше.

Скажи Роберте, что ты намерен с ней обвенчаться, но после того, как вы вернетесь из этой поездки, не раньше.

И если будет необходимо, нанеси легкий удар – только чтобы оглушить ее, не больше… чтобы, упав в воду, она легче потонула.

Не бойся!

Не будь слабым!

Пройди через лес вечером, а не днем, – чтобы тебя могли увидеть только в Шейроне или в Бухте Третьей мили и чтобы ты мог сказать, что приехал с озера Рэкет, или с Длинного, или из Ликурга.

Называй себя вымышленным именем и, насколько можешь, меняй почерк.

Твердо верь в успех.

И говори с Робертой тихо, совсем тихо, – мягко, нежно, даже влюбленно. Так надо, чтобы подчинить ее теперь твоей воле».

Так говорило его второе, темное «я».

Глава 46

И вот вторник шестого июля, полдень, платформа на станции железной дороги, соединяющей Утику с Фондой; Роберта выходит из поезда, который пришел из Бильца, чтобы ждать здесь Клайда, – поезд, которым они поедут в Утику, придет только через полчаса. И спустя четверть часа сам Клайд выходит из боковой улицы и приближается к станции с южной стороны, так что Роберта не может его видеть, – он же, обойдя западный угол вокзала и остановившись за грудой корзин, может наблюдать за ней. До чего же она бледная и худая! И в противоположность Сондре как плохо одета: в синем дорожном костюме и коричневой шляпке, купленных для этого случая, – предвестие скудной и нелегкой жизни, так не похожей на ту, которую предлагает ему Сондра. И Роберта думает заставить его отказаться от Сондры ради женитьбы на ней, – и выпутаться из этих брачных уз ему удастся в лучшем случае тогда, когда Сондра и все, что в ней воплощено, станет лишь воспоминанием. Как по-разному относятся к нему эти две девушки: Сондра, все имея, все ему предлагает и ничего не требует; Роберта, не имея ничего, требует все.

Глухое и горькое чувство обиды охватило Клайда, и он с невольной симпатией подумал о том неизвестном мужчине с озера Пасс и в глубине души пожелал ему успеха. Может быть, и он был точно в таком же положении. И, может быть, в конце концов он именно так и сделал, поэтому его и не нашли. Нервы Клайда были натянуты до предела. Взгляд стал мрачным, злым и тревожным. Сойдет ли успешно и на этот раз?

И вот он на одном перроне с Робертой (результат ее упорных и неразумных требований) и должен подумать о том, как бы смело и быстро осуществить планы, Которые он вынашивал четыре дня – с тех пор как говорил с ней по телефону (а более смутно – еще и в предыдущие десять дней). Он принял решение – и теперь ничто не должно стать у него на пути. Он должен действовать! Он не допустит, чтобы страх помешал ему осуществить задуманное.

И он шагнул вперед, чтобы Роберта увидела его, и при этом взглянул на нее многозначительно и как будто дружески, словно говоря: «Видишь, я здесь». Но что скрывалось за этим взглядом! Если бы только она могла проникнуть глубже под эту маску и почувствовать его мрачное и страшное настроение, как поспешно она убежала бы! Но теперь, когда она увидела, что он в самом деле приехал, мрачная тень, затаившаяся в ее глазах, исчезла, опущенные углы губ расправились; Не показывая вида, что узнала его, она тем не менее вся расцвела и тотчас пошла к кассе, чтобы, согласно наставлениям Клайда, купить билет в Утику.

Наконец, наконец-то он приехал, думала Роберта. Теперь он ее увезет. Душа ее преисполнилась благодарности. Ведь они проживут вместе по меньшей мере семь или восемь месяцев. Должно быть, потребуются и такт и терпение для того, чтобы все шло гладко, а все-таки, наверно, это возможно. Отныне она должна быть воплощенной осторожностью – не говорить и не делать ничего, что может почему-либо рассердить Клайда, – ведь, естественно, он будет сейчас не слишком хорошо настроен. Но он, кажется, немного переменился… Может быть, он будет добрее к ней, будет ей немножко больше сочувствовать…

Похоже, что он наконец искренне и добровольно подчинился неизбежному. И в то же время, увидев его светло-серый костюм, новую соломенную шляпу, до блеска начищенные ботинки, чемодан темной кожи и – тут он проявил странную рассеянность и легкомыслие – штатив недавно купленного фотографического аппарата, вместе с теннисной ракеткой в парусиновом чехле прикрепленный ремнями к чемодану (главным образом для того, чтобы скрыть инициалы «К.Г.»), она снова ощутила былую нежность и влечение к нему. Ей нравились и его внешность и его характер. Хоть он теперь и равнодушен к ней, а все-таки он ее Клайд!

Увидев, что она купила билет, Клайд, в свою очередь, подошел к кассе, затем снова понимающе посмотрел в сторону Роберты, словно говоря взглядом, что все хорошо, и вернулся на восточный конец платформы; Роберта тоже вернулась на прежнее место.

(Почему этот старик в старом Зимнем коричневом костюме и шапке, с птичьей клеткой в оберточной бумаге, так на него смотрит? Неужели он что-то почувствовал? Неужели он его знает? Может быть, он работал в Ликурге и видел его раньше?) Надо купить сегодня в Утике вторую соломенную шляпу – только бы не забыть – соломенную шляпу со штампом местного магазина на подкладке; он наденет ее вместо той, которая на нем сейчас. Когда Роберта не будет на него смотреть, он спрячет старую шляпу в свой чемодан вместе с другими вещами. Для этого ему придется оставить Роберту на несколько минут, когда они приедут в Утику, – на вокзале, в библиотеке, где-нибудь… может быть,

– таков был его первоначальный план, – он отвезет ее в какой-нибудь маленький отель и запишется там, как мистер Карл Грэхем с супругой, или Клифорд Голден, или Геринг (на фабрике была девушка с такой фамилией). Таким образом, если их выследят, возникнет предположение, что она уехала с каким-то мужчиной, носящим эту фамилию.

(Вдалеке – свисток паровоза. Поезд должен сейчас подойти. Его часы показывают двадцать семь минут первого.) Надо решить, как держаться с нею в Утике: ласково и сердечно или холодно. По телефону, правда, он говорил с нею очень мягко, дружелюбно, иначе нельзя было. Пожалуй, следует продолжать в том же духе, не то она начнет раздражаться, станет подозрительной, упрямой – и тогда все будет очень трудно и сложно.

(Да подойдет ли когда-нибудь этот поезд?) Но ему будет очень нелегко быть таким приветливым, – ведь в конце концов она командует им, хочет, чтобы он выполнял ее требования, и еще обращайся с нею ласково! Проклятие! Да, но если он не будет ласковым?.. Вдруг она как-нибудь разгадает его мысли, откажется поехать с ним и разрушит все его планы…

(Только бы колени и руки не дрожали так!) Но нет, как она может заподозрить что-либо подобное, когда он и сам еще не вполне уверен, сможет ли это сделать. Ясно только одно: не уедет он с ней никуда, и все тут. Может быть, он и не перевернет лодку, как решил накануне, но все равно с нею не уедет.

Но вот и поезд. Роберта поднимает свой чемодан. Не слишком ли он тяжел для нее в ее теперешнем положении? Вероятно, тяжел. Да, нехорошо. К тому же сегодня очень жарко. Во всяком случае, он поможет ей после, когда они будут в таком месте, где никто их не увидит. Она смотрит в его сторону – хочет удостовериться, что он действительно поедет; как это на нее похоже,

– в последние дни она относится к нему так подозрительно, недоверчиво. А вот и свободное место в глубине вагона, на теневой стороне. Здесь недурно. Он устроится поудобнее и будет смотреть в окно. Тут, как раз за Фондой, в каких-нибудь двух милях, есть река – тот самый Могаук, что протекает через Ликург, мимо фабрики; по берегам его они с Робертой гуляли в прошлом году, примерно в это же время. Но теперь Клайду неприятно это воспоминание, и он переводит взгляд на купленную только что газету и, прикрывшись ею, как щитом, снова во всех подробностях представляет себе картину, которая занимает его сейчас гораздо больше, – местность вокруг озера Большой Выпи: после того решающего разговора с Робертой по телефону она интересует его больше всей остальной географии мира.

В пятницу, после того разговора, он зашел в отель «Ликург» и взял там три различных путеводителя с описаниями отелей, дач, гостиниц и других мест, где можно остановиться в глухих окрестностях озер Большой Выпи и Длинного. (Если бы можно было как-нибудь добраться до одного из тех совершенно безлюдных озер, о которых говорил проводник на Большой Выпи… Только, пожалуй, на таких озерах нет никаких лодок!) А потом в субботу он взял на вокзале еще четыре путеводителя (они сейчас у него в кармане). И все они подтверждают, что вдоль вот этой самой железной дороги, ведущей на север к Большой Выпи, есть множество маленьких озер и гостиниц, где они с Робертой могут остановиться на день-два, если она захочет, или, во всяком случае, на ночь, прежде чем отправиться на озеро Большой Выпи или Луговое. Клайд обратил особое внимание на это последнее озеро – очень красивое и недалеко от станции, как говорилось в путеводителе; там есть три недурных маленьких пансиона, и плата за двоих всего двадцать долларов в неделю. Значит, если они вдвоем остановятся там на ночь, это обойдется не дороже пяти долларов. Итак, он скажет Роберте, как и придумал за эти дни, что ей необходимо немного отдохнуть перед отъездом в чужие места; скажет, что если они съездят на Луговое озеро в тот же вечер, как приедут в Утику, или на следующее утро и переночуют там, то это будет стоить, как говорится в путеводителе, не очень дорого – около пятнадцати долларов, считая проезд и все остальные расходы. Он изобразит это как приятную маленькую экскурсию, своего рода, свадебное путешествие перед тем, как они обвенчаются. И ни в коем случае нельзя уступать, если она захочет, чтобы они сначала обвенчались, – это не годится.

(Пять птиц летят к рощице, что виднеется вон там, у подножия холма…) Конечно, нельзя ехать прямо из Утики на Большую Выпь только ради катания по озеру – на один день – за семьдесят миль. Это покажется странным и Роберте и кому угодно. Это может даже вызвать у нее подозрения. Может быть, лучше – поскольку в Утике ему нужно будет ненадолго оставить ее, чтобы купить себе шляпу, – провести эту первую ночь именно в Утике, в каком-нибудь скромном, недорогом отеле, и только потом предложить поездку на Луговое озеро. А оттуда они наутро отправятся на озеро Большой Выпи. Он скажет, что там красивее… или что они едут в Бухту Третьей мили (в сущности, простую деревушку), где можно будет обвенчаться, но по дороге для развлечения заглянут на Большую Выпь. Он скажет, что хочет показать ей озеро и сделать несколько снимков – сфотографировать ее и себя. Для этого он и взял аппарат… и для того чтобы потом снимать Сондру.

Какой мрачный замысел!

(А вот девять белых и черных коров на зеленом склоне холма.) Глядя на его чемодан с привязанным сбоку штативом и теннисной ракеткой в чехле, встречные станут думать, что он и Роберта проезжие туристы, прибывшие откуда-то издалека, и если они оба исчезнут… ну что ж, ведь они нездешние… Разве не сказал проводник, что в этом озере семьдесят пять футов глубины, – как на озере Пасс? А что касается чемодана Роберты… да, как быть с чемоданом? Раньше он об этом как-то не подумал.

(Вон три автомобиля, они мчатся почти так же быстро, как поезд.) Ну вот, они переночуют на Луговом озере и двинутся дальше: он скажет Роберте, что они обвенчаются в Бухте Третьей мили, на Сером озере, где живет знакомый ему пастор; он уговорит ее оставить чемодан на станции Ружейной, – оттуда они поедут автобусом до озера Большой Выпи, – а свой чемодан возьмет с собой. Он просто скажет кому-нибудь – хотя бы лодочнику или шоферу автобуса, – что там у него фотографический аппарат, и спросит, где здесь самые красивые виды. Или в чемодане будет завтрак. Пожалуй, эта мысль лучше: взять с собой завтрак и этим заодно обмануть в Роберту и шофера. Это тоже может ввести в заблуждение, не так ли? Многие кладут фотоаппарат в чемодан, когда едут на озеро. Во всяком случае, ему совершенно необходимо взять чемодан с собой. Иначе для чего этот план – проплыть к острову и оттуда идти лесами на юг?

(Какой безобразный, ужасный план! Неужели он его исполнит?) Но как странно кричала та птица на озере! Большая Выпь… Не хотел бы он еще раз услышать ее или увидеть того проводника: проводник может теперь его вспомнить. Правда, Клайд совсем не разговаривал с ним и даже не выходил из автомобиля, а только смотрел в окно… и, насколько он может вспомнить, проводник ни разу даже не взглянул на него, а говорил только с Грэнтом Крэнстоном и Харлеем Бэготом, которые вышли из машины и беседовали с ним. А вдруг все-таки этот проводник будет там и узнает его? Нет, не может быть, ведь проводник, в сущности, его не видел, да и не обязательно ему быть на Большой Выпи… Но почему так дрожат колени, и руки теперь всегда такие холодные, влажные…

(Поезд следует за всеми поворотами реки… а прошлым летом они с Робертой… Не надо…) Как только они приедут в Утику, нужно сделать вот что (и он должен хорошенько все запомнить и ни в коем случае не теряться. Сбиться нельзя… никак нельзя…) На улице он пропустит Роберту вперед и пойдет за нею, скажем, на расстоянии сотни шагов, чтобы никто не мог подумать, будто он ее провожает. А потом, когда они будут где-нибудь совсем одни, он догонит ее и объяснит ей все свои планы… и при этом будет очень ласков, как будто любит ее по-прежнему… так надо, раз он хочет, чтобы она была сговорчива. А потом… потом… ах, да… она подождет где-нибудь, пока он пойдет и купит эту вторую шляпу, которая… ну, которую он, может быть, оставит потом на воде. И весла тоже, конечно. И ее шляпу… и…

(Как протяжен, печален свисток этого поезда. Проклятие! Он уже нервничает!) Но прежде чем идти в гостиницу, надо будет вернуться на вокзал и положить новую шляпу в чемодан; лучше даже носить его с собой, пока не удастся подыскать подходящую гостиницу, и тогда уже, перед тем как пойти за Робертой, купить шляпу и спрятать в чемодан. Затем он проводит Роберту до гостиницы, и она будет ждать его у входа, пока он не принесет чемоданы. И, конечно, если поблизости никого не будет, они войдут в гостиницу вместе; только пускай она побудет хотя бы в дамской комнате, пока он не запишется в книге посетителей… На этот раз, скажем, под именем Чарльза Голдена. Ну, а наутро, если она согласится, или даже сегодня, если только есть подходящий поезд (это он узнает), они могут поехать на Луговое озеро

– опять в разных вагонах, – во всяком случае, пока не проедут Двенадцатого озера и Шейрона.

(Там – великолепная дача Крэнстонов… и Сондра.) А потом… потом…

(А вот большой красный амбар и по соседству – маленький белый домик. И ветряная мельница. Совсем такие же амбары и домишки он видел в Иллинойсе и Миссури. И в Чикаго тоже.) А в это время Роберта, сидя в соседнем вагоне, думала, что Клайд, видимо, не очень уж недружелюбно настроен. Конечно, ему тяжело вот так, поневоле, уезжать из Ликурга, где он может развлекаться, как ему хочется. Но, с другой стороны, что же ей было делать… У нее не было никакого другого выхода. Теперь она должна быть веселой и доброй, но не слишком навязчивой и не докучать ему. Однако не следует быть чересчур покладистой и мягкой, ведь в конце концов это Клайд виноват во всем, что с ней случилось. И то, что он делает теперь, только справедливо и не так уж много… У нее будет ребенок, ей предстоит столько тревог и забот… И потом еще придется объяснить родителям всю эту таинственность, свое теперешнее внезапное исчезновение и брак, если только Клайд в самом деле с ней обвенчается. Но она должна настоять на этом… и поскорее… может быть, в Утике… в первом же месте, куда они приедут… и должна получить копию брачного свидетельства и сохранить ее в своих интересах и в интересах ребенка. Клайд может потом развестись с ней, если пожелает. А все-таки она будет миссис Грифитс. И их ребенок тоже будет Грифитс. Это что-нибудь да значит.

(Какая красивая речка! Точь-в-точь Могаук, напоминает прошлогодние прогулки с Клайдом, когда они только что познакомились. Ах, прошлое лето! А теперь!..) Они поселятся где-нибудь… наверно, снимут комнатку или две. Где-то это будет, в каком городе? Далеко ли от Ликурга или Бильца? Чем дальше от Бильца, тем лучше, хотя, конечно, ей хотелось бы увидеться опять с отцом и матерью, и поскорее… как только все будет позади. Но это уж не важно, ведь они уедут вместе, и она будет замужем.

Заметил ли Клайд ее синий костюм и коричневую шляпку? Может быть, он подумал, что все же она очень мила, даже если и сравнить ее с этими богатыми девушками, с которыми он постоянно проводил время? Надо быть как можно деликатнее… ничем его не раздражать… Но… как счастливо они жили бы, если бы только… если бы только он немного любил ее… хоть немножко.

Но вот и Утика, и на пустынной улице Клайд догоняет Роберту. На лице его – смесь простодушной веселости и доброжелательства с озабоченностью и досадой; а в сущности, это маска, скрывающая страх перед своим же замыслом, перед собственной неспособностью исполнить задуманное и перед тем, что ждет его в случае неудачи.

Глава 47

А на следующее утро они, как было условлено с вечера, отправились на Луговое озеро (опять в разных вагонах). Но, приехав туда, Клайд с удивлением убедился, что берега гораздо более многолюдны, чем он ожидал. Его очень расстроило и испугало царившее здесь оживление: он воображал, что это озеро так же пустынно, как Большая Выпь. А оказалось, что здесь – сборный

пункт и летняя резиденция маленькой религиозной секты из Пенсильвании: напротив станции на берегу озера виднелись молитвенный дом и многочисленные коттеджи. И Роберта сразу воскликнула:

– Вот хорошо! Мы можем пойти к здешнему священнику и обвенчаться, правда?

И Клайд, ошеломленный этим неожиданным осложнением, поспешил согласиться:

– Ну что же, конечно… Я съезжу туда немного погодя и узнаю…

Но мысленно он уже изыскивал способ перехитрить Роберту. После того как они снимут комнату в гостинице, он повезет ее кататься на лодке и задержится на озере подольше. А может быть, найдется какой-нибудь пустынный и незаметный уголок… но нет, здесь слишком много народу. Озеро недостаточно большое и, вероятно, не очень глубокое. Вода в нем черная, как смола, а на восточном и северном берегах сомкнутым строем, точно стража, стоят высокие темные ели. Клайду показалось, что это – вооруженные копьями зоркие великаны, чуть ли не сказочные людоеды, – так он был мрачен, подозрителен, так взбудоражена была его фантазия. Да еще Столько народу кругом, – на озере не меньше десятка лодок.

Как все это зловеще!

Как трудно!

И вдруг шепот:

«Отсюда лесом никак не дойти до Бухты Третьей мили. Нет, нет. До нее еще добрых тридцать миль. И, кроме того, это озеро не такое пустынное, – наверно, за ним все время наблюдают эти сектанты». Нет, нет… надо сказать Роберте… он скажет ей… но что сказать? Что он спрашивал и говорят, здесь нельзя получить разрешение на брак? Или что священник сейчас в отъезде, или требует документы, которых у Клайда нет, или… или… Ах, все равно, лишь бы заставить Роберту замолчать до завтра до того часа, когда отсюда отойдет поезд на Большую Выпь и Шейрон, а там они, конечно, обязательно обвенчаются!

Почему она так требовательна? Чего ради в конце концов (если не считать этого ее упрямого желания непременно поставить на своем) он должен таскаться с ней то туда, то сюда? Для него это ежечасные, ежеминутные страдания, поистине жестокая и нескончаемая душевная пытка, тогда как если бы он мог от нее отделаться… О Сондра, Сондра, если бы ты снизошла со своей высоты и помогла мне! Не лгать больше! Больше не страдать! Не знать никаких унижений и горя!

Но вместо этого снова ложь. Долгие, нудные и ненужные поиски водяных лилий. Клайд был так беспокоен и нервен, что вся эта прогулка скоро надоела Роберте не меньше, чем ему. Почему, спрашивала она себя, он так равнодушен к возможности обвенчаться? Это можно было бы уладить заранее, и тогда эта прогулка была бы осуществлением ее грез… так было бы, если бы… если бы он устроил все раньше, в Утике, как она хотела. Опять промедление, опять уклончивость… всегдашняя, такая характерная для Клайда неопределенность и нерешительность. Роберта снова начала сомневаться – правда ли, что он обвенчается с ней, сдержит свое слово? Но завтра или в крайнем случае послезавтра все выяснится. Зачем же теперь тревожиться?

А назавтра в полдень – станция Ружейная, и Клайд выходит из вагона и провожает Роберту к ожидающему приезжих автобусу. На ходу он убеждает ее, что, так как они вернутся этим же путем, будет удобнее, если она оставит свой чемодан здесь; он же свой чемодан возьмет с собой, потому что там фотографический аппарат и заранее приготовленный завтрак, – они ведь решили позавтракать на озере… Но, подойдя к автобусу, Клайд с испугом обнаружил, что шофер – тот самый проводник, которого он Видел на озере Большой Выпи. Вдруг теперь окажется, что этот проводник видел его и запомнил! Разве он не может вспомнить красивый автомобиль Финчли, Бертину и Стюарта на переднем сиденье, Клайда и Сондру позади, Грэнта и Харлея Бэгота, вышедших из машины, чтобы поговорить с ним?

И мгновенно – как все последнее время в минуты особенного волнения и страха – холодный пот покрыл его лицо и руки. О чем же он думал раньше? Как строил свои планы? Да как же можно рассчитывать, что он справится с таким делом, если он так плохо все обдумал? Вот так же он не сообразил надеть кепку в дорогу от Ликурга до Утики или хотя бы достать ее из чемодана еще до покупки соломенной шляпы, и вообще надо было купить шляпу заранее.

Однако проводник не вспомнил его, слава богу! Наоборот, с любопытством спросил, как у совершенно незнакомого:

– Едете на Большую Выпь? В первый раз здесь?

И Клайд с огромным облегчением и все же с внутренней дрожью ответил:

– Да. – Затем в нервном возбуждении спросил: – Много там сегодня народу?

Не успел он договорить, как этот вопрос показался ему почти безумным. Зачем, зачем, ради всего святого, он задал такой вопрос? Неужели не будет конца этим дурацким, пагубным для него оплошностям? Он был так взволнован, что почти не слышал ответа проводника, голос которого, казалось, доносился откуда-то издали:

– Не так уж много. Пожалуй, человек семь-восемь. А четвертого у нас было человек тридцать, но вчера почти все уехали.

Безмолвие деревьев, выстроившихся вдоль вязкой глинистой дороги, по которой они ехали; прохлада и тишина; в чаще даже теперь, в самый полдень,

– темные глуби и закоулки, лиловый сумрак. Если проскользнуть туда, ночью ли, днем ли, кого там встретишь? Из чащи доносится металлический крик сойки; жаворонок вдалеке наполняет серебристую мглу своей звонкой песней. А когда тяжелый закрытый автобус переезжал через журчащие ручьи по грубым бревенчатым мостам, Роберта восхищалась прозрачной сверкающей водой. «Как здесь чудесно, Клайд! Слышишь, как звенит ручей? А какой свежий воздух!»

И все же она скоро умрет!

Боже!

Но допустим, что на Большой Выпи – в гостинице, на пристани – тоже много народу. Может быть, на озере полно рыболовов, они рассеялись поодиночке там и тут, и нигде нет ни одного безлюдного, тихого уголка. Как странно, что он об этом не подумал! Это озеро, вероятно, далеко не так пустынно, как он воображал, – и как раз сегодня тут может оказаться не меньше народу, чем на Луговом, что тогда?

Ну что же, тогда бежать… бежать… и будь что будет. Такое напряжение ему не по силам… к черту! Эти мысли его убьют. И как он мог мечтать о том, чтобы достигнуть счастья при помощи такого дикого и жестокого замысла

– убить и потом сбежать… вернее, убить и подстроить так, чтобы их обоих сочли погибшими… тогда как он – убийца – вернулся бы к жизни и счастью. Какой отвратительный план! Но как же иначе? Как? Разве он не подготовился к этому? Неужели теперь отступить?

А Роберта, сидя рядом с ним, воображала, будто ее ждет не что иное, как свадьба, – завтра утром уж наверно. А пока для развлечения она посмотрит на красивое озеро, о котором говорил Клайд, – говорил так, словно эта прогулка – самое приятное и значительное событие и в его и в ее жизни.

Но вот проводник снова заговорил, обращаясь к Клайду:

– Вы, похоже, сюда ненадолго? Я видел, вы оставили вещи молодой леди на станции.

Он кивнул в сторону Ружейной.

– Нет, мы уезжаем сегодня вечером, поездом восемь десять. Вы отвозите публику к этому времени?

– Ну, конечно.

– Мне так и говорили на Луговом озере.

Ну, для чего он прибавил это – насчет Лугового озера? Этим он показал, что они с Робертой были там, прежде чем приехали сюда. И чего он привязался, этот дурак. Со своим замечанием о «вещах молодой леди» и о том, что они остались на станции! Вот дьявол! Почему он суется в чужие дела? И почему он решил, что они с Робертой не муж и жена? Или, может быть, он этого не думал? Во всяком случае, почему этот вопрос, когда у них было два чемодана? Откуда ему знать, что остался именно ее чемодан? Странно! И что за наглость! Как он мог знать или догадаться… А впрочем, не все ли равно – женаты они или нет? Если ее не найдут, замужем она или не замужем – это не будет иметь никакого значения. А если найдут и будет установлено, что она не была замужем, это только докажет, что она приезжала сюда с кем-то, но не с ним, не так ли? И теперь об этом нечего беспокоиться.

– А там есть еще меблированные комнаты или гостиницы, кроме той, куда мы едем? – спросила Роберта проводника.

– Нет, ни одной, мисс, только наша. Вчера тут была целая толпа молодых парней и девушек, – они раскинули лагеря на восточном берегу, пожалуй, в миле от нас. А там они еще или уехали, – не знаю. Никого из них сегодня не видал.

Толпа молодых парней и девушек! Только этого недоставало! Может быть, все они и теперь на озере… катаются на лодках… А тут он с Робертой! Может быть, среди них есть приезжие с Двенадцатого озера, – вот как он, Сондра, Гарриэт, Стюарт и Бертина приезжали сюда две недели назад… Может быть, это друзья Крэнстонов, Гарриэтов или Финчли приехали сюда на пикник и, конечно, узнают его. Кроме того, значит, к востоку от озера есть какая-то дорога. Из-за всего этого, из-за присутствия этой молодой компании поездка сюда может оказаться напрасной. Какой глупый план! Как бессмысленно он это придумал… Надо было все выяснить заранее, выбрать еще более далекое озеро… но он так мучился все последние дни, что совсем не мог думать. Ну, а теперь он может сделать только одно – поехать и посмотреть. Если там окажется много народу, он должен отыскать какой-нибудь действительно глухой, пустынный уголок… или вернуться на Луговое озеро… или поехать еще куда-нибудь? Господи, что ему делать, если здесь будет много народу?

Но в это время деревья впереди раздвинулись, словно кончился длинный лесной коридор, по которому ехал автобус, и Клайд узнал зеленую лужайку, озеро Большой Выпи, маленькую гостиницу с верандой, выходящей прямо на темно-синие воды озера. А вот и низкий маленький сарай для лодок, справа, у самой воды, – его красную крышу Клайд заметил в прошлый раз. И Роберта воскликнула:

– О, какая прелесть! Как красиво!

А Клайд, поглядев вдаль на темный невысокий остров и заметив, что вокруг совсем мало народу, а на самом озере нет ни души, сказал поспешно:

– Еще бы, очень красиво! – но при этом едва не задохнулся.

Навстречу им вышел сам хозяин гостиницы – человек среднего роста, широкоплечий и краснолицый – и спросил с любопытством:

– Пробудете здесь несколько дней?

Но Клайд, разозленный этим новым осложнением, ответил резко, подавая проводнику доллар:

– Нет, нет. Мы уезжаем сегодня вечером.

– Тогда, может быть, пообедаете у нас? Поезд уходит только в восемь пятнадцать.

– Да, тогда конечно… Ну хорошо, пообедаем.

Ясное дело, Роберта в свой медовый месяц, накануне свадьбы и во время такой экскурсии, рассчитывает на праздничный обед. Черт побери этого коренастого краснорожего дурака!

– Ладно, тогда я отнесу ваш чемодан в комнату, а вы запишитесь в книге посетителей. Ваша супруга, наверно, желает немного освежиться?

Он пошел вперед, подхватив чемодан, хотя Клайду ужасно хотелось вырвать чемодан у него из рук. Он совсем не собирался ни записываться здесь, ни оставлять свой чемодан. И не оставит! Он сейчас же заберет его назад и наймет лодку. Но, как бы то ни было, ему пришлось записаться в книге: Клифорд Голден с женой – «простая формальность», как сказал хозяин, – и только после этого он получил обратно свои вещи.

И как будто затем, чтобы усилить его волнение, замешательство и тревожные мысли о том, какие еще новые события и люди станут у него на дороге, прежде чем он пустится в это опасное плавание, Роберта вдруг заявила, что так как сейчас жарко и они вернутся сюда обедать, то она оставит здесь шляпу и пальто: на ее шляпе Клайд заметил фабричную марку – Броунстайн в Ликурге – и уже размышлял о том, что благоразумнее: оставить ее или уничтожить. Но он решил, что, может быть, после… после… если он действительно сделает это… будет безразлично, останется ли на шляпе фабричная марка или нет. Разве без этого ее не опознают, если найдут? А если не найдут, то все равно никто не будет знать, кто она и откуда.

Встревоженный и сбитый с толку, почти не сознавая, что думает и что делает, Клайд взял свой чемодан и направился к пристани. Потом, бросив чемодан в лодку, спросил у лодочника, где тут лучшие виды, – хотелось бы их сфотографировать. И

наконец, выслушав какое-то ненужное ему объяснение, помог Роберте (она казалась ему теперь почти бесплотной тенью, вступающей в нереальную лодку на чисто воображаемом озере), спрыгнул сам, сел на среднюю скамью и взялся за весла.

Гладь озера, спокойная, глянцевитая, с радужным отливом, походила не на воду, а скорее на нефть или на расплавленное стекло, что огромной, плотной и тяжелой массой покоится на тверди земной, сокрытой где-то глубоко внизу. Легкое, свежее, пьянящее дуновение лишь едва заметно рябило поверхность озера. И густые, пушистые ели по берегам – повсюду ели, высокие, с копьевидными верхушками. А за ними – горбатые спины темных, далеких Адирондакских гор. Ни одной лодки на озере. Ни дома, ни хижины по берегам. Клайд искал глазами лагерь, о котором говорил проводник, но ничего не видел. Он прислушивался, не звучат ли где-нибудь голоса. Но если не считать тихого плеска его собственных весел да голосов лодочника и проводника, которые беседуют в двухстах… трехстах… пятистах… в тысяче футов позади, – ниоткуда ни звука.

– Как здесь мирно и тихо, правда? – Это сказала Роберта. – Так спокойно все! По-моему, тут очень красиво, гораздо красивее, чем на том, другом озере. Какие высокие деревья! А горы! Когда мы ехали сюда, я все время думала, какая прохладная и тихая эта дорога, хотя и немного тряская.

– Ты говорила с кем-нибудь здесь, в гостинице?

– Нет, ни с кем. А почему ты спрашиваешь?

– Я думал, может быть, ты кого-нибудь встретила. Хотя сегодня здесь, кажется, мало народу.

– Да, на озере никого не видно. А там я видела только двух мужчин в бильярдной и одну девушку в дамской комнате – вот и все. Какая холодная!

Она опустила руку за борт, в сине-черную воду, потревоженную его веслами.

– Холодная? Я еще не пробовал.

Клайд перестал грести, опустил руку в воду и задумался. Не следует сразу плыть к тому острову на юге. Он слишком далеко… и еще слишком рано… это может показаться ей странным. Лучше немного подождать. Подумать еще немного… еще раз осмотреться. Роберта захочет позавтракать (господи, еще завтрак!), а вон примерно в миле отсюда виднеется живописный мыс. Можно пристать там и сначала позавтракать… это она позавтракает, – он ничего не будет есть сегодня. А потом… потом…

Роберта смотрела на тот же мыс: изогнутая полоска земли, густо поросшая высокими елями, далеко врезалась в озеро и сворачивала к югу. И Роберта сказала:

– Милый, ты не присмотрел местечка, где можно пристать и поесть? Я уже немножко проголодалась, а ты?

(Если бы только она не называла его каждую минуту «милым»!) Маленькая гостиница и сарай для лодок на северном берегу становились все меньше и меньше; теперь они напоминали купальню и пристань на озере Крам в тот день, когда он в первый раз катался там на лодке; тогда ему хотелось поехать на такое озеро, как это, близ Адирондакских гор; он мечтал о таком озере… и о встрече с такой девушкой, как Роберта… И над головой плывет такое же пушистое облачко, как то, что плыло над ним в тот роковой день на озере Крам.

Как все ужасно и как трудно!

Они могут сегодня поискать здесь водяные лилии, чтобы убить время, прежде чем… убить время… убить (боже!)… Нельзя больше думать об этом, если он хочет в конце-концов это сделать. Во всяком случае, сейчас нечего задумываться.

И Клайд причалил к тому месту, которое облюбовала Роберта, – в глубине крошечной бухты с небольшим, желтым, как мед, песчаным пляжем; с северной и восточной стороны изгиб берега надежно укрывал ее от любопытных взглядов. Они высадились. Клайд осторожно вынул завтрак из чемодана и, пока Роберта раскладывала его на газете, разостланной на песке, ходил по берегу, делая вымученные замечания о красоте пейзажа, о том, как хороши ели, как мила бухточка… и при этом думал… думал об острове в дальней части озера и о какой-нибудь другой бухте за островом, о том месте, где, несмотря на свое слабеющее мужество, он должен все же совершить предстоящее ему жестокое, страшное дело… нельзя упустить понапрасну этот старательно подстроенный случай, если… если только он и впрямь не собирается бежать… и навсегда покинуть то, что больше всего хотел бы сохранить.

Но какое черное дело – и опасное… теперь все это придвинулось вплотную… опасно совершить какую-нибудь ошибку… вдруг, например, он не сумеет перевернуть как следует лодку… или не сможет… не сможет… господи!.. А потом, может быть, обнаружится, что он… он… убийца! Его арестуют. Будут судить. (Он не может, он не сделает этого, – нет, нет нет!) А Роберта сидела рядом с ним на песке, умиротворенная и, видимо, довольная всем на свете. Она что-то напевала, потом начала высказывать всякие практические соображения о будущем, о том, каково теперь будет их материальное положение, куда и как они поедут отсюда (пожалуй, лучше всего в Сиракузы, и Клайд как будто ничего не имеет против) и что они будут там делать. Роберта слышала от своего зятя, Фреда Гейбла, что в Сиракузах открывается новая фабрика воротничков и рубашек. Может быть, Клайд устроится там хоть на время. Позже, когда самое трудное останется позади, она и сама поступит туда же или на какое-нибудь другое предприятие. А пока, так как у них очень мало денег, им надо бы снять небольшую комнату в какой-нибудь семье, – или, если ему это не нравится (ведь они теперь не так близки, как раньше), может быть, две комнатки рядом. Дело в том, что за его показной любезностью и предупредительностью она все же чувствовала упорный протест.

А Клайд все думал. Ну, что толку теперь в этих разговорах? Какая разница – согласится он с нею или не согласится? Он говорит с нею так, словно завтра она еще будет здесь. А ее не будет. Ведь его – и ее – ждет совсем другое. Великий боже!

Если бы только у него не дрожали колени! Да еще этот холодный пот, покрывающий руки, лицо, все тело…

Потом они поплыли дальше, к западному берегу озера, к тому острову, и Клайд, тревожно и устало оглядываясь по сторонам, убеждался что кругом нет ни души – нигде ни души, – ни на берегу, ни на воде. Никого! Здесь так тихо, так пустынно, слава богу. Здесь или где-нибудь поблизости можно сделать это, если только у него хватит мужества… но мужества не было – пока… Роберта опять опустила руку в воду и спросила, нельзя ли поискать где-нибудь водяных лилий или полевых цветов на берегу. Водяные лилии! Полевые цветы! А он тем временем убеждается, что нигде не видно ни дорог, ни тропинок, ни хижины, ни палатки – ни признака жилья среди этих высоких, тесно сомкнувшихся елей, ни одной лодки на широком просторе прекрасного озера в этот прекрасный день. Но что, если какой-нибудь одинокий охотник, проводник или рыболов скрывается в лесах или на берегу? Разве этого не может быть? Что, если здесь сейчас кто-нибудь есть и следит за ними?

Рок!

Гибель!

Смерть!

Но нигде – ни звука, ни дымка. Только… только одни эти высокие, островерхие темно-зеленые ели, угрюмые и безмолвные; кое-где среди них – пепельно-серое под палящим полуденным солнцем мертвое дерево, его иссохшие, изможденные ветви протянуты, словно грозящие руки.

Смерть!

Пронзительный металлический крик сойки в чаще леса, странное, потустороннее «тук-тук-тук» одинокого дятла; изредка метнется красной молнией кардинал или мелькнет черно-желтое оперение дрозда.

О, как ярко светит солнце У меня в Кентукки дома!

Это весело запела Роберта, опустив руку в темно-синюю воду.

А немного погодя она запела другую популярную песенку: «Если хочешь, я приду в воскресенье».

Прошел еще целый час в катании, мрачных размышлениях, пении, поисках живописных уголков и тихих заливов с лилиями, и Роберта уже сказала, что надо следить за временем и не задерживаться здесь слишком долго… и вот наконец бухта с южной стороны острова – красивая, но печальная, в тесном кольце берегов, в траурной раме елей, похожая на маленькое озеро; узкий пролив соединяет ее с большим озером, но и сама по себе она довольно внушительна: размером около двадцати акров и почти совершенно круглая. Со всех сторон, если не считать узкого пролива, отделяющего с севера остров от суши, это озерко сплошной стеной окружают деревья. А у берегов тут и там камыши и лилии. И что-то подсказывает, что это озерко, эта тихая заводь предназначена для тех, кто устал от жизни и забот, кто жаждет уйти от житейской борьбы и раздоров: здесь, мудрый и печальный, обретет он пристанище.

И когда лодка скользнула в эту бухту, тихие темные воды всецело завладели Клайдом: еще никогда и ни от чего не менялось так внезапно его настроение. Клайда как будто завлекло, затянуло сюда, он обогнул тихие берега бухты – и его словно стало сносить куда-то… куда-то в бесконечное пространство, где не было ничего… ни коварных замыслов, ни планов… ни практических задач, требующих разрешения… ничего. Предательская красота этой бухты! Она словно дразнила его…

неведомая темная заводь, окруженная со всех сторон чудесными пушистыми елями. И сама она была точно огромная черная жемчужина; чья-то могучая рука, быть может, в минуту гнева или каприза, или просто играя, зашвырнула ее сюда, на грудь темно-зеленой бархатной долины… И когда Клайд пристально смотрел в воду, глубь ее казалась бездонной.

И все же о чем она говорила ему так властно? О смерти! О смерти! О смерти! Яснее, чем все, что он когда-либо видел. О смерти! Притом о смерти спокойной, тихой, добровольной, которой по своему выбору или под чьим-то гипнозом, или от невыразимой усталости отдаешься радостно и благодарно. Так мирно… так спокойно… так безмятежно… Даже Роберта вскрикнула от удивления. А Клайд впервые почувствовал, что чьи-то сильные, но дружеские руки легли ему на плечи. Какое утешение, какая теплота, какая сила исходит от них! Они успокаивают его, поддерживают – и они ему дороги. Только бы они его не покинули! Только бы оставались с ним всегда – эти дружеские руки. Разве когда-либо в своей жизни он испытывал чувство такого успокоения и даже нежности? Нигде и никогда… а теперь он спокоен и как бы ускользает от реальности.

Правда, здесь Роберта, но она теперь только поблекшая тень, туманный образ, скорее плод воображения, чем живое существо. Пусть она обладает какими-то красками и очертаниями, говорящими о реальности, а все же она стала бесплотной, совсем призрачной… и вдруг Клайд опять почувствовал себя странно одиноким: сильные руки друга исчезли. Он снова был одинок, так ужасно одинок и затерян в этом сумрачном, прекрасном царстве, словно его сюда завлекли и покинули. И вдруг он задрожал всем телом: обаяние этой странной красоты пронизало его ледяным холодом.

Для чего он явился сюда?

Что он должен сделать?

Убить Роберту? Нет, нет!

И он снова опустил голову, неотрывно глядя в пленительные и коварные глубины этой синей, отливающей серебром заводи, которая, казалось, под его взглядом меняла форму, превращаясь в огромный хрустальный шар. Но что движется там, в этом хрустале? Какая-то фигура… вот она ближе, яснее… и он узнает Роберту: она бьется, взмахивает тонкими белыми руками над водой, протягивает их к нему. Боже, как страшно! Какое у нее лицо! Как же он мог задумать такое? Смерть! Убийство!

И вдруг, осознав, что мужество (на которое он все время так рассчитывал) оставляет его, Клайд тотчас усилием воли стал погружаться в глубины своего «я», тщательно пытаясь вновь обрести это мужество.

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

(Опять этот странный, зловещий крик неведомой птицы… такой холодный, такой резкий! Снова он раздается, словно чтобы вернуть Клайда из призрачного мира, где витает его душа, к той реальной или мнимой, но мучительной задаче, которая требует немедленного практического разрешения…) Он должен это сделать! Должен!

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

Кыт-кыт-кыт – кра-а-а-а!

Что было в этом крике: предупреждение?.. протест?.. приговор? Криком этой самой птицы отмечено было зарождение его злосчастного замысла. Вот она там, на том мертвом дереве, окаянная птица… А теперь она летит к другому дереву – тоже мертвому, засохшему – немного дальше в глубь леса… Летит и кричит… Боже!..

И снова – против воли – Клайд направил лодку к берегу. Ведь он взял с собой чемодан, чтобы сделать несколько снимков, – и теперь надо предложить Роберте сниматься; может быть, он и сам снимется – на берегу и на воде. Таким образом, когда она снова войдет в лодку, его чемодан останется на берегу, сухой и невредимый. И Клайд вышел на берег и, притворяясь, будто ищет особенно живописные виды, на самом деле старался получше заметить то дерево, под которым он оставит чемодан до своего возвращения. Теперь он должен скоро вернуться… скоро… Но они уже не выйдут на берег вместе. Никогда! Никогда! И он все мешкает, хоть Роберта и жалуется, что она устала, да и он ведь предполагал, что они вернутся очень быстро. А теперь, наверно, уже больше пяти. И Клайд уверяет ее, что они сейчас поплывут обратно: он только снимет ее еще раз или два в лодке, на фоне этих замечательных деревьев, и острова, и темной водяной глади.

Но какие у него потные, беспокойные руки!

И темные, влажные, полные тревоги глаза, они смотрят куда угодно, только не на нее…

И вот они снова на воде, в пятистах футах от берега: лодка почти уже на середине бухты, и Клайд бесцельно вертит в руках маленький, но тяжелый фотографический аппарат; и вдруг он испуганно осматривается. Теперь… теперь… почти против его желания настала решающая минута – он так долго ее избегал… И нигде на берегу – ни голоса, ни звука, ни живой души… Бездорожье, и ни хижины, ни дымка. Вот она – минута, подготовленная им или чем-то вне его, – критическая минута, которая решит его судьбу; время действовать! Теперь он должен сделать только одно: резко и быстро повернуть вправо или влево… рывком наклонить левый или правый борт и перевернуть лодку; или, если это не удастся, быстро раскачать ее. А если Роберта будет слишком громко кричать, надо ударить ее фотографическим аппаратом или одним из лежащих сейчас в лодке весел. Это можно сделать… можно сделать быстро и просто… будь у него решимость и мужество. И тотчас плыть прочь… а там – свобода… успех и, конечно, Сондра, в счастье… новая, прекрасная, радостная, еще не изведанная жизнь.

Так почему же он медлит?

Что с ним?

Почему он медлит?

В эту роковую минуту, когда надо было действовать, – сейчас же, во что бы то ни стало! – его постиг внезапный паралич воли и мужества, ему не хватает ненависти и гнева. И Роберта со своего места на корме смотрит на его взволнованное, внезапно исказившееся гримасой, но в то же время нерешительное и даже растерянное лицо… вместо злобы, ярости, свирепости на этом лице отразилось вдруг смятение, оно стало почти бессмысленным. На нем можно было прочесть борьбу между страхом (реакция при мысли о смерти или бесчеловечной жестокости, которая повлечет за собой смерть) и дьявольской, неугомонной и все же подавленной жаждой действовать – действовать – действовать. Это было временное оцепенение, момент равновесия между двумя одинаково властными стремлениями: действовать и не действовать. Зрачки Клайда расширились и потемнели; лицо, и руки, и все тело конвульсивно сжались; его неподвижность и душевное оцепенение становились все более и более зловещими, но означали, в сущности, не жестокую смелую волю к убийству, а только столбняк или судорогу.

И Роберта, вдруг заметив его странное состояние, – как бы приступ темного безумия, напряженную внутреннюю борьбу с самим собой, так странно и тягостно противоречившую всему, что их окружало, – испуганно вскрикнула:

– Клайд, Клайд, что ты? Что с тобой? У тебя такое лицо… ты такой… такой странный. Я никогда не видела тебя таким! Что с тобою?

Она поднялась и, согнувшись, очень медленно и осторожно, чтобы не качнуть лодку, попыталась добраться к нему, потому что казалось, он вот-вот упадет ничком на дно лодки или свалится за борт. И Клайд мгновенно почувствовал всю безмерность своей неудачи, своей трусости и неумения воспользоваться таким случаем, и так же внезапно его охватила волна ненависти не только к самому себе, но и к Роберте, за то, что она – или сама жизнь – с такой силой связывает и порабощает его. И все же он боялся действовать… он не хотел… он хотел только сказать ей, что никогда, никогда не женится на ней… никогда, даже если она донесет на него, он не уедет из Ликурга, чтобы обвенчаться с ней… он любит Сондру и будет любить ее одну! Но он не в силах был даже заговорить. Он был только зол и растерян и в бешенстве смотрел на Роберту. И когда она, придвинувшись ближе, попыталась взять его руку в свои, забрать у него аппарат и положить на дно лодки, Клайд порывисто оттолкнул ее, но и теперь у него не было иного намерения, кроме одного: избавиться от нее, от ее прикосновения, ее жалоб, ее сочувствия… ее соседства… Боже!..

И, однако, он рванулся с такой силой, что не только ударил Роберту по губам, носу и подбородку фотографическим аппаратом (бессознательно он все еще сжимал его в руках), но и отбросил ее в сторону, на левый борт, так что лодка накренилась и едва не зачерпнула воды. Роберта пронзительно вскрикнула, – и от боли в разбитом лице и от испуга, что накренилась лодка. Пораженный этим криком, Клайд вскочил и сделал движение к ней, отчасти затем, чтобы помочь ей, поддержать, отчасти чтобы просить прощения за нечаянный удар, и этим движением окончательно перевернул лодку: и Роберта и Клайд внезапно очутились в воде. Опрокидываясь, лодка левым бортом ударила Роберту по голове как раз тогда, когда она, погрузившись на миг в воду, снова появилась на поверхности и Клайд увидел перед собой ее обезумевшее, искаженное лицо. Он уже пришел в себя. А она была оглушена, перепугана и ничего не понимала от боли и безмерного, безумного страха: страшна вода, страшно утонуть, страшен этот удар, который Клайд нанес ей случайно, почти бессознательно…

– Помогите! помогите!.. О, боже, я тону! Тону! Помогите!.. Клайд! Клайд!..

И вдруг голос у него в ушах:

«Но ведь это… это… Не об этом ли ты думал, не этого ли желал все время в своем безвыходном положении? Вот оно! Вопреки твоим страхам, твоей трусости, это свершилось. Несчастный случай, твой нечаянный, ненамеренный удар избавляет тебя от усилия, которое ты жаждал и все же не осмелился сделать. Неужели же теперь – хотя в этом вовсе нет надобности, ведь это просто несчастный случай – ты придешь ей на помощь и, значит, снова погрузишься в мучительную безысходность, которая так терзала тебя и от которой ты теперь избавлен? Ты можешь спасти ее. Но можешь и не спасти! Смотри, как она бьется. Она оглушена ударом. Она не в состоянии спастись сама, а если ты приблизишься к ней теперь, она в своем безумном ужасе потопит и тебя. Но ведь ты хочешь жить! А если она останется жива, твоя жизнь утратит всякий смысл. Останься спокойным только на мгновение, на несколько секунд! Жди, жди, не обращай внимания на этот жалобный призыв. И тогда… тогда… Ну вот, смотри. Все кончено. Она утонула. Ты никогда, никогда больше не увидишь ее живой, никогда. А вон твоя шляпа на воде, как ты хотел. А на лодке ее вуаль, зацепившаяся за уключину. Оставь их. Разве это не доказательство, что тут произошел несчастный случай?»

И больше ничего… легкая рябь на воде… поразительная тишина и торжественность вокруг. И снова презрительный и насмешливый крик той зловещей таинственной птицы:

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

Кыт-кыт-кыт… кра-а-а-а!

Кыт-кмт-кыт… кра-а-а-а!

Крик дьявольской птицы на засохшем дереве. Взмахи крыльев.

И Клайд тяжело, угрюмо и мрачно плывет к берегу. Крики Роберты еще звучат в его ушах, он видит последний безумный и умоляющий взгляд ее закатившихся глаз. И мысль, что в конце концов он ведь не убил ее. Нет, нет. Слава богу! Он этого не сделал. И все же (он выходит на берег и отряхивается от воды) убил? Или нет? Ведь он не пришел ей на помощь, а мог ее спасти. И ведь, в сущности, это его вина, что она упала в воду, хотя у него это и вышло нечаянно. И все же… все же…

Сумрак и тишина угасающего дня. Глушь все тех же гостеприимных лесов; подле своего сухого чемодана стоит насквозь вымокший Клайд и в ожидании ночи старается высушить свою одежду. Пока что он отвязывает от чемодана оставшийся неиспользованным штатив фотоаппарата и, отыскав подальше в лесу неприметный, лежащий на земле высохший ствол, прячет под ним штатив. Не видел ли кто-нибудь? Не смотрит ли кто-нибудь? Потом он возвращается и задумывается: куда идти? Надо пойти на запад, потом на юг. Нельзя сбиться с пути. Но вот опять крик этой птицы – резкий, бьющий по нервам. И потом – мрак, который бессильны рассеять летние звезды. И юноша пробирается через угрюмый, безлюдный лес; на голове его сухая соломенная шляпа, в руке чемодан, он идет быстро и все же осторожно на юг… на юг…
